

Уральский государственный университет им. А. М. Горького
Проблемная группа «Русский глагол»

РУССКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА: ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ ПАРАДИГМ

ПАМЯТИ ЭРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
1997

ББК Ш141.12-3 P892 Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.
Проект № 94—06—19729.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Игоря Ольгердовича Черкезова
и Алексея Михайловича Чемоданова.

Ответственный редактор доктор филологических наук,
профессор Л.Г.Бабенко

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор А. П. Чудинов,
доктор филологических наук, профессор Э. А. Лазарева

Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти
Эры Васильевны Кузнецовой / Под общ. ред. Л.Г.Бабенко. — Ека-
теринбург: Изд-во Урал. ун-та. 1997. — zzz с.

ISBN 5-7525-0561-5

Коллективная монография посвящена актуальным проблемам современной русистики, входившим в круг научных интересов известного лингвиста Эры Васильевны Кузнецовой. К ним относятся и вопросы пересеканности лексико-семантических, формально-грамматических, лексико-грамматических и деривационных классов русского глагола, ставшие предметом изучения в этой монографии. Специально рассматриваются в ней абстрактные, социально-обобщенные и конкретные глаголы русского языка, а также глаголы сложного действия (глаголы с включенной и совмещенной пропозицией), глаголы с включенной актантажной рамкой, глаголы-антонимы, аналитические глаголы (глагольные междометия). Отдельно исследуются глаголы и их синтаксические дериваты в специальных областях знания.

Авторы монографии — коллеги и ученики Эры Васильевны Кузнецовой. В мемуарном разделе дана летопись жизни Эры Васильевны, публикуются воспоминания о ней ученых-коллег, учеников, приводится библиографический указатель ее научных трудов.

Для лингвистов, преподавателей современного русского языка, аспирантов, студентов-филологов.

ISBN 5-7525-0561-5

© Издательство Уральского университета, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	13
Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения (вместо введения). <i>Л. Г. Бабенко</i>	18
Раздел I. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ГЛАГОЛА	30
Глава 1. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики. <i>Л. Г. Бабенко</i>	30
1. Глагол и ситуация: природа глаголов комплексной семантики ..	30
2. Семная структура глагола и семантическая структура предложения	33
3. Глаголы комплексной предикативной семантики с совмещенной пропозицией	38
4. Глаголы комплексной предикативной семантики с включенной пропозицией	40
Глава 2. Глаголы с включенной актантной рамкой. <i>А. М. Плотникова</i>	45
1. Глагол как семантически сложный лексический знак. Включенные актанты	45
2. Глаголы с включенной актантной рамкой в структуре лексико-семантического пространства русского глагола	49
2. 1. Включение актантов как семантическое явление и способ представления свернутой предикативной модели	49
2. 2. Полевая организация семантико-синтагматического комплекса «глагол — актанты»	53
2. 3. Глаголы с включенными актантами и лексико-семантические группы: пересекаемость парадигм	63
Глава 3. Абстрактные, социально-обобщенные и конкретные глаголы и их место в системе лексико-семантических групп русских глаголов. <i>Ю. В. Казарин</i>	69
1. Глаголы-идентификаторы как парадигма классифицирующего типа	69
2. К проблеме степени абстрактности и конкретности глагольной семантики	71
3. Анализ глагольной семантики в аспекте абстрактности и конкретности	73

4. Проблема сложного глагольного действия в аспекте абстрактности и конкретности	74
5. Комплексный анализ лексических значений базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов и определение степени абстрактности/конкретности глагольной семантики	78
5. 1. Типология базовых глаголов с точки зрения степени абстрактности и конкретности их семантики (с учетом экстралингвистических критериев)	78
5. 2. Специфика словарных дефиниций в аспекте категорий абстрактности и конкретности глагольной семантики	81
5. 3. Компонентный анализ семантики базовых глаголов	91
Выводы	97
Глава 4. Антонимы в составе лексико-семантических групп русских глаголов. <i>М. Л. Кусова</i>	100
1. Аспекты типологизации глагольных антонимов	100
2. Глагольные антонимы дифференциального типа и виды вариантных парадигм	103
3. Представленность антонимов категориально-лексического типа в составе ЛСГ глаголов	106
4. Антонимия лексико-грамматического типа и ЛСГ глаголов	108
5. Отрицательные антонимы в составе ЛСГ глаголов	109
6. Деривация в сфере глагольной антонимии	118
6. 1. Особенности образования глагольных антонимов	118
6. 2. Деривационный потенциал глаголов-антонимов	122
7. Отрицательные глаголы в составе различных ЛСГ глаголов	125
7. 1. Отрицательные глаголы в суперпарадигме «Действие и деятельность»	125
7. 2. Отрицательные глаголы в суперпарадигме «Бытие, состояние, качество»	132
7. 3. Отрицательные глаголы в суперпарадигме «Отношение»	133
8. Частноотрицательные глаголы в составе различных ЛСГ глаголов	136
8. 1. Частноотрицательные глаголы в суперпарадигме «Действие и деятельность»	136
8. 2. Частноотрицательные глаголы в суперпарадигме «Бытие, состояние, качество»	142
8. 3. Частноотрицательные глаголы в суперпарадигме «Отношение»	143
Выводы	145
Раздел II. ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ	147
Глава 1. Способы глагольного действия и лексико-семантические группы глаголов. <i>Т. В. Попова</i>	147

1. Способы глагольного действия и идеографическая грамматика	147
2. Спорные вопросы теории способов глагольного действия	150
3. Место способов глагольного действия среди грамматических классов русских слов	156
4. Способы глагольного действия как деривационные классы глаголов и смежные явления	158
5. Типы акционсартной семантики	163
6. Критерии выделения способов глагольного действия и акционсартной семантики	170
7. Состав способов глагольного действия: ядро и периферия	189
8. Лексико-семантическая мощность способов глагольного действия и типовая акционсартная парадигма ЛСГ глаголов	205
Глава 2. Возвратные глаголы и лексико-семантические группы русских глаголов. <i>И. М. Волчкова</i>	240
1. Возвратные глаголы, не соотносимые с невозвратными глаголами в системе ЛСГ глаголов	247
2. Возвратные глаголы, формально соотносимые с невозвратными глаголами	249
3. Возвратные глаголы, содержательно соотносимые с бесприставочными непереходными невозвратными глаголами	252
4. Префиксальные возвратные глаголы, образованные от непереходных глаголов	255
5. Префиксальные возвратные глаголы, образованные от непереходных возвратных глаголов	257
6. Возвратные глаголы, соотносимые с невозвратными глаголами с переходным значением	258
6.1. Возвратные глаголы собственно-возвратного значения	259
6.2. Возвратные глаголы взаимно-возвратного значения	264
6.3. Возвратные глаголы косвенно-возвратного залогового значения	266
6.4. Возвратные глаголы активно-безобъектного залогового значения	267
6.5. Возвратные глаголы с пассивно-качественным залоговым значением	268
6.6. Возвратные глаголы общевозвратного залогового значения	270
Выводы	278
Глава 3. Деривационные и лексико-семантические классы русских глаголов	281
1. Деривационные и лексические классы русских глаголов. <i>Т. В. Попова</i>	281
2. Лексико-семантические группы русских глаголов в деривационном освещении. <i>Т. В. Попова</i>	287

3. Словообразование и полисемия русского производного глагола	309
3. 1. Источники полисемии русского производного слова. <i>Т. В. Попова</i>	309
3. 2. Роль словообразовательной полисемии в формировании многозначности deverбативного глагола. <i>Т. В. Попова, О. Е. Мелкозерова</i>	313
4. Преобразование семной структуры значения глагола в процессе словообразования	329
4. 1. Тип мотивированности глагола и семантическое расстояние между ним и его производящим. <i>Т. В. Попова</i>	329
4. 2. Степень семантической целостности русских глагольных корней. <i>Т. В. Попова, Т. Н. Сивкова, И. Е. Миронова, Н. Н. Соболева</i>	336
Раздел III. ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ КАТЕГОРИАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ	357
Глава 1. Аналитические глаголы в современном русском языке: к вопросу о глагольных междометиях. <i>Д. Р. Шарафутдинов</i>	357
Раздел IV. ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ГЛАГОЛОВ В ТЕРМИНОЛОГИЯХ	391
Глава 1. Лексико-семантическое пространство глаголов и их синтаксических дериватов в специальных областях знания. <i>З. И. Комарова</i>	391
1. Место глаголов и их синтаксических дериватов в специальных областях знания	391
2. Семантическое взаимодействие глаголов и синтаксических дериватов в терминологическом поле процессов	395
3. Принципы понятийной классификации отраслевой терминологии и терминологического поля процессов	403
4. Принципы тематических классификаций отраслевой терминологии и терминологического поля процессов	408
5. Лексико-семантическая классификация терминологического поля процессов сельскохозяйственной отрасли	412
Литература	442
Раздел V. МЕМУАРЫ	466
<i>Ю. В. Казарин</i> . Полевской — Москва	466
Слова памяти об Эре Васильевне Кузнецовой ученых-коллег	486
Доц. <i>Л. С. Андреева</i> (г. Казань)	486
Проф. <i>Ф. С. Бацевич</i> (г. Харьков)	486
Проф. <i>Г. А. Золотова</i> (г. Москва)	487
Проф. <i>Т. А. Лисицина</i> (г. Новгород)	488
Проф. <i>С. П. Лопушанская</i> (г. Волгоград)	488
Проф. <i>Н. А. Лукьянова</i> (г. Новосибирск)	489

Доц. <i>С. Р. Омельченко</i> (г. Волгоград)	490
Воспоминания учеников	492
Проф. <i>Л. Г. Бабенко</i>	492
Доц. <i>Н. А. Боровикова</i>	495
Докторант <i>М. Л. Кусова</i>	496
Докторант <i>Т. Н. Сивкова и И. П. Сивков</i>	496
Проф. <i>А. П. Чудинов</i>	497
<i>Р. Печуркина</i> «Удержись в седле» (статья об отце Э. В. Кузнецовой)	499
<i>Ю. В. Казарин</i> . Гармония внешнего и внутреннего	504
Летопись жизни Э. В. Кузнецовой	506
Библиографический указатель научных трудов Э. В. Кузнецовой	508

TABLE OF CONTENTS

From Editor	13
Interaction of Lexis and Grammar from Paradigmatic Viewpoint (Introduction) <i>Babenko L. G.</i>	18
SECTION I. LEXICAL-AND-SEMANTIC SPACE OF RUSSIAN VERB	30
Chapter 1. Verbs of Complex Semantics with Manifold Propositions. <i>Babenko L.G.</i>	30
1. A Verb and Situation: Origin of Verbs with Complex Semantics ..	30
2. Verbal Seme Structure and Semantic Structure of Sentences	33
3. Verbs of Complex Predicative Semantics with Combined Proposition	38
4. Verbs of Complex Predicative Semantics with Implicit Proposition	40
Chapter 2. Verbs with Implicit Frame of Actants. <i>Plotnikova A. M.</i>	45
1. Semantic Complexity of Verb as a Lexical Sign. Implicit Frame of Actants	45
2. Verbs with Implicit Frame of Actants in the Structure of Lexical- and-Semantic Space of Russian Verb	49
2.1. Implication of Actants as a Semantic Phenomenon and Representation of Reduced Predicative Model	49
2.2. Field Structure of the Verb – Actants Semantic and Syntagmatic Complex	53
2.3. Verbs with Implicit Actants and Lexical-Semantic Groups: Paradigmatic Intersection	63
Chapter 3. Position of the Abstract, Socially Generalized, and Specific Russian Verbs in the System of Russian Lexical-and- Semantic Verbal Groups. <i>Kazarin Yu. V.</i>	69
1. Verbs-Identificators as a Paradigm in Taxonomy	69
2. On Degree of Abstraction and Specification of Verbal Semantics ..	71
3. Analysis of Verbal Semantics in Perspective of Abstraction and Specification	73
4. Problem of Complex Verbal Action in Perspective of Abstraction and Specification	74

5. Complex Analysis of Lexical Meanings of Basic Identifiers of Russian Lexical-and-Semantic Verbal Groups and Determination of Degree of Abstraction and Specification of Verbal Semantics.....	78
5.1. Classification of Basic Verbs by Degree of Abstraction and Specification (including extra-linguistic criteria)	78
5.2. Distinctive Traits of Dictionary Definitions in Perspective of Abstraction and Specification of Verbal Semantics	81
5.3. The Component Analysis of Semantics of Basic Verbs	91
Infers.....	97
Chapter 4. Antonyms as a Part of Russian Lexical-and-Semantic Verbal Groups (Kusova M.L.)	100
1. Aspects of Classification of Verbal Antonyms	100
2. Verbal Antonyms of Differential Type and Range of Variant Paradigms	103
3. Antonyms with Categorial and Lexical Meaning as a Part of Lexical-and-Semantic Verbal Groups (Verbal LSG).....	106
4. Antonyms with Lexical and Grammatical Meaning and Verbal LSG	108
5. Negative Antonyms as a Part of Verbal LSG.....	109
6. Derivation in the Field of Verbal Antonyms	118
6.1. Peculiarities of Derivation of Verbal Antonyms	118
6.2. Derivative Potentiality of Verbal Antonyms	122
7. Negative Verbs as a Part of Varied Verbal LSG	125
7.1. Negative Verbs in Categorial Paradigm of «Action and Activities»	125
7.2. Negative Verbs in Categorial Paradigm of «Existence, State, and Quality»	132
7.3. Negative Verbs in Categorial Paradigm of «Relation and Attitude»	133
8. Partially Negative Verbs as a Part of Varied Verbal LSG	136
8.1. Partially Negative Verbs in Categorial Paradigm of «Action and Activities»	136
8.2. Partially Negative Verbs in Categorial Paradigm of «Existence, State, and Quality»	142
8.3. Partially Negative Verbs in Categorial Paradigm of «Relation and Attitude»	143
Infers.....	145
SECTION II. INTERSECTION OF LEXICAL-AND-SEMANTIC AND LEXICAL-AND-GRAMMATICAL CLASSES	147
Chapter 1. Modes of Verbal Action and Verbal Lexical-and-Semantic Groups. <i>Popova T. V.</i>	147
1. Modes of Verbal Action and Ideographical Grammar	147
2. Vexed Questions in the Theory of Modes of Verbal Action	150

3. Modes of Verbal Action Among Grammatical Classes of Russian Vocabulary	156
4. Modes of Verbal Action as Derivative Classes of Verbs. Concomitant Phenomena	158
5. Types of the Action Semantics	163
6. Criteria for Exposure of Modes of Verbal Action and the Action Semantics	170
7. Structure of Modes of Verbal Action: Core and Periphery	189
8. Lexical-and-Semantic Potentiality of Modes of Verbal Action and the Action Paradigm of Verbal LSG	205
Chapter 2. Reflexive Verbs and Lexical-and-Semantic Groups of Russian Verbs. <i>Volchkova I.M.</i>	240
1. Reflexives, Corresponding to Irreflexive Verbs in the System of Verbal LSG	247
2. Reflexives, Formally Corresponding to Irreflexive Verbs	249
3. Reflexives, Semantically Corresponding to Non-Prefixed Intransitive Irreflexive Verbs	252
4. Prefixed Reflexives Derived from Intransitive Verbs	255
5. Prefixed Reflexives Derived from Intransitive Reflexives	257
6. Reflexives, Corresponding to Irreflexive Verbs with Transitive Meaning	258
6.1. Reflexives with Strictly Reflexive Meaning	259
6.2. Reflexives with Correlative Reflexive Meaning	264
6.3. Reflexives with Indirect Reflexive Voice Meaning	266
6.4. Reflexives with Non-Object Active Voice Meaning	267
6.5. Reflexives with Quality Passive Voice Meaning	268
6.6. Reflexives with Overall Reflexive Voice Meaning	270
Infers	278
Chapter 3. Derivative and Lexical-and-Semantic Classes of Russian Verbs	281
1. Derivative and Lexical Classes of Russian Verbs. <i>Popova T.V.</i> ..	281
2. Lexical-and-Semantic Groups of Russian Verbs from Derivative Viewpoint. <i>Popova T.V.</i>	287
3. Derivation and Polysemy of Russian Verbal Derivatives. <i>Popova T.V.</i>	309
3.1 Sources of Polysemy of Derivates. <i>Popova T.V.</i>	309
3.2. Role of Derivative Polysemy in Formation of a Polysemantic Verb. <i>Popova T.V., Melkozyorova O.E.</i>	313
4. Restructuring of Verbal Semantics in Derivation Process	329
4.1. Type of Verbal Justification and Semantic Space between the Derivate and Its Initial Form. <i>Popova T.V., Sivkova T.N.</i>	329
4.2. Degree of Semantic Integrity of Russian Verbal Roots. <i>Popova T.V., Sivkova T. N., Mironova I.E., Soboleva N.N.</i>	336

SECTION III. INTERSECTION OF CATEGORIAL-AND-GRAMMATIC VOCABULARY CLASSES	357
Analytical Verbs in Contemporary Russian Language: On the Vexed Question of Verbal Interjections. <i>Sharafutdinov D.R.</i>	357
SECTION IV. LEXICAL-AND-SEMANTIC SPACE OF VERBS AND THEIR SYNTAX DERIVATES IN SPECIFIC FIELDS OF KNOWLEDGE. <i>Komarova Z.I.</i>	391
1. Verbs and Their Syntax Derivates in Specific Fields of Knowledge	391
2. Semantic Interaction of Verbs and Their Syntax Derivates in the Terminological Field of Processes	395
3. Principles of Ideographical Classifications of the Industrial (Branch) Terminology and Terminological Field of Processes	403
4. Principles of the Subject-Bound Classifications of the Industrial (Branch) Terminology and Terminological Field of Processes	408
5. Lexical-and-Semantic Classification of Terminological Field of Processes and Terminology of Agricultural Branch	412
Bibliography	442
SECTION V. MEMOIRS	466
<i>Kazarin Yu.V. Polevskoi</i> – Moscow	466
Reminiscences of Colleagues and Scientists	486
Dr. <i>Andreeva L.S.</i> (Kazan)	486
Prof. <i>Batsevitch F.S.</i> (Kharkov)	486
Prof. <i>Zolotova G.A.</i> (Moscow)	487
Prof. <i>Lisitsina T.A.</i> (Novgorod)	488
Prof. <i>Lopushanskaya S.P.</i> (Volgograd)	488
Prof. <i>Lukyanova N.A.</i> (Novosibirsk)	489
Dr. <i>Omelchenko S.R.</i> (Volgograd)	490
Reminiscences of Students	492
Prof. <i>Babenko L.G.</i>	492
Dr. <i>Borovikova N.A.</i>	495
Dr. <i>Kusova M.L.</i>	496
Dr. <i>Sivkova T.N. & Sivkov I.P.</i>	496
Prof. <i>Chudinov A.P.</i>	497
<i>Pechurkina R.</i> To Hold Out in a Saddle (to father of E. V. Kuznetsova)	499
<i>Yu. V. Kazarin.</i> Harmony Can Be a Way of Life	504
E. V. Kuznetsova. Curriculum Vitae	506
E. V. Kuznetsova. Bibliographical Index of Scientific Works	508

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- АП — акционсартная парадигма
ВГ — возвратный глагол
ДП — дифференциальный признак
ДГР — деривационно-грамматический разряд
ДС — дифференциальная сема
КАП — акционсартная парадигма конкретного глагола
КГС — категориально-грамматическая сема
КЛС — категориально-лексическая сема
КСР — коэффициент семантического расстояния
КСЦ — коэффициент семантической целостности
ЛГР — лексико-грамматический разряд
ЛГС — лексико-грамматическая сема
ЛСВ — лексико-семантический вариант
ЛСГ — лексико-семантическая группа
НВГ — невозвратный глагол
НГ — непроезводный глагол
СГД — способ глагольного действия
с.д. — совершить действие
с.д., н.м.г. — совершить действие, названное мотивирующим глаголом
ТАП — типовая акционсартная парадигма
ТГ — тематическая группа
ФСК — функционально-семантический класс
ФСС — функционально-семантический признак

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л., 1948—1965.
ГР-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1985.
МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.
РАС — Русский ассоциативный словарь. М., 1995.
РГ — Русская грамматика: В 2 т. М., 1980.
РГ-79. Русская грамматика. Praha, 1979.
САНРЯ — Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
СО — Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984
СС ЛСГ — Словарь-справочник: Лексико-семантические группы русских глаголов. Свердловск, 1988.
ТИСРГ — Толковый-идеографический словарь русских глаголов (в печати).

ОТ РЕДАКТОРА

В феврале 1997 г. Эре Васильевне Кузнецовой исполнилось бы 70 лет. Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография посвящена ее светлой памяти.

Авторы монографии — активные участники проблемной группы «Русский глагол», которая была организована в начале семидесятых годов по инициативе Эры Васильевны Кузнецовой и включала в свой состав преподавателей, аспирантов и студентов кафедры современного русского языка Уральского государственного университета. Именно в те годы силами данной проблемной группы началось активное комплексное изучение системной организации глагольной лексики и ее лексикографическое описание. Э. В. Кузнецова разработала методику идентификации словарных значений, позволившую авторскому коллективу под ее руководством осуществить семантическую классификацию русской глагольной лексики, оформленную в виде учебного словаря-справочника «Лексико-семантические группы глаголов» (Свердловск, 1988), который пользуется заслуженным признанием филологов и имеет большую теоретическую и практическую ценность. По глагольной проблематике также была опубликована коллективная монография, вышел ряд межвузовских сборников научных трудов, были проведены конференции.

В настоящее время проблемная группа «РГ» является межвузовской, состоит из лингвистов-преподавателей различных учебных заведений г. Екатеринбурга, выпускников Уральского госуниверситета, учеников Э. В. Кузнецовой. Ядро проблемной группы составляют преподаватели, докторанты, аспиранты и студенты кафедры современного русского языка Уральского госуниверситета.

В течение последнего десятилетия (с 1988 г. и по настоящее время) основное внимание коллектива было обращено к разработке двух научных проектов «Русская глагольная лексика в свете концепции языковой картины мира» и «Новые типы словарей и их роль в сохранении национального языка и национальной культуры».

В рамках этих научных проектов написана данная монография, а также подготовлен и издан сборник статей «Глагол и имя: теория и практика лексикографии» (Екатеринбург, 1996), готовится к изданию Толковый идеографический словарь русских глаголов, сопровождаемых английскими эквивалентами, регулярно проводятся заседания теоретического семинара.

Главная научная страсть Эры Васильевны — русский глагол. Основные теоретические работы, докторская диссертация Эры Васильевны, а также кандидатские диссертации ее учеников посвящены последовательному и целеустремленному изучению уникальной семантики русского глагола и системной организации глагольной лексики в целом.

Одна из проблем, волновавших Эру Васильевну в последние годы, проблем, к которым она периодически возвращалась вновь и вновь, была проблема пересеканности классов слов: «Лексическая система — это не просто структурированная совокупность отдельных слов, а система взаимосвязанных, пересекающихся классов слов разного объема и характера. Собственно лексические классы и подклассы пересекаются между собой, а также с классами формального, грамматического, лексико-грамматического, словообразовательного характера. Большое количество классов слов, многослойность их пересечения создают особые трудности в постижении лексической системности... Современные лексикологи упорно и неизбежно приближаются к такому постижению, переходя от выявления системности в рамках отдельных групп слов к созданию общей теории системной организации словарного состава в целом. Одной из общих проблем этой теории является проблема типологии классов слов» (1989: 5). Если сегодня уже можно констатировать улучшение положения дел в области теории и типологии классов слов, то в области пересеканности групп много вопросов остается не решенными до сих пор, и проблема взаимодействия и пересечения классов слов разного статуса все определеннее выходит на первый план (см. работы В. П. Абрамова, А. А. Кретова, Т. И. Новоселовой, А. Л. Шарандина, Н. Ю. Шведовой и мн. др.).

Уточнение соотношения классов слов между собой является чрезвычайно важным и для более полного выяснения природы и сущности самих классов слов, так как, по меткому утверждению Ю. Н. Караулова, выявление отдельных групп в качестве изолированных фрагментов «представляет собой лишь известный технический прием, облегчающий анализ. Изолированные замкнутые группы — понятие чисто условное, их также не бывает, как не бывает изолированных слов» (1976).

Особую важность имеет изучение взаимодействия лексико-семантических и лексико-грамматических, категориально-грамматических группировок слов, ибо их разделение также имеет условный характер, так как «связь лексического и грамматического в слове, мера лексического и грамматического в системе языка составляет отличительный признак лексико-семантического уровня языка» (Уфимцева 1988:137), а главной чертой системы является «факт и результат

взаимодействия лексического и грамматического в границах слова» (1988: 136). Вследствие этого изолированное, принципиально раздельное изучение лексических и грамматических значений в семантике языкового знака также представляется оправданным только в качестве исследовательского приема на определенном этапе изучения семантики языковых знаков, а в идеале «при обращении к семантике исследователю приходится оперировать материалом, покрывающим практически весь словарь в грамматику» (Караулов 1987: 237).

Подход, основанный на изолированном изучении лексико-семантической и грамматической природы слова, безусловно, был необходим и имел много достоинств, но, по меткому замечанию А. Л. Шарандина, он «не позволял проникнуть в те законы, которые связывают грамматику с лексической системой, выявить функции грамматических категорий по отношению к лексической семантике, определить механизм описания лексико-грамматических классов русского глагола. В результате проблема соотношения грамматики и лексической семантики — центральная проблема современной науки о языке — не получала глубокого осмысления, часто оказываясь чисто декларируемой, не подтвержденной комплексным грамматическим исследованием» (1992: 3). Синкретизм лексики и грамматики, их нерасторжимое единство подтверждается и результатами психолингвистических экспериментов, обнаруживших, что грамматические знания в сознании человека хранятся в виде ассоциативно-вербальных сетей, в которые включены и лексические, и грамматические, и все другие знания, формирующие способность человека (см. об этом: Караулов 1992).

Глагол особенно интересен в плане исследования нерасторжимо-го единства лексических и грамматических значений, категорий и классов, так как он является, по словам Н. Ю. Шведовой, доминантой русской лексики и «не просто образует глубоко разветвленный и обширный класс слов, именующих процесс, но обнаруживает стремление к активному проникновению в сферы других классов, во многом диктуя им пути пополнения и внутренних перегруппировок» (1995: 414). Многие лингвисты отмечали тесную связь между различными категориями глагола (Виноградов 1972; Пешковский 1935; Шахматов 1941; Бацевич 1992; Золотова 1982; Шарандин 1992; Шведова 1988). Появились фундаментальные исследования взаимодействия лексики и грамматики (Слово ... 1989; Шарандин 1992). Так, авторы монографии «Слово и грамматические законы языка. Глагол» открыто формулируют в качестве основного методологического приема совмещение лексикологического и грамматического подходов к материалу. «Материал изучался в двух направлениях: от лексического класса к грамматическому и от грамматического

закона к лексическому классу» (1989: 3), при этом предметом изучения они избрали пути взаимодействия больших классов русской лексики и центральных грамматических законов языка.

Интегральное описание языка, предполагающее единство грамматики и лексики, — основа для создания будущих «активных грамматик», «активных словарей», такое описание соответствует общему направлению развития лингвистики на пороге XXI в., основной тенденцией которого является ономаσιологическое описание языковых фактов, обусловленное активной разработкой теории речевой деятельности, речевых актов, созданием словарей и грамматик нового типа: идеографических, активных, «шифрующих», коммуникативных, функциональных (В. А. Белашапкова, Г. А. Золотова, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, И. Г. Милославский, Н. О. Онипенко, А. А. Шарандин и др.). Особое место в этом ряду занимает и лексикализованная грамматика, описание в которой дается через призму лексики, а выявляемые в ней правила, нормы и законы имеют лексические ограничения и зависят от них. Данный подход, возможно, освободит грамматику от схематизма и придаст ей более корректный с точки зрения порождения и восприятия речи облик (см. об этом: Кубрякова 1995: 16).

Авторы монографии «Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм» видят главную цель исследования в раскрытии механизма взаимодействия различных по природе и статусу лексико-семантических и лексико-грамматических классов слов (межсловная парадигма), а также рассмотрения на конкретном лексическом материале закономерностей и скрытой пересекаемости классов слов на уровне семной структуры слова (внутрисловная парадигматика). Естественно, что отправной точкой исследования при этом является лексико-семантическая группа глаголов (подход от лексики — к грамматике), ибо работа по изучению системной организации русских глаголов и выявлению в их составе набора ЛСГ началась еще в семидесятые годы под руководством Э. В. Кузнецовой и является предметом рассмотрения проблемной группы уже более двадцати лет.

Эта монография написана авторским коллективом, члены которого в семидесятые годы работали под руководством Э. В. Кузнецовой над созданием словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Л. Г. Бабенко, И. М. Волчкова, М. Л. Кусова, Т. Н. Сивкова), а в течение последних лет — над Толково-идеографическим словарем русских глаголов (Л. Г. Бабенко, И. М. Волчкова, Ю. В. Казарин, М. Л. Кусова, А. М. Плотникова, Т. В. Попова, Т. Н. Сивкова). Этим во многом обусловлена и общая направленность монографии, и постановка ряда конкрет-

ных теоретических проблем, с которыми столкнулись авторы при лексикографической интерпретации глагольной семантики в толковом идеографическом словаре. К ним относятся прежде всего трудности общего распределения глаголов по ЛСГ и глаголов сложного действия, в частности, глаголов с включенной актантажной рамкой, глаголов различных способов действия, возвратных глаголов, а также трудности, связанные с описанием типовой семантики ЛСГ слов и семантики базовых идентификаторов группы. Думается, что решение этих вопросов, поставленных перед авторами лексикографической практикой, в дальнейшем будет способствовать упорядочению лексикографического описания глаголов в толковом идеографическом словаре.

Материалом наблюдения в монографии являются прежде всего данные словарей, созданных на кафедре современного русского языка: Словаря-справочника 'Лексико-семантические группы русских глаголов' (СС ЛСГ) и Толкового идеографического словаря русских глаголов (ТИСРГ, в печати). В первом из них глаголы были систематизированы по лексико-семантическим группам с учетом прежде всего их основных значений, во втором — систематизация глагольной лексики осуществлялась на уровне лексико-семантических вариантов. При этом оказались одинаково учтенными как прямые номинативные, так и производные ЛСВ, в том числе и переносные, связанные фразеологически и синтаксически.

Мы надеемся, что путь анализа (от русской глагольной лексики, систематизированной по лексико-семантическим группам, → к взаимосвязанным с ней грамматическим, категориально-грамматическим, деривационным классам слов) позволит нам обнаружить новые качества природы различных лексических парадигм, а также характер из взаимодействия между собой.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ
ПОД ПАРАДИГМАТИЧЕСКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ
(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)**

В последние годы лексикология достигла выдающихся результатов в описании системности лексики, в выявлении и описании структурно-семантической организации различных лексических множеств (Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, В. В. Морковкин, З. Д. Попова, Д. Н. Шмелев и др.). Это, в свою очередь, стало возможным благодаря тщательной разработке теории семантической и семной структуры слова (Ю. Д. Апресян, Л. М. Васильев, И. А. Стернин, Д. Н. Шмелев, А. А. Уфимцева и др.). Новое осмысление лексической семантики потребовало от исследователей необходимого инструментария, новых методов и методик, среди которых принципиально важным и плодотворным оказались компонентный метод и его составляющие: метод идентификации, дефиниционный, трансформационный и оппозитивный методы. А. А. Уфимцева считает, что анализ лексического значения слова по конфигурации его семного состава усилился непосредственно в связи с распространением компонентного описания семантики слова (1986: 28). Не все лингвисты признают этот метод, отмечая субъективизм его применения и указывая на необъективность и недостоверность словарных дефиниций в качестве основного инструмента исследования. В то же время данный метод имеет и много сторонников, которые видят его преимущества и достоинства именно в исследовании дискретности всех единиц языка, лежащих в основе их системных связей (Васильев 1985: 51; Уфимцева 1986: 14). Многие ученые выявляют эти связи, опираясь именно на словарь и прежде всего на словарные определения (Караулов 1976, 1981; Васильев 1976, 1981; Кузнецова 1975; и мн. др.). Список работ, в том числе диссертационных, выполненных с опорой на словарные дефиниции при изучении содержательной стороны слова, огромен. Авторы данной монографии также активно используют компонентный анализ при изучении лексической семантики русских глаголов, при этом привлекаются различные толковые словари (СО, МАС, СУ, ТИСПГ).

Лексическое значение отдельного слова представляет собой совокупность сем, т. е. внутрисловную парадигму, компонентами которой являются семы различного ранга. Практика системных исследований лексики обычно учитывает различный характер этих внутрисловных семантических компонентов, на основании которых современная лингвистическая наука рассматривает различные критерии объединения слов в лексические множества — парадигмы. Один из самых популярных — критерий, согласно которому лекси-

ческие множества объединяются на основе наличия в семемах в первую очередь категориально-лексической семы (архисемы, гиперсемы, тематической семы и т. п.). В то же время большая часть лексических значений — полисемные структуры, в связи с чем классификация, построенная с учетом одной категориально-грамматической семы, интуитивно избранной в качестве основания классификации, представляется односторонней.

В. Г. Касевич и В. С. Храковский, анализируя положение дел в области систематизации глагольной лексики, отметили, что «большинство, если не все эмпирические классификации глаголов, строятся на основании молчаливой презумпции, будто лексемы глаголов действительно включают только одну классификационную сему. Таков на практике подход всех тех классификаций, которые выделяют классы глаголов речи, каузативных, модальных и т. п. Однако реальное положение вещей представляет собой значительно более сложную картину... В принципе более адекватна многопризнаковая классификация, в которой каждый глагол характеризуется по всем свойственным ему семам с учетом их ранжирования в семантике лексемы. Однако многопризнаковые классификации — дело будущего, поскольку пока еще недостаточно исследованы состав и ранжирование сем в лексемах глаголов, к тому же не вполне ясны и сами признаки классификации такого рода» (1983: 19). Думается, что и сейчас, по прошествии более десяти лет после суждения, высказанного В. Г. Касевичем и В. С. Храковским, положение дел существенно не изменилось и задача множественной классификации глаголов как полисемных слов представляется по-прежнему актуальной.

Семная семасиология и сегодня характеризуется обилием многообразных позиций и подходов к описанию семной структуры слова. По утверждению А. А. Уфимцевой, «разнообразие работ в этом ряду так велико, что нет никакой возможности хотя бы приближенно перечислить их. При общности применяемого их авторами, казалось бы, одного и того же исследовательского приема — анализа смыслового содержания слова по компонентам — различие в понимании самого объекта (слова и его значения), материала и целей исследования обусловило бесконечные вариации работ в этом направлении» (Уфимцева 1986: 28). Соглашаясь в целом с этой оценкой положения дел в семной семасиологии, можно отметить разную степень разработки отдельных проблем. Так, общепризнанными сегодня являются представления о структурном характере семемы (семема — система сем, иерархически организованных), ее полевой модели, предполагающей ядерный и периферийный компоненты, о наличии макрокомпонентов в структуре значения (денотация и коннотация) .

Споры и дискуссии связаны, во-первых, с осмыслением содержания и объема денотации и коннотации, во-вторых, с типологией и классификацией сем. Второй аспект, связанный с вариантами структурного представления лексического значения, является принципиальным для данного монографического исследования. Оценивая положение дел в изучении микрокомпонентов лексического значения, Ю. Н. Караулов отметил, что «для обозначения понятия «семантические множители» в рамках разных моделей описания языковой семантики используются различные термины — семантические компоненты, дифференциальные семантические признаки, семы, семантические маркеры, семантические классификаторы, лексические функции, элементарные значения. Не будучи тождественными друг другу, эти термины обладают общими существенными чертами, которые и позволяют — при рассмотрении их под определенным углом зрения — поставить между ними знак равенства и говорить об одном агрегированном понятии «семантический множитель» (1980: 4). Вслед за Ю. Н. Карауловым под семантическим множителем мы также понимаем однозначные слова, использованные в правой части толкового словаря (1980: 6).

Что касается типологии микрокомпонентов лексического значения, она не отличается единообразием. На сегодня имеется огромное число в чем-то пересекающихся, а в чем-то и не сходных классификаций внутрисловных семантических признаков (сем) (Арнольд 1979; Васильев 1981, 1982, 1985; Гак 1971, 1976, 1977; Никитин 1974, 1988; Стернин 1985; Шмелев 1964, 1974 и мн. др.). Все эти классификации выполняются обычно на разных основаниях и соответственно терминологически не совпадают.

Для нашего исследования принципиально важным является признание иерархического характера семной структуры слова, в вершине которой находятся семы категориально-грамматического характера, последовательно уточняемые лексико-грамматическими, категориально-лексическими и дифференциальными семами. Каждая из них может быть основанием классификационных исследований, что объясняет и множественность парадигм.

В языке традиционно выделяют «четыре основных типа парадигматических отношений между единицами языка: отношение полного различия, отношение полного тождества, отношения включения и отношения пересечения» (Васильев 1985:29), главными при этом, образующими структурный каркас языка, считаются отношения включения и пересечения (там же). При этом считается, что «парадигматическими отношениями связываются единицы одного и того же (и только одного!) уровня на основании их сходства по тем или иным признакам. Чаще всего это общность компонентов, содер-

жащихся в форме или содержании единиц. Естественно, что реальные основания сходства различных единиц различны, но законы парадигматики едины» (Кузнецова 1983:43). Таким образом, утверждается такое свойство парадигматических группировок слов, как универсальность их устройства. В силу этого в настоящее время само понятие парадигмы стало универсальным и применяется в различных областях научного знания вообще и в различных разделах лингвистики в частности. Как отмечает Т. В. Шмелева, «наименования парадигмы у разных авторов сами составляют парадигму, которую следует привести полностью: кроме наименования «парадигма» в нее входят — ряд, набор, пара, цепь, гнездо, серия, группа, класс, поле, семья, тип, категория, система, пучок, объединения, звенья и гроздь... разумеется, что построить типологию парадигм, анализируя только их наименования, нельзя: во множественности терминов виден лишь симптом множественности типов» (1987: 6). Как видим, автор констатирует не только множественность определений понятия парадигмы, но и отмечает объективное наличие множественности парадигм, которое в свою очередь обусловлено самой природой слова как двусторонней единицы, обеими своими сторонами (и формальной и смысловой) вступающими в парадигматические отношения. Кроме того, дискретность плана содержания и плана выражения слова (как мы уже отметили выше) в свою очередь порождают увеличение парадигматических связей слова и, соответственно, парадигматических группировок слов.

В данной монографии глагольная лексика рассматривается под парадигматическим углом зрения, вследствие чего представляется необходимым разобраться как в типологии парадигм, так и в основаниях их выделения и описания.

Прежде всего следует отметить, что любая лексическая парадигма основана на вариативности как основной форме проявления отношения между общим и частным. По утверждению Н. Ю. Шведовой, «в сфере внутреннего строения лексического класса вариативность как отношение между инвариантом и его множественными вариантами играет структурную организующую роль: ею определяется само строение всего лексического класса. Эта вариативность — слагаемое системы: она структурно значима, без нее нет самой системы» (1989:165). Выделяя при этом пять видов вариативности применительно к лексической системе, Н. Ю. Шведова на первое место ставит «вариативность как слагаемое системы, т. е. структурно значимую вариативность» (1989: 167).

Именно вариативность обуславливает наличие двух типов парадигм в зависимости от компонента-инварианта: внутрисловную парадигму как набор вариантов одного слова, где инвариант — основ-

ное значение (для лексико-семантических парадигм), и межсловную парадигму как множество слов, где инвариант — базовое слово (слово-идентификатор с наиболее общим значением).

Возникает вопрос, можно ли усматривать отношения производности в лексико-семантических группировках слов? Думается, что эти отношения действительно являются существенной характеристикой данных группировок, ибо семантика базового глагола-идентификатора включена в семантику всех членов ЛСГ слов, она с ними семантически связана и составляет основу семантической мотивированности, производности. В ТИСРГ мы попытались это отразить при семантизации глаголов-членов ЛСГ: для всех групп глаголов была дана типовая семантика, были выделены глаголы-идентификаторы, которые включались в словарную дефиницию каждого глагола в качестве основных репрезентантов семантики лексического класса. Например, базовым глаголом ЛСГ глаголов прикосновения является глагол *касаться*, несов. (*коснуться*, сов.). Типовая семантика класса: 'касаться (коснуться) кого-, чего-л., ухватившись за кого-л., что-л., задевая чем-л., за кого-, что-л.' Образцы словарных статей: *Гладить*, несов. (сов. *погладить*), что. 'Касаться (коснуться) чего-л., чем-л. (рукой, горячим утюгом и под.), делая ровным, немятым, без выступов, впадин, шерховатостей'; *Лизать*, несов., что. 'Касаться кого-, чего-л., проводя языком по чему-л., скользя им по поверхности чего-л.'; *Обнимать*, несов. (сов. *обнять*), кого-что. 'Касаться (коснуться) кого-, чего-л., охватывая руками и прижимая к себе, обычно при выражении ласки, нежности' и т. п.

Можно вполне согласиться с А. А. Шарандиным, утверждавшим, что «понятие «парадигма» и «деривационные отношения» оказываются в определенном смысле взаимосвязанными, поскольку элементы парадигм могут быть формально исчислены в плане исходности (первичности) и неисходности (вторичности, производности). Однако характер противопоставления и соответственно деривационных отношений в различных типах парадигм имеет свою специфику» (1992: 11).

Если рассматривать лексико-семантические парадигмы в деривационном аспекте, главным становится вопрос об инварианте лексического множества слов. Таковым, по общепринятому мнению, становится слово-идентификатор, нейтральное по употреблению, наиболее общее по значению, выражающее идею тематического ряда, являющееся его доминантой. Что касается словесных обозначений, тут нет единообразия: базовое слово, семантический инвариант, идентификатор, опорное слово, тематическое слово и др. (Балли 1961: 396; Караулов 1976: 215; Кузнецова 1982, 1984; Сентенберг 1984: 66; Смолина 1988: 221; Уфимцева 1988: 140; Черняк 1989:

33). При наблюдающемся разбросе наименований инварианта парадигмы, наблюдается единство взглядов на его парадигмообразующую функцию. Анализируя роль опорного слова в многочисленных синонимических рядах, В. Д. Черняк показывает, что именно оно «объединяет, «держит» всю лексическую парадигму. Во многих случаях члены синонимического ряда воспринимаются как компоненты целостной парадигмы лишь в соотношении с опорным словом» (1989: 33).

Основной точкой отсчета данной монографии является лексико-семантическая группа слов как парадигма, которая с учетом рассмотренных выше свойств очень точно определяется И. В. Сентенберг в качестве «целостного, незакрытого и способного к развитию множества слов или их лексико-семантических вариантов, объединенных вокруг доминанты общностью лексического значения, упорядоченных отношением семантической производности, и служащее целям дифференцированной номинации» (1984: 61). Данный тип парадигм интересует нас в связи с другими лексическими группировками, множество которых обусловлено парадигмообразующими потенциями формальных и смысловых элементов слова, которые, по меткому определению Т. В. Шмелевой, могут быть своеобразной магнетической точкой: «Для существования парадигмы необходима хотя бы одна такая магнетическая точка, однако их может быть и несколько — тогда парадигма окажется в двух рубриках типологии, что не представляется противоречием, а видится существенной типологической характеристикой нескольких парадигм» (1987: 7). Нам хочется еще раз подчеркнуть множественность, пересекаемость парадигматических связей как еще одно существенное свойство языковых парадигм.

Как мы уже отмечали, лексико-семантические парадигмы разграничиваются на межсловные и внутрисловные с учетом характера составляющих их элементов (семы или семемы), которые при этом строятся на одних и тех же принципах. Это парадигмы вариантного типа, в которых есть семантический инвариант и варьирующие компоненты (слово-идентификатор — и рядовые члены ЛСГ слов в межсловных группировках, основной ЛСВ — и неосновные ЛСВ во внутрисловной парадигме).

Наряду с вариантными, выделяются парадигмы классифицирующего типа (Солнцев 1972; Кузнецова 1983; Шмелева 1987), элементы которых являются равноправными по значимости между собой, при этом они выполняют классифицирующую функцию в составе парадигм более высокого ранга, т. е. в иерархии парадигм единиц одного уровня. Например, во всей глагольной лексике совокупность глаголов-идентификаторов, организующих все множество

глагольных ЛСГ, представляет парадигму классифицирующего типа. В нее включаются глаголы типа *двигаться, перемещаться, помещать, покрыть, открыть, бить, повреждать, избавлять, соединять* и под. Внутри одной ЛСГ глаголы-идентификаторы семантических подгрупп также составляют парадигму классифицирующего типа. Например, в ЛСГ речевой деятельности ее составляют глаголы *произносить* (подгруппа характеризованной речевой деятельности), *сообщать* (подгруппа речевого сообщения), *высказывать, обращаться, разговаривать* (подгруппа речевого общения), *называть* (подгруппа глаголов обращения) и т. д.

Еще один аспект типологического описания парадигм — количественный состав элементов парадигмы и их лексико-грамматический характер. В этом аспекте выделяются парадигмы, различающиеся по объему (объемно-параметрическая характеристика).

Рассуждая о принципах и методах выделения объема семантических группировок слов, Э. В. Кузнецова писала, что лексическая система «состоит из явлений, склонных к взаимопереходам и взаимопроникновению. Этим прежде всего объясняется возможность различного определения объема семантических групп. Конкретно — здесь могут действовать факторы объективного и субъективного характера» (1979: 10; см. также: Новиков 1982: 62; Шмелев 1973: 20—21 и др.).

В настоящее время по отношению к парадигмам большого объема и сложной структуры применяются термины «сверхпарадигма» (Кузнецова 1983: 44; Солнцев 1972: 11), «суперпарадигма» (Богданов 1977: 18; Левицкий 1988: 72; Уфимцева 1988: 138—139), «сложная парадигма», «парадигма парадигм» (Евгеньева 1972: 6). В первом случае под сверхпарадигмой имеется в виду вся совокупность единиц одного уровня, или, по терминологии В. М. Солнцева, «уровневые объединения единиц» (1972: 11). В остальных случаях под суперпарадигмой (парадигмой парадигм, сложной парадигмой) понимается совокупность парадигм одной лексико-семантической области, т. е. система определенным образом взаимосвязанных частных лексических множеств («парадигма парадигм»).

Главное отличие суперпарадигмы от других лексических группировок (частных парадигм) обнаруживается в природе элементов, составляющих парадигму, в характере их связи между собой и в особенностях идентификатора. Суперпарадигма состоит из микрокомпонентов — частных лексических парадигм, связанных экстралингвистически: общностью отображаемых денотатов. В основе ее структурной организации лежит семантический суперклассификатор, по терминологии Е. М. Вольф. Идентификатор суперпарадигмы — логическое понятие, обобщенно передающее сущность ото-

бражаемой типовой ситуации. Вот как объясняет сущность функциональных подсистем в лексической системе языка Л. А. Новиков: «Лексическая система языка — и это еще одна из ее характерных особенностей — как бы распадается на относительно самостоятельные, «самоорганизующиеся» функциональные подсистемы, которые определяются типовыми (тематически ограниченными) ситуациями» (1982: 62). Элементы частных лексических парадигм (в первую очередь ЛСГ слов) — слова, связанные между собой интралингвистически: внутриязыковыми отношениями на базе определенного идентификатора какого-л. семантического компонента лексического значения, избранного основанием парадигматического описания.

В современной лингвистике активно разрабатывается полевая модель организации лексических парадигм. В русской лингвистике основная заслуга в разработке понятия поля и структуриации словарного состава языков по семантическим полям принадлежит Н. А. Караулову (1976а, 1976б, 1981). Семантические поля — это компоненты языковой картины мира, они представляют собой «лексико-семантические группировки (парадигмы), структуры конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия» (Уфимцева 1988: 138). В этой характеристике семантического поля подчеркивается мысль о том, что лексико-семантическое поле — совокупность парадигм. Подобное осмысление лексико-семантического поля как системы взаимосвязанных лексических множеств разного ранга («парадигмы парадигм») является достаточно распространенным в научной литературе. Так, например, в концепции В. В. Богданова лексическое поле «рассматривается как сложная иерархия суперпарадигмы (исходное членение лексики до уровня темы), множества тематических парадигм различных ступеней членения. В семантическом поле любого типа смысловые различия между словами не всегда выявлены, так что поле рассматривается как наметка для парадигмы, своего рода предпарадигма» (1977: 18; см. также: Левицкий 1988: 72; Уфимцева 1988: 138—139). Главное отличие лексико-семантического поля (суперпарадигмы) от других лексических группировок (парадигм) обнаруживается в характере связи единиц этих парадигм и в особенностях идентификатора. Эти различия убедительно раскрыл В. В. Левицкий. Так, по его мнению, «элементы семантического поля объединены прежде всего общностью внеязыковых связей и отношений» (Левицкий 1988: 69), а идентификатор поля «находится всегда вне поля и, как правило, представляет собой не слово, а словосочетание (словообразование), обозначающее родовое понятие, по отношению к которому все члены поля являются видовыми понятиями» (1988: 70). Элементы лексических парадигм (ЛСГ слов, синонимических и антонимических ря-

дов) связаны прежде всего внутриязыковыми отношениями на базе определенного семантического компонента лексического значения.

Полевой принцип предполагает прежде всего выделение ядра и периферии исследуемого множества языковых средств. Считается, что ядро включает, во-первых, языковые средства, специализированные для выражения определенных категориальных значений, во-вторых, языковые средства, в плане содержания максимально воплощающие эти значения, в-третьих, наиболее употребительные языковые средства.

Итак, в основе классификации парадигм разграничиваются, во-первых, парадигмы межсловные и внутрисловные, во-вторых, парадигмы формальные, формально-смысловые и смысловые, в-третьих, парадигмы классифицирующего и вариантного типа, в-четвертых, сверхпарадигмы, суперпарадигмы, парадигмы и подпарадигмы. При описании структуры парадигмы используется принцип поля.

Система парадигм не является жесткой, границы парадигм открыты, подвижны, что является основанием их взаимосвязи. По словам Н. И. Толстого, именно через периферию поля «может быть установлена связь разных полей, которые в общем не примыкают, а перекрещиваются и входят друг в друга, что придает лексико-семантической системе языка не только прочную внутреннюю спаянность, но и известную мобильность и гибкость» (1968: 345). Основанием разнонаправленной пересекаемости лексических парадигм служит то, что «как элементы лексико-семантических групп слова являются носителями всего объема их значений, который складывается из комплекса грамматических, лексико-грамматических, категориально-лексических, дифференциальных и даже потенциальных сем» (Кузнецова 1983: 52). Следовательно, пересекаемость может обнаруживаться на основе различных категорий: грамматических, лексико-грамматических и т. д.

Природа слова также противодействует поляризации различных типов парадигм. Так, все исследователи лексико-семантических групп, выделенных на основе семантического инварианта, обязательно отмечают сходные деривационные, морфологические и синтаксические свойства членов этих групп. И наоборот: парадигмы лексико-грамматического типа имеют бесспорное семантическое сходство. Как верно подметил А. Л. Шарандин, «лексико-грамматические классы (разряды) русских глаголов, выделенные на основе состава парадигм грамматических категорий, представляют собой по существу лексико-семантические классы, описанные через грамматизированный семантический идентификатор, который выражен определенной грамматической формой» (1992: 7). Другими словами, между парадигмами различного ранга (прежде всего между лек-

сико-семантическими и лексико-грамматическими) есть много общего, а различия обусловлены задачами научного описания, его логикой: ведется ли оно с позиций лексики или грамматики. В то же время вызывает возражение мнение А. Л. Шарандина относительно места ЛСГ слов в системе глагольных парадигм. Он утверждает, что «иерархия классов слов, отражающая построение лексики по принципу «множество — подмножество», исключает выделение ЛСГ в качестве первичных элементов внутриглагольной классификации, ибо они взаимосвязаны в системе классов либо с лексико-грамматическими разрядами, либо с синонимическими рядами, и вследствие этого не могут быть началом классификации» (1992: 15). Вероятно, они действительно не могут быть началом классификации как и любая другая парадигма, изъятая из системы парадигм, но, безусловно, ЛСГ слов может быть точкой отсчета, основанием для сопоставления ее с другими лексическими множествами иной лексико-грамматической природы, т. к. именно «ЛСГ слов часто находятся в отношениях пересечения с лексико-грамматическими разрядами, особенно в сфере глагола» (Кузнецова 1989: 8). Это объясняется и тем, что, по мнению Т. В. Шмелевой, ЛСГ наиболее свободны в формальном отношении, т. к. «при их объединении не принимаются в расчет никакие формальные ограничения» (1987: 11), вследствие чего они «имеют сложную внутреннюю структуру, образуемую пересечением парадигматических линий ЛСГ разного объема, радиуса действия и степени сложности со смысловыми отношениями гипонимии, конверсии, антонимии, синонимии» (1987: 12).

Классификационная работа по типологии парадигм позволяет решать вопросы их взаимосвязи и соотносительности. Еще одним доказательством перспективности избранной нами логики анализа пересеканности глагольных парадигм (от ЛСГ слов → к грамматическим и лексико-грамматическим классам) является то, что именно «лексико-семантические группы являются принципиально пересекающимися классами слов, и в этом заключается одно из важных отличий ЛСГ от частей речи» (Кузнецова 1983: 51), которые, по мнению Э. В. Кузнецовой, «представляют собой классы слов непересекающегося или почти непересекающегося типа. Пересечение их возможно частично за счет гибридных форм типа причастий или за счет процессов перехода слов из одной части речи в другую» (там же).

Итак, пересеканность — существенный принцип организации лексической системы, который обычно проявляется в наличии формальных, формально-смысловых и смысловых связей между лексическими парадигмами и охватывает лексические группировки, связанные отношениями пересечения и включения, составляющими эквиополентную или привативную оппозицию.

Экстралингвистическим основанием пересекаемости лексических парадигм является внутренняя подвижность самой картины мира, которая представляет собой «диалектическое единство статики и динамики, стабильности и изменчивости» (Постовалова 1988: 49). Этот парадокс единства устойчивости/неустойчивости отражается в лексике в существовании динамики семантических связей между различными лексическими группировками слов. Явление лексической пересекаемости обусловлено и интралингвистически — сложностью семной и семевой структуры слова. Семная структура включает семы разного статуса: категориально-грамматические, категориально-семантические, категориально-лексические, дифференциально-лексические. Пересекаемость лексики осуществляется на основе любой из этих сем.

Кроме того, пересекаемость в составе внутрисловных лексических парадигм особенно активно осуществляется в процессе развития многозначности и проявляется на уровне ЛСВ одного слова. Этот тип пересекаемости, в свою очередь, порождает динамику словарного состава ЛСГ, который характеризуется подвижностью, обусловленной наличием центростремительных и центробежных сил в ЛСГ слов. Проявление этих устремлений уникально в каждой отдельной ЛСГ. Например, глаголы ЛСГ движения и конкретного физического действия незначительно пополняются за счет вторичных номинаций, хотя сами активно пополняют другие ЛСГ слов. Так, лексика эмоциональной деятельности обогащается глаголами именно этих семантических группировок, а также глаголами с семантикой уничтожения, разрушения, физиологического состояния, болезни, отделения, разделения, температурных характеристик и др.

Размышляя о типах взаимодействия лексических группировок между собой, Н. Ю. Шведова отмечает «2 вида взаимодействия: внутригрупповое, которое осуществляется в случае взаимодействия микрогрупп в составе более общей группы, межгрупповые, осуществляемые между разными лексическими организациями, входящими в класс глаголов в целом» (1989: 41).

Именно эти два типа пересекаемости связаны с изучением центростремительных и центробежных сил, с развитием многозначности и больше всего изучены в лексикологии. Думается, что к этим двум надо еще добавить и третий тип взаимодействия между лексическими парадигмами глаголов разного ранга, например, между ЛСГ и ЛГР, ЛСГ и деривационными парадигмами. Именно этот тип взаимодействия нас интересует в первую очередь. Предметом сопоставления при этом будет категориально-лексическая, лексико-грамматическая и деривационная семантика.

Вся парадигматика в целом обусловлена свойством неоднородности языковых единиц. Образование разных по свойствам лексических классов, неоднородность их объясняется именно этими существенными качествами языка (Кузнецова 1983; Новиков 1982; Солнцев 1972 и др.) В свою очередь, с неоднородностью языковых единиц тесно связана иерархичность, а вместе оба эти свойства языка упорядочивают сложность языковой системы, а парадигматические группировки существуют как целостные образования, предназначенные для выполнения определенных функций благодаря способу иерархического согласования.

Именно иерархичность — самое общее внутреннее качество языка — является одним из основных принципов связи частных парадигм, например, ЛСГ глаголов, в единую целостность — суперпарадигму русской глагольной лексики. Основанием этого является неоднородность частных парадигм внутри парадигматических блоков.

На основе принципов иерархии и дополнительности парадигм связаны и другие частные парадигмы внутри суперпарадигмы русской глагольной лексики: категориально-грамматические, лексико-грамматические, деривационные, категориально-лексические. При этом роль этих принципов в организации различных частных парадигм неодинакова. Основная исследовательская часть монографии «Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм» — описание неоднородных по природе лексических парадигм в их соотносительности и взаимодействии с учетом разнонаправленных связей, обусловленных лексико-грамматической природой самих парадигм. В соотносительности с ЛСГ глаголов рассматриваются, с одной стороны, иные по природе семантические группировки глаголов (абстрактные, социально-обобщенные и конкретные глаголы, глаголы-антонимы, глаголы сложного действия и глаголы с включенной актантной рамкой), с другой стороны — категориально-грамматические и лексико-грамматические глагольные классы (способы действия, возвратные глаголы, деривационные классы глаголов и др.).

РАЗДЕЛ I. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ГЛАГОЛА

ГЛАВА 1. ГЛАГОЛЫ КОМПЛЕКСНОЙ ПОЛИПРОПОЗИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

ГЛАГОЛ И СИТУАЦИЯ: ПРИРОДА ГЛАГОЛОВ КОМПЛЕКСНОЙ СЕМАНТИКИ

Множественность лексико-семантических классификаций глагольных классов обусловлена уникальностью семантики глагола. Общеизвестно, что денотат глагола — ситуация, глагол является «как бы концентрированным выражением целой ситуации» (Шмелев 1976: 10), в состав которой входят субстанции с их признаками и процессы с их характеристиками (Гак 1973: 359; см. также: Васильев 1981, Гайсина 1980, Кубрякова 1978, Кузнецова 1987, Уфимцева 1986 и др.). Ориентация глагола на отображение ситуации мотивирует то, что семантика глагольного слова не элементарна, а комплексна, она, как пишет А. А. Уфимцева, действительно отображает минимальные дискретные кусочки действительности, приближающиеся к элементарным событиям и ситуациям, но чаще обозначаемое глаголом явление, в отличие от имени, бывает сложным признаком. На примере английского глагола *to church* А. А. Уфимцева показывает способность глагольного наименования обозначать одним словом совокупность последовательных ситуаций, развернутых событий (1986: 138). Таким образом, если допустить, что денотатом глагола является ситуация, то надо иметь в виду, что это не обязательно одна элементарная ситуация, она может быть и сложной, комплексной. Ср.: *сказать и оскорбить*.

Это обусловлено тем, что в реальной действительности в целом и в сфере человеческой деятельности в отношении отдельные акты, состояния, поступки, действия органически связаны друг с другом, взаимодействуют, а язык располагает достаточно богатым набором средств для выражения этих связей, в первую очередь грамматических: морфологических и синтаксических. Но наряду с этими средствами, достаточно хорошо изученными, в словаре существуют функционально однотипные с ними лексические средства выражения взаимосвязанных ситуаций. К ним относятся прежде всего глаголы. В связи с этим А. А. Уфимцева в качестве обязательного компонента глагольного наименования называет «ракурс логико-семантических связей обозначаемых признаков и предметов как они складыва-

ются в предметном или идеализируемом (отображенном в языке) мирах» (1986: 142).

Именно этот семантический компонент глагольного наименования (ракурс логико-семантических отношений) отличает глагол от имени, является его существенной семиологической чертой, на что обращали внимание разные ученые, в частности, Э. В. Кузнецова: «Если имя существительное необходимо для вычленения и обозначения дискретных фрагментов действительности, то глагол — это прежде всего средство обозначения связей и отношений — действительных, пространственных, временных» (1983: 3; а также: Кубрякова 1978: 101; Глейбман 1983: 3; Мартине 1965: 50, 450 и др.).

Эта особенность семантики глагола, обусловленная комплексным характером отображаемых ситуаций, объясняет особые трудности классификации глагольной лексики, которые отмечаются всеми исследователями. При этом во всем множестве русских глаголов выделяется группа слов, ориентированная на отображение сложного денотата — комплекса ситуаций. Эти глаголы пока не получили однозначного терминологического обозначения, их называют по-разному: глаголы сложного действия (Кузнецова, Ремчукова); глаголы с осложненным (сочлененным, слитным) значением (Шведова); глаголы с комплексной семантикой (Маслов 1974: 73); глаголы переходных классов (Чейф 1975: 117–120; Гайсина 1980: 18). При этом утверждается, что «что глаголы с неосложненным значением составляют меньшую группу по сравнению с осложненными» (Шведова 1989: 50). Ю. В. Казарин (см. гл. 3) вообще считает, что почти все конкретные глаголы относятся к глаголам сложного действия.

Многочисленные терминообозначения подобных глаголов подчеркивают разные аспекты устройства их семантики. Так, обозначение их как глаголов сложного действия построено на ономаσιологическом основании и обращает внимание в первую очередь на характер отображаемой ситуации. В случае, когда используется обозначение их как глаголов переходных классов, акцентируется их принадлежность к разным классам слов, зависящая от типа семы, избранной в качестве классификационного принципа (системно-семаσιологическое основание). В этом случае в их состав включаются прежде всего глаголы, занимающие зоны переходности между различными лексико-семантическими группировками. Например, Р. М. Гайсина, анализируя поле отношения в русском языке, отметила, что «границы между глаголами действия, состояния и отношения (как и между статистическими и динамическими глаголами) не резкие, не абсолютные, эти классы глаголов как бы накладываются друг на друга, создавая промежуточные, переходные классы слов, так что границы между ними взаимно сдвинуты в пределах

соседних классов» (1980: 18). Следствием этого, по мнению Р. М. Гайсиной, является то, что «переходные классы могут быть отнесены к любой из накладывающихся групп — это зависит от того, какая из сочетающихся сем положена в основу классификации» (1980: 18).

Таким образом, природа глаголов комплексной семантики — еще одна причина пересекаемости классов слов, при этом наблюдаемая пересекаемость осуществляется на уровне сем разного ранга. Так, многие ученые отмечают наличие переходных классов слов в составе суперпарадигм типа «Действие», «Состояние», «Отношение», выделенных на основе суперклассификаторов (Гайсина 1982, Маслов, Уфимцева, Шведова, Чейф) в составе лексико-семантических групп, выделенных на основе категориально-лексической семантики. Так, например, глаголы речевого воздействия типа *оскорбить*, *хвалить* и под., глаголы речевой характеризованной деятельности типа *пробурчать*, *ворковать* и др. можно одновременно отнести и к глаголам речевой деятельности, и к глаголам выражения эмоционального состояния, и к глаголам эмоционального воздействия.

В тех случаях, когда используются термины «сочлененные, слитные значения» (семасиологическое основание) основное внимание уделяется соединению значений в семной структуре слова. При этом элементами сочленения могут быть семы разного статуса, что убедительно показала Н. Ю. Шведова в исследовании, посвященном бытийным глаголам русского языка. В частности, она отметила многочисленные случаи сочленения глаголов бытия с глаголами действия и состояния (уровень сочленения суперклассификаторов), глаголов со значением бытия и значений появления, становления, начала и под. (уровень сочленения суперклассификатора и сем лексико-грамматического характера), глаголов бытия с глаголами движения, положения в пространстве, интеллектуального, физического и физиологического состояния (уровень сочленения суперклассификатора и сем категориально-лексического характера). При этом Н. Ю. Шведова отметила наличие определенных закономерностей в подобном соединении разных категориально-лексических значений внутри лексического значения глагола, так как «способы глагольного представления бытия как состояния, ассоциируемого с другим состоянием или действием, не бесконечны: они исчислимы и поддаются собственно языковым характеристикам» (1989: 125).

Итак, можно уверенно говорить о наличии в русской глагольной лексике слов разной степени семантической сложности. Н. Ю. Шведова, анализируя сочлененные значения в группе глаголов, называющих возникновение (начало) бытия, замечает: «Эта сочлененность может быть или простой, самоочевидной, и поэтому

в анализе легко обнаруживаемой, или более сложной, органической, переходящей в слитность значений» (1989: 50).

Представляется необходимым и важным осуществить специальное исследование степеней слитности категориально-лексических значений и выявить типовые модели их сочленения.

Подобный анализ требует, с одной стороны, обращения к выявлению основных понятий и категорий семной семасиологии (семасиологический аспект), а, с другой стороны, требует иметь в виду интерпретативную сущность слова (Лосев 1982: 13; Бондарко 1978:5; Сентенберг 1984: 7); мотивирующую возможность многообразных лексических способов интерпретации действительности, когда «имеет место выдвижение на первый план познавательного и коммуникативно значимых признаков называемого явления. Все другие признаки отодвигаются на задний план, подчиняясь главным. Они дифференцируют информационный потенциал значения» (Сентенберг 1984: 7). В этом отношении нас будут интересовать прежде всего способы глубинного лексического кодирования взаимодействия ситуаций, их сопряжения в лексической семантике глагола, а также те компоненты в семной структуре лексического значения глагола, которые репрезентируют идею типовой ситуации. Именно наличие в семной структуре глагола подобного семантического компонента — носителя идеи ситуации — является причиной традиционного рассмотрения глагола в синтаксическом аспекте как свернутого предложения, как аналога, макета предложения, как маленькой драмы и пр.

2. СЕМНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Словарные дефиниции большей части лексики сближаются благодаря общему содержанию, имеющемуся в них. А. А. Уфимцева очень удачно, на наш взгляд, называет «эту интегративную по сущности и трансформированную по форме выражения общую для целого ряда единиц сущностную часть словарной дефиниции — идентифицирующим предикатом» (1986: 207). Еще раньше идею о предикативном характере категориально-лексической семы высказал Ю. Н. Караулов, рассматривавший соответствие между компонентным составом, или семным наполнением лексем, и реализуемой этой лексемой структурной схемой предложения. Он заметил, что «сами семы, обнаруживающие эквивалентность целой синтаксической конструкции, на глубинном уровне выступают в качестве предикатов» (1981: 338). Л. М. Васильев также видит сходство семной структуры слова с семантической структурой предложения (пропозицией) в иерархичности семемы, в существовании доминирующих и подчиненных компонентов в ее структуре» (1985: 40).

Итак, рассматривая семную структуру глагола, ученые единодушно относительно предикатного характера категориально-лексической семы, а также соотносительности семной структуры глагола и пропозиции. При этом подчеркиваются следующие существенные свойства категориально-лексической семы: 1) идентифицирующая функция в составе лексических парадигм, 2) предикативная семантика, ориентированная на отображение ситуации, 3) способность быть ядром пропозиции.

В лексическом значении глагола семы функционально распределяются относительно элементов отображаемой ситуации. Как отметила Р. М. Гайсина, они «могут быть двух типов: субстанциональные (предметные) и несубстанциональные» (1980: 15). Последние, по ее утверждению, определяют значение глагола, так как именно они выражают идею ситуации и ее характеристики. В их ряду особое место занимает категориально-лексическая сема (КЛС). Существуют определенные трудности в описании КЛС, одна из которых, отмеченная Э. В. Кузнецовой, «ненаблюдаемый, скрытый характер категориально-лексических сем, лежащих в основе лексико-семантических групп слов. В этих условиях основным инструментом исследования нередко оказывается интуиция» (1989: 20). С этим качеством КЛС сталкиваются лексикографы, стремящиеся «поймать суть» категориально-лексической семантики и точно отразить ее в словарном определении. Не случайно в разных словарях одни и те же глаголы семантизируются неодинаково. Разнобой особенно очевиден при лексикографической интерпретации глаголов комплексной семантики. Например: *агитировать* 'убеждать в чем-л.' (МАС): 'Пропагандировать свои взгляды, распространяя какие-л. идеи, учения, стремясь приобрести сторонников, занимаясь устной и печатной деятельностью' (ТИСРГ); *караулить* 'сторожить, охранять что-л.' (МАС); 'Заниматься охраной какого-л. имущества, внимательно следя за кем-, чем-л. с целью сохранения, сбережения, защиты от чьих-л. нападений, посягательств, враждебных действий' (ТИСРГ).

Вторая трудность заключается в том, что один и тот же семантический компонент может занимать различные позиции в семной структуре слова, скользить в ней. Это точно подметил Л. М. Васильев: «одни и те же компоненты значения по отношению к одной семантической парадигме выполняет идентифицирующую функцию, а по отношению к другой – дифференцирующую» (1985: 48). Так, вышеприведенный глагол *караулить* можно отнести к ЛСГ глаголов профессионально-трудовой деятельности, наблюдения, защиты в зависимости от аранжировки предикатных смыслов. Наличие доминирующих и зависимых сем, иерархичность их структуры, а так-

же соотносённость предикатных сем с ситуацией обуславливает сходство глагола с предложением, а его семной структуры с семантической структурой предложения. Семы, «репрезентирующие содержание» ситуации (Д. Серль), всегда будут иметь предикатный характер, будут доминантными, но в зависимости от места в семной иерархии они могут быть как категориально-лексическими, так и дифференциальными. Например, в семной структуре глагола *агитировать* предикатный смысл 'общественно-политическая деятельность' репрезентирован категориально-лексической семой, а другие доминирующие компоненты предикатного характера ('распространение информации', 'пропаганда взглядов', 'стремление приобрести сторонников', 'устная и печатная деятельность', 'воздействие на людей') в структуре семемы понижены в ранге и занимают зависимые от КЛС позиции, уточняют ее в аспекте цели, являясь по рангу ДС. Во втором случае предикатная сема занимает вторую ступень семной иерархии, но при этом остается доминирующей семой (по типологии Р. М. Гайсиной, развивающей концепцию В. Г. Гака, — является второй доминирующей семой, также играющей решающую роль в организации значений слов). Итак, обе семы (первая доминирующая сема в ранге КЛС и дополнительные доминирующие семы в ранге ДС) имеют функциональное сходство, но разный статус в семной иерархии, что создает серьезные трудности для лексикографии.

Дополнительные предикатные семы по позиции в семеме близки ДС. Принято считать, что ДС характеризует отдельные стороны предмета номинации в различных аспектах: субъектно-объектном, собственно-определятельном, обстоятельственном (временном, пространственном). Эти аспекты охватывают универсальные логико-семантические отношения, специализированным средством выражения которых являются в первую очередь синтаксические средства. Но эти же отношения связывают и внутрисловные семантические компоненты, в частности, категориально-лексическую и дифференциальные семы, что отражается в словарных дефинициях. Так, Ю. Н. Караулов выделил следующие универсальные логико-семантические отношения, реализующиеся в словарных дефинициях: субъектные отношения, объектные отношения, атрибутивная связь, причинно-следственная связь, отношения состава, содержания, функциональные отношения, пространственные отношения, отношения эквивалентности, тождества, зависимости, цели и т. д. (1981: 305). Этот аспект анализа словарной дефиниции особенно важен нам для описания способов семантизации глаголов комплексной семантики, ибо их лексическое значение имеет отношение к выражению логико-семантических связей между ситуациями. Ученые стремятся подобрать ключ к разгадке секрета подобных формально простых, но

семантически сложных слов. Так, А. А. Уфимцева вводит понятие — глаголы с «внутренней дистрибуцией» признаков, под которыми она понимает глаголы с включенными в наименование сопутствующими обстоятельствами (1986: 169), при этом она же говорит и о двух формах манифестации (внутренней и внешней) характеристики действия по предметной сфере: «скрытая, внутренняя имеет место в случае включения в предмет глагольной номинации сложной конфигурации семантических признаков; тогда этой комплексной конфигурации семантических признаков соответствует отдельное глагольное наименование» (1986: 170), а семантические признаки, «включенные» в глагольное наименование, покрываемые им, А. А. Уфимцева называет имплицитными (1986: 171). Кроме того, этот же автор отмечает наличие в языке различных форм «воплощения языковыми средствами компонентов сложного понятия: включение в наименование действия сопутствующих ему семантических признаков — «имплимент действия», «способ и результат действия» и даже «объект действия» (1988: 135). По нашим данным (см. дальше), спектр подобных включенных семантических признаков значительно богаче и обусловлен в первую очередь спецификой отображаемого денотата, воплощенного в лексической семантике категориально-лексической семей.

Кроме включения, в лексическом значении глагола возможно и «равноправие сем, напоминающее в некоторой степени синтаксическое сочинение. Четкую иерархию зависимостей в составе семемы имеют лишь лексические семы, грамматические же семы как бы сопутствуют лексическим, надстраиваясь над ними» (Васильев 1971: 42). Думается, что можно говорить и о равноправии в ряду лексических сем, в том числе категориально-лексических. Прежде всего, это наблюдаем в группе глаголов комплексной семантики. Например: бастовать ‘заниматься организацией стачки, массового прекращения работы, не работать с целью добиться удовлетворения требований от правительства, руководителей предприятий’. В семной структуре этого глагола совмещены две равноправные денотативные семы в ранге КЛС: ‘общественно-политическая деятельность’ и ‘отсутствие профессиональной деятельности’.

Подобное равноправие категориально-лексических сем в семеме предикатного слова комплексной семантики является объективным доказательством соотносительности семантики предикатов вообще, о которой писала Н. Д. Арутюнова. В ее работе (1980: 219) говорится о том, что в семантике предикатов присутствуют «воспоминания» о прошлом (предыдущем действии) или о будущем (последующем действии). Именно это — взаимосвязанность предикатных значений, — по ее мнению, «резко отличает их от семантики иден-

тифицирующих лексем, стремящихся к семантической независимости. Эта особенность семантики предикатов обусловлена объективно: отсутствием четких, «непроходимых» границ между ситуациями, связанными между собой причинно-следственными или целевыми отношениями» (1980: 223).

Итак, можно говорить о двух механизмах репрезентации сложного денотата — комплекса ситуаций — в лексическом значении глагола: во-первых, о включении предикатных смыслов, во-вторых, о их совмещении.

Таким образом, сложный характер денотата глагола (мир событий, действий и отношений) детерминирует то, что «языковое значение глагольных лексем представляет собой сложный феномен» (Уфимцева 1974: 113), а это в свою очередь объясняет особую синтаксическую роль глагола, который способен не только отображать ситуацию, но и комплекс ситуаций, становясь при этом «сильнейшим инструментом анализа, синтеза, кодирования и выражения взаимосвязи между предметами и явлениями» (Глейбман 1983: 3).

Глагол есть поверхностная форма предиката (Степанов 1980: 312; 1981: 115), а предикат — ядро пропозитивной структуры, назначение которой — «отображать некоторое событие или ситуацию действительности» (Касевич, Храковский 1983: 13). Как очень точно и выразительно подметил Ф. С. Бацевич, глагол «обладает двойным модусом своего существования: он является одновременно структурно-номитативной единицей и предикатом с изначальной количественной и качественной определенностью сочетающихся с ним именных членов» (1992: 7).

Изучение классов глаголов как классов семантических предикатов, соотносимых с типовыми ситуациями и формирующих пропозициональные структуры, — занимает центральное место и в лексикологии, и в семантическом синтаксисе (В. Г. Гак, Г. А. Золотова, Б. Ю. Норман, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина и мн. др.). Считается, что полноценное описание глагольных классов возможно только с привлечением данных синтаксической науки. Так, Ю. С. Степанов, определяя глагол «как сложную (комплексную) единицу словаря, обозначающую, во-первых, некоторый предикат, во-вторых, некоторый семантический признак имени», утверждает далее, что «полная классификация глаголов должна найти себе место в разделе о предложении» (1981: 115).

Эта сторона семантики глагола объясняет тот факт, что при ее изучении лексикологи стали активно использовать понятие пропозиции (обзор литературы см.: Арутюнова 1976: 21–39), которая выражается предикатом — в первую очередь глаголом — и его распространителями. Пропозиция при этом соотносится с такими по-

нениями, как «ситуация», «событие», «положение дел» и под. Можно предположить, что глаголы комплексной семантики как репрезентанты ряда взаимосвязанных ситуаций относятся к разряду полипропозитивных слов.

Во всем множестве глаголов комплексной предикативной семантики выделяются два типа слов в зависимости от механизма репрезентации комплекса предикативных смыслов: глаголы с включенной пропозицией и глаголы с совмещенной пропозицией. Присутствие подобных глаголов обнаруживается прежде всего в парадигме классифицирующего типа самой высшей лексической иерархии — в составе базовых глаголов — идентификаторов ЛСГ слов. Как мы уже отмечали ранее, модель описания глаголов различных ЛСГ в словаре (ТИСРГ) обязательно предваряется раскрытием типовой семантики ЛСГ слов и приведением базовых глаголов группы. Как показал анализ типовой семантики, она обнаруживает различную степень пропозитивной насыщенности. Можно говорить о существовании простых монопропозитивных глаголов, глаголов с включенной и совмещенной семантикой.

Первые представлены в составе парадигмы базовых глаголов-идентификаторов незначительно. К ним можно отнести (с известной долей условности) глаголы движения (*двигаться, перемещаться, достигать, прибывать, подниматься, добираться, вращаться, колебаться, шевелиться*), глаголы нанесения удара (*бить, ударять*), давления (*давить, жать*), очищения и удаления (*чистить, удалить*), соединения (*соединить*), разделения (*разделить*), приготовления в прок (*готовить*), собирания (*собирать*), бытия (*быть, иметься, существовать*), осуществления события (*происходить, совершиться*), прекращения действия, бытия, состояния (*прекратить, прекратиться*), передачи объекта (*давать*).

Глаголы с включенной и совмещенной пропозицией представлены в парадигме этого типа в большей степени.

3. ГЛАГОЛЫ КОМПЛЕКСНОЙ ПРЕДИКАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ С СОВМЕЩЕННОЙ ПРОПОЗИЦИЕЙ

Семная структура этих глаголов имеет два или более предикативных места, позиционно равноправных, представленных однотипными по рангу категориально-лексическими семами. Наличие в парадигме базовых идентификаторов глаголов с совмещенной пропозитивной семантикой говорит о том, что во множестве ЛСГ слов имеются группы, полностью состоящие из подобных глаголов. К ним относятся, например, глаголы познания, выбора, воображения и предположения, речевого общения, обращения, помощи и ряд других. Совмещенность пропозитивных смыслов отображается в опи-

саниях типовой семантики глаголов этих ЛСГ. Например, типовая семантика ЛСГ выбора формируется следующим образом: 'произвести отбор из общего числа того, что требуется, ориентируясь на какой-л. существенный на данный момент признак, отдать предпочтение кому-, чему-л.' (ТИСРГ); типовая семантика глаголов помощи: 'помогать кому-, чему-л. в осуществлении чего-л., оказывать поддержку, содействовать, способствовать' (ТИСРГ). Лексическими репрезентантами равноправных (совмещенных) категориально-лексических сем глаголов одной семантической группы при этом служит однородный ряд инфинитивов.

В зависимости от характера выражаемых логических отношений выделяются два типа пропозиций, репрезентируемых подобными глаголами (типологию пропозиций см.: Шмелева 1988).

Во-первых, это могут быть совмещенные событийные пропозиции. Например: *конкурировать* 'противодействовать кому-, чему-л., стремясь превзойти кого-л., добиться лучших результатов по сравнению с кем-л., а также соперничать с кем-, чем-л., участвуя в борьбе между частными производителями за более выгодные условия, производства, сбыта товаров и обеспечение наивысшей прибыли при товарном производстве' (ТИСРГ).

Глагольная семантика отображает две совмещенные типовые ситуации (противодействие и соперничество), которые происходят одновременно и предполагают друг друга по принципу дополнителности. Их равновеликость доказывается трансформациями: при семантизации глагола порядок следования инфинитивов можно изменить.

Итак, глаголы с совмещенной событийной пропозицией — это глаголы, в значениях которых совмещены действия, происходящие одновременно, параллельно. Словарь (МАС) обычно определяет эти значения более кратко, через набор инфинитивов: *сгруппироваться* 'собраться в группу, расположиться группой'; *обменять* 'отдать свое и получить вместо него другое'; *оправдать* 'снять обвинение с кого-л., признать правым, поступившим несправедливо'; *любопытствовать* 'испытывать, проявлять интерес к чему-л.' (МАС).

Во-вторых, это глаголы комплексной семантики с логической пропозицией. Например: *разместиться* 'найти для себя где-л. место, пространство и занять его' (МАС). Семантика этого глагола репрезентирует две событийных пропозиции («поиск пространства» и «замещение его»), связанные с отношениями логической последовательности. В этом случае словарные дефиниции уже не допускают мены инфинитивов, отражая логическую и временную последовательность событий. См.: *вдуматься* 'внимательно обдумать, осмыслить что-либо, вникнуть во что-либо'. Совмещены две после-

довательные ситуации: ситуация интеллектуальной деятельности (лексический репрезентант *думать*) и познания (*понять*).

Итак, парадигма глаголов комплексной предикативной семантики с совмещенной пропозицией включает в свой состав глаголы с совмещенными событийными и логическими пропозициями.

4. ГЛАГОЛЫ КОМПЛЕКСНОЙ ПРЕДИКАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ С ВКЛЮЧЕННОЙ ПРОПОЗИЦИЕЙ

Включение — явление универсальное, проявляющееся в языковой системе на разных уровнях и заключающееся в том, что какой-либо компонент (единица) понижается в ранге и занимает зависимую позицию в иерархии однородных компонентов, при этом он обогащает смыслами тот главный компонент, от которого зависит. Это обусловлено механизмом включения, при котором, по словам Л. М. Васильева, «объем признаков (структурных компонентов) одного из членов оппозиции... полностью включается в состав другого «члена» (1985: 29). Например, *наехать* ‘коснуться чего-либо, кого-либо неожиданно, двигаясь, перемещаясь при помощи каких-либо средств передвижения» (ТИСРГ). В лексическом значении этого глагола главным категориально-лексическим компонентом является компонент ‘коснуться’, а предикативный смысл ‘движение’ понижен в ранге и передается в качестве второй дополнительной денотативной семы, в качестве дифференциального признака.

Лексикологи, особенно в последние годы, обратились к изучению семантики глаголов с включенными компонентами (Ю. Д. Апресян, Ф. С. Бацевич, Л. М. Васильев, Р. М. Гайсина, О. А. Михайлова, А. М. Плотникова, А. А. Уфимцева, И. В. Сентенберг), при этом основное внимание их обращалось на наличие в глаголе субстанциональных сем, отображающих ситуации, и включенных в лексико-синтагматическую часть значения глагола. Кроме того, отмечалось и наличие в семантике глагола адвербиальных сем, уточняющих пространственные, временные, качественные и количественные характеристики процесса (А. А. Уфимцева, И. В. Сентенберг). Включение предикатных смыслов в семантику глагола в меньшей степени привлекало внимание ученых, хотя оно представляет собой явление, характерное для русской глагольной лексики. При этом может наблюдаться включение целого ряда предикатных смыслов. Например, *хлопотать* ‘стремиться к достижению чего-либо, проявляя заботу, беспокойство, прилагая усилия, старания, суетясь, добываясь какой-либо цели’ (ТИСРГ).

Оживление интереса к изучению предикатных смыслов в лексическую семантику связано с достижениями в области семантического синтаксиса. Так, исследование функционирования семантичес-

кой модели предложения в речи обратило внимание ученых на явление вторичной предикативности, заключающееся в том, что структуры с вторичной предикативностью в семантической и синтаксической иерархии понижаются в ранге. Появилась теория включенных и включающих предикатов. Эта теория — достижение семантического синтаксиса последних лет, об этом говорит и неупорядоченность используемой терминологии: главная и зависимая предикация (П. Адамец), потенциальная и реальная предикация (П. А. Лекант), предикатный актант (В. Б. Касевич, В. С. Храковский), зависимая номинация (В. Г. Гак), главные и зависимые предикаты (И. Б. Долинина).

Предикаты этого рода прежде всего изучаются в синтагматическом аспекте — в составе тех конструкций, которые содержат их. Имеется и специальное обозначение этих конструкций — конструкции с предикатными актантами (Касевич, Храковский 1983: 5). Основное внимание ученых было обращено на выяснение семантической природы главных, включающих предикатов, их семантической типологии. Как показали эти исследования, в русском языке имеется обширный ряд глаголов, способных быть включающими предикатами (Арутюнова 1976: 130; Богданов 1977: 60—96; Долинина 1983: 43; Золотова 1976: 135; Касевич, Храковский 1983: 21). Синтаксическая природа включенных предикатов глубоко исследована В. В. Богдановым, который видит их главную особенность в способности к сворачиваемости аргументов предикатного выражения (1977: 105). Именно лексико-грамматический аспект доминирует при рассмотрении включенных предикатов и у других исследователей. Описание природы включенного предиката осуществляется преимущественно с учетом их категориально-грамматической природы.

Сейчас уже достаточно полно выделен состав слов, способных функционировать в качестве включенных предикатов. К ним относятся инфинитив, деепричастие и причастие, имена действия, имена качества, различные предложно-падежные конструкции (Арутюнова 1975, 1976; Богданов 1977; Золотова, 1976, 1982; Долинина 1983; Тулина, Харитонова 1983; и др.). Исследователи подробно освещают особенности употребления разнооформленных включенных предикатов, отмечая те дополнительные смыслы, которые возникают в контексте благодаря их употреблению, специально рассматриваются разнообразные приемы включения предикатных актантов в структуру предложения (Тулина, Харитонова 1983: 47; Золотова 1976: 136). В то же время лексическая семантика глаголов с включенной репрезентативной предикатной семантикой не была предметом специального исследования. Есть отдельные наблюде-

ния, касающиеся фрагментов глагольной лексической системы в английском языке.

А. А. Уфимцева выделяет в английском языке «глагольные наименования действий, отношений и т. п. с включенными признаками, сопутствующими основному поименованному действию, или так называемые признаки второго порядка» (1986: 145). Далее, размышляя о явлении внутренней дистрибуции семантических признаков, включенных в глагольное наименование, она отмечает, что конфигурация этих признаков может варьироваться и выделяет на этом основании следующие «модели, совокупности этих признаков: 1. Действие + манера исполнения действия... 2. Действие + цель его исполнения... Эта модель может расширяться, включая в себя средства, обстоятельства, цель действия...» (1986: 167). Особо следует подчеркнуть, что А. А. Уфимцева обнаруживает при этом возможность выражения совокупности предикатных смыслов: «Имеется немало случаев, когда в глагольное наименование включено более трех сем, фактически вся цепочка возможных предикатных мест, свойственных глаголу как члену предложения. Например, *to grovel* 'падать расprostертым к ногам кого-либо с целью вымолить прощение' (1986: 168). В русском языке обнаруживается достаточно представительный класс с подобной включенной пропозитивной семантикой.

Как и в случае совмещенной пропозиции, явление включения дополнительной пропозиции в лексическую семантику глагола обнаруживается в типовой семантике глагольных классов слов (см., например, описание типовой семантики глаголов издательской деятельности и распространения информации: 'распространяя что-либо, какие-либо сведения в словесной форме, делать известным, предавать гласности, публикуя в печати и используя для этого средства массовой коммуникации'; глаголов речевого воздействия: 'произносить что-либо каким-либо образом, выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное психоэмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-либо, к совершению какого-либо действия, поступка') (ТИСРГ).

Включение пропозиции в семантику базовых глаголов-идентификаторов обнаруживается в составе всех трех полей: «действия и деятельности» (глаголы помещения в результате физического действия, в результате перемещения; глаголы субъектного помещения, глаголы покрытия, прикосновения, изменения положения в пространстве, повреждения тела, избавления, пропитывания, отделения, разделения, разрушения, создания объекта в результате физического и интеллектуального труда, глаголы интеллектуальной, речевой деятельности и др.), «состояния» (глаголы образа жизни, ис-

чезновения, становления качественного признака и др.), «Отношения» (глаголы поиска объекта, получения в определенном количестве, расположения к контакту, защиты и др.). Соответственно рядовые члены этих ЛСГ сохраняют тенденцию к репрезентации комплекса ситуаций, при которой одна будет главной, другая включенной, зависимой.

Семная структура подобных глаголов имеет в связи с этим не одно, а по меньшей мере два предикативных места: позицию основного идентифицирующего предиката в статусе категориально-лексической семы, и позицию включенного предиката в статусе дифференциальной семы. Эта зависимость отражается при семантизации глагольной семантики следующим образом: основной предикатный смысл передается в форме базового глагола (форма инфинитива), дополнительный предикативный смысл передается преимущественно в форме деепричастия, а также причастия, различных предложно-падежных форм существительных. Например, *нанизать* 'соединить какие-либо маленькие предметы (камешки, бусинки и т. п.), прокалывая их и надевая подряд на нитку, проволоку, леску и т. п.' (ТИСРГ).

В семантике этих глаголов важно учитывать не только наличие полипропозитивности, связанной с отображением комплекса ситуаций, но и ракурс отношений, связывающих эти ситуации, то есть следует учитывать логико-семантические отношения: результативно-следственные, целевые, причины, образа и манеры действия и прочие, связывающие ситуации.

Как показал анализ материала, глаголы с включенной пропозицией — это прежде всего глаголы с включенной логической пропозицией, состоящие из комплекса событийных пропозиций, связанных логическими отношениями. Первая группа в их ряду — глаголы с включенной логической пропозицией качественной характеристики в аспекте образа протекания действия, процесса или состояния (см. выше приведенную дефиницию глагола *нанизать*). В этих глаголах основное действие (в частности действие соединения в глаголе *нанизать*) конкретизируется и характеризуется дополнительным действием (*соединить* каким образом? — *прокалывая и надевая подряд*).

В плане временной соотнесенности здесь нет единообразия: действия могут совершаться одновременно, дополнять друг друга, а могут и следовать друг за другом. Во втором случае включенный предикатный смысл может и предварять основной в плане временных отношений, но может и следовать за ним. Например, *обвязать* 'обернуть чем-либо, скрепив концы'. В лексической семантике совмещены две ситуации, одна из которых представлена как главная

(ситуация обертывания), другая — как дополнительная (ситуация соединения); первая в реальной действительности предворяет вторую. В лексической семантике глагола *выложить* наоборот предворяющая ситуация репрезентирована как зависимая, а последующая — как главная: *выложить* ‘положить наружу, вынув откуда-либо’. См. также пробовать ‘определять вкусовые качества пищи, беря понемногу еды и питья’.

Вторая группа — глаголы с включенной пропозицией, выражающей отношения конкретного способа совершения действия. Например, *подговорить* ‘уговорами, тайно склонить, подстрекнуть к чему-либо, какому-либо поступку’; *аллодировать* ‘проявлять одобрительное отношение к кому-либо, хлопая в ладоши’; *болтать* ‘приводить что-либо жидкое в непоступательное, неритмичное, колебательное или круговое движение толчками, покачиванием сосуда, в котором находится жидкость’ (ТИСРГ).

Третья группа глаголов с включенной пропозицией выражает в широком смысле каузальные отношения, среди них выделяются глаголы, выражающие логические пропозиции цели, причины, следствия, например, *бесславить* ‘относиться к кому-либо враждебно, намереваясь лишить кого-либо доброго имени, доброй славы’; *брезговать* ‘проявлять в жестах, пренебрежительном поведении неприязненное отношение, отвращение к кому-либо (обычно из-за чьей-либо нечистоплотности, болезней)’; *кокетничать* ‘проявлять симпатию к кому-либо, стараясь своими манерами, речью, поведением, нарядами понравиться кому-либо, заинтересовать кого-либо собой (обычно о женщинах)’; *обкормить* ‘накормить кого-либо чем-либо сверх меры, слишком сытно, причинив тем самым вред здоровью’ (ТИСРГ). Это очень большой класс глаголов русского языка, требующий специального рассмотрения. Отметим только, что глаголы этого класса пронизывают всю систему ЛСГ русских глаголов, особенно активно они представлены в лексической семантике глаголов, отображающих деятельность человека, обнаруживая тем самым определенную антропоцентрическую ориентацию.

Среди глаголов с включенной пропозицией встречаются слова, выражающие комплекс логико-семантических отношений, например, *обнять* ‘коснуться кого-либо, чего-либо, охватывая руками и прижимая к себе, обычно выражая ласку, нежность’ (ТИСРГ). Отображаемый глаголом жест сопровождается репрезентацией способа его проявления и раскрытия внутренней психологической мотивации.

Таким образом, анализ лексической семантики глаголов с включенной пропозицией показал сложность их семантического строения, неоднородность выражаемых ими логико-семантических отношений, возникающих во взаимодействии ситуаций.

Описание глаголов комплексной семантики было предпринято нами в связи с необходимостью выработки унифицированных лексико-синтаксических способов их подачи в толково-идеографическом словаре русских глаголов. Постановка проблемы обусловлена практикой лексикографирования. Думается, что выявление и описание этого класса глаголов в дальнейшем позволит решить ряд актуальных проблем взаимодействия лексики и синтаксиса, поможет выработать лексикографические параметры этой лексики.

ГЛАВА 2. ГЛАГОЛЫ С ВКЛЮЧЕННОЙ АКТАНТНОЙ РАМКОЙ

1. ГЛАГОЛ КАК СЕМАНТИЧЕСКИ СЛОЖНЫЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ЗНАК. ВКЛЮЧЕННЫЕ АКТАНТЫ

Характерной чертой глагола является его соотнесенность с предметными именами, что является не столько языковой закономерностью, сколько универсальным свойством человеческой мысли и отражением реальных связей между вещами, явлениями, процессами, существующими в мире. Как отмечает А. А. Уфимцева, «наименование любому действию, состоянию, процессу и т. п. дается относительно двух семантических категорий — сферы субъекта и сферы объекта, обозначаемого именем действия» (Уфимцева 1980:36). Семантические отношения типа «субъект — действие», «действие — объект» могут быть отнесены, по словам А. А. Уфимцевой, к «константам сознания» и являются единицами «концептуальной картины мира» (Уфимцева 1988: 119).

Универсальный характер взаимодействия предметных и признаков слов (и прежде всего, глагола и имени) порождает многообразие взглядов, концепций, аспектов рассмотрения категорий субъектности и объектности и их связей с глагольными словами.

С грамматических позиций исследуются такие морфологические категории глагола, связанные с репрезентацией субъектно-объектных отношений, как переходность, залог, возвратность (РГ-80). Синтаксические подходы учитывают представленность субъектов и объектов при построении различных типологий (структурных, семантических, коммуникативных) предложений. Изучение субъектов и объектов ведется и в сопоставительном аспекте: сравнивается лексическое, морфологическое и синтаксическое выражение субъектов и объектов в родственных и неродственных языках (Категория субъекта и объекта... 1980).

Синтез научных парадигм — характерная черта современной лингвистики — ведет к комплексному анализу данных категорий.

Так, единство лексического, грамматического и синтаксического подходов в рассмотрении субъектности и объектности обнаруживается в работе, выполненной коллективом ученых под руководством А. В. Бондарко (Теория функциональной грамматики 1992, далее – ТФГ 1992). Субъектность и объектность, наряду с другими категориями – аспектуальностью, модальностью, определенностью/неопределенностью и др. – рассматривается как функционально-семантическое поле, имеющее центр и периферию и репрезентируемое языковыми средствами разных уровней.

Синтаксическая семантика исследует специфический характер глагольного значения, природа которого в ряде исследований именуется как сигнификативно-денотативная (Арутюнова 1980; Уфимцева 1980, 1986; Бацевич 1992), причем сигнификативно-денотативные признаки в глаголе разведены, а их взаимодействие осуществляется на синтагматической оси, но связь глагольного слова и определяемого им предметного имени содержится в глагольном значении, как бы «хранится в памяти» глагола.

Безусловно, роль глагола в семантической структуре предложения и в целом в системе языка является центральной, организующей. Бесспорна и мысль о глаголе как носителе валентности, которая становится отправной точкой в исследовании структуры глагольного значения (Никитин 1988; Кузнецова 1989) и в построении целого ряда глагольных классификаций (см. обзор существующих в литературе глагольных классификаций в работах: Васильев 1981; Бацевич 1993).

Рассматривая семантическую структуру предложения, В. В. Богданов утверждает, что предикативный центр предложения может в свернутом виде отображать и включать элементы представляемой ситуации, т. к. обладает высокой семантической валентностью и ставит актанты в положение зависимости. Эту же мысль подтверждают слова Н. Д. Арутюновой: «В значении предиката (глагола) уже предчувствуются типы синтаксических связей» (Арутюнова 1980: 225).

Таким образом, глагольное предикатное слово в большинстве случаев содержит указание на ближайших субъектных и объектных партнеров в лексическом значении глагола, и это позволяет называть глагол свернутым предложением, макетом будущего предложения (В. В. Виноградов, С. Г. Кацнельсон и др.).

Итак, в семную структуру глагола в качестве дифференциальных включается ряд субстантивных сем.

Какие же дифференциальные компоненты субстантивного характера способны входить в глагольное значение? В лингвистической литературе не существует единой классификации подобных компонентов, нет и единого терминологического определения для них. В

зависимости от аспекта рассмотрения (т. е. лексического изучения их как элементов, включенных в структуру глагольного значения, или же синтаксического, т. е. изучения синтаксических ролей, выполняемых ими в высказывании) дифференциальные семантические компоненты называют аргументами, актантами, сирконстантами, партиципантами, глубинными падежами, семантическими осями, семантическими валентностями, предикандумами и другими терминами (У. Чейф, Ч. Филмор, В. В. Богданов, М. В. Никитин, С. Д. Кацнельсон и др.).

Мы рассматриваем субъект и объект в валентностной структуре глагола как содержательные, лексико-семантические категории, поэтому пользуемся следующими определениями этих явлений:

«Субъект — актант, называющий носителя состояния, производителя, источник действия.

Объект — актант, на создание, изменение или уничтожение которого непосредственно направлено действие, выраженное глаголом» (ТФГ 1992:104).

Универсальность субъекта и объекта как обязательных валентностей глагола позволяет назвать их актантами глагола.

Ф. С. Бацевич замечает, что «объем связей глагола и имени значительно колеблется» (Бацевич 1992: 35): в ряде случаев актантами глагола представлена в семантике глагола в самом обобщенном виде и содержит только указание на принадлежность актанта к какому-либо роду, классу предметов, лиц, в других случаях глагол специализирован относительно одного актанта и обладает связанным значением. Между этими двумя крайними случаями существует ряд промежуточных случаев, иллюстрирующих многообразие глагольно-актантных связей.

Нам представляется интересным раскрыть специфику отношений глагола с актантами на материале одного глагольного класса — глаголов с узкой семантикой, с закрепленностью, денотативной специализированностью субъектно-объектных компонентов в семантике глагольного слова, поскольку именно в данных глаголах связь предметного и признакового компонента оказывается наиболее сильной и значимой для синтагматики глагола.

Признавая, что проблемы ролевой грамматики, валентности особенно активно обсуждались в 60–80-е гг. (Ч. Филмор, У. Л. Чейф, Л. Тенбер, М. В. Никитин, Г. А. Золотова, А. А. Уфимцева, Н. Д. Арутюнова и др.), нельзя не согласиться с замечанием Л. И. Богдановой: «Формулирование правил зависимости оформления актантами позиций от семантики глагола — одна из «горячих точек» современной лингвистики» (Лингвистика на исходе XX века 1995).

Ю. А. Левицкий обращает внимание на повышающийся интерес к проблемам глагольной валентности и ренессанс ролевой грамматики (Левицкий 1995: 126 – 127).

Доказательством актуальности этого служит ряд исследований, опубликованных в последние годы, и прямо или косвенно затрагивающих проблемы глагольной валентности, ролевой грамматики, сочетаемостных свойств глагола (ТФГ 1992; Хегер 1993, Кустова, Падучева 1994; Падучева, Розина 1993; Апресян 1995; Левицкий 1995; и др.).

Каковы причины интереса к данной проблеме?

Во-первых, в лингвистических теориях, посвященных изучению глагольной валентности, определению характера семантических ролей глагола, их количеству и составу, отсутствует как единая терминология, так и единые позиции, взгляды на эти вопросы, что свидетельствует о сложности и неоднозначности самой проблемы, и это заставляет каждого исследователя искать свой путь и соответственно выстраивать новую типологию семантических ролей, выявлять природу взаимоотношений глагола и его актантов применительно к своему материалу.

Во-вторых, более весомая, существенная причина интереса к данной теме заключается в необходимости создания нового учения о грамматическом строе языка — лексикализованной грамматики, правила и категории которой «описываются как имеющие свои явные лексические ограничения и напрямую зависящие от этих ограничений» (Кубрякова 1995:16). Создание такой грамматики неизбежно ставит перед учеными вопрос — какие свойства лексических единиц необходимы для их вхождения в синтаксическую структуру. Безусловно, что предикатно-актантные связи слов, сочетаемость глагола — важная часть информации, необходимой для описания грамматических свойств слов. «Ясно, что такое (учет морфологических, семантических характеристик глагола) представление сведений «при лексической единице» сближает лексические грамматики с функциональными грамматиками в их падежных версиях и отражает их общее стремление к созданию специализированных словарей, обеспечивающих запись тех данных, которые нужны для понимания принципов «вставления» единицы в синтаксическое целое» (Кубрякова 1995: 19).

В цитате из статьи Е. С. Кубряковой, приведенной выше, обнаруживается и третья причина интереса к проблеме глагольной валентности. Лексикализация грамматики и новые идеи в лексикологии ведут к созданию комплексных словарей, в которых должны быть отражены в том числе и валентностные свойства лексической единицы (о создании различных комплексных словарей, в том чис-

ле словарей сочетаемости пишут Ю. Д. Апресян (1995); Г. А. Золотова (1994); Г. И. Кустова, Е. В. Падучева (1994); Е. В. Рахилина (1994); Е. В. Падучева, Р. И. Розина (1993) и др.).

2. ГЛАГОЛЫ С ВКЛЮЧЕННОЙ АКТАНТНОЙ РАМКОЙ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ГЛАГОЛА

Исследуя семантическую близость лексики, А. И. Новиков пишет: «В основе организации семантического пространства лежит связь между словами...» (1990: 6). Эта связь обнаруживается прежде всего в парадигматических группировках слов (особенно в ЛСГ) и близости/удаленности расстояний между членами одной группировки. В этом случае в центре внимания исследователей оказываются объединения слов, основанные на общности категориально-лексических сем.

Вместе с тем возможен и другой подход: изучение классов слов — глаголов, обладающих общими дифференциальными признаками, например, дифференциальными семами субъекта и/или объекта, и выявление семантических связей и расстояний в рамках данных классов. Кроме того, понимая в широком смысле определение А. И. Новикова («Семантическое пространство слов — это область существования и функционирования их лексических значений» — 1990: 15), мы можем исследовать не только парадигматические классы слов, но и их синтагматические связи, изучать иерархию слов в структуре синтагмы, закономерности взаимодействия значений слов как в реальной синтагме, так и в потенциальной, имплицитной — структуре глагольного значения. Таким образом, областью исследования может быть как межсловная, так и внутрисловная синтагматика.

На первом этапе выявим специфику классов глаголов, объединенных дифференциальными семами субъекта и/или объекта, и рассмотрим взаимосвязь глаголов и именных слов в структуре глагольного значения.

2. 1. ВКЛЮЧЕНИЕ АКТАНТОВ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ И СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СВЕРНУТОЙ ПРЕДИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ

Современные исследования в области семантического синтаксиса и теории лексического значения доказывают возможность включения в семную структуру глаголов-предикатов других предикатных знаков и непредикатных знаков. Так, Ю. Н. Караулов высказывает идею о существовании «индивидуальных лексем, которые оказываются эквивалентны целой пропозиции», так как «можно установить определенное соответствие между компонентным составом, или семным наполнением лексемы, и реализуемой этой лексемой структурной схемой предложения» (Караулов 1981: 339).

Процесс взаимодействия значений глагола и имени в глубинной структуре глагола имеет логическую природу. Лексические значения глаголов, выражающих целую пропозицию, ситуацию, называются сигнификативными, или дескриптивными. Включенные субъектно-объектные отношения закреплены в лексических значениях глаголов, а значит, и в лексическом фонде языка. Следовательно, семантика глаголов по информативной значимости равна семантике предложения, что позволяет назвать глагол семантически сложным лексическим знаком, свернутым предложением, точнее, свернутой предикативной моделью.

Далее мы попытаемся показать сущность включения субъектно-объектных компонентов в семантику глагола и выявить статус субъектно-объектных сем в структуре лексического значения глагола.

Словарные дефиниции глаголов с включенными актантами двучленны: в них входят собственно глагольный компонент и актанта́ная рамка (субъекты и /или объекты), которые и предопределяют ограниченную сочетаемость глаголов. Например, *пожать* ‘сжать (что-л. руку, пальцы) в знак приветствия, прощания, в знак благодарности’ и т. п. (МАС). В данном примере актанта́ *чья-л. рука, пальцы*, является элементом лексического значения глагола. См. также *обмолотить* (зерно), *окольцевать* (птицу), *примерить* (одежду, обувь). В данных примерах объектные актанта́ — компоненты лексического значения глаголов — определяют функционирование глаголов в синтагме, в предложении, ограничивая их лексическую сочетаемость, создавая устойчивость употребления в узком лексическом контексте.

По мнению Н. Д. Арутюновой, усложнение компонентного состава значения глагола обуславливает ограничения в сочетаемости.

Используя методику компонентного анализа, мы выявили, что группы глаголов с включенными субстантивными компонентами, обладающие общей КЛС, различаются ДС актанта́в и сирконстантов.

Например, глаголы с типовой семантикой ‘бить, ударять’ — ЛСГ нанесения удара (ТИСРГ) различаются ДС инструмента:

бодать — ‘бить кого-, что-л. лбом, рогами (обычно о рогатом скоте)’; син. *колоть*;

брыкать — ‘ударять кого-, что-л., отбиваясь копытами, вскидывая ногами’; син. *лягать*;

клевать — о птицах: ‘ударять, щипать кого-л. клювом, причиняя боль’;

шлепать — ‘бить кого-л. ладонью или чем-л. мягким, гибким’ (ТИСРГ).

То же можно сказать и о глаголах с включенным объектом, например, ЛСГ очищения и удаления объекта: *выбивать* — ‘чистить

что-л. (верхнюю одежду, ковер, матрас и под. от пыли, ударяя, выколотить)'; *пропалывать* — 'чистить что-л. (огород, гряды, садово-огородные культуры), вырывая, выдергивая сорные травы'; *прополаскивать* — 'чистить рот, горло, зубы, промывая для дезинфекции или с лечебной целью' (ТИСРГ).

Все данные глаголы характеризуются наличием включенного объекта-пациенса.

Подобные закономерности обнаруживаются и в синонимических рядах глаголов, компоненты которых могут различаться только субстантивными семами, а могут иметь общие субстантивные семы.

Например, синонимический ряд глаголов *дрессировать* — *натаскивать* — *учить* различается объектным актантом. Ср.:

дрессировать — 'обучать (животных), вырабатывая определенные навыки, приучая к выполнению каких-л. действий';

натаскать — 'обучить чему-л. (охотничью или служебную собаку); выдрессировать';

учить — 'дрессировать (животных)' (МАС)

Примеры убедительно показывают, что субстантивный компонент в глаголах с включенной актантной рамкой является признаком, дифференцирующим глаголы одной ЛСГ или синонимических групп. Пытаясь определить статус субстантивных, актантных компонентов, ученые иногда называют их синтагматическими дифференциальными семами (Л. М. Васильев), субстанциональными семами, отображающими функциональные признаки предметов (Р. М. Гайсина). Действительно, данные компоненты значения являются частью глагольно-именных синтагм, но вместе с тем они семантически конкретизируют значения глагола, являясь его неотъемлемым компонентом, дифференцируют глаголы — члены одной ЛСГ. Следовательно, актантные компоненты входят в лексическое значение глагола на правах его дифференциальных сем.

Следовательно, субъекты и объекты (актанты), представленные в глагольном значении тематически ограниченным набором слов и специализированные относительно действия, обозначенного глаголом, мы называем включенными.

Например, *щурить (глаза)*: переходный глагол грамматически предполагает позицию прямого объекта. Кроме того, глагол *щурить* способен характеризовать только один объект *глаза*, обладает узкой сферой приложимости. Действие, обозначаемое им, может быть выполнено только с помощью одного предмета, органа. Таким образом, объект *глаза* заполняет предусмотренное для него место, включаясь в значение глагола.

Включение актантов — это семантическое явление. Сам термин указывает на то, что включенный компонент заложен в семной струк-

туре глагола, является ее необходимой и существенной частью; предопределяет валентность, а следовательно, и сочетаемость глагола. Думается, что глаголы с включенными актантами наглядно демонстрируют именно такое взаимодействие между глагольными и субъектно-объектными компонентами как в толковании лексического значения, в словарной дефиниции глагола, так и в глубинной валентностной структуре глагола обнаруживается соотношение КЛС и ДС актантов, определяемое нами как включение.

Существуют следующие варианты включения актантов в семную структуру глаголов:

1. Включенный субъект, например: *грянуть* — ‘раздасться, загрохотать (о звуках)’; *пульсировать* — ‘иметь пульс, биться (о сердце)’.

2. Включенный объект, например: *засахарить* — ‘приготовить в сахарном сиропе (фрукты, ягоды)’; *запутать* — ‘беспорядочно перевить, переплести (нити, волосы и т. п.)’.

3. Включенные и субъект, и объект (актантная рамка), например: *выкинуть* — ‘дать ростки, побеги (о растениях)’; *вылакать* — ‘лакая, выпить или съесть что-л. жидкое (о кошке, собаке и др. животных)’ (МАС).

Несомненна особая значимость ДС актантов в ряду других ДС, связанная с тем, что субъектно-объектные семы регулярно представлены в семной структуре большинства русских глаголов и являются типовыми дифференциальными компонентами, — это наглядно демонстрируют словарные дефиниции глаголов, результаты компонентного анализа и исследования представленности ДС актантов в системе ЛСГ русских глаголов.

В глаголах с включенными актантами статус данных сем выявляется благодаря методике компонентного анализа. ДС, представленные в глагольных значениях, неравноправны, одни из них наиболее значимы для глаголов и по своей роли приближаются к КЛС, другие менее значимы. Для примера приведем результаты компонентного анализа глагола *ваять*:

ваять — ‘создавать скульптурные изображения из камня, дерева, металла, кости и т. п. путем высекания, резания, лепки, отливки’ (МАС). КЛС — *создавать*; ДС 1 — пациент — *скульптурное произведение*; ДС 2 — материал — *из камня, дерева, металла, кости и т. п.*; ДС 3 — способ — *путем высекания, резания, лепки, отливки*.

ДС 1 в данном глаголе является более значимой, во-первых, потому что и глагол *ваять*, и базовый идентификатор *создавать* являются переходными, и позиция объекта становится для них грамматически обязательной. Во-вторых, при сравнении ЛСГ глаголов

создания объекта обнаруживается, что, обладая одной КЛС *создавать*, они различаются ДС объекта, т. е. позиция объекта несет наибольшую содержательную, смысловую нагрузку среди других ДС (ср. *возводить (постройку)*, *выводить (сорт растений, животных)*, *торить (дорогу)* и т. п.) В-третьих, сема 'скульптурное изображение' является более обобщенной и включает в себя ДС 2 и ДС 3 (семы со значением материала и способа действия), которые конкретизируют, уточняют ДС 1. В-четвертых, данная сема по типу отношений с КЛС является синтагматической. Все это позволяет говорить об особом статусе актантных сем в глагольном слове: среди других ДС они приобретают особую значимость.

Таким образом, включенными актантами мы считаем такие дифференциальные семы субъектов и/или объектов в семной структуре глаголов, которые представлены тематически ограниченным набором слов, специализированны относительно данных глаголов. Включенные актанты являются структурными и семантическими восполнителями КЛС и занимают ведущее место в ряду других глагольных дифференциальных сем субстантивного характера.

2. 2. ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАГМАТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «ГЛАГОЛ – АКТАНТЫ»

Исследование связей между призывными и предметными словами — глаголами и именами — идет двумя путями, не исключаящими, а дополняющими друг друга:

- 1) изучается взаимодействие глагола и имени в структуре высказывания, в синтагматических отношениях;
- 2) изучается взаимодействие глагола и имени в глубинной структуре глагола-предиката.

В результате взаимодействия глаголов и актантов характеризуется в научной литературе как с точки зрения семантики, так и с позиций синтаксиса. При этом подчеркивается, что и межсловные, и внутрисловные синтагматические отношения глагола и имени зависят от семантики соответствующих слов.

Следовательно, взаимодействие, дистрибуцию глаголов и актантов можно представить, используя понятие семантико-синтагматического комплекса.

Как любой комплекс, предполагающий сочетание свойств, качеств, в семантико-синтагматическом комплексе «глагол — актанты» соединяются разноуровневые компоненты, организованные иерархически (это КЛС и ДС). КЛС глагола обозначает действие, свойство, признак, качество, отношение, распространяемое на ДС актантов — участников действия, а ДС актантов конкретизируют

действие, обозначенное глаголами, относительно ограниченного ряда лиц, предметов. Например:

визжать — ‘производить пронзительные, резкие, высокие звуки, шумы (о трущихся поверхностях, работающих механизмах, музыкальных инструментах и под.)’;

верещать — ‘производить характерные однообразные ритмичные дробные звуки, напоминающие скрип (о насекомых, птицах и под.)’;

чеканить — ‘воспроизводить какое-л. рельефное изображение, узор на поверхности металлических изделий (монет, медалей и т. п.), выбивая с помощью специального слесарного инструмента’;

набирать — ‘воспроизводить какой-л. текст, составляя его из типографских знаков, литер’ (ТИСРГ).

В приведенных примерах глаголов с включенными актантами субъектные или объектные семы конкретизируют значение глаголов, создавая специализированность глагольных значений. Универсальность субъектных и объектных актантов в глагольных значениях позволяет называть их архисемами глагола, интегральными компонентами глагольных значений.

Таким образом, семантико-синтагматический комплекс «глагол — актанты» включает в себя набор внутрисловных семантических компонентов разного статуса (КЛС и ДС): глагол — включающий знак, актант — включенный).

Изучение семантико-синтагматического комплекса «глагол — актанты» и его организации требует различать составляющие этого комплекса: 1) глагол — субъект; 2) глагол-объект.

ГЛАГОЛ – СУБЪЕКТ

Антропоцентрический подход к изучению глагольной лексики заставляет обратить внимание в первую очередь на категорию субъектности как наиболее приспособленную для выражения семантики лица, активной субстанции.

Анализируя глаголы немецкого языка, С. М. Кибардина утверждает, что «валентные типы имеют полевую организацию. Положение глаголов внутри поля определяется совокупностью содержательных признаков их валентности. Центр поля составляют глаголы, выражающие содержательную структуру «в чистом виде», на периферии располагаются глаголы с различными модификациями содержательной структуры» (ТФГ 1991:106). Так, «центр поля субъектных глаголов конституируют одновалентные и двухвалентные (с факультативным вторым актантом) глаголы...» (ТФГ 1991: 107).

Идея полевой структуры вполне применима к организации комплекса «глагол — субъект», однако основанием для выделения центра и периферии будет не столько количественный валентностный

потенциал глаголов, сколько характер связи глагола и субъекта (т.е. степень, сила, интенсивность связи), взаимодействие этих компонентов в глагольном значении.

Наиболее сильная связь реализуется в том случае, если «субъект и предикат находятся в логических отношениях импликации, семантический субъект предполагается, его идентификация легко предсказывается через предикат реальными связями предмета и признака в объективном мире» (Уфимцева 1986: 164). Например, *дуть (о ветре)*, *ляять (о собаке)*, *топиться (о печи)* и под. Такие глаголы мы называем глаголами с включенным субъектом, они составляют центр семантико-синтагматического комплекса «глагол-субъект».

Нами уже отмечалось, что классификации глаголов с учетом их субъектной отнесенности предпринимались в научной литературе (Р. С. Ганжа, В. В. Химик, Ф. С. Бацевич, О. А. Михайлова), хотя не все ученые признают терминологическое определение включенный субъект. А. А. Уфимцева пишет: «Особенностью семантических отношений субъекта (агенса, источника) с признаковым наименованием, особой формы их языкового выражения, является то, что субъект не включен в предмет наименования, как это имеет место с так называемым внутренним объектом. Субъект действия предопределен самой природой, логикой вещей, но его экспликация осуществляется лишь в условиях реального предидирования данного признака соответствующему предмету, т. е. в актуальной речи» (Уфимцева 1986:164). Доказательством этой мысли она считает наличие устойчивых предикатно-объектных сочетаний и отсутствие устойчивых субъектно-предикатных сочетаний в языке. Нельзя не согласиться с признанием особого статуса субъекта как в структуре высказывания, так и в структуре глагола-предиката, но логика вещей и анализ материала подсказывает, что субъектно-глагольные и глагольно-объектные связи (левые и правые валентности глагола) находятся в соответствии, коррелируют.

Так, глаголы с узкой семантикой, например, звукоподражательные глаголы включают семантический субъект в глагольное значение, подобное взаимодействие аналогично объектному включению (*кукарекать — о петухе; чирикать — о воробье; ворковать — о голубях* и т. д.), поскольку глаголы сориентированы на узкий класс субъектов или на один-единственный субъект, являются моновалентными. Корреляция возвратного и невозвратного глаголов также доказывают эту мысль. Например: *лить (жидкость) — литься (о жидкости); источать (запах) — источаться (о запахе); топить (печь) — топиться (о печи)* и т. д.

Но, безусловно, относительная самостоятельность включенного субъекта в сравнении с объектом, включенным в глагольное значе-

ние и связанным с ним грамматическими и семантическими связями, порождает и особый тип включения — субъектное включение, при котором субъект и глагол менее зависимы друг от друга, более самостоятельны.

Например, глагол *бушевать* может сочетаться в контексте с достаточно широким рядом субъектов — *ветер, вода, огонь*.

Ночью буря бушевала (И. Бунин). *Бушует полая вода, шумит и глухо и протяжно* (И. Бунин). *Ветер свирепствовал, море бушевало* (И. Гончаров). Включенные субъекты отличаются от других включенных субстантивных компонентов большей свободой, которая заключается прежде всего в возможности их замены в контексте, расширением ряда субъектов. Особенностью глаголов с включенными субъектами является их способность соединяться с именами-субъектами, не предусмотренными валентностными свойствами глаголов, что приводит к возникновению метафор, чаще всего индивидуально-авторских.

Например:

Зерна страсти и мучений
Всколоситесь как напев!
(В. Брюсов)

Гаснут во времени,
тонут в пространстве
мысли, события,
мечты, корабли
(М. Волошин).

Об относительной самостоятельности субъектного компонента также свидетельствуют данные ассоциативных экспериментов. Так, в РАС и САНРЯ стимул-глагол, в целом развертывая актантную структуру, почти не отражает субъектные позиции. См., например, глаголы *братъ, говорить, думать, помогать, получать* и др. (САНРЯ, РАС).

Группа глаголов с включенным субъектом неоднородна в силу ряда причин, главная из которых та, что субъект может включаться в семантику глагола разными способами.

Анализ материала показал, что можно выделить следующие типы включений:

1) Полное включение. Сема субъекта полностью включена в значение глагола, действие специализировано относительно одного актанта. Например, внутренний субъект в звукоподражательных глаголах *куковать, курлыкать, чирикать, мяукать*; специализированный субъект функционального действия в глаголах типа *тянуть*

(о дымоходе), пульсировать (о сердце), сновать (о челноке), моросить (о дожде).

2) Частичное включение. В значении глаголов оказывается включенной категориально-лексическая семантика актантов, денотаты которых способны выполнять идентичные функции, а дифференциальная семантика проявляется в словарных дефинициях глаголов, содержащих синонимические или тематические ряды актантов.

Например:

расстроиться — ‘потерять свой строй (о музыкальных инструментах)’;

ехать — ‘быть способным двигаться, катиться (о средствах передвижения)’;

резать — ‘действовать при употреблении (об острых предметах)’.

Иногда словарные дефиниции глаголов не отражают наличие включенного объекта, поскольку он предопределен знанием носителей языка.

Например, *гореть* — ‘давать свет, пламя’. Субъектом действия будет предмет ‘*дающий свет*’, и все существительные, возможные в позиции субъекта при данном глаголе, обязательно имеют в значении общую сему, связывающую их со значением глагола. Это сема ‘*дающий свет*’. Однако позиция субъекта может замещаться в контексте широким кругом субстантивных лексем:

Лампа горит. Примус горит. Электричество горит. Но ты взгляни чуть-чуть повыше, Как ярко там горят огни (Н. Рубцов); *Горел прощальный наш костер, Как мимолетный сон природы.* (Н. Рубцов). Следовательно, сема ‘дающий свет’ является обязательной, но контекстно-ограничительной, так как трудно перечислить все субъекты-имена, имеющие эту сему в своем значении, и поэтому глагол *гореть* не включает все субъекты в свою семантику и словарную дефиницию, но включает категориально-лексическую семантику субъекта.

Рассмотрим два лексико-семантических варианта глагола *впорхнуть*.

Впорхнуть — ‘1. Порхая, влететь (о птицах, бабочках)

2. // перен. Быстро и легко войти, вбежать куда-л’ (МАС).

Глагол в основном значении включает в свою семантику субъект *птицы, бабочки*. Это глагол с полным включением. Субъектом действия глагола во втором значении может быть ребенок или лицо женского пола (обычно, чаще всего). В данном примере можно говорить о традиции употребления глагола, обусловленной его семантикой. Сравнивая синонимический ряд *вбежать, влететь, впорхнуть* обнаруживаем, что *впорхнуть* — это вбежать *легко*. Эта дифференциальная сема и способствует ограничению набора кон-

текстных партнеров — субъектов действия. Другим фактором является связь переносного, метафорического значения с исходным, прямым, которая проявляется в наличии общей ДС *легко*, а также в метафорическом переносе с одного субъекта действия (*бабочки, птицы*) на другой (*лицо женского пола*). Следовательно, глаголы с частичным включением составляют ближайшую периферию семантико-синтагматического комплекса «глагол — актанты».

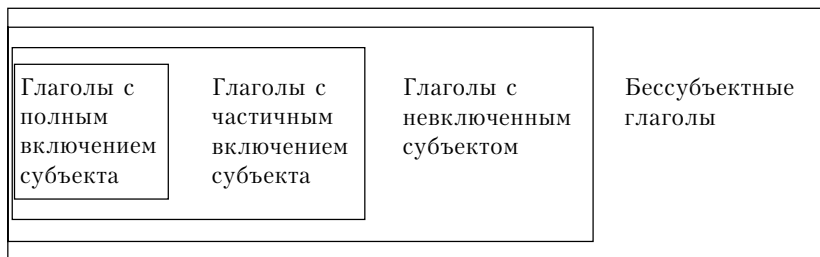
В большей степени отдалены от глаголов с включенным субъектом глаголы с «универсальным», неспециализированным субъектом (любым одушевленным лицом — *поступать, отказываться, рисковать, всхлипывать, дышать* и т. д.; неодушевленным субъектом — *отваливаться, варьироваться, желтеть, обезлюдеть* и т. д.)

В межличностных глаголах отношения (например, *боготворить, нравиться, любить, уважать, ненавидеть, презирать* и т. п.) семантика субъекта пересекается с признаками объекта, поскольку в структуре глагольного значения содержится указание на два равноправных субъекта-лица, такие глаголы называют межличностными (Э. В. Кузнецова), интерперсональными (Р. М. Гайсина), дву-субъектными или двуобъектными.

Дальнейшую периферию комплекса «глагол — субъект» составляют бессубъектные глаголы (*вечерет, морозит, светает*). (Термин бессубъектность достаточно условен и не адекватен термину безличность. Предложения с глаголами, обозначающими атмосферные явления, считают производными от предложений с наличием субъекта. См. различные точки зрения на этот вопрос: Мурзин 1984; ТФГ 1991; Золотова 1984; и др.).

Каждая из названных групп характеризуется своими семантическими особенностями, но в данном исследовании нам не представляется возможным и необходимым выявлять эту специфику. Интегральным признаком для всех перечисленных выше групп глаголов является отсутствие включенного субъекта в глагольных значениях.

Таким образом, организацию комплекса «глагол — субъект» можно представить в виде следующей схемы, которая показывает движение от центра к периферии (см. схему ниже).

Признаком организации поля является лексическая связь глагола и субъекта, закреплённая в семантике глагола.

Глагол — объект

Мысль о синтагматической значимости глагола связана не столько со сферой субъектных, сколько со сферой объектных отношений. Объектные глаголы достаточно подробно изучены на материале английского языка (А. А. Уфимцева) и на материале немецкого языка (С. М. Кибардина). А. А. Уфимцева пишет: «Субкатегоризация объектных глаголов в современном английском языке, как и любом другом — процесс чрезвычайно сложный, т. к. обозначаемые ими ракурсы отношений с предметами материального или идеального миров практически неисчислимы» (Уфимцева 1986: 172). Тем не менее А. А. Уфимцева строит типологию английских объектных глаголов по категориям, обозначающим действие, производимое с объектом, т. е. основанием классификации является направленность глагольного действия на объект. На основании количества и качества валентностей объектного глагола С. М. Кибардина выделяет: 1) глаголы, обозначающие существование субъекта и объекта; 2) глаголы, обозначающие изменение объекта; 3) глаголы, обозначающие изменение отношения между субъектом и объектом (ТФГ 1991: 108—111). Эта обобщённая классификация далее становится более дробной и затрагивает в первую очередь лексическое наполнение объектных позиций.

Существующие концепции рассматривают глагольно-объектные связи с морфологических и синтаксических позиций, т. е. выделяя различный набор именных групп, связанных с глаголом определёнными сочетаемостными, «падежными» отношениями (см.: У. Филмор, У. Чейф, В. В. Богданов, М. В. Никитин, Ю. А. Левицкий и др.). Такой подход учитывает грамматическую природу объектности и семантические роли объектов в высказывании. Между тем, возможно анализировать валентностную, глубинную структуру глагола, в которой заложены типы синтаксических связей и семантика возможных объектов.

Такое исследование позволяет представить организацию комплекса «глагол— объект» в виде поля.

Необходимо заметить, что данная группа слов, несмотря на большой объём, не выделялась и не изучалась ранее. В отличие от субъектных глаголов глаголы с включёнными объектами демонстрируют более сильные связи между глаголом и подчинённым ему (грамматически и семантически) объектным конкретизатором. Объекты могут включаться семантику глагола разными способами.

1. Полное (абсолютное) включение

Глагол специализирован относительно одного актанта, обладает постоянным лексическим контекстом. Например, *опылить* — ‘покрыть (растение) пылевидным ядовитым составом для уничтожения вредителей или зачатков болезней’; *молоть* — ‘дробить, размельчать зерно (превращая в муку, крупу)’ (МАС). В глаголах подобного типа сема актантов (субъектов и объектов) полностью включена в значение глагола, действие специализировано относительно одного актанта, глагол и его объект повторяют, дублируют значение друг друга.

К этому же типу включения можно отнести и глаголы с двумя включенными актантами, хотя включение в глагольное значение сразу двух актантов (субъект и объект одновременно) является третьим типом, отличным от включения объектов и включения субъектов, так как два включенных актанта предельно конкретизируют действие, обозначаемое глаголом. Непоследовательность в подаче включенных актантов в словарных дефинициях затрудняет выборку этой группировки глаголов из словаря. Но все-таки выделение данных глаголов в особую группу кажется нам вполне оправданным, потому что в глагольное значение здесь включен не один компонент, а целая ситуация, состоящая из источника действия, собственно действия и того, на что это действие направлено. Глаголы такого типа характеризуются предельно узкой семантикой, поскольку все основные позиции (субъектные и объектные) заданы в лексическом значении глагола. Например, *наседеть* — ‘согреть теплом своего тела (яйцо) до состояния вылупления птенца (о птицах)’; *осыпать* — ‘сбросить с себя листву, лепестки (о деревьях)’ (МАС). Подобные примеры наталкивают на мысль об обязательности или факультативности таких актантов: оказавшись заложенными в глагольном значении актантные компоненты могли бы не повторяться на синтаксическом уровне, т. к. это приводит к семантическому дублированию. Видимо, аналитические языки демонстрируют такое включение актантов, при котором в поверхностных структурах происходит редукция семантических дублетов (см. английские глаголы *shrag, nod, clap* и др.), обязательность/факультативность объекта-дополнения зависит, по мнению А. Аринштейна, от «величины силового поля, т. е. количества переменных, способных выполнять при глаголе роль семантического объекта» (Аринштейн 1981: 6). В русских предложениях редукции семантических актантов не происходит по причинам грамматического характера: переходный глагол в предложении требует позиции прямого дополнения. Например, в предложениях *Птицы находили перья. Паук ткёт паутину. Лед сковал реку* невозможна редукция субъекта или объекта.

Однако, в некоторых случаях возможно устранение дублетов в предложении, высказывании. Такой процесс Л. Н. Мурзин рассматривает как одну из разновидностей синтаксической деривации — компрессию, сущность которой заключается «в устранении информационно излишних компонентов предложения, в силу чего уменьшается его объем при сохранении прежней информации» (Мурзин 1984: 27). Например, *затянуть* — ‘скрыть собой, обволакивая, заполняя и т. д. (о тумане, мгле, облаках и т. п.)’ (МАС). *Тучи затянули небо*. При трансформации субъектный актанта может занять позицию дополнения, например, *Небо затянуло тучами*. А в безличном употреблении субъектный актанта исчезает (*Небо затянуло*), но сохраняется в семантике глагола, и потому легко восстанавливается в сознании слушающего.

На данном этапе мы не ставим перед собой цель рассмотреть парадигму предложения, образуемую глаголами с включенными актантами, как систему деривационных соотношений между структурными схемами. Но сама идея о возможностях синтаксической деривации (редукции включенных компонентов в предложении при сохранении их в глубинной структуре глагола-предиката) «работает» на подтверждение мысли о включении актантов в глагольное значение.

Следовательно, трансформация структурных схем глагольных предложений с включенными актантами, т. е. возможность устранения включенных субъектов и/или объектов является доказательством присутствия актантов во внутренней, глубинной структуре глагола, в его лексической семантике.

2. Частичное включение

В значение глагола оказывается включенным ряд тематически близких объектов, способных выполнять идентичные функции: в словарных статьях такие актанта представлены тематическим или синонимическим рядом, а также обобщенным родовым понятием. При предикировании говорящий выбирает один из возможных актантов в зависимости аспекта обозначаемого ими действия. Например, *втянуть* — ‘вобрать, подтянуть внутрь (живот, щеки, голову и т. п.)’. Выделение второй группы глаголов с частичным включением объектного компонента, на первый взгляд, может показаться неоправданным, т. к. трудно определить границу между включенным объектом и сочетаемым объектным конкретизатором, установить, является ли субстантивный компонент частью глагольного значения или элементом контекста.

В каждом конкретном случае этот вопрос решается с использованием метода компонентного анализа и сопоставления синонимического ряда глаголов. Например, синонимический ряд глаголов

вонзать — *всаживать* — *втыкать* включает объектную сему ‘что-л. острое, колющее’,

вонзать — ‘помещать (поместить) что-л. острое, колющее во что-л., втыкая, всаживая резким, сильным движением внутрь, вглубь чего-л.; син. *вонзать* (*вонзить*), *втыкать* (*воткнуть*)’;

всаживать — ‘помещать (поместить) что-л. колющее, ранящее во что-л., внутрь чего-л. (обычно живого) резким, сильным, грубым движением; син. *вонзать* (*вонзить*), *втыкать* (*воткнуть*)’;

втыкать — ‘помещать (поместить) что-л. острое, тонкое в стоячем положении в какое-л. отверстие, щель и т. п. легким движением, давлением руки; ант. *вынимать* (*вынуть*)’. (ТИСРГ)

Объектная сема *что-л. острое, колющее, тонкое* — показатель частичного включения, это субстанциональный признак, характеризующий предмет и дающий возможность совершать определенные действия, названные глаголами.

В некоторых случаях показателем частичного включения может быть вероятностная сема *чаще, обычно*, например,

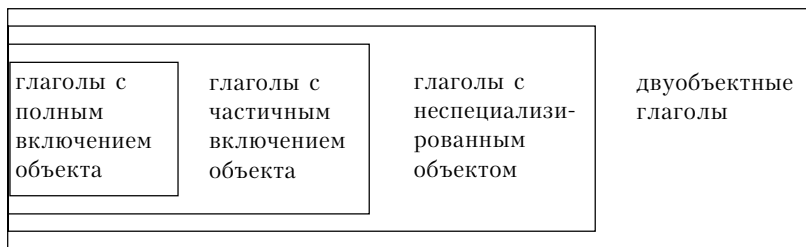
вводить — ‘заставлять помещаться что-л. (обычно что-л. острое) в результате проникновения, перемещения в глубь, внутрь чего-л.’ (ТИСРГ).

Следовательно, глаголы с включенными объектом — это группа глагольных слов с тематически, синонимически или функционально ограниченным набором объектных конкретизаторов, специализированных относительно глагольного действия, связанных с глаголом дистрибутивными (лексически и семантически ограниченными) отношениями, обнаруживаемыми в структуре глагольного значения. Глаголы с полным включением составляют центр семантико-синтагматического комплекса «глагол — объект».

Ближе всего к центру находятся глаголы с частичным включением объекта, где объект представлен в дефинициях широким рядом субстантивных лексем, наличием вероятностных объектных сем или не представлен совсем, а предопределен эмпирическими знаниями носителей языка. Следует заметить, что глаголов с абсолютно свободным замещением объекта немного, и это в основном абстрактные глаголы — *получить, иметь, беречь, дать*. Причина этого — в наличии более сильных связей между глаголом и объектом, обусловленных грамматическими причинами (переходностью) и семантическими особенностями глаголов. Кстати, как свидетельствуют данные ассоциативных экспериментов, в 70% предложенных глаголов у испытуемых возникают объектные ассоциации, а субъектные ассоциаты почти отсутствуют (САНРЯ). То же самое отмечается в РАС, где большинство глаголов-стимулов развертывают позицию объекта, например, брать, получить и др.

Периферию семантико-синтаксического комплекса «глагол-объект» составляют глаголы, объектом которых является одушевленное лицо (*убедить, агитировать, подчинить, воздействовать, мить*). Их называют двуобъектными и двусубъектными. Семантика объектности пересекается с признаками субъектности.

Таким образом, полевую организацию семантико-синтагматического комплекса можно показать в виде схемы, представляющей движение от центра к периферии:

Таким образом, семантико-синтагматический комплекс «глагол — актанты» включает в себя все семантические и синтагматические связи глаголов и актантов. Семантико-синтагматический комплекс — это набор внутрисловных семантических компонентов категориального и дифференциального уровней (КЛС и ДС актантов).

Нами были рассмотрены в процессе анализа только две составляющих этого комплекса «глагол — субъект» и «глагол — объект». Предметом анализа являются глаголы с включенным субъектом и глаголы с включенным объектом, которые составляют центр данного комплекса, поскольку содержат такое сопряжение глагольных и именных компонентов в структуре глагольного значения, при котором семантика глагола определяет выбор актанта, а семантика актанта «отражает» внутрисловные синтагматические свойства глагола.

2. 3. ГЛАГОЛЫ С ВКЛЮЧЕННЫМИ АКТАНТАМИ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ: ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ ПАРАДИГМ

Изучение глагольной лексики в аспекте пересекаемости парадигм предполагает выявление семантических связей и расстояний между ЛСГ и другими лексическими объединениями слов, составляющими семантическое пространство языка. Поэтому мы считаем возможным и необходимым исследование отношений между ЛСГ и глаголами с включенными актантами и выявление места глаголов с включенными актантами в системе ЛСГ русских глаголов. Подтверждением актуальности данного аспекта проблемы является мысль о том, что глаголы одной ЛСГ обладают типовой сочетаемостью и

соответственно близким валентностным потенциалом. Э. В. Кузнецова пишет: «Наличие общих семантических компонентов в содержании лексических значений слов предопределяет способы их функционирования в составе предложений. Типичность функционирования создает единообразие синтагматических свойств слов сходной семантики» (1989: 79).

Общность синтагматических свойств членов одной ЛСГ становится отправной точкой в построении семантических моделей глагольных предложений. Именно этой концепции придерживаются исследователи семантического синтаксиса (Э. В. Кузнецова, Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильев, Т. Б. Алисова и др.). Так, Э. В. Кузнецова считает, что «с определенными типами предикатов согласуются определенные наборы обязательных и факультативных актантных позиций, однотипных в семантическом отношении и характеризующихся однотипными способами грамматической и лексической манифестации» (1986: 11).

Набор этих обязательных и факультативных актантных позиций выводим из лексических значений глаголов и дифференциальных сем актантов.

В качестве доказательства приведем примеры. Выберем из ЛСГ глаголов помещения в результате физического действия несколько глаголов:

Вбивать, что во что чем. ‘Помещать ударами что-л. твердое заостренное с одного конца (гвозди, бревна и т. п.) внутрь чего-л., еще более твердого’.

Вваривать, что во что. Техн. ‘Помещать при помощи сварки какую-л. металлическую деталь внутрь чего-л. железного и укрепить там’.

Ввертывать, что во что. ‘Заставлять помещаться что-л. внутрь чего-л. при помощи вращения’.

Запломбировывать, что. ‘Помещать пломбу (плотное вещество, которым заделывают дупло в зубе) в зуб в лечебных целях, стараясь исправить его дефекты и укрепить пломбу там’ (ТИСРГ).

Выявляем методом компонентного анализа и обобщаем дифференциальные семы:

ДС 1 — объект-пациент (*что-л. твердое, метааллическая деталь, что-л., имеющее винтовую резьбу, пломбу*);

ДС 2 — объект-локатив (*во что-л. твердое, железное, в зуб*);

ДС 3 — инструмент, средство, способ (*при помощи сварки, при помощи вращения и под*). Приведем примеры реализаций данных глагольных значений в предложениях:

1) *Его новая работа была слишком монотонной: весь день он вбивал гвозди в доски, сколачивал ящики. Мерзлый грунт был*

твѳрд, как скала, и стоило нечеловеческих усилий вѳбить в него хотя бы одну сваю.

2) *Ремонтируя дом, сварщики заменяли проржавевшие трубы, вваривали новые. Мастер вварил новые прутья в искореженную аварийей решетку.*

3) *В обязанности вахтера входило следить за освещением здания, и Степаныч ввертывал лампочки, которые почему-то быстро перегорали. Стена была рыхлая, и, чтобы закрепить гвозди, Олег ввернул в просверленные дыры пробки.*

4) *Больному много раз неудачно запломбировывали зуб. Запломбировать зуб — значит предотвратить его дальнейшее разрушение. Надо вовремя пойти к врачу и пломбировать зуб (ТИСРГ).*

Сопоставив значения этих глаголов с их контекстными реализациями, легко обнаружить, что набор ДС глаголов совпадает с наборами актантов и факультативных распространителей предиката. Следовательно, семантическая модель предложений с глаголами помещения в результате физического действия может быть отражена в самом общем виде в схеме: Субъект — Предикат — Объект 1 (пациенс) — Объект 2 (локатив) — Инструмент. Аналогично общим набором ДС обладают и другие ЛСГ, например, ЛСГ прикосновения: Субъект — Предикат — Объект — Инструмент — Мотив; глаголы повреждения тела живого существа: Субъект — Предикат — Объект — Способ.

При этом однотипной оказывается не только сама позиция или семантическая роль актанта в структуре лексического значения глагола, но и семантика актанта. Так, объектами глаголов повреждения является часть тела, объектами глаголов одевания предметы одежды, обуви.

Из этого следуют, что актанты, обладающие типовой семантикой, могут принадлежать семантически близким глаголам — синонимам, членам одной ЛСГ. Например, актант *земля* включается в лексические значения глаголов *боронить, вскапывать, вспахивать, дисковать, запахивать, культивировать, пахать, перерывать, рыть* в качестве объекта-пациенса (в этом случае земля выступает как натурфакт), объекта-результата (вовлеченного в деятельность человека — артефакт). Все перечисленные глаголы входят в ЛСГ рытья. Базовый глагол ЛСГ рытья также обладает включенной семой объекта.

Анализ корпуса базовых глаголов показывает, что в их число могут входить глаголы с включенными актантами. Это следующие глаголы: *надевать, готовить, приготавливать, восстанавливать, рыть, исполнять, источать.*

Рассмотрим ЛСГ глаголов исполнения художественных произведений. Базовый глагол: *исполнять* — ‘воспроизводить для слу-

шания, обозрения драматическое, музыкальное и др. произведения' (ТИСРГ). Глагол включает в свою семантику объектный актант *художественное произведение*, который конкретизируется в глаголах — рядовых членах ЛСГ:

декламировать — 'исполнять словесное художественное произведение (стихи, прозу) публично, произнося вслух, выразительно читая';

запевать — 'исполнять начало хоровой песни или куплета (о солисте, певце, начинающем пение, подхватываемое хором, многими)';

разыгрывать — 'исполнять какое-л. музыкальное произведение, театральную пьесу и под., представляя для зрителей, иногда непрофессионально, любительски' (ТИСРГ).

То же самое наблюдаем в глаголах распространения информации. Базовый глагол: *издавать* — 'распространять книги, журналы и др. печатную продукцию типографским способом, делая известным путем помещения в печать, печатать для всеобщего сведения; публиковать, выпускать' (ТИСРГ) — содержит в структуре лексического значения дифференциальную сему объекта. Поскольку позиция включенного объекта задается базовым глаголом как неким инвариантом, то в рядовых членах ЛСГ включенный объект также обнаруживается. Например, в глаголах ЛСГ распространения информации *выпускать*, *публиковать*, *печатать*, *обнародовать*, *представлять* включена сема объекта.

Следовательно, специфику данных групп определяет не только категориально-лексическая семантика глагола, но и семантика объекта. Конечно, не дифференциальные семы актантов определяют принадлежность глаголов к ЛСГ (общеизвестно, что критерием выделения ЛСГ является категориально-лексическая семантика глаголов), но подобные наблюдения не только свидетельствуют о взаимной «направленности» КЛС и ДС в лексическом значении глагола, но еще раз подтверждают мысль о том, что нельзя изучать семантику глагола и строить семантические модели предложений без учета всех актантных связей глаголов и семантики актантов.

Э. В. Кузнецова пишет: «Типы семантических моделей предложений должны строиться с учетом тех и других (предикатных и актантных) компонентов при возможном выдвигании на первый план как предикатных, так и актантных слов» (1986: 7).

Выявление принадлежности глаголов с включенными актантами к ЛСГ приводит к следующим заключениям:

1. Глаголы с включенным объектом входят в ЛСГ глаголов перемещения, ЛСГ глаголов помещения объекта, включения, покрытия, закрытия, открытия, ЛСГ глаголов физического воздействия на

объект (нанесения удара, давления, прикосновения), созидательной деятельности, речевой деятельности; в меньшей степени в ЛСГ глаголов интеллектуальной и социальной деятельности; ЛСГ глаголов социальных отношений и владения.

Глаголы с включенным объектом отсутствуют в ЛСГ глаголов поля состояния, качества и эмоционального отношения, что объясняется замкнутостью сферы действия этих глаголов на субъекте или распространенностью действия на одушевленный объект, который не является включенным.

В глаголах семантического поля «Действие» существуют группы, центр которых составляют глаголы с включенным объектом. Это глаголы помещения объекта в результате физического действия, в результате перемещения, глаголы покрытия, очищения, рытья, обработки, повреждения тела живого существа, пропитывания, графической передачи информации, исполнения художественных произведений.

Это объясняется конкретным, наблюдаемым характером передаваемого ими действия, направленностью действия на создание, разрушение или изменение какого-л. объекта.

2. Глаголы с включенным субъектом входят в ЛСГ глаголов состояния (по данным О. А. Михайловой, 60% от общего числа), в основном в ЛСГ глаголов бытийного состояния, а также в ЛСГ глаголов субъектного движения и звучания. О. А. Михайлова полагает, что для ЛСГ глаголов состояния, возникновения, исчезновения, звучания специализированная субъектная сема является типовым дифференциальным признаком, и, следовательно, глаголы с включенным субъектом составляют центр этих ЛСГ (Михайлова 1985).

Эти утверждения легко подтверждаются конкретным материалом. Например, большинство глаголов ЛСГ звучания специализированы относительно ограниченного ряда предметов или лиц, способных выполнять действие, названное глаголом. Например:

блеять — ‘издавать характерные протяжные, высокие, дрожащие звуки, крики (об овце, баране, козе)’;

вижать — ‘производить пронзительные, резкие, высокие звуки, неприятные шумы (о трущихся поверхностях, работающих механизмах, музыкальных инструментах и под.)’;

вить — ‘производить громкие протяжные звуки, шумы, напоминающие стон (вой) собаки и воспринимаемые человеком как жалобные, тоскливые или как сигнал опасности (о ветре, звуках сирен и т. п.)’;

журчать — ‘производить непрерывный, монотонный, булькающий звук, шум (о текущей воде)’ (ТИСРГ).

Большинство глаголов звучания так же, как и глаголов движения, можно отнести к предикатам функционирования, или функци-

ональным глаголам. По мнению Г. А. Золотовой, они обозначают не функционирование предмета, а возможность функционирования как способ существования или осуществления его назначения. Г. А. Золотова относит к ним глаголы, обозначающие звуковое, цветовое или световое, обонятельное проявление существования или функционирования предмета (Золотова 1982: 162). Например, *Цветы благоухают. Звезды мерцают.*

Именно принадлежность описываемых глаголов к функциональным объясняет наличие во многих из них включенных субъектов. Более подробное описание этого глагольного класса см. в (Михайлова, Плотникова 1994: 14–21).

Глаголы с включенным субъектом могут относиться и к другим ЛСГ, например, ЛСГ покрытия объекта, повреждения объекта, уничтожения объекта и др., но находятся на периферии этих ЛСГ, так как, по мнению О. А. Михайловой, «входящая в значение глаголов дифференциальная субъектная сема делает это значение очень содержательным, существенно отличающимся от семантики базового глагола группы, что всегда представляет крайнюю степень иерархии» (Михайлова 1990: 52–53).

3. Глаголы с двумя включенными актантами — субъектом и объектом одновременно распределяются следующим образом по ЛСГ. Большинство из этих глаголов относятся к ЛСГ глаголов покрытия. Например, в глаголах *затуманить, задержать, натянуть, обволочь, обложить, обнять* субъектом действия являются *тучи, туман*, объектом-локативом — *небо*, а в глаголах *оковать, сковать* субъектом действия является *снег, лед*, а объектом-локативом — *земля, река, озеро*. Часть глаголов с включенной актантной рамкой входит в ЛСГ глаголов помещения (см. глаголы *раскрыть, распушить, распустить, растопырить* — *почки; о растениях*); ЛСГ глаголов перемещения (см.: *разрезать (водную поверхность; о судне)*; *тянуть (листья; о растениях)*); ЛСГ глаголов физиологических действий (*нанести, насидеть (яйцо; о птицах)*); *сосать (молоко; о ребенке)*; ЛСГ глаголов физического воздействия на объект (*проточить (отверстие; о червях, насекомых)*); *звучания (прорезать (тишину; о резких звуках))*.

Глаголы с включенными двумя актантами находятся на периферии всех ЛСГ, так как они обладают максимальной конкретностью и специализированностью значений. Включая в свою семантику два актанта, данные глаголы представляют конкретную, наблюдаемую ситуацию. Их принадлежность к ЛСГ глаголов действия неслучайна. Семантическая модель глаголов этих ЛСГ состоит из:

а) семантического субъекта (который может быть неодушевленным в глаголах покрытия, перемещения, звучания или одушевлен-

ным, но всегда конкретизированным в глаголах физиологических действий),

б) семантического объекта (который включается в значение глагола на правах дифференциального семантического признака),

в) предиката, который выражает воздействие семантического субъекта на семантический объект.

Таким образом, глаголы с включенными актантами распределяются по различным ЛСГ. Глаголы с включенным субъектом составляют центр ЛСГ глаголов состояния, глаголы с включенным объектом — центр глаголов действия, особенно ЛСГ глаголов помещения и физического воздействия на объект. Глаголы отношения чаще всего не содержат включенных субъектно-объектных сем, поскольку субъектно-объектные семы таких глаголов характеризуются наибольшей обобщенностью и абстрактностью.

Исследование семантических связей глагола и имени в структуре глагольного значения свидетельствует о значимости субъектно-объектных компонентов и возможности их быть основанием типологии глаголов, а также представляет глагол как семантически сложный лексический знак и свернутую предикативную единицу. Рассмотрение глаголов с включенными актантами как единицы семантико-синтагматического комплекса «глагол — актанты» ориентирует на выявление онтологической природы глагольного слова и изучение глагольной лексики с точки зрения отображения в ней изменяющегося мира субстанций.

ГЛАВА 3. АБСТРАКТНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ОБОБЩЕННЫЕ И КОНКРЕТНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

1. ГЛАГОЛЫ-ИДЕНТИФИКАТОРЫ КАК ПАРАДИГМА КЛАССИФИЦИРУЮЩЕГО ТИПА

В качестве материала анализа степени абстрактности и конкретности глагольной семантики нами привлечены базовые идентификаторы ЛСГ русских глаголов. Почему?

В русской лексике как системе, отражающей практически все сферы обитания, существования и деятельности человека в обществе и природе, выделяется значительный лексический пласт — глагольная лексика, которая может быть представлена в виде семантических групп, объединяющих в себе глаголы с единым семантическим признаком категориально-лексического характера типа «соединение», «разделение», «речевое общение», «восприятие» и др. Уче-

ные выделяют два типа парадигм — парадигму классифицирующего типа и парадигму вариантного типа (Кузнецова 1987: 32–33; Караулов 1981; Мурзин 1987: 34–36).

Совокупность базовых идентификаторов ЛСГ глаголов можно рассматривать как парадигму первого типа, а множество глаголов одной ЛСГ как парадигму второго типа, наибольший интерес в этом плане представляют семантические отношения базовых идентификаторов.

Парадигма базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов как парадигма классифицирующего типа является уникальным объединением, своеобразной группой базовых глаголов, отражающих, практически, все факты процессуально-событийной действительности. Базовые идентификаторы являются основными представителями и манифестаторами не только всех ЛСГ, но и семантических подполей, а также трех основных семантических полей действия, состояния и отношения. Семантика глагола имеет прямое отношение к обозначению реальных действий, состояний и отношений, являющихся предметом практического и теоретического познания человека в процессе его трудовой деятельности (Колшанский 1976: 10). Окружающая нас действительность, по бесспорной мысли многих ученых — и философов, и филологов, — делится на мир «вещей» и мир «идей» (Степанов 1976: 319; Уфимцева, Азнаурова, Кубрякова, Телия 1977: 23, 24, 39); вследствие чего лексико-семантическая система глагольной лексики, безусловно, должна представлять две или более разновидности действий, состояний и отношений — от материально-физиологических (физических действий, состояний, отношений) до идеальных (духовных, социальных). Можно предположить, что парадигма базовых идентификаторов-классификаторов является по своему составу системой неоднородного характера в плане содержания. Глаголы-идентификаторы различных ЛСГ, отражая все многообразие деятельности человека в обществе и природе, как в материально-физической, так и в социально-духовной сферах, вне всякого сомнения, должны быть неоднородны и по характеру своей семантики в аспекте абстрактности и конкретности относительно отображаемых ими действий, состояний и отношений к так называемому «миру вещей» и «миру идей».

На наш взгляд, определение степени абстрактности и конкретности глагольной семантики естественно изучать на материале парадигмы базовых идентификаторов. Это представляется нам продуктивным по ряду причин. Значение базового глагола богаче по своему объему семантики значения глагола — члена ЛСГ, а набор дифференциальных признаков (далее — ДП) лексического значения идентификатора, естественно, в количественном и качествен-

ном отношениях является оптимальным. Анализ лексического значения базового глагола облегчается тем, что в отличие от «рядового» глагола — члена ЛСГ его значение является эталонным, образцовым с точки зрения семного моделирования глагольной семантики. Поэтому, анализируя семантику базовых идентификаторов, безусловно, можно добиться тех или иных результатов и выводов, которые могут быть распространены на семантику всей глагольной лексики одной семантической группы с обязательным учетом специфики дополнительной конкретизирующей части лексического значения рядового глагола с абсолютно полным набором ДП. Уникальность структуры лексического значения глагола, где денотативный и сигнификативный компоненты семантики могут быть обнаружены довольно часто лишь с помощью экстралингвистических критериев, позволяет говорить об огромной роли внеязыковых факторов в анализе глагольной семантики и в определении степени абстрактности и конкретности — внеязыковых факторов.

2. К ПРОБЛЕМЕ СТЕПЕНИ АБСТРАКТНОСТИ И КОНКРЕТНОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

В современной лингвистической литературе существует по меньшей мере три понимания категорий абстрактности и конкретности.

Во-первых, лексические единицы противопоставляются по объему их значений (Гак 1977; Гинзбург, Крейдлин 1982), что влечет за собой денотативно-объемное понимание данных категорий (например, рассматриваются случаи употребления определенных и неопределенных артиклей английского языка и некоторые случаи специфического словоупотребления в русском языке типа «человек» и «Человек»).

Во-вторых, рассматриваются случаи абстрактизации языкового знака (Локк 1960; Горский 1964; Колшанский 1976; Кацнельсон 1986; Вежбицка 1986; Розина 1988; Топорова 1992).

При определении степени абстрактности и конкретности глагольной семантики, на наш взгляд, необходимо учитывать второе понимание категорий абстрактности и конкретности, а также частично первое (например, при сопоставлении семантики базовых идентификаторов с семантикой глаголов — членов ЛСГ).

В определении степени абстрактности и конкретности глагольной семантики, безусловно, необходимо опираться на критерии как экстралингвистического, так и интралингвистического характера. Так, Э. В. Кузнецова, исходя из понимания «общих» и «необщих» глаголов (У. Чейф 1975: 196), выделяет следующие экстралингвистические критерии подобного разграничения, при учете которых действие может быть:

- 1) непосредственно наблюдаемым — ненаблюдаемым;
- 2) физиологического — социального характера (Кузнецова 1985).

Данные экстралингвистические критерии в дальнейшем мы будем называть материальными знаками абстрактности и конкретности.

Интралингвистические критерии разграничения абстрактной и конкретной семантики глагола выявлены такими учеными, как А. А. Уфимцева, Л. М. Васильев, В. Г. Гак и др. В данном случае степень абстрактности и конкретности глагольной семантики зависит, во-первых, от количественного состава сем дифференциально-го характера, во-вторых, от типа микрокомпонентов структуры лексического значения (категориальный, дифференциальный, конкретизирующий; грамматический — собственно лексический). Неоднородность микрокомпонентов лексического значения глагола, как и любой другой части речи, по мысли Л. М. Васильева, приводит к тому, что «конкретные значения включают идеографические компоненты эмпирийного характера (дом, сад, горький, сидеть, пить), а абстрактные значения состоят из категориальных компонентов (причины, отношения) (Васильев 1985: 57). Определенный вклад в изучение абстрактной и конкретной семантики глагола, опираясь на исследование ЛСГ, ТГ и семантических полей русской лексики, сделали следующие ученые: Шведова 1989, Касимова 1989, Харченко 1989, Боровикова 1985, Чудинов 1988, Прокуденко 1984, Демидов 1986, Кияшева 1985, Комарова 1961, Тропина 1984, Бабенко 1980, Бацевич 1980, Васильев 1970, Кузнецова Э. В. 1982, Медведев 1972, Пономарева 1988, Рюмина 1981 и 1987 и др.).

Компонентный анализ лексического значения слова, как правило, опирается на анализ словарной дефиниции. Думается, что вопрос о словарной дефиниции является достаточно важным и сложным. Ю. С. Степанов (1966: 321 — 324) исследует полно и обстоятельно как историю словарных дефиниций, так и их логико-философскую специфику, выделяя как итог существующие в настоящее время три типа словарных дефиниций: прямое определение, косвенное определение, перифрастическое определение. Нам кажется, что два последние типа словарных дефиниций настолько близки, что их можно объединить в один — косвенно-перифрастическое определение (перифрастичность, практически, невозможна без описательности, то есть косвенности определения). Наличие различных типов словарных дефиниций дает нам возможность говорить о том, что при определении степени абстрактности и конкретности глагольной семантики необходимо учитывать, какой тип словарной дефиниции используется при описании лексического значения глагольного слова. В семантике словарной дефиниции выделяются три слагаемых: лексическое, логико-семантическое и синтаксическое

(Караулов 1981: 290). Каждое из этих трех слагаемых учитывается при определении абстрактности и конкретности глагольной семантики. Как показал анализ материала, важно исследовать не только качественную сторону словарной дефиниции (по трем слагаемым), но и количественный аспект — объем словарных дефиниций, отражающих как абстрактные, так и конкретные понятия. Если денотат глагольной семантики может быть не только представлен, но и определенным образом изображен с помощью паралингвистических средств, то сигнификат может быть сформирован в сознании человека на основе словарной дефиниции в результате анализа всех ее аспектов.

Несовершенство толковых словарей, толкований и определений, которые содержатся в них, является результатом несовершенства нашего сознания. Тем не менее в подавляющем большинстве случаев толковый словарь дает нам достаточно полное и верное определение значения слова. Словарная дефиниция — это всего лишь начальная точка компонентного анализа лексического значения слова; неточности определения могут быть идентифицированы и квалифицированы, а порой и исправлены исследователем на основе неоднократных и глубоких уточнений с точки зрения как формального, так и содержательного аспектов дефиниции.

Таким образом, можно утверждать, что словарная дефиниция — это материально зафиксированное в действительности основание для компонентного анализа значения слова при определении степени абстрактности и конкретности глагольной семантики.

3. АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В АСПЕКТЕ АБСТРАКТНОСТИ И КОНКРЕТНОСТИ

Глагол, обладая в высшей степени обобщенным значением по сравнению с лексическим значением существительного, нуждается в комплексном подходе к определению степени абстрактности и конкретности его семантики. При таком рассмотрении сами категории абстрактности и конкретности применительно к глаголам наполняются новым содержанием, которое мы могли бы определить как диалектическое или комплексное.

Процессуально-событийно-временная сущность глагольной семантики может быть, как уже отмечалось, исследована при рассмотрении семантики базовых идентификаторов без сопоставления их на данном этапе с глаголами — членами ЛСГ (Боровикова 1985; Чудинов 1988 и др.). Однако для подобного исследования необходим нетрадиционный подход, который выражается в комплексном характере анализа глагольной семантики. В ходе данного исследования необходимо установить следующее: во-первых, специфику струк-

туры лексических значений как абстрактной, так и конкретной глагольной лексики на основе компонентного анализа лексических значений базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов; во-вторых, специфику денотативного и сигнификативного компонентов абстрактной и конкретной глагольной семантики; в-третьих, определить шкалу степени абстрактности и конкретности глагольной семантики. Данные задачи исследования не могут быть решены без применения комплексного анализа семантик базовых идентификаторов ЛСГ глаголов.

В своей работе мы используем следующий алгоритм анализа глагольной семантики:

1. Определение материальных знаков абстрактности и конкретности на основе выявления внеязыковых характеристик денотата лексического значения базового глагола с учетом экстралингвистических критериев: действие: наблюдаемое \Leftrightarrow ненаблюдаемое; физиологического (физического) \Leftrightarrow нефизиологического (нефизического) характера.

2. Анализ словарной дефиниции с точки зрения:

а) типа определения (прямое \Leftrightarrow косвенно-перифрастическое);
б) ее слагаемых с учетом параметров: лексический аспект, логико-семантический аспект и синтаксический аспект.

3. Рассмотрение сложного глагольного действия в аспекте абстрактности и конкретности.

4. Компонентный анализ лексического значения базового глагола, включающий:

а) определение специфики семной структуры и семного набора лексического значения глагола;

б) выявление роли тех или иных микрокомпонентов (сем) лексического значения базового глагола в отражении степени абстрактности и конкретности глагольной семантики.

5. Создание шкалы абстрактности и конкретности глагольной семантики с учетом результатов трех первых пунктов комплексного анализа лексических значений базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов.

4. ПРОБЛЕМА СЛОЖНОГО ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В АСПЕКТЕ АБСТРАКТНОСТИ И КОНКРЕТНОСТИ

Проблема сложного действия (далее — СД) до сих пор остается в поле зрения ученых. Впервые термин СД был предложен В. В. Виноградовым (Виноградов 1977). В последнее время явление СД подвергалось более серьезному изучению, и в настоящее время понятие СД связывается такими явлениями, как итеративность (многократность) (Ремчукова 1987: 63) мультипликативность

(многоактность) (Яковлев 1972), разнонаправленность (Ремчукова 1987: 62 – 63; Хартунг 1979; Соболева 1983). Данные категории, на наш взгляд, так или иначе соотносятся с понятием СД и, как правило, включаются в него, отражая сферу количественности, которая трактуется как функция – семантическая категория, связанная с двумя частями речи глаголом и существительным (Ремчукова 1987). Е. Н. Ремчукова (1987: 62 – 63) выделяет следующие группы глаголов СД:

- лексически многоактные (*мигать, качать*);
- разнонаправленные (*бегать*);
- взаимные (*ссориться*);
- глаголы именной мотивации (*листать, крошить*). Анализ денотативной части семантики базового глагола с целью установления степени абстрактности и конкретности СД в основном опирается на анализ словарной дефиниции и лексического значения глагола.

В нашем исследовании мы будем использовать вышеуказанную классификацию глаголов СД.

Предварим конкретный анализ лексики следующим замечанием: на наш взгляд, глагольное действие в силу уникальности своей природы потенциально – во всех без исключения случаях является многоактным. Даже такие базовые глаголы с гиперобобщенным значением, как *быть и существовать*, имеют в своем значении нулевую сему, или прасему, т. е. сему, обозначающую пропозитивную часть действия, манифестируемого лексическим значением глагола: *появиться, родиться, возникнуть, быть, существовать*, т. е. действия наличия, бытия, существования (действие, приближающееся к состоянию, что уже говорит о том, что данному полудействию/ полусостоянию должно предшествовать какое-либо действие) отображают реально лишь вторую фазу общего действия, выражаемого семантикой глаголов *быть и существовать*. Данной фазе этого действия бытия объективно предшествует фаза возникновения, ставшая в настоящий момент функционирования глагола нулевой.

Наличие данной нулевой (пропозитивной) фазы действия, состояния и отношения можно подтвердить практически при анализе семантики любого глагола (нулевую пропозитивную фазу действия мы также называем прасемой, или нулевой пропозитивный набор КЛС + ДП). Ср.:

звучать – «издавать звуки» – сема бытийности, существования, наличия органов (предметов, аппарата) говорения, звучания и т. п.;

исчезнуть – «перестать существовать, наличествовать» – прасема существования, наличия.

Следует отметить, что нулевая фаза действия (состояния, отношения) может включать в себя более одной прасемы, т. е. практи-

чески, речь идет о наличии в семантике некоторых глаголов нескольких нулевых фаз действия (состояния, отношения); речь идет о глаголах, как правило, производных или о глаголах с социально-обобщенной семантикой. Ср.: *узнать* (абстрактный производный глагол) — ‘получить, собрать сведения о ком-, чем-л., стать осведомленным относительно чего-л.’ Данный глагол сам по себе отображает СД (*собрать сведения + стать осведомленным*), кроме того, семантика его имеет 2 пропозитивные нулевые фазы действия (2 прасемы): 1) *быть (жить), существовать*: 2) *мыслить, интересоваться (заинтересоваться)*. *Победить* (социально-обобщенный глагол) — ‘нанести поражение противнику, выиграть бой, войну’ — прасема существования, прасема замысла (подготовки) и т. п.

Данные рассуждения важны для нас по следующей причине: СД глагола, специфическая природа такого действия обусловлена как сложностью денотата глагольной семантики, так и комплексно-обобщенным характером отображения процессуально-событийного аспекта реального мира сознанием человека, когда семантики глагола воспринимается человеком и закрепляется в его сознании лишь при условии прямого соотношения денотата глагола с реальным действием (состоянием, отношением) в реальном мире. Такое понимание СД мы будем считать широким.

В дальнейшем своем исследовании мы будем придерживаться узкого термина СД.

При рассмотрении группы конкретных глаголов нами выявлены следующие базовые глаголы СД:

– Многоактные: *поместить, вобрать, проникнуть, покрыть, одеть (одеться, надеть), скрывать(ся), удалить, бить, ударить, давить, двигать, чистить, рыть, дать, раздеть, отделить, разрушить* и др.

– Разнонаправленные: *перемещать (+ многоактный), перемещаться, двигаться*.

– Взаимные: *разговаривать* (бисубъектный глагол).

– Глаголы именной мотивации: *звучать*. Практически все конкретные базовые глаголы отображают СД. Исключение составил глагол *дышать*. Причем следует отметить, что в данном ряду преобладают глаголы многоактного действия; разнонаправленное действие выражается лишь глаголами субъектного перемещения и движения.

Абсолютно монолитной с точки зрения СД представляется нам группа социально-обобщенных глаголов. Все данные глаголы выражают действие многоактное (мультипликативные глаголы): *сравнить, проверить, взаимодействовать, противодействовать, осуществлять, победить* и т. д. Природа многоактности социально-

обобщенных глаголов, несомненно, иная, нежели природа СД конкретных глаголов. Это объясняется прежде всего самой природой действия конкретно-физического и действия социального характера. Деятельность человека в обществе, или его социальная активность / пассивность обусловлена, как правило, с одной стороны, его деятельностью физиологического (физического) характера, а с другой стороны, подобная деятельность немыслима без соучастников, без отношения к окружающему миру и обществу, без подготовительных действий, манипуляций и т. п. Поэтому СД социально-обобщенного глагола, помимо мультипликативности, будет потенциально характеризоваться и как взаимное, ср.: *взаимодействовать, противодействовать* (бисубъектные глаголы) и *заставить, подчинить, разрешить, помогать, управлять* — глаголы, предполагающие определенные отношения между субъектом и объектом СД.

Наиболее сложными при рассмотрении данного аспекта глагольного действия оказались абстрактные базовые глаголы. Это объясняется прежде всего той сферой бытия, где человек вынужден функционировать как интеллектуальное и духовное существо. Денотат абстрактного глагола, его лексическое значение специфичны в силу необыкновенной сложности и комплексности интеллектуальной и духовной деятельности человека. Идеальная сущность результата, например, мыслительной деятельности человека, затрудняет выявление как механизма мышления, так и определение денотата такого действия. Эта трудность отражается и в оформлении словарной дефиниции, и в специфике толкования (как мы уже отмечали, чаще всего — тавтологического) значения абстрактного глагола. Ср.: *назвать* — 'дать название'; *решить* — '... прийти к выводу, заключению, решению'; *понять* — 'уяснить, уразуметь, постичь' (толкование через синонимы, толкование значений которых, в свою очередь, производится с помощью глагола *решить*). И тем не менее мы можем утверждать, что действие, выражаемое абстрактным глаголом, имеет сложный характер, и такое СД будет иметь, в основном, характер лексической многоактности (мультипликативности). Ср.: *назвать* — 'дать название, имя...' в данном случае алгоритм СД следующий: а) выбрать объект номинации; б) охарактеризовать объект; в) принять решение; г) назвать; *решить* — 'после размышления, обдумывания прийти к какому-л. выводу, заключению относительно чего-либо'. СД, алгоритм: а) выбрать объект; б) обдумать; в) найти решение. Таким образом, природа СД конкретных, социально-обобщенных и абстрактных глаголов неоднотипна и определяется характером того или иного действия с точки зрения социальной, физической (физиологической), а также интеллектуальной сущности деятельности человека в природе и обществе.

5. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ БАЗОВЫХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ ЛСГ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ АБСТРАКТНОСТИ/КОНКРЕТНОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

5. 1. ТИПОЛОГИЯ БАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТЕПЕНИ АБСТРАКТНОСТИ И КОНКРЕТНОСТИ ИХ СЕМАНТИКИ (С УЧЕТОМ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ)

Группа конкретных глаголов

Эти глаголы обозначают непосредственно наблюдаемые действия, состояния и отношения физиологического (физического) характера: *перемещать(ся), подниматься, опускаться, достигнуть, приблизиться, отправиться, миновать, поместить, включить, во-брать, проникнуть, покрыть, одеть(ся), надеть, скрыться, быть, ударить, давить, двигать, касаться, наклонить(ся), чистить, рыть, обрабатывать, испортить, пропитать, соединить, присоеди-нить, разделить, отделить, разрушить, создать, готовить, собрать(ся), писать, восстановить, произнести, выразить, пи-таться, кормить, пить, поить, дышать, звучать, быть, Суще-ствовать, исчезнуть, становиться (каким), выделить(ся), изме-нить(ся), утрачивать, жить (как), вызвать (эмоциональное со-стояние), прийти (в состояние), испытывать (физиологическое состояние), привести (в физиологическое состояние), болеть.*

Отдельно стоит группа базовых глаголов, которые могут быть отнесены и к конкретным, и к социально-обобщенным, что прояв-ляется и в неоднородности состава тех ЛСГ, идентификаторами которых они являются. К таким мы относим следующие глаголы: *сообщить, разговаривать, обратиться, воспроизводить, вести (себя), жить (как), испытывать (эмоции), быть (в состоянии), приходиться (в состояние), приводить (в состояние), быть (в фун-кциональном состоянии), иметь, заменить, сменить, беречь, те-рять, лишиться, дать, проявить (какое-л. отношение).*

Действия, состояния и отношения, выражаемые глаголами этой группы, могут быть непосредственно наблюдаемы и имеют физио-логический или физический характер.

Особое место в этой группе занимают базовые глаголы ЛСГ, входящие в семантические поля состояния и отношения, выражен-ные аналитическими формами в виде глагольно-именных словосо-четаний, это объясняется тем, что действие, выражаемое ими, явля-ется комплексным.

Группа абстрактных глаголов

Эти глаголы обозначают непосредственно не наблюдаемые дей-ствия нефизического характера: *вопринимать, понять, решить, во-образить, определить, полагать, думать, узнать, назвать, обоз-начить.*

Как видим, в данную группу глаголов входят глаголы интеллектуальной деятельности. Количественное несоответствие групп конкретных и абстрактных глаголов, видимо, отражает процессуальную занятость человека в основных сферах его деятельности: как в сфере физического труда, физиологического бытия, в сфере человеческих и общественных отношений, так и в сфере интеллектуальной деятельности человека. Думается, что с философской точки зрения такое количественное неравновесие глаголов с семантикой абстрактного и конкретного характера вполне оправданно и подтверждается современным состоянием статуса человека в обществе и окружающей среде.

Разграничение глагольной лексики по наличию тех или иных материальных знаков абстрактности и конкретности имеет в основе и еще одну важную для нас деталь: действие физиологического (физического) характера, которое может быть непосредственно наблюдаемым, кроме того, может быть не только представимо на уровне сигнификата с опорой на эмпирику и культурные знания, на также может быть изображено практически любым человеком при помощи имитационных действий, телодвижений, жестов и мимики, причем такая имитация будет, безусловно, прямым и абсолютно идентичным оригиналу повторением. Например, действие нефизиологического (нефизического) характера, ненаблюдаемое, может быть изображено лишь опосредованно: подобного рода имитация перестает быть прямым повторением, воспроизводством оригинального действия, а является образным показом, изображением того или иного действия, в данном случае интеллектуального характера, который также может оформляться при помощи примитивных телодвижений, жестов, мимики и т. п.

Группа социально-обобщенных глаголов

Несколько по-иному обстоит дело с выявлением материальных знаков абстрактности и конкретности базовых глаголов, отнесенных нами к группе промежуточного типа, или глаголов с социально-обобщенной семантикой. В данную группу нами включены следующие базовые глаголы: *сравнить, проверить, выбрать, заниматься, использовать, осуществить, противодействовать, работать, трудиться, поступать, взаимодействовать, искать, приобрести, относиться (положительно), относиться (отрицательно), контактировать, победить, заставить, влиять, подчинить, защищать, помогать, обеспечить, разрешить, управлять.*

Данные глаголы названы нами социально-обобщенными по ряду причин. Во-первых, материальные знаки абстрактности и конкретности при рассмотрении отвлеченных глаголов выявляются лишь час-

точно, не в полном наборе. Действия, обозначаемые этими глаголами, не могут быть отнесены в равной степени ни к действиям физического (физиологического) характера, ни к действиям интеллектуальным: например, *сравнить* — 'рассмотреть одно в связи с другим для установления сходства или различия или для установления преимуществ одного перед другим, сопоставить'. Анализ лексических и синтаксических особенностей словесных дефиниций этих глаголов показывает, что лексическая сочетаемость социально-обобщенных (отвлеченных) глаголов репрезентируется в рамках словарной дефиниции намного шире, чем подобная сочетаемость глаголов, отнесенных нами к абстрактным и конкретным. См.: *сравнить* 'одно с другим...' — позиции объектов действия могут быть замещены лексикой широкого объектного спектра (*сравнить человека с человеком, с кошкой, с тумбой, с ветром, с внутренним органом животного, организма и т. п.; сравнить ядерную войну с Концом Света, сравнить ленту Мебиуса с судьбой человека, сравнить теорему Пифагора с брюками и т. п.*). Само действие, выражаемое социально-обобщенным (отвлеченным) глаголом, является противоречивым, двойственным по своему характеру с точки зрения физиологичности (физичности), моторности и интеллектуальности; нам кажется, что действие такого типа может быть отнесено к действиям социального (или социально-обобщенного) характера (Кузнецова 1985, 1987).

Во-вторых, обозначаемое социально-обобщенным глаголом действие двойственно с точки зрения возможности быть непосредственно наблюдаемым и не наблюдаемым. Ср.: *сравнить кошку с собакой* (действие наблюдаемое при наличии обоих объектов сравнения) и *сравнить эпоху Возрождения с Перестройкой* (действие ненаблюдаемое, так же, как в случае *сравнить кошку с собакой* при отсутствии обоих объектов в ситуации сравнения). Действия, выражаемые глаголами *сравнить, проверить, взаимодействовать, противодействовать, осуществить, воспроизводить, восстановить, выделить, победить, заставить, подчинить, разрешить, помогать, управлять, искать, добиться*, на наш взгляд, должны быть отнесены к действиям социально-обобщенного характера.

Таким образом, можно утверждать, что базовая глагольная лексика (по степени абстрактности и конкретности своей семантики) с точки зрения наличия материальных знаков абстрактности и конкретности может быть разделена на три неравноценных в качественном и количественном отношении групп:

- 1) конкретные базовые глаголы;
- 2) абстрактные базовые глаголы;
- 3) социально-обобщенные базовые глаголы.

Необходимо отметить, что глаголы, включенные нами в третью группу, ни в коем случае не являются глаголами переходного типа — от конкретных к абстрактным или наоборот. Данные глаголы, на наш взгляд, составляют особую группу в сложной градации базовых глаголов с точки зрения категорий абстрактности и конкретности, занимая автономную равноправную позицию в подобной классификации. Можно ли такие глаголы считать глаголами промежуточного типа? Нам кажется, что это не будет ошибкой, так как слова с конкретными и абстрактными денотатами представляют собой два полюса на карте парадигмы базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов, и экваториальную позицию здесь вполне закономерно и автономно занимают глаголы с социально-обобщенными (отвлеченными) денотатами. Думается, что наличие трех типов действий, состояний и отношений с точки зрения физического (физиологического), социального и интеллектуального характера действия, состояния и отношения обуславливают наличие в системе глагольной лексики трех различных групп глаголов, денотаты которых, соответственно, имеют характер и физический (физиологический), и социальный, и интеллектуальный.

5. 2. СПЕЦИФИКА СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИЙ АБСТРАКТНОСТИ И КОНКРЕТНОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Анализ словарных дефиниций — один из важнейших путей выявления способов манифестации денотативной и сигнификативной частей лексического значения базовых глаголов. Такой анализ включает в себя, во-первых, определение типа словарной дефиниции с точки зрения прямого и косвенно-перифрастического толкования значения глагола; во-вторых, анализ слагаемых словарной дефиниции по следующим параметрам: лексический, логико-семантический и синтаксический аспекты.

Следует еще раз оговориться: словарные дефиниции, несмотря на то, что они являются плодами коллективного труда лексикографов, все же недостаточно совершенны. В то же время словарная дефиниция в абсолютном большинстве случаев содержит денотативный и сигнификативный аспекты лексического значения слова, представляя необходимый минимум как информации, так и обязательный набор грамматических и лексических характеристик значений слова, необходимый состав лексических позиций (субъекта, объекта, локальности, инструментальности и др.), оформляя тем самым относительно лексикографическую достаточность определения значения слова.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу словарных дефиниций базовых глаголов мы сопоставим их лексическое и

синтаксическое оформление в разных словарях (для сопоставления взяты «Словарь русского языка» С. И. Ожегова; Словарь русского языка в 4-х тт.; Словарь русского языка в 17 тт.).

Для подобного сопоставления мы выбрали 15 глаголов (по 5 глаголов из каждой группы) и рассмотрели их словарные дефиниции в указанных выше словарях (всего 45 словарных дефиниций).

Дефиниционный анализ показал, что все без исключения словари в достаточной полной мере отражают категориально-лексические семы лексических значений глаголов. Например, *достигнуть* (*достичь*) — ‘дойти, доехать до какого-л. места, предела’ (МАС); ‘двигаясь, доходить, доезжать до какого-л. места; добираться куда-л.’ (БАС); ‘переместиться на более близкое расстояние к кому-л., чему-л.’ (СО).

В данных трех словарных дефинициях представлена одна и та же КЛС перемещения объекта, которая уточняется очень важным ДП с локальным значением (какое-л. место, к кому-л., чему-л.). Именно этот ДП, в свою очередь, определяет данное перемещение объекта как направленное к определенному месту, предмету и т. п.

Звучать — ‘издавать звуки’ (МАС); ‘производить, издавать звук, звуки; греметь, звенеть, гудеть’ (БАС); ‘издавать звуки, раздаваться (о звуках)’ (СО). КЛС звучания представлена во всех трех словарных дефинициях. Однако следует отметить, что словарная дефиниция, предложенная БАС, является более объемной (многословной, ср.: МАС — 2 слова, СО — 3–4 слова; БАС — 5–7 слов), что происходит не в силу различного типа толкования, а в силу расширения или сужения рамок лексических средств, участвующих в оформлении словарной дефиниции. БАС предлагает читателю (помимо основной части словарно дефиниции) также ряд синонимов в толкуемом слове; ср.: *производить звук, звуки — греметь, звенеть, гудеть*.

Объем словарной статьи в данных словарях определен задачами этих словарей. Если словарь С. И. Ожегова является словарем научно-популярного типа, то МАС и БАС приближаются к научному. Поэтому словарные дефиниции БАСа завершаются набором литературных иллюстраций (до 10–15 примеров), которые должны отражать достаточно полно сочетаемость толкуемого слова. МАС ограничивается одной или двумя иллюстрациями, в основном художественного или научного типа; СО предлагает лишь чисто научные иллюстрации в объеме простого (реже сложного или комбинированного) словосочетания.

Не всегда, однако, объем словарной дефиниции зависит от типа толкового словаря. Так, словарная дефиниция глагола *подниматься*, представленная в словаре С. И. Ожегова, является более рас-

ширенной, чем толкования МАС и БАС, ср.: *подниматься* — ‘переместиться куда-л. вверх’ (МАС); ‘передвигаться вверх’ (БАС); ‘переместиться вверх или принять более высокое положение’ (СО). Лексический объем толкования таков: МАС и БАС — 3 слова, СО — 6 слов. Данный пример не является исключительным и определяется субъективным отбором лексики для составления дефиниции, что выражается, как в нашем случае, наличием в словарной дефиниции СО сложной аналитической формы глагола *принять положение*. При этом данная форма не уточняет предыдущую *переместиться вверх*, а является абсолютно тавтологичной. Подобные недочеты чаще всего проявляются в словарных дефинициях БАС и реже — в МАС, ср.: *существовать* — ‘быть в действительности, быть в наличии; иметься’ (МАС) — всего 5 слов, или 2 аналитические формы + синоним; ‘быть, иметься в наличии’ (СО) и ‘иметься, быть в наличии’ (БАС) — по 3 слова, по одной аналитической форме.

Иногда наиболее лаконичными бывают словарные дефиниции, предложенные БАС, ср.: *исчезнуть* — ‘перестать существовать, наличествовать’ (МАС); ‘перестать существовать, пропасть, скрыться’ (СО) и ‘перестать существовать’ (БАС); МАС — 3 слова (1 синоним информативной части составного глагольного сказуемого *существовать — наличествовать*); СО — 4 слова (2 синонима к аналитической форме *перестать существовать — пропасть, скрыться*); БАС — 2 слова, составляющих аналитическую форму глагола.

В данном случае толкование, предложенное СО, является более конкретным и узким; в дефиницию включен глагол *скрыться*, денотат которого включает в себя перемещение субъекта в пространстве. Такое толкование, безусловно, является неточным, ошибочным и определяется тем, что в СО не в полной мере отражена полисемия лексики современного русского языка. Явление многозначности наиболее полно отражается в БАС, где учитываются все ЛСВ того или иного слова, даже устаревшие, реликтовые, имеющие бесспорный характер субстрата. В данном ряду МАС занимает, на наш взгляд, положение более выгодное, являясь толковым словарем действительно современного русского языка. Ср.: *сравнить* — ‘рассмотреть одно в связи с другим для установления сходства или различия их, или для установления преимуществ одного перед другим; сопоставить’ (МАС); ‘поставив рядом, сопоставить для установления сходства или различия’ (СО) и ‘сопоставить, сравнить (устар., прост.)’ (БАС). Данный глагол может быть отнесен по толкованиям МАСа и БАСа к социально-обобщенным, однако СО толкует значение данного глагола несколько упрощенно, на обиходно-бытовом уровне (*поставив рядом*), что привносит в лексическое

значение глагола сравнить известную долю конкретного; и это, безусловно, является грубейшей ошибкой (нельзя, поставив в ряд, сопоставить фонологические школы Москвы и Санкт-Петербурга). Словарная дефиниция БАС, в свою очередь, содержит маркировку значения данного глагола: вторичное, просторечное и устаревшее, что, безусловно, не отражает современного состояния семантики глагола *сравнить*.

В 50% материала, рассмотренного нами, происходит совпадение как качества, так и количества (объема) словарных дефиниций, причем именно МАС дает более объективную интерпретацию толкования лексического значения того или иного слова, ср: *искать* (социально-обобщенный глагол) 'стараться найти что-л., добиться чего-л.' (МАС); 'стараться найти или обнаружить' (СО); 'стараться найти, обнаружить кого-, что-л.' (БАС). Словарная дефиниция 'обнаружить кого-, что-л.', предложенная СО, не содержит указания на объект, тогда как БАС предлагает равный объект в расширенном виде (+ кого-л.). МАС, добавляя к оптимальному объему дефиниции вторую часть 'добиться чего-л.', расширяет, уточняет лексическое значение глагола за счет устаревшего ЛСВ 'искать выгоды'.

Следует отметить, что значения именно социально-обобщенных глаголов вызывают дифференцированные толкования, а также наличие маркированности — стилистической и эмоционально-экспрессивной — в данных словарях. Ср.: *управлять* — основное нейтральное значение (МАС и БАС), вторичное (СО) (2.); *разрешить* — основное нейтральное значение (МАС и СО), устаревшее вторичное (БАС) (3).

Данное явление может объясняться, на наш взгляд, «молодостью» семантики глаголов социально-обобщенного типа (ср.: *разрешиться* — *родить* /устар./, *разрешить* — *позволить* /совр./); именно социально-обобщенные глаголы более всего подвержены семантическим изменениям в зависимости от развития социально-экономических, политических, географических сторон общества.

Наиболее бесспорно и равнозначно представлены в данных словарях дефиниции абстрактных глаголов. Ср.: *назвать* — 'дать название, имя и т. п. кому-, чему-л.' (МАС); 'дать имя, прозвище, характеристику кому-, чему-л.' (СО); 'давать имя, название кому-, чему-л.' (БАС). В данных словах наблюдается достаточно полное соответствие качественно-количественных характеристик словарных дефиниций трех словарей.

Однако СО достаточно часто представляет неточное толкование лексического значения слова, ср.: *понять* — 'уяснить себе, уразуметь смысл, сущность, содержание чего-л., постичь что-л.' (МАС); 'постигать, осознавать смысл, сущность чего-л. каким-л. образом'

(БАС); ‘достигнуть понимания кого-, чего-л.’ (СО). Если БАС предлагает в одной словарной дефиниции толкование двух ЛСВ (‘понять’ и ‘представить’), то СО предлагает толкование явно вторичного ЛСВ не с абстрактным, а с социально-обобщенным значением взаимопонимания. То же самое касается и дефиниции глагола *думать*, ср.: *думать* — ‘размышлять, предаваться раздумью’ (МАС); ‘мыслить, размышлять, предаваться раздумью над чем-л., о ком-, чем-л.’ (МАС); ‘направлять мысли на кого-, что-л.; размышлять’ (СО). Последняя дефиниция, как и в предыдущем случае, является более конкретизированной, а значит, существенно отличается от толкований, предложенных МАС и БАС.

Таким образом, источником материала для анализа словарных дефиниций глаголов, на наш взгляд, более всего может быть МАС по следующим причинам. Во-первых, словарная дефиниция МАСа имеет оптимальный объем (СО — суженный, БАСа — зачастую неоправданно расширенный). Во-вторых, толкования МАСа, как и БАСа, избегают тавтологических лексических конструкций в отличие от толкований, предложенных СО. В-третьих, словарный состав МАСа наиболее объективно отражает состав лексики современного русского языка. В-четвертых, маркировка ЛСВ, предложенная МАС, на наш взгляд, более верно и точно отражает современную стилистику лексики русского языка.

Анализ словарных дефиниций базовых глаголов ЛСГ русских глаголов показывает, что подавляющее большинство прямых определений соотносится, как правило, со словарными дефинициями глаголов, отнесенных нами к группе конкретных. Например, *перемещать* — ‘передвинуть, переставить с одного места на другое, изменить местоположение чего-л.’; *поместить* — ‘положить, поставить, расположить где-л., найти место для чего-л.’; *вобрать* — ‘постепенно принять в себя (воздух, воду и т. п.); втянуть’; *проникнуть* — ‘преодолев какую-н. преграду, оказаться внутри чего-л.’; *покрыть* — ‘закрыть чем-л., положенным сверху; накрыть’; *одеть* — ‘облечь в какую-н. одежду’; *скрыть* — ‘поместить куда-л., чтобы другие не могли обнаружить, увидеть, спрятать’.

Прямой характер определения словарной дефиниции имеет следующие особенности:

1. Толкования производятся за счет синонимов, ср.: *перемещать* — *передвинуть*, *поместить* — *расположить*, *вобрать* — *втянуть*, *покрыть* — *накрыть* — *закрыть*, *одеть* — *облечь*. (В этом и достоинства, и недостатки современных толковых словарей. С одной стороны, определение через синонимы весьма продуктивно с методической точки зрения, однако, с другой стороны, с точки зрения лексикографического описания значения слова такой способ сино-

нирования, безусловно, является недостаточным и, в принципе, может быть дополнен элементами косвенно-перифрастического определения.)

2. В прямом определении почти полностью отсутствуют тавтологичность описания значения (то есть употребление в определении однокоренных слов толкуемому слову), подобный тип описания значения наблюдается при анализе словарных дефиниций глаголов, отнесенных нами к абстрактным и — реже — к социально-обобщенным.

3. Отсутствие в прямых словарных дефинициях аналогий и сравнений по денотативным признакам или сигнификату; наличие подобных аналогий, как правило, говорит, во-первых, о беспомощности лексикографов в составлении словарных дефиниций лексики отвлеченного, абстрактного характера, а во-вторых, показывает закономерные пустоты, существующие в том или ином аспекте лексической системы в целом (например, отсутствие однословных синонимов к лексике абстрактного характера: *любовь* — ?; *дружба* — ?).

Особенности словарных дефиниций базовых глаголов, отнесенных нами к группе конкретных:

1.. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ.

Как правило, в них употребляется лексика любых частей речи конкретного характера: *одно место, другое место; переставить, изменить, положить; воздух, вода, принять (в себя)*, предлоги *сквозь, внутри, сверху* и т. д. Исключения составляют местоимения, которые представлены во всех без исключения словарных дефинициях только одним типом — неопределенными местоимениями (чего-л., где-л., что-л. и др.).

Роль неопределенных местоимений в словарных дефинициях двойка: с одной стороны, это следствие неопределенности заместителя той или иной позиции субъекта, объекта, места и т. д., а с другой стороны, это, видимо, специфическая особенность именно словарных дефиниций базовых глаголов, семантика которых имеет предельно обобщенный характер с точки зрения объема и сравнения с семантикой глаголов — членов ЛСГ. Именно обилие неопределенных местоимений в словарных дефинициях базовых глаголов всех трех разновидностей: конкретных, социально-обобщенных и абстрактных — и формирует ту высокую степень обобщенности семантики глаголов классифицирующего типа.

2. СИНТАКСИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ

Словарные дефиниции базовых глаголов этого типа, прежде всего, имеют прямой порядок слов, что ведет к прямому толкованию

значения глагола без описательности, сравнений, аналогии, ср.: *удалить* ‘переместить на более далекое расстояние, отдалить’.

Синтаксическая организация словарных дефиниций конкретных глаголов достаточно проста, как правило, объем словарной дефиниции невелик, а часто предельно минимален и равен объему глагольного словосочетания, иногда — очень редко — осложненного рядом однокоренных членов предложения, ср.: *бить* ‘ударять, колотить’; *ударить* ‘произвести удар’ (в данном случае — редкий пример тавтологического определения значения слова); *давить* ‘налегать тяжестью’; *двигать* ‘перемещать, толкать и тащить’ (осложненное обособленными членами предложения); *касаться* ‘дотрагиваться до кого-л., чего-л., прикасаться к кому-л., чему-л.’ (в данном случае в словарной дефиниции совершенно излишней, избыточной оказывается вторая часть определения, которая к тому же и тавтологична).

Таким образом, словарные дефиниции базовых глаголов, отнесенных нами к конкретным, как правило, являются прямыми (редкие исключения составляют добавочные ремарки лексикографа, содержащие в себе однокоренную лексику толкуемому слову), логическая структура прямых словарных дефиниций конкретных базовых глаголов примитивна и основывается на элементарном синтаксисе словосочетания.

Анализ словарных дефиниций базовых глаголов, отнесенных нами к абстрактным, во-первых, выявил их определенное отличие от словарных дефиниций конкретных базовых глаголов, а во-вторых, показал, что такие отличия не всегда обнаруживаются.

Как правило, словарные дефиниции абстрактных базовых глаголов относятся к типу косвенно-перифрастических, ср.: *думать* ‘размышлять, предаваться раздумью’; *узнать* ‘получить, собрать сведения о ком-, чем-л., стать осведомленным относительно чего-л.’; *понять* ‘уяснить себе, уразуметь смысл, сущность, содержание чего-л., постичь что-л.’; *назвать* ‘дать название, имя и т. п. кому-л., чему-л.’; *определить* ‘распознать по каким-л. признакам, данным или путем наблюдения, научения; установить’; *вообразить* ‘мысленно представить себе, воспроизвести в уме кого-л., что-л.’; *решить* ‘после размышления, обдумывания прийти к какому-л. выводу, заключению относительно чего-л.’.

Косвенно-перифрастические определения характерны словарным дефинициям таких глаголов, как *решить*, *определить*, *понять*, *узнать*. Основная, главная черта таких словарных дефиниций заключается в описательности (а не в прямой номинации денотата, как это происходит в прямых дефинициях). В косвенно-перифрастических определениях, как и прямых, также используются синонимы определяемым словам, но данная синонимия является вари-

антной, то есть синонимы несут в себе стилистическую маркированность (ср. *уразуметь* — глагол устаревший, чаще употребляется в разговорной речи, хотя в словаре пометы нет), или же синоним будет крайне неточным, контекстным, что — очень редко — наблюдается в словарных дефинициях конкретных глаголов. С точки зрения логики излишняя описательность, перифрастичность (то есть определение тавтологического характера, ср.: *назвать* «дать название», *думать* «предаваться раздумью») в словарных дефинициях абстрактных базовых глаголов приводят от смысловой нестройности, а порой и запутанности к абсолютной невозможности уяснить себе смысл определения, ср.: *определить* «распознать по каким-л. признакам, данным или путем определения, изучения; установить» (подобное определение может с равным успехом относиться к глаголу *узнать*).

Лексическое наполнение словарных дефиниций абстрактных базовых глаголов отличается тем, что подавляющее большинство слов в определении является лексикой абстрактного характера, ср.: *размышлять, раздумье, уяснить, уразуметь, смысл, сущность, содержание, постичь, установить* и др. Исключение составляет словарная дефиниция глагола *назвать* — «дать название, дать имя и т. п. кому-, чему-л.». На первый взгляд, данная дефиниция является прямой, несложной с точки зрения логики и синтаксиса, однако перифрастичность определения, употребление однокоренного слова *название* к глаголу *назвать* указывают на то, что перед нами словарная дефиниция неконкретного глагола.

Синтаксические особенности словарных дефиниций абстрактных глаголов заключаются в том, что объем словарной дефиниции равен объему простого предложения с мощным распространительным аппаратом, обычно за счет употребления данных рядов однокоренных конкретизирующих членов предложения (ср. *узнать* «получить..., собрать..., стать...; о ком-, чем-л.»; *понять* «уяснить..., уразуметь, постичь; смысл..., сущность..., содержание...»).

Словарные дефиниции базовых глаголов, отнесенных нами к группе глаголов промежуточного типа — к социально-обобщенным глаголам, представляют собой неоднородные, смешанные определения, отличающиеся по многим параметрам от словарных дефиниций как конкретных, так и абстрактных глаголов.

Прежде всего необходимо отметить, что словарные дефиниции социально-обобщенных глаголов не могут быть определенным образом отнесены ни к прямым, ни к косвенно-перифрастическим определениям. Ср.: *сравнить* «рассмотреть одно в сравнении с другим для установления сходства или различия или для установления преимуществ одного перед другим, сопоставить»; *добиться* «достичь

поставленной цели или каких-л. результатов путем усилий и стараний'. Практически в данных двух дефинициях даются определения не двух, а четырех значений двух слов, когда вторая часть каждой словарной дефиниции приводится через разделительный союз, и невозможно понять, оттенок ли это значения или две самостоятельные части одного значения (особенно это касается словарной дефиниции глагола *сравнить*).

Искать 'стараться найти что-л., добиться чего-л.'. И снова тот же изъян, так как 'добиться чего-л.' не есть словарная дефиниция глагола *искать*. Скорее всего данное определение может соотноситься со значением глагола достигать.

Управлять 'стоять во главе государства, осуществлять верховную власть, править'; *помогать* 'оказать кому-л. помощь в чем-л.'; *разрешить* 'позволить что-л. сделать, дать разрешение'; *подчинить* 'сделать подвластным, покорить'; *победить* 'нанести поражение противнику, выиграть бой, войну'.

Большая часть словарных дефиниций социально-обобщенных глаголов может быть отнесена и к прямым, и к косвенно-перифрастическим одновременно (см., например, словарные дефиниции глаголов *разрешить*, *сравнить*). Так, словарную дефиницию глагола *разрешить* можно отнести к типу прямого определения, однако следует отметить, что данное определение является, безусловно, перифрастическим, тавтологичным, то есть содержание словарной дефиниции раскрывается через однокоренное слово *дать разрешение*, хотя в целом данное определение формально может тем не менее считаться прямым. Видимо, в качестве дополнения к типологии словарных определений Ю. С. Степанова следует присоединить и новый тип словарных дефиниций — смешанный, синтетический, или прямой перифрастический тип определения, наиболее характерный для словарных дефиниций социально-обобщенных глаголов или для глаголов, отнесенных нами к группе глаголов промежуточного типа. Анализ слагаемых словарных дефиниций этих глаголов показал, что лексическое наполнение определений неоднородно с точки зрения принадлежности лексики к разрядам абстрактной и конкретной лексики (ср. *разрешить* / абстр./, *сделать* / конкр./, *рассмотреть* / абстр./, *дать* / конкр./, *стараться* / конкр./ и др.). Однако следует отметить, что лексика абстрактного характера в подобных определениях преобладает.

С точки зрения логики и синтаксиса словарные дефиниции социально-обобщенных глаголов содержат в себе особенности и черты словарных дефиниций как абстрактных, так и конкретных базовых глаголов. Обнаруживается наличие описательных перифрастических определений рядом с прямым, «примитивным», когда объем

словарных дефиниций равен одному простому нераспространенному предложению (ср. словарные дефиниции базовых глаголов *сравнить* и *подчинить*).

Социальный характер денотата, то есть само действие, выражаемое отвлеченным глаголом, безусловен и приводит лексикографов в затруднение при создании словарных дефиниций данного типа.

Таким образом, результаты анализа словарных дефиниций базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов позволяют сделать нам следующие выводы.

1. Базовые глаголы, выделенные нами в три группы (конкретные, абстрактные и социально-обобщенные), имеют различные типы словарных дефиниций: конкретным базовым глаголам соответствуют прямые дефиниции; абстрактным базовым глаголам — косвенно-перифрастические словарные дефиниции, социально-обобщенным — прямые перифрастические словарные дефиниции.

2. Наблюдается явная прямая зависимость характера и специфики формы и содержания словарной дефиниции от характера денотата лексического значения базового глагола. Выявляется при этом достаточно явное соответствие действия, денотата, сигнификата и словарной дефиниции по следующей схеме: если действие, состояние, отношение, выраженное глаголом, является наблюдаемым и имеет физический характер, то данному глаголу в подавляющем большинстве случаев соответствует прямой тип словарной дефиниции (со своей определенной спецификой). Глаголам, выражающим действие, состояние, отношение, которые не могут быть наблюдаемыми и носят физиологический (физический), а не интеллектуальный характер, соответствует косвенно-перифрастический тип словарной дефиниции (со всеми специфическими характеристиками лексики, логики и синтаксиса). Глаголам, отображающим действие, состояние, отношение, которые могут быть и не быть наблюдаемыми, соответствует прямой перифрастический тип словарной дефиниции.

3. Внеязыковой анализ (внеязыковая часть комплексного анализа) базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов, включающий в себя выявление материальных знаков абстрактности и конкретности, а также анализ словарных дефиниций вскрывают, на наш взгляд, множество различий между базовыми глаголами трех групп как с точки зрения внеязыковой характеристики денотатов, так и с точки зрения способа определения их в словарных дефинициях. Кроме того, такой анализ, безусловно, нуждается в дополнении и продолжении его за счет компонентного анализа семантики базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов.

5. 3. КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ БАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ

Родовой характер семантики базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов, на наш взгляд, позволяет нам посредством компонентного анализа значения глагола выявить в достаточной степени объективные, а главное — типовые (так как базовый глагол соотносится в семантическом аспекте с глаголом — членом ЛСГ как инвариант с одним из своих вариантов) семантические модели базовых глаголов, которые в дальнейшем при сопоставлении семантики базовых и рядовых глаголов в ЛСГ могут быть, безусловно, дополнены за счет более широкого набора сем дифференциального характера. Следует отметить, что нас более всего интересует денотативно-сигнификативная часть лексического значения базового глагола. Нам кажется, что эмпирический и культурный (фоновый — Верещагин, Костомаров 1980) макрокомпоненты лексического значения являются, бесспорно, компонентами конкретизирующего типа, однако конкретизация такого рода является в большей степени объективной, а не субъективно-страноведческой, зависимой, в основном, от индивидуума, опыт и культурные знания которого являются главной причиной наличия данных компонентов в составе лексического значения слова.

В процессе компонентного анализа нам предстоит решить две задачи: во-первых, выявить основные типовые семантические модели базовых глаголов, отнесенных нами к группе конкретных, абстрактных и социально-обобщенных, выявить специфику данных семантических моделей; и, во-вторых, определить роль микрокомпонентов (сем) лексического значения базового глагола в формировании степени абстрактности и конкретности глагольной семантики.

Компонентный анализ семантики базовых глаголов, отнесенных нами к группе конкретных, показал, что категория конкретности лексического значения репрезентируется на уровне сем разного ранга: от категориально-лексических до дифференциальных. Ср. *перемещать* 'передвинуть, переставить с одного места на другое, изменить местоположение чего-л.'. КЛС 'перемещение' уточняется, мыслится то, что может быть комплексом показателей конкретности. Материальным знаком конкретности является то, что обозначаемое действие — наблюдаемое. Словарная дефиниция данного глагола является прямой, указывает на принадлежность его к типу конкретных. Полное оформление категория конкретности в семантике глагола *перемещать* получает при участии в нем всего комплекса сем дифференциального характера: ДП локальности + ДП направленности действия, кроме того, в данном случае абсолютно реализуются и экстралингвистические критерии (материальные знаки конкретности): действие перемещения объекта является а) наблюдаемым;

б) физического характера; словарная дефиниция прямого типа, действия эксплицируются в дефиниции не опосредованно, не путем перифрастического (тавтологического) описания, а номинируется прямо за счет употребления глагольного синонима передвинуть.

Удалить — ‘переместить на более далекое расстояние; отдалить’; *касаться* ‘дотрагиваться до кого-, чего-л., прикасаться к кому-, чему-л.’; *рыть* ‘делать в земле яму, углубление и т. п.; копать’; *писать* ‘изображать на бумаге или ином материале какие-л. знаки (буквы, цифры и т. п.)’.

Во всех лексических значениях приведенных выше глаголов наличествует ДП объектности (в лексическом значении глагола *касаться* ДП объектности совпадает с ДП локальности), безусловно, данный ДП играет немаловажную роль в формировании конкретного характера лексических значений данных глаголов, однако, нам кажется, что все-таки большую роль в данном случае играет ДП локальности. Это объясняется следующим: действия физического характера являются непосредственно наблюдаемыми и, как правило, динамическими, моторными. Сюда относятся практически все базовые глаголы семантического поля действия (основной пласт глагольной лексики). Большую роль в формировании конкретного характера лексического значения играют также дифференциальные семы инструментальности; ср.: глагол *касаться*: КЛС ‘касания’ + ДП объектной локальности (к чему) и локальности (до чего) — здесь ДП объектной локальности — объединенный ДП + ДП инструмент (чем) + ДП способа перемещения (два последних ДП объединяются в один).

Сложнее обстоит дело с базовыми глаголами семантического поля состояния. Такие глаголы, как *испытывать*, *вызывать*, *привести (в физическое состояние)*, не вызывают затруднений при анализе. В данном случае семный состав лексических значений пополняется за счет ДП качества состояния и происходит утеря ДП локальности, конкретизирующую роль которого играет ДП качества состояния. Кроме того, следует отметить, что аналитические формы базовых идентификаторов типа ‘приходить в состояние’, ‘приводить в состояние’, ‘проявлять свойство (отношение)’ являются синсемантическими, но не утрачивают конкретного характера своих лексических значений за счет семантической компенсации со стороны семантической именной части словосочетаний.

По данным семантическим моделям с сохранением ролевой значимости категориальных и дифференциальных компонентов сформированы и лексические значения базовых глаголов физического воздействия на объект (*наклонить*, *обрабатывать*, *чистить*). Роль категориально-грамматической семы лексического значения конкрет-

ного глагола является чисто номинативной; идентификация характера лексического значения с точки зрения степени абстрактности и конкретности начинается с категориально-грамматической семы при выявлении процессуально-событийной сущности семантики глагола, с одной стороны, и основной характеристики денотата — с другой стороны: действие, состояние или отношение.

Следует отметить, что базовые глаголы, отнесенные нами к группе конкретных, по своей природе денотативны (см. типологию имен Ю. Н. Караулова — Караулов 1981: 349); действия, состояния, отношения, выражаемые базовыми глаголами конкретного типа, являются исконно первичными, поскольку с точки зрения философского (материалистического) осознания бытия в основе всей деятельности человека лежит его физиологическое бытие и конкретно-физическое действие, состояние и отношение.

Семантическая модель значений базовых идентификаторов, отнесенных нами к группе конкретных, выглядит следующим образом: КЛС 'действие (состояние, отношение) конкретно-физического характера, непосредственно наблюдаемое' + ДП субъекта + ДП объекта (может быть со значением локальности) + ДП локальности (может быть замещен ДП качества состояния) + ДП инструментальности + ДП различных аспектов конкретизации.

Трудно сказать, какие семы: категориальные или дифференциальные — играют большую роль в формировании конкретного лексического значения базового глагола. Нам кажется, что в данном случае существует гармоническое равновесие между КЛС, с одной стороны, и ДП, с другой стороны, при котором участие в формировании конкретного характера значения данных сем представлено следующим образом: 50% — 50%.

Лексическое значение базовых глаголов, отнесенных нами к группе абстрактных глаголов, строятся — в отличие от конкретных глаголов — по иной семантической модели.

Ср.: *понять* 'уяснить себе, уразуметь смысл, сущность, содержание чего-л.'. КЛС 'понимания' является абсолютно достаточной для формирования абстрактного характера лексического значения глагола *понять*. Во-первых, действие понимания является действием интеллектуального характера, то есть не физического (не физиологического) и не может быть наблюдаемо. Во-вторых, КЛС не нуждается в конкретизации сем дифференциального характера для того, чтобы уяснить данную характеристику интеллектуальности: конкретизация за счет ДП признаков субъектности и объектности носит чисто денотативно-объемный характер, с одной стороны (то есть чисто лексический), а с другой стороны, данные ДП реализуют заданную категориально-грамматической семой грамматическую

специфику глагола понять, который принадлежит к разряду переходных. *Узнать* 'получить, собрать сведения о ком-, чем-л., стать осведомленным относительно чего-л.'. Данная словарная дефиниция по форме и содержанию является двойной, то есть состоит из двух равноправных и равноценных дефиниций. Однако не будем учитывать эту ошибку лексикографов, КЛС, безусловно, в данном случае будет познание, несколько более широкий набор ДП (+ ДП качества знаний, сведений о ком-, чем-л.) вносят осложненность лишь в структуру семантической модели лексического значения глагола *узнать*, никак не влияя на ее качественный аспект.

Роль категориально-грамматических сем лексических значений абстрактных базовых глаголов является аналогичной роли категориально-грамматических сем значений конкретных базовых глаголов.

Следует отметить, что особенности внеязыковой характеристики интеллектуальной деятельности человека (действие не может быть непосредственно наблюдаемым и не являться действием физического / физиологического / характера), а также особенности косвенно-перифрастических словарных дефиниций абстрактных базовых глаголов указывают на то, что семантика абстрактных глаголов утрачивает актуальность своей денотативной части, с одной стороны, и является, безусловно, преобладающе и довлеюще сигнификативной, что подтверждается, вне всякого сомнения, самим характером действия, которое может быть явно отнесено к идеально-духовной сфере деятельности человека в обществе и природе.

Таким образом, наметилось очень важное противопоставление конкретных и абстрактных базовых глаголов с точки зрения денотативной и сигнификативной значимости лексического значения.

Можно утверждать, что глагольная лексика, как и лексика именная, может быть разделена условно на глагольную лексику денотативного и сигнификативного характера.

Сигнификативный тип семантики абстрактных глаголов позволяет сделать вывод о том, что вследствие вторичности интеллектуальных действий по отношению к действиям, отношениям, состояниям физиологического (физического) характера семантика абстрактных базовых глаголов является также вторичной и надстроечной по отношению к семантике конкретных базовых глаголов.

Специфика базовых глаголов, отнесенных нами к группе социально-обобщенных глаголов, заключается в том, что, во-первых, экстралингвистические критерии реализуются лишь частично, а во-вторых, семантическая модель данных глаголов представляет собой промежуточный и смешанный тип, включающий в себя особенности семантических моделей как конкретных базовых глаголов, так и абстрактных.

Ср.: *победить* ‘нанести поражение противнику, выиграть бой, войну’; КЛС ‘одержания победы’: данное действие может быть отнесено, вне сомнения, к действиям социально-обобщенного характера. Данное действие может быть, а может и не быть непосредственно наблюдаемым (ср. *победить в боксерском поединке* — действие наблюдаемое; *победить во Второй мировой войне* — действие по объективным причинам не может быть непосредственно увиденным, так как является весьма протяженным по времени, а вторых, является комплексным, неодноразовым, не примитивным, как, например, действие, выражаемое глаголом *пить*). ДП объекта — как и в анализе семантики конкретных и абстрактных базовых глаголов, бифункционален: во-первых, указывает на грамматически заданную переходность, а во-вторых, денотативно-объемную функцию конкретизации лексического значения с точки зрения его широты и узости. Словарная дефиниция несет в себе черты противоречивости: наблюдается двойственность (*нанести поражение и выиграть бой*) определения (описательность, перифрастичность), но тем не менее обе отдельно взятые части словарной дефиниции являются по форме и по логике прямыми определениями. Отсюда можно выделить еще ДП, который может быть по сути своей как бы второй КЛС — *одержание победы в бою*. Семная структура лексического значения отвлеченного базового глагола, безусловно, неоднородна, как структура лексического значения любого слова, но и противоречива и двойственна в отличие от лексических значений абстрактных и конкретных базовых глаголов. Ср.: *восстановить*: ‘привести в прежнее состояние, положение что-л. разрушенное, пришедшее в упадок, в негодность; возродить, возобновить’. На первый взгляд, словарная дефиниция данного глагола мало чем отличается от словарной дефиниции конкретного базового глагола: дефиниция прямая с единицами лексики конкретного характера (*привести, разрушенное*), однако тип данного определения можно отнести и к перифрастическим из-за описательности определения и частичной деривационной тавтологичности в употреблении в определении синонимов с приставкой *воз-*.

Внеязыковая характеристика данного действия также двойственна и противоречива: действие победы может быть и может не быть наблюдаемым, безусловно, имея социально-обобщенный характер.

Добиться — ‘достичь поставленной цели или каких-л результатов путем усилий и стараний’. КЛС ‘достижения цели’ + ДП объекта + потенциальный ДП субъекта + ДП образа действия. Данная семантическая модель абсолютно совпадает с семантической моделью значения конкретного базового глагола, однако внелингвистические характеристики данного действия (ненаблюдаемое, социально-обоб-

щенного характера) не позволяют отнести базовый глагол к группе конкретных.

Следует отметить, что компонентный анализ лексического значения социально-обобщенного базового глагола является явно недостаточным для определения степени абстрактности и конкретности его семантики. В данном случае необходимо использовать так называемый комплексный анализ семантики с добавлением к компонентному анализу анализа внеязыковых характеристик социально-обобщенного глагола. В большинстве случаев исследователь сможет распознать характер семантики с точки зрения конкретности и абстрактности при анализе семантической структуры лексического значения как абстрактных базовых глаголов, так и конкретных; однако социально-обобщенность семантики базовых глаголов промежуточного типа, в отличие от конкретного и абстрактного полюсов семантической структуры системы глагольной лексики, требует особых усилий исследователя в оценке денотата лексического значения такого глагола с учетом как экстра-, так и интралингвистических критериев, обуславливающих существование того или иного типа лексического значения.

С точки зрения степени значимости денотата или сигнификата лексического значения социально-обобщенного базового глагола можно отметить, что семантика подобных глаголов, безусловно, может быть отнесена к типу денотативно-сигнификативной в отличие от денотативного типа семантики конкретных базовых глаголов и сигнификативного типа семантики абстрактных базовых глаголов. Природа семантики социально-обобщенных базовых глаголов, на наш взгляд, вторична и надстроечна по отношению к семантике конкретных базовых глаголов и существует в общей семантической структуре системы глагольной лексики параллельно семантике глаголов интеллектуальной деятельности — абстрактных базовых глаголов. Действия и отношения, выражаемые взаимными глаголами всех трех типов, безусловно, организованы как взаимозависимые части одной монолитной системы деятельности человека в обществе и окружающей его среде, где первичное, базисное положение занимают действия, состояния, отношения конкретно-физического характера, а надстроечное при параллельном распределении делят действия и отношения абстрактного и социально-обобщенного характера.

Семантическая модель лексических значений отвлеченных базовых глаголов практически не отличается от семантической модели значений конкретных базовых глаголов, однако следует отметить, что ролевое участие сем категориального и дифференциального характера объективно (что обусловлено самой противоречивой и двойственной природой лексического значения отвлеченного глагола)

неравноценно (как это наблюдается при анализе лексического значения конкретного базового глагола). И в каждом отдельном случае абсолютно определяется только внелингвистической спецификой денотата. Таким образом, можно утверждать, что такое участие сем категориального и дифференциального характера сведено к нулю, то есть данные микрокомпоненты лексического значения не участвуют в формировании конкретного и абстрактного характера семантики, поэтому базовые глаголы данного типа и названы нами отвлеченными.

ВЫВОДЫ

Природа категорий абстрактности и конкретности глагольной семантики, безусловно, коренным образом отличается от природы данных категорий семантики именных частей речи, что объясняется, во-первых, спецификой глагольной семантики, а во-вторых, обусловленностью того или иного характера лексического значения с точки зрения абстрактности и конкретности внеязыковыми факторами и критериями, определенным образом воздействующими на структуру и содержание семного состава лексического значения глагола. Если именная лексика абстрактного и конкретного значения имеет оппозиционный характер отношений в плане противопоставления абстрактной лексики лексике конкретной, то при выявлении степени абстрактности и конкретности глагольной семантики базовая глагольная лексика может быть разделена на три неравноценные в количественном и качественном отношении группы: группа конкретных базовых глаголов, группа абстрактных и группа социально-обобщенных базовых глаголов. Отношения оппозиционного характера, присущие лексике именной, сменяются триадой: базовые глаголы = конкретные + социально-обобщенные + абстрактные.

Результаты комплексного анализа базовых глаголов — идентификаторов ЛСГ русских глаголов позволяют сделать следующие выводы.

1. При определении степени абстрактности и конкретности глагольной семантики компонентный анализ нуждается в добавлении к нему анализа внеязыковых особенностей глагольной семантики.

2. Анализ внеязыковой специфики глагольной семантики основывается на выявлении материальных знаков абстрактности и конкретности в словарной дефиниции глагола.

3. Семантика базовых идентификаторов ЛСГ русских глаголов неоднородна. Анализ семного состава лексических значений базовых глаголов показал, что базовым глаголам каждой из трех выше-названных групп соответствует своя семантическая модель, причем

семантическая модель отвлеченного базового глагола имеет смешанную структуру, подобную как семантической модели значения конкретного базового глагола, так и семантической модели абстрактного базового глагола.

4. Семы, входящие в состав лексических значений абстрактного, конкретного и социально-обобщенного базовых глаголов, неоднородны и выполняют разные роли в формировании характера глагольной семантики с точки зрения конкретности, отвлеченности и абстрактности: категориально-лексические семы могут формировать и конкретность, и абстрактность глагольной семантики, однако категория конкретности нуждается в дополнительной оформленности за счет сем дифференциального характера. Роль структурных микрокомпонентов лексического значения отвлеченных базовых глаголов двойственна, непоследовательна, неоднородна и нуждается в поддержке факторов и критериев внеязыкового характера.

5. Природа дифференциальных сем (в дальнейшем – ДС), входящих в состав лексических значений абстрактных, конкретных и социально-обобщенных базовых глаголов, бифункциональна, что выражается в следующем: с одной стороны, ДС являются строительными элементами лексического значения и выполняют функцию денотативно-объемной конкретизации; с другой стороны, ДС в той или иной степени являются оформителями и организаторами абстрактной, конкретной и отвлеченной характеристик глагольного значения.

6. Относительно принадлежности к той или иной группе глаголов с точки зрения степени абстрактности и конкретности семантика базовых глаголов может быть трех типов: конкретным базовым глаголам соответствует денотативный тип семантики; абстрактным базовым глаголам – сигнификативный тип семантики и социально-обобщенным базовым глаголам соответствует денотативно-сигнификативный тип глагольной семантики.

7. Согласно денотативной специфике семантики базовых глаголов, а также соотнесенности действий (состояний, отношений), выражаемых базовыми глаголами с различной семантикой (по степени абстрактности и конкретности), с определенными сферами деятельности человека, можно утверждать, что базовые глаголы с конкретным характером семантики являются первичными, базовыми по отношению к глаголам отвлеченным и абстрактным, что в полной мере соответствует распределению деятельности человека в конкретно-бытовой, социальной и интеллектуальной сферах окружающей его действительности.

8. Результаты анализа показали, что абстрактная, конкретная и социально-обобщенная семантика глаголов может изменяться при

рассмотрении ее в статусе единицы различных лексико-семантических парадигм — парадигм дифференцирующего, классифицирующего и комплексного типов. Степень абстрактности/ конкретности глагольной семантики изменяется следующим образом:

а) объемная конкретизация семантики от единиц базовых (парадигма классифицирующего типа) к глаголам — членам ЛСГ за счет увеличения числа ДП в составе лексических значений небазовых глаголов;

б) пересекаемость глаголов с однотипной семантикой в рамках ЛСГ, семантических подполей и полей на уровне сем категориального (для базовых идентификаторов) и дифференциального (для глаголов — членов ЛСГ) характера.

Таким образом, в целом лексическая система русских глаголов включает в себя три семантические сферы — абстрактную, конкретную и социально-обобщенную. Сферы эти взаимозависимы, диффузны. Пересекаемость сфер абстрактной и конкретной семантики происходит за счет сферы социально-обобщенной семантики.

9. Результаты комплексного анализа семантики базовых глаголов позволяют нам представить шкалу степени абстрактности и конкретности глагольной семантики (см. табл.).

Таблица 1. Шкала степени абстрактности и конкретности глагольной семантики

$\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\bar{\upsilon}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{\alpha}$ $\varsigma\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\epsilon}$		
$\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\iota}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\iota}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}$		
$\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\iota}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\delta}\bar{\epsilon}$		
$\bar{\epsilon}$ $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\iota}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\iota}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\delta}\bar{\epsilon}$		
$\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\iota}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\delta}\bar{\epsilon}$		
$\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}$		
$\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\eta}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\upsilon}$ $\bar{\eta}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}$		
1. $\bar{\eta}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{\alpha}$	1. $\bar{\iota}\bar{\eta}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\delta}$ $\bar{\alpha}\bar{\upsilon}\bar{\delta}\bar{\upsilon}$ $\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{\eta}$ $\bar{\epsilon}$ $\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{\eta}$	1. $\bar{\eta}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{\alpha}$
2. $\bar{\delta}\bar{\epsilon}\varsigma\bar{\epsilon}+\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}$		2. $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\upsilon}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}$
$\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\upsilon}$ $\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\bar{\upsilon}$		
1. $\bar{\iota}\bar{\rho}\bar{\upsilon}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\upsilon}$	1. $\bar{\epsilon}$ $\bar{\iota}\bar{\rho}\bar{\upsilon}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\upsilon}$, $\bar{\epsilon}$ $\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\delta}\bar{\epsilon}+\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}\bar{\upsilon}$	1. $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\eta}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\iota}\bar{\iota}-\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\delta}\bar{\epsilon}+\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}\bar{\upsilon}$
2. $\bar{\eta}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\delta}\bar{\delta}\bar{\epsilon}+\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}$ $\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{\alpha}$	2. $\bar{\eta}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\delta}\bar{\delta}\bar{\epsilon}+\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}$ $\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{\alpha}$	2. $\bar{\eta}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\delta}\bar{\delta}\bar{\epsilon}+\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}$ $\bar{\eta}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{\alpha}$

1. Èàáííóáííúá ÈÈÑ è Áí	1. Ðíèáááÿ ðíèù ÈÈÑ è Áí	1. Íñííáíáÿ ðíèù ÈÈÑ
2. Ñáíáííðè+áñèàÿ ííááèù ñ øèðí- èèí íááíðíí Áí: ÈÈÑ + Áí1 + + Áí2 + Áí3	2. Ñíáóáíáÿ ñáíáííðè+áñèàÿ ííááèù	2. Ñáíáííðè+áñèàÿ ííááèù øèðíí- íáúáíáÿ: ÈÈÑ+ + Áí1/Áí2..

10. Категории абстрактности/конкретности глагольной семантики должны учитываться при составлении толковых словарей.

Результаты и основные положения данной работы использовались в работе над Толковым идеографическим словарем русских глаголов.

ГЛАВА 4. АНТОНИМЫ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

1. АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ АНТОНИМОВ

Изучение глагольных антонимов связано прежде всего с проблемой их типологии, что вполне закономерно, т. к. в процессе классификации раскрывается характер единиц, их связей и отношений. Одно из направлений систематизации глагольных антонимов связано с учетом их семантических признаков. Теоретической базой этого направления является учение о комбинаторности лексического значения слова (Гак 1971, 1972), дополненное представлениями о семантическом расстоянии между словами (Новичихина 1993). Доказано, что семантическое расстояние между антонимами меньше, чем между некоррелированными единицами (Новичихина 1993: 77), темные структуры антонимов достаточно близки между собой и отличаются лишь наличием противопоставленных им сем (Новиков 1973: 56). В качестве сем, обуславливающих противоположность, могут выступать семы различных ступеней иерархии лексического значения, что отражается в существующих типологиях глаголов-антонимов, в том, что антонимическая противопоставленность наблюдается на уровне парадигм различных типов.

Глаголы-антонимы могут быть противопоставлены по лексико-грамматическим семам — это антонимия способов глагольного действия (СГД). Возможность противопоставления СГД отмечалась

А. В. Бондарко, Л. В. Буланиным (Бондарко, Буланин 1967: 24–25), антонимия СГД описывается в работе Н. Т. Свистунова (Свистунов 1975). Глагольная антонимия «начало-прекращение действия» выделяется Ю. Д. Апресяном (Апресян 1995: 288–290).

Характеризуя системы внутренних связей в классе немецких глаголов-антонимов, Л. Т. Корнеева выделяет такие виды связи, как взаимосвязь глаголов-антонимов в пределах определенной ЛСГ и взаимосвязь слов разных ЛСГ (Корнеева 1973). Аналогичное наблюдается и в системе русского языка, где исследователи выделяют ряд антонимически соотнесенных ЛСГ глаголов: антонимически соотнесены ЛСГ создания/разрушения, увеличения/уменьшения, возникновения/исчезновения. В антонимических связях лексико-семантических групп усматривают одну из форм проявления системности языка, что отражается в определении антонимической противопоставленности ЛСГ как одного из типов комплементарной организации лексико-семантических групп русских глаголов (Вепрева, Жданова 1985: 5). Однако при описании антонимии ЛСГ материал обычно не соотносят с совокупным явлением автономии, не выделяют категориально-лексические семы, по которым противопоставлены глаголы антонимически соотнесенных ЛСГ.

Л. И. Базилевич, В. А. Кривченко предлагают иную модель описания противопоставленности, обусловленную дифференциальными семами (Базилевич, Кривченко 1977: 84–91). Ими выделены дифференциальные признаки, по которым противопоставлены стальные глаголы нахождения:

- 1) расположение в горизонтальной/вертикальной плоскости (*лежать, сидеть — висеть*);
- 2) горизонтальная/вертикальная ориентация в пространстве (*висеть, сидеть, стоять — лежать*);
- 3) совпадение/несовпадение ориентации с плоскостью расположения (*лежать, висеть — сидеть, стоять*);
- 4) полный/частичный контакт с плоскостью расположения (*лежать — висеть, сидеть*).

Антонимические отношения, связанные с наличием дифференциальных противопоставленных сем, наблюдаются и в других лексико-семантических группах и описываются как одна из разновидностей отношений, связывающих элементы ЛСГ, наряду с отношениями включения, подчиненности, синонимии и гиперонимии (Гак 1977: 154).

Представленность антонимов в различных ЛСГ обычно не является первичным объектом внимания, а рассматривается в связи с другими проблемами. В этом плане отмеченные работы нередко отличаются фрагментарностью, в них описываются отдельные группы глаголов-антонимов, взятые порой изолированно, вне системы

глагольной антонимии. Описание связи глагольной антонимии и ЛСГ в рамках семантической классификации глагольных антонимов, которая дает возможность полного охвата материала, учета особенностей глагола как части речи, отражение специфики семантической связи антонимов, предлагается в данной работе.

При этом основываемся на разработанной нами классификации глагольных антонимов, в основу которой положен семантический признак, статус сем, противопоставляющих члены антонимической оппозиции, называемых в дальнейшем семами — антиподами. Переходя от сем низшей степени иерархии лексического значения к семам высшей степени иерархии, мы выделили дифференциальный тип глагольной антонимии, где члены антонимической оппозиции противопоставлены дифференциальными семами, например:

улучшить	↔	ухудшить
процесс		КГС (категориально-грамматическая сема);
действие, направленное на объект, связанное с проявлением признака,		ФСП (функционально-семантический признак);
направленное на объект		ЛГС (лексико-грамматическая сема);
связанное с проявлением признака		КЛС (категориально-лексическая сема);
улучшения / ухудшения		ДС (дифференциальные семы).

Категориально-лексический тип антонимии: противопоставление основано на категориально-лексических компонентах в структуре значения слова:

соединить	↔	отделить
процесс		КГС
действие		ФСП
направленное на объект		ЛГС
соединения / разделения		КЛС

Лексико-грамматический тип антонимии: члены антонимических оппозиций отличаются лексико-грамматическими семами:

заговорить	↔	отговорить
процесс		КГС

действие
начало/конец
говорения

ФСП
ЛГС
КЛС

Отрицательные глагольные антонимы: противопоставление связано с функционально-семантическими признаками действия, состояния, отношения (подробнее см. Кусова, 1989):

говорить	↔	молчать
процесс		КГС
действие/состояние		ФСП
говорения / молчания (неговорения)		КЛС.

2. ГЛАГОЛЬНЫЕ АНТОНИМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ТИПА И ВИДЫ ВАРИАНТНЫХ ПАРАДИГМ

Глагольная антонимия дифференциального типа реализуется в рамках вариантных парадигм и наблюдается в ЛСГ глаголов перемещения объекта, движения, субъектного помещения, становления качества, образа жизни, эмоционального состояния, поведения.

В вариантной парадигме глаголов движения антонимы противопоставляются по дифференциальным семам 'вверх' – 'вниз': *взлетать – садиться, влезть – слезть, вскочить – выскокочить, вскочить – соскочить, спрыгивать – прыгивать, всплыть – затонуть, выходить – заходить, падать – подниматься, поднимать – опускать, ронять – поднимать* (здесь и в дальнейшем списки словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов» будут дополняться с учетом материалов словарей антонимов русского языка, материалов толкового словаря русского языка и толково-идеографического словаря русских глаголов).

Глаголы-антонимы ЛСГ движения могут быть противопоставлены также по семантическим антиподам 'внутри' – 'наружу', 'куда-либо' – 'откуда-либо': *влетать – вылетать, влезть – вылезть, вползти – выползти, впорхнуть – выпорхнуть, впускать – выпускать, втекать – вытекать, входить – выходить, выбить – прибить, въезжать – выезжать*. Особенностью выделенной подгруппы является представленность структурными антонимами, практически однозначная манифестация сем-антиподов префиксальными морфемами *в-, вы-*.

Антонимия вариантного типа глаголов движения может быть связана с перемещением к исходной точке – от исходной точки: *приблизиться – удалиться, отбежать – подбежать, отъехать – подъехать*. Противопоставление глаголов движения может также определяться формулами 'вперед' – 'назад': *наступить –*

отступать, отстать — перегнуть; ‘быстро’ — ‘медленно’: мчаться — плестись. Противопоставление в парадигме глаголов перемещения связано с перечисленными компонентами: *придвигать — отодвигать, отталкивать — притягивать.*

В ЛСГ субъектного помещения семы-антиподы связаны с представлением о положении в пространстве — ‘горизонтальное’ — ‘вертикальное’: *вставать — ложиться, лежать — стоять; ‘лежачее’ — ‘сидячее’: вставать — садиться.*

Среди глаголов-антонимов дифференциального типа наиболее многочисленной и разнообразной является ЛСГ становления качества, глаголы-антонимы в которой противопоставлены по дифференциальным признакам ‘теплый’ — ‘холодный’ (*нагреваться — остывать, подмерзнуть — подтаять, нагреть — охладить* и т. д.), ‘белый’ — ‘черный’ (*белеть — чернеть, белить — чернить* и производные от членов данных оппозиций, например: *забелеть — зачернеть*).

Антонимия может определяться семами ‘мокрый’ — ‘сухой’: *вымочить — высушить, высохнуть — вымокнуть, заболотить — осушить, мокнуть — сохнуть; ‘грязный’ — ‘чистый’: грязнить — чистить, запачкать — почистить; ‘богатый’ — ‘бедный’: богачество — бедность, разбогачество — разориться.* В качестве антиподов выступают семы ‘полный’ — ‘порожний’: *наполнить — опорожнить, загрузить — разгрузить; ‘полный’ — ‘худой’: пополнить — похудеть, исхудать — растолстеть; ‘дугообразный’ — ‘недугообразный’: разогнуть — согнуть; ‘твердый’ — ‘мягкий’: затвердеть — размякнуть, отвердеть — смягчиться; ‘свободный’ — ‘несвободный’: освобождать — порабощать, закрепостить — раскрепостить; ‘пьяный’ — ‘трезвый’: вытрезвить — опьянить, опьянить — отрезвить; ‘глупый’ — ‘умный’: глупеть — уметь; ‘бледный’ — ‘красный’: бледнеть — краснеть; ‘видимый’ — ‘невидимый’: обнаружить — скрыть; ‘гладкий’ — ‘негладкий/мятый’: выгладить — помять; ‘густой’ — ‘негустой’: сгущаться — разряжаться; ‘дорогой’ — ‘недорогой/дешевый’: дорожать — дешеветь; ‘исправный’ — ‘неисправный’: исправить — испортить; ‘красивый’ — ‘некрасивый’: хорошесть — дурнеть; ‘молодой’ — ‘старый’: молодеть — стареть; ‘окрашенный’ — ‘неокрашенный’: лить — окрашивать; ‘острый’ — ‘тупой’: острить — тупить; ‘прямой’ — ‘кривой’: выпрямить — искривить; ‘светлый’ — ‘темный’: светать — темнеть; ‘слепой’ — ‘зрячий’: слепнуть — прозревать; ‘хороший’ — ‘плохой’: улучшить — ухудшить.*

В данной ЛСГ 38 пар антонимов, причем антонимия всех их вторична, обусловлена антонимией прилагательных. Глаголы-антонимы дифференциального типа, обозначающие проявление эмоцио-

нального отношения в поведении, речи, распределяются между двумя объединениями внутри парадигмы вариантного типа: «отношение с положительной оценкой», «отношение с отрицательной оценкой», что определяется и характером сем-антиподов: ‘положительная оценка’ — ‘отрицательная оценка’: *благодарить* — *бранить*, *возвышать* — *унижать*, *выругать* — *похвалить*, *наказывать* — *поощрять*, *обвинять* — *оправдывать*, *одобрять* — *осуждать*, *поричать* — *хвалить*, *хвалить* — *ругать*; ‘положительное отношение’ — ‘негативное отношение’: *возненавидеть* — *полюбить*, *гордиться* — *стыдиться*, *дружить* — *враждовать*, *любить* — *ненавидеть*, *очаровывать* — *разочаровывать*, *уважать* — *презирать*; ‘мягкое отношение’ — ‘суровое отношение’: *смягчать* — *отягчать*. Описываемая парадигма включает, таким образом, 15 антонимических оппозиций, образованных лексическими антонимами.

В ЛСГ глаголов эмоционального состояния семы-антиподы: ‘волнение’ — ‘спокойствие’, ‘радость/веселье’ — ‘печаль/горе/грусть’, ‘наслаждение’ — ‘страдание’ — повторяются достаточно регулярно, что не случайно, поскольку различие антонимических пар связано с субъектно-объектными характеристиками: *веселить* — *печалить*, *веселиться* — *печалиться/грустить/скучать*, *загрустить* — *обрадоваться*, *заплакать* — *засмеяться*, *радовать* — *огорчать*, *возбудить* — *успокоить*, *волновать* — *успокаивать*, *заволноваться* — *успокоиться*, *наслаждаться* — *страдать*.

Антонимия указанных глаголов, подобно антонимии ЛСГ становления качества, также носит вторичный характер, она обусловлена антонимией существительных, противопоставлением в классе имен (*горе* — *радость*, *веселье* — *печаль*). Именно вторичным характером глагольной антонимии, очевидно, и отмечается отмеченный выше параллелизм антонимических оппозиций, представляющих различные подгруппы ЛСГ эмоционального состояния, ср.: *радовать* — *огорчать*, *обрадоваться* — *загрустить* и т. п.

Таким образом, описание глаголов-антонимов дифференциального типа позволяет сделать вывод, что члены антонимической оппозиции являются членами одной ЛСГ, противопоставление ограничено рамками группы, рамками парадигм вариантного типа. Члены оппозиции при этом имеют общий суперклассификатор, являясь либо глаголами действия, либо состояния, либо отношения.

Глагольная антонимия дифференциального типа представлена глаголами, различными по характеру семантики. Здесь мы видим конкретные глаголы, обозначающие действия физического характера, непосредственно наблюдаемые, например: движения, перемещения, социально-обобщенные глаголы, в частности, глаголы, обоз-

начающие проявление эмоционального отношения. Не представлены глаголы с абстрактным значением, что объясняется характером противопоставления, связью его с предельно конкретными дифференциальными семами.

3. ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ АНТОНИМОВ КАТЕГОРИАЛЬНО-ЛЕКСИЧЕСКОГО ТИПА В СОСТАВЕ ЛСГ ГЛАГОЛОВ

В глаголах-антонимах категориально-лексического типа в качестве сем, по которым противопоставляются члены оппозиции, выступают, как отмечалось, категориально-лексические, что, собственно, и является лексическим основанием для выделения данного типа антонимии. Эта антонимия глаголов антонимически соотнесенных ЛСГ, так как «структура ЛСГ есть совокупность слов в тех значениях, где представлена соответствующая сема» (Гак 1977: 154).

Выделяется 8 антонимически соотнесенных ЛСГ, то есть 4 семантические модели глагольной антонимии данного типа. Парадигмы противопоставленных ЛСГ организованы однотипно: ядром парадигмы являются антонимически связанные базовые глаголы, с которыми соотносятся члены групп. Следовательно данный тип антонимии связан с двумя типами парадигм: парадигмой классифицирующего типа, включающей базовые глаголы, и парадигмой вариантного типа, включающей «ординарные» (Боровикова 1985) члены групп.

Антонимически противопоставлены ЛСГ глаголов создания — разрушения, помещения — удаления, соединения — разделения, присоединения — отделения.

Глаголы-антонимы в рамках модели «создание — разрушение» представлены оппозициями: *вооружать — разоружать, восстановить — упразднить, демаскировать — маскировать, завивать — развивать, завинтить — отвинтить, заминировать — разминировать, замотать — размотать, зашифровать — расшифровать, испортить — исправить, ломать — строить, наладить — разладить, настроить — расстроить, оседлать — расседлать, построить — разрушить, расформировать — сформировать*. Ядро парадигмы — пара глаголов *создать — уничтожить*.

Антонимическая парадигма с ядром «поместить — извлечь» (антонимия базовых глаголов не отражена в толковых словарях) включает пары антонимов: *вбить — выбить, ввести — вывести, ввинчивать — вывинчивать, ввозить — вывозить, выгнать — загнать, выкопать — закопать, вырыть — зарыть, вкатить — выкатить, вкачать — выкачать, включить — выключить, вколотить — вышибить, вкрутить — выкрутить, выгрузить — погрузить, вписать — выписать, втолкнуть — вытолкнуть, выгнать — за-*

гнать, выкопать — закопать, вырыть — зарыть, зарядить — разрядить, привезти — увезти.

Большинство компонентов парадигмы представлено однокоренными глаголами-антонимами, в морфемной структуре которых содержатся манифестаторы антонимичности — приставки *в-, вы-* и *за-*.

Антонимия ЛСГ глаголов соединения и глаголов разделения — одна из достаточно больших по количеству оппозиций. Вокруг ядра «соединить — разделить» объединяются антонимические пары: *делит — соединять, завязывать — развязывать, заковывать — расковывать, запрячь — распрячь, склеить — расклеить, склепать — расклепать, сплести — расплести, сколотить — расколотить, застегивать — расстегивать, зацепить — отцепить, слепить — разлепить, сомкнуть — разомкнуть, намотать — отмотать, разобрать — собрать, шить — пороть.* За исключением последней оппозиции, данная модель представлена только однокорневыми глагольными антонимами с манифестаторами антонимичности *с-, раз-*.

В антонимии ЛСГ глаголов присоединения и отделения наблюдаются аналогии с ранее описанной моделью. Вокруг ядра «присоединить — отделить» концентрируются однокорневые глаголы-антонимы: *налепить — отлепить, наклеить — отклеить, привинтить — отвинтить, привязать — отвязать, приколотить — отколотить, прикрутить — открутить, пристегнуть — отстегнуть.*

Хотя в описываемой семантической модели видна жесткая закономерность в организации, внутри самих групп противопоставление не всегда представлено последовательно. Довольно часто наблюдается явление, когда члену одной группы противопоставлен «нулевой компонент» другой группы, хотя возможность противопоставления осознается носителями языка, см. *прикипеть — ?, приделать — ?, примерзнуть — ?* и т. п.

Это объясняется тем, что названные семантические модели тяготеют к выделенному Ю. Д. Апресяном типу антонимии «действие — уничтожение результата действия» (Апресян 1974: 290 — 292). Причина данного явления заключается в словообразовательных особенностях данных антонимов. Однако эта связь недостаточно регулярна, потому что далеко не все действия, обозначенные антонимами отмеченных семантических моделей, связаны отношениями «действие — уничтожение результатов действия». Например, *соединить — разъединить*: соединение не всегда обозначает восстановление ранее деленного на части, разъединить можно и целый предмет, ранее не состоящий из объединенных частей.

Завершая описание категориально-лексического типа антонимии, отмечаем прежде всего его особый характер, проявляющийся в пе-

ресеции антонимическими парадигмами данного типа различных типов лексических парадигм, в выходе описываемого типа антонимии за пределы одной лексико-семантической парадигмы. Другие аспекты характеристики антонимов категориально-лексического типа: отношение членов парадигмы к суперклассификатору, представленность глаголов различной степени обобщенности — свидетельствуют не столько о своеобразии, сколько о близости данного типа антонимии к ранее описанному дифференциальному. Все антонимические парадигмы категориально-лексического типа объединены наличием суперклассификатора «действие» и включают только конкретные глаголы. Семантический признак ‘конкретность’ отличает семантику и базовых, и ординарных глаголов, входящих в состав антонимических парадигм.

4. АНТОНИМИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ТИПА И ЛСГ ГЛАГОЛОВ

Следующая разновидность глагольной антонимии — глагольная антонимия лексико-грамматического типа. Базовой парой парадигмы являются антонимы *начать* — *кончить*, слова, отличающиеся высокой степенью абстракции, обобщенностью содержания и обобщенностью семантической структуры.

Антонимия лексико-грамматического типа представлена глаголами начинательного и финитивного способов действия, так как именно наличие в семной структуре глаголов сем ‘начать’, ‘кончить’ — основные для включения их в лексико-грамматический ряд — способ глагольного действия. Лексико-грамматические ряды — это классы слов внутри формально-семантического класса, части речи (Кузнецова 1982). Следовательно, антонимические отношения можно характеризовать как отношения, связывающие не только слова, но и классы слов.

Отмеченный статус определяет неоднозначный характер проявления данного типа антонимии. Как «начать — кончить» противопоставлены глаголы лексико-семантических групп начальной фазы бытия, существования и прекращения бытия. В этих группах представлены компоненты базовой оппозиции и их производные: *начать* — *кончить*, *начаться* — *кончиться*. Последовательно противопоставлены и ординарные члены группы: *воспламениться* — *затухнуть*, *загораться* — *гаснуть/погаснуть*, *зажечься* — *затухнуть*, *зажигать* — *гасить*, *заболеть* — *выздоровливать*, *засыпать* — *просыпаться*, *зацветать* — *отцветать*, *стартовать* — *финишировать* и т. д.

Но подобная противопоставленность возможна не у всех глаголов: не всегда оба способа глагольного действия соотносятся с лексической единицей: *дорисовать* — *закончить рисование*, но *на-*

чать рисовать — ?, *отужинать* — ?, хотя, безусловно, число антонимически противопоставленных глаголов данного типа значительно больше, чем это отражено в словарях антонимов и словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов». Достаточно полно они отражены лишь в толково-идеографическом словаре-справочнике русских глаголов.

Глаголы-антонимы лексико-грамматического типа разнообразны по содержанию. Антонимические оппозиции могут указывать на говорение: *заговорить* — *замолчать*, *заговорить* — *отговорить*; физиологическое состояние: *заболеть* — *выздороветь*, *засыпать* — *просыпаться*, *зацветать* — *отцветать*; эмоциональное состояние: *полюбить* — *разлюбить*, *уняться* — *разбушеваться*, *загореть* — *погаснуть* и т. д.

Члены антонимических оппозиций соотносятся с суперклассификаторами «действие», «состояние». Исходя из неправомочности выделения ЛСГ начала бытия, прекращения бытия, отмечаем, что члены антонимических оппозиций входят в состав парадигм вариантного типа. Лексико-грамматический тип антонимии включает и конкретные, и социально-обобщенные, и абстрактные глаголы. Оппозиции различны и с точки зрения соотношения формальных структур их членов: образуются однокорневыми и разнокорневыми глаголами. Наблюдаются определенные закономерности в словообразовательной структуре однокорневых глаголов-антонимов: для глаголов начинательного способа действия характерно наличие в морфемной структуре префикса *за-*, для глаголов финитивного способа действия — префикса *от-*. Но проявляются отмеченные словообразовательные закономерности нерегулярно.

В анализе антонимов лексико-грамматического типа интересен также вопрос о наличии среднего члена, обозначающего промежуточную точку между крайними точками, репрезентирующимися словами-антонимами (Свистунов 1977). Данный материал интересен тем, что у всех однокорневых и большинства разнокорневых слов средний член словесно оформлен: *засыпать* — *спать* — *просыпаться*, *воспламениться* — *гореть* — *затухнуть*, *стартовать* — *бежать* — *финишировать* и т. д. В формально-семантических оппозициях средний член выступает в качестве производящего по отношению к производным от него антонимам.

5. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ АНТОНИМЫ В СОСТАВЕ ЛСГ ГЛАГОЛОВ

В отличие от ранее рассмотренных типов антонимии отрицательные глагольные антонимы не имеют однозначной соотнесенности с лексико-семантическими группами русских глаголов. Семантические отношения антонимов данного типа можно условно определить

как «действие — не действие», что обычно отражается и в словарном определении маркированного члена оппозиций. Например, *воспротивиться — согласиться*: *воспротивиться* — 'оказать противодействие, не согласиться на что-либо' (МАС); *уцелеть — погибнуть*: *уцелеть* — 'остаться живым, не погибнуть' (МАС).

На основании толкового словаря нами выделено 115 пар отрицательных глагольных антонимов. В словарях антонимов русского языка они представлены очень незначительно — в количестве 21 пары: *бездельничать — работать, вспомнить — забыть, говорить — молчать, двигаться — покоиться, жить — прозябать, жить — умирать, запрещать — разрешать, идти — стоять, медлить — торопиться, мешкать — спешить, отказаться — согласиться, погибнуть — спастись, поговорить — помолчать, подтверждать — опровергать, попасть — промахнуться, признавать — отрицать, принимать — отклонять, присутствовать — отсутствовать, спать — бодрствовать, утверждать — отрицать, соглашаться — отказываться.*

Семные структуры отрицательных глаголов-антонимов максимально тождественны: все компоненты семной структуры, кроме функционально-семантических признаков, в них совпадают. В качестве сем-антиподов выступают функционально-семантические признаки «наличия — отсутствия данного действия/состояния», «есть — нет», которые потенциально присутствуют во всех глаголах, актуализируясь в данном типе антонимии. Маркированный член антонимической оппозиции отличается от немаркированного члена только наличием отрицания *не*: молчать = *не* + говорить, отсутствовать = *не* + присутствовать.

Один из видов отношений, обнаруживающихся в отрицательных глагольных антонимах — «действие — действие, противоположное и отрицающее», противопоставление внутри суперпарадигм «Действие и деятельность», «Состояние», «Отношение». Данный тип представлен в ЛСГ характеризованной речевой деятельности, сообщения, общения, воздействия: *запретить — разрешить, запротестовать — согласиться, воспротивиться — согласиться, отказаться — согласиться, отрицать — соглашаться, отрицать — утверждать, подтверждать — опровергать, умолчать — сказать, уняться — шуметь, упорствовать — соглашаться, хранить — разглашать*; в ЛСГ глаголов мышления: *вспомнить — забыть, отклонить — принять, хранить — забывать*; ЛСГ глаголов поступка и поведения: *сторониться — поддерживать, стесняться — решаться, игнорировать — заметить, удержать — уступить, упустить — воспользоваться, выдержать — поддаться, вынести — сдать, выстоять — сдать, упустить — использовать,*

хранить — *нарушать*, *хранить* — *изменять*; ЛСГ глаголов воздействия на объект: *локализовать* — *распространять*, *миновать* — *затронуть*, *миновать* — *задеть*, *оставить* — *уничтожить*, *сохранить* — *изменить*, *сохранить* — *нарушить*, *сохранить* — *уничтожить*, *удержать* — *отдать*, *удержать* — *отпустить*, *удержать* — *сдать*, *упустить* — *удержать*, *щадить* — *губить*; ЛСГ перемещения: *соскользнуть* — *удержаться*, *соскочить* — *удержаться*, *удержаться* — *отлететь*, *удержаться* — *отступить*, *стоять* — *двигаться*, *стоять* — *действовать*, *стоять* — *падать*, *стоять* — *работать*; ЛСГ звучания: *умолкнуть* — *звучать*, *утихнуть* — *шуметь*; ЛСГ владения: *оставить* — *взять*, *оставить* — *отобрать*, *отказаться* — *принять*.

Причем, члены оппозиции, будучи объединенными суперклассификатором «действие», «состояние», «отношение», могут принадлежать как одной парадигме вариантного типа, например, глаголы характеризованной речевой деятельности, так и различным парадигмам, например, в антонимичной паре *сохранить* — *уничтожить* противопоставлены глаголы разрушения и созидательной деятельности. Поэтому в нашем списке информация о принадлежности к ЛСГ порой условна, так как определяется принадлежностью к ЛСГ одного из членов оппозиции.

Противопоставление, аналогичное наблюдаемому у глаголов действия, встречается и у глаголов бытия: состояния, качества. Среди антонимичных оппозиций выделяются глаголы ЛСГ физиологического состояния: *бодрствовать* — *спать*, *бодрствовать* — *валиться* / *устоять*; функционального состояния: *дисгармонировать* — *гармонировать*, *дисгармонировать* — *соответствовать*, *контрастировать* — *соответствовать*, *сохраниться* — *измениться*, *сохраниться* — *повредиться*, *сохраниться* — *испортиться*; ЛСГ существования: *бездельничать* — *делать*, *вывестись* — *существовать*, *гибнуть* — *существовать*, *жить* — *умереть*, *исчезнуть* — *существовать*, *остаться* — *исчезнуть*, *отсутствовать* — *быть*, *отсутствовать* — *существовать*, *отсутствовать* — *находиться*, *отсутствовать* — *присутствовать*, *погибнуть* — *спастись*, *сохраниться* — *исчезнуть*, *сохраниться* — *утратиться*, *стоять* — *лежать*, *топорщиться* — *лежать*, *топорщиться* — *прилегать*, *удержаться* — *соскочить*, *удержаться* — *упасть*, *уничтожиться* — *существовать*, *усидеть* — *упасть*, *устоять* — *погибнуть*, *устоять* — *разрушиться*, *устоять* — *умереть*, *утратиться* — *существовать*, *уцелеть* — *погибнуть*, *храниться* — *забываться*, *остаться* — *измениться*; ЛСГ становления внутренних качеств человека: *побояться* — *решиться*, *сомневаться* — *верить*, *сломиться* — *выстоять*, *соблазниться* — *устоять*.

Как и в ранее рассмотренной разновидности отрицательной глагольной антонимии, не все глаголы-антонимы данного типа находятся в границах одной ЛСГ. Например, по признаку «состояние – состояние, противоположное и отрицающее» противопоставлены члены ЛСГ бытия и прекращения бытия: *отсутствовать* – *существовать*. Открытым остается вопрос о причине этого явления: либо нелогично определены границы названных групп, либо перечисленные глаголы противопоставлены не только во функционально-семантическому признаку.

Отрицательная глагольная антонимия наблюдается и в суперпарадигме «Отношение»: противопоставление парадигм классифицирующего типа – ЛСГ владения, обладания, сохранения и утраты: *задержать* – *отдать*, *задержать* – *выдать*, *сохранить* – *лишиться*, *удержать* – *выплатить*, *удержать* – *утратить*, *утратить* – *обладать*; внутри вариантной парадигмы глаголов разрешения и запрещения: *запрещаться* – *разрешаться*, а также внутри ЛСГ глаголов победы, принуждения, влияния: *воспрепятствовать* – *допустить*, *выстоять* – *сдаться*, *держаться* – *отступить*, *держаться* – *поддаваться*.

Таким образом, отрицательная глагольная антонимия проявляется на уровне различных типов парадигм: связывает глаголы, принадлежащие к различным суперпарадигмам, к одной суперпарадигме, возможна между парадигмами вариантного типа и внутри них. В рамках данного типа антонимии представлены и конкретные, и социально-обобщенные, и абстрактные глаголы, что позволяет сделать вывод: статус сем, по которым противопоставлены члены антонимической оппозиции, определяет область проявления антонимии. Чем выше статус сем-антиподов, тем выше и разнообразнее статус парадигм, с которыми связан тот или иной тип противопоставления, тем более разнообразны антонимы.

Анализ типов глагольной антонимии с учетом статуса сем-антиподов позволяет высказать предположение об обратной связи статуса сем-антиподов и степени семантической близости антонимов. Чем выше статус сем-антиподов, тем меньше семантическое расстояние между членами антонимической оппозиции. Максимально близки друг к другу отрицательные глаголы-антонимы, отличающиеся лишь наличием отрицания в маркированном члене оппозиции, указывающем на отсутствие действия/состояния и проявление противоположного по характеру: *упорствовать* – *соглашаться*, *двигаться* – *покоиться*.

Описание глагольных антонимов, их представленности в ЛСГ позволяет сделать некоторые выводы о характере связи данных семантических объединений лексических единиц. Различные виды

семантических оппозиций по-разному связаны с лексико-семантической группой: члены оппозиции могут принадлежать к одной ЛСГ, быть компонентами структуры антонимически соотносенных ЛСГ. Связь антонимов с ЛСГ определяется не степенью обобщенности сем-антиподов, а их статусом, принадлежностью членов антонимической оппозиции к антонимам категориально-лексического типа. Выделенная закономерность не прослеживается у отрицательных глаголов-антонимов, что позволяет еще раз подчеркнуть своеобразие функционально-семантического противопоставления у глаголов (см. табл. 1).

Таблица 1

Связь типов глагольной антонимии и типов лексических парадигм

òëì áìðííèìèè	òëì ääèñè+áñèíé íàràäèäíù		
	Ààpèäíðíàÿ	Èäññèðèèè- pòpùàÿ	Nóíàpíàpà- äèäíà
Àèðòàpáíèðòäèúíàÿ	+	-	-
Èàðäáípèäèúíí-èä- èñè+áñèàÿ	-	+	-
Èäèñèèí-àpàíìàðè- +áñèàÿ	+	-	-
Îðpèðàðäèúíàÿ	-	-	+

Однако антонимическое противопоставление наблюдается не во всех ЛСГ. На основании материалов толково-идеографического словаря русских глаголов выделяются ЛСГ, не имеющие в своем составе антонимов и не противопоставленные другим ЛСГ. Это глаголы нанесения удара, давления, прикосновения, обработки, повреждения, пропитывания, приготовления, графической передачи информации, практически все группы глаголов интеллектуальной деятельности, социальной деятельности, кроме глаголов поступка и звучания. В суперпарадигме «Отношение» отсутствие антонимии наблюдается в группах глаголов взаимосвязи, замены, поиска, передачи, собственно влияния, защиты, помощи, обеспечения, управления. В суперпарадигме «Бытие, состояние, качество» с различными типами антонимии связаны все ЛСГ (см. табл. 2).

Глагольные антонимы в рамках суперпарадигмы

xãñòù 1		Ñóíáðíáðááèèlà "Ääéñðáèä è ääÿðäèüíñòù"		
N	ÈÑÄ	Òèì ìðèðäðäèüíùò äèäáíèíä		
		Íáúáíòðè- ðàðäèüíúá (à)	>xãñòííñò- ðèðäðäèü- íúá (á)	Çáíèìàððùèä ñðááíáá íí- èíæáíèä íæ- áó (à) è (á)
		Ï ì è á "Ä ä é ñ ò á è ä"		
Ääèæáíèä, ìðèáíðèðíááíííá ìðííñèðäèüíí				
1	íá+äè.è èííá+i. Ìóíèðíá	-	+	-
2	íá+äèüííáí ìóíèðà	-	+	-
3	èííá+ííáí ìóíèðà	-	+	-
4	ìóííæóòí+ííáí ìóíèðà	-	+	-
5	ðàçííðááèäíííá	-	+	-
6	èðóáíáíá ääèæáíèä	-	-	-
7	èíèááðäèüííá ääèæ.	-	-	-
Ïáðáíáúáíèä, ìðèáíðèðíááíííá ìðííñèðäèüíí				
8	íá+äèüííáí ìóíèðà	-	-	-
9	èííá+ííáí ìóíèðà	-	-	-
10	ìóííæóòí+ííáí ìóíèðà	-	-	-
11	íá+äèüííáí è èííá+ííáí í.	-	-	-
12	èðóáíáíá ääèæáíèä	-	-	-
13	ðàçíííáíðáá.ääèæáíèä	-	+	-
Ïííáúáíèä íáúáèðà				
14	á íðáááèéáíííí íáñðà	-	+	-
15	á ðàçóèúðäðà ËÖÄ	-	+	-
16	á ðàç.íáðáíáúáíèÿ	-	+	-
17	íííáúáíèÿ ñðáúáèðà	-	+	-
18	áèèð+áíèÿ	-	-	-
19	ííäèíúáíèÿ	-	-	-
20	ííèðúðèÿ	-	-	-
21	èðóáíáíáí ííèðúðèÿ	-	-	-
22	íááááíèÿ	-	-	-
23	ñèðúááíèÿ	-	-	-
24	çàèðúðèÿ	-	+	-
25	ìðèðúðèÿ	-	+	-
Èííèðáðííé ðèçè+áñèíé ääÿðäèüííñòè				
26	óäàðà	-	-	-
27	äáäèéáíèÿ	-	-	-
28	íðèèñííááíèÿ	-	-	-
29	èçíáíáíèÿ ííèíæáíèÿ	-	-	-
30	í+èúáíèÿ	-	-	-
31	ðúòÿ	-	-	-
32	íáðáíðèè	-	-	-
33	ííáðáááíèÿ íáíáóðááè.í	-	-	-

34	-"- íáóóááē. í	-	-	-
35	èçáááéáíèy	-	-	-
36	pàçpóéáíèy	-	-	-
37	èèéáíèy æèçíè	-	-	-
38	ípíèòúááíèy	-	-	-
39	níááéíáíèy	-	+	-
40	pàçááéáíèy	-	-	-
41	íòááéáíèy	-	+	-
42	íòpèò.áíçááéñòáèy	+	+	-
43	ípèníááéíáíèy	-	-	-

44	Níçéááíèá	-	-	-
45	níçááíèy í ÈÓÁ	-	-	-
46	-"- éíòáééáéò.ááyò.	-	-	-
47	ípeáíòíáéáíèy íèùè	-	-	-
48	ípèáíòíáéáíèy áípié	-	-	-
49	níáépaíèy	-	-	-
50	ápáòè+ánéíé éíòípiáòèè	-	-	-
51	á ípáéíáá níñòíyíèá	-	-	-

	Éíòáééáéòóáéúíáy ááyòáéúíñòú			
51	áñípièyòèy	+	+	-
52	íííéíáíèy	-	-	-
53	ííçíáíèy	-	-	-
54	íúééáíèy	+	+	-
55	nípaáíáíèy	-	+	-
56	áúáípa	-	-	-
57	páéáíèy	-	-	-
58	áííapáæáíèy	-	-	-
59	íipáááéáíèy	-	-	-
60	ípèçíáíèy	-	-	-
61	ípíáápèè	-	-	-

	Dá+áááy ááyòáéúíñòú			
62	pá+è	+	+	-
63	nííáúáíèy	+	+	-
64	íáúáíèy	+	+	-
65	íápáúáíèy	+	+	-
66	pá+ááíáí áíçááéñòáèy	+	+	-

	Níòéáéúíáy ááyòáéúíñòú			
67	áñòèæáíèy óáèè	+	+	-
68	íáúáñòá.-ííèèò.ááyò.	-	-	-
69	èçááíèy	-	-	-
70	èñííéúçíááíèy	-	-	-
71	èñííéíáíèá óóá.ípíèçá.	-	-	-
72	èçíapáæáíèy	-	-	-
73	ínóúáñòáéáíèy	-	-	-
74	ípíòéáíáééñòáèy	-	-	-
75	ípíòáññèè	+	+	+
76	íñòóíèá, ííááááíèy	+	+	-

77	òèçèíéíá.ááéñòáéé	-	+	-

78	çáó+áíèy	+	+	-

×ānōū 2. Īēā "Áúòèā. Nīnōiyīēā"

N	ĒÑĀ	Òēī īōpēòāòāēūīúò āēāāīēīā		
		Īáúáíōpè- òāòāēūīúā (à)	×ānōíííò- pēòāòāēū- īúā (á)	Çāīēīàpùēā ñpāāīāā īī- ēīçāīēā īāç- āó (à) è (á)
Ī ī ē ā " Á ú ò è ā è ñ ī ñ ò í ý í è á "				
	Áúòèā			
79	īpīçāāīēý	-	-	-
80	āīçīāēīīāāīēý	-	-	-
81	īā+āēā nīáúòēý	-	-	-
82	īā+āēā áúòēý	-	-	-
83	áúòēý	-	+	-
84	īñóúāñòāēāīēý nīáúòēý	-	+	-
85	áúòēý ā īpīñòpāīñòāā	-	+	-
86	áúòēý āī āpāīāīē	-	+	-
87	çāāāpōāīēý āāēñòāēý	-	-	-
88	īpāēpāúāīēý áúòēý	+	+	-
89	ēñ+āçīāāīēý	-	-	-
90	-" īòēóāā-ēēāī	-	-	-
91	óīē+óīçāīēý	-	-	-
	Nīnōiyīēā, èā+āñòāī			
92	ñòāīfāēāīēā òēçē+.èā+āñòāā	-	+	-
93	-" òāāóīāīāī īpēçīāēā	-	+	-
94	-" āīāōīēò īpēçīāēā	-	+	-
95	-" āíóòpāīfāāī èā+āñòāā	-	+	-
96	-" ñīòēāēūīfāī èā+āñòāā	+	+	-
97	īpīyāēāīēā èā+āñòā	-	-	-
98	āīñīpēýòēā èā+āñòā	-	-	-
99	áúāāēāīēā īī èā+āñòāó	-	-	-
100	èā+āñòāāīfūā ēçīāīāīēý	-	-	-
101	ēīēē+āñòā. ēçīāīāīēý	-	-	-
102	óòpāòā èā+āñòāā	-	-	-
103	īāpāçā çēçīē	-	-	-
104	īpāáúāāīēý ā ÝÑ	+	+	-
105	ñòāīfāēāīēý ÝÑ	+	+	-
106	īpēāāāāīēý ā ÝÑ	+	+	-
107	-" òēçēīēīā. nīnōiyīēā	+	+	-
108	īpāáúāāīēā ā óóīēò. nīnōiyī.	+	+	-
109	īpēāāāāīēā ā óóīēò. nīnōiyī.	+	+	-

×ānōū 3. Īēā "Īòííøāīēā"

N	ĒÑĀ	Òēī īōpēòāòāēūīúò āēāāīēīā		
		Īáúáíōpè- òāòāēūīúā (à)	×ānōíííò- pēòāòāēū- īúā (á)	Çāīēīàpùēā ñpāāīāā īī- ēīçāīēā īāç- āó (à) è (á)
Ī ī ē ā " Ī ò í í ø ā í è ā "				

110	Âçàèìíîðíîáíèÿ	-	-	-
111	âçàèìíñàÿçè	-	-	-
	Àèáááíèà			
112	ììèñèà íáúáèðà	-	-	-
113	âçÿðèÿ à ðóóó	-	+	-
114	èçàèà+áíèÿ íáúáèðà	-	+	-
115	íèó+áí. í á èíèè+àíðáá	-	+	-
116	íèó+áíèÿ íáúáèðà	-	+	-
117	íó+óæááíèÿ íáúáèðà	-	+	-
118	èìííáíñèð. ìðèíáðáðáíèÿ	-	+	-
119	íáèáááíèÿ	+	-	-
120	ñíòðáíáíèÿ	+	+	-
121	óððàðó íáúáèðà	+	+	-
122	èèóáíèÿ íáúáèðà	+	+	-
123	íàðááá+è íáúáèðà	-	-	-
	Ìæèè+íííòíóá ìðíîáíèÿ			
124	ÿííóèíí. ìðíîáíèà	-	+	-
125	áíáóí. íðíÿè. ìðíîáíèÿ	-	+	-
126	áíáíáíðáííííðè	+	+	-
127	ðáíííèíæáíèÿ è ñááá	-	-	-
	Ñíóèàèíóá ìðíîáíèÿ			
128	ííááá	-	+	-
129	íðèíóæááíèÿ	-	-	-
130	àèèÿíèÿ	+	-	-
131	óááæááíèÿ	-	-	-
132	íá+èíáíèÿ	+	-	-
133	çàùèòó	-	+	-
134	íííùè	+	-	-
135	íááíá+áíèÿ	-	-	-
136	óíðááèáíèÿ	-	-	-
137	çáíðáðà, ðàçðáøáíèÿ	+	-	-

Сфера проявления антонимических отношений определяется, очевидно, «градуальным» характером явления антонимии: противопоставление возможно при разнонаправленных процессах, допускающих противоположный результат, например, *увеличить* — *уменьшить*. Если процесс может развиваться только в одном направлении, с одним результатом, антонимия невозможна. Сказанное позволяет обратить внимание на связь антонимии и отрицания, на отрицание как инвариант антонимии (Михайлов 1987: 27), на связь антонимии с представлениями о норме, имеющейся в сознании носителей языка. Маркируется негативное и отклоняющееся от нормы (Тулина 1992: 83), а если процесс не соотносен с нормой в виде результата, направления развития, отсутствует потребность в маркировании его негативных сторон.

При этом отметим, что негативное маркируется менее дифференцированно, чем норма. Так, глаголы, обозначающие речевое общение, речевое воздействие, сообщение, различные виды звучаний, противопоставлены негативному *молчать*; разнообразные глаголы, связанные с созидательной деятельностью, в качестве второго члена антонимической оппозиции включают глаголы *разрушить*, *уничтожить*. Наше языковое сознание, таким образом, фиксирует отклонение от нормы, но не детализирует, в чем это отклонение заключается. Детализация происходит в антонимических оппозициях: *говорить — молчать*, *шептать — молчать*, *высказываться — молчать*, *петь — молчать* и т. п., в основе которых заложено противопоставление нормы и отклонений от нее в самом широком смысле этого слова (см. табл. 3).

Таблица 3

Глагольные антонимы в рамках суперпарадигмы

òèi àèààíéúíé àíòíèìèè	Ñóíàpiàpàèèàìà		
	Áàéñòàèà	Ñíñòíýíèà, áúòèà, èà- +áñòáí	íòííòáíèà
Äèðòáíáíòèèèúíàý	+	+	+
Èàðááííèèèúíí- èáèñè+áñèàý	+	-	-
Èáèñèèí-áíàììà- òè+áñèàý	+	+	-
Íðèèòàðáèèúíàý	+	+	+

6. ДЕРИВАЦИЯ В СФЕРЕ ГЛАГОЛЬНОЙ АНТОНИМИИ

6. 1. ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ АНТОНИМОВ

Обращение к определению семантической связи глагольных антонимов и их дериватов обусловлено тем, что при описании словообразовательных процессов внимание исследователей обычно привлекают формально-семантические отношения между производящим и производным (Земская 1992; Кубрякова 1981; Улуханов 1977), между мотиватором и мотиватом (Голев 1989). Словообразовательный потенциал единиц различных грамматических классов описан в «Русской грамматике» (1980). Указанные исследования достаточно полно характеризуют словообразовательные процессы в русском языке, обращаются к вопросам номинации в связи с процес-

сом словообразования (Сахарный 1985; Семантические вопросы словообразования 1991), но далеко не всегда учитывают парадигматические связи единиц, участвующих в процессе словообразования. (Возможно, это связано с тем, что изучение деривационной парадигматики достаточно активно осуществлялось в 70-80-е годы XX в.) Предлагаем попытку подобного описания, в котором объектом анализа являются деривационные связи глагольных антонимов различных типов.

Однокорневые глагольные антонимы являются результатом словообразовательных процессов. В существующих структурных классификациях отмечается, что подобные антонимы преобладают в ряду глагольных антонимов русского языка, составляют две трети от числа всех глагольных антонимов (Пардаев, 1980: 137). Глагольные антонимы образуются с помощью противоположных по значению приставок: *в-*, *вы-* (Вараксин 1969: 30), *за-*, *раз-*/*-рас-*, *при-*, *у-* (Новиков 1973: 161 – 168). Т. Г. Пономаренко выделяет 80 глагольных антонимических противопоставлений префиксального характера (Пономаренко 1971). Выделенные противопоставления преимущественно конкретны по семантике, словообразовательные форманты в них манифестируют семантический компонент, по которому противопоставлены члены оппозиции. При этом производящий глагол нередко выступает в качестве среднего члена оппозиции, называет процесс и указывает на его результативность: *влететь* – *лететь* – *вылететь*. В группе глаголов перемещения префиксальным способом образуются единицы, противопоставленность которых связана с ранее описанными дифференциальными компонентами, указывающими на направление перемещения: *влезть* – *лезть* – *вылезть*, *продвигать* – *двигать* – *отодвигать*. Перечисленные глагольные антонимы относятся к выделенному А. С. Пардаевым типу глагольных антонимов, имеющих один корень, образованных на одной и той же ступени словообразования и обладающих одинаковой словообразовательной структурой (Пардаев 1980: 133 – 137).

Аналогичные деривационные связи: производящий глагол – средний член антонимической оппозиции, антонимы образуются префиксальным способом и указывают на противоположные результаты действия – наблюдаются в группе глаголов изменения признака: *заморозить* – *морозить* – *разморозить*, *разогнуть* – *гнуть* – *согнуть*. Деривационное значение большинства описываемых антонимов определяется исходной мотивацией (о типах мотивации см. Улуханов 1977: 42). Но не всегда префиксальные антонимы, противопоставленные по дифференциальным семантическим компонентам, являются результатом модификации. Иногда средний член не оформлен словесно, может быть выражен только описательно,

так как «не каждая архилексема языка выражается особым словом» (Косериу 1969: 65): *очаровывать* — ? — *разочаровывать*, *вскочить* — ? — *соскочить*. По мнению И. С. Улуханова, некоторые глаголы могут быть образованы заменой префикса в исходной глаголе, «глагол противоположного действия непосредственно мотивируется префиксальным глаголом» (Улуханов 1977: 66–67).

Глаголы-антонимы, образованные префиксальным способом, противопоставленные по категориально-лексическим семам, представлены в лексико-семантических группах социально-обобщенных глаголов созидания, разрушения, уничтожения: *заминировать* — *минировать* — *разминировать*, *зашифровать* — *шифровать* — *расшифровать*, *сформировать* — *формировать* — *расформировать*. Причем, в двух последних оппозициях производящее синонимично одному из членов и противопоставлено другому члену оппозиции. Между антонимически противопоставленными членами групп возможны и деривационные отношения, при которых «один из членов антонимической оппозиции является производным, а другой — производящим» (Пардаев 1980: 133 — 137): *организовать* — *деорганизовать*, *маскировать* — *демаскировать*, *мобилизовать* — *демобилизовать*, *путать* — *распутать*. Аналогичные словообразовательные отношения наблюдаются и среди конкретных глаголов данных ЛСГ: *завить* — *вить* — *развить*, *замотать* — *мотать* — *размотать*.

В составе указанных групп выделяются префиксальные антонимы, деривационно связанные между собой, если считать справедливым ранее приведенное замечание И. С. Улуханова: *наладить* — *разладить*, *настроить* — *расстроить*. Однако направление деривации однозначно в этом случае определить невозможно, подобно тому как не производные: *наделить* — *делить* — *обделить*; *отрезать* — *резать* — *прирезать*, *разжать* — *жать* — *сжать*), либо приставочные глаголы со связанным корнем по семантике связаны друг с другом: *отбавить* — *прибавить*, *прибавить* — *убавить*. Причем, в двух последних оппозициях производящее синонимично одному из членов и противопоставлено другому члену оппозиции. Между антонимически противопоставленными членами групп возможны и деривационные отношения, при которых «один из членов антонимической оппозиции является производным, а другой — производящим» (Пардаев 1980: 133 — 137): *организовать* — *деорганизовать*, *маскировать* — *демаскировать*, *мобилизовать* — *демобилизовать*, *путать* — *распутать*. Аналогичные словообразовательные отношения наблюдаются и среди конкретных глаголов данных ЛСГ: *завить* — *вить* — *развить*, *замотать* — *мотать* — *размотать*.

Антонимическое словообразование последовательно представлено конкретными глаголами вариантных парадигм извлечения и помещения объекта: производящий средний член называет процесс безотносительно к его результату, префиксальные производные — противоположные результаты процесса. В анализируемых оппозициях «извлечение — помещение» выделяются словообразовательные форманты антонимического характера: *в-, вы-*: *вбить — бить — выбить, вкчать — качать — выкачать; вы-, за-*: *выгнать — гнать — загнать; вырыть — рыть — зарыть*.

Формально-семантические оппозиции антонимического типа представлены социально-обобщенными глаголами, членами ЛСГ открытия — закрытия объекта, соединения, разъединения. Антонимы образованы либо от беспривставочного нерезультативного производящего, либо от префиксального, противоположного по значению глагола, либо от беспривставочного, указывающего на противоположный результат: *забинтовать — бинтовать — разбинтовать; завернуть — развернуть; одевать — раздевать; облачить — разоблачить*; (антонимы типа «открыть — закрыть»); *намотать — мотать — отмотать, застегивать — отстегивать, разобрать — собрать* (антонимы типа «соединить — разъединить»).

В глаголах-антонимах, противопоставленных по лексико-грамматическим признакам «начало — конец», содержатся оппозиции, образование которых связано с ранее выделенными типами деривационных отношений: *зацвести — цвести — отцвести, заговорить — говорить — отговорить, включать — выключать*. Уточняем статус среднего члена: средний член называет процесс, префиксальные производные — противоположные результаты в его протекании. Словообразовательные типы: от глагола с помощью префикса *за-* образуется глагол со значением ‘начало процесса’, от глагола с помощью префикса *от-* образуется глагол со значением ‘окончание процесса’ — достаточно продуктивны в русском языке, в рамках названных типов образуются глаголы начинательного и финитивного способов действия.

В отличие от ранее описанных глагольных антонимов, отрицательные глагольные антонимы почти не представлены формально-семантическими оппозициями, кроме: *гармонировать — дисгармонировать, отсутствовать — присутствовать*. Незначительная представленность деривационно связанных единиц среди антонимов данного типа обусловлена семантической близостью членов оппозиции: *молчать — говорить, молчать = не + говорить*.

Характеризуя деривационные связи глаголов, мы ограничивались описанием глагольного словообразования, связанного с антонимически противопоставленными единицами, определив при этом,

что отрицательные глаголы — антонимы практически не обладают деривационными связями, присущими всем другим видам глагольной антонимии. Полагаем, своеобразие данного типа антонимии получит дальнейшее подтверждение в процессе анализа производных от глагольных антонимов различных типов.

Завершая разговор о деривационных связях глагол — глагол, отмечаем возможность постфиксального словообразования с сохранением типа антонимического противопоставления в оппозиции, образованной производными единицами: *веселить — печалить, веселиться — печалиться, нагревать — охлаждать, нагреваться — охлаждаться* (члены оппозиций противопоставлены по дифференциальным семам); *помирить — поссорить, помириться — поссориться* (противопоставление связано с категориально-грамматическими семами); *локализовать — распространять, локализоваться — распространяться* (в маркированных членах оппозиции отрицается содержание немаркированного члена). Очевидно, поэтому постфиксальные производные не фиксируются в словарях антонимов русского языка.

6. 2. ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГЛОВ-АНТОНИМОВ

Описание деривационных отношений в рамках парадигмы глагольных антонимов будет неполным, если ограничиться только глагольным классом. Глагольные антонимы обладают словообразовательным потенциалом, свойственным данному грамматическому классу. От глаголов образуются существительные со значением отвлеченного процессуального признака (РГ, т.1: 157): *наступить — отступить, наступление — отступление; замораживать — размораживать, замораживание — размораживание; вооружить — разоружить, вооружение — разоружение; выгрузить — погрузить, выгрузка — погрузка; приходить — уходить, приход — уход*. Производные существительные противопоставлены по тем же семантическим компонентам, что и производящие.

Аналогичные, на первый взгляд, деривационные связи наблюдаются и в отрицательных глагольных антонимах: *запретить — разрешить, запрещение — разрешение; отрицать — признавать, отрицание — признание; хранить — нарушить, хранение — нарушение*. Имена существительные сохраняют исходную противопоставленность по признаку «опредмеченный процесс — отсутствие опредмеченного процесса», что находит отражение в отсылочных словарных толкованиях типа «действие по глаголу», например, запрещение — ‘действие по глаголу *запретить, запрещать*’ (МАС 1981, т. 1: 561).

Сохранение типа антонимической противопоставленности наблюдается на разных ступенях словообразования при образовании различных по семантике единиц. Это может быть связано с названием лица по действию, предмета по действию, словообразовательные форманты: омонимичные суффиксы *-тель, -щик, -ец*, нулевой. Например, *нагреть — охладить, нагреватель — охладитель; порицать — хвалить, порицатель — хвалитель; храбриться — трусить, храбрец — трус*. Позиция второго члена не всегда заполняется: *нагреватель — ?*. Тип антонимического противопоставления сохраняется и в производных прилагательных: *уважать — презирать, уважительный — презрительный; нагреть — охладить, нагревательный — охладительный; и в производных наречиях на -о: медлить — торопиться, медлительно — торопливо*. Члены некоторых антонимических оппозиций обладают почти равнозначным словообразовательным потенциалом: *завинтить — отвинтить, завинтиться, завинчивать, завинчиваться, завинчивание; отвинтиться, отвинчивать, отвинчиваться, отвинчивание*. Словообразовательная аналогия чаще наблюдается у однокорневых, чем у разнокорневых антонимов: *расширять — сужать, расширитель, расширительный, расширительно, расширение; сужение; сужение*. Проведенные наблюдения, с одной стороны, подтверждают тезис Ю. Д. Апресяна о значимости глагола в процессе словообразования (Апресян 1973: 294), с другой стороны, позволяют сделать вывод об определяющей роли типов глагольных противопоставлений, которые могут быть перенесены и в другие грамматические классы, где также можно усматривать антонимию дифференциального типа, категориально-лексического и иного.

Выделенное соответствие по типу антонимии между производным и производящим не всегда наблюдается у отрицательных глагольных антонимов: *задержать — отдать, но задержка — отдача; игнорировать — замечать, но игнорирование — замечание*. Существительные не являются антонимами.

Таким образом, анализ деривационных связей глагольных антонимов позволяет сделать следующие выводы. В словообразовательных гнездах, соотнесенных с глагольными антонимами, сохраняется тот же тип антонимического противопоставления, что и в исходной оппозиции. Отрицательные глагольные антонимы не выступают последовательно в качестве производящих для антонимически противопоставленных существительных, полное отрицание в маркированном члене оппозиции не всегда определяет отрицательную семантику деривата.

При рассмотрении деривационных связей в парадигматическом аспекте не менее интересным представляется анализ производных

единиц, образованных от глаголов с полным отрицанием, которые являются маркированным членом оппозиции типа «действие — не действие». Как и у ранее рассмотренных глаголов, словообразовательный потенциал глаголов с полным отрицанием типичен для глагольного класса: существительные со значением отвлеченного процессуального признака: *бодрствовать* → *бодрствование*, *замереть* → *замирание*; существительные, называющие лицо по действию: *отрицать* → *отрицатель*, *хранить* → *хранитель*. В словообразовательном гнезде данных глаголов могут присутствовать прилагательные со значением ‘характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’ (РГ, т. 1: 297): *отрицать* → *отрицательный*, *медлить* → *медлительный*. Достаточно регулярно представлены прилагательные, образованные лексико-грамматическим способом на базе причастных форм данных глаголов: *забыть* — *забытый* (в знач. прил.); *запрещать* — *запрещенный* (в знач. прил.), *сохранить* — *сохраненный* (в знач. прил.). От прилагательных образуются наречия.

Данный материал приведен нами не с целью дополнительного иллюстративного материала глагольного словообразования, а для определения статуса отрицания в производных единицах. Вывод о семантике производных отглагольных существительных не может претендовать на абсолютную достоверность, так как много отсылочных толкований: *задержание* — действие по глаголу *задержать*, *игнорирование* — действие по глаголу *игнорировать*, *молчание* — действие по глаголу *молчать*. Однако наличие толкований типа: *стеснение* ‘4. отсутствие непринужденности’ (МАС); *дисгармонирование* ‘1. отсутствие созвучности’ (МАС); возможность трансформации отсылочных толкований: *бодрствование* ‘отсутствие сна’ (М. К.)*, *локализация* ‘отсутствие распространения’ (М. К.), *отрицание* ‘отсутствие соглашения’ (М. К.) — позволяет утверждать, что от глаголов с полным отрицанием образуются отглагольные существительные с полным отрицанием, указывающие на отсутствие определенного действия. Но если с глаголами соотносятся существительные, указывающие на лицо по действию, состоянию (их число очень невелико), данные слова являются единицами с частным отрицанием: *бездельник* ‘1. тот, кто бездельничает,... 2. пустой и бессовестный человек’ (МАС); *отрицатель* ‘тот, кто опровергает, не признает что-л.’ (МАС). Отрицание в их структуре не связано с наиболее обобщенными семами предметности.

В прилагательных, образованных лексико-грамматическим способом, полное отрицание сохраняется: *забытый* ‘2. прил., не со-

* Здесь и далее так отмечены определения автора главы

хранившийся в памяти' (МАС); *запрещенный* '2. прил., недозволенный' (МАС); *сохранный* '2. прил., невредимый' (МАС). Обычно полное отрицание сохраняется в производных наречиях, хотя информация об этом содержится только в отсылочной статье: *медлительно* — 'к прил. медлительный, неторопливо' (М. К.); *молчаливо* — 'к прил. молчаливый, без разговоров' (М. К.).

Приведенные наблюдения позволяют утверждать, что полное отрицание тяготеет к предикативности, является глагольным по характеру. Не случайно в рамках словообразовательного гнезда глагола *медлить* в производных единицах дублируется глагольная семантика: *медлить* — не торопиться, *медлительный* — неторопливый, *медлительность* — свойство по знач. прил. медлительный ('неторопливость' — М. К.), *медлительно* — наречие к *медлительный* ('неторопливо' — М. К.).

Следовательно, на базе глаголов с полным отрицанием могут производиться единицы с полным и частным отрицанием. Статус отрицания определяется наличием/отсутствием связи с предикативностью у производной единицы. Предикативный характер отрицания находит проявление и в деривационных связях. В качестве частного замечания можно отметить: словообразовательный потенциал отрицательных глагольных антонимов ниже, чем словообразовательный потенциал глаголов-антонимов других типов, что обусловлено их отрицательной семантикой: нет необходимости многократно указывать на отсутствие чего-л.

Таким образом, описание деривационных связей в рамках определенных парадигм, в частности типов глагольных антонимов и парадигм вариантного типа, представленных глаголами-антонимами одной ЛСГ и антонимически соотносенных ЛСГ, позволило увидеть парадигматическую обусловленность деривационных отношений, тождество типа антонимии производных и производящих единиц (кроме отрицательных глагольных антонимов). Причем, подобное тождество наблюдается у глаголов различной степени обобщения: у конкретных, социально-обобщенных, абстрактных — и, мы полагаем, не определяется данной особенностью их семантики.

7. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОСТАВЕ РАЗЛИЧНЫХ ЛСГ ГЛАГОЛОВ

7. 1. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СУПЕРПАРАДИГМЕ «ДЕЙСТВИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Описание связи различных типов глагольных парадигм логично может быть дополнено изучением связи ЛСГ и отрицательной глагольной лексики, поскольку негация — важный фактор, проникающий во все уровни языковой структуры, вследствие чего ограничивающее и модифицирующее значение негации заслуживает пристального изучения (Кржижкова 1969: 205). Имеет значение и тот

факт, что «отрицание одновременно индуцирует и дополнение к классу, к которому принадлежит предмет по отрицаемому признаку» (Михайлов 1987: 19).

Глаголы, названные нами отрицательными, в качестве ядра словарного определения содержат отрицание *не* или единицы, выступающие в качестве его эквивалентов и также указывающие на отсутствие, лишенность, противопоставление, исключение, противоречие (функции отрицания см.: Бахарев 1980: 14–15). Толкование этих глаголов построено по формуле «*не* + глагол или глагольное сочетание» *пережить* — ‘1. // не утратить своей силы после прекращения существования’; *прятаться* — ‘1. ‘не показываться, не появляться где-л.’; *стыдиться* — ‘// не решаться на что-л. из чувства стыда’. Опора на словарные материалы объясняется и задачами толкового словаря, который фиксирует 2 основных момента: одновременно описывает содержательную сторону языка со всеми присущими ему категориями и объективно существующие отношения между единицами (Бережан 1988: 5). Названные задачи, как видим, во многом тождественны задачам, решаемым нами: репрезентация отрицания в глагольной лексике, определение связи отрицательных глаголов с другими глаголами и между собой. Объектом описания являются 441 лексическая единица, ЛСВ значения которых определяются с помощью отрицательного толкования и толкований, равнозначных отрицательному.

Данный материал частично пересекается с материалом по глагольной антонимии, что неизбежно по ряду причин, в первую очередь, в силу существования связи антонимии и отрицания (Новиков 1973: 90).

Однако далеко не все отрицательные глаголы представлены среди глагольных антонимов. Причина заключается не только в неполноте словарей антонимов, но и в отсутствии данной параграмматической связи у многих отрицательных глаголов: *ослепить* — ‘лишить зрения’; *отвадиться* — ‘утратить привычку делать что-л.’; *придержаться* — 1. ‘не дать двинуться’. Глаголы, приведенные в качестве примера, антонимов не имеют. Указанная способность отрицательной глагольной лексики, возможно, частично объясняется наличием у сильного и слабого отрицания на лексическом уровне, сопоставлением слабого отрицания со смыслом: мало, незначительный, неважный (Коссек, Костюк 1982: 51–55).

Отрицательные глаголы присутствуют во всех суперпарадигмах, распределяясь внутри суперпарадигм следующим образом: 170 единиц в суперпарадигме «Действие и деятельность», 194 — «Бытие, состояние, качество», 77 — «Отношение». Представленность отрицательных глаголов в суперпарадигмах, охватывающих в сумме весь

глагольный класс, определяется сущностью категории отрицания, тем, что «отрицание и утверждение — двуединая операция в речемыслительном процессе перехода от неопределенности к определенности...» (Михайлов 1987: 34).

В первой из названных суперпарадигм отрицание связано с отсутствием движения вследствие его прекращения: *остановить* — 1. 'прекратить движение'; *стать* — '4. прекратить движение'; *стоять* — 13. 'не двигаться'; *придерживать* — '1. не дать сдвинуться'; либо отсутствием некоторых признаков, значимых для характеристики движения: *угнаться* — '1. следуя сзади, не отстать'; *проехать* — '2. не остановиться, не повернуть там, где следует // не задеть, не коснуться'. Связывая «прекращение» и «окончание» с родовым значением финитности, достижением действием естественного предела при «кончатся» и отсутствием этого предела при «прекращаться» (Апресян 1974: 241), считаем, что прекращение, окончание действия есть его отсутствие, несуществование.

Отрицательные единицы представлены среди глаголов физического воздействия на объект, это «отрицательное воздействие на объект»: нанесение вреда, разрушение, лишение жизни: *умертвить* — '1. лишить жизни, 2. перен. прекратить развитие чего-л.'; *съесть* — '1. // перен. (только съедать) погубить, не дать существовать'. Воздействие на объект, обозначенное отрицательным по семантике глаголом, может восприниматься носителем языка как позитивное по результату: *пресечь* — '1. прекратить что-л. путем применения энергичных мер' (= 'не дать существовать чему-л., какому-л. действию, обычно воспринимаемому как негативное'. — М. К.); *устеречь* — '1. оберегая, не дать пропасть'; *унять* — '1. // заставить перестать скандалить' (= 'не дать скандалить' — М. К.).

Возможность обозначения позитивного и негативного отрицательными по семантике глаголами, описанная нами на материале вышеприведенных глаголов, подтверждает взаимосвязь утверждения и отрицания, возможность соответствия утверждению отрицания и наоборот (Ахманов 1960: 154). Поэтому как нормативное воспринимается нами наличие отрицательных лексем в парадигме «созидательная деятельность»: *сохранить* — '1. оберегая, не дать пропасть'; *поддержать* — '1. не дать упасть, 4. не дать погибнуть'; *уследить* — '4. наблюдая, не допустить чего-л. нежелательного'; *усмотреть* — '2. наблюдая не допустить нежелательного'. На материале перечисленных глаголов наблюдаем возможность выражения логического отрицания положительными языковыми формами (Бондаренко 1983: 77).

Отрицательные глаголы широко представлены в вариантных парадигмах, включенных в классифицирующую парадигму «интел-

лектуальная деятельность». Это «восприятие»: *откинуть* — ‘1. // не принять во внимание’; *презреть* — ‘не принять во внимание как не значащее’; *проронить* — ‘2. пропустить, не обратить внимание’; *стоять* — ‘14. не выходить из сознания’; *проморгать, пропустить, проглядеть, простеречь, просмотреть* — ‘не заметить’; «мышление»: *растеряться* — ‘2. тратить способность обрабатывать’. В вариантной парадигме «восприятие» отрицание связано с наличием или отсутствием памяти: *припомнить* — ‘2. не забыть сделанного кем-л., чтобы отомстить’; *припомниться* — ‘не забыться’; *забыться* — ‘4. не удержаться, не сохраниться в памяти’; с отсутствием восприятия по какой-л. причине: *игнорировать* — ‘умышленно не заметить // не принять во внимание’; *недоглядеть* — ‘1. не заметить по оплошности’. Недостаточность в проявлении действия приравнивается к его отсутствию: *недослышать* — ‘1. плохо расслышать, не услышать всего’.

В классифицирующей парадигме «речевая деятельность» все варианты парадигмы: сообщение, общение, воздействие и т. п. — включают в свой состав отрицательные лексемы, которые указывают на отсутствие самого речевого действия: *умолкнуть* — ‘1. перестать издавать звуки’, *умолчать* — ‘не сказать о ком-, чем-л. // умышленно не сказать о ком-, чем-л.’, *онеметь* — ‘утратить способность речи’. Но глаголы этого класса могут указывать и на какие-л. признаки этого действия, определяемые отрицательно: *отрицать* — ‘не соглашаться’; *промолчать* — ‘1. не ответить, ничего не сказать’; *притаить* — ‘не высказать, не раскрыть другим’. Способность глаголов «речевого акта», даже не содержащих в семантике отрицание, указывать на отрицательное отношение говорящего к действительности уже отмечалась исследователями, которые выделили отрицательно воспринимаемые «мягкие» речевые акты: *ворчать, корить* — и «грубые» речевые акты: *распекать, крыть* (Русский язык в его функционировании, 1993: 197). Глаголы «говорения», подтверждающие социальную сущность человека, настолько значимы для носителей языка, что всякие ненормативные явления в связи с говорением воспринимаются как отрицательные независимо от того, какими единицами, позитивными или негативными по семантике, обозначаются. В связи с этим уделяется много внимания отдельным лексическим единицам, связанным с речевым актом (Кронгауз, 1994: 22 — 30). Описывая глаголы *отрицать* и *опровергать* в когнитивном аспекте, лингвисты отмечают сходство пропозиции и различие объекта: отрицаются знание и факты, опровергается мнение (Русский язык в его функционировании, 1993: 205), определяют значение глагола *молчать*», отличие его от ‘не говорить’ как отличие внешнего и внутреннего содержания, случившего-

ся и неслучившегося (Арутюнова 1994: 106 – 107). Характер противопоставленности глаголов *молчать* и *безмолвствовать*, связывает его с наличием модальной предопределенности у глагола *безмолвствовать* и отсутствием таковой у глагола *молчать* (Яковлева 1992: 117). Глаголы *молчать* и *безмолвствовать* противопоставлены всем вариантным парадигмам в парадигме «речевая деятельность». Их положение можно определить двояко: либо включать названные глаголы в каждую вариантную парадигму и в каждой вариантной парадигме усматривать противопоставление отрицательной лексемы и других членов парадигмы: *умолкнуть* – *говорить* («характеризованная речевая деятельность»): *молчать* – *высказывать, обращаться, разговаривать* («речевое общение») и т. п., либо признать возможным особый тип взаимодействия, когда несколько вариантных парадигм одинаково противопоставлены отдельным лексемам. Полагаем, что подобное противопоставление обусловлено статусом семантического примитива, присущего глаголу *молчать*, (Лукин 1990: 891) отрицательным характером входящих в оппозицию маркированных единиц. Считаем, что описание отрицательной лексики позволит приблизиться к разрешению проблемы, выделяемой лексикологами и лексикографами и заключающейся, в частности, в том, что «существующие в языке лексические классы не описаны как целостно иерархически организованные и многоаспектно характеризующиеся единства» (Шведова 1988: 164).

Говоря о связи утверждения и отрицания, возвратимся к вариантной парадигме «отрицательное воздействие на объект». Отрицательные глаголы, имплицитно входящие в ее состав: *забить, дергать, исключать* – не связаны с позитивной и негативной оценкой, существующей в нашем сознании. Однако сосуществование имплицитного и эксплицитного отрицания обращает наше внимание на разнообразие способов номинации, на то, что «отбор признака при номинации объясняет разнообразие языковых единиц в семантическом плане...» (Принципы и методы семантических исследований 1976: 83). Возможно, именно отрицательная лексика позволяет выделить актуальные для номинации признаки.

Отсутствие противопоставленности позитивного и негативного проявляется в наличии отрицательных единиц в классифицирующей парадигме «созидательная деятельность», причем, данные единицы находятся вне вариантных парадигм и отличаются более обобщенной семантикой, чем «ординарные» члены ЛСГ. Имплицитно отрицательные единицы называют позитивно воспринимаемое действие: *поддерживать* – ‘1. не дать упасть, 2. не дать погибнуть, 5. не дать прекратиться, утратиться’; *сохранить* – ‘1. оберегая, не дать пропасть, 3. не нарушить’. Поэтому логично, говоря о природе отрицания, согла-

ситься с высказыванием А. В. Бондарко о наличии у утверждения отрицания модальных актуализированных функций, выражающих отношение говорящего к высказыванию (Бондарко 1976: 58).

В классифицирующей парадигме «социальная деятельность» отрицательные единицы присутствуют в вариантной парадигме «деятельность по достижению цели», причем, отрицание может быть эксплицировано: *недотянуть* — ‘2. перен. не выполнить в полном объеме’; в вариантной парадигме «осуществление», здесь отрицание указывает на неосуществление действия, на отсутствие возможности его осуществления: *промахнуться* — ‘1. не попасть в цель’; *залиться* — ‘не справиться, не успеть сделать все’; *задержаться* — ‘2. не сделать что-л. вовремя, промедлить’.

Наличие отрицания предполагает семантика вариантной парадигмы «противодействие»: *отрицать* — ‘опровергать, не соглашаться’; *преследовать* — ‘2. // перен. не покидать кого-л. вопреки желаниям’; *держаться* — ‘7. сопротивляться, не отступить’; *вынести* — ‘4. устоять, не сдаться перед лишениями’. ИмPLICITное отрицание наблюдаем, подобно ранее приведенным примерам, в единицах как позитивно, так негативно воспринимаемых. Опосредованно возможность подобного явления была отмечена Л. А. Новиковым при анализе явления антонимии: «Лингвистическая интерпретация одного из антонимов с помощью отрицания не означает, что слово отрицательно по природе, негативно» (Новиков 1973: 90).

Отрицательные члены вариантной парадигмы «профессионально-трудовая деятельность» отличаются достаточным разнообразием и указывают на отсутствие деятельности (см: *бездействовать* — не проявлять никакой деятельности); на нарушение временных рамок в процессе деятельности: (см: *опоздать* — ‘2. не сделать своевременно’; *запустить* — ‘1. // перестать заниматься, своевременно делать’); на отношение к трудовой деятельности: (см: *прогулять* — ‘3. не выйти на работу без уважительных причин’); на завершение самых разных профессиональных действий и трудовой деятельности вообще (см: *отработать* — ‘окончить работу’; *отучиться* — ‘перестать учиться’; *отэкзаменоваться* — ‘кончить экзаменоваться’; *отсеять* — ‘окончить сев’). При включении подобных глаголов в число отрицательных исходим из того, что «если действие начинается, то предельным результатом является его наличие, если прекращается — его отсутствие» (Апресян 1973: 335). Показателем отсутствия в данном случае является глагол «кончить». Хотя указывающие на прекращение действия глаголы образованы в рамках продуктивного словообразовательного типа со значением «окончить длившееся определенное время действие, названное мотивирующим глаголом» (РГ, т. 1: 365), очевидна некоторая избирательность в

представлении подобных глаголов: преобладают глаголы, называющие сельскохозяйственную деятельность и учебный процесс.

Отрицание в данной парадигме связано также с неполнотой осуществления действия: *недогрузить* — ‘1. не обеспечить грузом в полной мере, 3. перен., не обеспечить работой в полной мере’; *недопечь* — ‘2. не пропечь, не довести до состояния готовности’. Не останавливаясь на разграничении приставок не- и недо- (Морару 1983: 84), рассматриваем морфему *не-* в вышеуказанных глаголах как средство выражения отрицания, т. к. данные единицы противопоставлены соответствующим бесприставочным: *доучить* — *недоучить*.

Некоторые отрицательные единицы могут рассматриваться как единицы промежуточного плана между вариантными парадигмами «профессионально-трудовая деятельность» и «поступок, поведение». В них отношение к профессионально-трудовой деятельности можно определить как поведение: *шалопайничать* — *бездельничать*, что обусловлено коннотативными элементами в значении слова. Отрицательные глаголы называют в большинстве своем негативно воспринимаемые поступки: *артачиться* — ‘1. не повиноваться, сопротивляться, 2. не соглашаться, упрямиться’; *обмануть* — ‘1. // не выполнить, нарушить обещание’; но *жертвовать* — ‘2. не щадить кого-, чего-л.’ Отрицательные глаголы в вариантной парадигме «звучание» представляют собой ряд семантических синонимов, указывающих на отсутствие звучания в результате его прекращения, при этом звучание может называться дифференцированно: *отзвучать*, *утихнуть*, *стихнуть*, *умолкнуть*, *притихнуть* — ‘перестать звучать’; *отзвонить* — ‘перестать звонить’, *отгудеть* — ‘перестать гудеть’. Вне вариантных и даже классифицирующих парадигм оказываются глаголы, указывающие на отсутствие действия вообще: *застопориться* — ‘остановиться, прекратить действовать’; *замереть* — ‘2. перен., прекратиться, перестать действовать’; на характер его протекания: *медлить* — ‘не торопиться, мешкать’; *ограничиться* — ‘1. не пойти в своих действиях дальше чего-л., 2. не выйти за пределы чего-л.’.

Таким образом, анализ представленности отрицательных единиц в суперпарадигме «Действие и деятельность» показывает, что отрицательные единицы присутствуют прежде всего в вариантных парадигмах, связанных с деятельностью человека как социального и социализированного существа. В вариантных парадигмах классифицирующих парадигм «движение», «перемещение», «помещение» отрицательные единицы не представлены. Отрицательные глаголы обычно являются «ординарными» членами ЛСГ, но могут быть противопоставлены всем вариантным парадигмам в рамках парадигм классифицирующего типа, что рассматривалось нами на примере

глагола *молчать*, который мог претендовать на роль базового в каждой ЛСГ речевой деятельности, будучи противопоставленным как базовым, так и «ординарным» членам этих ЛСГ. Отрицательный глагол оказывается над вариантными парадигмами, становясь показателем парадигмы классифицирующего типа. На материале глаголов суперпарадигмы «действие и деятельность» мы косвенно наблюдали функционирование индекса противоположности, лексеообразовательной семы ‘не’ (Цой 1980: 42) или, по иной терминологии, словообразующей морфемы *не* (Бережан 1973: 275), видели эквивалентность образований с *не* (на регулярный характер подобных глагольных образований *не идти, не ходить* обращает внимание Н. Ю. Шведова (Шведова 1983: 314) и имплицитно отрицательных единиц. Но при этом остается открытым вопрос: чем вызвано подобное дублирование в номинации и дублирование ли это?

7. 2. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СУПЕРПАРАДИГМЕ «БЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, КАЧЕСТВО»

В суперпарадигме «Бытие, состояние, качество» также выделяются отрицательные глаголы, занимающие позицию над вариантными и классифицирующими парадигмами: *полететь* — ‘4. перен. нарушиться, не осуществиться’; *сорваться* — ‘8. перен. не удасться, не состояться’. Их семантика связана с указанием на отсутствие бытия.

Отрицательные глаголы присутствуют в вариантной парадигме «Прекращение бытия» (117 глаголов): *остановиться* — ‘2. прерваться, прекратиться (о течении, ходе развития)’; *пройти* — ‘прекратиться, кончиться’. Единицы с имплицитным отрицанием указывают на завершение, прекращение действия, бытия, состояния: *меркнуть* — ‘1. перестать светить’; *закрыться* — ‘7. перестать существовать, прекратить свою деятельность’; *откипеть* — ‘перестать кипеть’; на исчезновение, уничтожение, уничтожение может выступать каузирующим фактором: *выкосить* — ‘2. уничтожить, погубить’ (= ‘дать существовать’ — М. К.); *вырубить* — ‘уничтожить рубкой’; *стереться* — ‘исчезнуть от вытирания’; *развеяться* — ‘1. // исчезнуть, уничтожиться’. Как ранее отмечалось, прекращение бытия есть небытие. Для номинации небытия широко используются глаголы, имплицитно указывающие на отсутствие, эксплицитно на наличие противоположного состояния.

Способность отрицания указывать на отсутствие его определяет представленность отрицательных глаголов в вариантной парадигме «Проявление признака», где отрицание связано с утратой качества: *изломаться* — ‘2. перен., утратить естественность, непринужденность’ (= ‘не иметь естественности, непринужденности’ — М. К.); *отпасть* — ‘3. утратить силу, смысл’; *отвадиться* — ‘утратить

привычку делать что-л.’ Обратим внимание, что утрачиваемое связано в первую очередь с миром человека: *ожесточиться* — ‘потерять душевную мягкость’; *одеревенеть* — ‘2. перен. утратить способность к проявлению чувств’; *раскиснуть* — ‘2. потерять бодрость’; с качествами, значимыми для человека: *окоченеть* — ‘1. утратить от холода подвижность’; *распасться* — ‘2. утратить целостность’.

Отрицательные глаголы входят в вариантную парадигму «Эмоциональное состояние», называя состояния, полярные по их отношению к условной градационной оси: *отгоревать* — ‘перестать горевать’; *развинтиться* — ‘2. перен., потерять душевное равновесие’.

Негативное в образе жизни называется имплицитно отрицательной единицей: *скитаться* — ‘1. // не иметь постоянного места жительства, дома, семьи’. Отрицательные единицы имеются также в вариантных парадигмах «физиологическое состояние», «функциональное состояние»: *недосыпать* — ‘2. постоянно не высыпаться’; *есть* — ‘4. перен., мучить, не давать покоя (о болезни)’; *отсохнуть* — ‘2. перен., бездействовать из-за болезни’; *спать* — ‘2. перен., бездействовать // не проявлять себя (о чувствах, уме)’.

В суперпарадигме «Бытие, состояние, качество» отрицательные единицы, будучи достаточно широко представленными, не входят в состав вариантных парадигм, связанных с обозначением динамики существования: начальной фазы бытия, существования, становления качества, т. к. становление не предполагает отсутствие.

7. 3. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СУПЕРПАРАДИГМЕ «ОТНОШЕНИЕ»

Классифицируя предикаты, исследователи выделяют предикаты субъективно-оценочных отношений, духовного (психического) воздействия, оценочные предикаты (Никитин 1988: 83–84), дифференцируя подобным образом компоненты суперпарадигмы «отношение». Продолжая использовать в качестве основы для классификации глаголов Толковый идеографический словарь русских глаголов, определяем место отрицательных глаголов в данной суперпарадигме. Прежде всего отмечаем их широкую представленность: всего в суперпарадигме «Отношение» 21 вариантная парадигма, при этом 12 вариантных парадигм включают отрицательные глаголы, хотя количество отрицательных единиц здесь меньше, чем в ранее рассмотренных суперпарадигмах, всего 78 единиц. Отрицательные единицы включаются в вариантную парадигму «обладание»: *беречь* — ‘2. не давать расходоваться напрасно, осторожно тратить’; «сохранения»: *недосмотреть* — ‘наблюдая, не уберечь от кого-, чего- л.’; «утраты объекта» и «лишения», что обусловлено семантикой всех глаголов, входящих в данные вариантные парадигмы: *разориться*

– ‘1. потерять имущество’; *смешаться* – ‘3. утратить обычный порядок’ (= ‘не иметь’ – М. К.). Утраты, лишения могут быть связаны как с материальными, так и с духовными ценностями, с физически, духовно и социально значимым: *ослабить* – ‘1. лишить прежней силы’ (= ‘не дать возможности иметь прежнюю силу’); *теснить* – ‘1. лишать простора // не давать свободы’; *дезориентироваться* – ‘1. лишиться правильной ориентации’; *оголиться* – ‘3. лишиться листвы, хвои’; *бесчестить* – ‘лишать чести’. Отрицательными по семантике являются базовые глаголы этих вариантных парадигм: лишать, утратить.

Семантика отрицательного глагола в вариантной парадигме «передача объекта» связана с отсутствием действия или недостаточной мерой его проявления: *обделить* – ‘1. ничего не дать или дать меньше’.

В вариантной парадигме глаголов «контакта» отрицательные единицы указывают на отсутствие и, что более интересно, наличие контакта: *отмежеваться* – ‘3. перен., утратить связь с кем-л.’; *расстаться* – ‘1. прекратить дружеские отношения’; *сблизиться* – ‘3. утратить резкие расхождения’.

При обозначении социальных отношений имплицитное отрицание используется в вариантной парадигме «влияние»: *прокатить* – ‘3. перен., не избрать куда-л.’; «подчинения»: *сопротивляться* – ‘1. // не подчиняться кому-, чему-л.’; *уступить* – ‘2. перестать сопротивляться (отрицание связано с наличием и отсутствием подчинения)’; «помощи»: *обойтись* – ‘3// не воспользоваться чьей-л. помощью, не использовать чего-л.’; «разрешения и запрещения»: *зарезать* – ‘4. перен., запретить, не пропустить в печать или к постановке’; *возбраняться* – ‘1. запрещаться, не дозволяться’. В данной парадигме отрицание относится только к запрещению. Семантическое пространство между членами парадигмы минимально, поскольку в вершине находится пара антонимов *разрешать* – *запрещать*, отличающихся друг от друга только наличием отрицания в семной структуре маркированного члена оппозиции.

Несимметричность «разрешать» и «запрещать» уже отмечалась исследователями, как и различие в пресуппозициях и мотивировке данных глаголов: разрешение предполагает активную роль субъекта речевого акта и адресата (Русский язык в его функционировании, 1993: 189).

Итак, описание представленности глагольной лексики со скрытым отрицанием в различных типах глагольных парадигм показало, что отрицательные единицы присутствуют во всех глагольных суперпарадигмах, различным образом соотносясь с ними. Широкую представленность отрицательной лексики можно объяснить осо-

бенностями человеческого сознания, связью отрицания и нормы. «Понятие «норма» относится не только к сознательному поведению, но и к естественным процессам и явлениям, в которые человек вмешивается и которыми надеется управлять. Оно формирует некоторую идеализированную картину действительности. Из нормативных представлений исключается все отрицательное, чего можно избежать» (Арутюнова 1988: 200).

Очевидно, поэтому во всех суперпарадигмах есть единицы со скрытым отрицанием. Наличие подобных единиц объясняется и другим фактором: скрытый характер отрицания в них позволяет не только отрицать, но и утверждать процесс противоположный и противопоставленный.

Отрицательный глагол может быть членом суперпарадигмы, противопоставленным всем компонентам вариантных парадигм в суперпарадигме и не входящим в силу обобщенности семантики ни в одну из вариантных парадигм, как, например, глаголы, указывающие на отсутствие действия в суперпарадигме «действие и деятельность».

Отрицательный глагол также может выступать в качестве классифицирующего и быть противопоставленным всем членам вариантных парадигм в рамках классифицирующей, как, например, *молчать* в классифицирующей парадигме «речевая деятельность». Однако в большинстве своем отрицательные глаголы являются членами вариантных парадигм. Относительно больше отрицательных глаголов в вариантных парадигмах с предопределенным, обусловленным отрицанием: прекращения бытия, утраты, лишения. Человеческое сознание не может мириться с отсутствием: прекращение бытия предполагает возможность иного процесса и т. д.

Таблица 4

Представленность отрицательных глаголов в суперпарадигмах

Нóиáрiáрpááèäìà	Èièè+áñòáì	Êièè+áñòáì	Óááèúíúè ááñ
	ááèièò á	áàрèáíóíúò	áàрèáíóíúò
	íàрááèáì	íàрááèáì	íàрááèáì ñ
	ñóíáрiáрpááèäìà	áèèр+áрùèò	íòрèòáðáèúíúè
		íòрèòáðáèúíúà	áèááíèáìè
		áèááíèù	ñрááè áàрèáíóíúò
			íàрááèáì ááííé
			ñóíáрiáрpááèäìú, %
Ááèñòáèä	170	14	28
Áúòèä	194	6	60
íòííòáíèä	77	12	57

При этом наиболее разнообразны, хотя и менее количественно представлены, отрицательные глаголы в суперпарадигме «Отношение», что объясняется значимостью для человека тех сфер деятельности, что обозначаются входящими в суперпарадигму вариантными парадигмами. Представленность отрицательных глаголов в суперпарадигмах отражена в табл. 4.

8. ЧАСТНООТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РАЗЛИЧНЫХ ЛСГ ГЛАГОЛОВ

8. 1. ЧАСТНООТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СУПЕРПАРАДИГМЕ «ДЕЙСТВИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Описание отрицательной глагольной лексики не будет полным без обращения к глаголам, в семной структуре которых отрицание занимает не основную, а второстепенную позицию, будучи связанным с дифференциальными компонентами в значении этих глаголов: *прокружить* — действие, перемещение, непоступательное, вращательное, непродолжительное. В лексикографическом описании подобных глаголов присутствует отрицание, соотнесенное не с ядром, а с периферией толкования, что и позволяет использовать наименование «частноотрицательные глаголы» по отношению к подобным единицам: *дрогнуть* — ‘1. сделать незначительное движение’, *буксовать* — ‘вращаться, скользить, но не двигаясь с места’.

Частноотрицательные глаголы ранее не являлись объектом специального изучения, хотя существуют наблюдения, связанные с определением характера связи морфемной и семной структуры некоторых из частноотрицательных глаголов (Вараксин 1996). Полное описание их отсутствует. Думается, что оно значимо не только для определения состава различных глагольных парадигм, но, в первую очередь, для уточнения отрицательных признаков, актуальных для нашего языка и нашего языкового сознания.

Анализируя представленность частноотрицательных ЛСВ значений глаголов в суперпарадигме «действие и деятельность», отмечаем, что список вариантных парадигм, содержащих частноотрицательные глаголы, несколько отличается от списка вариантных парадигм, содержащих глаголы с отрицанием в ядре толкования (в дальнейшем будем называть их *общеотрицательными*). Частноотрицательные ЛСВ значений представлены в вариантной парадигме «ненаправленное перемещение», где отрицание связано с определением условий действия «перемещение»: пространственных, временных, причинных и др. Темпоральный аспект связан с недолгим протеканием действия: *заехать* — ‘1. приехать ненадолго’; *прокатиться* — ‘3. съездить на небольшое расстояние, ненадолго’; *пройтись* — ‘2. пойти ненадолго’; пространственный — либо с отсутствием указания на пункты перемещения, либо с указанием на небольшое рас-

стояние: *забежаться* — ‘2. убежать неизвестно куда’; *проехаться* — ‘сездить на небольшое расстояние’. Параметрические характеристики включают информацию о протекании действия, причем, достаточно последовательно эта информация связана с невозможностью восприятия перемещения: *закрасться* — ‘незаметно проникнуть куда-л.’; *ускользнуть* — ‘2. быстро, незаметно уйти’; *реять* — ‘1. незаметно двигаться’; *прошмыгнуть* — ‘незаметно пройти, проскользнуть’; *просочиться* — ‘2. незаметно и постепенно пробраться’; *пробраться* — ‘2. пройти незаметно’; *подобраться* — ‘2. незаметно подойти’; *красться* — ‘пробираться тайком, стараясь быть незамеченным’.

Для характеристики ненаправленного перемещения значимо указание на перемещение не по прямой: *заехать* — ‘3. подъехать не прямо, а со стороны’; *петлять* — ‘1. двигаться не по прямой линии’; на беспорядочность перемещения: *мыкаться* — ‘2. беспорядочно двигаться’; *метаться* — ‘1. беспорядочно устремляться то в одну, то в другую сторону’; на характер его осуществления: *шаркать* — ‘3. ходить, не поднимая ног’; *расхаживать* — ‘ходить не спеша’.

Осознанный характер нашего действия предполагает определение его с точки зрения наличия — отсутствия цели: *фланировать* — ‘прогуливаться без цели’; *блуждать* — ‘1. ходить без определенной цели’.

Указания на связь отрицания с целеустремленным поведением имеются в лингвистической литературе, где подчеркивается, что при глаголах целеустремленного действия несовершенного вида отрицание указывает на отсутствие целенаправленности (Аспекты семантических исследований 1980: 242).

Частноотрицательные единицы имеются также в вариантной парадигме «поступательное движение субъекта». Отрицание указывает либо на причину перемещения, либо на его локализацию: *сползти* — ‘2. сместиться, не удержавшись’; *соскочить* — ‘2. не удержавшись, упасть’; *соскользнуть* — ‘2. не удержавшись, съехать, свалиться’.

Последовательное выделение перечисленных отрицательных признаков объясняется характером источника материала. «... в лексикографических источниках господствует стремление к более полному описанию значений глагола, включающему указания на обстоятельство действия... на его объекты» (Кубрякова 1992: 85).

В вариантных парадигмах «помещение объекта» и «субъектное помещение» отрицание связано с ранее перечисленными обстоятельными характеристиками. Это отсутствие цели, порядка, других каких-л. обстоятельств, сопровождающих действие: *упрятать*

— ‘//поместить куда-л., делая незаметным’; *совать* — ‘2. // класть без разбора, без надобности’; *засесть* — ‘3. расположиться где-л., не выходя, не выезжая’.

В глаголах открытия, закрытия частное отрицание определяет полноту проявления действия: *приоткрыться* — ‘не полностью открыться’; *полузакрывать* — ‘закрывать не до конца’.

Этот компонент семантической структуры манифестируется префиксами полу-, при-: *приоткрыться*, *прикрыться*, *прикрыть*, *полуоткрыться*, *полудотвориться*, *полузакрывать*, *полузакрывается*.

В глаголах соединения отрицание соотносится с результатом процесса, как негативно, так позитивно воспринимаемым: *путаться* — ‘1. беспорядочно перевиваться’; *срастить* — ‘3. перен., неразрывно соединить’. Подобная неоднозначность связи отрицания и позитивной/негативной оценки нами отмечалась и ранее на материале общеотрицательных глаголов.

Частноотрицательные глаголы вариантной парадигмы «отделение» последовательно связаны со слабым отрицанием (определение слабого отрицания см. Коссек, Костюк 1982: 51–55): действие осуществляется не до конца, неинтенсивно, полный результат действия отсутствует, хотя промежуточный налицо: *ущипнуть* — ‘3. оторвать щипком небольшое количество’; *надколоться* — ‘расщепиться, не раскалываясь до конца’.

Неинтенсивность действия маркируется префиксальными морфемами в большинстве глаголов: *надпилить*, *надколоться*, *надсечь*. Очевидно, частное отрицание маркируется в морфемной структуре более последовательно, чем общее.

Семантика членов вариантной парадигмы «отрицательное воздействие на объект» уже предполагает наличие негации, что соотносено с состоянием негодности: *изувечить* — ‘//привести в негодность’; *портить* — ‘2. приводить в негодность, в неисправное состояние’; появлением беспорядка: *разрыть* — ‘2. привести в беспорядок’; *разрушить* — ‘2. внести беспорядок во что-л.; неприятностей: *задать* — ‘4. сделать что-л. неприятное’, *насолить* — ‘3. перен. причинить неприятности’, *набаловать* — ‘2. причинить неприятности’.

В семантике некоторых глаголов одновременно представлено позитивное и негативное (*угостить* — ‘// сделать приятное или неприятное’), что дает нам основания расширить состав вариантной парадигмы, определив ее как «воздействие на объект». Значимо при этом, что позитивное воздействие ранее перечисленных негативных компонентов связано с их устранением: *увольтить* — ‘2. избавить от чего-л. неприятного, ненужного’; *поправить* — ‘1. устранить неисправности’ (ср. *портить* — ‘1. привести в негодность, в неисправное состояние’).

Предлагаемый нами состав вариантной парадигмы «воздействие на объект» частично не совпадает с составом вариантной парадигмы «отрицательное воздействие на объект», представленной в Толковом идеографическом словаре русских глаголов. Не пересекается наше объединение и с классами, выделяемыми Н. Ю Шведовой внутри глагола. Конкретно-физические действия Н. Ю Шведова делит на 2 группы: 1) действия создания и не содержащие противопоставления созидания/несозидания, 2) действия, не связанные с созидательной деятельностью, с включением глаголов игры, отдыха, поведения, развлечения (Шведова 1988: 156). Предпринимаемый пересмотр состава вариантной парадигмы обусловлен тем, что все глаголы в составе парадигмы обозначают воздействие на объект при разном его результате.

Своеобразно частноотрицательная лексика представлена в классифицирующей парадигме «интеллектуальная деятельность». В отличие от общеотрицательных глаголов лишь 2 ЛСВ с частноотрицательным значением входят в парадигму «восприятие», т. к. в данном действии возможны только полярные точки: либо наличие восприятия, либо его отсутствие. И частное отрицание связано не с отсутствием процесса восприятия, а с негативной характеристикой воспринимаемого: *скушать* — ‘2. выслушать неприятное’; *проглотить* — ‘2. перен., выслушать без всякого протеста что-л. неприятное’.

Частноотрицательные глаголы входят в состав парадигм «мышления»: *исковеркать* — ‘3. перен., представить в неправильном виде в результате непонимания’; «сравнения и сопоставления»: *различаться* — ‘2. иметь несходство в чем-л.’; «признания»: *зачеркнуть* — ‘// признать недействительным’; *отбросить* — ‘3. отвергнуть как ненужное’.

Видим, что среди отрицаемых дублируются уже названные нами семантические компоненты: непригодность, недействительность, ненужность, незаметность, неприятное: *отменить* — ‘// объявить ранее назначенное недействительным’; *соскользнуть* — ‘4. перен. незаметно для себя прийти к чему-л.’, что определяется их значимостью в характеристике действия.

Как и при анализе общеотрицательных глаголов, отмечаем, что все члены классифицирующей парадигмы «речевая деятельность» включают частноотрицательные ЛСВ значения. Речевая деятельность может определяться отрицательно в логическом аспекте: *заговариваться* — ‘2. говорить бессвязно’; *фразерствовать* — произносить бессодержательные слова’; фонетическом: *заплетаться* — ‘2. неясно, нечленораздельно выговаривать’, *бурчать* — ‘невнятно говорить’; эмоционально-оценочном: *забранить* — ‘высказать неодобрение’.

С отрицанием могут быть связаны и другие признаки речевой деятельности: характер протекания действия: *трещать* — ‘1. говорить, не умолкая’; *съехать* — ‘5. перен., незаметно перейти на другую тему’; *протараторить* — ‘говорить без передышки’; результат: *отсоветовать* — ‘убедить не делать что-л.’.

В толковании данных ЛСВ отрицание манифестируется лексемами: *неясно, нечленораздельно, неотчетливо, необдуманно, неосторожно, неодобрение, неудовольствие, несогласие* и т. п. Обратим внимание на близость общеотрицательной и частноотрицательной лексики в данной парадигме. Глагол *говорить* под отрицанием обозначает то, что противоположно акту произнесения данного сочетания (Лукин 1990: 39, 1993: 78), *не говорить*, таким образом, указывает на наличие речевого процесса, полное отрицание связано с обстоятельствами действия говорения и определением его объекта, как и частное. При этом частное отрицание описывает речевую деятельность более разносторонне.

В классифицирующей парадигме «социальная деятельность» частное отрицание связано либо со способом протекания действия: *долечить* — ‘2. неудачным лечением довести себя до нежелательных последствий’; *вытвердить* — ‘неоднократно повторяя, выучить’; либо с его результатом: *досидеться* — ‘просидев где-л. долго, навлечь на себя неприятности’, *дописаться* — ‘писанием довести себя до каких-л. неприятных последствий’; в том числе позитивным: *исправить* — ‘1. устранить неисправности, 2. устранить неточность’.

Частноотрицательные члены парадигм достаточно разнообразны, но выделяется частотный компонент в их толковании, ‘неприятные последствия’. Как и общее отрицание, частное связано с миром человека, для которого актуален признак ‘неприятное’.

Частноотрицательные глаголы вариантной парадигмы «воспроизведение» близки друг к другу по набору отрицаемых признаков: это отсутствие подготовки, плохое воспроизведение: *бренчать* — ‘2. неискусно играть на каком-л. инструменте’.

Параметр «неискусность», «неумение» значим и для парадигмы «профессионально-трудовая деятельность»: *размалевать* — ‘неискусно разрисовать’, *пачкать* — ‘3. делать что-л. неумело’.

Но присутствуют и другие признаки: ‘неторопливо’, ‘без усилий’, ‘недобросовестно’, ‘бесцеремонно’, ‘недостаточно’. Последний манифестируется префиксом недо-: *недосолить* — ‘посолить недостаточно’; *недожечь* — ‘обжечь не в полной мере’.

Соотнося частноотрицательные глаголы со слабым отрицанием, со слабым, незначительным проявлением процессуального признака, видим в то же время размытость границ между общим и частным отрицанием, см.: *недосолить* — ‘не посолить достаточно’. По-

зация отрицания, центральная или периферийная, оказывается не столь значимой для определения семантики ряда глаголов, что позволяет говорить о наличии 3 групп отрицательной глагольной лексики: 1) частноотрицательные, 2) общеотрицательные, 3) занимающие промежуточное положение между обще- и частноотрицательными.

Для глаголов поведения актуальны такие обстоятельственные признаки, как ‘беспокойно’, ‘недружелюбно’, ‘несерьезно’, ‘неискренне’, ‘несдержанно’, ‘нечестно’, ‘неестественно’, характеризующие поведение с разных сторон, эмоциональной, этической, с точки зрения межличностных отношений: *егозить* — ‘вести себя беспокойно’, *балаганить* — ‘держаться несерьезно’, *развоеваться* — ‘начать вести себя несдержанно’.

В определении поведения значимо его соответствие некоторой норме, отсутствие противопоставленности обычаям: *фокусничать* — ‘1. поступать не так, как принято’, *соригинальничать* — ‘поступить необычно, не так, как все’, *раздeldывать* — ‘2. проделывать что-л. необычное’. Описываемые нами глаголы поведения А. А. Уфимцева включает в группу субъектных глаголов нравственного поступка и моральных достоинств.

Среди субъектных глаголов ею также выделяются глаголы, обозначающие произносимые звуки (Аспекты семантических исследований 1980: 44–45), получившие в Толковом идеографическом словаре русских глаголов название глаголов «звучания». Отрицание в вариантной парадигме «звучание» связано с определением продолжительности действия: *прошелестеть* — ‘издать непродолжительный шелест’, *пропищать* — ‘издать непродолжительный писк’.

Этот компонент семантики определяется префиксом про-, все глаголы с названным значением являются производными, результатом модификационного словообразования. Связь модификации с привативно-негативными префиксами отмечалась исследователями (Вараксин 1996: 31), наши глаголы являются дополнительными иллюстрацией данного тезиса. Отметим, что парадигма «звучание» включает 64 частноотрицательных глагола, среди них 45 единиц, обозначающих непродолжительное звучание разного рода. В остальных глаголах отрицание может быть связано с интенсивностью звучания: *хныкать* — ‘издавать негромкие звуки’; качеством: *трепетать* — ‘1. // звучать неровно (о голосе, звуках)’, *хрипеть* — ‘2. издавать нечистые по тону звуки’; определением эмоционального фона, на котором происходит звучание: *шипеть* — ‘2 // ворча, выражать недовольство’.

Таким образом, в суперпарадигме «Действие и деятельность» частноотрицательные глаголы представлены в 24 вариантных пара-

дигмах. Причем, именно рамками вариантных парадигм и ограничена их представленность: все частноотрицательные глаголы — «ординарные» члены ЛСГ. Пересекаемость частноотрицательных глаголов с другими типами глагольных парадигм не наблюдается. В рамках классифицирующих парадигм частное отрицание проявляется по-разному: либо может соотноситься со всеми вариантными парадигмами в составе классифицирующей, либо — с некоторыми из них. Какой-л. закономерности здесь не прослеживается.

8. 2. ЧАСТНООТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СУПЕРПАРАДИГМЕ «БЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, КАЧЕСТВО»

В суперпарадигме «бытие, состояние, качество» частноотрицательные глаголы также представлены в рамках вариантных парадигм. Это вариантная парадигма глаголов существования, где отрицание определяет характер протекания данного процесса: *существовать* — ‘2//вести бездеятельную, бесцельную, лишённую духовных интересов жизнь’; *сумерничать* — ‘сидеть без огня’; *прозябать* — ‘2. вести безрадостную жизнь, бесцельное существование’; вариантная парадигма «прекращение бытия»: *затеряться* — ‘1. пропасть бесследно’, *пропасть* — ‘1. исчезнуть неизвестно куда, 4. пройти бесследно’.

Достаточно широко частноотрицательные глаголы представлены в парадигме «становление качества». Отрицание соотносится с приобретаемым признаком, определяемым визуально: *измельчать* — ‘2. стать неглубоким’; *изгладиться* — ‘1. стать незаметным’; определяемым рационально: *искажиться* — ‘1. стать, оказаться неправильным’, *мельть* — ‘2. перен., становится незначительным’; эмоционально воспринимаемым: *сушить* — ‘4. перен. делать неотзывчивым’.

В отличие от общеотрицательных глаголов в частноотрицательных отрицание связано не с утратой, а с приобретением признака, но определяемого отрицательно. Кроме перечисленных, среди отрицательно определяемых признаков нужно выделить «негодность» и «неровность». Если первый признак соотносим с нормой, то второй признак очень частный, однако отсутствию этого признака уделяется внимание достаточно последовательно: *огрубеть* — ‘2. стать негладким’, *разгладиться* — ‘//освободиться от складок, неровностей’.

Члены вариантной парадигмы «проявление признака» по набору отрицаемых компонентов близки к ранее описанной ЛСГ, например, негодность, неровность, нечувствительность: *испортиться* — ‘1. прийти в неисправное состояние, стать негодным’.

При определении эмоционального состояния (вариантная парадигма «эмоциональное состояние») в частноотрицательных глаго-

лах значимо неприятное, недовольство, нерешительность, бездушие, бесчувственность: *замяться* — ‘1. остановиться в нерешительности’, *волноваться* — ‘3. испытывать недовольство существующим положением’, *нахлебаться* — ‘2. перен., натерпеться чего-л. неприятного. Все члены парадигмы имплицитно передают отрицание, отрицательные компоненты в их семной структуре связаны с негативной оценкой.

В словарных определениях глаголов «физиологическое состояние» выделяются указания на произвольность состояния, его непродолжительность, несоответствие норме: *тронуться* — ‘3. стать психически ненормальным’, *подкоситься* — ‘непроизвольно согнуться от слабости’, *вздремнуть* — ‘недолго подремать’.

С нарушением нормы, порядка соотносится отрицание в глаголах «функциональное состояние»: *лишаться* — ‘2. приходиться в беспорядок’. Актуально также указание на негодность, на отсутствие сходства: *обтрепать* — ‘ноской привести в негодность’, *обтереться* — ‘3. прийти в негодное состояние’. В данной парадигме отрицание может соотноситься с каузацией: *изжить* — ‘1. освободиться от нежелательного’, *выбросить* — ‘1. освободиться от кого-, чего-л. как ненужного’.

Как показывает анализ, для частноотрицательных глаголов суперпарадигмы «Бытие, состояние, качество» значим социальный аспект, соответствие признаков процесса некоторой норме, и отрицание связано с отступлением от нормы. Подчеркнем, что в данных глаголах, в отличие от суперпарадигмы «Действие и деятельность», отрицание последовательно соотносится с негативно оцениваемым.

8. 3. ЧАСТНООТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СУПЕРПАРАДИГМЕ «ОТНОШЕНИЕ»

Названная суперпарадигма содержит относительно небольшое количество частноотрицательных глаголов, принадлежащих к ряду вариантных парадигм. Это глаголы приобретения, где отрицание связано с характеристикой обстоятельств процесса или объекта действия: *урвать* — ‘2. приобрести не вполне честным путем’, *хватать* — ‘4. перен. получить нежелательное, неприятное’; глаголы передачи объекта и сохранения: *сберечься* — ‘2. остаться неизрасходованным’, *затануть* — ‘2. не обнаружив перед другими, сохранить в себе’; и противопоставленные им глаголы лишения: *дарить* — ‘1. отдавать безвозмездно’.

В частноотрицательных глаголах вариантной парадигмы «лишение» отрицание связано с каузацией: *транжирить* — ‘неразумно, без толку тратить’, *промотать* — ‘нерасчетливо израсходовать’. Это неразумные, бесполезные, бесцельные траты. Антонимическая противоположность вариантных парадигм «сохранение, лише-

ние» не соотносится с отрицательными элементами семной структуры глаголов, входящих в состав парадигм.

Для членов вариантной парадигмы «эмоционально-оценочное отношение», как и для членов вариантной парадигмы «внешнее проявление отношения», значимы недоброжелательность, недовольство, неприятности, неодобрение. Отрицание соотносится с негативно воспринимаемым в межличностных отношениях: *злыхательствовать* — ‘проявлять недоброжелательство’, *дуться* — ‘2. выражать своим видом недовольство’, *травить* — ‘2. //заставлять пережить неприятное’.

В глаголах победы отрицание указывает на противоположный результат, поражение: *доевался* — ‘воюя, потерпеть неудачу’, манифестируется префиксом *до-*, у которого выделяется модификационное значение «распространить процесс, названный производящей основой, до определенного предела» (Вараксин 1996: 114).

Таблица 5

Представленность частноотрицательных глаголов в суперпарадигмах

	Êîèè+âñòàî		Îðîíîáîèà âàðèàîðîóò îàðàèèî ñ +âñòîííîðè- òàðàèèóíîè âèèèèèè è îâîîî èîèè- +âñòàó âàðè- àîðîóò îàðà- âèè à ñòîàð- îàðàèèîà, %
	îðòèòàðàèü- íóò àâèèèò à ñòîîáîîàðàèè- àîà	âàðèàîðîóò îàðàèèî, âèèè+àèèè +âñòîííî- òèòàðàèü- íóà âèè- àîèü	
Ñòîîàðîàðàèèîà			
Äàèñòàèè	424	23	40%
Äòèè	254	7	70%
Îðîíîáîèà	87	8	38%

В отличие от общеотрицательных глаголов, частноотрицательные менее последовательно представлены в суперпарадигме «отношение». Причем, отличие частноотрицательных и общеотрицательных глаголов связано не только с количественными параметрами, но и с характером их связи с различными типами глагольных парадигм. Как и в ранее рассмотренных суперпарадигмах, частноотрицательные глаголы в суперпарадигме «Отношение» представлены только в рамках вариантных парадигм и не пересекаются с пара-

дигмами другого уровня обобщения. При описании частноотрицательных глаголов суперпарадигмы «отношение» нами была выявлена и такая закономерность: чем более социализирована семантика глагола, обращена к репрезентации социальных связей и отношений, тем более последовательно отрицание в семной структуре глаголов соотносится с негативной оценкой. Ранее мы отмечали, что в глаголах, не связанных с социальной сферой, частное отрицание может соотноситься как с позитивной, так и с негативной оценкой, в глаголах отношения такая разноплановая связь не наблюдается.

Завершая описание частноотрицательной лексики, предлагаем сопоставительный количественный анализ представленности частноотрицательных глаголов в суперпарадигмах (табл. 5).

Очевидно, что распределение частноотрицательных единиц в глагольном классе несколько иное, чем общеотрицательных (см. ю табл. 2). В количественном выражении больше частно-отрицательных единиц в суперпарадигме «Действие и деятельность», тогда как общеотрицательные преобладают в суперпарадигме «Бытие, состояние, качество». Если говорить о процентном соотношении, в суперпарадигме «Бытие, состояние, качество» оно менее различно для частноотрицательных и общеотрицательных глаголов.

ВЫВОДЫ

Описание представленности обще- и частноотрицательных глаголов в различных типах глагольных парадигм позволяет сделать следующие выводы. Отрицательная глагольная лексика содержится во всех суперпарадигмах, различным образом распределяясь внутри них в вариантных, классифицирующих парадигмах, что можно показать на схеме.

Анализ таблицы 2 позволяет выделить парадигмы, в которых представлена лексика, по-разному связанная с отрицанием, и повторить вывод об антропологичности, социализированности отрицания. Круг отрицательных единиц разнообразнее там, где процессуальные признаки связаны с миром человека. Из выделенных Ю. Д. Апресяном в наивной картине мира основных систем человека: физическое восприятие, физиологическое состояние, физиологические реакции на воздействие, физическая деятельность и действие, желание, интеллектуальная деятельность, эмоции и речь (Апресян 1995: 355), отрицание не связано, по нашим наблюдениям, лишь с системой «желание». Отсутствие желания эксплицируется, импликации нежелания нет, т. к. отсутствие желания не предполагает противоположный процесс.

Описание отрицательной глагольной лексики позволяет дополнить список семантических примитивов, если исходить из признака

высокочастотности в объяснительной части толкового словаря (Лукин 1990: 76). Это не только отрицательная частица *не*, но и глаголы *отсутствовать*, *прекратить*, *лишить*, прилагательные: *неприятный*, *недолгий*, *недобросовестный* и т. д. — и производные от них существительные. И хотя все прилагательные и существительные — производные единицы, считаем, что фактор частотности здесь можно признать определяющим.

Отметим, что для общеотрицательных глаголов характерны семантические признаки, связанные с отсутствием в частноотрицательных глаголах отрицание более разнообразно. В определении отрицаемого в частноотрицательных глаголах прослеживается такая логика: в суперпарадигме «действие и деятельность» отрицание связано, прежде всего, с обстоятельственными признаками, для суперпарадигмы «бытие, состояние, качество» значимо отсутствие порядка, несоответствие норме, для суперпарадигмы «отношение» — отсутствие социально значимых признаков.

РАЗДЕЛ II. ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ

ГЛАВА 1. СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ

1. СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

Современные грамматики признают, что русский глагол обладает наиболее сложной по сравнению с другими частями речи лексико-грамматической семантикой. Данная особенность значения глагола имеет большое значение: по мнению В. В. Виноградова, «неразграничение или смешение разных структурных отношений или разных уровней в языке, а также отсутствие тщательного анализа их взаимодействия неизбежно ведет к путанице в кругу разных структурно-смысловых языковых единиц. Особенно важен тщательный анализ признаков взаимосвязи и видов взаимодействия лексико-семантических уровней с грамматическими» (Виноградов 1969: 5).

В последние десять-двадцать лет в современной лингвистике явно обнаруживается стремление к комплексному ономаσιологическому описанию языковых явлений. Следствием данной тенденции явилось формирование такого направления, как лексикализованная грамматика, которая не только ставит новые проблемы, но и позволяет взглянуть с иной точки зрения на многие традиционные вопросы, предлагает новое решение спорных проблем.

Ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений русского глагола является категория вида и связанные с ней аспектуальные разряды глаголов, прежде всего такие группировки, как способы глагольного действия, «выражающие разные оттенки какого-нибудь действия» (Виноградов 1972: 395). Значимость СГД для анализа лексико-семантического пространства русского глагола, воплощающегося прежде всего в системе ЛСГ, обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, семы, формирующие значение того или иного СГД, уточняют значение мотивирующего глагола, принципиально не меняя его. Поэтому все глаголы-derivаты со значением СГД относятся к той же ЛСГ, что и мотивирующий их глагол, и активно участвуют в ее формировании.

Традиционно в состав ЛСГ включались лишь некоторые акционартные глаголы (от нем. *aktionsart* — способ действия). Доста-

точно последовательно на правах видовых коррелятов в ЛСГ входили глаголы со значением тех СГД, которые передавали частные грамматические значения вида, например соотносительные однокоренные лексемы со значением однократного и многократного СГД. Так, почти все глаголы подполя «Помещение», по данным словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Свердловск, 1988), относятся к последовательно коррелятивным; образуемые ими видовые пары совместно формируют данный семантический класс лексем: *выдуть/выдувать, выложить/выкладывать, выплюнуть/выплевывать, сбросить/сбрасывать, окунуть/окунать, подложить/подкладывать* и т. п.

В русском языке явно преобладают глагольные ЛСГ, формируемые соотносительными по виду глаголами, и достаточно редки ЛСГ, состоящие преимущественно из одновидовых лексем, чаще из глаголов несовершенного вида. Так, состоят в основном из глаголов *imperfectiva tantum* такие семантические классы, как глаголы проявления качества, воспринимаемого органами чувств (*благоухать, блестеть, блистать, брезжить, бурлить, виднеться, дымить, излучать, искриться, мерцать, лучиться* и т. п.), или глаголы выделения объекта по качеству (*алеть, багроветь, белеть, буреть, голубеть, желтеть, краситься* и т. п.); см. также глаголы звучания, поведения, профессионально-трудо­вой деятельности и др.

Как показывают наши наблюдения, ЛСГ, состоящих из глаголов только совершенного вида, в словаре — справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» нет. Последнее обусловлено немногочисленностью глаголов *perfectiva tantum* в русском языке и принципиальным отсутствием запрета на образование видовой пары путем вторичной имперфективации. Создание глаголов несовершенного вида с помощью имперфективирующего суффикса — чрезвычайно продуктивный процесс в современном русском языке, о чем свидетельствуют многочисленные окказиональные лексемы: *взрывать — взрывать, развеселиться — развеселяться* (РГ, т. 1, § 1411).

Исследователи не всегда включали дериваты со значением СГД в состав ЛСГ на том основании, что, по их наблюдениям, акциосартные производные в определенной степени аналогичны грамматическим формам глагола и поэтому не должны учитываться при изучении лексико-семантических явлений. Более внимательное рассмотрение СГД показало, что дериваты со значением того или иного СГД образуются далеко не от всех семантически однотипных глаголов (ср.: от глаголов *говорить, кричать* образуются дериваты со значением прерывисто-смягчительного способа действия *поговаривать, покрикивать*, а от семантически близких глаголов *приносить, орать, шептать* — нет). Способность глагола мотивиро-

вать производные со значением определенного СГД достаточно избирательна и основывается на деривационных закономерностях: регулярность появления таких дериватов значительно ниже вероятности образования от того же глагола его грамматических форм.

Представляется логичным учитывать при анализе ЛСГ все дериваты, из которых она состоит, а не только те, которые обладают неакционсартной семантикой, еще и потому, что ЛСГ, как и вся лексика русского языка, формируется преимущественно из производных слов.

Во-вторых, необходимость рассмотрения акционсартных глаголов при исследовании лексико-семантического пространства русского глагола обусловлена тем, что они могут существенно повлиять на объем и структуру ЛСГ: акционсартные дериваты способны в несколько раз увеличить объем отдельной ЛСГ. Например, класс глаголов вращательного движения (см. СС ЛСГ) состоит из 14 лексем: *валяться, вертеться, ворочаться, вращаться, кружить, кружиться* и под. Если же учесть однокоренные производные глаголы со значением СГД, то объем ЛСГ увеличится примерно в 4–5 раз, в частности за счет таких глаголов, как *заворочаться, поворочаться, проворочаться, закружить, покружить, прокружить, завращаться, повращаться, провращаться (целый час)* и т. д.

Аналогична структура ЛСГ глаголов пропитывания объекта. Ядро группы образует 51 глагол (СС ЛСГ): *бальзамировать, вощить, крахмалить, проклеить, мочить, пропахнуть, пропылить, прорезинить, просалить* и подобные. Данная ЛСГ может быть дополнена почти таким же количеством глаголов со значением разных СГД: *побальзамировать, повощить, покрахмалить, пробальзамировать (весь день), отбальзамировать, подкрахмалить, вымачивать, отмачивать, добальзамировать (до конца), докрахмалить (до конца)* и др.

В-третьих, некоторые ЛСГ почти полностью формируются из глаголов, относящихся к одному из СГД. Так, ЛСГ глаголов приготовления пищи впрок (подполе глаголов созидательной деятельности) состоит из 50 лексем, три четверти которых относятся к накопительно-суммарному СГД: *наготовить, нажарить, наквасить, наколоть, намариновать, намесить, намолотить, намолоть, намять, напечь, напилить* и т. д. Более 90% ЛСГ глаголов получения объекта в определенном количестве (*набрать, нагрести, надергать, надрать, нарвать, натаять, натопить* и под.) также относятся к накопительно-суммарному СГД. Лишь 4 глагола данной ЛСГ (*нажить/наживать, нажиться/наживаться*) на данном этапе развития русского языка могут быть отнесены к указанному СГД с определенной долей условности из-за их ослабленной семантической связи с мотивирующим глаголом *жить*.

В-четвертых, как показали наши наблюдения, ЛСГ русских глаголов имеют разное деривационно-семантическое строение, что заставляет выделять среди них ЛСГ деривационно-гнездового, деривационно-структурного или лексемно-центрического типа (см. соответствующую главу данной монографии). Лишь в последних преобладают непроизводные глаголы (см., например, ЛСГ глаголов произнесения).

В ЛСГ деривационно-гнездового или деривационно-структурного типов большинство лексем относится к производным однокоренным или одноструктурным словам: все глаголы скрытия объекта образованы от 7 непроизводных лексем (деривационно-гнездовая ЛСГ); две трети глаголов соединения содержат префикс *с-*, треть — постфикс — *ся*, каждый седьмой глагол — префикс *за-* деривационно-структурная ЛСГ).

Таким образом, все вышеизложенное заставляет обязательно и в полном объеме учитывать СГД как словообразовательно маркированные классы слов при анализе ЛСГ.

Итак, СГД представляют собой классы слов, связанные сложными, неоднозначными отношениями с ЛСГ. Они оказывают значительное влияние на структуризацию глагольной лексики в целом. Акционсартные глаголы являются важной составляющей большинства русских глагольных ЛСГ. Их удельный вес среди всех глаголов, формирующих ЛСГ, может достигать 90 и более процентов. Это обстоятельство, а также преобладание среди ЛСГ групп деривационного, а не лексемно-корневого состава обуславливают необходимость учета акционсартных производных при анализе лексико-семантического пространства русского глагола. Необходимость рассмотрения СГД при исследовании глагольных ЛСГ предполагает выяснение сущности и состава данных классов слов.

2. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Учение о способах действия в русском языке основано на длительной научной традиции (историю вопроса и библиографию по этой проблеме см.: Виноградов 1972; Маслов 1959; Бондарко, Буланин 1967; в работах А. В. Бондарко). На разных этапах изучения СГД исследователи полагали, что понятие СГД выкристаллизовалось довольно отчетливо и не нуждается в коренном пересмотре (Маслов 1965: 71; Анисимов 1974: 88). По мнению Н. Е. Грушко, морфо-семантические классы глаголов, осознаваемые как способы действия глагола и как словообразовательные типы, описаны в настоящее время (начало 90-х гг. XX в.) тщательно и подробно. Это свидетельствует о том, что в аспектологии завершается построение концепции способов действия (Сем. вопросы... 1991: 91).

Такое мнение не представляется достаточно убедительным: в теории и практике СГД накопилось много несоответствий и противоречий. Спорным является почти все: «уровневая» сущность этого явления, скрывающееся за ним содержание, средства манифестации семантики СГД, состав последних. Решение этих вопросов чрезвычайно важно для определения соотношения СГД русских глаголов с такими образованиями, как ЛСГ.

Вероятно, более права П. А. Соболева, полагающая, что «адекватное место для способов глагольного действия в грамматиках еще не найдено» (1984: 100), неясно их место и в лексической системе русского глагола.

Исследования последних лет в области лексической семантики, психосемантики, лексикализованной грамматики, аспектологии позволяют с определенной долей оптимизма вновь обратиться к нерешенным вопросам теории акционсартных классов русских глаголов.

О сущности акционсартных классов русских глаголов. В настоящее время существует два основных понимания «уровневой» сущности СГД. Все исследователи признают, что СГД — это грамматические, морфологические разряды русских глаголов, уточняющие характер протекания действия в аспекте его видовых особенностей. СГД связаны с категориями вида: они определяют способность глагола образовывать видовую пару и уточняют семантику вида — отношение обозначаемого действия к пределу, через который «осуществляется скачок из области лексических абстракций в качественно иную область — абстракций грамматических» (Польдауф 1962: 80). В настоящее время существует достаточно широкое толкование предельности как особого признака глагольной семантики (Сем. вопросы... 1991: 103–104). Предел осмысливается: 1) как достижение высокой степени интенсивности процесса (*разволноваться*); 2) как однократное проявление действия (*прозвенеть*); 3) как субъективный предел, обусловленный физиологическими, психологическими, ментальными, социальными «сторонами», аспектами, каждый из которых может выступить незапланированным объектом воздействия (*напиться, изработаться, зачитаться*); 4) как объективный предел-результат, обусловленный свойствами объекта (*измылить кусок мыла*); 5) как предел-результативность, носителем которой выступает один из компонентов полипропозициональной структуры глагольного значения («носитель» результата действия, передаваемого глаголом *проспать*, — одушевленный производитель, обладающий потенциальной социальной активностью).

При ином понимании инвариантного значения вида СГД уточняет такие признаки, как целостность/нецелостность, результативность/

нерезультативность, монопропозициональность/полипропозициональность действия (см. работы А. В. Бондарко, М. Ю. Чертковой, И. Б. Шагуновского и др.). Особенности реализации видового значения через СГД проанализированы А. В. Бондарко (1971: 13–14).

На этом единомыслие ученых, анализирующих СГД, заканчивается. Явно выделяется два основных направления в определении сущности акционсартных классов слов.

Представители первого (семантического) направления определяют СГД как лексико-грамматические группы, семантические особенности которых грамматически релевантны. Это и обуславливает рассмотрение таких групп слов в грамматике. А. В. Бондарко предлагал более точный термин для обозначения подобных объединений слов — «лексико-морфологические разряды» (1971: 15), который не был востребован современными исследователями.

В работах С. Агрелля, Э. Кошмидера, Ю. С. Маслова (1965), А. В. Бондарко (1971), Л. Л. Буланина (1976; Буланин, Бондарко 1967), Н. С. Авиловой (1971, 1973, 1976), М. А. Шелякина (1983), в Грамматике-70 (§ 844) глаголы классифицируются по СГД и другим аспектуальным классам (Шелякин М. А.) на основе их семантических особенностей независимо от структурных различий. «Способы действия — это семантические (именно семантические, а скажем, не словообразовательные) разряды глаголов», — утверждает Ю. С. Маслов (1965: 71). Семантическую сущность СГД подчеркивают и предлагаемые для обозначения этого явления термины: лексико-семантические группировки слов (М. А. Шелякин), семантические группы (Грамматика-70), семантико-грамматические разряды (Ю. С. Маслов) и др.

Согласно второй точке зрения, СГД — это словообразовательные или семантико-словообразовательные разряды русских глаголов. Такое понимание СГД отражено в РГ-80 (§1413), чешской РГ-79 (: 241), в работах Г. А. Анисимова (1974), Л. А. Вараксина (1993), В. И. Дегтярева (1973), А. В. Исаченко (1960), С. А. Кузнецова (1988), И. Г. Милославского (1989), А. И. Моисеева (1987), З. В. Ничман (1969), П. А. Соболевой (1983, 1984), О. М. Соколова (1985), А. Н. Тихонова, С. А. Емельяновой (1971), А. Н. Тихонова, Н. М. Шанского (СРЯ 1987), М. Д. Фетискиной (1973), И. И. Щеболевой (1974) и многих других. Все эти исследователи относят к СГД лишь те глаголы, в которых семантический признак, легший в основу конкретного СГД, манифестирован словообразовательной или иной морфемами.

Так, М. А. Шелякин при описании глаголов комплетивного СГД объединил их в рамках одной словообразовательной категории (1965: 13) — совокупности синонимичных словообразовательных

типов, передающих одно и то же деривационное значение компле- тивности разными аффиксами: *долить воду, подлить воду, над- вить веревку, прикупить еще продуктов* и т. п. Его понимание СГД (СГД – совокупность дериватов с одним словообразователь- ным значением) представляется достаточно корректным, поскольку признает деривационную природу СГД и учитывает тот факт, что почти все СГД имеют не одну, а несколько синонимичных морфем для манифестации своего значения.

Мысль о необходимости разграничения формально маркирован- ных и немаркированных СГД сегодня подерживается на практике всеми исследователями. Даже сторонники первой – «семантичес- кой» – точки зрения выделяют среди СГД морфемно-характеризо- ванные, нехарактеризованные и непоследовательно характеризо- ванные группы глаголов (Н. С. Авилова), хотя такое разделение пред- ставляется им вторичным и менее важным, чем характер соверше- ния действия, отраженный в семантике СГД. Главное для сторон- ников чисто семантической интерпретации СГД не способ манифес- тации данного значения (деривационной морфемой или основой слова, его корнем), а характер влияния акциосартной семы на грам- матические особенности лексем.

По указанному выше причинам в дальнейшем СГД определяются нами как деривационно-маркированные лексико-грамматические классы слов.

Представляется принципиально важным отделять те случаи, когда различия в типах, способах протекания обозначенных глаголами действий получают структурное выражение от тех, когда эти разли- чия не имеют определенной морфемной характеристики (Анисимов 1974: 89; Бондарко 1976: 175–176). Во-первых, потому, что грам- матика имеет дело преимущественно с формально маркированной семантикой; во-вторых, потому, что формальную выраженность в языке получают не все, а лишь те семантические компоненты, кото- рые достаточно значимы для носителей языка. Формальная регу- лярная маркированность – иной, по сравнению с лексическим, уровень существования значения. Значения СГД, получившие спе- циальное выражение в слове в виде деривационной морфемы, отли- чаются большей отчетливостью и стабильностью по сравнению со значениями нехарактеризованных СГД (Бондарко 1976: 176). Мар- кированность или немаркированность семантики СГД особой мор- фемой является, по мнению А. В. Бондарко, существенным, важ- ным качеством, значение которого нельзя приуменьшать.

Уровневый статус акционсартных сем. Осмысление СГД как деривационного и одновременно лексико-грамматического класса слов ставит вопрос о природе акциосартных сем: отнесении их к

деривационным, лексическим или грамматическим компонентам значения.

Семы, связанные со СГД, в большинстве работ определяются как «полуграмматические», лексико-грамматические.

Акционсартные и грамматические семы связывает:

1) содержание: акционсартные семы уточняют характер действия (ср. аналогичное значение у категории вида, традиционно определяемой в качестве грамматической);

2) способ возникновения: семы СГД, как и все другие грамматические компоненты значения, являются результатом внутриязыкового обобщения семантических признаков той или иной группы слов, в то время как семы лексического значения — результат внеязыкового обобщения обозначаемых словом денотатов и их признаков;

3) степень охвата русских глагольных лексем: семы того или иного СГД характеризуют гораздо меньшее количество глаголов, чем определенные грамматические компоненты, но значительно большее, чем лексические семы;

4) способность передаваться средствами различных языковых уровней. В частности, акционсартная семантика манифестируется не только словообразовательной структурой глагола (*пописать, почитать, побегать*), но и особенностями его синтаксической сочетаемости (*пописать **немного**, побегать **недолго***).

Последняя особенность объединяет акционсартную семантику с грамматическими значениями, которые могут стать основой для выделения функционально-семантических категорий (ФСК). Так, значение уменьшительности-увеличительности может манифестироваться отдельными словами (*огромный — большой — маленький — малюсенький*), грамматическими формами (*больше — меньше*) и деривационными суффиксами (*черноватый, черненький — чернущий*) и дериватами, традиционно относимыми к СГД (*покричать — раскричаться*); все эти средства формируют ФСК количественности.

Учитывая теорию функционально-семантических категорий, разработанную А. В. Бондарко, и традиционно выделяемые СГД, можно утверждать, что СГД входят прежде всего в состав ФСК аспектуальности, в основе которой лежит грамматическая категория вида, а на периферии — лексические и синтаксические средства передачи этого значения (общерезультативный и специально-результативные СГД), а также в ФСК темпоральности (фазовые и ограниченно-временные СГД), количественности (кратные СГД, смягчительный, интенсивно-кратный, тотально-интенсивный и подобные СГД), персональности (дистрибутивно-субъектный СГД), объектности (дистрибутивно-объектный СГД) и таксиса (фонопредикативные СГД).

Таким образом, акционсартные семы достаточно близки грамматическим компонентам значения. Значительно меньше общих черт у акционсартных и лексических сем.

Они сопоставимы прежде всего по уровню абстрактности: в целом по степени обобщенности передаваемого содержания акционсартные семы обычно менее абстрактны, чем грамматические компоненты значения, но более абстрактны, чем лексические семы.

По уровню обобщенности семы СГД достаточно неоднородны: среди них выделяются абстрактные, почти однопорядковые с грамматическими признаки (например, семы фазовости действия: начала, конца, какого-л. промежутка; семы результативности и под.) и семы, степень обобщенности которых приближается к лексическим (например, семы интенсивно-результативного СГД, фиксирующие состояние, являющееся следствием интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом: *заigrаться* 'УВЛЕЧЬСЯ игрой, долго или часто занимаясь ею', *допытаться* 'УЗНАТЬ что-л. в результате долгих и настойчивых расспросов' и т. п.).

Неодинаковая степень обобщенности акционсартных сем обуславливает разную «грамматичность» СГД. Максимально грамматичны общерезультативный, начинательный, многократный, одноактный и многоактный СГД (Бондарко 1971: 11). Наиболее «лексичны» значения нехарактеризованных СГД: стального (глаголы состояния — см. подполе «Состояние» в СС ЛСГ), реляционного (глаголы отношения — см. подполе «Отношение»), эволютивного (глаголы со значением 'заниматься чем-либо, осуществляя действие, не направленное на достижение результата': *гостить, гулять, караулить, курить* и т. п.); некоторых характеризованных СГД (например интенсивного *залежаться, зачитаться*) и др. Поэтому, по мнению А. В. Бондарко, в области наибольшей «лексичности» могут возникнуть известные трудности разграничения способов действия и лексико-семантических групп глаголов.

Эти два класса русских глаголов: лексико-семантические и акционсартные — противопоставлены по достаточно существенным признакам:

1) по типу семы, лежащей в основе их выделения: глаголы объединяются в одну ЛСГ по общности категориально-лексической семантики (см., например, глаголы речи, движения, помещения, физического воздействия на объект, победы и под.), в СГД — по общему лексико-грамматическому признаку (совершение действия со значительной интенсивностью: *пережарить, разволноваться, преувеличить*; совершение действия периодически, время от времени с небольшой интенсивностью: *поигрывать, покрикивать, почитать, поглядывать* и под.);

2) по степени семантической близости членов ЛСГ и СГД: глаголы одной ЛСГ семантически однотипны (ср. ЛСГ глаголов речи, движения, мысли и т. п.), глаголы одного СГД обладают различными лексическими значениями: например, начинательный СГД объединяет глаголы разных подполей: *забегать* (подполе движения), *закричать* (подполе речевой деятельности), *заволноваться* (подполе эмоционального состояния) и под.;

3) по типу отношений, связывающих составляющие эти классы глаголы. ЛСГ обычно имеют иерархическое строение: они возглавляются базовыми глаголами-идентификаторами, которым подчиняются все остальные глаголы группы; глаголы, входящие в СГД равноправны и не имеют глагола-вершины».

Все вышесказанное не позволяет квалифицировать семы СГД как лексические. Такому отождествлению препятствует и способ манифестации акционсартных сем: при деривационно-грамматическом истолковании СГД, которое приняли мы, акционсартные семы всегда передаются словообразовательными средствами — аффиксами, а не корнем, последнее типично для лексических компонентов значения.

Таким образом, акционсартная семантика имеет не чисто лексическую или грамматическую, а гибридную, деривационно-грамматическую природу. С деривационными семами акционсартные объединяет способ манифестации и разная степень абстрактности передаваемого содержания (последнее, по мнению М. Н. Янценецкой и сибирской школы дериватологов и лексикологов, — характерная особенность словообразовательных значений, среди которых можно выделить деривационно-грамматические и лексико-словообразовательные явления); с грамматическими — содержание: аспектуальная характеристика действия; обязательная формальная выраженность, регулярная повторяемость в разных с точки зрения лексической семантики единицах.

Понимание СГД как деривационно-грамматического класса слов требует определения места акционсартных групп среди всех грамматических классов русского языка.

3. МЕСТО СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ СРЕДИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ РУССКИХ СЛОВ

Определение СГД как деривационно-семантического класса слов позволяет более точно обозначить его место в системе грамматических явлений русского языка. СГД — это не любой лексико-грамматический разряд слов (ЛГР), а деривационно-грамматическое объединение последних. Двойственная — грамматико-деривационная — природа русских СГД отразилась на традициях их описания:

СГД в грамматиках русского языка рассматриваются дважды — в курсе морфологии (при анализе категории вида) и в разделе словообразования, где уточняются их словообразовательные значения.

СГД в этом отношении не уникальны. К деривационно-грамматическим разрядам (ДГР) помимо СГД могут быть отнесены такие группы русских лексем, как возвратные глаголы, относительные и притяжательные прилагательные, собирательные числительные, а к лексико-грамматическим образованиям — остальные традиционно выделяемые ЛГР, не имеющие особого морфемного оформления, т. е. одушевленные — неодушевленные, собственные — нарицательные существительные, личные — безличные глаголы и т. п. Промежуточное положение занимают абстрактные, собирательные и вещественные существительные, большинство из которых образуются по определенным словообразовательным моделям: *беготня, ходьба, синева, чистота*, но ср.: *гнев, тоска, печаль* и под. Именно такой представляется В. В. Лопатину категория собирательности в русском языке (1995: 34).

Целесообразность разграничения таких грамматических явлений, как ДГР и ЛГР, обусловлена разным уровнем «грамматичности» этих классов слов (он выше у деривационно-грамматических разрядов как формально маркированных образований) и степенью самостоятельности, отчетливости данного типа семантики в языке.

Неоднопорядковость СГД с другими ЛГР русского глагола проявляется в характере, «степени» уточнения семантики глагола акционсартными семами. Семы, определяющие принадлежность именных частей речи к тому или иному ЛГР, уточняют категориально-грамматическое значение имен и представляют предмет в виде конкретного предмета или вещества, совокупности предметов, отвлеченного признака или действия (существительные конкретные и неконкретные), предмет как единичное, уникальное или типовое явление (существительные собственные и нарицательные) и т. п. Семантика же глагола настолько сложна (имеет пропозициональную структуру, отражает целую ситуацию), что КГЗ глагола сначала уточняется через видовое значение (уточнение первого порядка) и лишь после этого — через акционсартное (уточнение второго порядка). Таким образом, семантика СГД уточняет грамматическое значение морфологической категории вида, а не частеречное значение, как ЛГР именных частей речи.

Лексико-грамматические и деривационно-грамматические классы слов находятся в отношениях комплементарности, взаимодополнения, формируя в целом «полуграмматические» классы лексем, т. е. грамматически релевантные объединения слов с общими компонентами в лексическом значении. ЛГР и ДГР отличаются лишь

способом манифестации сем, позволяющих выделить эти классы слов: в ЛГР их манифестирует корень, в ДГР — словообразовательный аффикс. При разграничении ЛГР и ДГР система грамматических классов русских лексем, основывающаяся на той, что предложена составителями «Русской грамматики», может быть представлена в следующем виде (при этом порядок следования компонентов отражает степень убывания грамматических и усиления лексических свойств составляющих их слов):

- 1) собственно знаменательные и местоименные слова;
- 2) морфологические разряды слов, представляющие собой объединения однотипных морфологических форм (РГ, § 1120);
- 3) части речи;
- 4) деривационно-грамматические разряды слов;
- 5) лексико-грамматические разряды слов.

Итак, СГД по своей природе (при любом ее понимании) являются гибридным классом слов: лексико-грамматическим (при истолковании СГД как семантико-грамматического образования) или деривационно-грамматическим (при отождествлении СГД с грамматически релевантной деривационной группой слов). В любом случае СГД чрезвычайно важны для характеристики лексико-семантического пространства русского глагола.

4. СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ КАК ДЕРИВАЦИОННЫЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

При определении СГД как деривационного явления возникает два вопроса: 1) семантика каких глаголов — только непроизводных или производных и непроизводных, отыменных и отглагольных или только отглагольных — уточняется в дериватах того или иного СГД; 2) к каким — собственно деривационным или морфемно-маркированным — группам слов следует относить эти классы глаголов.

Необходимость уточнения того, семантика каких глаголов — любой словообразовательной структуры или только непроизводных — модифицируется способами глагольного действия, обусловлена расхождением теоретических и практических установок исследователей. Так, авторы РГ-80 определяют СГД как «семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации значений *беспрефиксных* (выделено нами. — Т. П.) глаголов с точки зрения временных, количественных и специально результативных характеристик» (РГ, 1413). Аналогично определяет СГД Н. С. Авилова, М. А. Шелякин (1965: 11). Приведенные выше мнения позволяют предположить, что СГД могут мотивироваться только (или прежде всего) непроизводными глаголами русского языка.

При анализе же конкретных СГД исследователи, учитывают акционсартные лексемы, образующиеся не только от производных, но и от производных глаголов. Так, дистрибутивный СГД состоит из дериватов с префиксами *по-* или *пере-* (РГ, §1436); первый, судя по приводимым примерам, присоединяется только к приставочным производным глаголам: *повыдергивать все, повскакивали все, повыскакивали все, поубивать всех* и т. п., второй — преимущественно к бесприставочным лексемам: *перепробовать все, перекушать всех, переломать все*.

СГД могут уточнять семантику любого глагола: производного и производного, содержащего префикс и не имеющего его. Этот вывод опирается: 1) на наличие СГД, члены которых мотивируются преимущественно производными, в том числе префиксальными, глаголами; 2) на многочисленность дериватов определенной акционсартной семантики на всех ступенях словообразования, а не только на первой (*курить* → *выкурить* → ***выкуривать***, *кричать* → *выкричать* → ***выкрикивать***); 3) на продуктивность моделей, по которым образуются такие глаголы; 4) на распространенность глаголов с префиксально-связанными корнями, от которых легко образуются дериваты со значением СГД (*запрячь* → *запрягать* → ***позапрягать***, *одеть* → *одевать* → *переодеть* → ***попереодеть*** *всех* и под.).

Некоторые исследователи относят к СГД глаголы, мотивированные не только глаголами, но и словами других частей речи, например, именами. Так, М. А. Шелякин включает в состав характеризованного интенсивно-качественного СГД глагол *насытить*, который образован от прилагательного *сытый* (*сытый* → ***на-сыт-ить***); этот глагол только семантически, но не деривационно близок остальным лексемам данного СГД (*накалить печь, накрасить, начистить, напухнуть*), образованным от глаголов *калить, красить, чистить, пухнуть* с помощью приставки *на-* (Шелякин 1983: 185).

А. В. Бондарко относит глагол *подновить* к глаголам смягчительного СГД (Бондарко 1976: 17), хотя данный дериват мотивируется прилагательным *новый*, а не глаголом **новить* (ср.: *врать* → *приврать, красить* → *подкрасить*, **новить* → *подновить*).

К этой же группе примыкают глаголы, корни которых постепенно десемантизируются (такие, как *припорошить, взбелениться*): некоторые носители языка соотносят их с историческими мотиваторами *пороша* и *белена*, что заставляет выделять нетипичные для смягчительного (*при-* *-и*) или начинательного (*вз-* *-и-* *-ся*) (СГД словообразовательные средства).

Нетипичный для СГД деривационный аффикс и неполное совпадение деривационного значения такого глагола с типовой акцион-

сартной семантикой не позволяют отнести подобные дериваты к СГД. Первый аргумент может быть подвергнут сомнению, поскольку появление новых словообразовательных типов и деривационных средств исторически неизбежно вследствие развития языка и его словообразовательной подсистемы в целом.

Второй аргумент представляется более убедительным. Большинство недевербативных русских глаголов при своем возникновении приобретают только значение динамического признака, статус глагола и семантику вида, а значение того или иного СГД — лишь в последующих словообразовательных актах: *белый* → *белить* → *подбелить*, *синий* → *синить* → *подсинить*, *крахмал* → *крахмалить* → *подкрахмалить*, *гладкий* → *гладить* → *подгладить* и т. п. Значение СГД сразу получают только те отыменные глаголы, которые потеряли беспрефиксный глагол или не имели его никогда по каким-либо причинам, ср. *новый* → **новить* → *подновить*. Подобные дериваты синонимичны акционсартным лишь на уровне достаточно обобщенного деривационного значения, лежащего в основе выделения словообразовательного поля и объединяющего разные части речи (в данном случае — поля количественности, подполя — «небольшое количество»); на уровне же деривационного значения словообразовательного типа семантика этих глаголов не совпадает полностью: акционсартные глаголы *подсинить* и *подкрахмалить* обозначают «совершение действия, названного мотивирующим глаголом, с небольшой интенсивностью, слегка», а глаголы *подновить*, *припорошить* — «совершение действия наделяния признаком, названным мотивирующим прилагательным / существительным, с небольшой интенсивностью, слегка».

Неполное совпадение словообразовательных значений, являющихся основой для выделения акционсартных классов слов, немногочисленность, изолированность, непродуктивность подобных глаголов препятствуют, на наш взгляд, их безоговорочному включению в состав СГД.

Теоретически все сторонники деривационной концепции СГД признают, что СГД — это класс производных отглагольных глаголов, но при практическом анализе конкретных СГД допускают многочисленные отступления от этих исходных теоретических предпосылок. Анализ таких отступлений обнаруживает несколько групп переходных — в основном морфемно, а не деривационно маркированных — групп глаголов, которые часто включаются в состав СГД, «не имея» на то права.

Во-первых, это непроизводные, но членимые глаголы со значением того или иного СГД. Например, А. В. Бондарко (1976: 21) иллюстрирует непоследовательно характеризованный инхоативный

СГД производными глаголами *гаснуть*, *зябнуть*, *меркнуть*, *стынуть*, в составе которых есть основообразующий суффикс *-ну-*. Он же относит глаголы *капать*, *махать*, *мигать* к глаголам многократного СГД, учитывая наличие в их составе суффикса *-а-*, типичного для дериватов этого СГД, и возможность их соотнесения с соответствующими однокоренными глаголами однократного действия *капнуть*, *махнуть*, *мигнуть* (Бондарко 1976: 171). Подобное же решение предлагается и в «Русской грамматике» чешских лингвистов (РГ-79: 241).

Во-вторых, это примыкающие к производным глаголам опротивившиеся или находящиеся в процессе опротивления (стадия семантической демотивации) глаголы, такие, как *выкомариваться*, *наяривать*. Они обладают явно десемантизированным корнем, но приводятся в «Русской грамматике» в качестве иллюстрации к интенсивно-результативному СГД (РГ, §1429).

Семантически разошлись глаголы *парить* и *упариться*, хотя последний, обычно употребляющийся в переносном значении «устать после длительного и интенсивного совершения какого-л. действия», отнесен к дериватам интенсивного СГД (Бондарко 1976: 19).

В-третьих, к числу спорных относятся производные глаголы, которые получили значение СГД не в последнем словообразовательном акте, а на предыдущих ступенях словообразования и сохранили его. Например, в словообразовательной цепи *порхать* → *порхнуть* → ***выпорхнуть*** → *выпархивать* без сомнения относится к однократному СГД глагол *порхнуть*, а к многократному — глагол *выпархивать*, поскольку они образованы с помощью типичных для данных СГД аффиксов *-ну-* и *-ива-*. Глагол *выпорхнуть* в последнем словообразовательном акте получил значение удаления откуда-либо вон, наружу, а значение однократности, которое хорошо осознается носителями языка, унаследовал от мотиватора *порхнуть*. Данное значение поддерживается в нем явной соотнесенностью с глаголом *выпархивать*, обладающим значением многократности действия и являющимся его видовым коррелятом. Традиционно такие глаголы обычно включались в состав СГД.

На первый взгляд, данный глагол и многие подобные ему (*выпрыгнуть*, *выскользнуть*, *проскользнуть*, *подпрыгнуть*, *допрыгнуть*, *спрыгнуть* и под.) имеют все основания для вхождения в однократный СГД, но такое решение превращает последние в морфемно, а не деривационно маркированные образования.

В-четвертых, спорную группу представляют производные глаголы, у которых наблюдается расхождение формальной и семантической мотивации либо множественность мотивации. Это, прежде всего, глаголы, мотивирующиеся супплетивными коррелятами, пос-

колку в современном русском языке по разным причинам нет их однокоренных производящих. Например, глагол *подкладывать* семантически мотивируется глаголом *подложить* и в этом случае «образован» с помощью типичного для многократного СГД суффикса *-ыва-*. Но в материальном плане он соотносится с глаголом *класть* (**подкласть* в узусе нет) и образован от него с помощью нетипичного для данного СГД конфикса *под-* — *-ива-*. Аналогично положение глаголов *вкладывать*, *выкладывать*, *накладывать*, *откладывать*, *перекладывать*, *подкладывать*, *прикладывать*, *прокладывать*, *раскладывать*, *укладывать* и *под*.

К ним примыкает группа глаголов, у которых может наблюдаться множественность мотивации вследствие возможности по-разному осмыслить семантику производного глагола из-за соотнесенности последнего с разными однокоренными мотивирующими. Например, глагол *размахивать* может мотивироваться глаголом *махать* и относиться в этом случае к длительно-дистрибутивному СГД (подобно глаголам *распевать*, *расхаживать*), но может соотноситься и с устаревающим глаголом *размахнуть*, попадая в этом случае в СГД многократного действия.

В-пятых, спорна судьба глаголов, имеющих значения того или иного СГД, в основном многократного и однократного, которые манифестируются не морфемным, а акцентологическим (*ссы'пать* → *ссыпа'ть*, *рассы'пать* → *рассыпа'ть*, *отсы'пать* → *отсыпа'ть* и *под*.) или морфонологическим деривационными средствами (Ж//и: *собрать* → *собирать*, *удрать* → *удирать*; Ж//ы: *послать* → *посылать*, *выслать* → *высылать*; о//Ж: *загонять* → *загнать*, *прогонять* → *прогнать*). Нетрадиционность используемых при создании этих глаголов словообразовательных средств является препятствием для включения таких глаголов в СГД, хотя ударение и морфонологические чередования обычно включают в состав словообразовательного форманта. Сложившееся в современной аспектологии понимание СГД имплицитно предполагает, что последние образуются с помощью деривационных морфем.

Таким образом, в современной аспектологии постепенно складывается узкое и широкое деривационное понимание СГД.

СГД в узко-деривационном смысле — это совокупности deverбальных глаголов с синонимичными словообразовательными значениями, уточняющими в том или ином аспекте семантику вида. При этом необходимо помнить, что 1) словообразовательный формант, с помощью которого создаются данные глаголы, может включать в свой состав не только морфемы, но и фонетико-морфонологические средства (ударение, исторические чередования); 2) глагол должен получить значение СГД в последнем словообразовательном акте

(*двигать* → *двинуть*, *выдвинуть* → *выдвигать*), а не унаследовать его от своего производящего (так, не войдут в состав СГД со значением многократности или однократности глаголы *двигать*, *двинуть* из словообразовательной цепочки *двигать* → *двинуть* → ***выдвинуть*** → *выдвигать*; только глаголы *двинуть*, *выдвигать*, получившие значение СГД в последнем словообразовательном акте, могут быть отнесены к этому СГД). Иными словами, СГД представляют собой совокупности deverбальных глаголов, выделяемых на основе их принадлежности к одной словообразовательной категории, определяемой как совокупность синонимичных словообразовательных типов.

При широком деривационном истолковании СГД в их состав включаются любые структурно-семантические (морфемно маркированные) группы глаголов, в которых значение СГД манифестируется аффиксом, выполняющим осново- или словообразующую функции. В этом случае значительно расширяется список лексем, входящих в СГД за счет включения в их состав синхронно непроизводных глаголов (в том числе со связанными корнями) и тех глагольных слов, в которых значение СГД манифестируется деривационной морфемой, появившейся не в последнем, а в предыдущих словообразовательных актах, (то есть все глаголы приведенной выше цепочки: *двигать* → *двину*ть → ***выдвинуть*** → *выдвигать*).

Конкретные задачи исследования могут обусловить выбор той или иной точки зрения на СГД, поскольку обе они имеют право на существование. При лексико-семантическом понимании СГД последние описываются во всем их семантическом многообразии, независимо от структурного оформления; при широком деривационном понимании учитывается все структурно-семантическое разнообразие СГД, все их ядерные и периферийные составляющие; узко-деривационная точка зрения на СГД рассматривает прежде всего «чистые», классические деривационно-семантические проявления.

5. ТИПЫ АКЦИОНСАРТНОЙ СЕМАНТИКИ

Несмотря на общность исходного теоретического положения о том, что СГД уточняют значение вида — характер совершения действия, лингвисты по-разному решают вопрос о составе СГД и содержании семантики, передаваемой данными деривационно-грамматическими разрядами слов. Это обусловлено нерешенностью вопроса о сущности значения самой категории вида. Современные аспектологи по-разному определяют содержание видовой семантики: они пытаются выявить ее на двух уровнях абстракции: парадигматическом и синтагматическом (Петрухина 1992: 98) — и утверждают, что вид может указывать на предельность/непредельность, ре-

зультативность / нерезультативность, целостность / нецелостность, монопропозициональность / полипропозициональность действия (см., например, аспектологические работы последних лет Падучевой Е. В., Чертковой М. Ю., Шатуновского И. Б. и др.). Кроме того, при любом понимании семантика вида столь абстрактна, что допускает различные интерпретации, последнее также затрудняет решение вопроса о том, как именно СГД уточняют вид.

Если попытаться обобщить семантические признаки, которые, по мнению разных лингвистов, могут передавать СГД, то картина будет достаточно пестрой.

Во-первых, СГД указывают на предельность / не предельность действия (Шелякин М. А.). Этот компонент по степени абстрактности равен семантике вида, поэтому обычно уточняется с помощью более частных значений.

Во-вторых, СГД передают значения результативности / нерезультативности действия. В этом случае семантика результативных и нерезультативных СГД также конкретизируется. Поэтому многие исследователи, занимающиеся акционсартными явлениями: А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, М. А. Шемякин, Н. С. Авилова и др. — выделяют общерезультативный и специально-результативный СГД, другим ученым, например П. А. Соболевой, указание на результативность действия представляется чисто видовым, а не акционсартным значением.

Уточняя глагольное действие с точки зрения его результативности СГД могут передавать следующие значения:

1) чистое достижение результата, см., например общерезультативный СГД у А. В. Бондарко, Л. Л. Буланина, М. А. Шемякина (*писать — написать, брить — побрить, петь — спеть* и под.), результативно-процессный (*прокараулить, оговориться*), результативно-тогивный (*встречать — встретить*), процессно-результативный (*возвращать — возвратить*), интенсивно-процессный (*хлопотать — выхлопотать, просить — выпросить*) СГД и некоторые другие (значение достижения результата в этих СГД может осложняться квантитативной семантикой, характеризующей интенсивность приложенных для достижения цели усилий: *выхлопотать*);

2) полная исчерпанность действия, см. осложненно-характеризующий СГД (*вырисовать все детали, вымерить тщательно*), сативный (*нагуляться вволю, выспаться хорошо*), качественно-оценочный (*выбрит тщательно, отрпетировать, прожарить хорошо*);

3) отрицательно оцениваемые следствия, к которым приводит совершение действия. Эти значения передают интенсивно-результативные СГД: чрезмерно-кратный (*измучиться*), чрезмерно-интен-

сивный (*убегаться*), чрезмерно-длительный (*засидеться*), финально-отрицательный (*докричаться до хрипоты*) и под.;

4) достижение результата, аннулирующего результат другого действия, см. результативно-аннулирующий СГД: *разлюбить, откупорить, дезорганизовать*.

В-третьих, утверждается, что СГД передают количественные модификации действия.

Квантитативная характеристика действия через СГД предполагает указание на степень интенсивности совершения действия или его кратность.

Интенсивность уточняется как слабая, высокая или крайне высокая:

1) слабая интенсивность совершения действия отражена в уменьшительно-смягчительном (*вздремнуть, поиграть немного*), прерывистом (*поигрывать слегка*), длительно-смягчительном (*напевать*), сопроводительном (*подыгрывать*) СГД;

2) высокая интенсивность совершения действия — в интенсивно-кратном (*выплясывать, отплясывать*) и интенсивно-результативном (*измучиться, убежаться очень сильно*) СГД;

3) крайняя степень интенсивности — в тотальном (*вытоптать абсолютно все, изранить абсолютно всех*) СГД.

Кратность действия имеет два значения: однократность или повторяемость действия.

Однократность действия реализуется в однократном (*крикнуть*), интенсивно-однократном (*толкнуть*) и уменьшительно-смягчительном (*прикрикнуть*) СГД. Значение многократности характерно для гораздо большего числа СГД: для многократного (*подписывать не раз*), прерывисто-смягчительного (*поговаривать время от времени*), интенсивно-кратного (*названивать*), дистрибутивно-суммарного (*раздаривать всё*), чрезмерно-кратного (*изолгаться*), чрезмерно-длительного (*заслушивался не раз*).

В-четвертых, СГД указывают на темпоральные характеристики действия.

К темпоральным характеристикам действия, отражаемым в СГД, относятся такие компоненты, как указание на фазу действия; на временную протяженность действия; на временную соотношенность действия, обозначенного глаголом, принадлежащим к данному СГД, со временем совершения другого действия (последнее значение можно условно назвать «фонопредикативным», так как значение одного действия разворачивается на фоне другого).

1) Фаза действия может быть начальной (начинательный СГД: *заговорить, побежать*), конечной (финитивный СГД: *отработать*; финально-комплетивный СГД: *дочитать до конца*), «срединной»,

длящейся определенный промежуток времени: ограничительный (*поработать*) и длительно-ограничительный (*проработать весь день*) СГД;

2) временная протяженность может характеризоваться как небольшая (ограничительный СГД: *походить недолго*) или достаточно длительная (длительно-ограничительный СГД: *прогулять весь день*; длительно-смягчительный: *похаживать*; длительно-дистрибутивный: *расхаживать*);

3) «фонопредикативные» значения могут быть уточнены как значение одновременности (сопроводительный СГД: *подпевать*), предшествования (проспективный СГД: *предрешить*), последующего действия (репродуктивный СГД: *переиздать еще раз*; реформативно-повторительный: *переписать еще раз иначе*), в том числе дополнительного (комплетивно-партитивный: *подрезать еще немного*; завершительно-партитивный: *долить еще молока*).

Обычно не относят к «фонопредикатным» СГД дериваты со значениями, которые логически однопорядковы с рассмотренными выше: со значением совершения действия сразу по окончании другого действия (*запить лекарство водой*), в перерыве другого действия (*передохнуть, перекурить*), со значением ответного действия (*отдать*).

В-пятых, некоторые лингвисты (Соболева 1983: 46–47; РГ-79, Шелякин 1983) включают в состав СГД и локативные производные, в то время как большинство лингвистов обходит подобные дериваты молчанием.

Так, М. А. Шелякин выделяет терминативно-локальный СГД со значением совершения действия до какого-либо времени или места: *дойти, добежать, дописать*. В чешской РГ-79 выделяется инхоативная разновидность начинательного СГД, которая объединяет глаголы однонаправленного движения с приставкой *по-*: *побежать, полететь, поплыть* «начать совершать действие, названное мотивирующим глаголом, перемещаясь в определенном направлении».

Необходимо учитывать, что объективно пространственные условия протекания действия тесно связаны с временными и потому одинаково существенны для него; что пространственные и временные значения приставок (именно эти морфемы являются основным средством передачи локативных значений) взаимообуславливают друг друга в истории русского языка (абстрактные количественные, темпоральные и результативные значения префиксов развились на базе более конкретных и «лексичных» пространственных значений) и на современном этапе их функционирования. Последнее убедительно доказано в работах Л. А. Вараксина, по мнению которого «наусушно необходимо и исследовательски весьма заман-

чиво связать воедино локальные и нелокальные (акциональные) значения префиксальных глаголов» (Вараксин 1993: 60), поскольку все словообразовательные значения производных глаголов, входящих в достаточно сильные типы, внутренне связаны с первичными пространственными значениями образующих их приставок.

По нашим наблюдениям, современные словари, истолковывая семантику того или иного глагола, в том числе обладающего значением СГД, часто совмещают в одном его значении в качестве равноправных пространственные и квантитативные уточнители действия. Так, глаголы делимитативно-смягчительного СГД с префиксом *под-* (*подбинтовать, подбрить, подгладить, подгнуть, поддолбить, поддуть, подзабыть* и *под.*) содержат в своих дефинициях (МАС) и локативный, и интенсифицирующий компонент: *подмокнуть* 'намокнуть *снизу, слегка*', *подмыть* '*наскоро, слегка* или *в отдельных местах* вымыть', *подпороть* '*распороть изнутри* или *немного*', *подутьюжить* '*немного, в нескольких местах* разутьюжить' и *под.* Это тоже свидетельствует в пользу «равновозможности» уточнения видовой семантики глагола с помощью не только количественно-временных, но и пространственных сем.

Равноправность локативных и всех остальных значений префиксов основывается, по мнению П. А. Соболевой, еще и на их одинаковой аспектуально-деривационной значимости. Поэтому стена, воздвигаемая аспектологами, между «способами действия и префиксальными глаголами с локативными приставками, кажется искусственной» (Соболева 1983: 46—47). И все-таки даже П. А. Соболева, учитывая сложившуюся лингвистическую традицию в описании локативных производных, относит последние к СГД с определенной долей условности: «третье дерево признаков (локативных. — Т. П.) относится нами условно к способам глагольного действия» (Соболева 1983: 47).

В-шестых, СГД характеризуют действие с точки зрения его субъектно-объектной перспективы, по терминологии РГ-79, с точки зрения квантификации субъектов и объектов действия.

СГД могут указывать на то, что действие совершается не одним, а несколькими субъектами (многократно-дистрибутивный СГД: *перезваниваться*; распределительный СГД: *все повставали с мест*). Все СГД с этой точки зрения могут быть разделены на моноперсональные и полиперсональные (данный термин использовала Г. А. Золотова для анализа семантической структуры предложения, но, как нам кажется, они могут быть использованы и для характеристики СГД; по их модели можно создать термины: монообъектные, полиобъектные, финально-объектные и частично-объектные СГД).

С точки зрения охвата объектов СГД могут указывать на то, что действие распространяется на все объекты без исключения (распределительный СГД: *поубивать всех, перецеловать всех*), на их значительное количество (накопительно-суммарный СГД: *насолить много огурцов, накопить много денег*), на небольшую часть объекта (отделительно-партитивный СГД: *отлить часть молока*), на финальную часть объекта (финально-комpletивный СГД: *дочитать, доесть то, что осталось, до конца*).

Логически однотипны с ними такие значения производных глаголов, как «распространить действие на верхнюю часть предмета» (*срезать*), «на его нижнюю часть» (*подрезать*), «на его поверхность» (*надрезать*), «на его часть, предназначенную для удаления» (*вырезать*). Дериваты с такими значениями обычно не включают в состав СГД.

В-седьмых, СГД характеризуют действие с точки зрения его нормативного, образцового совершения. Совершение данного действия может соответствовать норме (качественно-оценочный СГД: *прожарить, отрепетировать, выбрать как следует*) или не соответствовать ей: действие совершается в меньшем, чем необходимо, объеме (недостаточно-нормативный СГД: *недоделать до нормы, недописать до запланированного*) или в большем, чем требует норма (чрезмерно-нормативный СГД: *перекрахмалить белье*, чрезмерно-интенсивный: *убегаться совсем*, чрезмерно-кратный: *изволноваться совсем*, чрезмерно-длительный: *слишком засидеться*, чрезмерно-продолжительный: *забаловать совсем*, сверхнормативно-длительный: *переспать больше, чем надо*).

Производные, соотносящие действие с его нормативным исполнением, близки результативным СГД, уточняющим следствия, возникающие в результате совершения действия.

В-восьмых, СГД (при их широком деривационном истолковании) могут указывать на интенси́вность / инхоативность действия (Соболева 1983: 48): результативно-пантивный (*стареть — постареть*) и инхоативный СГД (*слабеть, вянуть*).

В-девятых, СГД актуализируют сему неожиданности совершаемого действия (обычно вместе с семой его начала): начинательно-результативный СГД (*вскричать вдруг, взреть неожиданно*).

Таким образом, основными семантическими признаками, на базе которых устанавливаются разряды способов действия русских глаголов, являются такие, как результативность — нерезультативность действия, ограниченность — неограниченность его во времени, кратность действия, квантификация объектов и субъектов, а также силы его проявления (РГ-79: 244 — 245), и сочетание этих прилагатель-

ных. Данный семантический комплекс (понятие, введенное В. Н. Петренко) лежит в основе традиционно выделяемых в современной грамматике акционсартных классов русских глаголов. Семы инхоативности / ингрессивности или неожиданности действия с точки зрения воспринимающего выделяются в качестве акционсартных лишь отдельными исследователями.

Опираясь на акционсартные семантические признаки и работы разных исследователей, мы выявили следующий набор русских СГД (список 1), который явно нуждается в корректировке, основанной на строгих критериях акционсартности.

Список 1. Перечень способов глагольного действия русских глаголов

1. ВРЕМЕННЫЕ СГД
1. 1. ФАЗОВО-ВРЕМЕННЫЕ СГД
1. 1. 1. Начинательный СГД
1. 1. 2. Начинательно-усилительный СГД
1. 1. 3. Начинательно-результативный СГД
1. 1. 4. Финитивный СГД
1. 1. 5. Завершительно-ограничительный СГД
1. 2. ДЕТЕРМИНАНТНО-ВРЕМЕННЫЕ СГД
1. 2. 1. Длительно-ограничительный СГД
1. 2. 2. Делимитативно-ограничительный СГД
1. 2. 3. Чрезмерно-длительный СГД
2. 1. СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ СГД
2. 1. 1. Распределительно-объектный СГД
2. 1. 2. Распределительно-объектный СГД
2. 1. 3. Взаимно-субъектный СГД
2. 2. КВАНТИТАТИВНО-ПРЕДИКАТНЫЕ СГД
2. 2. 1. Смягчительный СГД
2. 2. 2. Уменьшительно-однократный СГД
2. 2. 3. Однократно-интенсивный СГД
2. 2. 4. Прерывисто-смягчительный СГД
2. 2. 5. Длительно-смягчительный СГД
2. 2. 6. Смягчительно-кратный СГД
2. 2. 7. Интенсивно-кратный СГД
2. 2. 8. Тотально-интенсивный субъектный СГД
2. 2. 9. Тотально-интенсивный объектный СГД
3. НОРМАТИВНЫЕ СГД
3. 1. Недостаточно-нормативный СГД
3. 2. Чрезмерно-нормативный СГД
3. 3. Результативно-сатуративный СГД
4. КРАТНЫЕ СГД

4. 1. Однократный СГД
4. 2. Многократный СГД
5. ФОНОПРЕДИКАТНЫЕ СГД
 5. 1. Проспективный СГД
 5. 2. Сопроводительный СГД
 5. 3. Ретроспективный СГД
 5. 4. Репродуктивный СГД
 5. 5. Реформативно-повторительный СГД
6. РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ СГД
 6. 1. Общезаключительный СГД
 6. 2. Специально-результативные СГД
 6. 2. 1. Сативный СГД
 6. 2. 2. Интенсивно-качественный СГД
 6. 2. 3. Накопительный СГД
 6. 2. 4. Комплетивно-партитивный объектно-субъектный СГД
 6. 2. 5. Отделительно-партитивный объектный СГД
 6. 2. 6. Чрезмерно-интенсивный СГД
 6. 2. 7. Финально-отрицательный СГД

Примечание. Термины для некоторых групп семантически однотипных СГД и отдельных СГД (субъектно-объектные СГД, количественно-предикатные, фонопредикатные, нормативные СГД и др.) предложены нами, для названия остальных использованы общепринятые номинации.

Данный состав СГД обуславливает возникновение ряда вопросов, в частности проблемы критериев, по которым какой-либо класс глаголов признается или не признается акционсартным.

6. КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И АКЦИОНСАРТНОЙ СЕМАНТИКИ

В современной литературе выделяются следующие критерии отнесения производного deverbального глагола к СГД (Бондарко 1976: 169–171; РГ-79; работы М. А. Шелякина): 1) взаимосвязь данной семантики с категорией вида; 2) соотносительность данного глагола-деривата с производными глаголами семантически однотипных СГД; 3) тождество синтаксической сочетаемости мотивирующего глагола и глагола с акционсартным значением.

Как показывают наблюдения, ни один из этих критериев не обладает достаточной «силой» для самостоятельной дифференциации дериватов на акционсартные и неакционсартные; они могут быть эффективными только при использовании в комплексе с другими. Первый из вышеназванных критериев — взаимодействие той или иной деривационной семантики с категорией вида — лишь на пер-

вый взгляд представляется достаточно значимым и убедительным. Принадлежность глагола к тому или иному СГД обуславливает только то, что глагол является соотносительным или несоотносительным по виду, причем среди глаголов с акционсартной семантикой преобладают одновидовые. Так, предельно-временные СГД (начинательный и финитивный: *закричать, откричать*) объединяют глаголы *perfectiva tantum*, а непредельно-временные (длительно-ограничительный, прерывисто-смягчительный — *imperfectiva tantum*: *покрикивать, разгудивать*).

Способность глаголов некоторых СГД иметь видовую пару позволила составителям «Русской грамматики», Шелякину М. А. и другим исследователям утверждать, что такие СГД включают в свой состав глаголы обоих видов. Вряд ли это положение верно: анализ словообразовательной цепочки, завершаемой имперфективом (*дочитывать, запевать* и под.), обнаруживает, что к начинательному или завершительному СГД с полным правом могут быть отнесены только глаголы *запеть* и *дочитать*, образованные с помощью префиксов, передающих семантику начальной (*за-*) или конечной (*до-*) фазы действия, а глаголы *запевать, дочитывать* должны быть отнесены к многократному СГД, поскольку в последнем словообразовательном акте суффикс *-ва-* привнес в них именно это значение. Подобные цепочки глаголов вновь ставят проблему правомерности отнесения к СГД того или иного деривата, наследующего соответствующую акционсартную семантику от своего производящего.

Таким образом, акционсартное значение глагола определяет его видовую соотносительность и несоотносительность, способность или неспособность иметь видовую пару, но не обуславливает связь только с одним из указанных видов: среди акционсартных глаголов есть и соотносительные по виду, и одновидовые. Поэтому данный критерий не помогает определить, имеет или нет дериват с тем или иным словообразовательным значением отношение к СГД.

Второй критерий — соотношенность с семантикой однородным СГД — позволяет ответить на интересующий нас вопрос в том случае, если уже известен, предварительно определен состав основных СГД, характерных для данного языка. Лишь при этом условии мы можем, логически рассуждая, предположить с определенной долей уверенности, что дериваты, обладающие аналогичной семантикой, должны быть включены в состав СГД.

При этом необходимо учитывать, что логическая, понятийная, и языковая картины мира (если использовать современную терминологию) не изоморфны полностью друг другу, не совпадают во всех деталях. По мнению А. В. Бондарко (1976: 164 — 165), ЛГР русской лексики редко находятся в отношениях бинарной или трех-

членной оппозиции, охватывающей всю лексику в рамках данной части речи. «Более широко распространены отношения частично пересекающихся группировок, компоненты которых выделялись бы на основании единого принципа. Перед нами не выдержанные логически классификации, а неоднородные, нередко непоследовательные ряды, которые даны в языке именно в таком ‘неправильном’ виде» (с. 164). Это естественно-языковая классификация глагольной лексики. Стройная и логически выдержанная классификация СГД, по мнению А. В. Бондарко, не свойственна гибридной лексико-грамматической области языковых единиц, привносится в нее теоретическими установками исследователей. Именно поэтому аспектологи иногда учитывают весь регистр проявления какого-либо признака, лежащего в основе СГД (например, слабая интенсивность — максимально возможная интенсивность действия), а иногда — только одно из значений.

Вряд ли можно безоговорочно согласиться с данным мнением. Во-первых, любые выделяемые в производных глаголах деривационные значения, независимо от того, связаны ли они с аспектуальной семантикой, являются естественно-языковыми, а не навязываются глаголам извне. Во-вторых, вызывает сомнение, что один логически однотипный вид семантики влияет на категорию вида, а другой, антонимичный ему или указывающий на иную степень его проявления, не релевантен для грамматики, например, охват действием всех объектов грамматически значим, а распространение действия на часть объектов (объекта) — нет. В-третьих, никто не может гарантировать в настоящий момент, что в русском языке уже исследованы и выделены все без исключения грамматически значимые классы глаголов. Напротив, многие однотипные с общепринятыми акционсартными значениями семантические компоненты не были проанализированы с этой точки зрения (об этом свидетельствует отсутствие такого анализа в известной нам научной литературе). Некоторые из таких спорных значений выделяются в качестве акционсартных одним-двумя аспектологами, что свидетельствует, по крайней мере, о необходимости их более тщательного изучения.

Таким образом, второй критерий — однотипность семантики какого-либо отглагольного глагола значению того или иного СГД — не может быть использован без дополнительных исследований для дифференциации акционсартной и неакционсартной семантики.

Наиболее убедительным, на первый взгляд, представляется третий критерий — неизменность синтаксической сочетаемости (в основном адвербиальной) мотивирующего глагола и его акционсартного деривата: он достаточно формализован и легко наблюдаем (*гулять/нагуляться вдоволь, сидеть/засидеться до сумерек, ло-*

мать/переломать все игрушки подряд... Лишь в некоторых случаях, как отмечает М. А. Шелякин, префиксальные способы действия изменяют управляющие свойства производных глаголов, но при этом сохраняют единства функций управляемых форм, т. е. допускают вариантное управление. Например, *лить воду в стакан — подлить воды в стакан*: изменение управления связано со значением либо совершенного вида, либо самого способа действия, а не со значением самого действия (1983: 173). Об этом же — возможности изменения синтаксической сочетаемости глагола со значением СГД по сравнению с его производным — пишут А. В. Бондарко (1976: 160) и Г. А. Золотова (1973: 34–37).

Таким образом, и сочетаемостный критерий не позволяет во всех случаях однозначно определить, можно ли отнести данный дериват к СГД.

Более перспективной представляется попытка решения проблемы СГД с опорой на идеи разделения всех словообразовательных процессов лексической деривации (противопоставленной синтаксической деривации) на мутационные и модификационные. К процессам, формирующим СГД и уточняющим грамматическую семантику вида, могут быть отнесены только последние.

В современной лингвистике существуют две точки зрения по поводу наличия и разграничения мутации и модификации во внутриглагольном словопроизводстве. Некоторые исследователи считают, что все отглагольные глаголы относятся к модификационному типу (И. С. Удуганов, П. А. Соболева, М. Н. Янценецкая); другие признают существование в кругу приставочно-производных глаголов и мутации, и модификации (М. А. Шелякин, Л. А. Вараксин, Э. Секанинова). Языковая реальность, по мнению лингвиста, подтверждает вторую точку зрения. Граница между мутацией и модификацией в отглагольном словообразовании заключается в содержании деривационной семантики глагола: пространственное значение присоединяемого префикса или конфикса — признак мутационного словообразовательного процесса, количественно-временное значение — признак модификации (Л. А. Вараксин).

Это решение, как нам кажется, недостаточно обосновано.

Представляется, что деление девербативных глаголов на мутационные и модификационные будет более объективным и строгим, если опираться на анализ семного состава значений глагола-деривата и его производящего. Модификационным словообразованием следует считать такой деривационный процесс, который не приводит к изменению категориально-лексической семы производящего в производном, мутационным — изменяющий эту сему и переводящий глагол в группу ЛСГ.

Использование степени модификации лексического значения глагола для определения его — принадлежности или непринадлежности к акционсартным классам представляется возможным, поскольку деривационное значение активно участвует в формировании лексической семантики слова, а СГД — это одновременно и деривационный, и грамматический класс слов.

Признаком модификационного или мутационного словообразования могут стать словообразовательные перифразы: если производный глагол допускает истолкование через свое производящее (однокоренной глагол-мотиватор) таким образом, что последний становится главным словом в толковании, то это модификационное словообразование; если глаголы-идентификаторы в определениях деривата и его производящего изменяются, то это мутационное словообразование, не имеющее отношения к СГД. Каждый СГД, представляющий собой словообразовательную категорию (совокупность дериватов с синонимичными словообразовательными значениями), можно описать через такие перифразы. Аналогичное решение предлагают составители чешской РГ-79 (с. 243—244).

Попытка составить подобные словообразовательные перифразы, эксплицирующие модификационную или мутационную суть процесса словообразования, привела к следующим результатам. Было выделено 42 словообразовательных перифразы (см. Список 2), которые безусловно или с определенными оговорками могли бы быть отнесены к модификационным, а деривационные классы глаголов, имеющие их, — к акционсартным группам слов.

Список 2. Словообразовательные перифразы СГД

Примечания. 1) Условные обозначения: МГ — мотивирующий глагол; с. д., н. м. г. — совершить действие, названное мотивирующим глаголом; * — немодификационные (модификационно-мутационные), спорные перифразы.

2) Глагол, истолковывающийся по формуле «с. д., н. м. г.», считался семантически тождественным мотивирующему, поскольку отличался от него только видовой семантикой — достижением результата.

*1) Начать МГ (*зацвести* ‘начать цвести’);

*2) Начать сильно МГ и продолжать все сильнее МГ (*разахаться* ‘начать сильно ахать и продолжать ахать все сильнее’);

*3) Вдруг начать МГ и все сильнее МГ (*взъяриться* ‘вдруг начать сильно яриться и яриться все сильнее’);

*4) Перестать МГ после полного совершения действия в течение какого-либо — обычно длительного — времени (*отболеть* ‘полностью перестать болеть после того, как какое-то время болело’);

*5) Перестать МГ, доведя действие до какого-л. предела (*дочитать* ‘перестать читать, прочитав до середины, следующей главы, до конца и т. п.’);

6) МГ долго, весь срок — продолжительный необходимый или заранее обусловленный промежуток времени (*проговорить* ‘говорить долго, целый час’);

7) МГ недолго, в течение небольшого промежутка времени (*поговорить* ‘говорить недолго’);

8) с.д., н. м. г., над всеми объектами по очереди, в несколько приемов (*раздарить* ‘подарить все по очереди’, *обшить* ‘сшить для всех по очереди’);

9) с.д., н. м. г., над всеми субъектами по очереди (*повставать* ‘встать всем’);

10) МГ друг с другом (*перешептываться* ‘шептать друг с другом’);

11) МГ совместно/вместо друг с другом (*сосуществовать* ‘существовать вместе’);

12) МГ себя (*мыться* ‘мыть себя’);

13) МГ для себя, в своих интересах (*прибраться* ‘прибрать у себя для себя’);

14) с.д., н. м. г., слегка/немного (*подкрасить* ‘покрасить что-либо слегка’);

15) с.д., н. м. г., один раз (*крикнуть* ‘кричать один раз’; *состричь* ‘создать остроту один раз’);

16) с.д., н. м. г., один раз с незначительной интенсивностью (*прилгнуть* ‘слегка солгать один раз’);

17) МГ один раз со значительной интенсивностью (*толкнуть* ‘толкнуть один раз достаточно сильно’);

18) МГ не раз (*облизывать* ‘облизать не один раз’);

19) Несильно МГ время от времени (*покрикивать* ‘негромко кричать время от времени’);

20) МГ какое-то время неинтенсивно (*насвистывать* ‘свистеть какое-то время не очень громко’);

21) МГ какое-то время, неинтенсивно и многократно совершая действие (*расхаживать* ‘ходить какое-то время не очень быстро’);

22) МГ долго, интенсивно, тщательно повторяя отдельные акты действия (*выплясывать* ‘плясать долго, тщательно выполняя па танца’);

23) Подвергнуться действию, н. м. г., в очень значительной степени (*иззябнуть* ‘очень сильно озябнуть’);

24) Интенсивно с.д., н. м. г., поочередно охватив все объекты (*изранить* ‘ранить всех сильно’);

25) с.д., н. м. г., в меньшей степени, чем положено (*недокор-*

мить 'накормить в меньшей степени, чем положено');

26) с.д., н. м. г., в большей степени, чем следует (*пережарить* 'пожарить больше, чем надо');

27) с.д., н. м. г., достаточно, по норме, как положено (*испечь* 'печь до готовности, по норме');

28) с.д., н. м. г., хорошо, тщательно, как надо (*прогладить* 'выгладить тщательно, качественно, как положено');

29) с.д., н. м. г., заранее, до того, как... (*заготовить* 'приготовить заранее'; *предрешить* 'решить заранее');

30) МГ, сопровождая какое-л. действие, вторя чему-л. (*подпевать* 'петь, вторя чему-л., сопровождая какое-л. действие');

31) с.д., н. м. г., сразу после завершения какого-л. действия (*запить* 'выпить что-л. сразу после окончания какого-л. предшествующего действия');

32) с.д., н. м. г., еще раз (*переписать* 'написать еще раз');

33) с.д., н. м. г., еще раз с целью изменения первичного результата (*переписать* 'написать еще раз в ином виде');

34) с.д., н. м. г., доведя его до результата (*написать* 'писать + результат');

*35) МГ так часто или долго, интенсивно за один прием, что удовлетвориться, пресытиться этим (*насмотреться фильмов* 'смотреть фильмы так часто или так много за один раз, что пресытиться этим');

*36) МГ так долго или часто, что накопить какие-л. объекты или результаты действия в определенном количестве (*насолить* 'солить так часто или много за один раз, что накопится большое количество солений');

*37) МГ для достижения результата так долго, интенсивно или часто, что это приведет к неприятным для субъекта последствиям (*докричаться до хрипоты* 'кричать так долго, интенсивно или часто, что охрипнуть');

*38) МГ так сильно, что прийти в отрицательно оцениваемое состояние (*убегаться* 'бегать так сильно, что устать, оказаться не в силах продолжать это действие');

*39) Дополнительно с.д., н. м. г., добавив небольшую часть чего-л. к тому, что уже имелось в результате совершения действия, названного МГ (*подлить* 'налить немного чего-нибудь дополнительно к тому, что уже было налито'; *подрости* 'вырасти еще немного, «прибавив» свой рост к тому, что уже было');

*40) с.д., н. м. г., удаляя откуда-л. часть чего-л. (*отлить* 'лить, удаляя часть чего-л. откуда-л.');

*41) Заставить совершить(ся) действие, н. м. г. (*гасить* 'заставлять гаснуть');

*42) Аннулировать результат действия, н. м. г.; с. д., противоположное действию, н. м. г. (*демобилизовать* 'совершить действие, противоположное мобилизации').

Этот список словообразовательных перифраз требует определенных пояснений. Во-первых, во многих СГД в качестве мотивирующего глагола используется не непосредственное производящее, а один из однокоренных глаголов, формально более сложный, чем анализируемое слово, или равный ему по сложности: *подрости* 'дополнительно немного вырасти' (*расти* → *вырасти*); *иззябнуть* 'озябнуть очень сильно' (*зябнуть* → *озябнуть*); *прогладить* 'выгладить тщательно, хорошо' (*гладить* → *выгладить*) и под. В качестве такого глагола-заменителя в дефиниции употреблялись видовые корреляты к интересующему нас слову, отличающиеся от него только грамматической аспектуальной семантикой. Использование непосредственного производящего в этом случае противоречит стилистическим нормам русского языка.

Во-вторых, в приведенном выше списке перифраз без звездочки приводятся перифразы тех деривационных типов русских глаголов, которые не допускают вариативного — модификационного и мутационного — описания, а являются «чисто» модификационными. Перифразы со звездочкой маркируют те деривационно-грамматические группы глаголов, модификационный характер которых вызывает сомнения.

Такие группы глаголов, достаточно многочисленные и выделяемые многими грамматиками как акционсартные классы, ниже будут рассмотрены отдельно. Разнотипные — и модификационные, и мутационные — истолкования допускают прежде всего такие СГД, как специально-результативные и фазовые, а также группы каузативных и аннулирующих глаголов.

Глаголы специально-результативных СГД обозначают не просто интенсивное совершение действия, но и возникающее в результате этого состояние. Поэтому их лексическое значение, можно истолковать с помощью разных словообразовательных перифраз:

1) так, чтобы семы СГД ('совершать действие интенсивно с определенным результатом') были равноправными с КЛС мотивирующего глагола: *докричаться до хрипоты* 'кричать (КЛС 1) долго (ДС 1 = сема СГД) и интенсивно (ДС 2= сема СГД) и в результате этого (ДС 3) прийти в определенное состояние (КЛС 2= сема СГД) — состояние хрипоты (ДС 4)';

2) так, чтобы семы СГД стали дифференциальными и уточняли новую, возникшую в деривате КЛС (иную по сравнению с КЛС мотивирующего глагола): *докричаться до хрипоты* 'прийти в со-

стояние (КЛС 1) хрипоты (ДС 1) вследствие долгого (ДС 1=СГД) и интенсивного (ДС 2=СГД) крика (ДС 3 = КЛС *кричать*);

3) так, чтобы семы СГД уточняли КЛС мотивирующего глагола, унаследованную глаголом-derivатом: *докричатся* 'кричать (КЛС) так долго (ДС 1=СГД) и интенсивно (ДС 2=СГД), что это приведет (ДС 3) к возникновению (ДС 4) нежелательного (ДС 6) состояния (ДС 5=СГД), нежелательных (ДС 6) последствий (ДС 5) для субъекта действия (ДС 7)'.

Данные перифразы различаются лишь на поверхностном синтаксическом уровне, оставаясь тождественными на глубинном семантическом уровне, так как все они передают причинно-следственные отношения между действием и вызываемым им состоянием.

Несовпадающие определения семантики глаголов специально-результативных СГД обнаруживаются уже в русских грамматиках (РГ; ГР-70) при описании СГД как лексико-грамматических (см. раздел «Морфология. Глагол. Категория вида») словообразовательных разрядов слов (см. раздел «Словообразование глаголов», например, глаголы с приставкой *за-* — § 861 и 1431, глаголы с конфиксом *из-* *-ся* — § 924 и 1434).

Неоднотипность толкования глаголов, передающих специально-результативные действия, обнаруживается также при сопоставлении их дефиниций в разных толковых словарях. По нашим наблюдениям, в МАСе содержится 61 глагол, приобретший специально-результативное значение в результате присоединения к мотивирующей основе конфикса *до-* *-ся*. Такие глаголы истолковываются с помощью перифраз, которые можно объединить в 9 типов. Самым распространенным является толкование по формуле 'совершая действие (названное мотивирующим глаголом), довести себя до каких-либо неприятных последствий': *добежаться* 'беганием довести себя до каких-либо неприятных последствий', *довертеться*, *доволочитьсяся*, *догуляться*, *доездиться*, *доиграться*, *докупаться*, *докататьсяся*, *докуритьсяся* и под. Эта формула охватывает почти половину глаголов. Менее распространены формулы: 1) 'совершая действие, навлечь на себя беду, неприятности' (*досидеться* 'просидев, пробыв где-л. долго, навлечь на себя какие-л. неприятности'); 2) 'совершая действие, вызвать какие-л. неприятные последствия' (*доболтаться* 'занимаясь болтовней, вызвать какие-н. неприятные последствия'); 3) 'совершая действие, стать каким' (*доваритьсяся* 'окончательно сварившись, стать готовым', аналогично толкуются глаголы *дожаритьсяся*, *докалитьсяся*, *допечься*, *дорватьсяся*, *додратьсяся*); 4) 'совершая действие, потерпеть неудачу' (*довоеваться* 'воюя, потерпеть неудачу'); 5) 'совершая действие, причинить себе вред, неприятности' (*доскакатьсяся* 'неумеренным скаканием причинить

себе какой-л. вред'); 6) 'совершая действие, дойти до какой-л. крайности' (*договориться* 'в разговоре, в рассуждении дойти до какой-л. крайности'); 7) 'совершая действие, довести его до какого-либо результата' (*доскоблить* 'скобля, достичь какого-л. результата', *дозвониться* 'звоня, дожидаться, чтобы на звонок ответили', аналогичны дефиниции глаголов *додуматься*, *дозваться*, *доискаться*, *докричаться*, *докликаться* и под.); 8) 'совершая действие, узнать, определить что-л.' (*досчитаться* 'найти, обнаружить что-л. при подсчете', *допроситься* «настойчиво расспрашивая, узнать о чем-л., выведать»).

Достаточно абстрактна лишь седьмая перифраза, которая указывает только на достигнутый результат действия без его детализации; именно она носит чисто модификационный характер. Первая и вторая, четвертая и пятая формулы попарно синонимичны и указывают на неприятные последствия совершения действия; все остальные толкования содержат какой-либо дополнительный компонент, еще более уточняющий этот результат: «стать каким», «в разговоре, в рассуждениях», «узнать что-л.» и т. п. Все эти перифразы носят модификационно-мутационный характер.

Анализ рассмотренных дефиниций показывает, что в семантике этих дериватов чрезвычайно значимы семы специализированного результата, что приводит к изменению категориально-лексического значения производного глагола, переходу его в иную, по сравнению с мотиватором, ЛСГ. Именно эти семы — семы, указывающие на результат действия, — находят свое обязательное отражение во всех дефинициях данных производных; в то время как семы, указывающие на интенсивность действия, отражены прямо (*должаться* 'долгим лежанием довести себя до неприятных последствий', *доспориться* 'ожесточенно споря...', *доспать* 'чрезмерно длительным или частым сном...') или косвенно (через форму мн. ч. субстантива, указывающего на действие: *дошутиться* 'шутками довести себя до неприятных последствий') лишь в 24 толкованиях.

Аналогичное место в структуре лексического значения производного глагола занимают семы накопительного и суммарного СГД: на основе семы 'накопить что-либо в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом' формируется, как уже упоминалось выше, особая ЛСГ глаголов накопления впрок (*намариновать*, *насолить*, *наварить* и под.). В состав последней включаются не все глаголы данного СГД, а лишь те, которые связаны с заготовкой продуктов, пищи впрок, все остальные глаголы накопительного СГД (*настроить*, *нашить*, *наносить* и под.) отнесены к тем же ЛСГ, что и мотивирующий глагол. Выделение в виде особой ЛСГ только части глаголов суммарного СГД может

быть оправдано развитием фразеологичности семантики именно этой подгруппы слов под влиянием сильной дифференциальной семы.

Глаголы суммарного СГД, содержащие в своем составе приставки *вы-*, *из-* и *с-*, толкуются следующим образом: 'израсходовать, истратить, повредить что-л. в результате действия, названного мотивирующим глаголом' (*вырезать, выбить; исписать, изрисовать; скормить, сносить, сглотать*). Это может переводить глагол со значением данного СГД в иную — по сравнению с мотивирующей единицей — ЛСГ: *писать чернилами* (ЛСГ глаголов графической передачи информации) — *исписать все чернила* (ЛСГ глаголов разрушения); *глотать* (ЛСГ физиологического действия) — *сглотать* (ЛСГ разрушения, уничтожения); такие ЛСГ могут быть семантически близки, но это все-таки разные ЛСГ: *резать* (ЛСГ разделения) — *вырезать всё* (ЛСГ отделения).

Почти все глаголы суммарного СГД могут быть истолкованы через модификационные формулы: *исписать* 'писать так долго, много, что истратить все чернила'; *накупить* 'купить что-либо в большом количестве'; но у некоторых глаголов накопительного СГД такие толкования воспринимаются как искусственные и недостаточно корректные, точные, ср.: *нагрешить* 'грешить много и долго' (потеряна сема результативности, «накопления» грехов).

Особых замечаний требуют глаголы, относимые к отделительно-партитивному СГД. Глаголы с таким значением могут быть описаны с помощью словообразовательной перифразы «удалить (отделить) что-л. от чего-л. *отрезать* 'отделить часть объекта с помощью действия резания'. Эта перифраза актуализирует пространственные характеристики действия, которые, как правило, не включаются в состав акционсартной семантики. Но принципиальная возможность описания значений таких глаголов с помощью модификационных перифраз: *отрезать* 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом *резать*, отделив часть чего-л. от объекта' — позволяет оставить их с определенными оговорками в рамках СГД.

Двойко могут быть истолкованы и глаголы завершительно-партитивного СГД: через мутационные перифразы с глаголами *подбавить* (*подсыпать табаку, подлить молока*) или *добавить* (*докупить метр шерсти, досыпать муки в тесто*), являющиеся семантическими доминантами для данного СГД (Шелякин 1965: 15—16), или с помощью модификационных перифраз: *подсыпать* 'насыпать дополнительно'.

По данным РГ-80, русские производные глаголы (глаголы традиционно выделяемого специально-результативного СГД) в своих словообразовательных значениях фиксируют следующие «специальные» результаты осуществления каких-либо действий: удержаться

в том состоянии, которое называет мотивирующий глагол (*усидеть, улежать*), прийти в нормальное состояние (*отлежаться, проспаться*), прийти, дойти или привести, довести до какого-л. нежелательного состояния (*спиться, убежаться, отлежать, довести до..., задергать*), выдержать, притерпеться к чему-н. (выжить), добиться чьего-либо расположения (*подольститься, притерпеться*), добыть, получить (*выиграть, завоевать*), избавиться, уклониться (*отшутиться, отписаться*), накопиться в определенном количестве ((*наловить, напустить*)), отказаться или заставить отказаться от чего-л. (*отговорить*), очистить (*подклевать все зерно*), покрыть(-ся) (*закапать*), причинить ущерб другому (*обсчитать, обмерить*), причинить себе ущерб (*просчитаться*), приучиться к чему-н. (*намуштровать*), разъединить (*расклеить, распороть*), соединить (*склеить, связать*), удалить(-ся) (*улететь, увезти*), уменьшить(-ся) (*ужарить, уварить*), уничтожить(-ся) (*исписать, проездить*), упустить, пропустить что-н. (*пробегать, проглядеть*), узнать (*присмотреться, рассмотреть*).

Возможность подобного неединообразного истолкования семантики глаголов специально-результативных СГД обусловлена не только полипропозициональностью обозначаемых такими глаголами действий, но и другими причинами: различиями в предельном/непредельном характере основ, многозначностью глаголов, стилистической неприемлемостью толкования по формуле и др. (Кузнецов 1988: 151). Это необходимо учитывать при решении вопроса об акционсартной или иной сущности специально-результативных значений производных глаголов.

Необходимо также помнить то, что в толковых словарях русского языка чаще применяются мутационные толкования: они представляются лексикографам более естественными. Это свидетельствует, как нам кажется, о значительном преобразовании значений таких глаголов в словообразовательном акте и о явном доминировании в их семантике специально-результативных сем, а не тех компонентов, которые указывают на способ достижения этого состояния и манифестируются производящей основой. Поэтому не были отнесены к акционсартным группам глаголов следующие традиционно выделяемые СГД: сативный (*нагуляться* 'пресытиться гулянием'), накопительный (*накупить* 'покупая, накопить в большом количестве'), чрезмерно-интенсивный (*убежаться* 'устать от слишком долгого или интенсивного бегания'), финально-отрицательный (*докричаться* 'охрипнуть от крика'), отделительно-партитивный (*отлить* 'удалить часть жидкости откуда-л. '), чрезмерно-длительный (*зачитаться* 'увлечься чтением так, что...'). Выделение СГД на базе модификационного словообразования обуславливает необ-

ходимость особого рассмотрения еще двух групп глаголов: каузативных глаголов и глаголов со значением аннулирования результата действия, названного мотивирующим глаголом.

Глаголы последней группы не были отнесены к акционсартным классам несмотря на то, что их перифраза позволяла сделать это (СД, противоположное действию, н. м. г.: *демобиловать* ‘совершить действие, противоположное мобилизации’, РГ, § 858), поскольку преобладающие в словарях дефиниции строятся в основном по мутационному типу: сделать каким, стать каким, лишить(-ся) чего-л.: *обезболить* ‘сделать безболезненным’; *обезглавить* ‘умертвить, отрубив голову’; *обезлесить* ‘лишить лесов’; *обезжирить* ‘удалить из чего-н. жировые вещества’; *обездолить* ‘сделать несчастным’; *дисквалифицироваться* ‘утратить квалификацию’; *обезводить* ‘сделать безводным’; *обезводеть* ‘стать безводным’; *дезинфицировать* ‘провести дезинфекцию’ и т. п. Последний тип толкования преобладает у глаголов с заимствованными приставками *де-/дез-, диз-/дис-*; остальные — у глаголов с русскими приставками *обез-/обес- и раз-/рас-* (разбронировать, разминировать).

Каузативные глаголы (*сушить* → *заставлять сохнуть, гасить* → *каузировать выключение*) не были отнесены к СГД по тем же причинам: естественно-языковое сознание воспринимает их как мутационный, а не модификационный тип, практически они обозначают приобретение предметом какого-либо качества (*сушить* ‘делать сухим’; *гасить* ‘ликвидировать источник освещения, погружать во тьму’).

Как показывают наблюдения, даже фазовые глаголы, классические представители СГД, могут быть истолкованы с помощью как модификационных, так и мутационных перифраз, см., например, работу С. А. Кузнецова (1988: 155–157).

Перифразы начинательного и финитивного СГД (*заболеть* — ‘начать болеть’; *отболеть* ‘перестать болеть’) не соответствует полностью требованиям, предъявляемым к модификационным толкованиям, поскольку построены по модели словосочетания с подчинительной связью — примыканием (начать/перестать + делать), причем главное слово в толковании — глаголы ‘начать’/‘перестать’ — передают иную сему, чем производящий глагол (‘болеть’). Это позволяет предположить, что данная перифраза носит скорее мутационный, чем модификационный характер.

Противоречит такому решению то, что сема фазы действия она не является чисто лексической. Фазовые глаголы современная грамматика относит к глаголам с неполной знаменательностью, глаголам с полуграмматическим значением (Белоусов 1989: 195–201). Поэтому сема фазы действия по своему статусу является лексико-

грамматической; она свойственна многим семантически разнотипным глаголам (*закричать* — глаголы звучания, *заговорить* — глаголы речи, *забегать* — глаголы движения, *заволноваться* — глаголы психоэмоционального состояния и т. п.).

Кроме того, фазовые глаголы могут быть признаны модификатами действия, обозначаемого мотивирующим глаголом, потому что они являются монопропозициональными глаголами и обозначают то же действие, что и мотиватор, но в ином аспекте: с точки зрения фазы его протекания — начала, продолжения или конца.

Учитывая все выше изложенное, мы признали фазовые глаголы результатом модификационного словообразования и отнесли к акционсартным классам.

Дополнительным аргументом против отнесения многих из рассмотренных нами выше групп глаголов к акционсартным явилось наличие в языке особых ЛСГ, категориально-лексическая семантика которых совпадает с деривационной семантикой рассмотренных модификационно-мутационных классов.

Как показывают наблюдения, с лексико-семантическими классами пересекаются в основном те акционсартные группы глаголов, отнесенность которых к СГД вызвала определенные споры. Это прежде всего специально-результативные и фазовые глаголы. Так, накопительному СГД соответствуют две ЛСГ (см. СС ЛСГ): глаголы приготовления чего-либо впрок, такие, как *заготовить*, *намариновать*, *насолить*, *напилить*, *насушить*, *начистить* и под., и глаголы получения объекта в определенном количестве: *набрать*, *нагresti*, *натаять* и др.

Отделительно-партитивный СГД имеет лексико-семантический аналог — ЛСГ отделения: *отбавить*, *отлить*, *отсыпать*; финально-отрицательный СГД — ЛСГ глаголов использования: *издержать*, *истратить*, *исписать*, *израсходовать*; каузативные глаголы образуют, как уже отмечалось выше, ЛСГ принуждения и влияния: *заставить*, *велеть*, *выманить*, *побудить*, *приучить* и под.

Почти все данные ЛСГ относятся к ЛСГ деривационно-аффиксального типа: 85–95% составляющих их глаголов образованы по соответствующей модели (глагол + *на-* = глагол со значением ‘получения объекта в каком-л. (обычно значительном) количестве’; глагол + *от-* = глагол со значением ‘отделить часть объекта посредством действия, названного мотивирующим глаголом’; глагол + *ис-/из-* = глагол со значением ‘израсходовать, истратить в процессе совершения действия, названного мотивирующим глаголом’ и т. п.).

Фазово-временным СГД соответствуют ЛСГ глаголов начальной фазы бытия-существования и ЛСГ прекращения бытия: *возникнуть*, *возродиться*, *воссоздать*, *закрасться*, *зажелтеть*, *запестреть*, *за-*

гореться, с одной стороны, и *довершить, докончить, загасить, загаснуть, угаснуть, задуть, затухнуть* и под. — с другой. Подгруппы ЛСГ глаголов бытия строятся не только по деривационно-аффиксальному принципу, среди них есть и подгруппа лексемно-центрического типа, например, ЛСГ каузации начала существования, состоящая из разнокорневых неодноструктурных глаголов: *возобновить, зародить, отрастить, плодить, родить* и др., подобным образом построены и ЛСГ начала существования, события действия. Деривационно-корневое строение имеет ЛСГ глаголов завершения действия, формирующаяся из глаголов-derivатов с корнями *-верх-* и *-конец-/конч-*: *довершить, завершить, завершиться, докончить, закончить, кончить, окончить* и под.

Наличие лексемно-корневого ядра и в то же время многочисленных одноструктурных образований в ЛСГ разных фаз бытия, а также нескольких СГД соответствующей семантики обусловлено когнитивной значимостью обозначения данных аспектов действия для носителей языка, для их биологической и социальной ориентации в окружающем пространстве. Именно это не позволило данной семантике остаться на уровне отдельной лексемы, а привело к «выведению» ее на грамматический уровень и разделу фазового семантического пространства между ЛСГ и СГД.

Наблюдения над фазовыми глаголами обнаруживают, что фазовые СГД охватывают прежде всего две фазы действия: начальную и конечную. Средняя фаза — фаза существования — проявляется отчасти в ограничительно-временных СГД, в частности в дериватах с длительно-ограничительным значением: ‘перезимовать где-л. всю зиму, пересидеть где-л.’. Лексико-семантические классы глаголов полно и исчерпывающе представляют все три (или четыре, по мнению Белоусова В. Н. — 1989: 179–180) этапа существования явления: начало, продолжение (+ изменение) и конец. К фазовым глаголам могут быть отнесены практически все глаголы, зафиксированные в СС ЛСГ, поскольку все они указывают на ту или иную фазу завершения действия.

Причем подавляющая часть глаголов, за исключением глаголов начала и конца бытия (в том числе глаголов уничтожения, расходования, разрушения), передает именно эту — срединную — фазу существования действия: такие глаголы, как *петь, рисовать, читать, думать* и под., называют действие именно в процессе его осуществления.

В значительной степени совпадают глаголы ЛСГ становления внешнего или внутреннего признака (*сушить, мочить* и под.) и спорная группа каузативных глаголов, ЛСГ уничтожения или утраты и словообразовательные типы «аннулирующих» глаголов и т. д.

Если фазовые и специально-результативные СГД обнаруживают достаточно полную пересекаемость с лексико-семантическими глагольными классами, то реформативно-повторительный, взаимно-субъектный, длительно-ограничительный и ретроспективный — лишь частичную. Соответствующие ЛСГ составляют лишь незначительную часть указанных ЛСГ, находясь с ними в отношениях пересечения или включения. Так, реформативно-повторительный СГД, передающий значение ‘совершить действие еще раз, иначе’, коррелирует с ЛСГ глаголов изменения качественного признака: *варьировать, видоизменить, деформировать, корректировать, кривить* и подобными, но составляет лишь часть последней. ЛСГ включает в свой состав глаголы, передающие любые изменения качественного признака, а не только те, что происходят повторно, например, искривить можно и тот предмет, к которому раньше никто не прикасался.

Длительно-ограничительный СГД, имеющий значение «совершать действие продолжительный необходимый или заранее обусловленный промежуток времени»: *проговорить весь день, перезимовать всю зиму где-либо*, — пересекается с ЛСГ глаголов существования во времени: *пробыть, прожить, переждать, пересидеть, пережить какой-либо промежуток времени* — только в части производных — тех глаголах, которые образованы с помощью приставки *пере-*.

Взаимно-субъектный СГД охватывает не только глаголы речи, формирующие ЛСГ речевого общения: *перешептываться, ругаться, спорить* и т. п.), но и такие, как *переглядываться, перемигиваться*, которые передают и другие способы взаимодействия людей. С другой стороны, глаголы-дериваты со значением действия, осуществляемого несколькими субъектами по очереди друг с другом, имеющие типичное для СГД словообразовательное средство (*пере-ива- — -ся*), составляют лишь часть ЛСГ речевого общения: в последнюю входят и глаголы и иной словообразовательной структуры (см. примеры выше).

Глаголы ретроспективного СГД, обозначающие действия, осуществляемые сразу после какого-либо другого действия (*запить, заесть что-л.*), пересекаются с ЛСГ глаголов защиты (*вступить-ся, заступиться, защитить, обезопасить, оберегать, оборонять, отразить, отстреляться, парировать* и под.). Последние часто манифестируют действия, осуществляемые в ответ на «насилие», совершаемое над кем-либо: *отстреливаются* от того, кто раньше напал; *защищаются* от того, что угрожает, или того, кто может представлять угрозу и т. п. Пересечение данных лексико-семантического и акционсартного классов происходит на уровне части дериватов, образованных по словообразовательной модели с префиксом *от-* и имеющих значение действия, являющегося реакцией на

потенциально опасные для субъекта действия: *отбить* ‘отразить, отбросить встречным ударом’, *отбиться* и *отразить* с тем же значением, *отругиваться*, *отбраниваться* и под. В ЛСГ защиты помимо этих глаголов наличествуют непроеизводные лексемы (*защитить*, *заступиться*, *вступиться*) и глаголы, образованные по иным моделям (*обезопасить*, *парировать*, *патрулировать*); в СГД — глаголы типа *заесть*, *запить*.

Итак, анализ соотношения лексико-семантических и акционсартных классов русских глаголов показал, что: 1) связь между ними, несомненно, существует, она обусловлена фундаментальной функцией языка — давать человеку возможность правильно ориентироваться в окружающем мире (об ориентирующей функции языка см.: У. Матурана 1996: 95—143), что приводит к фиксации некоторой особо значимой информации не только на уровне лексического, но и на уровне более высокого — лексико-грамматического — значения; 2) естественность связи акционсартных и лексико-семантических групп русских глаголов обусловила их пересекаемость на уровне всех суперпарадигм — полей действия и деятельности; бытия, состояния, качества; отношения; 3) пересекаемость ЛСГ и СГД наблюдается в основном среди тех СГД, акционсартный характер которых вызывает споры: у глаголов специально-результативных СГД; не пересекаются с ЛСГ глаголы кратных и количественных СГД, очень незначительно — глаголы субъектно-объектных и фонопредикативных СГД; особую группу составляют фазовые глаголы; 4) пересекаемость класса слов, претендующего на «звание» акционсартного, с той или иной ЛСГ не может быть решающим аргументом при ответе на вопрос о его природе из-за естественности и неизбежности существования такой пересекаемости; этот критерий может быть использован лишь в сочетании с анализом содержания значения, передаваемого глаголами данного класса, свойственных им деривационных перифраз и особенностей синтаксической сочетаемости.

Составление и анализ словообразовательных перифраз позволил включить в состав СГД некоторые группы производных глаголов, которые обычно не квалифицировались в качестве акционсартных. Это группа возвратных глаголов, традиционно рассматриваемая в рамках средневозвратного залога. Три группы из этих постфиксальных глаголов имеют модификационные перифразы: это собственно-возвратные (ПГ самого себя: *мыться* ‘мыть самого себя’), косвенно-возвратные (ПГ что-л. для себя, в своих интересах: *прибраться* ‘прибраться у себя’) и взаимно-возвратные глаголы (ПГ друг с другом: *перешептываться* ‘шепаться друг с другом’). Наличие модификационных перифраз и то, что последняя группа глаголов

— взаимно-возвратные глаголы — традиционно включались в состав СГД позволили нам отнести их к акционсартным явлениям.

Остальные возвратные глаголы сближаются со специально-результативными СГД (общевозвратный: *сердиться* — испытывать определенное состояние, являющееся целью действия, называемого мотивирующим глаголом СЕРДИТЬ) или такими словообразовательными типами, которые «порождают» сложное действие, переводящее деривационную сему на уровень КЛС. Так, активно-безобъектные возвратные глаголы имеют значение ‘обладать способностью (КЛС) совершать над другими, а не над собой действие, н. м. г.’ (*бодаться* ‘обладать способностью бодать кого-л.’), пассивно-качественные — значение ‘обладать способностью легко совершать действие, н. м. г., над собой’ (*рваться* ‘обладать способностью (КЛС) легко рваться самому’). Поэтому они не были отнесены к акционсартным глаголам.

Таким образом, после составления и анализа словообразовательных перифраз, значения которых уточняют, модифицируют действие, названное производящим глаголом, к числу СГД были отнесены те производные глаголы, которые обладают модифицирующими деривационными значениями: это группы глаголов, соответствующие первым 34 словообразовательным перифразам (Список 2).

Критерий модификационности перифраз акционсартных групп глаголов позволил выделить круг СГД. Дальнейшее уточнение состава СГД проводилось с учетом особенностей их синтаксической сочетаемости.

Сопоставление сочетаемости исходного глагола и его деривата не позволяет однозначно разграничить акционсартную и неакционсартную семантику. В то же время анализ сочетаемости конкретных СГД может способствовать отграничению последних друг от друга, поскольку каждый СГД имеет свою формулу сочетаемости, специфичную для каждого СГД и потому позволяющую диагностировать его (М. А. Шелякин, М. Д. Фетискина, С. А. Кузнецов и др.).

Проведенный анализ позволил выделить 29 диагностирующих синтаксических контекстов для рассматриваемых деривационных групп русских глаголов (см. Список 3).

Список 3. Идентифицирующие синтаксические контексты русских девербативных глаголов нелокативной семантики

Примечание. Использованы условные обозначения: ПГ — производный глагол со значением СГД; МГ — мотивирующий его глагол.

- 1) ПГ и МГ все сильнее (*разгореться и гореть все сильнее*);
- 2) ПГ внезапно/вдруг и сильно (*вдруг сильно взъяриться*);

- 3) уже совсем ПГ (*уже совсем отцвести*);
- 4) ПГ до чего-либо: какой-л. границы (*дочитать до середины*);
- 5) ПГ долго/весь срок (*проговорить долго, перезимовать всю зиму*);
- 6) ПГ недолго (*поговорить недолго*);
- 7) ПГ все/всех по очереди/постепенно (*раздарить все постепенно, обшить всех по очереди, перебить всех по очереди*);
- 8) все ПГ (*все повставали*);
- 9) ПГ друг с другом (*перешептываться друг с другом*);
- 10) ПГ вместе (*существовать вместе*);
- 11) ПГ у себя/ для себя (*прибираться у себя*);
- 12) ПГ один раз (*крикнуть один раз, состричь один раз*);
- 13) ПГ слегка/немного (*подкрасить слегка*);
- 14) ПГ чуть-чуть/немного один раз (*прилгнуть чуть-чуть один раз*);
- 15) ПГ сильно один раз (*толкнуть сильно один раз*);
- 16) ПГ не раз (*облизывать губы не раз*);
- 17) ПГ слегка время от времени (*покрикивать слегка/негромко время от времени*);
- 18) ПГ слегка какое-то время (*насвистывать слегка какое-то время*);
- 19) ПГ какое-то время, неинтенсивно совершая действие (*расхаживать какое-то время не торопясь*);
- 20) ПГ долго интенсивно/тщательно (*отплясывать долго и от души*);
- 21) весь/вся/всё сильно ПГ (*весь сильно иззяб*);
- 22) ПГ всё/всех сильно (*изранить сильно все тело, всех*);
- 23) ПГ до нормы (*недокормить до нормы*);
- 24) ПГ больше, чем следует (*пережарить больше, чем положено*);
- 25) ПГ заранее/до того, как (*заготовить, подготовить заранее; предпринять до того, как...*);
- 26) ПГ чему-л. (*подпевать чему-л.*);
- 27) ПГ еще раз (*переписать еще раз*);
- 28) ПГ иначе (*переписать иначе*);
- 29) ПГ хорошо/тщательно (*прогладить хорошо/тщательно*).

При выделении типовой сочетаемости для каждого СГД мы опирались на данные толковых словарей современного русского языка и результаты исследований других авторов по сочетаемости разных акционсартных групп русских глаголов.

Составление таких идентифицирующих сочетаемостных формул позволило уточнить состав СГД и разделить некоторые СГД на два. В частности, пришлось разграничивать в составе субъектно-объектных СГД две подгруппы: субъектно- и объектно-ориентированные

типы, так как при возможности общей словообразовательной перифразы они имели разную сочетаемость. Аналогично распределительный СГД может быть описан перифразой «совершить действие, названное мотивирующим глаголом, распространив его на все объекты или субъекты», но в этом случае он характеризовался бы двумя идентифицирующими сочетаемостными формулами: «все ПГ» (*все повставали*) и «ПГ все/всех» (*поднять все*). По этой же причине тотальный СГД был разделен на тотально-субъектный и тотально-объектный.

С другой стороны, применение подобных сочетаемостных формул позволило объединить начинательно-инхоативный и начинательно-ингрессивный СГД, разделяемые в РГ-79, в один: они не имели ни особой синтаксической сочетаемости, ни особой словообразовательной перифразы.

Некоторые СГД (начинательный, общерезультативный, собственновозвратный) не имеют особых контекстных партнеров, но совокупность остальных признаков заставляет выделять такие деривационные группы глаголов в качестве СГД.

7. СОСТАВ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ: ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ

Анализ выделенных в современной аспектологической литературе СГД и смежных с ними групп отглагольных глаголов с точки зрения указанных выше критериев — характер и степень изменения КЛС мотиватора в глаголе-деривате; наличие диагностирующего контекста, а также учет других факторов — оформление особыми деривационными средствами, результаты исследований других ученых и под. — позволил в целом выделить следующие СГД (см. Список 4).

Список 4. Способы глагольного действия русских глаголов

Примечание: 1) В Списке приводятся:

- а) — синтаксический идентифицирующий контекст;
- б) — словообразовательная перифраза;
- в) аффиксы, с помощью которых образуются девербативные глаголы акционсартной семантики;
- г) авторы, выделяющие данный СГД.

2) Используются условные обозначения:

* — необщепринятые, предлагаемые автором или частично видоизмененные им термины.

1. ВРЕМЕННЫЕ СГД

1.1. ФАЗОВО-ВРЕМЕННЫЕ СГД

1.1.1. Начинательный СГД:

- а) — (*зацвести, побежать*);
- б) начать МГ (*зацвести* ‘начать цвести’);
- в) *за-, по-, (петь → запеть, бежать → побежать)*;
- г) большинство — начинательный, РГ-79 (начинательно-инхоативный: *за-*, начинательно-ингрессивный: *по-*);
- 1.1. 2. начинательно-усилительный СГД:
- а) ПГ и МГ все сильнее (*разахаться и ахать все сильнее*);
- б) начать сильно/все сильнее МГ (*разахаться* ‘начать сильно ахать’);
- в) *раз- -ся (ахать → разахаться)*;
- г) РГ-79; ГР-70 (усилительный); Агрелль, Маслов (аугментивный); все остальные — начинательный;
- 1.1. 3. начинательно-результативный СГД:
- а) ПГ внезапно/вдруг и сильно (*вдруг сильно взъяриться*);
- б) вдруг начать МГ (*взъяриться* ‘вдруг начать яриться’);
- в) *вз-/взо-, воз-, вз- -ся (крикнуть → вскрикнуть, любить → возлюбить, молить → взмолиться)*;
- г) РГ-79, все остальные — начинательный;
- 1.1. 4. финитивный СГД:
- а) уже совсем ПГ (*уже совсем отцвести, отгреть*);
- б) перестать МГ после полного совершения действия в течение какого-либо — обычно длительного — времени (*отболеть* ‘перестать болеть после того, как какое-то время болело’);
- в) *от-, от- -ся, пере- (цвести → отцвести, воевать → отвоеваться, хотеть → перехотеть)*;
- г) большинство; Моисеев (окончательный);
- *1.1. 5. завершительно-ограничительный СГД:
- а) ПГ до конца/середины/какой-л. границы (*дочитать до середины, до конца*);
- б) перестать МГ, доведя действие до какого-либо временного предела или конца (*дочитать* ‘перестать читать, прочитав до середины, следующей главы, до конца и т. п.’);
- в) *до- (читать → дочитать)*;
- г) Агрелль (комплетивный), все остальные — завершительный.
- *1. 2. ОГРАНИЧИТЕЛЬНО-ВРЕМЕННЫЕ СГД
1. 2.1. Длительно-ограничительный СГД:
- а) ПГ долго/весь срок (*проговорить долго, перезимовать всю зиму*);
- б) МГ долго, продолжительный необходимый или заранее обусловленный промежуток времени (*проговорить* ‘говорить долго, целый час’);
- в) *от-, пере-, про- (гостить → отгостить неделю, говорить → проговорить, зимовать → перезимовать)*;

г) РГ-80, РГ-79, Моисеев, Шанский — Тихонов; Виноградов, Милославский, ГР-70 (ограничительный); Шелякин (пердуративный);

1. 2. 2. делимитативно-ограничительный СГД:

а) ПГ недолго (*поговорить недолго*);

б) МГ недолго, в течение небольшого промежутка времени (*поговорить* 'говорить недолго');

в) по- (*говорить* → *поговорить*);

г) РГ-79, РГ-80, Моисеев, Шанский-Тихонов; Виноградов, Милославский, ГР-70 (ограничительный); Шелякин (делимитативный); Маслов (детерминативный, претеративный, определительный, атенаутивный, деминутивный);

1. 2. 3. длительно-смягчительный СГД (3. 4);

1. 2. 4. смягчительно-кратный СГД (3. 5);

1. 2. 5. интенсивно-кратный СГД (3. 6).

2. КРАТНЫЕ СГД

2.1. Однократный СГД:

а) ПГ один раз (*крикнуть один раз, состричь один раз*);

б) с. д., н. м. г., один раз (*крикнуть* 'кричать один раз; состричь = создать остроту один раз');

в) -ну-, с- (*кричать* → *крикнуть*, *острить* → *состричь*);

г) Маслов (семельфактивный, одноактный, мгновенный, моментальный), все остальные (однократный);

2. 2. многократный СГД:

а) ПГ не раз (*облизывать губы не раз*);

б) МГ не раз (*облизывать* 'облизать не один раз');

в) -ыва-/ва-/а-, -и- (*выдернуть* → *выдергивать, везти* → *возить*);

г) все; Маслов (итеративный, мультипликативный);

*2. 3. однократно-интенсивный СГД:

а) ПГ сильно один раз (*толкнуть сильно один раз*);

б) с. д., н. м. г., сильно один раз (*толкнуть* 'толкнуть сильно один раз');

в) -ану- (*пнуть* → *пинануть*);

г) —; все (однократный);

2. 4. прерывисто-смягчительный СГД:

а) ПГ слегка/негромко/неинтенсивно время от времени (*покрикивать слегка/негромко время от времени*);

б) несильно МГ время от времени (*покрикивать* 'несильно кричать время от времени');

в) по- ива-(ыва/ва) (*играть* → *поигрывать*);

г) большинство; Виноградов (длительно-прерывистый), Маслов (прерывисто-кратный, определительный);

2. 5. распределительно-субъектный СГД (см. 5. 5);

- 2. 6. распределительно-объектный СГД (см. 5. 6);
- 2. 6. взаимно-субъектный СГД (см. 5. 3);
- 2. 8. уменьшительно-однократный СГД (4. 4);
- 2. 9. прерывисто-смягчительный СГД (4. 5);
- 2.10. смягчительно-кратный СГД (4. 7);
- 2.11. интенсивно-кратный СГД (4.10);
- 2.12. тотально-интенсивный субъектный СГД (3.11);
- 2.13. тотально-интенсивный объектный СГД (3.12);
- 2.14. репродуктивный СГД (см. 4. 4);
- 2.15. реформативно-повторительный СГД (см. 4. 5).

*3. ФОНОПРЕДИКАТНЫЕ СГД

3.1. Проспективный СГД:

а) ПГ заранее / до чего-л. (*заготовить заранее; предрешить до того, как...*);

б) с. д., н. м. г., заранее, заблаговременно, с перспективой на будущее (*заготовить 'приготовить заранее'; предрешить 'решить заранее'*);

в) *за-, пред- (готовить → заготовить, решить – предрешить)*;

г) Шелякин;

3. 2. сопроводительный СГД:

а) ПГ чему-л. (*подпевать чему-л.*);

б) МГ, сопровождая какое-л действие, вторя чему-л. (*подпевать 'петь, вторя чему-л., сопровождая какое-л. действие'*);

в) *под- -ыва-/-ва-, при- -ива- (петь → подпевать, танцевать → пританцовывать)*;

г) большинство; Виноградов (длительно-комитативный); Шелякин (процессно-комитативный), Маслов (комитативный);

*3. 3. ретроспективный СГД:

а) – (*запить таблетку*);

б) с. д., н. м. г., в ответ на какое-л. другое действие (*запить 'выпить что-л. сразу после окончания какого-л. предшествующего действия'; одарить 'подарить что-л. в ответ на предыдущий подарок'*);

в) *за-, от- (пить → запить)*;

г) –;

3. 4. репродуктивный СГД:

а) ПГ еще раз (*переписать еще раз*);

б) с. д., н. м. г., еще раз (*переписать 'написать еще раз'*);

в) *воз-, пере-, ре- (создать → воссоздать, писать → переписать, милитаризировать → ремилитаризировать)*;

г) Шелякин;

3. 5. реформативно-повторительный СГД:

а) ПГ иначе (*переписать иначе*);

б) с. д., н. м. г., еще раз с целью изменения первичного результата (*переписать* написать еще раз в ином виде');

в) *пере-, ре-* (*писать* → *переписать, организовать* → *реорганизовать*);

г) Шелякин;

3. 6. совместный СГД (5. 4).

*4. КВАНТИТАТИВНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ СГД

4.1. Общезначительный СГД:

а) — (*написать*);

б) с. д., н. м. г., доведя его до результата (*написать* 'писать + результат');

в) *вз-, вы-, за-, из-, на-, о-, об-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, раз-, с-, у-* (*растить* → *взрастить, гордиться* → *возгордиться, лечить* → *вылечить, ржаветь* → *заржаветь, расходовать* → *израсходовать, печатать* → *напечатать, робеть* → *оробеть, ветшать* → *обветшать, стареть* → *постареть, мести* → *подмести, мирить* → *примирить, экзаменовывать* → *проэкзаменовывать, искать* → *разыскать, петь* → *спеть, гаснуть* → *угаснуть*);

г) Шелякин; РГ-79 (собственно-результативный), Маслов (терминативный, эффективный);

4. 2. Недостаточно-нормативный СГД

а) ПГ до нормы (*недокормить до нормы*);

б) с. д., н. м. г., в меньшей степени, чем положено (*недокормить* 'накормить в меньшей степени, чем положено');

в) *недо-* (*кормить* → *недокормить*);

г) РГ-79;

4. 3. Смягчительный СГД:

а) ПГ слегка/немного (*подкрасить слегка*);

б) с. д., н. м. г., слегка, с небольшой интенсивностью (*подкрасить* 'покрасить что-л. слегка');

в) *за-, на-, по-, под-, пере-, при-* (*пилить* → *запилить, петь* → *напеть, успокоиться* → *поуспокоиться, курить* → *перекурить, расти* → *подрасти, мять* → *примять*);

г) Шелякин (аттенуативный), Маслов (аттенуативный, компле- тивный, деминутивный), все остальные (смягчительный);

*4. 4. уменьшительно-однократный СГД:

а) ПГ чуть-чуть/немного один раз (*прилгнуть чуть-чуть один раз*);

б) с. д., н. м. г., один раз с незначительной интенсивностью (*прилгнуть* 'слегка солгать один раз');

в) префиксы *вз-, по-, при-, про-, с-* и суффикс *-ну-* (*плакать* → *всплакнуть, зевать* → *позевнуть, лгать* → *прилгнуть, стирать* → *простирнуть, болтать* → *сболтнуть*);

г) —; большинство (уменьшительный); Шелякин (аттенаутивный);

4. 5. длительно-смягчительный СГД:

а) ПГ слегка какое-то время (*насвистывать слегка какое-то время*);

б) МГ какое-то время неинтенсивно (*насвистывать* ‘свистеть какое-то время не очень громко’);

в) префиксы *на-, по-, под-, при-, пере-* и суффикс *-ива- / -ва-* (*свистеть* → *насвистывать*, *играть* → *поигрывать*, *дуть* → *поддувать*, *торговать* → *приторговывать*, *стучать* → *перестукивать*);

г) большинство; Шелякин (процессно-смягчительный: *наигрывать*, процессно-комитативный: *подпевать*, процессносопроводительный: *припевать*);

*4. 6. смягчительно-кратный СГД:

а) ПГ какое-то время как (*расхаживать какое-то время не торопясь*);

б) МГ какое-то время, совершая действие в несколько приемов или в разных направлениях (*расхаживать* ‘ходить какое-то время не очень быстро’);

в) *по- -ива-, рас- -ива-* (*ходить* → *похаживать*, *ходить* → *расхаживать*);

г) —; РГ-80, ГР-70, Виноградов (длительно-листрибутивный); Шелякин (процессно-длительный);

4. 7. чрезмерно-нормативный СГД:

а) ПГ больше, чем следует, слишком сильно (*пережарить больше, чем положено*);

б) с. д., н. м. г., в большей степени, чем следует (*пережарить* ‘пожарить больше, чем надо’);

в) *пере-, пре-* (*крахмалить* → *перекрахмалить*, *увеличить* → *преувеличить*);

г) РГ-Г9; гипернормативно-длительный, сверхнормативный (Шелякин, Вараксин);

4. 8. интенсивно-кратный СГД:

а) ПГ долго интенсивно/тщательно (*отплясывать долго и от души*);

б) МГ долго, интенсивно/тщательно (*выплясывать* ‘плясать долго и интенсивно’);

в) *вы- -ыва-, от- -ыва-, на- -ыва-* (*плясать* → *выплясывать*, *плясать* → *наплясывать*, *плясать* → *отплясывать*);

г) РГ-80, Милославский, Шанский-Тихонов; ГР-70, Шелякин (осложненно-интенсивный); РГ-79 (интенсивный); ГР-70 (результативно-интенсивный); Шелякин (качественно-результативный);

*4. 9. тотально-интенсивный субъектный СГД:

а) весь/вся/всё сильно ПГ (*весь сильно иззяб*);

б) подвергнуться действию, н. м. г., в очень значительной степени (*иззябнуть* 'в значительной степени испытать действие, н. м. г. зябнуть');

в) *вы-, из-, пере-* (*сохнуть* → *иссохнуть*, *мерзнуть* → *вымерзнуть*, *мерзнуть* → *перемерзнуть*);

г) —; РГ-79 («исчерпывающий»); Шелякин (тотальный);

*4.10. тотально-интенсивный объектный СГД:

а) ПГ всё/всех сильно (*изранить сильно все тело, всех*);

б) с. д., н. м. г., все/всех сильно (*изранить* 'ранить всех сильно');

в) *вы-, из-, пере-* (*топать* → *вытопать*, *ранить* → *изранить*, *портить* → *перепортить*);

г) ГР-70; РГ-79 («исчерпывающий»); Шелякин (тотальный);

4.11. сопроводительный СГД (3. 2).

4.12. однократно-интенсивный СГД (2.1);

4.13. начинательно-усилительный СГД (1.1. 2);

4.14. финитивный СГД (1.1. 4).

*5. СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ СГД

5.1. Собственно-возвратный СГД:

а) —;

б) ПГ себя (*мыться* 'мыть себя');

в) *-ся* (*мыть* → *мыться*);

г) —;

5. 2. косвенно-возвратный СГД:

а) ПГ для себя/у себя (*прибраться у себя*);

б) МГ что-л. для себя/у себя (*уложиться* 'уложить все по местам у себя');

в) *-ся* (*уложить* → *уложиться*);

г) —;

5. 3. взаимно-субъектный СГД:

а) ПГ друг с другом (*перешептываться друг с другом*);

б) МГ друг с другом (*перешептываться* 'шептать друг с другом');

в) *пере-* *-ива/ыва/ва-* *-ся*, *с-* *-ива-* *-ся* (*шептать* → *перешептываться*; *писать* → *списаться*);

г) —; РГ-80 (многократно-дистрибутивно-взаимный); Виноградов (длительно — дистрибутивно-взаимный); ГР-70 (взаимный);

*5. 4. совместный СГД:

а) ПГ вместе (*сосуществовать вместе*);

б) МГ вместе/совместно с кем-л. (*сосуществовать* 'существовать вместе с кем-л.');

в) *со-* (*существовать* → *сосуществовать*);

г) —;

*5. 5. распределительно-субъектный СГД:

а) все ПГ (*все повставали*);

б) с. д., н. м. г., всем (*повставать* ‘встать всем’);

в) *по-* (*вставать* → *повставать*);

г) —; РГ-80, РГ-70, ГР-70 (распределительный, дистрибутивный);

*5. 6. распределительно-объектный СГД:

а) ПГ все/всех (*раздарить все, обшить всех, перебить всех*);

б) с. д., н. м. г., все/всех/всем по очереди (*раздарить* ‘подарить все по очереди’, *обшить* ‘сшить всем по очереди’);

в) *о-/об-, пере-, по-, раз-* (*шить всем* → *обшить всех, ломать* → *переломать все, убивать* → *поубивать всех, дарить* → *раздарить все*);

г) —; ГР-70, РГ-80. РГ-79 (распределительный, дистрибутивный); Шелякин (дистрибутивно-суммарный);

5. 7. тотально-интенсивный субъектный СГД (4.11);

5. 8. тотально-интенсивный объектный СГД (4.12).

Почти все выделяемые нами СГД достаточно подробно и тщательно описаны в специальной литературе (см. библиографию). Некоторых уточнений требует лишь семантика акционсартных классов, решение вопроса о их ядре и периферии, а также определение «лексико-семантической мощности» СГД — выделение ЛСГ, которые могут мотивировать те или иные способы действия.

В приведенном списке 32 разных СГД. В совокушности они образуют ту часть поля акционсартности, которая манифестируется деривационными средствами (те же акционсартные значения могут передаваться и непроизводными глаголами, и недеривационными морфемами — см. выше о пересекаемости ЛСГ и СГД, а также о смежных с СГД деривационно-морфемных классах слов).

Выделенные акционсартные классы глаголов объединяются в 5 больших групп по тому, в каком аспекте уточняют семантику глагола: временные СГД характеризуют фазу совершения действия (фазовые СГД) и его длительность (ограничительно-временные СГД); кратные СГД — его повторяемость или единичность; фонопредикатные СГД — соотношенность обозначаемого акционсартным глаголом действия со временем совершения другого действия; количественно-предикативные СГД — степень его интенсивности; субъектно-объектные СГД — количество субъектов или объектов данного действия. СГД, объединяемые в одну группу на основе общего акционсартного семантического признака, образуют акционсартные под-

поля: подполе фазовости, подполе временной длительности, подполе кратности, подполе фонопредикативности, подполе квантификации (интенсивности) действия и подполе субъектности/объектности.

Каждый акционсартный семантический признак формируется противопоставлением нескольких соотносительных между собою сем, указывающих:

- 1) на фазу действия — его «начало» или «конец»;
- 2) на ограниченность действия во времени — семы «долго», «слишком долго», «какое-то время», «недолго», «время от времени»;
- 3) на объектно-субъектную перспективу действия — «один субъект/объект», «не один, а несколько субъектов, как минимум два», «все субъекты/объекты»;
- 4) на интенсивность действия — «в соответствии с нормой», «более интенсивно, чем предполагает норма», «менее интенсивно, чем положено, принято по норме», «неинтенсивно», «интенсивно», «слишком интенсивно»;
- 5) на кратность действия — «один раз», «не один раз», «еще раз»;
- 6) на повторение действия в неизменном или частично измененном виде — «снова» и «иначе»;
- 7) на соотношенность со временем совершения другого действия (фонопредикативные СГД) — «одновременно с другим действием», «до другого действия», «после другого действия»;
- 8) на то, что действие для воспринимающего неожиданно — «вдруг».

Данные семы не всегда полностью охватывают ту ось, на которой «располагается» семантический акционсартный признак, в рамках которого они выделяются; так, акционсартные семы фиксируют только 2 фазы из 3-х основных: начало и конец — и не отмечают фазы длящегося действия; семы фонопредикативности передают свой семантический признак более полно, манифестируя и одновременность действия акционсартного глагола с другим действием, и предшествование ему, и следованием за ним.

Во многих производных глаголах с акционсартной семантикой наблюдается совмещение значений нескольких СГД. Это отмечают многие исследователи, в числе которых Н. С. Авилова, А. И. Бондарко, Л. А. Вараксин, С. А. Кузнецов, И. Г. Милославский, И. С. Улуханов (РГ-80, ГР-70), М. А. Шелякин и др.

С. А. Кузнецов выявил наиболее типичные, часто встречающиеся в толковых словарях группы префиксальных глаголов, совмещающих значения нескольких традиционно выделяемых СГД. К таким дериватам, по его мнению, относятся глаголы со значением

начинательного и инхоативного СГД (*загнивать, закисать*), смягчительного и результативного СГД (*привставать*), смягчительного и кумулятивного СГД (*прикапливать – прикопить*), взаимного и многоактного СГД (*переглядываться*), многоактного и смягчительного СГД (*ловизгивать*), инхоативного и результативного СГД (*застыть – застывать*), начинательного и результативного СГД (полюбить), смягчительного и ограничительного (*встряхивать – встряхнуть*), инхоативного и стального СГД (*зеленеть*), сопроводительного и смягчительного СГД (*прикряхивать – прикряхнуть*), начинательного и интенсивного СГД (*взвывать – взвыть*), усилительного и начинательного СГД (*разгуливаться – разгуляться*), усилительного и интенсивного СГД (*разбушеваться – раскричаться*) (Кузнецов 1988: 151–154). «Отмеченные здесь случаи совмещения (наложения) способов действия наиболее типичны и весьма распространены. Существуют более сложные случаи, когда в одном значении глагола совмещаются до четырех значений разных способов действия. Например, в глаголе *разбушеваться*, кроме усилительного и интенсивного способов действия, отчетливо выделяются значения начинательного и результативного способов, ср. также глагол *раскричаться*» (Кузнецов 1988: с.155). Предложенные П. А. Соболевой (1983: 46–53) «деревья» темпоральных, количественных и локативных значений, передаваемых СГД, обнаруживают очевидную пересекаемость разных значений. П. А. Соболева выделяет 12 темпорально-квантитативных, 13 количественно-результативных и 15 локативно-квантитативных СГД.

А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин (1867: 14), учитывая совмещенность значений разных СГД в одном глаголе или представленность только одного значения в нем, разделили СГД на простые и сложные. П. А. Соболева предложила называть такие СГД гомогенными и гетерогенными (Соболева 1983: 47). Первые содержат акционсартные семы одного типа: только результативные, только квантитативные, только темпоральные (*зашуметь ‘начать шуметь’*), а вторые – семы разных типов (*вскричать ‘начать + неожиданно + кричать + постепенно усиливая интенсивность действия’*). Сложные способы действия, по мнению Л. Л. Буланина и А. В. Бондарко представляют собой группировки нескольких простых (1967: 14).

Для того, чтобы выявить семантически простые и семантически сложные СГД, необходимо определить, какие акционсартные семы составляют значение каждого СГД (см. табл.1). Мы определили это, опираясь на результаты анализа ряда исследователей (для традиционно выделяемых СГД) и собственные наблюдения (для новых СГД).

Каждый СГД представляет собой семантический комплекс (термин В. Н. Петренко) – совокупность семантических признаков,

характеризующих данный акционсартный класс и отличающих его от других способов действия. Например, глаголы финитивного СГД обозначают действие (признак 1), совершаемое субъектом (признак 2) до определенной временной границы (признак 3), и его прекращение (признак 4) после достижения (признак 5) данного предела: *досмотреть фильм до конца* 'смотреть фильм, пока он идет, и прекратить это действие после того, как он закончится'. Семантический акционсартный признак может быть как односемным (ср. признаки «действие», «субъект»), так и неодносемным (временной предел, а не просто предел, граница), но в любом случае он воспринимается в качестве семантически элементарного, примитивного (см. понимание семантических примитивов Ю. Д. Апресяном 1994: 38).

Попытка описания акционсартной семантики выделенных СГД представлена нами в таблице № 1, в которой приведены только те акционсартные семантические признаки, которые дифференцируют разные СГД (назовем их дифференциальными признаками); те же признаки, которые неактуальны для различения акционсартных классов русских глаголов (например признак действия как такового), опущены. Семантически простым является такой СГД, семантический комплекс которого содержит один дифференцирующий акционсартный признак, семантически сложным — такой СГД, в семантическом комплексе которого — несколько акционсартных признаков.

По нашим наблюдениям, к семантически простым СГД можно отнести следующие СГД: начинательный (начать действие), длительно- и делимитативно-ограничительный (совершать действие долго, недолго), смягчительный (совершать действие с небольшой интенсивностью), однократный (совершать действие один раз), многократный (совершать действие не раз), проспективный (совершить действие до другого действия), ретроспективный (совершить действие после другого действия), недостаточно- и чрезмерно-нормативный (совершить действие в большей или меньшей, чем положено, степени), общезультативный СГД (совершить действие, названное мотивирующим глаголом до достижения результата), а также собственно возвратный (совершить действие, н. м. г., над собой) и косвенно-возвратный (совершить действие для себя) СГД. Это 13 СГД из 32 выделенных.

К семантической простоте «склонны» только ограничительно — временные и кратные СГД, среди которых доля семантически примитивных СГД составляет 50 — 100%, в то время как у других типов СГД она колеблется в пределах от 20 до 40% (см. таблицу 2).

Большинство русских СГД семантически сложны, гетерогенны: семантически простые, одноаспектные способы составляют лишь 41% от числа всех (см. табл. 2).

**Семантические комплексы акционсартных классов
русских глаголов**

Àèöëíñàpóíàÿ ñàíàíöèèà

ÑĀĀ	Òàçà	Āpàiy	Ñóáú- àèòíí- íáúáé- íúá	Èíòáí- ñèà- ííñòù	ñípià	Èpàò- ííñòù	Óííí- ípá- àèèà- òèà- ííñòù
1.1.1.1 íà+èíàòàéúí.	íà+.						
1.1.1.2 íà+.-òñèè.	íà+.	èàèíá -òí áðáiy íðíáí èæàòù		èìò.			
1.1.1.3 íà+.-pàçóè.	íà+.	áápóá		èìò.			
1.1.1.4 òèíèòèèáíúé	èíí.	èàèíá -òí áðáiy áí çàááp òáíèÿ					
1.1.1.5 çááárpøèò.	èíí.	èàèíá òí áðáiy áí çàááp					
1.2.1 àèèò.-íáp.		áíèáí					
1.2.2 áàèèì.-íáp.		íááíè					
2.1 íáííèpàò.						1 pàç	
2.2 íííáíèpàò.						íá pàç	
2.3 èìò.-íáííèp.				èìò.		1 pàç	
2.4 ípáp.-ñiyá.		t íò t		íáèìò.			
3.1 ípíñíáèò.							áí Ā.
3.2 ñíípiáíá.				íáèìò.			áí ápá iy áp. Ā. ííñèá Ā.
3.3 pàòpíñí.							Ā. ííñèá Ā.
3.4 páirpiá.						áúá pàç	ííñèá Ā. ííñèá
3.5 páò.-ííáòíp.						áúá pàç, èíá+á	Ā. ííñèá Ā.
4.1 íáúápàçóè.					pàç. < N		
4.2 íááíñò.-íípi							
4.3 ñiyá+èò.				íáèìò.			
4.4 óí.-íáííèp.				íáèìò.		1 pàç	
4.5 àèèò.-ñiyá.		èàèíá òí t		íáèìò.			
4.6 ñiyá.-èpàò.		èàèíá òí t		íáèìò.		íá pàç	
4.7 +pàçì.-íípi.					> N		

4.8	èiò.-êpàò.	âiëâi	èiò.	íá pàç
4.9	òìòàè.-èiò.-S	âânũ	í+.ñèè.	
4.10	òìòàè.-èiò.-î	ââá î	í+.ñèè.	íá pàç
5.1	ñiáñò.âiçâ.	ñâáý		
5.2	èñîâ.-âiçâ.	ó/âéý		
		ñâáý		
5.3	âçàèì.-S	íâñé.	íâèiò.	íá pàç
5.4	ñîâiâñòí.	íâñé.		íá pàç íâíí- âpâi.
5.5	pâñip.-S	ââá S		íá pàç
		íí í+â		
		òââè		
5.6	pâñip.-O	ââá î		íá pàç
		íí í+â		
		òââè		

Условные обозначения: нач. — начало действия; кон. — конец действия; недол. — недолго; сл. дол. — слишком долго; t — время; O — объект; S — субъект действия; неск. — несколько; инт. — интенсивно; оч. сил. — очень сильно; неинт. — неинтенсивно; N — норма; Д. — действие.

Таблица 2

Степень сложности акционсартной семантики разных СГД

NÃÃ	Êiëè+âñòâi ñâiâiòè+âñèèò ipèçiâèiâ		
	íâèí	Ãââ	òpè
Òàçiâúâ NÃÃ	1 (20%)	2 (40%)	2 (40%)
Íâpâiè+èòâèüííí-âpâiâiíúâ NÃÃ	2 (100%)	-	-
Êpâðíúâ NÃÃ	2 (50%)	2 (50%)	-
Òíííipâèèâðèâíúâ NÃÃ	2 (40%)	3 (60%)	-
Êââiòèðâðèâíí-ipâ-âèèâðèâíúâ NÃÃ	4 (40%)	3 (30%)	3 (ç0%)
Ñóâúâèòíí-íâúâèò-íúâ NÃÃ	2 (33%)	2 (33%)	2 (33%)
Âñââi	13 (41%)	12 (38%)	7 (21%)

Обычно СГД (12 из 32) совмещают два акционсартных признака: количество и кратность действия, кратность и количественную характеристику субъектов или объектов действия, результативность и количественную характеристику действия и т. п. (см. СГД 1.1.4; 1.1.5, 2.3, 2.4, 3.2, 3.4, 3.5, 4.4, 4.5, 4.9, 5.5, 4.6): финитивный, завершительный, интенсивно-однократный, прерывисто-смягчительный, сопроводительный, репродуктивный, реформативно-повторительный, длительно-смягчительный, тотально-субъектный, распределительно-субъектный и объектный СГД.

7 СГД (1.1.2, 1.1.3, 4.6, 4.8, 4.10, 5.3, 5.4) имеют три акционсартных признака в своем значении: начинательно-усилительный = начать действие + какое-то время после начала действия продолжать его + интенсивно; начинательно-результативный = начать действие + внезапно + интенсивно; взаимно-субъектный СГД = несколько субъектов + не раз + неинтенсивно совершают действие; смягчительно-кратный СГД = какое-то время + неинтенсивно + не раз совершается действие; интенсивно-кратный СГД = долго + интенсивно + не раз совершать действие; интенсивно-тотальный объектный СГД = несколько объектов + не раз + интенсивно совершают действие; совместный = два или более субъектов + по очереди, то есть не раз + неинтенсивно совершают действие.

Если семантический комплекс СГД состоит из нескольких акционсартных признаков, то возникает проблема отнесения СГД к тому или иному типу акционсартных классов: фазовым, фонопредикативным, квантитативно-предикативным и иным. Так, прерывисто-смягчительный СГД содержит в своем значении не только временные компоненты (совершать действие время от времени), но и квантитативно-интенсивные (слегка, неинтенсивно), что позволяло отнести его как к ограничительно-временным, так и к квантитативно-предикативным СГД.

Тип СГД в таких случаях определялся по доминирующему, ведущему семантическому признаку. Роль того или иного семантического признака в структуре акционсартного значения выявлялась в ходе опроса группы носителей русского литературного языка (упрощенного варианта психолингвистического эксперимента), которым предлагалось ответить на вопрос о семантике глагола (например, «Подпрыгивать, покрикивать — это к а к прыгать, кричать?»). Семантика обстоятельства, которое встречалось в большинстве ответов респондентов, признавалась доминирующей. В частности, в ответах о значении глаголов прерывисто-смягчительного СГД явно преобладали реакции «слегка», «негромко», «невысоко» и под., что позволило с определенной долей условности признать их ведущими и отнести этот СГД прежде всего к типу количественных (квантитативно-предикативных СГД) и лишь потом к типу кратных СГД.

Общее количество СГД в таком случае равно 53 (32 основных и 21 СГД, который отнесен одновременно к двум типам акционсартных классов): 5 фазовых СГД (5 + 0; первая цифра обозначает СГД, в семантическом комплексе которого данный акционсартный признак ведущий; последняя — СГД, в семантическом комплексе которых он не является доминирующим), 5 ограничительно-временных СГД (2 + 3); 15 кратных СГД (4 + 11), 6 фонопредикативных СГД (5 + 1), 14 квантитативно-предикативных СГД (10 + 4) и 8 субъект-

но-объектных СГД (6 + 2). 12 интенсивных (8 + 4), 3 нормативных (3 + 0), 14 кратных (3 + 11) и 6 фонопредикативных (5 + 1).

Включение семантически сложного СГД в два типа представлялось целесообразным: реально в семантическом комплексе СГД присутствуют обе семы, каждая из которых может актуализироваться в том или ином контексте. Такое положение отражает объективно существующую полевую организацию акционсартных классов и позволяет достаточно определенно выделить в их составе ядерные и периферийные явления.

В современной аспектологической литературе существует две попытки решения этой проблемы.

Первая точка зрения представлена А. В. Бондарко, который попытался выделить среди всех ЛГР русского языка ядерные и периферийные явления на основе свойственной им «силы» (1971: 11–12; 1976: 180–181). К сильным ЛГР он относит те разряды, которые обладают ясным и отчетливым формальным (не обязательно морфемным) выражением. Это группы качественных и относительных прилагательных, переходных и непереходных глаголов, направленных и ненаправленных глаголов движения. К слабой разновидности относятся такие ЛГР, которые обладают нечеткой формальной выраженностью: это нехарактеризованные и непоследовательно характеризованные СГД (инхоативный, общезерезультативный и под.).

Иной — прямо противоположной — точки зрения на сущность ядерных явлений в области глагольных СГД придерживается М. А. Шелякин. Он считает первичными, или «базисными», такие способы действия, которые «показывают особенности предельной/непредельной аспектуальности..., качественных типов действия «по природе», не имея специальных формальных показателей», а модифицирующими, вторичными, периферийными — те СГД, которые формально маркированы, то есть характеризованные СГД (Шелякин 1983: 171). Значение СГД в ядерных группах заключено в самой глагольной основе, а в модифицирующих типах передается словообразовательным формантом.

Представленные выше полярные мнения о ядре и периферии в области СГД учитывают прежде всего способ манифестации акционсартного значения, то есть формальные признаки СГД. Более корректной представляется точка зрения А. В. Бондарко, поскольку грамматические явления, к которым относятся СГД, обычно используют в качестве маркера аффиксы и морфонологические средства, а не корень и семантику основы.

С другой стороны, можно привести аргументы и в поддержку мнения М. А. Шелякина. Если манифестируемая СГД информация передается в языке разными способами, в том числе с помощью

непроизводных глаголов, то именно последние занимают центральное место в языке, поскольку относятся к основному наиболее древнему и устойчивому словарному фонду, являющемуся, по определению В. В. Виноградова, ядром русской лексики: именно ОСФ передает важнейшую, базовую в когнитивном отношении информацию и является структурно-семантической основой всего лексического состава языка.

Наличие прямо противоположных и достаточно аргументированных мнений, опирающихся на формальные основания, по поводу центра и периферии среди акционсартных классов позволяет предложить иное решение — семантическое. К ядерным СГД следует отнести те классы, которые обладают простой (примитивной) акционсартной семантикой, уточняющей действие в одном аспекте; а к периферийным — СГД со сложными акционсартно-семантическими комплексами, совмещающими семантические признаки разных типов: временные и субъектно-объектные, кратные и количественно-интенсивные и др. В этом случае ядерными акционсартными классами будут начинательный, длительно- и делимитативно-ограничительные, одно- и многократный, проспективный, ретроспективный, общезерезультативный, недостаточно- и чрезмерно-нормативный, собственно- и косвенно-возвратные СГД; все остальные должны быть отнесены к грамматически периферийным глагольным разрядам. Такое решение, как нам кажется, может быть поддержано — помимо неприятия всеми лингвистами предложенных формальных решений — еще двумя обстоятельствами. Во-первых, семантически сложные СГД образуются в основном из признаков, свойственных простым: интенсивно-однократный, например, — из признаков кратности (один раз — однократный СГД 2.1) и значительной силы проявления (интенсивности — чрезмерно-нормативный СГД 4. 7), распределительно-объектный — из признаков многократности (многократный СГД 2.2) и полиобъектности (последняя тема воплощается в отдельном простом СГД; в целом таких сем немного).

Во-вторых, акционсартные классы — это деривационно-грамматические явления, поэтому проблема их центра и периферии должна решаться с учетом как формальных, так и семантических особенностей этих классов слов. Признание СГД деривационными классами позволяет учесть их формальную структуру, а анализ передаваемого акционсартного значения — специфику их семантики.

Решению проблемы выделения центра и периферии в области СГД может способствовать учет количественного фактора: определение удельного веса дериватов с тем или иным акционсартным значением в глагольной лексике; продуктивности моделей, по которым они образуются; широты или узости мотивационной базы разных СГД.

Современная лингвистика не располагает пока полным перечнем глаголов, относящихся к тому или иному СГД; лишь в некоторых исследованиях приводятся статистические данные о количестве тех или иных акционсартных глаголов, зафиксированных в каком-либо толковом словаре и извлеченных путем сплошной выборки. В частности, Л. А. Вараксин обнаружил в БАСе 695 глаголов с префиксом *за-*, обозначающих начало действия, и 105 глаголов с префиксом *от-* со значением его конца (1996:130). Об остальных акционсартных классах глаголов таких данных нет. Более того, полнота таких списков может представляться сомнительной, поскольку многие глаголы со значением СГД должны быть отнесены к числу потенциальных: они не зафиксированы в словаре, но легко образуются если возникает необходимость этого. Л. А. Вараксин отмечает, например, такие новообразования для глаголов с префиксом *за-* (начинательный СГД), отмечая продуктивность данного словообразовательного типа: *заужасаться, запереглядываться, засопротивляться, зажалеть, зарезвиться, заморгать, заприкладывать, завсхлипывать, заотвечать, затрудиться, запроцветать* и др. (Вараксин 1996: 117).

Невозможность учета количественных данных о составе СГД и продуктивности моделей, по которым они образуются, заставляет сосредоточить основное внимание при определении центра и периферии в поле акционсартности на перечисленных выше критериях и косвенных факторах: на степени лексико-семантической мощности СГД (на том, сколько и какие ЛСГ могут мотивировать данный СГД) и на типовой акционсартной парадигме – совокупности глаголов со значением тех СГД, которые может мотивировать конкретная ЛСГ. Чем шире мотивационная база СГД (его лексико-семантическая мощность) и чем больше количественный состав каждой ЛСГ, которая входит в эту мотивационную базу, тем больше глаголов-дериватов в этом СГД, тем ближе к центру поля акционсартности расположен этот класс слов (СГД).

8. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОЩНОСТЬ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ТИПОВАЯ АКЦИОНСАРТНАЯ ПАРАДИГМА ЛСГ ГЛАГЛОВ

Как и все деривационные классы слов, СГД обладают определенным набором потенциальных мотиваторов, формальные и семантические особенности которых изучены явно недостаточно. СГД, выделяемые в современной лингвистической литературе, почти не охарактеризованы с этой точки зрения. В «Русской грамматике», например, сведения о том, от каких лексико-семантических или формальных групп глаголов возможно образование того или иного СГД, вводятся непоследовательно, эпизодически. Приводимые списки семантических групп потенциальных мотиваторов, как показы-

вают наблюдения, не всегда достаточно полны. Более регулярно отмечаются грамматические характеристики глаголов, мотивирующих дериваты со значением СГД, — принадлежность к глаголам совершенного или несовершенного вида.

Представляется целесообразным установить (или уточнить) круг мотиваторов каждого акционсартного класса глаголов: это позволит сформировать более точное и корректное представление не только о самих СГД, но и о составе, границах каждой лексико-семантической группы глаголов.

Решение этой задачи предполагало составление для каждой глагольной ЛСГ максимально полного набора акционсартных производных, которые она способна мотивировать. Такие наборы (парадигмы) акционсартных дериватов выделялись с учетом следующих данных.

Во-первых, учитывались акционсартные производные, мотивированные базовыми глаголами ЛСГ: последние признаются идеальными представителями данного семантического класса слов, поскольку передают только категориально-лексическую семантику, лежащую в основе выделения данной ЛСГ, и 1–2 дифференциальные семы (Кузнецова Э. В.).

Во-вторых, учитывались акционсартные производные, мотивированные глаголами-прототипами данной ЛСГ. Слова — прототипы, по данным психолингвистов (Лакофф 1996: 157, 163–164), первыми всплывают в сознании носителей языка при необходимости выразить данную семантику, первыми усваиваются детьми, используются в нейтральных контекстах, наиболее эффективны и удобны для подведения под категорию и оперирования с последними. Кроме того, глаголы-прототипы характеризуются тем уровнем абстрактности значения, который позволяет слову наиболее полно реализовать деривационные возможности: последние, по данным многих исследователей, явно ограничены у слов, обладающих значениями с высоким уровнем конкретности или абстрактности (поэтому наборы акционсартных дериватов со значением СГД, мотивированные базовыми глаголами данной ЛСГ, не в полной степени отражают акционсартную парадигму всей группы). Так, при анализе акционсартной парадигмы ЛСГ глаголов направленного перемещения необходимо учитывать акционсартные дериваты не только базовых глаголов данной группы (*перемещаться, двигаться*), но и таких прототипических для этого семантического класса слов, как *идти, выйти, дойти, пройти, перейти, обойти и под*.

Слова-прототипы относятся к базовому уровню владения языком и поэтому чрезвычайно важны для выделения центральных, типовых явлений в языке. Затрудняет их использование то, что

слова-прототипы определены лишь для некоторых групп идентифицирующей, предметной лексики и почти не анализировались на материале глагольных лексем. Их чрезвычайно трудно выделить для ЛСГ глаголов с неконкретным значением, в частности для глаголов поля «Отношение», многих ЛСГ глаголов интеллектуальной деятельности, бытия и некоторых других.

Невозможность ограничиться анализом акционсартных дериватов, мотивированных только прототипическими глаголами, обусловлена еще и тем, что степень реализованности словообразовательных потенций любого слова во многом зависит не только от его семантических, но и от формальных особенностей, а прототипические и базовые глаголы не всегда структурно просты и «идеальны» в качестве мотиваторов.

Поэтому при составлении полной акционсартной парадигмы, мотивированной ЛСГ, необходимо учитывать парадигмы максимально большого количества глаголов данной группы. Например, при максимально полном учете глаголов, формирующих ЛСГ глаголов однонаправленного перемещения, ориентированного относительно конечного и исходного пунктов (см. ТИС РГ), ее типовая акционсартная парадигма складывается из дериватов со значением начинательности (СГД 1.1.1: *зашагать* ‘начать шагать’), однократности (2.1: *шагнуть*), интенсивной однократности (2. 3: *шагануть*), сопроводительности (3. 2: *пришаркивать* – МАС), смягчительной и длительной кратности (4. 5: *похаживать* и 4. 6: *расхаживать*). При этом базовый глагол *перемешаться*, по данным толковых словарей, не мотивирует ни одного из этих производных слов; данные дериваты выявляются лишь на уровне некоторых глаголов – прототипов, причем разных, ср. неузуальность таких дериватов, как **заперемешаться*, **расшаркивать*, **пошагать* ‘шагать какое-то время’ (отсутствует в толковых словарях), хотя возможно *зашагать*, *пошагать* ‘начать шагать’, *похаживать*, *пошаркивать* и др.

Подобным образом были составлены акционсартные парадигмы для каждой ЛСГ русского глагола. При этом учитывались данные (МАС), грамматик русского языка и примеры других исследователей акционсартных классов русских глаголов. Результаты исследования сведены в таблицу 3.

Совокупность дериватов со значением всех СГД, которые способны потенциально мотивировать типовой, «идеальный» представитель конкретной ЛСГ (пусть даже реально не существующий, а являющийся «собирательным» представителем ЛСГ), может быть названа – по аналогии с типовой словообразовательной парадигмой, выделяемой для той или иной части речи, – типовой акционсартной парадигмой (ТАП).

Лексико-семантические группы и способы глагольного

N	ΕΝΑ	Ν ι ῑ ν̄ ῑ ᾱ ὰ					
		1.1 ὀὰçíâúâ					1.2 íâpâí.- âpâíâí.
		1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	2.1
Ῑ ῑ ε̄ ᾱ "Ᾱ ᾱ ε̄ ν̄ ο̄ ᾱ ε̄ ᾱ ε̄		Ᾱ ᾱ ὰ ᾱ íε̄ ᾱ ε̄					
	Ᾱ ᾱ ὰ ᾱ íε̄ ᾱ ε̄, ípeâðeπíââíííâ íðííñeðâε̄úíí ε̄ñðíâí. ε̄ ε̄íâ+í. íóíε̄ðíâ						
1		+					
2	ε̄ñðíâííâí íóíε̄ðâ		+				
3	ε̄íâ+íâí íóíε̄ðâ						
4	íplíâæóðí+íâí íóíε̄ðâ						
5	pàçííâíâpââε̄âííâ ââε̄ᾱíε̄â	+	+	+	+	+	+
6	ε̄póâíâíâ ââε̄ᾱíε̄â	+	+	+		+	+
7	ε̄íε̄ââðâε̄úííâ ââε̄ᾱíε̄â	+	+			+	+
	Íâpâíâúâíε̄â, ípeâíðeπíââíííâ íðííñeðâε̄úíí ε̄ñðíâííâí íóíε̄ðâ						
8							
9	ε̄íâ+íâí íóíε̄ðâ					+	+
10	íplíâæóðí+íâí íóíε̄ðâ					+	+
11	ε̄ñðíâí. ε̄ ε̄íâ+í. íóíε̄ðíâ					+	+
12	ε̄póâíâíâ íâpâíâúâíε̄â	+				+	+
13	pàçííâíâpââε̄âííâ íâpâíâúâíε̄â	+				+	+
	Ííâúâíε̄â íâúâε̄ðâ						
14	â ípâââε̄âííí îâñðâ	+				+	+
15	â pàçóε̄úðâðâ ε̄ííε̄p.ðε̄ç.ââýð.				+	+	+
16	â pàçóε̄úðâðâ íâpâíâúâíε̄ý				+	+	+
17	ε̄ ñóâúâε̄ðâ	+				+	+
18	âε̄p+âíε̄ý				+	+	+
19	íâε̄íúâíε̄ý					+	+
20	ííε̄púðε̄ý			+	+	+	+
21	ε̄póâíâíâí ííε̄púðε̄ý					+	+
22	íââââíε̄ý					+	+
23	ñε̄púââíε̄ý					+	+
24	çâε̄púðε̄ý					+	+
25	íðε̄púðε̄ý					+	+
	Èííε̄pâðíε̄ ðε̄çε̄+âñε̄íε̄ ââýðâε̄úííñðε̄						
26	óââpâ		+			+	
27	âââε̄âíε̄ý	+		+	+	+	+
28	ípēε̄íñíââíε̄ý	+		+	+	+	+
29	ε̄çíâíâíε̄ý ííε̄íæâíε̄ý	+				+	+
30	í+ε̄úâíε̄ý	+		+		+	+

31	púòúy						
32	íápááíòèè	+		+		+	+
33	ííápáááíéy íáíáóø.íáúáéòà					+	
34	-"- íáóóááè.íáúáéòà					+	
35	èçáááéáíéy						+
36	pàçpóóáíéy					+	
37	èèóáíéy æèçíè						+
38	ípiíèòúáíéy						+
39	ñíááèíáíéy	+		+	+	+	+
40	pàçááéáíéy	+					+
41	íóááéáíéy					+	+
42	íòpèòáòáèúííáí áíçááéñóáèy					+	+
43	ípèñíááèíáíéy						+
Ñíçèááíèà							
44	ñíçááíéy íáúáéòà á pàç. ÈÒÃ					+	+
45	-"- á pàç. èíóáééáèò.ááyò.					+	+
46	ípèáíòíáéáíéy íèùè					+	+
47	ípèáíòíáéáíéy áipíè					+	+
48	ñíáèpáíéy					+	+
49	ápàòè+áñéíé èíóípiàòèè	+		+	+	+	+
50	ípèáááíèà á ípáííáá ñíñò.					+	+
Èíóáééáèòáèúíáy ááyòáèúííñòú							
51	áíñípeyòèy	+		+	+	+	+
52	íííèíáíéy					+	+
53	ííçíáíéy					+	+
54	íúøéáíéy					+	+
55	ñpááíáíéy					+	+
56	áúáípa					+	+
57	páóáíéy					+	+
58	áííápáæáíéy	+		+		+	+
59	íipáááéáíéy					+	+
60	ípèçíáíéy					+	+
61	ípíáápèè					+	+
Dá+áááy ááyòáèúííñòú							
62	pá+è	+	+	+	+	+	+
63	ñííáúáíéy					+	+
64	íáúáíéy	+	+		+	+	+
65	íápàúáíéy					+	+
66	pá+ááíáí áíçááéñóáèy	+	+	+	+	+	+
Ñíòèáèúíáy ááyòáèúííñòú							
67	áíñòèæáíéy óáèè			+		+	+
68	íáúáñòá.-ííèèò.ááyòáèúííñòè	+			+	+	+
69	èçááíéy					+	+
70	èñííèúçíááíéy					+	+
71	èñííèíáíéy óóáíæ.ípièçááá.	+	+	+	+	+	+
72	èçíápáæáíéy					+	+
73	íñòúáñòáéáíéy					+	+
74	ípíòèáíááèñóáèy					+	+
75	ípíòáññèè			+	+	+	+

<p> + + + + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + </p>
<p> + + + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + </p>	<p> + + + + + + + + + + + + + + + + + + </p>
<p> + + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + + + + + + + + + + </p>
<p> + + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + </p>
<p> + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + + + + + </p>	<p> + + + + + + + + + </p>

76	ifnðóíeà, ifááááíeý	+	+	+	+	+	+	+
77	ðeçèíeíãe+ãnèèð äæfnðàeé	+	+		+	+	+	+
78	çáo+áíeý	+	+	+	+	+	+	+

xanðu 2. Íieä "Áúðeä. Ñifnðíyíeä"

N	ËÑÄ	Ñ í î ñ ï á ú ä é ä ä							
		1.1 Óaçíáúá					1.2 fãpái.- ápáiái.		
		1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	2.1	2.2	

Í í e ä " Á ú ð e ä . Ñ í ñ ò í y í e ä "

Áúðeä									
79	ifpíæááíeý							+	+
80	áiçíeéííáíeý							+	+
81	íä+äeä níáúðeý								
82	íä+äeä áúðeý	+							+
83	áúðeý							+	+
84	ifnúãñðæeáíeý níáúðeý								
85	áúðeý á ifnñopáifnðáá							+	+
86	áúðeý áí ápáiáíe							+	+
87	çáãáppóáíeý äæfnðæý					+			
88	ifáêpáúáíeý áúðeý					+			+
89	eñ+áčííááíeý								+
90	-"- íóéóää-ééáí					+	+	+	+
91	óíe+òíæáíeý								+
Ñifnðíyíeä, eä+ãnðáí									
92	nðáííæeáíeý ðeçe+.eä+ãnðä								
93	-"- óääóíáíáí ifeçíáeä								+
94	-"- áíáøíeð ifeçíáeíá								
95	-"- áíóppáííeð eä+ãnðä								
96	-"- níðeäeúíúð eä+ãnðä								
97	iflyáeáíeä eä+ãnðáá				+				
98	áifnifpèyðeä eä+ãnðáá	+	+		+	+		+	+
99	áúääeáíeä íí eä+ãnðáó	+	+		+			+	+
100	eä+ãnðáááííá eçíáíáíeä							+	+
101	eíeè+ãnðááííá eçíáíáíeä							+	+
102	óppáðä eä+ãnðáá							+	+
103	íápàçä æeçíe	+	+		+			+	+
104	ifááúääíeý á yííðeíí.níñð.	+	+		+	+		+	+
105	nðáííæeáíeý á yííðeíí.níñð.	+	+		+			+	+
106	ipeääááíeý á yííðeíí.níñð.				+			+	+
107	ðeçeíeííæ+ãnèíá níñðíyíeä	+	+		+	+		+	+
108	ifááúääíeä á óóíeðeíí.níñð.	+	+		+			+	+
109	ipeääááíeä á óóíeðeíí.níñð.								+

×àñòù 3. Ííèá "íòííøáíèá"

N	ÈÑÃ	Ñ í î ñ í á ù á è à á í è						
		1.1 Óàçíáùá			1.2 Íáðáí.- áðáíáí.			
		1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	2.1	2.2
Í í è á " í ò í í ø á í è á "								
Ãçàèííòííøáíèý								
110	ãçàèííñáÿçè						+	+
111	çáíáíú						+	+
Ãèääáíèá								
112	ííèñèá íáúáèðá						+	+
113	ãçÿðèý á ðóéó			+				+
114	èçáèá+áíèý íáúáèðá						+	+
115	ííéó+áíèý íáúáèðá á èíèè+.						+	+
116	ííéó+áíèý íáúáèðá							+
117	íò+øãääíèý íáúáèðá							+
118	èíííáíñèð.íáðáðáíèý							+
119	íáèääáíèý							
120	ñíòðáíáíèý						+	+
121	óòðáðòù íáúáèðá							
122	èèøáíèý íáúáèðá							+
123	íáðááá+è íáúáèðá						+	+
Ìáæè+ííñòíúá íòííøáíèý								
124	ÿííòèííáèúííá íòííøáíèá	+			+		+	+
125	áíáøíáá íðíÿáèáíèá íòííøáíèý	+	+	+			+	+
126	áíáíáíðáííñòè							
127	ðáñííèíáíèý è ñááá						+	+
Ñíóèáèúíúá íòííøáíèý								
128	ííáááù						+	+
129	íðèíóøääíèý						+	+
130	áèèÿíèý						+	+
131	óááæääíèý						+	+
132	ííá+èíáíèý							+
133	çàùèðù						+	+
134	ííííùè						+	+
135	íááñíá+áíèý				+			+
136	óíðááèáíèý							
137	çáíðáðá, ðàçðáðáíèý							

ТАП представляет собой парадигматическую единицу, абстрагированную от конкретных акционсартных парадигм (КАП) каждого глагола в ЛСГ, и включает в свой состав все потенциально возможные дериваты акционсартной семантики, мотивируемые глаголами данной ЛСГ. Возможно, что такой потенциальный набор производных не встретится в полном объеме ни у одного глагола данной ЛСГ, но он выводится из анализа КАП всех глаголов данной группы.

Единицей анализа ТАП может служить как отдельный СГД, выделяемый на основе конкретной акционсартной семы, так и акционсартное подполе, передающее тот или иной акционсартный признак действия: его фазовость, ограничительно-временную длительность, субъектно-объектную перспективу действия, его краткость, фонопредикативность или интенсивность.

Выбор единицы анализа определяется конкретными потребностями анализа акционсартных явлений. При этом необходимо учитывать, что на уровне акционсартного подполя акционсартные парадигмы многих ЛСГ не отличаются друг от друга, хотя на уровне акционсартных сем их различия очевидны. Уровень СГД (акционсартных сем) обладает большей различительной силой, чем уровень акционсартных признаков (подполей). Это позволяет рекомендовать использовать именно этот уровень — уровень акционсартных сем и конкретных СГД — для первичных типологических исследований.

Типовую акционсартную парадигму имеют лексико-семантические классы разного типа: классифицирующие парадигмы (ЛСГ) — и суперпарадигмы (семантические подполя и поля). В соответствии с этим можно выделить следующие виды акционсартных парадигм:

- КАП (акционсартная парадигма конкретного глагола, мотивируемая конкретным глаголом);
- ТАП ЛСГ (типовая акционсартная парадигма, мотивируемая классифицирующей лексической парадигмой — ЛСГ);
- ТАП подполя (типовая акционсартная парадигма, мотивируемая суперпарадигмой первого уровня — лексико-семантическим подполем, например, подполем движения, перемещения, физического воздействия на объект и под.);
- ТАП поля (типовая акционсартная парадигма, мотивируемая лексико-семантическим полем — суперпарадигмой второго уровня);
- ТАП глагола как части речи (типовая акционсартная парадигма, мотивируемая грамматическим классом слов — глаголом).

Все эти парадигмы обладают специфическими особенностями и позволяют вскрыть закономерности образования акционсартных дериватов, основанные на особенностях лексической семантики разных уровней абстракции.

Анализ результатов исследования, отраженных в таблицах № 3–5, позволяет обратить внимание на некоторые особенности взаимозависимости, существующей между ЛСГ и СГД.

Таблица 4

СГД лексико-семантические подполя русского глагола

№АА	Ḗāēnēēī-nāīāīōē+ānēīā īfāīīēā																		
	Āāēnōāēā ē āāyōāēūīfōū										Āūōēā, nīnōīyīēā			īōīfōāīēā					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	1	2	3	4	5	6	1	2	3
1.1.1	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-
1.1.2	+	-	-	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+
1.1.3	+	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	-
1.1.4	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-
1.1.5	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-
1.2.1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
1.2.2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2.1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-
2.2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
2.3	+	+	-	+	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-
2.4	+	+	-	+	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-
3.1	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+
3.2	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
3.3	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
3.4	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
3.5	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
4.1	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4.2	-	-	+	+	+	+	-	-	+	-	-	-	+	-	+	+	-	+	-
4.3	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	-	-	+	-	+	+	-	+	+
4.4	-	-	+	+	+	-	+	-	+	+	+	-	-	-	+	+	-	+	-
4.5	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+
4.6	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-
4.7	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	+	+
4.8	-	+	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
4.9	+	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-
4.10	+	-	-	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
5.1	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+
5.2	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
5.3	+	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
5.4	+	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
5.5	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+
5.6	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Примечание: В поле «Действие и деятельность» (ТИС ЛСГ) выделяются подполя: 1. подполе глаголов движения; 2. перемещения; 3. помещения; 4. конкретной физической деятельности; 5. созидательной дея-

тельности; 6. интеллектуальной деятельности; 7. речевой деятельности; 8. социальной деятельности; 9. физиологической деятельности; 10. звучания;

в поле «Бытие, состояние, качество» — подполя глаголов: 1. бытия; 2. качества; 3. образа жизни; 4. эмоционального состояния; 5. физиологического состояния; 6. функционального состояния;

в поле «Отношение» — подполя глаголов: 1. взаимосвязи; 2. владения; 3. эмоционального отношения; 4. межличностных отношений.

Таблица 5

СГДи лексико-семантические поля русского глагола

NĀĀ	Ĕāēñēēī-nāiāiōē+āñēiā iīēā		
	Āāēñōāēā	Nīñōiŷiēā	īōiīōāiēā
1.1.1	+	+	+
1.1.2	+	+	+
1.1.3	+	+	+
1.1.4	+	+	-
1.1.5	+	+	+
1.2.1	+	+	+
1.2.2	+	+	+
2.1	+	+	-
2.2	+	+	+
2.3	+	+	-
2.4	+	+	-
3.1	+	+	+
3.2	+	-	-
3.3	+	-	+
3.4	+	-	+
3.5	+	+	-
4.1	+	+	+
4.2	+	+	+
4.3	+	+	+
4.4	+	+	+
4.5	+	+	+
4.6	+	+	-
4.7	+	+	+
4.8	+	-	-
4.9	+	+	-
4.10	+	-	+
5.1	+	+	+
5.2	+	-	+
5.3	+	-	+
5.4	+	+	+
5.5	+	+	+
5.6	+	+	+

Первое. ТАП глагола как части речи складывается из дериватов 32 разных СГД. Такую полную ТАП не имеет ни одна ЛСГ, ни одно подполе русских глаголов. Она мотивируется только лексико-семантической суперпарадигмой — полем «Действие и деятельность» — или глаголом как частью речи в целом (см. табл 5). Это свидетельствует о том, что ни один конкретный русский глагол не может видоизменяться во всех аспектах, которые предполагает модификационное акционсартное внутриглагольное словообразование.

В целом явно прослеживается следующая закономерность: чем более конкретна семантика мотиватора, тем меньше объем АП и стандартнее набор составляющих ее дериватов. Так, ТАП «Действие и деятельность» состоит из 32 разных СГД, а ТАП его подполей колеблется в пределах 11—17 СГД; объем ТАП лексико-семантических групп этого поля состоит из дериватов 2 — 16 СГД; объем КАП любого глагола той или иной ЛСГ, как правило, значительно меньше объема ТАП ЛСГ. Аналогично положение и во всех других полях, образующих их подполя и ЛСГ, ср. объем ТАП поля «Бытие, качество, состояние» равен 25 СГД, его подполей — 6—17 СГД, объем ЛСГ — от 3 до 16 СГД. ТАП поля «Отношение» складывается из дериватов 23 СГД, ТАП его подполей — из дериватов 6—16 СГД, объем ТАП ЛСГ колеблется в пределах производных 3—14 СГД. При этом обращает на себя внимание то, что ТАП ни одного подполя не достигает по объему максимально большого уровня ТАП поля; ТАП ни одной ЛСГ не достигает уровня ТАП подполя, КАП — уровня ТАП ЛСГ.

Данная закономерность (уменьшение величины АП по мере продвижения от уровня лексико-семантического поля к уровню конкретного глагола) обусловлена тем, что на этом пути акционсартпорождающие возможности глагола постепенно ограничиваются все более конкретными и капризными лексическими закономерностями словообразования, а также теми формально-семантическими запретами на сочетаемость морфем, которые нерелевантны для более высоких семантических «уровней» мотиватора.

Второе. Наибольшее количество ЛСГ обладают ТАП, состоящей из дериватов от 3 до 13 акционсартных значений. ЛСГ большего и меньшего объема единичны.

Глаголы, образующие ТАП малой величины, семантически разнородны и случайны: они принадлежат разным полям и под полям; к таким семантическим классам относятся, в частности, ЛСГ однонаправленного движения, ориентированного относительно конечного или промежуточного пункта; глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного пункта; глаголы запрета и проявления качества.

К ним примыкают также ЛСГ глаголов межличностных отношений, бытия, существования, становления качества, разнообразие дериватов которых колеблется в пределах от 2 до 6 СГД. Эти ЛСГ, относящиеся к разным полям, но к совершенно определенным подполям в них (1.1.1., 1.2, 2.1, 2.2, 3.1, 3.2, 3.4) явно не склонны к акционсартной модификации действия. В целом среди них преобладают глаголы двух полей: «Отношение» и «Бытие, состояние, качество». Среди ЛСГ, мотивирующих ТАП большого объема и разнородной акционсартной семантики, явно доминируют глаголы речи и звучания (группы ‘характеризованная речевая деятельность’, ‘речевое общение’, ‘речевое воздействие’, ‘звучание’), физиологического действия и состояния, восприятия и внешнего проявления эмоционального отношения, которое также предполагает процесс восприятия. ТАП большого объема мотивируют также ЛСГ графической передачи информации, пропитывания объекта и поступка. Все данные глаголы имеют общие семантические особенности: их лексические значения максимально конкретны и обозначают когнитивно значимые, первичные, базовые для человека действия. Подавляющее большинство этих глаголов принадлежит полю «Действие и деятельность» или примыкает к нему по характеру передаваемого значения. Так, глаголы эмоционального, физиологического или функционального состояния, глаголы проявления эмоционального отношения, мотивирующие ТАП, состоящую из дериватов 7–10 разных СГД, обозначают действия, имеющие конкретные физические проявления (кинестетические, звуковые, зрительные и иные), поддающиеся наблюдению и восприятию с помощью органов чувств. Глаголы именно таких ЛСГ максимально склонны к акционсартной модификации действия, хотя и не могут реализовать все предоставляемые языком возможности такого варьирования.

Третье. Как показывают наблюдения, почти каждая ЛСГ русских глаголов имеет свою специфическую ТАП. 138 ЛСГ русских глаголов, выделенных в «Толковом идеографическом словаре русских глаголов», мотивируют ТАП 124 типов. Это обстоятельство, как нам кажется, позволяет усомниться в том, что «сколько-нибудь устойчивого соответствия между лексико-семантическими группами (полями) и словообразовательными типами нет» (Янценецкая 1979: 21). Такое соответствие явно просматривается, по крайней мере, в области тех моделей, по которым создаются акционсартные дериваты, поскольку типы АП, являющихся одинаковыми для нескольких ЛСГ, единичны.

Объем и степень сложности ТАП могут варьироваться в значительных пределах: содержать акционсартные производные от 1 до 9 разных СГД. Это такие ТАП, как:

1) ТАП, состоящая из дериватов со значением многократного действия (СГД 2.2); ее имеют 2 группы ЛСГ: глаголы однонаправленного движения субъекта, ориентированного относительно промежуточного пункта (*обойти* → *обхаживать*), и глаголы управления (*поручить* → *поручать*, *заказать* → *заказывать не раз*);

2) ТАП, состоящая из дериватов со значением многократности действия и охвата им всех объектов по очереди (2.2 + 5.6); ее образуют глаголы избавления (*избавлять не раз + поизбавлять всех от чего-л.*) и разрешения или запрета (*отсрочивать платежи не раз + поотсрочить все платежи*);

3) ТАП = 4.1 (общерезультативный СГД) + 4.3 (смягчительный СГД) + 5.5 (распределительно- субъектный СГД) – ЛСГ глаголов становления внешнего, внутреннего и социального признаков человека (*ослепнуть + поослепнуть немного + поослепнуть всем; осмелеть + поосмелеть немного + поосмелеть всем; обеднеть + пообеднеть немного + пообеднеть всем*);

4) ТАП = 1.2.1 (длительно-ограничительный СГД) + 1.2.2 (делimitативно-ограничительный СГД) + 2.2 (многократный СГД) + 3.4 (репродуктивный СГД) + 3.5 (реформативно-повторительный СГД) + 4.1 (общерезультативный СГД) + 5.1 (собственно-возвратный СГД) + 5.5 (распределительно-субъектный СГД) + 5.6 (распределительно-объектный СГД) – ЛСГ глаголов кругового покрытия объекта (*пробинтовать целый час + побинтовать какое-то время + завертывать не раз + забинтовать + перебинтовать еще раз + перебинтовать еще раз иначе + завертываться 'завертывать себя' + позавертывались все в одеяла + позавертывать всех*) и скрытия объекта (*попрятать какую-л. вещь целый день + попрятать какое-то время + упрятывать не раз + перепрятать еще раз + иначе + спрятать + спрятаться под одеялом 'спрятать себя' + попрятаться всем + попрятать всех*);

5) ТАП = 1.2.1 (длительно-ограничительный СГД) + 1.2.2 (делimitативно-ограничительный) + 2.2 (многократный) + 5.6 (распределительно-объектный) – ЛСГ глаголов однонаправленного перемещения (*пропереливать воду целый час + попереливать недолго + переливать не раз + повкатывать все шары на место*); глаголов получения объекта в определенном количестве (*пронаживать что-л. всю жизнь + понаживать какое-то время + набирать не раз + понадергать всего из грядок*);

6) ТАП = 1.2.1 (длительно-ограничительный) + 1.2.2 (делimitативно-ограничительный) + 2.2 (многократный) + 4.1 (общерезультативный) – ЛСГ глаголов взаимосвязи (*поприспасабливаться к чему-л. целый час + поприспасабливаться какое-то время + приспасабливаться не раз + прореагировать*), сохранения (*проберечь*

деньги целый месяц + побережь какое-то время + приберегать не раз + сберечь), помощи (*проопекать весь год + поопекать какое-то время + помогать не раз + проконсультировать*);

7) ТАП = 1.2.1 (длительно-ограничительный) + 1.2.2 (делимитивно-ограничительный) + 2.2 (многократный) + 4.1 (общерезультативный) + 5.6 (распределительно-объектный) — ЛСГ глаголов победы (*прообьгрывать кого-либо весь год + пообьгрывать какое-то время + обьгрывать не раз + заглушить огонь противника + пообьграть всех*), влияния (*проприручать весь год + поприручать какое-то время + вовлекать не раз + помирить + пововлечь всех во что-либо*);

8) ТАП = 1.2.1 (длительно-ограничительный) + 1.1.2 (делимитивно-ограничительный) + 2.2 (многократный) + 4.1 (общерезультативный) + 5.5 (распределительно-субъектный) + 5.6 (распределительно-объектный) — ЛСГ глаголов сравнения (*просверять счета весь день + посверять какое-то время + сопоставлять не раз + проэкзаменовать + все перепробовали + перепробовать всё*), уничтожения (*провырубать лес все лето + повырубать какое-то время + выжигать не раз + сжечь + все лампочки погорали + повыжечь все леса*) и замены (*прозаменять двигатель весь вечер + позаменять какое-то время + обмениваться не раз + заместить + все пообменялись значками + пообменять все лишние марки*).

ТАП, являющиеся общими для нескольких ЛСГ, обладают определенным сходством: в них обязательно есть дериваты со значением многократного СГД, составляющие инвариантную часть ТАП; в варьирующейся части ТАП присутствуют производные только определенной акционсартной семантики: дериваты со значением длительного или краткого промежутка времени, в течение которого совершается действие, со значением многократности и повторяемости действия в неизменном или измененном (ином) виде, а также со значением охвата действием всех объектов, субъектов или возвращения действия на его производителя, то есть дериваты СГД 1.2.1, 1.2.2, 2.2, 3.4, 3.5, 4.1, 5.5, 5.6.

Это самые «сильные» СГД — СГД, обладающие максимально широкой мотивационной базой и образующиеся от подавляющего большинства ЛСГ русских глаголов.

Анализ «объединяющих ЛСГ» ТАП обнаружил, что ЛСГ с одинаковыми ТАП могут быть как семантически близкими (см. ТАП № 3, № 6), так и достаточно далекими, принадлежащими разным глагольным полям или подполям (см. ТАП № 2, 5, 7, 8 и др.).

Установление корреляции между объемом ТАП и ЛСГ не снимает вопроса о том, дериваты каких акционсартных значений и почему образуются от глаголов тех или иных ЛСГ. Ответ на этот вопрос

невозможен без определения точных границ мотивационной базы акционсартных классов слов.

Как показывают наблюдения (см. табл. 3–5, РГ, § 1415–1435), акционсартные классы русских глаголов обладают неоднотипной лексико-семантической «силой» — способностью мотивироваться глаголами разных лексических значений. Проведенный анализ соотношения ЛСГ и СГД позволяет следующим образом определить мотивационную базу каждого акционсартного класса.

Фазовые СГД. Фазовые СГД достаточно полно и хорошо описаны в научно-исследовательской литературе.

Лексико-семантический класс фазовых глаголов включает в свой состав около 150 глаголов со свободными и связанными корнями: (*начать, приняться, продолжать, кончить, перестать, прекратить, взяться, браться, наброситься, кинуться, рваться, встать, лезть, удариться* и под. (В. Н. Белоусов, Коваленко, Фетискина и др.). Такие глаголы указывают на момент протекания действия: его начало, фазу продолжения действия, фазу перехода от одного действия к другому и возобновления действия, фазу прекращения действия (Белоусов: 196). Семантика деривационно-грамматических групп фазовых глаголов более узка: она охватывает лишь начало и конец действия — две фазы, в то время как ЛСГ в целом — все четыре.

Данная ЛСГ фазовых глаголов может быть существенно пополнена глаголами соответствующих акционсартных классов: глаголами со значением начинательного, начинательно-усилительного, начинательно-результативного, финитивного и завершительного СГД. По подсчетам Л. А. Вараксина, начинательный СГД включает в свой состав 695 глаголов с префиксом *за-*, финитивный — 140 глаголов с префиксом *от-* и значением прекращения действия (Вараксин 1996: 129); по нашим наблюдениям, основанным на сплошной выборке соответствующих глаголов из МАСа, завершительно-ограничительный СГД может быть пополнен 118 глаголами (*добелить, добить, добрать, добрить, доварить, довертеть, довершить, довить, довоевать, довооружить (-ся), довыполнить, довязать, доглядеть, договорить, догрести, догрузить* и под.: все они толкуются по формуле «окончить действие, н. м. г.»); начинательно-усилительный СГД — примерно 50 глаголами (*взалкать* ‘сильно, страстно **захотеть**’, *взахаться* ‘начать усиленно ахать...’, *взвыть* ‘громко **заплакать, заголосить**’, *вздуматься* ‘**захотеться**, прийти на мысль’, *взречь* ‘начать реветь’, *вскипеть* ‘начать кипеть’ и под.: они толкуются двумя способами: по формуле «начать действие, н. м. г., внезапно и интенсивно» или через глагол начинательного СГД).

В результате этого объем ЛСГ фазовых глаголов может быть увеличен примерно в 6 – 7 раз (а, может быть, и больше, если учесть, что подсчетов количества дериватов начинательного СГД с приставкой *по-* пока нет).

Значимость фазовых СГД для лексико-семантического пространства русского глагола проявляется не только в том, что их количество много, но и в том, что фазовые СГД обладают достаточно широкой мотивационной базой: они образуются почти от трети всех глагольных ЛСГ. Наиболее активно образуют фазовые акционсартные производные глаголы полей «Действие и деятельность» и «Бытие, качество, состояние». Особенно активно мотивируют их глаголы поступательного разнонаправленного (*бегать, ходить*) и непоступательного движения (*крутиться, качаться*); глаголы подполей физического воздействия на объект, созидательной, речевой и физиологической деятельности, подполя звучание; подполя проявления качества, образа жизни, эмоционального, физиологического и функционального состояний. Все глаголы этих ЛСГ и подполей обладают конкретными лексическими значениями.

Широкая мотивационная база фазовых глаголов все-таки не позволяет согласиться с широко распространенным мнением о том, что фазовые СГД образуются практически свободно, без всяких ограничений от глаголов любой семантики. Определенные ограничения (и притом существенные, поскольку они охватывают две трети всех глагольных ЛСГ) есть.

Как показывают наши наблюдения (табл. 3), не имеют фазовых СГД в поле «Действие и деятельность» такие ЛСГ, как глаголы перемещения (за исключением глаголов кругового перемещения: *закрутить* ‘начать крутить’ и разнонаправленного движения: *забегать* ‘начать бегать’); в поле «Бытие, состояние, качество» — ЛСГ становления качества и подполя бытия; в поле «Отношение» — почти все ЛСГ всех подполей: взаимосвязи, обладания (за исключением глаголов дачи и присвоения объекта: *додать* ‘перестать давать’ и *добрать* ‘перестать брать’), межличностных отношений (за исключением ЛСГ обеспечения: *довооружить* ‘перестать вооружать после доведения действия до конца’).

Особенно редко мотивируются фазовые СГД глаголами поля «Отношение». Исключение составляет только ЛСГ глаголов внешнего проявления эмоционального отношения, что объясняется их двойственностью: эти отношения имеют обязательное внешнее проявление в кинестических, звуковых и иных формах. Последняя особенность сближает данные глаголы с лексемами первого поля «Действие и деятельность», которые являются максимально активными мотиваторами акционсартных фазовых дериватов.

Отсутствие у глаголов определенной ЛСГ дериватов со значением фазовости обусловлено, на наш взгляд, двумя основными причинами: первая имеет экстра-, вторая — внутрилингвистическую природу. Не мотивируют дериватов с фазовым значением глаголы тех ЛСГ, которые называют действие, по своей природе не предполагающее расчленения на фазы; таковы, например, глаголы активного воздействия на объект вплоть до нанесения ему значительного вреда и разрушения, глаголы избавления, уничтожения, глаголы использования, издания, замены, подполя обладания, межличностных отношений и бытия. Такие глаголы обычно обозначают действия, имеющие четкие, определенные границы, действия, не предполагающие существование какой-либо переходной фазы между их бытием и небытием, они либо есть, либо нет (от чего-л. можно постепенно избавляться и избавиться, но нельзя **отызбавляться*, **доизбавляться*, **заизбавляться*, **разызбавляться*).

Не мотивируют фазовые акционсартные производные и те глаголы, в лексическом значении которых уже содержится значение фазовости: таковы, в частности, глаголы начала и конца бытия — существования (см. соответствующие подполя поля З).

К ним примыкают глаголы, которые могли бы с точки зрения здравого смысла иметь фазы действия, но некоторые из них неактуальны для человека и его деятельности, например, глаголы интеллектуальной деятельности редко мотивируют фазовые акционсартные производные, поскольку в повседневной деятельности человека важен результат интеллектуальной деятельности человека (решить, осмыслить, определить, сравнить и т. п.), а не его начальная или конечная фаза.

Отсутствие фазовых дериватов, модифицирующих действие, может быть вызвано и внутрилингвистическими причинами словообразовательного характера. Аффиксы, передающие значение того или иного фазового СГД, присоединяются к мотиваторам некоторых ЛСГ в ином словообразовательном значении и создают иные модификации или мутации исходного действия. Так, присоединение префикса *до-* к глаголам со значением направленного движения и перемещения приводит к образованию мутационных производных с пространственной семантикой: *бежать* → *добежать до какого-л. места, какой-л. пространственной границы* (фазовое значение завершительности действия создается лишь в том случае, если глагол указывает на совершение действия до поределенной временной границы: *дочитать до конца, до середины, до двух часов ночи* и т. п.). Аналогичным образом присоединение приставок *за-*, *по-*, характеризующих начинательный СГД, или *от-*, свойственной финитивному СГД, к глаголам, обозначающим становление качества,

приводит к созданию дериватов с результативным значением: *черстветь* → *зачерстветь*, *теплеть* → *потеплеть*, *сыреть* → *отсыреть* и под. Наличие дериватов, обладающих тем же аффиксом, но иным значением, «запрещено» в этом случае узусом, а не системой языка.

Мотивационная база конкретных фазовых СГД неодинакова. Она несколько выше у СГД, указывающих на конечную, а не на начальную фазу действия. Наиболее часто от глаголов разных ЛСГ образуются глаголы начинательного и финитивного СГД, реже — глаголы начинательно-усилительного и завершительного СГД, наименьшее количество ЛСГ мотивирует дериваты с начинательно-результативным значением. Последние обнаруживают явную семантическую избирательность мотиваторов: глаголы начинательно-результативного СГД образуются в основном от глаголов подполя «состояние»: *возрадоваться*, *возликовать*, *вознегодовать*, *возненавидеть*, *взбунтоваться*, *взбесить(ся)*, *взалкать*, *взбушевать(ся)*, *вскипеть* и под.

Ограничительно-временные СГД. Данные акционсартные классы глаголов обладают чрезвычайно широкой (одной из самых больших) мотивационной базой (табл. 3): длительно-ограничительный СГД образуются примерно от 78% русских ЛСГ, делимитативно-ограничительный — от 80% СГД. Это свидетельствует о том, что признак ограниченной протяженности действия во времени чрезвычайно важен для характеристики почти любого действия.

Наиболее значим этот акционсартный признак для глаголов поля «Действие и деятельность»: 85% ЛСГ этого поля мотивируют глаголы с таким акционсартным значением; менее значим для полей «Бытие, состояние, качество» и «Отношение» — дериваты со значением ограниченной протяженности действия во времени мотивируются соответственно 72% и 68% всех входящих в них ЛСГ.

Длительно-ограничительный и делимитативно-ограничительный СГД образуются с различной активностью от глаголов разных полей (табл. 6). Глаголы полей «Действие и деятельность» и «Бытие, состояние, качество» чаще мотивируют глаголы со значением длительно-ограничительного, чем делимитативно-ограничительного СГД: их мотивируют соответственно 87% и 84% всех ЛСГ этого поля. Для глаголов поля «Отношение» более значим делимитативно-ограничительный СГД: его мотивируют 79% ЛСГ этого поля, в то время как длительно-ограничительный — только 57%. Вероятно, это обусловлено объективными различиями действий, относящихся к разным полям, и неодинаковой значимостью ограничительно-временных аспектов их протекания для человека. Глаголы первых двух полей часто обозначают действия, осуществляемые над неодуше-

ленным объектом (см., например, глаголы конкретного физического воздействия на объект, созидательной, интеллектуальной и иной деятельности) и потому более стабильные и длительные (например, становление качества обычно требует достаточно длительного временного промежутка). Глаголы же отношений обозначают действия — отношения, складывающиеся в основном между конкретными людьми или группами людей. Отношения между людьми менее устойчивы, более подвижны и подвержены изменениям, что обуславливает более частую актуализацию их кратковременности.

Таблица 6

Ограничительно-временные СГД лексико-семантические поля русских глаголов

Èáèñèèí-ñáìáí- òè+áñèíá ííèá	Äèèðáèüíí- íäpáíè+èðáèüíúé NÄÄ, %	Äèèèìèðàðèáíí- íäpáíè+èðáèüíúé NÄÄ, %
Äáèñðáèä è äá- ýðáèüííñòù	87	84
Áúðèä, ñíñòí- ýíèä, èä+áñòáí	74	71
Îðííøáíèä	57	79
Äñááí	78	80

Не мотивируют дериватов ограничительно-временного СГД лишь несколько ЛСГ: это глаголы однонаправленного движения (*идти, пойти, дойти, обойти* и под.), однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного пункта (*вынести, выбросить*), удара (*бить, стукнуть, ударить*), разрушения и повреждения неодушевленного объекта и живого существа, вплоть до лишения жизни (*бомбить, взорвать, громить, истереть, убить*), признания (*винить, браковать, каяться, оправдать*), глаголы осуществления событий (*бывать, вестись, длиться, осуществиться*), глаголы становления качества (*полнеть, стареть, умнеть*), глаголы обладания (*иметь, обладать*), глаголы установления контакта (*торговаться, договориться*) и глаголы обеспечения, разрешения-запрещения, управления (*автоматизировать, вооружать, управлять, властвовать, допускать, позволить*).

Данные ЛСГ не мотивируют акционсартных дериватов с ограничительно-временным значением по следующим причинам. Во-первых, ряд глаголов обозначает действие, осуществляющееся в один момент (*убить, взорвать, заколоть*); во-вторых, некоторые глаго-

лы не способны к актуальному употреблению (*равняться, соответствовать, обладать, владеть, любить, ненавидеть* и под.), что не позволяет им сочетаться с префиксами, обладающими ограничительно-временным значением (Сем. типы предикатов. 1982: 43 – 45); в-третьих, некоторые акционсартные дериваты могут быть не учтены составителями толковых словарей, но легко образуются от соответствующих глаголов и потенциально присутствуют в языке: *помучить, понападать, пооблудать, подлиться, поторговаться какое-то время*; в-третьих, префикс *по-* присоединяется к данным дериватам в ином акционсартном значении – создает смягчительный или результативный СГД: *побить какое-то время* и *побить слегка, пополнить как результат действия* и *пополнить слегка*.

Мотивационная база длительно-ограничительного СГД не включает в свой состав те же ЛСГ, что и мотивационная база ограничительно-временного СГД, а также такие ЛСГ, как глаголы подчинения (*заколдовать, монополизировать, подчинить, покорить*), глаголы лишения объекта (*грабить, обездолить, обезоружить, обокрасть*), глаголы приобретения объекта (*брать, отнять, купить, получить*), глаголы функционального состояния (*беречься, готовиться, жаждать, желать, гипнотизировать, дезорганизовать*). Причины отсутствия таких дериватов – те же, что и при «необразовании» глаголов ограничительно-временного СГД.

Кратные СГД. Акционсартные классы слов, указывающие на то, сколько раз совершается действие: один раз или больше, чем один, не раз, – формируются противопоставлением четырех СГД: двух однопризнаковых: однократного и многократного СГД (2.1 и 2. 2.) – и двух семантически сложных, многопризнаковых СГД: однократно-интенсивного (2. 3) и прерывисто-смягчительного (2.4); последние совмещают в своем значении признаки кратности и интенсивности действия.

Мотивационная база семантически простых акционсартных классов глаголов предельно широка: они мотивируются 90% всех глагольных ЛСГ, семантически сложных – значительно уже: их мотиваторы объединяют только 12% глагольных ЛСГ.

Мотивационная база однократно-интенсивного и прерывисто-смягчительного СГД очерчена в семантическом отношении достаточно строго и определенно: оба СГД мотивируются в основном глаголами трех подполей: перемещения объекта (*крутануть – покручивать, дергануть – подергивать, махнуть – помахивать*), физического воздействия на объект (*тряхануть – потряхивать, хлестануть – похлестывать*) и звучания (*щелкануть – пощелкивать пальцами, бичом, сказануть – поговаривать*), однократно-интенсивный СГД помимо того – глаголами движения, посту-

ка и эмоционального состояния (*шагануть, сигануть, хлебануть; игрануть, сыгрануть; психануть*), а прерывисто-смягчительный СГД — глаголами созидательной (группа графической передачи информации: *пописывать*) и физиологической деятельности (*покашливать, попить*).

СГД, совмещающие в своем значении признаки кратности и интенсивности, сосредоточены в основном в поле «Действия, деятельность»; они единичны в поле «Бытие, состояние, качество» и совершенно отсутствуют в поле «Отношение».

Анализ мотивационной базы однопризнаковых многократных СГД выявил две ее особенности.

Первая. Подавляющее большинство ЛСГ мотивирует многократный СГД, и лишь единичные ЛСГ — однократный. Это не означает, что большинство действий, передаваемых русскими глаголами, не может осуществляться однократно. Преобладание дериватов со значением многократного СГД над производными однократного СГД обусловлено тем, что указание на кратность действия заложено в семантике большинства русских непроемных глаголов. Поэтому деривационное выражение получает та сема кратности, которая отсутствует в значении непроемного глагола. Как показывают наблюдения, при узко-деривационном подходе к акционсартным классам глаголов из состава последних исключаются морфемно-маркированные единицы (*кричать, махать* и под.), имеющие значение многократности, но передающие его не деривационной, а основообразующей морфемой. Последнее и создает деривационную несимметричность данных акционсартных классов глаголов: в русском языке деривационное выражение значительно чаще получает сема многократности действия.

Вторая. По этой же причине дериваты с о значением однократности и многократности находятся в основном в отношениях взаимодополнения: одно из значений кратности обязательно получает деривационное оформление.

Не имеют модификационных производных со значением кратности лишь те глаголы, которые обозначают длительное по своей природе действие, для которого более актуальна именно его протяженность, а не кратность (см., например, глаголы становления признака), хотя последняя вполне может быть представлена в контексте синтаксическими средствами: *Она уже **не раз** полнела и худела*. Редкая востребованность данного значения не «выводит» его на уровень словообразовательной маркированности.

Фонопредикативные СГД. Взаимосвязанность предикатных значений резко отличает их от семантики идентифицирующих лексем, стремящихся к семантической независимости. Это предполагает су-

ществование и требует выделения особых фонопредикативных акционсартных классов глаголов и требует их выделения.

Фонопредикативные СГД указывают на соотношенность действия глагола-мотиватора с другим действием: действие глагола-мотиватора может предшествовать ему (3.1 проспективный СГД: *предугадать* — угадать до осуществления какого-л. действия), совершаться одновременно с ним (3.2 сопроводительный СГД: *подпевать* 'петь негромко, сопровождая какое-л. действие') или следовать за действием (3.3 ретроспективный СГД: *запить* 'выпить какой-либо жидкости после того, как что-то съедено: запить таблетку'); 3.4 репродуктивный СГД: *перечитать* 'прочитать еще раз'; 3.5 реформативно-повторительный СГД: *переписать* 'написать еще раз, иначе').

Наиболее часто образуются акционсартные глаголы, соотносящие действие с действием в прошлом: такие дериваты имеет 41% всех глагольных ЛСГ; значительно реже образуются глаголы проспективного СГД (14% всех ЛСГ); единичны случаи создания глаголов сопроводительного СГД (5% всех ЛСГ).

Проспективный СГД.

Подвляющее большинство ЛСГ, мотивирующих глаголы проспективного СГД, относится к полю «Действие и деятельность», при этом доминируют глаголы интеллектуальной, созидательной и речевой деятельности (*предуготовить; засолить, замариновать заранее; предощутить; предвидеть, предвосхитить; предугадать, предузнать; предрешить, задумать, замыслить; предназначить, предназначать, предопределить; предвозвестить, предвещать, предзнаменованть: предречь*). В поле «Бытие, состояние, качество» проспективный СГД имеют одиночные группы: ЛСГ глаголов осуществления событий (*предшествовать* 'происходить до чего-л. '), прекращения бытия (*предотвратить* 'заблаговременно устранить -отвратить- то, что угрожает помешать осуществлению чего-л. ') и каузирования эмоционального состояния или пребывания в нем (*предвкушать; предрасположить* 'заранее расположить, вызвать симпатию к кому-, чему-л. '). В поле «Отношения» акционсартные дериваты с проспективным значением имеют ЛСГ приобретения объекта (компенсированного приобретения: *закупить, заторговать; получения объекта: запродать*) и межличностных отношений: ЛСГ убеждения (*предубедить*) и защиты (*предостеречь, предохранить*).

Границы мотивационной базы проспективного ЛСГ обусловлены, как нам кажется, объективными особенностями обозначаемых ими действий. Глаголы всех этих ЛСГ передают действия, конечный результат которых в интеллектуальном или материальном пла-

не особенно важен для человека: это деятельность по созданию какого-л. объекта, накоплению его в том или ином количестве, по осмыслению и оценке чего-л., по формированию тех или иных межличностных отношений.

Сопроводительный СГД.

Этот акционсартный класс глаголов имеет четко очерченную мотивационную базу, обусловленную объективно — особенностями сопровождаемых и сопровождающих действий. Сопровождаются только те действия, которые совершаются живым существом, только теми действиями, которые может производить живое существо, то есть звуком, речью или движениями, производимыми частями тела.

В качестве мотиваторов сопроводительного СГД выступают ЛСГ глаголов речевой деятельности (*приговаривать, подкрикивать, пришептывать*), звучания (*подвизгивать, подвывать, прищелкивать, пристукивать, присвистывать, причмокивать, притопывать* — о звуке, *прицыкивать, прихлопывать*) и движения (*пришаркивать*). К глаголам звучания и речи примыкает ЛСГ исполнения художественных произведений: если это исполнение связано с движением или речью, то такие глаголы могут мотивировать дериваты со значением сопроводительного СГД: *пританцовывать, припевать, подпевать*.

Ретроспективный СГД. Глаголы данного акционсартного класса обозначают действия, которые являются реакцией на совершенное раньше действие. Поэтому мотивационная база данного СГД обусловлена объективными ограничениями в способах реагирования живого существа (преимущественно человека) на те или иные внешние раздражители (в данном случае — предшествующие действия).

Мотивируют дериваты со значением ретроспективного СГД ЛСГ речевого, письменного или иным образом проявляющегося общения (*отбранился, откликнуться, отозваться, отругиваться, отшутиться; отписать* ‘ответить кому-л. на письмо’, *отписаться* ‘написать формальный ответ, отделаться отпиской’; *отсмеиваться, отблагодарить, отдарить*); глаголы поступка (*отмстить, отомстить, отплатить*), защиты (*отбить, отбиться, отразить*) и физиологических действий (*запить, заесть, занюхать, зажевать*). Обращает на себя внимание преимущественно «защитительный» характер всех действий — реакций на уже произошедшее событие.

Репродуктивный и реформативно-повторительный СГД. В современной литературе высказывается предположение о том, что не существует строгих семантических ограничений для основ, способных мотивировать глаголы репродуктивного и реформативно-пов-

торительного СГД. Глаголы обоих акционсартных классов обозначают повторное осуществление действия, но первый — в неизменном виде, а второй — иным, измененным способом.

Как показывают наши наблюдения, мотивационная база данных СГД невелика (примерно 20% всех ЛСГ имеют такие дериваты) и определенным образом ограничена. Дериваты, обозначающие повторное действие, мотивируются в основном глаголами поля «Действие и деятельность», причем той его частью, которая объединяет предикаты, предполагающие наличие результата действия. Это глаголы изменения местоположения объекта (глаголы покрытия: *перебелить, перебинтовать, переложить*), физического воздействия на объект (*перекопать, переклеить, перелудить, перезолотить, перековать*), созидательной (*переварить, переверстать, пережарить, перевязать*), интеллектуальной (*переизбрать, перерешить, переопределить, перепроверить*), речевой (*пересказать*) и социальной деятельности (*переиздать, перерисовать*).

Очень немногие ЛСГ полей «Бытие, состояние, качество» и «Отношение» имеют подобные модификационные производные. Это ЛСГ начала бытия и имущественных отношений (*переналадить, регенерировать; переарендовать, переассигновать* и под.).

Ограничения мотивационной базы репродуктивного и реформативно-повторительного СГД связаны не только с особенностями семантики их мотиваторов, но и с деривационными причинами. Глаголы ряда ЛСГ присоединяют приставку *пере-*, используя иные ее значения: пространственные (*бежать* → *перебежать*) или количественные (*пережечь, переварить, пережарить* и под. обозначают действия, совершенные с чрезмерной интенсивностью). В последнем случае некоторые дериваты, сохранившие категориально-лексическую семантику мотиватора, формируют другой — чрезмерно-нормативный СГД.

По нашим данным, СГД, связанные с уже совершившимся действием («ретроспективные» в широком смысле) обладают неодинаковой продуктивностью. Наиболее часто образуются дериваты со значением реформативно-повторительного СГД, примерно в полтора раза реже — глаголы репродуктивного, в 4–5 раз — глаголы собственно ретроспективного СГД. Причины связаны, вероятно, с большей заинтересованностью человека в результатах действия, совершенного в иной, чем исходное действие, форме. Результаты повторного действия более предсказуемы и потому реже воплощаются в отдельном производном слове.

Квантитативно-предикативные СГД. Квантитативные характеристики действия, представляемые глаголами данных СГД, имеют большую когнитивную значимость для носителя языка. Они связа-

ны с качественной определенностью действия: значительные количественные изменения могут привести к существенным, качественным модификациям действия, например, совершение действия с максимально высокой интенсивностью или длительностью приводит к уничтожению объекта, орудия или иного компонента действия: *исписать* ‘истратить в результате длительного и интенсивного использования’, *пережечь* ‘уничтожить в результате слишком интенсивного или длительного жарения’; данные дериваты обозначают качественно иное действие, чем их производящие. Когнитивная значимость квантитативно-предикативных признаков действия обуславливает то, что группа акционсартных классов максимально велика среди всех СГД: состоит из 10 СГД, никакое другое акционсартное поле не имеет такой величины.

Квантитативные характеристики действия на уровне деривационно-грамматических классов хорошо структурированы. Они опираются на понятие нормы и группируются в три подполя. Первое состоит из общезначимого СГД, который передает действие, совершенное в соответствии с нормой до достижения нормальной, «нормативной» результативности: *петь — спеть, рисовать — нарисовать, растить — взрастить, мести — подмести* и под.

Два остальные поля обладают антонимичными значениями: одно объединяет СГД, обозначающие действия, совершаемые с незначительной интенсивностью, меньшей, чем нормативная, ведущая к появлению результата; другое — СГД, обозначающие действия, осуществляющиеся с высокой интенсивностью, превышающей норму.

К слабоинтенсивным СГД относятся недостаточно-нормативный (‘совершить действие с меньшей интенсивностью, в меньшей степени, чем положено’: *недоварить, недожарить*), смягчительный (‘с. д., н. м. г., с небольшой интенсивностью’: *подкрасить, поуспокоиться, примять слегка*), длительно- или кратно-смягчительный (‘с. д., н. м. г., с незначительной интенсивностью длительное время или несколько раз’: *насытывать, похаживать*) и уменьшительно-однократный СГД (‘с. д., н. м. г., со слабой интенсивностью один раз’: *прилгнуть, простирнуть*). К высокоинтенсивным СГД относятся такие акционсартные классы, как чрезмерно-нормативный СГД (‘с. д., н. м. г., с большей, чем нужно, интенсивностью’: *перемерзнуть* ‘замерзнуть очень сильно’, *перепугать, перепугаться, переконфузить* ‘сильно оконфузить’, *перекоробить, переволноваться*), интенсивно-кратный (‘с. д., н., м., г., долго, интенсивно, тщательно’: *выплясывать, отплясывать, наплясывать*), тотально-интенсивный объектный и субъектный СГД (‘с. д., н. м. г., с большой интенсивностью, распространив его на все объекты или субъекты

действия по очереди': *изранить всех сильно, иссохнуть, пересохнуть совсем*).

Принцип антонимичности охватывает все это акционсартное подполе. СГД внутри него также противопоставлены по этому признаку: недостаточно-нормативному СГД соответствует чрезмерно-нормативный, смягчительно-кратному — интенсивно-кратный, уменьшительно-однократному — однократно-интенсивный (последний, правда, по своей доминирующей семе относится к кратным СГД и входит в состав квантитативно-предикативных СГД не в основном своем акционсартном значении).

Обращает на себя внимание тот факт, что более развита группа слабоинтенсивных СГД: их количество равно пяти, в то время как сильноинтенсивных СГД — четыре. Кроме того, мотивационная база слабоинтенсивных СГД значительно больше мотивационной базы сильноинтенсивных СГД: первая колеблется от 7 до 14 лексико-семантических подполей (разные слабоинтенсивные СГД), вторая включает в свой состав только 6—11 подполей. Относительное доминирование слабоинтенсивных акционсартных классов обусловлено, вероятно, тем, что к сильноинтенсивным СГД примыкают специально-результативные деривационные типы, которые обозначают состояния, являющиеся результатом слишком интенсивного или длительного совершения действия, названного мотивирующим глаголом. Но данные дериваты относятся, по нашему мнению, к мутационным и не составляют модификационный СГД.

Мотивационная база квантитативно-предикативных СГД чрезвычайно обширна: почти каждая ЛСГ мотивирует дериваты хотя бы одного из таких СГД. Не имеют подобных производных только те ЛСГ, которые обозначают процесс, не требующий количественной оценки: это глаголы занятия (1. 8. 2: *хозяйничать, плотничать, столярничать*) и подполя бытия (2.1. 2: *жить, существовать, находиться, происходить*).

Максимально широка мотивационная база общерезультативного СГД: такие дериваты не образуются только от выше названных ЛСГ и тех групп, в которых значение результативности выражено иными, а не акционсартными деривационными средствами, например, глаголы группы выбора имеют значение результата: *брать что-л., выбирая, и наконец выбрать*, но это значение, выраженное префиксом *вы-*, возникает в результате мутационного словообразовательного процесса, изменяющего категориально-лексическую семантику мотиватора: *брать* — это глагол приобщения (получения) объекта, а *выбрать* — глагол ЛСГ выбора.

Недостаточно-нормативный и чрезмерно-нормативный СГД имеют примерно одинаковую мотивационную базу: если глагол моти-

вирует дериват одного из этих значений, то достаточно часто он образует и соотносительное с ним производное: *перезреть* — *недозреть*, *перепечь* — *недопечь*, *пересушить* — *недосушить*.

Дериваты данных СГД не образуются от глаголов движения, перемещения, бытия и межличностных отношений. Все остальные ЛСГ могут мотивировать производные с такими значениями.

Смягчительный СГД мотивируется семантически разнородными глаголами, среди них — подполя движения (*подкрутить*, *подвинтить*), помещения (*подзакрывать*, *приодеть*), физического воздействия на объект (*подзарядить*, *подкопать*), созидательной деятельности (*подсолить*, *подсобрать*), подполя становления качества (*подрасти*, *подсинить*) и другие. Среди мотиваторов явно доминируют два подполя: глаголы созидательной деятельности и проявления, становления и каузации качества. Очень редко мотивируют такие дериваты глаголы бытия, речи, движения, перемещения и интеллектуальной деятельности: глаголы бытия не допускают количественной характеристики (явление либо есть, либо его нет; человек либо живет, либо нет); многие глаголы движения и перемещения содержат признак интенсивности, скорости движения в значении корня: (*бежать* — *плестись* — *мчать* и под.), аналогичные смыслу есть и в значении глаголов речи (*шептать* — *говорить* — *кричать* — *орать*), последние к тому же мотивируют дериваты усилительно-начинающего СГД (*раскричаться*, *разораться* и под.).

Уменьшительно — однократный СГД имеет достаточно четко очерченную мотивационную базу. Такие дериваты образуются в основном от глаголов речи и звучания (*прихвастнуть*, *прилгнуть*, *сболтнуть*, *всхрапнуть*), эмоционального состояния и отношения (*всплакнуть*, *взгрустнуть*, *сгрустнуть*), физиологического состояния (*позевнуть*, *схлебнуть*, *соснуть*, *прихворнуть*), поступка и поведения (*сплутовать*, *струсить*, *свеликодушничать*, *соткровенничать*); изредка — от глаголов конкретного физического действия (*состирнуть*). Дериваты, формирующие этот СГД, образуют замкнутый и непродуктивный класс слов.

Семантически разнообразна и неоднотипна мотивационная база длительно-смягчительного и смягчительно-кратного СГД. Они мотивируются 15 ЛСГ, принадлежащими 11 подполям и 3 полям: *покачивать*, *поигрывать*, *посвистывать*, *побаливать*, *позевывать*, *поговаривать*, *повизгивать*, *позвякивать*, *подувать*, *покашливать*, *приторговывать*, *прихрамывать*, *прихлебывать*, *приворовывать*, *пришептывать*, *накрапывать*, *насвистывать*, *напевать*, *подпахивать*, *поднывать*, *подвирать*, *поддразнивать*, *подхихикивать*, *подкрахмаливать* и под. Их не имеют глаголы подполя помещения, физического воздействия на объект, интеллектуальной деятельнос-

ти, эмоционального и функционального состояния, а также глаголы межличностных отношений.

Глаголы интенсивно-кратного СГД в отличие от смягчительно-кратного имеют строго ограниченную мотивационную базу: они образуются от мотиваторов трех ЛСГ одного поля «Действие и деятельность»: от глаголов перемещения (*накручивать*), исполнения художественных произведений (*отплясывать, выплясывать, наплясывать, вытанцовывать*) и звучания (*названивать, вызванивать, высвистывать, отщелкивать, выщелкивать*). Это замкнутый и непродуктивный класс слов.

Мотивационная база глаголов тотально-интенсивного субъектного СГД также семантически определена. Дериваты этого акционсартного класса мотивируются в основном глаголами эмоционального (*переволноваться, переконфузиться*) или функционального состояния (*передрогнуть, иззябнуть, изболеться, издрогнуть, издрожаться, переязбнуть, измориться*), глаголами утраты или изменения качества (*изгнить, перемяться, перекосится, перекривиться, извалиться, извозиться, измазаться, измокнуть, перегреться*), значительно реже — глаголами кругового движения (*извертеться, искрутиться*), удара (*исколотся, избиться*), мысли (*издуматься*), достижения цели (*исхлопотаться*), поступка и поведения (*измодничаться*).

Глаголы тотально-интенсивного объектного СГД мотивируются преимущественно глаголами подполя физического воздействия на объект (*избить, избороздить, издолбить, издырывать, изжалить, изжечь, иззеленить*) и разнонаправленного движения (*избегать, избродить, излазить, излетать все места*).

В лексических значениях всех мотиваторов двух последних СГД присутствует общая сема — сема реально или потенциально отрицательного влияния последствий действия на его производителя: *колоть, бить, мучиться, мяться, хлопотать* и под.

Краткий обзор особенностей реальных мотиваторов модификационных глаголов с квантитативно-предикативными значениями позволяет утверждать, что основная причина широты или узости мотивационной базы таких СГД носит экстралингвистический характер и связаны с денотативно-сигнификативными компонентами значения глагола.

Субъектно-объектные СГД. Данное акционсартное поле формируется противопоставлением трех групп СГД: первую образуют собственно-возвратный и косвенно-возвратный СГД (5.1 и 5. 2), объединенные действием одного субъекта (5.1: ‘действие, н. м. г., производится над собой’ — *бриться* ‘брить себя’; 5. 2: ‘действие, н. м. г., совершается в своих интересах, для себя’ — *прибраться*

'прибрать у себя'); вторую — взаимно-субъектный и совместный СГД, передающие поочередные или совместные действия двух субъектов (5. 3: *переписываться* 'по очереди писать друг другу'; *сосуществовать* 'существовать вместе, одновременно'); третью — распределительно-субъектный и объектный СГД, которые обозначают действия, по очереди распространяемые на все объекты или субъекты (5. 5: *все повставали*; 5. 6: *переломать все стулья*).

Мотивационные базы этих СГД различны; они (базы) характеризуются не только в этом параграфе, но и в главе И. М. Волчковой, посвященной анализу всех возвратных глаголов русского языка.

Первые две группы глаголов обладают семантически определенной, строго очерченной мотивационной базой. Особенно узка она у глаголов косвенно-возвратного СГД, которые мотивируются глаголами всего 6 ЛСГ: глаголами создания объекта в результате физического (*строиться, построниться для себя*) или интеллектуального труда (*устраивать что-л. для себя*), глаголами помещения (*оставиться*), восстановления (*починиться, прибраться*), поиска (*раздобыться*) и обладания (*запасаться*). Все эти глаголы передают действия созидания, помещения, восстановления или овладения чем-л. для себя, в своих интересах.

Более широка, хотя также семантически определена, мотивационная база глаголов собственно-возвратного СГД. Дериваты с таким значением образуются от глаголов, обозначающих действия, которые субъект может осознанно произвести над собой сам. В качестве наиболее частых мотиваторов выступают глаголы одевания (*одеваться, раздеваться, обуваться, разуваться* 'разувать себя'), укрывания (*укрыться* 'укрыть себя'), покрытия чем-л. (*белиться, румяниться, гримироваться, помадиться, пудриться, мылиться, краситься*), удаления чего-л. (*бриться, стричься*), лишения жизни (*задушиться, отравиться, убиться, застрелиться*), эмоционального состояния (*сдерживаться, настраиваться, возбуждаться, унижаться, срамиться*), интеллектуальной деятельности (*оправдаться, воображаться* 'устар. воображать себя'), очищения (*мыться, умываться, очиститься*) и некоторые другие.

Семантически однородна мотивационная база совместного и взаимно-субъектного СГД. Дериваты, формирующие эти СГД, обычно образуются от глаголов речи и звучания (*перебраниться, переговариваться, перезваниваться, перездороваться, перекрикиваться, переругиваться, перешептываться, перестукиваться, пересвистываться; собеседовать*), интеллектуальной деятельности (*сопричислить, сопричь, соразмышлять; переглядываться, переглянуться*), глаголов эмоционального состояния или отношения (*перемигиваться, перемаргиваться, перещеловаться, перечокаться;*

перезнакомиться, передружиться; сопереживать, сопечалиться, сорадоваться). Для глаголов сопроводительного СГД также важны такие мотиваторы, как глаголы жизни и осуществления (*сожить, существовать, организовать, организоваться*); для глаголов взаимно-субъектного СГД — ЛСГ глаголов перемещения (*перестреливаться, перекинуться*). Все мотиваторы этих модификационных акционсартных дериватов обозначают действия, происходящие между людьми.

В отличие от рассмотренных выше субъектно-объектных СГД мотивационная база дистрибутивно-детерминантных СГД (распределительно-объектного и субъектного) семантически широка: реально она ограничена грамматически: принадлежностью глаголов к субъектным (5. 5) или объектным (5. 6): *перебеситься всем, многим; переболеть, перевалиться, перевидать* (о всех, многих), *перегаснуть, передохнуть, пережениться всем, перездороваться* (обо всех), *перекататься, перекачаться, переболеть, переколоть, прекрошиться, переломаться, перемазаться, перемараться, перемереть, перемерзнуть, перемириться, перемыться, перенюхаться, перепадать, перепиться, перерваться, перерегистрироваться, перетонуть* и под.; 5. 6: *переадресовать всех, многих, перебалавать, перебесить, перебинтовать, перебить, перебранить, перебраковать, перебрать, перебросать, перебудить, перебунтовать, перевалить, перевидать, перековать, перековеркать, переколотить, перекалечить, перегасить, перегладить, переглотать* и под. Обращает на себя внимание то, что среди мотиваторов количественно преобладают глаголы, обозначающие действия, которые обладают потенциально или реально неприятными последствиями для производителя (эта же сема присутствовала в значениях и тотально-интенсивных СГД).

Анализ особенностей мотивационной базы разных СГД обнаружил явно неодинаковую лексико-семантическую мощь акционсартных глагольных классов.

Она может быть «измерена» количественно: по тому, к скольким и каким лексико-семантическим полям, подполям и группам принадлежат мотиваторы того или иного СГД (табл. 7).

К самым сильным СГД, обладающим широкой, семантически не специализированной или слабо специализированной мотивационной базой относятся многократный, ограничительно-временные, общерезультативный, недостаточно-нормативный, распределительно-объектный и субъектный СГД. 80–90% ЛСГ русских глаголов всех трех лексико-семантических полей имеют модификаты с такими акционсартными значениями. Именно такие СГД максимально грамматикализованы. Причиной сужения их мотивационной базы явля-

ются особенности грамматической семантики мотивирующих глаголов: наличие или отсутствие в их значениях сем объектности, субъектности, результативности, длительности-процессуальности и подобных. Такие СГД можно назвать «сверхсильными», поскольку они поднялись над лексическими, денотативно-сигнификативными особенностями мотиваторов.

Таблица 7

**Мотивационная база (лексико-семантическая мощьность)
русских СГД**

ÑĀĀ	Èĭèè+ānōāī ēāēēēēī-nāīāīāīōē+āñēēō īāpāāēāī, īīōēāēōpōpūēō āāīīūā ÑĀĀ		
	īīēy	īīāīīēy	ÈÑĀ
1.1.1	3	16	36
1.1.2	3	13	23
1.1.3	3	9	16
1.1.4	2	14	33
1.1.5	3	11	30
1.2.1	3	19	105
1.2.2	3	20	113
2.1	2	12	18
2.2	3	19	122
2.3	2	6	17
2.4	2	9	15
3.1	3	9	19
3.2	1	3	4
3.3	2	5	5
3.4	2	7	29
3.5	2	7	23
4.1	3	18	122
4.2	3	10	92
4.3	3	14	39
4.4	3	8	12
4.5	3	13	15
4.6	2	9	15
4.7	3	11	15
4.8	1	3	19
4.9	2	7	12
4.10	2	6	14
5.1	3	9	17
5.2	2	3	16
5.3	2	5	10
5.4	3	8	13
5.5	3	12	58
5.6	3	17	91
Āñāāī	3	20	138

К сильным СГД надо отнести те акционсартные классы глаголов, которые мотивируются лексемами 22—40 ЛСГ, принадлежащих к двум-трем разным лексико-семантическим полям и охваты-

вающим более 10 подполей. Это такие СГД, как начинательный, финитивный, завершительно-ограничительный, репродуктивный, реформативно-повторительный и смягчительный СГД. Причины сужения мотивационной базы таких глаголов неоднородны: одна из них носит словообразовательный характер и заключается в использовании иного, чем в данном СГД, значения аффикса, который обычно применяется для создания данного акционсартного класса глаголов; другая обусловлена денотативно-сигнификативными особенностями лексического значения мотиватора.

Остальные акционсартные классы относятся к слабым СГД, обладающим незначительной лексико-семантической силой и зависящих в основном от капризов лексического значения мотивирующих их глаголов. Максимально лексичны сопроводительный, ретроспективный и косвенно-субъектный СГД.

ГЛАВА 2. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Известно, что система глагольных категорий, в отличие от системы субстантивных, включает в себя не только грамматические значения, связанные с отражением собственно глагольной информации (действие, состояние, отношение), но и значения, передающие информацию о качестве субъектной позиции, ориентированности в пространстве и времени, характере субъектно-объектных отношений. Предложенная Е. С. Кубряковой модель семантической структуры глагола содержит попытку реконструкции основных компонентов деятельности как феномена действительности, при этом семантика глагола трактуется «широко, как отвечающая позиции наблюдателя действия» (Кубрякова 1992: 84).

Возвратные глаголы представляют собой особую микросистему в составе русской глагольной лексики, возвратность рассматривается как одна из составляющих категории залога.

Категория залога до сих пор не получила достаточно четкого и однозначного определения в исследованиях как отечественных, так и зарубежных лингвистов (Мирославская 1990: 68 — 72). Наблюдаемое расширение трактовки залога связано с привлечением к рассмотрению в залоговом аспекте нового языкового материала, в результате чего залоговая проблематика «все чаще становится объектом синтаксиса и включается в общее исследование особенностей синтаксического выражения семантических валентностей предиката» (там же).

Языковая категория возвратности — это универсальная понятийно-языковая категория. Рассматривая возвратность как философскую категорию, Э. Бенвенист связал ее с «положением субъекта относительно процесса, в зависимости от того, является ли он по отношению к процессу внешним или внутренним» (Бенвенист 1974: 447).

Понятие возвратности отражает определенный этап развития сознания, когда человек сумел выделить себя из окружающего мира, сделал попытку заглянуть в свой внутренний мир (Гильбурд 1966). Различные способы и формы репрезентации в языке внутренней жизни человека (интеллектуальной, эмоциональной, психической) связаны с существованием имманентных категорий, среди которых выделяется и анализируемая категория. Эти категории (модальность, персональность) действуют как «призма», через которую человек видит мир, не искаженный, но пропущенный через собственное сознание, собственное «Я». Это «Я» есть часть его духовного мира, часть его культуры.

Познавая мир, человек познает и самого себя, выделяя себя и отделяя от этого мира, становясь «внешним (по Э. Бенвенисту) по отношению к процессу». Субъект действующий, субъект, испытывающий действие, и субъект познающий, то есть фиксирующий и оценивающий происходящее с позиций собственного «Я», на когнитивном уровне нераздельны, когда речь идет о философском аспекте категории возвратности и ее атрибуте — субъективности. Концепт «субъективности» выводим из понятия личности, которая «есть совокупность отношений человека к самому себе как некому другому. Отношение «Я» к самому себе как к некоторому «не-Я» (Ильенков 1984: 72). Отстраненность индивида от процессов, тех фрагментов действительности, которые связаны с ним непосредственно, позволяет оценивать происходящее как бы со стороны. Занимая позицию наблюдателя действия, создатель и носитель языка (в одном лице) использует элемент «не-Я» для отображения этих фрагментов. Таким элементом в языковой системе стали возвратное местоимение себя и постфикс *-ся*. Возвратность как языковая категория может быть обозначена как «способ действия» (Н. Некрасов, цит. по Янко-Триницкой 1962: 76), когда оно (действие) в силу внелингвистических причин замыкается на субъекте и находит выражение в специальных, приспособленных для этого указанных элементах. Фактор наблюдателя действия получает при этом статус системообразующего, он устанавливает определенную иерархию отношений между реальным субъектом и потенциальным объектом, в когнитивной сфере — между «Я» и «не-Я». Доминирующей видится позиция «Я»-субъекта, определяющего характер действия.

Возвратные глаголы, являющиеся носителями идеи «возвратнос-

ти», в семантическом плане неоднородны, при стандартности формы обладают явно выраженной нестандартностью содержания. Связано это с теми историческими процессами, в результате которых в значении возвратных глаголов «переплелись значения лексического, грамматического и словообразовательного порядка», утверждает Э. В. Глазырина (1963: 127). Превращение самостоятельного слова в часть слова, в морфему, обладающую чисто грамматическими характеристиками, свидетельствует о «победе грамматики над лексикой» (Глазырина, там же).

Проблема семантической классификации возвратных глаголов на разных уровнях абстракции (собственно грамматическом и лексико-семантическом) и пересекаемости различных групп возвратных глаголов достаточно сложна, поскольку сам материал генетически неоднороден, исторически противоречив, часто не отражает традиционно сложившиеся связи между словом и действительностью. «В языке может существовать то, что в мышлении фактически уже исчезло», — пишет Б. А. Серебrenников (1983: 249). Следовательно, происходит разрыв между традиционным восприятием класса возвратных глаголов и представлением о «мире», фиксируемым данными глаголами.

Терминологически определенная и значительная по объему группа возвратных глаголов остается во многом до сих пор «закрытой», требующей дальнейшего изучения. Грамматическая константа этого «формально-семантического класса» (Э. В. Кузнецова 1975:43), его формально выраженная непереходность ограничивает возможности исследования этой группы в ономаσιологическом аспекте.

Традиционная классификация возвратных глаголов по лексико-грамматическим разрядам в основе своей содержит признак принадлежности к возвратно-среднему залогу, то есть учитывает семантическую соотнесенность глагола с однокорневым невозвратным и семантическую значимость частицы *-ся*. Современные классификации возвратных глаголов (см. работы Н. А. Янко-Триницкой, Н. Б. Лебедевой, Э. И. Королева, А. А. Кретова, Т. А. Кильдибековой) являются попытками осуществить их парадигматическое описание по лексическим основаниям с использованием таких понятий, как включенный объект, направленность/ненаправленность действия, ядро и периферия поля залоговых отношений. Это совершенно закономерный этап в системном описании глагольной лексики в целом и возвратных глаголов как класса в частности. Лексико-семантическая классификация, являющаяся продолжением лексико-грамматической классификации, утверждает А. Л. Шарандин, «на том этапе, когда различительные возможности грамматики в отношении к лексике оказываются исчерпанными» (Шарандин 1992: 15).

Многочисленные наблюдения над семантикой возвратных глаголов показывают, что в значительном количестве случаев невозможно однозначное толкование их семантики, жесткое закрепление их за какой-либо семантической сферой (полем, группой). Часто спектр возможных смыслов настолько широк, объемен, что приходится учитывать самые разнообразные признаки, оказывающиеся релевантными для семантизации. Такими существенными для возвратных глаголов признаками являются одушевленность/неодушевленность субъекта, его качество (тип), лицо/нелицо, социальная значимость процесса. Это позволяет с определенной долей условности установить некоторые закономерности в связях между лексико-семантическими разрядами возвратных глаголов и лексико-семантическими группами, в которые входят эти глаголы.

На данном этапе описания мы не можем в силу специфики значения возвратного глагола проанализировать все лексико-семантические варианты лексемы. За единицу анализа нами принята глагольная лексема в основном ее значении, извлеченная из словаря «Лексико-семантические группы русских глаголов» (СС ЛСГ: 1988). Процесс описания достаточно формализован, мы опираемся на видимые генетические связи анализируемого глагола с невозвратными. В данном случае это может быть выражено в учете только лексического значения корневой морфемы, когда возвратный глагол заносится в соответствующую группу, например, *загноиться* ‘покрыться гноем’, *запечься* ‘покрыться румяной корочкой’, *замшеть* ‘покрыться мхом’, *заиндеветь* ‘покрыться инеем’: все глаголы в соответствии с семантикой корневой морфемы относятся к ЛСГ глаголов покрытия объекта. Или, наоборот, приходится отказываться от возвратных форм при имеющихся невозвратных с семантикой объекта действия (ср. *краситься*, *мазаться*, *мылиться* при имеющихся *красить* что?, *мазать* что?, *мыть* что?).

Мы видим свою задачу в том, чтобы, имея набор лексико-семантических групп русских глаголов, зафиксированных в Словаре-справочнике, определить в них место возвратных глаголов (далее — ВГ), входящих в соответствующий формально-семантический класс, построить их типологию.

Опираясь на известные классификации (Мучник 1971:76), мы представляем весь блок возвратных глаголов как образования с *-ся*, разделенные на группы по характеру соотношения с невозвратным глаголом (НВГ).

I. Не соотносимые с НВГ (нет соответствующих форм без *-ся*): *бояться*, *каяться*, *кривляться*, *куксить*, *насмехаться* и др.

II. Формально соотносимые с НВГ (есть соответствующие формы без *-ся*, но произошла полная изоляция значений, ВГ характе-

ризуется семантической неразложимостью значения): *отозваться, раздаваться, обойтись* и др.

Глаголы 1-ой и 2-ой групп не вызывают сомнений в их лексико-семантической характеристике и довольно просто включаются в ЛСГ по категориально-лексическим семам.

III. Содержательно соотносимые с НВГ:

1. НВГ с непереходным значением. Глаголы этой подгруппы рассматриваются нами вне залоговых соотношений.

2. НВГ с переходным значением:

а) образующие формы страдательного залога и не подлежащие рассмотрению (СС ЛСГ: 5);

б) образующие с частицей *-ся* формы возвратно-среднего залога, представляющие целую гамму залоговых значений. Залог этот считается категорией реликтовой, непродуктивной, носит ярко выраженный лексический характер. Условно называемая так частица *-ся* по сути является многозначной, многофункциональной. Под одной и той же грамматической оболочкой скрывается не одно-два, а целый ряд разноплановых лексических и грамматических явлений.

Формы залоговых значений по формальным признакам разделены на бесприставочные формы (БПформы) и приставочные формы (Пформы).

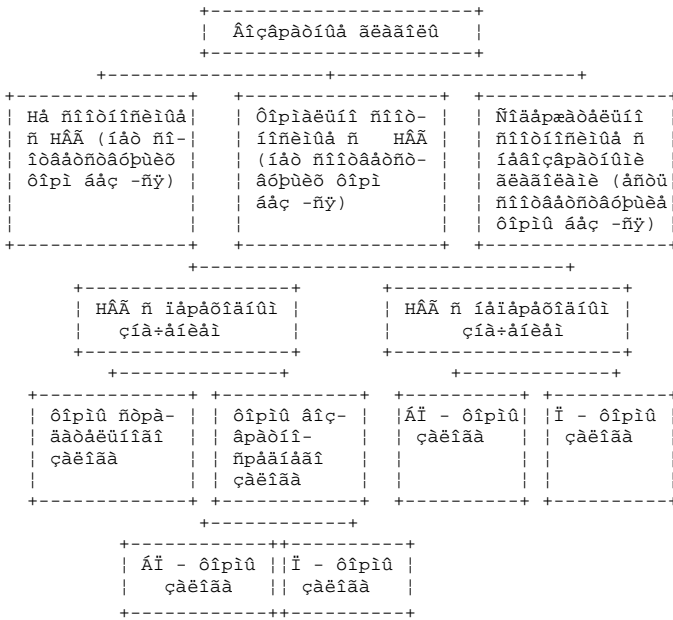
НВГ с непереходным значением также делятся по формальному признаку на бесприставочные и приставочные.

Стоящие вне категории залога глаголы I и II групп, а также глаголы III-ей группы, соотносимые с НВГ непереходными, не имеют пересеканности с лексико-грамматическими разрядами возвратных глаголов, образованных от переходных. Глаголы I и II групп выступают как самостоятельные образования, в синхронии полностью разошедшиеся по семантике с формами без *-ся*, ср.: *обойтись* не равно *обойти себя*; или полностью изолированные изначально, ср.: *кукситья, кривляться, каяться*.

Но и здесь, при полной семантической изоляции глаголов, обнаруживается их «антропоцентрическая сущность», заключающаяся в сильной субъектной семе. По существу, все возвратные глаголы необходимо семантизировать, исходя из учета именно этой субъектной семы, регулирующей семантику отношения данного глагола к миру вещей и понятий.

Глаголы отмеченных групп не вызывают практически сомнений в их семантической принадлежности и включении их в ту или иную лексико-семантическую группу. Формант *-ся* в глаголах этого класса (подкласса) выступает в функции морфологической «добавки», сигнализирующей о принадлежности данного глагола к сфере субъектных.

Группы возвратных глаголов по их соотношению с невозвратными

Сложности вызываются глаголами, содержательно соотносимыми с невозвратными, с переходными значениями. Функциональная многозначность форманта *-ся* во множестве случаев не позволяет однозначно ответить на вопрос: к какой лексико-семантической группе принадлежит глагол. Учет только корневой морфемы, ее семантики, приводит к существенным расхождениям в трактовке однотипных по структуре глаголов. Но группа форм, как приставочных, так и бесприставочных, представляющих действительный залог, достаточно широко представлена в словаре. «Между грамматическими значениями действительного и страдательного залогов лежит целая гамма промежуточных значений, выражаемых возвратными глаголами, формами медиума и др.», — пишет Б. А. Серебrennikov, отмечая переходный, расплывчатый характер семантики возвратности (Серебrennikov 1971: 203).

Описание возвратных глаголов в системе ЛСГ мы предполагаем сделать в следующем порядке:

- 1) описание ВГ, не соотносимых или формально соотносимых с НВГ;

2) описание ВГ, содержательно соотносимых с НВГ с непереходным значением;

3) Описание ВГ, содержательно соотносимых с НВГ с переходным значением.

Предварительно дадим некоторые статистические данные общего характера, полученные в результате анализа ВГ, представленных с учетом первичных основных значений в СС ЛСГ (см. табл.).

Таблица

Количественное распределение возвратных глаголов по лексико-семантическим полям

Νάλαιδὲ+ἀνήϊά ίϊέα	Ἄνάϊ ἄἄἄϊεϊά	Ἐϕ ἰῆδ αἰϕαπαδίουδ	Ὀί πα, ἄ %
Ἄἄἄδἄἄ	3063	508	17
Νἰνδῖϊεἄ	943	231	25
Ἰδῖϊῶἄἄ	546	71	14

По предварительным наблюдениям ВГ распределяются внутри семантических полей неравномерно, что связано с ориентацией глагольной семантики на сильные субъектные семы в их структуре. Естественным также является высокая представленность их в ЛСГ, семантика членов которых отражает действия субъекта, замкнутые в самом субъекте или направленные на субъект. Это, например, ЛСГ глаголов субъектного перемещения (*кататься, кидаться, надвинуться, струиться, взвиться, карабкаться, обвалиться* и др.); ЛСГ глаголов проникновения субъекта куда)либо, во что-либо (*ввалиться, включиться, ворваться, вторгнуться, очутиться* и др.); ЛСГ глаголов отделения (*отвинтиться, отвязаться, отколоться, отслоиться, сорваться* и др.); ЛСГ глаголов речевого общения, предполагающих совместные действия (*браниться, обратиться, проститься, ссориться* и др.); ЛСГ глаголов социальной целеустремленной деятельности (*соревноваться, стремиться, упражняться* и др.); ЛСГ глаголов поступка как социально значимой деятельности (*отважиться, отказаться, поступиться, провиниться* и др.); ЛСГ глаголов питания как проявления физиологических действий (*кормиться, лакомиться, насытиться, питаться, обжесть* и др.); ЛСГ глаголов проявления других разнообразных физиологических действий (*ежиться, жмуриться, морщиться, плевать, слезиться, щуриться*). Практически не представлены ВГ в подполе звучания, кроме глагола *залиться* (песней, лаем).

Семантика глаголов поля «Состояние», изначально ориентированная на субъект, активно проявляется в структуре членов практически каждой ЛСГ. Семантика состояния представлена как глаголами конкретного действия (*колоситься, загореться, народиться, гнездиться, разгладиться, куриться, лосниться* и др.), так и глаголами обобщенного характера, социально значимыми (*возродиться, возобновиться, обнаружиться, значиться, осуществиться, сопровождаться, состояться, закончиться, утратиться, выразиться*). Возможность обозначения эмоционального состояния предикатами типа *волноваться, радоваться, сердиться* и т. д., наряду с другими известными языковыми средствами отмечена в работах Л. Г. Бабенко (1989), Е. М. Вольф (1993), Л. М. Васильева (1993).

Наконец, общая представленность ВГ в семантическом поле «Отношение» отражает картину взаимодействия субъекта и объекта как равноправных составляющих в семантике глагола. Наиболее показательными в этом отношении являются глаголы ЛСГ положительного отношения (*влюбиться, заботиться, интересоваться, нравиться, пленяться*), отрицательного отношения (*глумиться, издеваться, насмехаться, сомневаться*), контакта (*договориться, списаться, сыграть, родниться* и др.) подполя «Межличностные отношения». Слабее представлены ВГ в ЛСГ подполя «Социальные отношения».

1. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ, НЕ СООТНОСИМЫЕ С НЕВОЗВРАТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В СИСТЕМЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП

Эта часть блока ВГ не имеет соотносительных форм без форманта *-ся*, для них характерна полная семантическая неразложимость. Они представляют собой самостоятельные образования, семантика корневой морфемы никак не фиксируется в сознании носителей языка. Все это значит, что данные глаголы не представляют особой трудности в определении их семантической принадлежности, являясь членом парадигмы соответствующей ЛСГ. Формант *-ся* (мы не определяем здесь его функциональной принадлежности) на фоне семантической спаянности глагола видится как реликтовое образование, никак не соотносимое с понятием 'возвращение действия на самого себя'. Но значимость его достаточно высока, поскольку формально ограничивает эту группу глаголов, переводя их в класс непереходных. Субъектная ориентация этих глаголов, наличие семы включенного субъекта во многих случаях служит показателем включения глагола в систему «языкового антропоцентризма» (Кравченко 1993: 45), поскольку предполагает оценку действий (процессов) с позиций говорящего, языковой личности, создающей ситуацию в ее языковом варианте.

Эта часть блока представлена следующими глаголами (список ВГ этого и второго блоков дается нами по сплошной выборке из словника словаря-справочника): *бесноваться, близиться, бояться, виднеться, вкрасться, ворваться, вторгнуться, выситесь, выспаться, глумиться, гнездиться, гордиться, довольствоваться, помогаться, ежиться, заблагорассудиться, завиднеться, задохнуться, запыхаться, заручиться, здороваться, издеваться, канителиться, карабкаться, касаться, каяться, кланяться, колоситься, красоваться, кривляться, кувыряться, лениться, лосниться, лучиться, любоваться, молодиться, намереваться, насмехаться, наткнуться, нездоровиться, нравиться, обанкротиться, облокотиться, опасаться, опереться, осмелиться, оступаться, отважиться, отречься, отчаяться, охотиться, очнуться, очутиться, переглядываться, перешептываться, петушиться, повиноваться, пользоваться, преисполниться, прослезиться, проснуться, противиться, разойтись, раскаяться, распасться, распорядиться, расстаться, ребячиться, ринуться, роиться, руководствоваться, ручаться, самоустраниться, сжалиться, скитаться, слезиться, слоняться, случиться, смеяться, совещаться, согласиться, сомневаться, сопротивляться, соревноваться, соскучиться, связаться, спесивиться, споткнуться, спохватиться, сражаться, стараться, сторониться, струмиться, суетиться, суматошиться, трудиться, удалиться, уединиться, улетучиться, улыбаться, упражняться, упрямитесь, условиться, усомниться, ухищряться, хорохориться, храбриться, церемониться, чваниться, чокаться, чуждаться, щетиниться, ютиться.*

Для чистоты анализа мы оставляем в списке только те ВГ, которые представляют исторически бесприставочные формы или имеют в своем составе синхронно невычленимые приставки: *взобратсья, ворватсья, вторгнутсья, домогатсья, заикатсья, заручитсья, облокотитсья* и др.).

Количественное отношение глаголов разных семантических полей, представленных ВГ, несоотносимых с невозвратными, следующее: «Действие» — 91 (*близиться, вдатсья, взобратсья, вкрастьсья, воратсья, вторгнутсья, дотронутсья, касатсья, здороватсья, ежитсья, запыхатсья* и др.); «Состояние» — 62 (*бесноватсья, боятсья, вылежатсья, выспатсья, истосковатсья, канителитсья* и др.), «Отношение» — 16 (*глумитсья, заручитсья, издеватсья, насмехатсья, обанкротитсья, повиноватсья* и др.).

Строевая, асемантическая функция форманта *-ся* в структуре этих глаголов очевидна. По сути, это естественный сигнал включения глагола в субъектную семантическую сферу, направленности действия на его производителя и концентрации чувства/состояния

в сфере субъекта. Произошедшая в результате исторических изменений десемантизация данного языкового элемента (вспомним его генетическую связь с возвратным местоимением *себя*) не позволяет включать данные глаголы в залоговые отношения и выявить эти залоговые значения. Лексическая семантика этих ВГ определена, конкретна. И. П. Мучник скрупулезно анализирует процесс расхождения форм с *-ся* и без *-ся*, останавливаясь на этапе возникновения переносных значений лексемы. Он отмечает, что «изолированность одних форм, типа *каяться, гордиться* и др., является результатом исчезновения форм без *-ся*, изолированность других, типа *усомниться, хорохориться*, объясняется тем, что они являются более поздними образованиями в языке, параллельно которым не образованы формы без *-ся* (Мучник 1971: 74). По своей семантике (имеется в виду и грамматическая, и собственно лексическая стороны) данные глаголы близки к ВГ общевозвратного залогового значения (см. далее), когда активный (как правило, одушевленный) субъект производит действие или испытывает состояние.

Семантизация глаголов данного блока, в особенности в иностранной аудитории, затруднена из-за невозможности опереться на «устойчивую основу» (Серебренников 1988: 74), из-за полной идиоматичности лексемы. Включение этой лексики в семантическую парадигму представляется естественным и оправданным. Там, где внутренняя форма не утрачена, сделать это достаточно просто, ср.: *сжалиться, слезиться, роиться* и др. В других случаях приходится рассчитывать только на запоминание и синтаксическую коррекцию слова во фразе. В любом случае ориентация на сильную субъектную сему, непереходный характер глагола обязательна. Учет словообразовательного значения части префиксов (*в-, за-, на-, о-* и некоторых других) в данной ситуации практически незначим.

2. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ, ФОРМАЛЬНО СООТНОСИМЫЕ С НЕВОЗВРАТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Глаголы этой группы представлены в словаре-справочнике достаточно широко. Они также являются самостоятельными образованиями, находятся вне категории залога. Речь идет о формальном сходстве корневых морфем, в то время как ВГ и НВГ полностью разошлись по значению, например, *обойтись* — *обойти, отозваться* — *отозвать, раздаваться* — *раздавать, нарваться* — *нарвать* и др. Возвратный формант *-ся* в этом случае имеет способность изменять семантический статус глагольной формы, переводя ее в другую семантическую сферу. И в первую очередь необходимо отметить изменение характера самого действия в плане обобщенного и конкретного прямого и переносного.

К таким глаголам можно отнести следующие: *вернуться, вешаться, вмешаться, взбеситься, водиться, возвратиться, возиться, вступить, выбиться, вывести, выдаться, выделиться, выразиться, горячиться, громоздиться, гнаться, давиться, дергаться, держаться, договориться, достаться, жаловаться, драться, заботиться, забиться, забыться, завестись, завалиться, загореться, залиться* 2, *заниматься, заступиться, заявиться, значиться, золотиться, извратиться, изготовиться, клясться, красться, крениться, куриться, лепиться, метаться, находиться, нарваться, обойтись, обосноваться, опомниться, обходиться, одуматься, оговориться, оживиться, оказаться, организовать, освоиться, остерегаться, откинуться, отложиться, отправиться, отлучиться, отнестись, отозваться, отсидеться, отступить, отчитаться, податься, поддаться, перестроиться, подлизываться, представиться, поправиться, поразиться, поступиться, прийти, примениться, приняться, приспособиться, прислуживаться, притвориться, пробиться, пробраться, проникнуться, просчитаться, проститься, протянуться, раздаться, разобраться, разрешиться, распуститься, растеряться, рубиться, сбежаться, сбыться, сдать, сдержаться, сжиться, скончаться, скупись, смотреться, сойтись, сокрушаться, сопровождаться, сослаться, состояться, списаться, столкнуться, судиться, считаться, съехаться, сыгаться, торговаться, уговориться, ужиться, уродиться.*

Анализ лексического значения глаголов (учитывались лексические значения формально соотносимых лексем по МАС) позволил ограничить список возвратных форм, не имеющих прямой семантической связи с невозвратными глаголами, и предостеречь от ошибок в семантизации, что особенно важно для не владеющих русским языком как родным. Известно, что в русской аудитории языковая интерпретация связывается с ситуацией внутриязыкового перекодирования (перифразированием, синонимией), в иностранной аудитории — с ситуацией межъязыкового перекодирования. При переводимости основных компонентов смысла, лежащих «на поверхности», «за кадром» остаются нюансы языкового содержания, не позволяющие адекватно отразить фрагмент действительности; смысловой вакуум не заполняется.

Известные интерпретации форманта *-ся* как аналога возвратного местоимения *себя* не могут помочь в разрешении вопроса, так как системное значение форманта вступает в противоречие со значением корневой морфемы, ср.: *загореть — загореться, раздать — раздаться, списать — списаться*. Глаголы этого блока (второго) образуют с невозвратными глаголами привативную оппозицию формального, иногда формально-семантического, типа.

Типов такого соответствия может быть несколько.

1) ВГ и НВГ в основных своих значениях разошлись полностью. Значение корневой морфемы противоречит системному значению форманта *-ся*. Ср.: *обойти* — ‘1. перех. Пройти вокруг чего-л.’; *обойтись* — ‘1. Поступить с кем-л. каким-л. образом’ (пример Ю. Б. Нормана). Также: *жаловаться* — ‘1. Высказывать жалобы, неудовольствие, сетовать’; *жаловать* — ‘1. чем. Устар. Награждать чем-л. 2. Разг. Любить, быть расположенным к кому-л. 3. Устар. Приходить, являться к кому-л., посещать’.

2) ВГ и НВГ связаны только на уровне вторичных, часто переносных значений: *горячиться* — ‘1. Действовать в возбуждении, увлечении, проявлять возбуждение, нетерпение’; *горячить* — ‘2. перен. Возбуждать, разжигать’. Также: *заботиться* — ‘1. Проявлять заботу о ком-л., о чем-л. 2. Испытывать тревогу, тревожить’; *заботить* — ‘1. Вызывать беспокойство, тревогу’. Также: *забыться* — ‘1. Впасть в дремотное состояние, заснуть на короткое время; 4. Не удержать в памяти, исчезнуть’; *забыть* — ‘1. Перестать помнить, утратить’.

В случае соответствия категориального признака, в частности, принадлежности его к одному семантическому полю, различие значений основано на различном статусе одноуровневых сем и сопровождающих их аспектных семах, эксплицированных в контексте. Ср.: *набиться* — ‘1. Собраться вместе, в тесном помещении’; *набить* — ‘1. Плотнo наполнить что-л. чем-л. мягким’.

Признаковые слова *собраться* и *наполнить*, относящиеся к одному семантическому полю «Действие» (подполе «Движение»), различаются как обозначающие физическое и обобщенное действие, о чем свидетельствуют обстоятельственные признаки *вместе* и *плотно*, актуализирующие соответствующие категориальные признаки.

При сравнении (сопоставлении) списков ВГ первого и второго блоков очевидна их семантическая неоднородность. При разнице в количественном отношении (на 85) первый блок представлен в основном глаголами, семантика которых связана со сферой физического действия (91), «Состояние» представлено в меньшей степени (61), «Отношение» (16).

Второй блок представлен в основном глаголами, семантика которых включается в сферу «Состояние» (43 из 85), в сфере «Отношение» — 13, в сфере «Действие» — 23 глаголов.

Каким образом распределяются возвратные глаголы этого блока по ЛСГ, какие сферы существования человека могут быть обозначены этими глаголами?

Собственно «Действие» обозначается глаголами *вмешаться*, *податься*, *пробиться*, *пробраться*, *сбежаться*, *сплотиться*, *входя-*

щими в ЛСГ «проникновения субъекта куда-либо, во что-либо», «субъектного перемещения», «глаголов осуществления», «глаголов речевой деятельности».

Сфера «Отношение» обозначена глаголами *вступиться, выбиться, заботиться, отнестись, поступиться, прийти, примениться, приспособиться, разориться, слушаться, списаться, судиться, считаться, сыгратся, торговаться*.

Семантическая сфера «Состояние» представлена глаголами ЛСГ существования: *водиться, возиться, лепиться, находиться, обосноваться, оказаться, отсидеться, сопровождаться*; ЛСГ становления качества: *выделиться, выразиться, золотиться, куриться, раздаться*; ЛСГ поведения: *подлизываться, притвориться*; а также ЛСГ подполя «Эмоциональное состояние»: *сокрушаться, сдержаться, растеряться, остерегаться*, подполя «Функциональное состояние»: *изготовиться, откинуться, поправиться, распусться*.

Самыми характерными признаками ВГ этого блока является смена семантической сферы бытования, причем намечается тяготение к глаголам обобщенного действия, абстрактным.

Трудности семантизации единиц этого блока связаны с видимой парадоксальностью структуры лексемы. Как правило, обращение к значению корневой морфемы и значению *-ся* в его инварианте безуспешны. В особенности это касается ВГ, находящихся только в формальной оппозиции к НВГ: *драть — драться, давить — давиться, сокрушать — сокрушаться* и др. Изоляция форм ВГ и НВГ (полная или частичная) лишает образования с *-ся* их грамматического залогового значения. Как видим, происходит стык различных процессов развития в языке: грамматического и лексического, причем процесс лексический превалирует над грамматическим, лексическое значение формируется без учета собственно грамматического показателя — *-ся*. Процедура выявления лексического значения ВГ не определяется какой-либо моделью, поэтому требуется внимательное отношение к каждой семантизируемой лексеме. Выделение семантически однородных рядов среди ВГ этого блока возможно только на основе самых общих абстрактных признаков: непереходности, замкнутости действия в сфере субъекта, обобщенности значения.

3. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ, СОДЕРЖАТЕЛЬНО СООТНОСИМЫЕ С БЕСПРИСТАВОЧНЫМИ НЕПЕРЕХОДНЫМИ НЕВОЗВРАТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Характеристику возвратных глаголов, содержательно соотносимых с невозвратными (третий блок), целесообразно начать с описания той ее части, которая не входит в систему залогов, образуя самостоятельную группу.

Такой группой являются образования от невозвратных непереходных глаголов. Сложившаяся система деления возвратных глаголов (см.: Мучник 1971; Янко-Триницкая 1969) выделяет бесприставочные и приставочные образования. Подробный анализ этих глаголов с точки зрения их соотносительности с НВГ дается в работах этих авторов. Подчеркивается их небольшая количественная представленность в словаре. Наши материалы еще более сужают круг данных глаголов, поскольку наше описание ориентированно только на основные значения: наша картотека насчитывает лишь 17 единиц.

Как отмечает И. П. Мучник, глаголы этой группы не имеют залоговых отношений с без *-ся*, и развитие значения возвратного глагола происходит как незначительное движение в сторону самостоятельности, отвлеченности действия, «а в отдельных случаях и не отличаются вовсе по значению». Так, *светиться* по сравнению со *светить* содержит, как кажется, дополнительный оттенок значения, заключающийся в том, что данное действие является как бы имманентным свойством деятеля (И. П. Мучник, 1971: 65). Это глаголы типа *белеться*, *светиться*, *дымиться*, *желтеться*, *зеленеться*, *искриться*, *плеваться*, *хвастаться*, *чернеться*. Вполне закономерно отнесение части этих глаголов по категориально-лексической семе к ЛСГ глаголов проявления признака (*дымиться*, *искриться*, *светлеться*) и ЛСГ глаголов выделения объекта по качеству (*белеться*, *зеленеться*, *чернеться*); *-ся* практически не влияет на семантику ВГ (по сравнению с НВГ), оставляя его в той же лексической группе. Данная группа глаголов логически перекликается с группой *кусаться*, *лягаться*, *жечься* и др., тоже обозначающих имманентные свойства предметов, но живых, активных действователей, или представляемых как таковые. Эти глаголы входят и в систему залогов (см. далее).

Потенциально это небольшая группа ВГ, образованных от непереходных, может включать в себя глаголы со значением, практически не отличающимся от НВГ: (*целиться*, *плеваться*, *хвастаться*). Характер обозначаемого ими динамического признака в целом неотделим от значения НВГ, может, только указывает на более тесную связь субъекта с действием. Для нас существенным является факт наличия у глаголов данной небольшой группы активного субъекта, в отличие от глаголов первой группы, и явный динамический характер значения, учет которого в рамках идеографического описания требует их отнесения к сфере «Действие», но не «Состояние». Наконец, значительный интерес представляют глаголы, также немногочисленные в нашей картотеке, но имеющие широко разветвленную систему связей с непереходными глаголами разных семантических областей: *гулять*, *сидеть*, *спать*, *думать* и т. д.. Как

отмечает Н. А. Янко-Триницкая, «в подавляющем большинстве случаев частица *-ся*, будучи присоединена к непереходному глаголу, лишает этот связи с субъектом, иначе говоря, превращает личный непереходный глагол в безличный, и тем самым также воздействует на его лексическое значение» (Янко-Триницкая 1962: 212). Воздействие это оказывается столь значительным, что меняется категориальная семантика глагола, означая его перевод в другую семантическую плоскость и пополняя тем самым количественно поле «Состояние». «Этой формой наш язык любит выражать внутренние побуждения и явления, независимо от воли человека совершающиеся в его природе, как физической так и нравственной», — утверждал Ф. И. Буслаев (Буслаев 1959: 381). Общий семантический признак «быть в состоянии, иметь/не иметь желание» конкретизируется на уровне разновидностей состояния, ср.: *не спится, не читается*, — как номинация физиологического состояния; *вериться, говорить-ся, думаться, мыслиться* — как номинация эмоционального (интеллектуального) состояния.

Словарь ЛСГ содержит незначительное количество возвратных образований от непереходных глаголов, так как объем его ограничен, а «высокая продуктивность образования безличных глаголов при помощи частицы *-ся* не подлежит никакому сомнению» (цитируется по Янко-Триницкой 1962: 215). Потенциальная возможность образования безличных ВГ от непереходных может быть ограничена только в отношении субъекта (неодушевленный субъект при непереходном глаголе). Общую картину функционирования безличных возвратных глаголов, образованных от непереходных различной семантики, дает Н. А. Янко-Триницкая (1962: 212 — 219).

Кроме того, незначительное количество упомянутых форм в словаре объясняется и тем, что большинство возвратных образований «уходит» в соответствии со значением в сферу вторичной номинации и потому словарем не учитывается.

Таким образом, ВГ, образованные от непереходных, развивают свои значения в трех направлениях:

— остаются равнозначными НВГ, но указывают на более тесную связь действия с объектом; эти единицы остаются в той ЛСГ, в которую входит производящий глагол (*целить — целиться, хвастать — хвастаться, грозить — грозиться, стучать — стучаться* и др.). Действие отличается достаточной динамикой при, как правило, одушевленном активном субъекте;

— становятся номинативами имманентных состояний неодушевленных субъектов; при этом условное действие воспринимается как состояние; закрепленность за ЛСГ проявления признака остается (*светиться, зеленеться, дымиться* и др.);

— превращаются в безличные формы с ярко выраженной независимостью значения от воли субъекта; одушевленный субъект является только носителем данного состояния. Семантика состояния абсолютна для глаголов данной группы, причем группа эта не закрыта, она может пополняться за счет единиц, неоднородных по семантике, но связанных с субъектом одушевленным (*лежаться, думаться, вериться*).

Исследователи (Н. А. Янко-Триницкая) ограничивают лексический круг глаголов, способных к такой трансформации, кругом лексем, обозначающих бытие, становление, появление или проявление признака, форма 3-его лица которых при наличии отрицания может приобретать безличное значение (Янко-Триницкая 1962: 218).

4. ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

Выделение для отдельного рассмотрения этой группы закономерно, так как позволяет рассмотреть еще один участок системы ВГ, не отличающейся строгими рамками.

Очевидно своеобразие этого участка, поскольку значение глагола формируется на основании неразрывной связи аффикса *-ся* и глагольного префикса. Словарные материалы включают 87 единиц.

Префиксы при непереходных глаголах служат вспомогательным средством для выражения отдельных оттенков значения ВГ, образованных от непереходных. Процесс этот полно описан И. П. Мучником (Мучник 1971: 69). Он отмечает, что они не имеют залоговых значений; специфика группы в том, что эти глаголы представляют собой более поздние образования в русском языке. Включение в процесс образования непереходных глаголов есть один из признаков «победы грамматики над лексикой», несомненном перевесе грамматических форм при выражении различных оттенков лексического значения.

Единства семантики этих глаголов также не обнаружено, хотя все они личные; образованы, как правило, от глаголов несовершенного вида и «связаны по значению с высокой интенсивностью, насыщенностью, исчерпанностью и результативностью действия» (Янко-Триницкая 1962: 49), ср.: *вглядеться, догадаться, зажелтеться, изнервничаться, истосковаться* и др.

Значение интенсивности, насыщенности действия создается, как и в других случаях, путем взаимодействия разных грамматических параметров: формы выражения лица, значения активного деятеля, переход от семантики несовершенного вида к семантике совершенного вида производного глагола, подчеркнутой непереходности за счет частицы *-ся*. По существу, *-ся* выполняет в этих образованиях не

столько словообразовательную функцию, сколько формальную, сопровождающую формирование значения.

Исследователи выделяют два значения, имеющих общий характер по отношению к собственно лексическому значению каждого из глаголов группы. Так, это значение совместности действия: *переглядываться, перешептываться, разбежаться, разбрестись, разлететься, разъехаться, расползтись, рассесться, сговориться, слететься, смерзнуться, сползтись* и др.; значение поглощенности субъекта действием: *вглядеться, заблудиться, изнервничаться, разболеться* и др.

Семантическая палитра достаточно разнообразна. Как и ожидалось, нет жесткой закреплённости ВГ за определенной ЛСГ, представлены все семантические сферы, правда, в разной степени. Так, сфера «Действие»: ЛСГ глаголов субъектного перемещения (*заблудиться, подступиться, разбежаться, разбрестись, разлететься* и др.); ЛСГ глаголов помещения (*рассесться, улечься* и др.); ЛСГ глаголов изменения положения (*поскользнуться, уклониться, отмахиваться*); ЛСГ глаголов собирания (*сбежаться, слететься, сползтись, столпиться*).

Глаголы интеллектуальной деятельности представлены в ЛСГ глаголов восприятия: *вглядеться, заглядеться, всмотреться, вслушаться, договориться, отговориться, заговориться, откликнуться, отшутиться, перешептываться* и др., в ЛСГ глаголов мышления *вдуматься, заблуждаться, догадаться*.

Сфера «Состояние» представлена более полно за счет глаголов эмоционального состояния: *стосковаться, истосковаться, изнервничаться, опомниться, расплакаться*; глаголов физиологического состояния: *откашляться, проголодаться, выпасться, разболеться, вылежаться, залежаться* и др.; глаголов качественного состояния: *вжиться, зазеленеться, послушаться, покраснеться, зажелтеться* и др..

Только двумя глаголами представлено поле «Отношение»: *извергаться, сговориться*.

Описывая глаголы этой группы, Н. А. Янко-Триницкая отмечает высокую продуктивность, высокий словообразовательный потенциал модели: префикс + непереходный глагол + *-ся*; множество иллюстраций служит тому доказательством. Отмеченные в наших материалах только основные значения дают общее представление о распределении по лексико-семантическим группам.

Процесс семантизации ВГ этой группы включает в себя этапы выделения составляющих, в частности, корневой морфемы, и соотнесения их с типовым значением в ЛСГ. Основное признаковое значение формируется именно в корневой морфеме, соотнесённость с

базовым глаголом очевидна: *в* + *глядеть* + *-ся* ‘пристально, внимательно вглядываясь, стараться рассмотреть’ = ‘воспринимать зрением’ = *в* – ‘проникновение внутрь’, + *глядеть* ‘воспринимать зрением’ + *-ся* – ‘поглощенность субъекта его действием’.

Дадим список этой группы: *вглядеться, взмахнуться, вжиться, всмотреться, вылежаться, выпасться, вьесться, догадаться, договориться, досидеться, заблуждаться, заблудиться, заглядеться, заговориться, зажелтеться, зазеленеться, закраснеться, залечься, замечаться, зачернеться, извернуться, изголодаться, изнервничаться, истосковаться, откликнуться, откашляться, отмахиваться, отшутиться, переглядываться, перешептываться, пританься, провиниться, проголодаться, прикоснуться, разбежаться, разболеться, разбрестись, разлететься, разъехаться, расползтись, расплакаться, рассесться, подступиться, поскользнуться, сбежаться, сговориться, слететься, смерзнуться, сползтись, стосковаться, улечься, ужиться, усесться.*

Лексическая семантика этих глаголов формируется на основе значения корневой морфемы, семантическая сфера глагола при присоединении и постфикса *-ся* не меняется, ср.: *лететь* – *разлететься* – ЛСГ глаголов перемещения в пространстве; *болеть* – *разболеться* – ЛСГ глаголов болезни, подполе функциональное состояние. Функционально роль *-ся* можно охарактеризовать как строевую, дающую минимум лексической информации. Мы не ставим перед собой задачу дать полную лексико-грамматическую характеристику глаголов этой группы. На данном этапе важным считаем выделение и общее представление ее.

5. ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ НЕПЕРЕХОДНЫХ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ

Это такие глаголы, как *провиниться, пританься, перебеситься, нарадоваться, наесться, напиться, наглотаться, дожждаться, дознаться, напитокаться, взмолиться, вслушаться, изгладиться, дотронуться, загноиться, уродиться, уклониться, рассосаться, обьесться, перекликаться, вдуматься, вчитаться, одуматься.*

Группа во многом по своим параметрам аналогична предыдущей. В качестве общего значения глаголов данной группы отмечается «сдвиг в связях действия с субъектом и объектом» (Мучник 1971:68). Лексическая семантика их также разнообразна и целиком зависит от взаимодействия на значения приставки и частицы *-ся*. Все глаголы также личные, образованные от НВГ несовершенного вида. Вид глагола меняется и становится составляющей нового значения, включающего в себя признаки, общие для всех ВГ этой группы: интенсивность, исчерпанность, насыщенность действия.

Необходимо, на наш взгляд, отметить, что при сохранении значения корневой морфемы в глаголах *наесться, напиться, наглотаться, напиться, объесться* (глаголах физиологического действия) при наличии комплекса приставки и *-ся* актуализируется признак изменения в состоянии. Таким образом, глаголы этого ряда естественно переходят в семантическую сферу «Состояние», что отвечает общим закономерностям развития возвратных значений.

Отсюда делаем вывод, что необходимое уточнение в определении семантического статуса отдельных глаголов только укрепляет целостное впечатление о ВГ как носителей семантики «Состояние».

Говорить о залоговых значениях данной группы глаголов достаточно трудно, хотя они имеют соответствие с невозвратными переходными. Абсолютное значение частицы *-ся* выделить здесь не удастся, поскольку строевая функция ее очевидна, а значение глагола, как отмечалось, формируется только в комплексе значений префикса и *-ся*.

Непреодолимой границы между глаголами — сложными префиксальными образованиями от переходных и непереходных глаголов не существует, что, несомненно, связано с сильным воздействием на семантику этих глаголов префикса в союзе с частицей *-ся*. Непереходность как результат воздействия *-ся* есть их общий грамматический признак, определяющий и лексическую семантику. Несамостоятельный, вторичный характер форманта *-ся* (в обобщенной функции генерализации) не позволяет дать залоговую интерпретацию семантики глагола в рамках возвратно-среднего залога.

6. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ, СООТНОСИМЫЕ С НЕВОЗВРАТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ С ПЕРЕХОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Отношения, представляемые данным типом соответствия, наглядно демонстрируют действующие живые залоговые отношения имеющиеся в языковом сознании. Как известно, конкретное залоговое значение глагольных образований с *-ся* определяется целым рядом условий, среди которых выделяются следующие: — значение корневой морфемы или основы без *-ся*; — синтаксические связи формы без *-ся*; — характер субъекта и объекта действия (одушевл. — неодуш.; лицо — нелицо); — характер самого действия (процесс, состояние; намеренность, результативность).

Учет этих и некоторых других условий облегчает процесс семантизации возвратного глагола. Отказ от рассмотрения возвратного образования как полностью изоморфного структуре с набором значимых компонентов (основа без *-ся* + *-ся*) основан на идее дуализма языкового знака. Но именно данная группа ВГ составляет ядро языковой категории возвратности в том ее понимании, которое предло-

жил Э. Бенвенист (Бенвенист 1974: 447). Ощущение некоторой независимости, отстраненности *-ся* в ее значении от значения возвратного образования в целом, восприятия *-ся* как символа субъекта, «являющегося по отношению к действию внешним или внутренним» позволяет говорить о выполнении частицей *-ся* своей основной семантической функции как указателя на субъект, являющийся производителем действия, участником процесса или носителя определенного признака-состояния.

Сложившаяся система классификации ВГ, входящих в систему залоговых категорий (средне-возвратного значения), дает общую картину семантической дифференциации этих глаголов в зависимости от значения *-ся*. Продолжая деление ВГ по их более конкретным семантическим признакам, мы фиксируем сложившиеся отношения между лексико-грамматическими разрядами ВГ и собственно лексическими дифференцирующими признаками.

Занимая срединную позицию между действительным и страдательным залогами, ВГ средне-возвратного залога включают в себя целую «гамму залоговых значений», определяемых отношением субъекта к объекту. Как отмечает Н. А. Янко-Триницкой, «ни один из указанных факторов, причастных к образованию значения возвратного глагола... в литературе до конца не рассмотрен и не изучен» (Янко-Триницкая 1962: 63).

6.1. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ СОБСТВЕННО-ВОЗВРАТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Это значение возвратной формы формируется как прямое возвратное значение. Присоединение частицы *-ся* к глагольной основе затрагивает только внешнюю сторону лексического значения, т. е. устранение переходности воспринимается только как внешнее, поскольку субъект (как правило, лицо, активно действующее) само становится объектом данного действия. По существу, переходность глагола остается, изменяется лишь форма существования объекта, который равен субъекту.

Группа этих глаголов, как отмечают исследователи, немногочисленна, что объясняется тем, «что только в редких случаях одно и тоже лицо (предмет) является одновременно и субъектом, и объектом действия. Обычно субъектом и объектом действия являются различные лица (предметы). Другой причиной малочисленности разбираемых форм является то, что они все более и более заменяются сочетаниями глаголов с местоимением себя» (Мучник 1971: 49). Как видим, лексический фактор сильно ограничивает распространение возвратных глаголов этой группы. Тем более, что тенденция к анализируемости, выражающаяся в активизации образования сложных глагольно-местоименных конструкций с возвратным местоиме-

нием в постпозиции, становится достаточно прочной в современном языке (Волчкова 1988: 8). Антропологическая направленность в развитии глагольного значения сказывается в возможном расчлененном выражении смысла, когда объектом действия (и физического, и интеллектуального) становится сам производитель данного действия. «Позиция человека как познающего и языкотворческого субъекта приводит к тому, что он вычленяет в окружающем его мире такие процессы, источником или центром которых является (или таковым воспринимается) он сам», — отмечают лингвисты (Лебедева 1993: 20).

Для глаголов данного класса типичным является факт направленности действия на внешность (тело, часть тела) человека: *умыть -ся, одевать -ся, мазать -ся, красить -ся, причесывать -ся, застегивать -ся* и др. Интерпретация значения *-ся* как равного или близкого значению возвратного местоимения *себя* (идеальный вариант — в форме винит. п. без предлога) в некоторых случаях явно носит условный характер. Глаголов с *-ся*, абсолютно синонимичных словосочетанию переходного глагола с прямым объектом *себя*, как мы знаем, очень немного. И. Г. Милославский подчеркивает значимость лексической семантики глагола для формирования значения частицы *-ся*, которая, помимо собственно-возвратного значения может «получать некоторые ограничительные или дополнительные элементы значения» (1981: 181). Такими ограничениями могут быть указание на некоторую часть тела, ясно определенную (*умыться* ‘умыть себе лицо’) или неясно определенную (*забинтоваться* ‘забинтовать себе какую-л. часть тела’). В качестве такого же рода ограничителя могут выступать указания на объект, принадлежащий субъекту: *печататься* ‘печатать свои работы, произведения’; *застегнуться* ‘застегнуть свою одежду’ и т. п. Отмечая эту же особенность данной группы ВГ, Н. А. Янко-Триницкая строит на этом свою типологию ВГ, называя их (этот разряд) возвратными глаголами включенного возвратного объекта (1989: 195).

В эту же группу на правах носителей в значении включенного возвратного объекта входят глаголы типа *уколоться, оцарапаться*, означающие непроизвольно совершенное действие ‘уколоть некоторую часть тела’.

Для нашего исследования важно указание на то, в каком значении (основном или неосновном) интерпретируется возвратная форма. Строгое соблюдение условий описания, т. е. учет только основного значения глагола, значительно ограничивает привычные рамки разряда. Так, например, глагол *тешиться* естественным образом интерпретируется как ‘тешить себя’, но словарные материалы дают это значение только как неосновное, *тешиться* ‘доставлять

себе удовольствие'. Первое же значение толкуется как 'забавляться, испытывать удовольствие', т. е. должно включаться по этим признакам в разряд общевозвратных.

Таким образом, определив достаточно четко рамки разряда собственно-возвратных глаголов, указав их разрядные характеристики: преимущественное употребление в качестве субъекта одушевленного предмета (лица), намеренность действия, осознанность его, не ведущая к изменению внутренних (физических, физиологических или психических свойств) лица (одушевленного предмета), мы можем с достаточной четкостью указать семантические типовые признаки данных глаголов, т. е. их отнесенность к определенной ЛСГ, члены которой обладают отмеченными признаками на грамматическом уровне.

Это должно быть действие, производимое над кем-л., в том числе и над самим собой (направленное на одушевленный предмет), имеющее результат, как правило, в виде внешних изменений или не имеющее результата, не имеющее внутренних последствий.

Как показали материалы, семантика ВГ собственно-возвратного значения не отличается большим разнообразием. Внутренние семантические пределы достаточно сильны. Возьмем для примера ЛСГ глаголов покрытия одного объекта другими и ЛСГ глаголов кругового покрытия объекта: *гримироваться, забинтоваться, завернуться, мазаться, маскироваться, мылиться, накраситься, накрыться, обвалиться, обмотаться, обрызгаться, осыпаться, пудриться, укрыться*. Общее типовое значение для данного ряда ВГ — 'покрыть, накрыть себя (лицо, тело, части тела) чем-либо: краской, пудрой, одеялом, одеждой и др.'

Возвратные глаголы ЛСГ глаголов одевания: *нарядиться, обуться, одеться, опоясаться, переобуться, переодеться, повязаться, подвязаться, подпоясаться, запахнуть*. Общая семантика — 'одеть себя, надеть на себя одежду, детали одежды'. На наш взгляд, непоследовательно введены в данную ЛСГ глаголы *обнажиться, раздеться*, поскольку их категориальный признак 'удаление чего-либо' связывает их с ЛСГ глаголов удаления объекта, с ЛСГ глаголов устранения изоляции и избавления подполя функционального состояния.

Более верным, на наш взгляд, является включение глаголов типа *обнажиться, раздеться, разуться, раскутаться, распоясаться, растянуться, расседлаться* в ЛСГ глаголов удаления объекта, поскольку семантически однородным является их толкование через идентификатор «снять с себя одежду, часть одежды».

Возвратные глаголы ЛСГ глаголов повреждения объекта: *наколоться, ушибиться, уколоться, удариться, расцарапаться, прос-*

тудиться, ошпариться, оцарапаться, опалиться, обморозиться, облучиться, обжечься, морозиться, исцарапаться, исколоться, изуродоваться. Общая семантика: 'повредить себе (намеренно, чаще ненамеренно) какую-либо часть тела'. Сюда же примыкают глаголы *повредиться, застрелиться, изувечиться* с более широким значением действия, распространяющемся не только на часть тела, но на всю поверхность тела. Практически все глаголы ЛСГ повреждения тела могут быть возвратными, т. е. означать направленность действия на субъект или часть тела субъекта, ср.: *израниться, истыкаться, калечиться, пораниться, порезаться* и др. отдельные глаголы:

ЛСГ глаголов очищения: *бриться, чиститься, умыться, отряхнуться, ополоснуться, обтереться, облизаться, мыться.*

ЛСГ восприятия: *ощупаться.*

ЛСГ определения: *оправдаться.*

ЛСГ называния: *назваться, именоваться, переименоваться, представиться, отрекомендоваться.*

ЛСГ сравнения: *мериться.*

ЛСГ речевого выражения эмоций: *хвалиться.*

ЛСГ глаголов питания: *кормиться.*

ЛСГ глаголов проявления разнообразных физиологических действий: *щуриться, морщиться, жмуриться.*

ЛСГ глаголов давления и прикосновения: *тереться, чесаться.*

Все отмеченные ВГ означают действия, произведенные субъектом над самим собой (частью своего тела, поверхности своего тела, деталей одежды), то есть реально конкретные физические действия, не направленные на изменение внутреннего состояния субъекта. Можно отметить внешнее устранение переходности, поскольку действие лишь изменило направленность. Все сопровождающие его атрибуты остались. Предикаты, обозначенные данными глаголами, мы называем акциональными, то есть «имеющими в качестве своих субъектов имена референтно-таксономического класса «люди» (Базевич 1993: 99). Сема одушевленного объекта (субъекта) означает важную деталь в системно-семасиологической характеристике глаголов — относит их в разряд антропоцентрических глаголов, отражающих в своем значении многообразные отношения индивидуумов, предполагающие активный, целенаправленный и результативный характер действия (Богданов 1977). ВГ этого типа отражают многообразие связей одушевленного лица с миром и возможность сознательного помещения самого себя (сознательного субъекта) в центр этих отношений.

По отношению к описанной группе ВГ собственно-возвратного значения (с основным семантическим признаком 'действие') инте-

ресными являются глаголы, имеющие в словарном толковании лексический репрезентант *себя* как эквивалент внешней переходности, но обозначающие не конкретно-физическое действие в полном объеме, как воспринимаемое органами чувств и имеющее реально ощутимый результат, а некое комплексное обозначение действия-состояния. В анализируемом словаре эти глаголы активно входят в семантическое поле «Функциональное состояние», ЛСГ глаголов изменения функционального состояния. Причем внутри данной группы возможна и необходима дифференциация на уровне коммуникативного описания языковых фактов. Так, существенным для ВГ собственно-возвратного значения является факт вхождения их в подгруппы глаголов изоляции: *завеситься, задернуться, закрыться, запереться, изолироваться, отгородиться, загородиться, уединиться*; глаголов избавления: *вырваться, высвободиться, исцелиться, избавиться, демобилизоваться, освободиться, избавиться, спастись*. Специфика глаголов данного ряда заключается в том, что они отличаются по семам от группы глаголов устранения изоляции. Так, ВГ, входящие в эту подгруппу (*отвориться, открыться, отпереться* и др. с этой семантикой) отличаются по значению от закрыться, задернуться, загородиться отношением к одушевленному намеренно действующему субъекту.

В первом случае интерпретация значения требует учета как лица, предмета, совершающего неакциональное действие под воздействием какого-либо скрытого на уровне пропозиции активного деятеля, ср.: *дверь тихонько отворилась*. В другом случае (ср.: *Она закрылась рукой от сильного ветра*) субъект-лицо совершает сознательно действия, направленные на него самого. Необходимо отметить трудность интерпретации семантики ВГ во внеконтекстном основном значении, которое манифестируется достаточно условно в словарном толковании. Процесс семантизации и отбора глаголов собственно-возвратного значения в строгом смысле должен быть ориентирован на субъект-лицо, совершающее данное действие. Частица *-ся* в этом случае подчеркивает именно факт устранения внешней переходности без изменения собственного состояния субъекта. В том же случае, когда речь идет о субъекте-не-лице, ясно, что за ним стоит активный деятель, а действие, совершаемое им, направлено на изменение какой-либо формы состояния субъекта-не-лица. Эти глаголы далее мы рассматриваем в разряде обще-возвратных. В данном описании роль ВГ этих групп может быть истолкована как переходная от обозначения действия к обозначению состояния. Хотя мы убеждены, что при строгой дифференциации значений ВГ в систему значений семантического поля «Действие» должны входить только глаголы с собственно-возвратным зна-

чением, в семантике которых субъект представлен как носитель акционального действия.

Небольшой группой ВГ представлены действия, которые носят в основном социально-обобщенный характер и входят в семантическое поле «Отношение». Специфичность данных глаголов также в том, что «они предполагают большое разнообразие конкретных проявлений» (СС ЛСГ: 8). Действие при этом рассматривается как процесс. В основном это глаголы, входящие в подполе «Социальные отношения» ЛСГ глаголов защиты: *беречься, защититься, остерегаться, обезопаситься, обороняться*; ЛСГ глаголов обеспечения: *страховаться*; утраты объекта: *разоружиться*; ЛСГ глаголов подчинения: *унизиться*.

Как показывает детальный анализ ВГ собственно-возвратного значения, трудно говорить о регулярном характере соответствия данного лексико-грамматического разряда и конкретных ЛСГ. Общие выводы таковы. ВГ собственно-возвратного залогового значения ограничены в своем распространении собственной семантикой, а именно: включением в лексическую семантику глагола семы одушевленного субъекта-лица, активного действующего. Действие направлено на самого субъекта на поверхность тела, частей тела, деталей одежды без изменения их внутренних свойств и качеств. Иногда, в редких случаях, действие сопровождается изменением функционального состояния лица (закрыться, задернуться — ЛСГ глаголов изменения функционального состояния).

Интересные классификации ВГ собственно-возвратного залогового значения осуществлены А. А. Кретовым, Н. А. Лебедевой, Т. А. Кильдибековой. В основе этих классификаций лежит перенос, когда в языковом сознании человек может метонимически отождествляться с телом или частью его, одеждой, личными вещами, проявлениями психических состояний.

6.2. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ ВЗАИМНО-ВОЗВРАТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Каждый из двух или нескольких субъектов является одновременно объектом того же действия. Семантика данных акциональных глаголов может быть манифестирована как внешнее выражение отношений контакта, ср.: *тесниться* ‘располагаться на небольшом пространстве тесно, близко друг к другу’, *толкаться* ‘толкать друг друга’, *браниться* ‘бранить друг друга’.

Специфика глаголов этой группы в том, что в своем значении они совмещают действия конкретно-физического характера и обобщенно-социального характера, формирующиеся как результат взаимодействия двух или нескольких лиц. Поэтому семантизация этих ВГ должна включать в себя развернутую схему, например, ‘уста-

новление контакта в результате речевого действия': *браниться, ругаться, шептаться, переключаться, совещаться*. Или 'установление контакта в результате других физических действий': *видеться, увидаться, обниматься, целоваться, встретиться, переглядываться, знакомиться, прощаться, списаться, переписываться, судиться, уговориться, встречаться*.

Семантическая дифференциация ВГ этого разряда выглядит следующим образом: ЛСГ глаголов речевого общения (*браниться, совещаться, ссориться, ругаться, шептаться*), ЛСГ глаголов соединения (*тесниться, соединиться, связаться, объединиться, кооперироваться, сплотиться*), ЛСГ глаголов разъединения (*разъединиться, разлучиться*), ЛСГ восприятия (*встретиться*), ЛСГ прикосновения (*целоваться, обниматься*), ЛСГ внешнего проявления отношения (*мириться, обниматься, целоваться, родниться*).

Как видим, общая грамматическая семантика объединяет глаголы разных ЛСГ, в зависимости от способа выражения контакта, взаимодействия лиц-субъектов. На грамматическом уровне они (эти глаголы) обладают однотипной сочетаемостью — управляют формой Тв. падежа с предлогом *с*: *с кем*.

Основным в семантизации данных ВГ является уже известное условие: наличие одушевленного субъекта-лица (лиц), способных к осознанным намеренным действиям. Словарное толкование в этом случае также последовательно проводит признак 'друг друга', ср.: *сплотиться* — '1. Вплотную сблизиться друг с другом'; *связаться* — '1. Скрепиться друг с другом, обвязавшись чем-либо'. Нахождение в одной ЛСГ ВГ разных грамматических разрядов — взаимно-возвратного (*сплотиться*) и общевозвратного (*срастись*) — говорит о довольно широком разбросе семантических признаков для ВГ этого разряда на лексическом уровне. Действия, которые могут быть произведены одновременно двумя или несколькими субъектами, охватывают разные семантические сферы («Действие» и «Отношение»), но не обнаружены в сфере «Состояние», как наиболее «нефизической». ВГ взаимно-возвратного значения могут быть связаны с субъектом (субъектами), обозначающими как физических лиц (*Мальчишки бросались друг в друга камнями*), так и нефизических социальных индивидуумов (*Мы бесконечно ссорились и так же быстро мирились*).

Но как и всякий возвратный глагол, данные глаголы на фоне устранения внешней переходности приобретают оттенок замкнутости и независимости, что отличает состояние от действия и отношения. Об этом дополнительном значении в лексико-семантической характеристике ВГ говорит И. П. Мучник: «...глаголы типа *объединиться, мириться*... в форме без *-ся* означают действие, одновре-

менно совершающиеся над несколькими предметами: я объединяю кого с кем, я мирю кого с кем. Этим именно объясняется то, что в данных образованиях с *-ся* значение совместности совпадает со значением 'изменение в состоянии субъекта'» (Мучник 1971: 58).

6.3. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ КОСВЕННО-ВОЗВРАТНОГО ЗАЛОГОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Традиционно эта небольшая группа определяется как глаголы, обозначающие действия, совершенные в свою (то есть самого действующателя) пользу, для себя, в своих интересах. Лексическое значение данных глаголов должно по логике вещей включать семы, противоположные значению совместности, формирующие предыдущую группу. Характеризуя эту группу ВГ, Н. А. Янко-Триницкая называет их отсубъектными ВГ, глаголами переключенного объекта. «Основной особенностью глаголов этого разряда является именно то, что прямой объект производящего глагола не входит в значение возвратного глагола, но и не утрачивается бесследно, а переходит в косвенный объект. Это влечет за собой изменения в лексическом значении глаголов, изменения не всегда значительные и заметные, но весьма разнообразные и тонкие. Наиболее распространенной формой косвенного объекта при возвратных глаголах данного разряда является форма творительного падежа без предлога: *запасться* товаром, *раздобыться* деньгами и др.» (Янко-Триницкая 1962: 202).

При небольшом количестве ВГ этого разряда, отмечаемых нами в Словаре, семантика их достаточно разнообразна. Так, например, выделяются глаголы расположения в определенном пространстве *разместиться, расположиться, разложиться, грузиться, окопаться, уместиться, поместиться, постелиться* с имплицитно выраженным значением 'занять место с достаточным комфортом, удобно устроиться, поместить свои вещи'; глаголы речевого воздействия: *проситься, спроситься* со значением 'воздействовать на кого-либо с целью произвести действие для себя, в своих интересах'; глаголы со значением 'сделать, приобрести, создать что-либо исключительно для себя, своей семьи': *строиться, запастись, напастись*; глаголы со значением 'получить обратно то, что было отдано, или получить что-либо необходимое в личное пользование': *отыграться, нажиться, вооружиться, кредитоваться*.

Как видим, семантика косвенного объекта, входящего в смысловую структуру каждого из анализируемых глаголов, достаточно определена, но связывать ее с частицей *-ся* здесь вряд ли уместно. Скорее, «косвенность» возвратности данных глаголов проявляется именно в необходимости толкования данных глаголов через компоненты 'для себя', 'в своих целях, интересах', 'личное пользование'.

6.4. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ АКТИВНО-БЕЗОБЪЕКТНОГО ЗАЛОГОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Традиционно определяемое значение действия как постоянного и характерного свойства субъекта, активно проявляющегося в процессе, реализуется в ВГ активно-безобъектного значения. Абсолютное исключение объекта данного действия или, наоборот, включение в сферу объекта ‘всех, многих’ — результат развития значения объектного акционального глагола. Субъект в данном случае представляет собой активно действующий одушевленный предмет, как правило, живое существо или, реже, предмет неживого мира. По сфере субъекта предикат, выраженный ВГ, может быть представлен как свойство (для предмета неживого мира) или способность (для одушевленного существа). Общая семантика этой группы ВГ ‘иметь обыкновение, способность, свойство’ реализуется в глаголах *кусаться, лягаться, бодаться, клеваться, колоться, царапаться*, относящихся к ЛСГ глаголов повреждения тела. Как отмечают исследователи, «действие происходит в отвлечении от объекта и замкнуто в пределах одного субъекта» (Мучник 1971: 55), глагол при этом обозначает не собственно действие, а как бы имманентное свойство субъекта. Это значение реализуется, как правило, в форме настоящего времени со значением постоянного настоящего, ср.: *собака кусалась и собака кусается*. В соответствии с грамматическим значением прошедшего времени (форма *кусалась*) лексическое значение глагольной формы ориентировано на семантику ‘разрушения, повреждения’. В другом же случае, грамматически ориентированном на настоящее время, регулярно проявляются смысловые оттенки ‘обладать способностью выполнять основные функции, изначально предусмотренные в предмете’.

Отличительным признаком ВГ этого разряда является их грамматическая характеристика как глаголов несовершенного вида, что вполне естественно для значения свойства, признака.

«Признаковая» природа этих ВГ, способность их выделять предметы из ряда им подобных, встраивает их в систему «Состояние». Признаковые семы в лексическом значении данных глаголов являются классифицирующими, определяющими признаки разнородных предметов. Как предикаты, обозначающие качественное состояние, они не получают развитие на оси времени, поскольку сема ‘качество’ блокирует процесс. Наиболее близкими в системе ЛСГ глаголов для них являются глаголы проявления признака и глаголы выделения объекта по качеству.

В процессе функционирования этих глаголов в речи признаковая характеристика их деактуализируется, превращается в обозначение действия как такового (ср.: *Лошадь лягалась*), то есть производила действие, соотносимое с действием *бить, ударять*. Есте-

твенной поэтому является необходимость оценивать и семантизировать данные глаголы только в предложении с ориентацией на семантику субъекта и значение форм времени.

Переходный характер данной лексической группы очевиден. От акциональных глаголов — к бытийным, поскольку в их семантике совмещаются признаки активного действия и признак ‘быть каким-либо по качеству’, ‘обладать каким-либо признаком, способностью’.

Развитие системы средне-возвратных залоговых значений пошло по пути устранения глагольной переходности, становления системы значений «Состояния». Класс активно-безобъектных ВГ активно пополняется характеризующими невозвратными глаголами с теми же общими морфологическими признаками, ср.: *курица клюется — теленок бодается — человек мыслит* (мечтает, фантазирует). Собственно грамматические элементы значения (несовершенный вид непарновидовых глаголов, изолированность от его конкретного протекания во времени) действуют как абсолютные и формируют это значение. Разница в личной и неличной предикации целиком зависит, как нам кажется, от внелингвистических условий. Существенной становится скрытая семантическая категория наблюдателя, который интерпретирует значение предиката в зависимости от действия, производимого субъектом и имеющим более менее постоянный признаковый характер. Частица *-ся* выступает в семантической залоговой функции, манифестируя полное семантическое единство признака и его носителя.

6.5. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПАССИВНО-КАЧЕСТВЕННЫМ ЗАЛОГОВЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

ВГ этого лексико-грамматического класса означают способность пассивного (неодушевленного предмета, неллица) субъекта подвергаться названному действию. Действие характеризует предмет как его постоянный качественный признак. И. Г. Милославский в этом случае определяет *-ся* как носитель смыслового оттенка ‘можно’, ср.: *мост разводится — мост можно разводить, железо куется — железо можно ковать* (Милославский 1981: 184).

Субъект, являясь абсолютно пассивным, может только подвергаться действию со стороны другого субъекта (активного), который не эксплицируется, но в семантике ВГ заложен как потенциально существующий источник действия, способный быть выраженным в форме творительного падежа имени. Модель «субъект пассивный — действие признаковое» может быть реализована в определенной речевой ситуации как страдательная конструкция, но только при наличии потенциального источника действия. ВГ пассивно-качественного значения находятся на грани между глаголами средне-возвратного залога и страдательными формами переходных глаголов.

Двуплановая семантика (двуденотативность) ВГ этого разряда выражена в мысленном разведении двух планов, ср.: *тушиться* (о рыбе, мясе и др.) — ‘1. подвергаться тушению, нагреванию на медленном огне с небольшим количеством воды; 2. Иметь данное свойство (быть — стать тушеным)’. Отличие данных глаголов от близких им по семантике общевозвратных в том, что два эти плана взаимозависимы: свойство пассивного предмета не может быть выявлено без предварительного воздействия на него силы извне, находящейся за пределами актуальной ситуации. Общевозвратные глаголы обращены своей семантикой на продолжение процесса и его результат как вывод о свойствах предмета, например, *печься* (о пироге, блинах и др.) — ‘приготавливаться под воздействием жара’. На этом основании может быть сделан вывод о свойствах некоторых продуктов, о способности их быть печеными, испеченными, но не вареными. Если интерпретация заканчивается на первом этапе, мы имеем дело с общевозвратным глаголом, который по лексической семантике входит в подполе физического воздействия, в ЛСГ приготовления пищи. Но развитие семантики и рассмотрение значений как результата данного воздействия актуализирует сему ‘изменение качественного или функционального состояния’. Таким образом, можно представить модель семантизации глаголов этого лексикограмматического разряда как состоящую из нескольких этапов: 1. Установление типа субъекта (активный — пассивный); 2. Установление характера действия, обозначаемого возвратным глаголом, в случае пассивного изначально типа субъекта (артефакт): а) только действие над предметом в отвлечении от объекта, б) воздействие на предмет со стороны неопределенного субъекта или в) результат этого воздействия, характеризующий только данный предмет или группу однородных предметов свойство. Поскольку трудно без помощи лексического контекста установить необходимые элементы, семантизация отдельного глагола заканчивается, как правило, на первом этапе, и глагол получает свое место в системе глагольной лексики, не выходя за пределы сферы конкретно-физических глаголов.

Продолжение семантизации приводит к фиксации значения ‘свойство, состояние’, приписываемых данному предмету в результате неоднократного воздействия на него. Так, установить, что данная ткань *мнется* (или *не мнется*), можно только в результате непосредственного воздействия на образец, производя при этом действие *мять*.

Итак, ВГ данного разряда, относясь к системе залоговых форм, имеют семантическую модель: производящий переходный глагол (носитель основной семантики физического действия) + формант *-ся*, который в данном случае может эксплицировать при содействии соответствующего контекста следующие смыслы: а) действие

имеет неопределенного производителя, б) действие имеет результат, в) действие производится неоднократно, г) результат мыслится как известное свойство данного предмета. В общем виде семантика ВГ может быть представлена в виде комплекса «свойство или состояние пассивного предмета, выведенное наблюдателем из неоднократно повторяемого действия над предметом». Сложная семантика данного разряда свидетельствует о сложности самого фрагмента действительности и неоднозначном отношении к нему со стороны наблюдателя — носителя языка.

Существенное значение имеет видовая характеристика анализируемого глагола. ВГ несовершенного вида называют действие как характерную для субъекта «склонность или способность подвергаться какому-либо воздействию» (РГ 1980: 618). Так, ср.: *платье мнется — платье измялось, изменится*. Постоянный качественный признак предмета (пассивно-качественное значение) сменяется непризнаковым значением функционального состояния.

Все сводится к тому, что в данном разряде ВГ неизменно пересекаются значения действия и состояния. Пересекаемость возникает на уровне прежде всего грамматических сем, а также лексических сем дифференциального характера ‘всегда, постоянно’ и ‘иногда’, ‘временно’.

Такая двуплановость ВГ ведет к тому, что один и тот же глагол может быть рассмотрен как пассивно-качественный и общевозвратный.

6.6. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ ОБЩЕВОЗВРАТНОГО ЗАЛОГОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Это самая многочисленная группа в составе блока. Связано данное положение прежде всего с тем, что целая гамма залоговых значений «формируется в системе единиц этого разряда» (Мучник, 1971: 171). Собственная семантика каждого ВГ манифестируется универсальным словом *сам*, на понятийном уровне представляющим элемент изоляции глагола от внешнего стимулирующего воздействия и дающий возможность представлять действие как самостоятельное, совершаемое самим субъектом. Ф. Ф. Фортунатов и В. В. Виноградов отмечали это как «изменение в состоянии самого субъекта признака»: *сердиться, томиться, радоваться, мучиться, печалиться-ся* (Там же).

Характеризуя большую группу глаголов общевозвратного значения, Н. А. Янко-Триницкая отмечает различное толкование в литературе статуса этих глаголов и их отношение к собственно лексической семантике. Нам кажется убедительным выделение в качестве главного семантического признака, формирующего лексическое значение данных глаголов, не изменение «внутреннего состояния

субъекта», а внутреннее душевное «переживание» одушевленного субъекта. Признак категориального свойства «пребывание в определенном душевном состоянии» и «проявление душевного состояния» становится определяющим для ВГ этого разряда, на чем настаивает Н. Я. Янко-Триницкая. «По своему общему лексическому значению глаголы этого разряда обозначают не изменение в состоянии субъекта, а просто различные внутренние переживания субъекта». И далее: «Следствием специфического лексического значения этих глаголов подлежащим при выступает, как правило, название одушевленного предмета: человека, животного, птицы» (Янко-Триницкая, 1962: 153).

Таким образом, основу разряда общевозвратных глаголов составляет лексическая группа, органично вписывающаяся в систему ЛСГ, объединенных идеей «эмоционального и психического состояния». Так, ЛСГ глаголов пребывания субъекта в эмоциональном состоянии почти наполовину представлена ВГ общевозвратного залогового значения. Например, это глаголы *беспокоиться, веселиться, волноваться, злиться, испугаться, обидеться, огорчаться, опасаться, оскорбляться, печалиться, радоваться, разочароваться, сдерживаться, соблазниться, стосковаться, страшиться, стыдиться, терзаться, тешиться, тревожиться, устыдиться*. В эту же группу по всем признакам относится неучтенный глагол *сердиться*.

Еще более последовательно проявляется связь ВГ общевозвратного залога с ЛСГ глаголов внешнего проявления эмоционального состояния того же подполя эмоционального состояния. Из анализируемых ВГ сюда вошли: *вдохновиться, возмутиться, воодушевиться, восторгаться, восхититься, издергаться, изумиться, истерзаться, ободриться, оживиться, огорчиться, остерегаться, поразиться, преисполниться, развеселиться, раздражиться, разъяриться, смутиться, удивиться, ужаснуться, уладиться, умилиться, умиротвориться, успокоиться, хмуриться*.

Н. А. Янко-Триницкая отмечает фактическую близость данных ВГ страдательным, но указывает на активность субъекта как на главный отличительный признак: «существует... способ устранения страдательного значения в ВГ путем нейтрализации пассивности действия этого глагола. Эта нейтрализация достигается употреблением при ВГ различных форм слова *сам*, которое сообщает действию большую или меньшую степень активности и тем разрушает страдательное значение». (Янко-Триницкая, 1962: 217).

Примыкает к проанализированной небольшая группа ВГ, общий признак которых тоже ориентирован на результат воздействия на одушевленный объект с той лишь разницей, что воздействие, скорее, его результат, проявляется внешне, как реакция на что-л., ср:

изнуриться, истомиться, измучиться, истерзаться, хмуриться, нежиться, пробудиться, взбеситься, заразиться. Это глаголы физиологического состояния. Внешние признаки, проявление каких-либо психических процессов, эмоций выражается тоже глаголами возвратными, общевозвратного залогового значения. Помимо названных нами ВГ, входящих в ЛСГ физиологического состояния, Л. М. Васильев включает в группу предикатов физиологического состояния такие, как *выспаться, проспаться, утомляться, истомляться, притомиться, изматываться, замучиться, простудиться* (Васильев, 1993: 25–32). Все они имеют сему результативности. Авторы книги «Слово и грамматические законы языка. Глагол» (Н. Ю. Шведова и др. 1989: 280) выделяют особо ВГ, обозначающие физическое или психическое состояние как динамический процесс, замкнутый в сфере субъекта.

В некоторых случаях бывает довольно сложно отделить общевозвратные глаголы, обозначающие психическое или физиологическое состояние. Так, глагол *возбудиться* может быть отнесен и к группе с семантикой проявления эмоционального состояния и к группе физиологического состояния.

Часто внутреннее состояние является глубоко скрытым, иногда проявляется во внешнем выражении как внешнее изменение субъекта, в каком-то физическом действии, сопровождающем движение души человека. Субъект состояния, внутреннего переживания, видится и мыслится как объект определенного воздействия, как результат этого воздействия.

Поскольку ВГ данной семантики теснейшим образом связаны с непереходными каузативами, значение частицы *-ся* в этом случае регулярно; она не только устраняет переходность, но и задает семантику возвратного глагола «пребывания в... или проявления эмоционального состояния». Группа «приведения в эмоциональное состояние» практически целиком, за исключением глагола *бесить (взбесить)*, накладывается на упомянутые группы: семантика производящего глагола частью своих признаков входит в семантику ВГ.

Важной особенностью ВГ общевозвратного значения с абстрактным (в нашем понимании) лексическим значением «внутреннего переживания, душевного состояния» является их невозможность иметь страдательное значение. Эта особенность отмечена еще Виноградовым В. В. (1947: 623). Он объясняет это иным соотношением субъектных и объектных значений, чем, предположим, в глаголах «физических изменений», сравните невозможность пары: *мать сердится — мать сердится ребенком*, хотя: *ребенок сердит мать*.

Отмеченная «метаморфоза объекта одушевленного производящего глагола в субъект одушевленный производного глагола» (Янко-Триницкая, 1962: 157) есть существенный признак ВГ данной подгруппы, отграничивающий их от глаголов другого лексического класса, например, глаголов «функционального состояния».

Интерес к семантике этой значительной по объему группе ВГ закономерен. «Эмотивная лексика ситуативна в своей денотативной основе, — пишет Л. Г. Бабенко, — ибо эмоции нерасторжимо связаны с субъектом, их испытывающим, и объектом, их вызывающим. Вот почему глагол является именно той частью речи, которая наиболее приспособлена для отражения эмоций» (1989: 65). Субъектная ориентированность ВГ не противоречит сказанному, но, наоборот, усиливает «личностный» характер действия-состояния, обозначаемого данными глаголами. Л. М. Васильев, анализируя варианты предикаты состояния, отмечает значительную представленность ВГ как носителей семантики психического состояния: *злиться, злобствовать, гневаться, печалиться*, и др. (Васильев 1993: 25). Являясь отобъектными образованиями, ВГ этой семантики обнаруживают живую связь их с каузатором, «скрытым», зашифрованным в семантике ВГ. Интересно, что «субъект со скрытой объектностью способен производить лишь собственно процесс, но не действие». Реальный каузатор этого процесса находится вне ситуации (*Мама сердится, девушка волнуется*), так как кто-то, что-то воздействует на субъект (Лебедева, 1993: 15).

Следующую значительную по объему группу глаголов разряда общевозвратных мы определили условно как ВГ «функционального состояния». Именно они составили основу семантического множества «Функциональное состояние». Условность выделения данной группы объясняется многообразием конкретной семантики ее элементов, обусловленным множеством факторов как лингвистического, так и внелингвистического порядка. Так, показатель самостоятельности производимого субъектом действия — местоимение *сам* в данном случае не всегда адекватно отражает ситуацию, предикатом которой является ВГ. Позиция активного субъекта задает ситуацию изолированности действия, независимости его результата от внешних условий. Ср.: *удинить* — перех. ‘Удалить, изолировать, обособить от кого-л., чего-л’. *Уединиться* — ‘Удалившись от других, остаться одному...’ ВГ семантизируется через активно действующий субъект, манифестированный как *-ся* — *сам*. Ср., *Он удалился в комнату*. Признак намеренности действия условно может быть эксплицирован ВМ *себя*, присоединенным к переходному НВГ. Также, *растегнуться* — *растегнуть на себе одежду*. В данном случае есть возможность определять эти ВГ как

собственно-возвратные, абстрактная семантика возвратности в которых явно ориентирована на самостоятельно и намеренно действующий субъект. Т. е., речь идет, как видим, о пересекаемости на уровне абстрактной лексической семантики ВГ разных ЛГ разрядов. Примеров достаточно. В частности, это ряд глаголов *осмотреться, озираться, оглянуться, оглядеться*, семантика которых ориентирована на компонент 'вокруг себя', т. е. по сути они являются собственно-возвратными. К сожалению, нет жестко сформулированных и выверенных критериев дифференциации, совершенно определенным является только фактор одушевленности/неодушевленности субъекта действующего или испытывающего какое-л. действие или претерпевающего процесс; ср.: *Он случайно защелкнулся в комнате и Дверь защелкнулась*. Только во втором примере можно с уверенностью утверждать о принадлежности ВГ к разряду общевозвратных.

С другой стороны, открытой является граница между общевозвратными и пассивно-качественными ВГ. Именно здесь решающими оказываются грамматические характеристики (интерпретационные компоненты), в частности, вид глагола и его положение на временной оси. Ср.: *Дверь отворилась* — одномоментное завершённое действие как результат каких-л. внешних факторов: усилия руки, ветра, слабости запора и т. д. *Дверь растворяется с трудом* — возвратная семантика конкретизируется как пассивно-качественное состояние неодушевленного предмета, его постоянный признак. Собственно функциональное состояние предмета, вернее, его изменение, (была затворена — затем растворилась) манифестируется именно грамматически. Проблема межъязыкового перекодирования семантики для иноязычной аудитории в какой-то степени может быть облегчена за счет внедрения в языковое сознание говорящего идеи неразрывности собственно лексических и грамматических характеристик семантизируемого глагола. К сожалению, даже самый полный идеографический словарь не в состоянии отразить то множество семантических оттенков, которое реализуется в речевой деятельности носителя языка, но несомненно обязательное условие: включение грамматики в словарную дефиницию в более полном объеме. Возможно, есть необходимость в будущем указывать при возвратном глаголе варианты его видовой характеристики, что поможет дифференцировать значение, тем более, если речь идет не только о первом, основном значении.

В связи с этим необходимо сказать, что семантическое пространство ВГ достаточно четко дифференцировано. В частности, практически вся сфера «Функциональное состояние» (см. Словарь-справочник) представлена ВГ — 95%. Субъектная глагольная семанти-

ка представлена на фоне результативного действия (воздействия) каузатора в рамках общезовратного залогового значения. Переход производящего НВГ с каузирующим значением в другую семантическую сферу (субъектного воздействия — состояния) абсолютно закономерен: *воспламенить — воспламениться*. Но тут возникает вопрос о некоторой непоследовательности включения отдельных ВГ и целых ЛСГ в семантические группировки. Так, на наш взгляд, «обслуживание» ВГ глаголами семантической сферы «Состояние» должно быть расширено. Не вызывает сомнения место в ЛСГ поля «Состояние» таких ВГ общезовратного залогового значения как *качаться, валяться, вертеться, вращаться, дергаться, колебаться; раскрыться, приотвориться, отпереться, выпрячься, высвободиться, закалиться, закупориться, отвертеться, отвинтиться, отстегнуться, истощиться, разгрузиться, разнуздаться, выпариться, отмыться* и др. подобной семантики. Но наряду с этим нельзя вполне согласиться с составом ЛСГ соединения, разделения, отделения, разрушения, входящих в семантическое поле «Действие», а также повреждения объекта. Так, значительную часть этих ЛСГ составляют ВГ общезовратного значения, семантика возвратности в которых, механизм ее возникновения не учтены. В результате идентифицирующей семой оказывается ведущая сема корневой морфемы, в то время как значение возвратного компонента *-ся* игнорируется. Например, ЛСГ глаголов отделения включает следующие ВГ: *выделиться, выплестись, оборваться, осаждаться, отбиться, отвинтиться, отвязаться, отделиться, отколоться, открепиться, открутиться, отлепиться, отломаться, отмежеваться, оторваться, отпочковаться, отсеяться, отслоиться, отсыпаться, отторгнуться, отщепиться, содраться, сорваться*. Как видим, субъектная семантика данных глаголов, заключенная в компоненте *-ся*, не позволяет признать ведущим значение физического воздействия на объект. Главным, на наш взгляд, является результат предшествующего воздействия, что выражено в глагольной возвратной семантике как фиксируемое состояние, ставшее иным в результате воздействия внешней силы: *сук обломился, веревка оборвалась*. На наш взгляд, этими ВГ должна пополниться ЛСГ изменения функционального состояния.

В ЛСГ глаголов соединения (*кооперироваться, связаться, слепиться, слиться, сложиться, смерзнуться, соединиться, сплотиться, срастись*) базовым, идентифицирующим, является глагол *соединить*. Но физическое воздействие на объект, как это предполагается, здесь представлено как предшествующее действие, как результат и новое качество или функция объекта (объектов).

Группа глаголов разделения с базовым глаголом *разделить* вклю-

чают следующие ВГ общевозвратного залогового значения: *раздвоиться, разделиться, раздробиться, раскрошиться, переломиться, распороться, раздвоиться, разломаться, разломиться, разлучиться, разъединиться, расклеваться, распасться, рассечься, раскупониться, разорваться*. Во-первых, необходимо отметить в данной группе непоследовательность включения видовых пар: *пороться*, нсв/*распороться*, св; *раздвоиться*, св/*раздваиваться*, нсв/*рваться*, нсв/*разорваться*, св и т. д. Мы уже говорили о том, что видовая характеристика значительно влияет на залоговое значение глагола, его разрядную характеристику, а следовательно, и на лексическое значение. В данный список включены, по мере возможности, только глаголы общевозвратного значения, которые, естественно, при субъекте-нелице, фиксируют изменение качественного состояния как результат.

Такого же плана наблюдения проведены в отношении ВГ, входящих в ЛСГ глаголов разрушения объекта, повреждения объекта, а также использования. На наш взгляд, более строгий и динамичный подход к семантике ВГ — членов этих ЛСГ, учет различных семантических параметров, позволит уточнить сферу их бытования. Тенденция очевидна. Это явное тяготение значительной части ВГ общевозвратного значения к семантической сфере «Состояние». Сам факт наличия возвратной частицы *-ся* должен быть сигналом к отграничению его от сферы физической деятельности.

Конечно, речь не может идти о жесткой привязке ВГ к совершенно определенной семантической сфере, скорее, о подвижности и многообразии связей в системе, о пересекающемся характере различных семантических группировок. В зависимости от подхода, точки зрения один и тот же материал может быть представлен в разных множествах. Большая доля субъективности в оценке материала может быть объяснена забвением генетических корней частицы *-ся* как носителя идеи «возвратности», множественностью интерпретационных компонентов, связанных с разной степенью языковой компетенции говорящих. Опираясь на объективные показатели, которыми могут служить эксплицитно представленные грамматические значения, можно с достаточной степенью точности семантизировать ВГ.

Мы намеренно не даем ВГ этой группы списком, поскольку объем ее в достаточной степени неопределен, границы проницаемы, а определение места каждой единицы группы требует уточнения по разным параметрам.

Следующую естественно выделившуюся из общего объема блока ВГ с общевозвратным значением группу составляют с о ц и а л ь н о о б о б щ е н н ы е В Г . Они не имеют непосредственной связи с обоз-

начением конкретно-физических действий.

Всего группа включает 94 единицы. Обнаружено, что в ней представлены ВГ, входящие во все семантические поля.

Поле «Действие»: *ощутиться, запечатлеться, запомниться, интересоваться, обмануться, ознакомиться, учиться, вспомниться, сопоставиться, свериться, ориентироваться* и др. Всего 20 единиц, представляющих только семантическое подполе интеллектуальной деятельности (ЛСГ познания, мышления, сравнения, решения, определения).

Поле «Состояние»: *организоваться, учредиться, заключаться, прекратиться, упраздниться*; подполе качественного состояния: *формироваться, исчисляться, проявиться, цениться, разубедиться*; подполе эмоционального состояния: *соблазниться, уладиться*; подполе функционального состояния: *заняться, освоиться, демобилизоваться* и др. Всего 51 единица.

Поле «Отношение», подполе взаимоотношения: *возместиться, обменяться, подмениться* и др.; подполе владения: *отыскаться, извлечься, сохраниться, дисквалифицироваться* и др.; подполе социального состояния: *подчиниться, покориться, уговориться*. Всего 24 единицы.

Как видим, отмеченная тенденция прослеживается и здесь: большая количественная представленность ВГ в поле «Состояние».

В последней группе представлены ВГ общезовратного залогового значения, лексическое абстрактное значение которых может быть выражено как собственно физическое субъектное действие. Субъектная сема в структуре ВГ обозначает носителя динамических свойств. ВГ данной группы интересны тем, что представляют собой двуплановую номинацию. С одной стороны, все они, за исключением нескольких единиц из подполя речевой деятельности (*признаться, молиться, исповедоваться, объяснить, осведомиться, отговориться, отпроситься*), обозначают действие, производимое неодушевленным неактивным субъектом. Действие воспринимается со стороны, внешним наблюдателем, и оценивается как самопроизвольное. Ср.: *осаждаться — Взвесь осаждается в пробирке; сыпаться — Снег сыпался неделю; рассеяться — Тучи рассеялись к вечеру*). С другой стороны, частица *-ся* при неактивном субъекте продуцирует сему состояния, зафиксированного в момент наблюдения и говорения о нем. Возможность адекватной замены ВГ признаковыми словами также свидетельствует об этом, ср.: *сыплющийся, осаждающийся, рассеянные*. Сема, манифестирующая признак динамического состояния в семантике данных глаголов, является дополнительной; на первый план выдвигается значение собственно действия, производимого неактивным субъектом.

Но, как мы уже говорили, именно в семантике ВГ отражается не только окружающий нас мир, но и сам человек, оценивающий и озвучивающий то, что он видит. Частица *-ся* — самая «человеческая» (личностная) часть словесной конструкции, позволяющей представить фрагмент картины мира и человека, наблюдающего, стоящего в центре этого мира.

Какие участки семантического поля «Действие» представлены ВГ описываемой группы?

Это подполе перемещения: *струиться, пронестись, отправиться, опуститься, вылиться* и др., (всего 70 единиц); подполе перемещения: *сгруппироваться, обвиваться, впитаться, вдвинуться, вклиниться, врубиться, запорошиться, закопиться* и др. (всего 54 единицы); подполе физического воздействия на объект: *осаждаться, нагреться, опылиться, клониться, шататься, ковыряться, слиться, колотиться, размахнуться, прислониться, схватиться* и др. (всего 31 единица).

Таким образом, лексико-грамматическая группа ВГ общезовратного залогового значения по нашим данным представлена в большем объеме, чем другие лексико-грамматические разряды. С опорой на собственно понятийные критерии были выделены некоторые подгруппы, которые условно определены следующим образом: ВГ собственно физического субъектного действия, ВГ социально-обобщенного действия, ВГ изменения функционального состояния, ВГ физиологического состояния, ВГ эмоционально-психического состояния. Статистические данные, дающие объективную картину внутреннего распределения ВГ этого разряда, показывают, что ВГ с семантикой действия (конкретного и обобщенного) несколько превышает количество ВГ с семантикой состояния (4: 3). Это объяснимо с позиций известного противопоставления первичных и вторичных вариантов значений. Напомним, что мы анализировали только глаголы в основных значениях, не прошедших ступеней внутриязыкового перекодирования. Примером может служить исследование Н. А. Янко-Триницкой, в котором среди выделенных ВГ общезовратного значения абсолютное большинство представляют глаголы с семантикой эмоционального и психического состояния, естественным образом там учтены все вторичные значения, семантика которых отражает значение состояния в разных его проявлениях.

ВЫВОДЫ

Как любая языковая единица, формант *-ся* подчиняется законам развития языковой системы. Так, идея первичных и вторичных форм и функций языковых единиц, сформулированная Е. Куриловичем

и получившая развитие в работах лингвистов (см. Гак 1985; Бондарко 1985; Васильев 1983; Кузнецова 1983; и др.), находит отражение и реальное подтверждение при анализе значений и функций форманта *-ся* в процессе его функционально-семантического анализа. Двуплановый характер элементов системы языка позволяет гибко, рационально использовать языковые средства для создания высказывания.

Поскольку функциональная зависимость форманта *-ся* общепризнана, постольку разведение всех образований с *-ся* по типу их функциональной значимости является закономерным. Одним из начальных этапов анализа является разведение возвратных образований на группы по признаку наличия или отсутствия значения залога в том или ином случае, а также конкретное содержание этого залога, что определяется характером соотношения между данной глагольной формой с *-ся* и соответствующей формой без *-ся*.

Итак, можно говорить о разных функциях форманта *-ся* с точки зрения его спаянности, зависимости от корневой морфемы и возможностей реализации этих функций в языковой системе.

Системное значение форманта *-ся* сформулировано как грамматикализованное значение возвратного местоимения *себя*, в ходе развития языка которое превратилось в экономичную структуру, выражающую в абстрактном виде «замкнутость действия в самом себе, непреходность его на другие объекты».

Это значение реализуется в возвратных структурах, имеющих непосредственное соотношение с невозвратными переходными глаголами, то есть на фоне разнообразных залоговых отношений. Постфикс *-ся* выступает здесь как компонент семантической структуры возвратного глагола, обозначающий непосредственную связь действия с одушевленным субъектом, производящим это действие, или свойство или состояние неодушевленного предмета, выступающего в качестве грамматического субъекта (ср.: *Я умываюсь, НИТКИ рвутся*). Реализация отдельных, тоже системных, значений *-ся* в этом случае происходит в рамках категории возвратно-среднего залога (лексико-грамматические разряды).

В других случаях реализации функций *-ся* мы сталкиваемся с проявлением вторичных, асемантических функций, когда возвратное образование (ВГ) не имеет прямого или вообще какого-либо соответствия с невозвратным глаголом. Представленные структуры обладают семантической неделимостью. *-ся* не обладает здесь собственной семантикой, но в обобщенном виде сигнализирует о специфике действия, его «самостоятельном характере». Эта функция связана, как видим, с формой выражения смысла, но не с самим смыслом.

Невключение этих возвратных образований, названных так с известной долей условности, в систему залоговых отношений, существенно затрудняет процесс семантизации, поиска смысла.

Возвратные глаголы, занимающие значительное место в системе глагольной лексики, активно участвуют в отображении наивной картины мира. Семантическое пространство, «покрываемое» этими глаголами, достаточно велико и довольно разнообразно. Лексико-семантическая характеристика глагольной лексики позволяет выявить наиболее «приоритетные» участки этого пространства, представленные в основном возвратными глаголами. Ориентация их вокруг сферы субъекта ограничивает возможности их в обозначении множества признаков понятий, но в то же время способствует формированию так называемой «личностной» семантики глагола, «отвечающей позиции наблюдателя действия», по словам Е. С. Кубряковой (Кубрякова 1992: 84).

Как показали наблюдения над «поведением» возвратных глаголов в лексико-семантическом пространстве русских глаголов, они (ВГ) входят по категориальным признакам в различные ЛСГ, но определенно тяготеют к сфере «Состояние» в различных ее проявлениях. Наибольший процент приходится здесь на возвратные глаголы общевозвратного залогового значения.

Трудности семантической классификации возвратных глаголов общеизвестны. Но именно здесь существует уникальное поле наблюдения за взаимодействием грамматических и собственно лексических характеристик этих глаголов. Являясь естественным продолжением классификации грамматической, в данном случае разрядной характеристики, лексическая классификация строится с учетом многих интерпретационных грамматических позиций: одушевленности/неодушевленности субъекта и объекта, активности/пассивности действующего субъекта; намеренности и результативности производимого действия; видовой характеристики производного глагола, его взаимоотношения с производящим. Отражение этих позиций в лексикографическом оформлении ВГ дает возможность исключить ошибки в функциональной сфере, особенно, если речь идет об иностранной аудитории.

Активное присоединение постфикса *-ся* к глагольной переходной и непереходной основе, трактуемое как стремление языка к аналитизму, не является признаком «победы» грамматики над лексикой. Скорее, напротив, процесс этот ведет к выявлению новых смыслов в семантике глагольной основы и закреплению, экспликации их в лексико-семантической системе.

Несомненно прав Б. А. Серебренников, говоря, что «мышление имеет свою форму — логическую, а язык свое содержание — значе-

ние слов, языковая семантика не изменяется в результате каждого мыслительного акта отдельного человека. Она образует устойчивую основу, исходя из которой и существует мыслительная деятельность субъекта» (Серебренников 1988: 117). Выделение этой «устойчивой основы», поиск инварианта обеспечиваются уровнем языковой компетенции говорящего, способности его к анализу несущих информацию языковых средств. Помочь этому процессу призваны словари идеографического типа, задающие программу и дающие ключ к поиску.

ГЛАВА 3. ДЕРИВАЦИОННЫЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

1. ДЕРИВАЦИОННЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ КЛАССЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Тесная взаимосвязь лексики и словообразования обусловлена природой этих явлений, функциональным предназначением словообразования, являющегося одним из основных механизмов номинации, одним из способов создания необходимых обществу или отдельному индивиду лексем. Сущностная, изначальная связь лексики и словообразования породила тесное переплетение лексических и деривационных классификаций слов.

Особенно глубоки и обширны взаимосвязи деривационных и лексических явлений в русском языке, относящимся к высокомотивированным языкам, в которых производные слова значительно преобладают над непроизводными. Деривационные формально-семантические классификации слов охватывают все производные лексемы, составляющие, по данным разных исследователей, от 85 до 95% словарного состава русского языка. В последние 15–20 лет в дериватологии сформировалось направление, расширительно толкующее объект словообразования. Его представители полагают, что дериватология должна изучать и производные, и непроизводные лексемы, поскольку ее цель — определение не только словообразовательной истории слова, но и его словопорождающих возможностей: решение последнего вопроса предполагает необходимость включения непроизводных слов в сферу интересов словообразования. При таком подходе деривационные классификации слов охватывают всю лексику русского языка.

Деривационные и лексические классификации слов часто совпадают и поддерживают друг друга еще и потому, что и деривационные, и лексические значения — это разные формы проявления од-

Óóíèèííàèü- íí-náíáíòè- +áñèèá	Çàèìñòáíááííäý - èñèíííí pómñèäý éáèñèèá, äèäèäèðèçíú - íáúá- íàpiáíäý éáèñèèá, ñíáòèäèüíäý, æàpáíí- íäý - íáúáóííòpááè- óäèüíäý éáèñèèá, ñèíáá íípááäèáíííáí óóíèèííàèüííáí ñòè- èý - íáúáóííòpááèòä- èüíäý éáèñèèá, ñòèèèñòè+áñèè íêpà- øáííäý - íáèòpáèü- íäý éáèñèèá, èííííòäðèáíí-ìàpèè- piááííäý - íáèòpà- èüíäý éáèñèèá	Ìpíèçáíäýùèá - íáípièçáíäýùèá ñèíáá, ííèíàðèäü - èííipáññèäü - ýèñípáññèäü - ñèíáá - ýèää- òü
--------------------------------------	---	--

И лексико-семантические, и деривационные классы слов могут иметь различный объем. Минимальные лексические классы слов — это словесные оппозиции, образуемые синонимами, паронимами, антонимами, омонимами, словами, находящимися в гипо-гиперонимических отношениях. Аналогичны им минимальные деривационные объединения слов: словообразовательные пары, образуемые производным и его непосредственным производящим (*приватизировать* → *деприватизировать*), словообразовательные варианты слова (*рекетир* ↔ *рекетёр*, *эснгэвский* ↔ *эснговский*), словообразовательные омонимы (*кровь* → *обескровить* → *обескровленный* и *кров* →... → *обескровленный*), словообразовательные синонимы (*спонсорство* ↔ *спонсирование*) и подобные группы лексем.

Максимально большими лексическими группировками слов являются ассоциативные и семантические поля. Последние объединяют лексемы разных частей речи с общими компонентами в лексическом значении; первые, психолингвистические по своей природе, состоят из семантически и формально похожих единиц. Максимально большие деривационные классы слов — это словообразовательные категории, словообразовательные поля и способы словообразования. Словообразовательные категории охватывают слова одной части речи с тождественным словообразовательным значением, например, словообразовательная категория со значением «носителя признака» включает отглагольные субстантивы *летчик*, *пахарь*, *учитель*, *ученик*; отадъективные — *ленивец*, *ловкач*, отсубстантивные — *бородач*, *скрипач* и подобные лексемы. Словообразовательные поля представляют собой совокупности дериватов разных частей речи, объединенных общностью словообразовательного значения производ-

ных независимо от их категориально-грамматической семантики. Так, поле уменьшительности состоит из производных существительных: *домик, девочка, рыбка*; прилагательных: *красивенький, бледноватый, малюсенький*; глаголов: *уменьшить, прихворнуть, покрикивать*; наречий: *меньше, немножко* и подобных дериватов. Способы словообразования — это формальные классы производных, объединенные общностью типа деривационного средства, использованного для их создания; это группы префиксальных, суффиксальных, постфиксальных, конфиксальных и иных лексем.

Как деривационные, так и лексико-семантические классы слов могут выделяться на разных основаниях и быть формальными, семантическими, формально-семантическими или функционально-стилистическими.

Формальные лексические классы слов обладают минимальным объемом; к ним относятся омонимы всех видов: омонимы — лексемы, омоформы, омофоны и омографы.

Формальные деривационные группы слов могут быть как незначительными по объему, так и достаточно большими. Например, ряды словообразовательных омонимов обычно состоят из двух слов. Величина этимологических гнезд, выделяемых на основании формального тождества корня без учета его синхронной семантики, напротив, значительна. Этимологические гнезда слов более велики, чем синхронные словообразовательные гнезда, поскольку включают в свой состав все исторически родственные слова, в том числе архаизированные и десемантизированные генетически однокоренные лексемы. Значительны по объему и такие формально-деривационные классы слов, как ряды одноструктурных лексем, производных и непроизводных слов.

Таким образом, формальные классы слов значительно более типичны для деривационной, а не лексической стратификации словарного состава языка. Это естественно, поскольку словообразовательные интересуют формально-семантические отношения слов, а для лексики более существенны чисто семантические связи. Омонимы как проявление формальной парадигматики русских слов — случайное образование в лексике, не связанное с природой языка, существенными особенностями его строения.

Среди лексических классов слов чрезвычайно многообразны и многочисленны семантические группировки. К ним относятся лексико-семантические парадигмы разных типов, синонимические ряды, группы антонимов, гипонимов и гиперонимов, лексико-семантические и тематические группы слов, семантические и ассоциативные поля. Семантические деривационные классы слов — это словообразовательные поля и категории, группы слов идиоматичной и неиди-

оматичной семантики. Эти классы слов обычно достаточно велики по объему.

К формально-семантическим лексическим группам относятся немногочисленные объединения паронимов, однокоренных синонимов и антонимов, тематические и иные классы слов, обладающих сходством не только семантики, но и формы: деривационных средств — манифестаторов значения (ср.: *друг* ↔ *враг* — семантическая, а *друг* ↔ *недруг* — формально-семантическая оппозиция антонимов).

Деривационные формально-семантические классы слов, напротив, отличаются многочисленностью и структурным разнообразием. К ним можно отнести словообразовательные пары слов; дериваты, образованные по одному словообразовательному типу; дериваты, входящие в одну словообразовательную парадигму, цепь, гнездо; словообразовательные синонимы и варианты слов (в терминах лексикологии — однокоренные синонимы); словообразовательно-семантические или морфосемантические поля, объединяющие семантически близкие слова с общим аффиксом или основой (П. Гиро); обобщенно-мотивационные классы слов (М. Н. Янценецкая). Важность именно этого типа классов слов для дериватологии обусловлена природой словообразования, знаковостью, двусторонностью его единиц.

Чрезвычайно многообразны функционально-стилистические лексические классы русских слов, отражающие особенности функционирования языковых единиц с точки зрения их употребления во времени (активный и пассивный запас языка: неологизмы, историзмы, архаизмы), на той или иной территории (общеупотребительная лексика и диалектизмы), в том или ином социальном пространстве (жаргонизмы, арготизмы, терминосистемы и под.) или функциональном стиле (нейтральная и стилистически маркированная лексика, высокая, сниженная и т. п.); с точки зрения особенностей их семантики (наличия или отсутствия коннотативных: экспрессивных, эмоциональных, оценочных, национально-культурных, идеологических и иных компонентов значения).

В последнее время и в дериватологии активно изучаются функционально-стилистические типы слов. Е. А. Земская (1987: 67 — 68) делит все деривационные средства по выполняемой ими функции и — соответственно — образуемые с их помощью дериваты на 4 группы: 1) дериваты — номинативы, появляющиеся в результате реализации потребности в необходимом наименовании; 2) дериваты — конструктивы, призванные упростить построение речи, к ним относятся синтаксические дериваты; 3) дериваты — экспрессивы, не только называющие что-либо, но и передающие отношение говорящего к объекту номинации (*книга* — *книженция*); 4) дериваты — экваты, или стилистические дериваты, тождественные произво-

дядему по денотативно-сигнификативным компонентам значения и отличающиеся от него только по сфере употребления: использование в том или ином функциональном стиле (ср.: *тетрадь* \Leftrightarrow *разг. тетрадка*; *похоронить* \Leftrightarrow *канц. захоронить* и под.).

К функционально-деривационным классам слов надо отнести и такие разряды лексем, как производящие и производящие единицы. Подобное деление русских слов учитывает одну из их функций: способность или неспособность быть структурно-семантической основой для образования новых номинативных единиц.

Сопоставление типов деривационных и лексических классов слов (таблица 1) обнаруживает как их существенное сходство по объему и возможным видам, так и значительные различия, существующие между ними. Различия касаются прежде всего разнообразия и удельного веса того или иного вида классов слов среди деривационных и лексических парадигм.

В лексикологии более разработаны семантическая и функционально-стилистическая стратификация словарного состава: именно они наиболее важны и актуальны для лексикологического мышления индивида, для воплощения средствами лексики существующей в его сознании ЯКМ.

В дериватологии наиболее исследованы формальные и формально-семантические классы слов, что обусловлено тем, что формальный аспект словообразовательных единиц легко наблюдаем и первым привлек внимание дериватологов. В последнее время достаточно активно изучаются и функционально-стилистические и семантические явления словообразования (Е. А. Земская, М. Н. Янценецкая, Л. А. Варакин и др.).

Принципиально различно положение формальных групп слов в лексикологической и словообразовательной системах русского языка. В лексике такие классы слов случайны и немногочисленны, в словообразовании некоторые объединения, например классы префиксальных, суффиксальных и иных одноструктурных дериватов, — естественны и достаточно велики количественно. Последнее обусловлено возможностью полного отвлечения в деривационных классификациях от семантических особенностей слова и принципиальной невозможностью «забвения» семантики при более конкретном лексикологическом осмыслении словарного состава языка. Уровень абстракции деривационных единиц значительно выше принципиально возможного уровня обобщения в лексикологии: абстрагирование в дериватологии носит внутриязыковой, а в лексикологии — внеязыковой характер, первое основано на обобщении особенностей языковых единиц, второе — на отвлечении от специфических черт конкретных однотипных реалий.

В русском языке нет непроходимых границ между деривационными и лексическими классами слов, напротив — много явлений, объединяющих их. К таким переходным, гибридным, лексико-деривационным классам слов относятся лексические группы, построенные с использованием однотипного деривационного средства (ЛСГ, синонимический, антонимический ряд и под.); морфосемантические поля, о которых говорилось выше; мотивационные гнезда — совокупности однокоренных слов, связанных друг с другом отношениями мотивации. Последние не всегда совпадают с отношениями непосредственной производности, а могут быть основаны на опосредованных мотивациях, мотивациях кодериватом или даже формально более сложной лексемой (ср.: *позавтракать* ‘съесть завтрак’ — опосредованная мотивация, *маг* ‘магнитофон’ — мотивация структурно более сложной единицей, *разлить* ‘пролить’ — мотивация кодериватом и т. п.).

О наличии тесных связей между лексико-семантическими и деривационными классами слов свидетельствует и существование способов глагольного действия. Это особые деривационно-грамматические классы русских глаголов, уточняющие характер протекания действия и манифестирующие этот семантический признак — конкретизатор действия — той или иной словообразовательной морфемой. Так, начинательный способ действия передает этот компонент значения с помощью приставок *за-*: *закричать*, *запеть*, *вс-*: *вскричать*, *вспыхнуть*, *по-*: *побежать*, *полететь* и др. Но это же значение начала действия может передаваться лексемой в целом и не иметь морфемного показателя: *начать*, *родиться* и под. Последнее обстоятельство позволило некоторым ученым определять способы действия как семантические группы слов и выделять среди них деривационно-маркированные и немаркированные СГД (Н. С. Авилова).

2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ В ДЕРИВАЦИОННОМ ОСВЕЩЕНИИ

Деривационная характеристика тех или иных лексических явлений способствует более глубокому и полному освещению природы последних, позволяет выявить те особенности их строения и организации, которые скрыты при ином подходе.

В лексикологических исследованиях словообразовательный аспект присутствует в работах, которые посвящены истории формирования и развития каких-либо лексико-семантических или тематических групп русских слов, синонимичных, антонимичных и иных рядов (Е. Б. Бесолова, Г. А. Бочкарева, Н. А. Гоголина, Е. И. Державина, А. А. Кретов, А. И. Кузнецова). Такие истори-

ко-лексикологические работы обычно содержат лишь отдельные замечания о наиболее ярких морфодеривационных особенностях данных словесных группировок. В них, как правило, нет последовательной и достаточно полной деривационной характеристики изучаемых явлений.

Особенно не повезло в этом отношении глагольной лексике. Она менее всего исследована в историко-лексикологическом аспекте (Кретов 1994: 85). Немногочисленными примерами такого анализа являются диссертации А. И. Кузнецовой и Н. А. Гоголиной, посвященные истории формирования глаголов движения и чувства, а также работа А. А. Кретова (Кретов 1994: 85–91), рассматривающего динамику глагольных ЛСГ на трех временных срезах XII, XVII и XX веков. Деривационный аспект эпизодически присутствует в этих исследованиях, поскольку один из основных путей формирования русских глагольных ЛСГ — пополнение их новыми глаголами, созданными с помощью средств русского словообразования.

В монографии Р. М. Цейтлин, посвященной проблемам сравнительной исторической лексикологии славянских языков, предпринята попытка выделения среди ЛСГ объединений двух типов: корневых и аффиксальных ЛСГ (Цейтлин 1996: 34–35). При этом ЛСГ понимаются как морфемные корневые или суффиксальные группы слов (то есть словообразовательные гнезда или классы одноструктурных лексем), а не семантические объединения слов.

Вторая группа лексикологических работ, в которых частично освещаются словообразовательные особенности тех или иных лексических явлений, — это исследования, описывающие конкретные ЛСГ современного русского языка, особенности их организации, парадигматики, синтагматики, а иногда и морфодеривационной структуры образующих их единиц (В. П. Абрамов, Л. В. Балашова, З. У. Блягоз, Л. А. Вараксин, Р. М. Гайсина, Е. М. Гордон, Е. Е. Жуковская, А. М. Зализняк, Ибрагимова, Р. Г. Карунц, Л. Ф. Клеопатрова, А. А. Кретов, Н. А. Козельская, А. И. Кузнецова, Г. Н. Плотникова, М. Ф. Скорнякова, Л. В. Салазникова, П. С. Сигалов, И. Р. Хакимова, А. Ф. Хужина, Н. Ф. Чевельгина, В. Ф. Черепанова и др.).

В коллективной монографии «Лексико-семантические группы русских глаголов» (1989: 61–83) Г. Н. Плотникова и М. Ф. Скорнякова впервые попытались обобщить подобные конкретные исследования и, привлекая собственные наблюдения, создать типологию ЛСГ русских глаголов, учитывающую деривационные особенности последних (см. также работы И. М. Слонимской). Среди русских ЛСГ были выделены группы, в которых преобладают непроемные или, наоборот, только производные лексемы.

Третья группа работ, содержащих деривационную характеристику каких-либо лексико-семантических явлений, посвящена анализу семантики производного слова: роли словообразовательных средств: мотивирующей базы и деривационного аффикса — в формировании отдельной семемы и системы значений полисемантического слова (О. П. Ермакова, В. А. Иноземцева, Р. Х. Каримова, З. Г. Кеворкова, Е. С. Кубрякова, И. Г. Милославский, Г. М. Нацкинina, Н. Г. Нестерова, Е. В. Огольцова, А. Н. Тихонов и др.). В этих работах появились понятия отраженной полисемии и омонимии, то есть семантических особенностей, наследуемых дериватом от своего производящего. В русле этого же направления появляются исследования, обнаруживающие однотипность развития системы значений одноструктурных или однокоренных образований (И. В. Альтман, Е. Б. Бесолова, Л. С. Лев, Т. Г. Пономаренко, А. Д. Чолакова).

Таким образом, деривационное описание глагольных ЛСГ может опираться на складывающуюся в русском языкознании традицию морфодеривационной характеристики тех или иных лексических групп слов.

Для глаголов подобное описание особенно важно, поскольку деривационные возможности этой части речи оказывают существенное влияние на словообразовательную систему русского языка в целом, а через нее — опосредованно — на лексический уровень языковой системы. Некоторые исследователи, в частности Н. Ю. Шведова, считают глагол доминантой русской лексики в целом. Именно глагол среди всех знаменательных частей речи русского языка обладает наиболее значительным деривационным потенциалом. От одного непроизводного глагола, по данным А. И. Моисеева (Моисеев 1987: 151), образуется в среднем 23 деривата, от непроизводного существительного — 17, от непроизводного прилагательного — 11 слов. Словопорождающие возможности более значительны только у числительных и местоимений (числительное мотивирует в среднем 113 производных, местоимение — 38), что обусловлено лексической бедностью и сигнификативными особенностями этих частей речи.

Деривационная характеристика глагольных ЛСГ чрезвычайно важна еще и потому, что среди глаголов преобладают производные лексемы, которые обычно образуются с помощью префиксов и префиксодержащих деривационных средств. Суффиксальное словообразование менее характерно для отглагольного словопроизводства. По данным «Русской грамматики», отглагольные глаголы образуются с помощью 28 префиксов и 86 конфиксов (РГ, § 850—929; 936—963). Префиксы и деривационные морфемы, в состав кото-

рых они входят, в силу большей лексичности своего значения (по сравнению с суффиксами и постфиксами, например) оказывают существенное влияние на формирование лексической семантики отглагольных дериватов. Это позволило Л. А. Вараксину, исследовавшему степень изменения семантики производящего глагола в производном в результате присоединения префикса, разделить все производные отглагольные глаголы на дериваты мутационного и модификационного типа. Во втором случае лексическое значение префиксального глагола не просто видоизменяется, модифицируется, а претерпевает резкие семантические сдвиги (Вараксин 1996: 29 – 45).

Необходимость теоретического осмысления морфодеривационных особенностей строения ЛСГ русских глаголов поддерживается потребностями лексикографического представления данных объединений слов в Толковом идеографическом словаре русских глаголов, создаваемом на кафедре современного русского языка УрГУ. Наличие в составе ЛСГ значительных рядов одноструктурных лексем, обладающих однотипной семантикой, поставило проблему семантизации их значений, как правило, неидиоматичных, и подачи данных единиц в словаре списком или в виде отдельной статьи на каждое слово (подробнее об этом см.: Попова 1996).

Материалом для наших наблюдений послужили ЛСГ русских глаголов, зафиксированные в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Свердловск, 1988) и в «Толковом идеографическом словаре русских глаголов» (рукопись).

Типология ЛСГ с точки зрения особенностей их внутренней организации является одной из актуальных проблем современной теории ЛСГ. Существующие классификации ЛСГ, в том числе глагольных, учитывают различные виды семантических отношений между членами подгруппы внутри ЛСГ или отдельными лексемами и базовыми глаголами, возглавляющими группу. Так, В. В. Богданов выделяет три типа строения ЛСГ: разветвленное поле, линейное поле, смешанное поле (1977: 20). Л. О. Чернейко описывает три типа возможных лексико-семантических парадигм внутри ЛСГ: круговую парадигму, в которой все члены равно удалены от категориальной семы; линейную, или ступенчатую, парадигму, единицы которой располагаются на разном расстоянии от центра; концентрическую парадигму, которая совмещает указанные выше типы организаций (1980: 16). Также на чисто семантическом основании все глагольные ЛСГ делятся на иерархические, веерные, комплементарные и градуальные (Вепрева, Гоголина, Жданова 1984: 5).

При анализе глагольной лексики наиболее важна и адекватна ее природе, как уже отмечалось выше, деривационно-семантическая характеристика ЛСГ. Это проявляется уже в том, что почти все

названные выше типы ЛСГ напоминают структурные типы словообразовательных гнезд русского языка. Так, иерархический тип ЛСГ (Вепрева, Гоголина, Жданова 1984: 15) аналогичен словообразовательному гнезду, равному словообразовательной цепи; ЛСГ веерного или градуального типов — словообразовательному гнезду, совпадающему со словообразовательной парадигмой; ЛСГ комплементарного типа — многовершинному словообразовательному гнезду, возглавляемому словами со связанными корнями и обычно совпадающему со словообразовательным гнездом, равном парадигме.

Нет аналогов только для элементарных словообразовательных гнезд, равных словообразовательной паре (в лексикологии к ЛСГ обычно относят более значительные, чем словесная оппозиция, парадигмы), и комплексных, наиболее типичных для системы русского словообразования, обладающих веерно-цепочечной структурой. По мнению авторов последней семантической классификации ЛСГ, в лексикологии «неправомерно... выделять в качестве самостоятельного типа организации смешанные структуры, которые в своем строении обнаруживают совмещение двух и более самостоятельных структурных типов, ибо лексическая система отличается подвижностью, открытостью. Границы ЛСГ неустойчивы, отдельные группы слов всегда могут быть расширены за счет новых слов и за счет единиц соседних семантических классов» (Вепрева, Гоголина, Жданова: 15—16).

Нам представляется, что все-таки возможно установить с определенной долей вероятности состав конкретной ЛСГ на том или ином синхронном срезе языка, а значит, и ее строение. Необходимость выделения ЛСГ смешанного типа обусловлена еще и тем, что указанные выше виды ЛСГ (веерный, комплементарный, градуальный, иерархический) охватывают по нашим предварительным подсчетам, около 36% всех глагольных ЛСГ (табл. 2). Вызывает сомнение, что остальные 64% русских ЛСГ распределятся без остатков по этим же структурным типам.

Интересные замечания позволяют сделать сопоставление продуктивности выше названных структурных типов СГ в деривационной системе языка и коррелятивных видов ЛСГ в лексической подсистеме глагольной лексики. Распространенность СГ различной структуры в русском языке установлена в исследованиях А. И. Моисеева (Моисеев 1987: 51; см. таблицу 3). О продуктивности ЛСГ разного строения можно судить по удельному весу глаголов, входящих в них, среди всей глагольной лексики, описанной в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Свердловск, 1988; см. табл. 3). Сопоставление этих данных обнаружило следующее.

**Удельный вес ЛСГ разной структуры в глагольной лексике
современного русского языка**

	Êîëë-áñòâî		Óääëüíúë áâñ	
	äëääîí- ëíâ á ËÑÄ ääííí- âí òë- iâ	ipíâiâ- ëëçëpí- piââí- íúò ËÑÄ ääíííë òòpú	äëääíëíâ ËÑÄ äâí- ííâí òë- iâ âí âñâë äëâ âíëüííë ëâëñëëâ (íëíëí 5000 ñëíâ), %	ËÑÄ äâí- ííë ñòpóë- òòpú ñpääë âñâò pón- ñëëò äëâ- âíëüíúò ËÑÄ, %
"xëñòúë"	900	29	18	17
Âââpíúë	213	2	4	1
Âpââòâëüíúë	564	20	11	12
Êíííëääíâíðâpíúë	123	7	3	4
Êíííëääëñíúë	1436	31	29	31
Âñââí ipíâiâëë- çëpíââíí äâë- iëò	2336	60	47	36

Примечания.

1. Общее количество ЛСГ определялась по словарю-справочнику "Лексико-семантические группы русских глаголов" (Свердловск, 1988).

2. К ЛСГ веерной структуры отнесены 2 ЛСГ глаголов начальной фазы бытия, существования и прекращения бытия, объединяющие 213 глаголов (соответственно 77 и 136 глаголов).

К ЛСГ градульного типа — 10 ЛСГ поля поведения, 1 ЛСГ глаголов образа жизни, 4 ЛСГ глаголов межличностных отношений, 5 ЛСГ глаголов качественного состояния и его изменения, объединяющие 564 глагола (соответственно 156, 10, 96 и 302 глагольных лексемы).

К ЛСГ комплементарного типа отнесены 4 ЛСГ глаголов физиологического действия и 3 ЛСГ глаголов физиологического состояния, объединяющие соответственно 64 и 59 лексем, всего 123 глагола.

К ЛСГ иерархического типа относятся 8 ЛСГ глаголов помещения (506 слов), 7 ЛСГ глаголов приобщения объекта (192 слова), 2 ЛСГ глаголов звучания (83 лексемы), 1 ЛСГ глаголов подчинения (10 слов), 1 ЛСГ глаголов избавления (40), 12 ЛСГ воздействий на живое существо (601), включающие в свой состав в целом 1436 слов.

3. Не все ЛСГ русских глаголов описаны с точки зрения их строения, поэтому приведенные в таблице охватывают только часть глагольной лексики.

4. Веерные, градуальные, комплементарные ЛСГ объединены в пятом столбике в один тип, так как все они соответствуют веерной организации словообразовательного гнезда, иерархические ЛСГ — комплексным СГ.

Таблица 3

Удельный вес словообразовательных гнезд разной структуры в деривационной системе русского языка

Øei NÄ	Êîëë+âñòâî		Ôääëüíúë äâñ	
	NÄ òà- éíé ñòðóë- òòpü	ääpè- ääòíâ â NÄ ääí- ííé ñòðóë- òòpü	NÄ äâí- ííé ñòðóë- òòpü ñpääë âñâó pón- ñêëò NÄ, %	ääpèää- òíâ NÄ íipääâ- éâííé ñòðóë- òòpü ñpääë âñâó ääpèää- òíâ pón. yçúëâ, %
Ýëâíâíòâpíúé	230	-*	12	1,5
Äââpíúé	800	2000	25	8
Ôâíí+â+íúé	75	200	2,5	0,5
Êíííëääëñíúé	2000	25000	60	90
Äñââí	3105	27200	-	-

Примечание. В работе А. И. Моисеева нет данных о количестве дериватов в СГ, совпадающих со словообразовательной парой, указывается лишь удельный вес их среди всех производных русских слов.

Во-первых, для деривационной системы русского языка наиболее важны СГ сложной, комплексной, веерно-цепочечной, структуры. Такое строение имеют более 60% всех русских гнезд, которые охватывают 90% лексики современного русского языка. В лексической системе русского языка наиболее продуктивны иные ЛСГ, а именно: группы, обладающие более простым, иерархическим строением: составляя 19% всех исследованных пока ЛСГ, они охватывают почти треть глагольной лексики рассматриваемого словаря. ЛСГ данного типа аналогичны непродуктивным цепочечным СГ, которые составляют 2,5% всех СГ русского языка и охватывают лишь 0,5% всей производной лексики.

Во-вторых, значительно более распространены среди ЛСГ русских глаголов лексико-семантические парадигмы веерно-градуально-комплементарного типа, чем обладающие аналогичной структурой веерные СГ в деривационной системе русского языка. Так, «веерные» (в широком смысле) ЛСГ охватывают 18% глагольной лексики и составляют 17% всех глагольных ЛСГ, в то время как веерные СГ объединяют 8% русской производной лексики и образуются от каждого четвертого мотивирующего слова.

Данные наблюдения (особенно если они подтвердятся после описания и анализа всех ЛСГ русского языка) приводят к выводу о разных особенностях формально-семантической и чисто семантической (в рамках ЛСГ) деривации, об отсутствии прямой корреляции между ними при очевидной внешней аналогии.

Первой попыткой типологии ЛСГ, учитывающей морфодеривационные особенности составляющих их глаголов, было деление ЛСГ на группы, в которых преобладают непроизводные или производные глаголы (Плотникова, Скорнякова 1989: 63–64). Эта теория основывалась на том, что некоторые исследователи глагольных ЛСГ (Галенко И. Г., Слонимская И. М., Чевельгина Н. Ф., Хакимова И. Р., Гарипова Н. Д., Вайсблат И. Р., Черепанова В. Ф., Карунц Р. Г. и др.), стремясь к возможно более полному описанию последних, обратились к словообразовательному аспекту и установили, что «отдельные ЛСГ характеризуются наличием целых рядов глаголов, образованных по одним и тем же типам. Они образуют в рамках одной и той же лексико-семантической группы особого рода функционально-семантические парадигмы, в которые входят слова, сходные не только по тем или иным дифференциальным семам, но и по способам их манифестации» (Плотникова, Скорнякова 1989: 61). Но таких глаголов и ЛСГ, для которых были бы характерны специфические морфемные структуры, связанные с общностью корня или общностью аффиксального оформления, в русском языке, по данным разных исследователей, немного. К ним относятся, например, глаголы поведения с суффиксами *-ничать*, *-овать*, глаголы соответствия с приставкой *со-* (Гайсина 1979), глаголы биологического существования с конфиксом *о-...-иться* (Чудинов 1979) и некоторые другие.

Г. Н. Плотникова и М. Ф. Скорнякова предлагают откорректировать словник ЛСГ русских глаголов за счет описания их лексического минимума, состоящего из непроизводных слов и являющегося по сути словообразовательной базой лексико-семантической группы (Плотникова, Скорнякова 1989: 74).

Если первое положение исследователей о наличии ЛСГ, в которых преобладают только непроизводные или только производные

лексемы, бесспорно, то второе — о лексическом минимуме ЛСГ как о достаточно репрезентативном их компоненте — вызывает возражения. При таком описании ЛСГ из поля зрения исследователя совершенно выпадают производные глаголы и глаголы во вторичных значениях, входящих в состав ЛСГ; такие лексемы могут составлять значительную часть группы.

Состав ЛСГ русских слов может формироваться за счет 3-х источников: 1) за счет непроемных лексем; 2) их формально-семантических дериватов и 3) семантических производных — вторичных значений мотивированных и немотивированных слов. Семантические дериваты относятся к периферии ЛСГ, но их удельный вес в составе группы может быть довольно значительным. Так, среди глаголов соединения (см. ТСЛСГ) 38 глаголов (*вить, вязать, связать, завязать, завязывать, мешать, путать, слить* и под.) входят в эту группу не только в основном, но и во вторичных значениях.

В целом семантические дериваты составляют 25% всех единиц данной ЛСГ, хотя большинство формирующих эту группу глаголов относится к производным лексемам: 110 слов из 165, или 69% от числа всех. Среди последних есть производные глаголы с субстантивными (*свинтить, спарить, централизовать, цементировать, скленть*), адъективными (*объединить, соединить*), нумерализованными (*строить, сдвоить*) и глагольными корнями (*запаять, пригнуть, согнуть, загнуть, сварить*). Отглагольные дериваты количественно преобладают. Таким образом, в составе данной ЛСГ всего 17 непроемных глаголов (6% от числа всех лексем групп), от них образуются 43 деривата с семантикой соединения.

Аналогичное соотношение способов формирования ЛСГ наблюдается в ЛСГ глаголов скрытия объекта и одевания, но принципиально иное — в ЛСГ глаголов субъектного и объектного перемещения (см. табл. 4).

Среди глаголов перемещения относительно невелик удельный вес производных глагольных лексем, употребленных в основных значениях; такие единицы составляют лишь 27% всего состава ЛСГ (ср. удельный вес подобных единиц в ЛСГ глаголов скрытия объекта — 74%): ВЗДЕРГИВАТЬ ‘заставлять что-либо быстрыми резкими движениями, рывками, толчками перемещаться вверх’, ВЫВАЛИВАТЬ ‘заставлять перемещаться кого-, что-л. вниз толчком, путем ликвидации опоры, изменения устойчивого положения тела’, ВЫРОНИТЬ ‘позволить чему-л. переместиться откуда-л. вниз, на землю’ и под.

ЛСГ глаголов перемещения формируется в основном за счет производных и непроемных лексем во вторичных значениях (70%

всей ЛСГ): БРОСАТЬ ‘заставлять кого-, что-л. быстро перемещаться куда-л. для выполнения какого-л. задания, направить, послать куда-л. Всех приехавших на сельхозработы бросили на прополку полей’, БРОСАТЬ ‘обычно безл. Заставлять кого-л. непоступательно, беспорядочно и интенсивно двигаться в результате неоднократных толчков. Машину бросало из стороны в сторону’, ВОЗВОДИТЬ ‘перемещать взор, глаза, брови и т. п. выше обычного их положения; поднять их, устремить вверх’, ЗАРОНИТЬ ‘позволить чему-л. случайно переместиться вниз (на землю, пол) что-л. горячее и вызвать этим пожар’ и т. п. Следовательно, основной путь формирования ЛСГ глаголов перемещения объекта — семантическая деривация.

Таблица 4

Способы формирования ЛСГ русских глаголов

ЕЃЃ ăăăăîîâ	ó ä å ë ù í û é ä å ñ äăăăîîâ, %			
	â îñîâîîö çîâ+âîëÿö	âî äöîðë+îö çîâ+âîëÿö	ñâîðîëçâîâ- îüâ äăăăîîëü	îðîëçâîâ- îüâ äăăăîîëü
ñîââîîâîëÿ	6	69	2,5	22,5
ñëðîðëÿ îâüâëöâ	2	74	4	20
îââââîëÿ	8,5	66	5,5	21
îâðâîüâîëÿ	5,5	27	19	49,5

Таким образом, ЛСГ русских глаголов резко отличаются друг от друга по источникам и основным путям их формирования. В данном аспекте лексико-семантические группы изучены явно недостаточно, хотя отдельные замечания о роли глаголов во вторичных значениях в составе той или иной ЛСГ содержатся в ряде работ, посвященных описанию конкретных ЛСГ (Боровикова Н. А., Макарова Л. С.). Недостаточная разработанность данной проблемы не позволяет сделать каких-либо достоверных значительных обобщений.

Положение о том, что ЛСГ можно описать через набор производных глаголов представляется недостаточно обоснованным еще и потому, что роль производных глаголов в составе ЛСГ в целом незначительна (см. табл. 4): их удельный вес обычно колеблется в пределах от 2 до 9%, хотя может достигать и 69% (табл. 5).

Таблица 5

Роль непроизводных глаголов в ЛСГ русских глаголов

İieâ / İiaııieâ	Âñääı	Èç ieò İaipieç- İaıiıò äëäıieıâ	Óääëüıé ääı İaipı- èçİaıiıò äëäıieıâ, %
Aäeñoäëä è ääyðäëüııñòü			
1.1 İapalıäüäıieâ	524	103	20
1.2 İııäüäıieâ	506	33	6,5
1.3 Õeçè+âñeıâ äıçääeñðäëä İà İáüäëò	1271	181	14
1.4 Ñıçëääðäëüııy ääyðäëü- ııñòü	194	45	23
1.5 Èıðäëëäëòðäëüııy ääy- ðäëüııñòü	265	52	20
1.6 Ðä+äääy ääyðäëüııñòü	180	68	38
1.7 Ñıðäëëüııy ääyðäëü- ııñòü	213	80	38
1.8 Õeçèıeııäe+âñeıy ääy- ðäëüııñòü	61	22	36
1.9 Çäó+äıieâ	83	57	69
Âñääı:	3297	641	19
Ñıñðıyieâ			
2.1 Áüðëä	322	56	17
2.2 Èa+âñðääıııä ñıñðı- yieâ	302	29	10
2.3 Ñıðëäëüııä ñıñðıyieâ	166	18	11
2.4 Ýııðeıııäëüııä ñıñðı- yieâ	151	33	22
2.5 Õeçèıeııäe+âñeıä ñı- ñðıyieâ	56	10	18
2.6 Óııeðäııäëüııä ñı- ñðıyieâ	176	18	10
Âñääı:	1173	164	14
İoııøäıeâ			
3.1 Âçäëıııðııøäıeÿ	31	3	9
3.2 Äëäääıeâ	203	43	21
3.3 İäæë+ııñòııä İoıı- øäıeÿ	96	34	35
3.4 Ñıðëäëüııä İoııøäıeÿ	186	46	25
Âñääı:	516	126	24
Èòıäı:	4986	931	18,6

Некоторые ЛСГ не могут быть сведены к непроеизводным глаголам потому, что 90 и более процентов составляющих их глаголов являются одноструктурными образованиями, созданными по нескольким словообразовательным моделям. Так, ЛСГ глаголов присоединения содержит лишь 1 НГ *липнуть* и 95 производных лексем. 10 из них образованы от бесприставочных глаголов с помощью префикса НА- (*винтить* → *навинтить*, *вязать* → *навязать*, *лепить* → *налепить*), 74 — с помощью префикса при- (*бить* → *прибить*, *ковать* → *приковать*, *колоть* → *приколоть*, *колотить* → *приколотить*). Если попытаться описать эту ЛСГ через непроеизводные глаголы, от которых образованы входящие в ЛСГ лексем, то окажется, что большинство из непроеизводных производящих единиц не относятся к данной ЛСГ и не имеют в своем значении категориально-лексической или дифференциальной сем соединения (см., напр., глаголы *бить*, *бесить*, *делать*, *кипеть*, *пахать* и т. п.). Присоединение к ним префикса изменило категориально-лексическую семантику глагольного слова. ЛСГ такого строения — с преобладанием в их составе одноструктурных слов, как показывают наши наблюдения, достаточно типичны для русского языка.

Все вышеизложенное приводит к выводу о том, что типология ЛСГ должна учитывать морфо-деривационные особенности составляющих группу единиц в силу их яркой выраженности и значительной распространенности. Семантика производных глаголов, составляющих большинство русских глагольных слов, строится не только на денотативно-сигнификативной основе, но и на деривационной соотнесенности их с производящими. Это обуславливает необходимость комплексной деривационно-семантической классификации глагольных ЛСГ.

К морфо-деривационным особенностям глагольных ЛСГ, релевантным для их типологии, надо отнести следующие: 1) удельный вес производных и непроеизводных лексем в составе ЛСГ; 2) частречную семантику корней слов формирующих ЛСГ; 3) наличие или отсутствие и удельный вес в ЛСГ видов глаголов, образованных по одной словообразовательной модели или типу; 4) тип и семантику деривационной морфемы (приставка, суффикс, постфикс, конфикс), с помощью которой были образованы производные глаголы, формирующие данную ЛСГ; 5) способ манифестации КЛС в структуре глагола: корнем или аффиксом; 6) то, какая деривационная морфема: префикс, суффикс или конфикс — передает эту сему. Наиболее «лексично» значение префикса: именно словообразовательное значение приставки может резко изменить КЛС глагола-деривата, что заставит отнести его к иной, чем производящий глагол, ЛСГ.

Рассмотрим более подробно выделенные выше признаки.

Первый признак представляется существенным для деривационно-семантической классификации глаголов, поскольку сферы номинации производных и непроизводных слов, кусочки формируемой ими ЯКМ (Кубрякова 1988: 141 – 173) различны. Использование чисто семантических или формально-семантических – эпидигматических – связей важно для включения различных механизмов речепорождения, хотя оба начала – лексико-семантическое и эпидигматическое – имеют одну цель – обеспечение автоматизма порождения речи (Голев 1990: 62).

Производность/непроизводность составляющих ЛСГ глаголов очень важна, т. к. среди русских глаголов преобладают производные слова. По подсчетам, проведенным нами по материалам словаря «Лексико-семантические группы русских глаголов», удельный вес мотивированных лексем среди русских глаголов составляет более 81%. Он неодинаков среди разных суперпарадигм – разных полей: максимально велик у глаголов состояния (86%), снижается у глаголов действия (81%) и минимален у глаголов отношения (76%). Значительно большее количество производных слов среди глаголов состояния по сравнению с другими суперпарадигмами русского глагола связано с характером действия, передаваемого последним: состояние может быть обнаружено только через внешние признаки его проявления. Поэтому глаголы состояния часто мотивируются именами существительными (*контраст* → *контрастировать*, *луч* → *излучать*, *дым* → *дымиться*, *кровь* → *кровоточить*, *искра* → *искрить*, *слои* → *слоиться*) или прилагательными (*алый* → *алеть*, *черный* → *чернеть*, *красный* → *краснеть*, *густой* → *густеть*, *крепкий* → *крепчать*, *взрослый* → *взрослеть* и под.).

Удельный вес производных и непроизводных глаголов в составе ЛСГ может колебаться в значительных пределах и составлять, по нашим наблюдениям, (табл. 4, 5), от 2% (глаголы сокрытия объекта) до 69% (глаголы звучания) состава всей ЛСГ.

Абсолютное преобладание среди глаголов помещения производных единиц (94%) обусловлено экстралингвистическими факторами – особенностями обозначаемого действия, особенностями сигнификата. Помещение какого-л. объекта куда-л. может происходить лишь в результате движения (*всыпать*, *втащить*, *забросить*) или конкретного физического действия (*вдавить*, *вкленить*, *вколотить*, *влепить*, *вмазать*, *вмотать* и под.). Поэтому почти все глаголы помещения (исключения: *класть*, *макать*, *деть*, *низать*, *совать*, *вешать*, *стать*, *стлать*, *хоронить*) – производные отглагольные единицы.

Состоят преимущественно из производных слов ЛСГ глаголов перемещения, ориентированного относительно какого-либо пункта

(конечного: 62 глагола из 64, начального: 37 глаголов из 38 или промежуточного: 40 из 41), соединения, пропитывания объекта, качественного состояния, некоторые ЛСГ глаголов интеллектуальной деятельности (сравнения, выбора, названия, обозначения), бытия, социальных отношений, поведения.

Среди глаголов звучания, напротив, преобладают непроеизводные лексемы. Почти все глаголы, передающие в современном русском языке звуки живых существ или неодушевленных предметов, генетически восходят к звукоподражательным словам, но среди них выделяются лексемы, потерявшие к настоящему времени мотивирующие звукоподражательные единицы (ср. *лаять, реветь, свистеть, выть, шелестеть, хлопать, трезвонить, рокотать*), и те, что сохранили их (*гоготать* ← *гогот*, *жужжать* ← *ж-ж-ж*, *каркать* ← *кар*, *крякать* ← *кря* и под.). Глаголы первой группы сейчас непроеизводны, глаголы второй — производны.

Удельный вес немотивированных глаголов велик также, по нашим наблюдениям, в подполях, обозначающих речь (38%), социальную (38%) и физиологическую деятельность (36%), межличностные отношения (35%). Непроизводные глаголы доминируют лишь в некоторых ЛСГ данных комплексных парадигм: в ЛСГ глаголов приведения объекта в состояние покоя (23 глагола из 41), ЛСГ глаголов создания объекта в результате интеллектуального труда (18 из 29), ЛСГ глаголов произнесения (14 из 20), ЛСГ глаголов достижения цели (10 из 18), ЛСГ глаголов звучания, издаваемых неодушевленных предметом (24 из 32), ЛСГ извлечения объекта (10 из 19).

Важность признака производности или непроеизводности глагола для типологии ЛСГ подтверждается еще и тем, что почти все ЛСГ русских глаголов «поляризуются» по этому признаку, формируясь преимущественно из непроеизводных или производных лексем. ЛСГ, в которых количество производных и непроеизводных слов совпадает, очень незначительно. Таких групп всего 6. Это ЛСГ глаголов удара, прикосновения, общественно-политической деятельности, питания, звучания и бытия.

При деривационно-семантической классификации ЛСГ необходимо учитывать также частеречную семантику корней глаголов, формирующих данную группу, поскольку ЛСГ в этом отношении чрезвычайно неоднородны. Среди них есть группы, состоящие в основном из лексем с глагольными корнями (глаголы приведения объекта в состояние покоя: МАХАТЬ, КОЛЕБАТЬ, КИВАТЬ, КАЧАТЬ, БОЛТАТЬ, ВАЛЯТЬ и под., глаголы перемещения, прикосновения, давления); но есть и такие, в которых преобладают отыменные дериваты, например, упоминавшиеся выше глаголы про-

явления качественного признака, глаголы поведения (АЗАРТНИЧАТЬ, ГОРЯЧИТЬСЯ, ПЕТУШИТЬСЯ, ЛОДЫРНИЧАТЬ, РАСПУТНИЧАТЬ), глаголы пребывания или приведения кого-л. в эмоциональное состояние (ОПЕЧАЛИТЬ, ОХНУТЬ, РАЗЪЯРИТЬ, РАЗВЕСЕЛИТЬ, ЗАДОБРИТЬ) и некоторые другие.

Неотглагольные глаголы могут мотивироваться разными частями речи. Так, ЛСГ глаголов безответственного поведения состоит в основном из отсубстантивных производных (БАКЛУШНИЧАТЬ, БАРСТВОВАТЬ, БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ, ДАРМОЕДНИЧАТЬ и под.), ЛСГ глаголов изменения качественного состояния — из отадеквативных дериватов (ВЛАЖНЕТЬ, ГРУБЕТЬ, ГРЯЗНЕТЬ, КИСНУТЬ), ЛСГ глаголов изменения количественного признака — из лексем, мотивированными именами числительными (УМНОЖИТЬ, ПОМНОЖИТЬ, ПРИУМНОЖИТЬ, УДВОИТЬ, УТРОИТЬ, УДЕСЯТЕРИТЬ и под.). В ЛСГ глаголов звучания много лексем, мотивированных звукоподражаниями (ЧМОКАТЬ, ЧИРИКАТЬ, ХРЮКАТЬ, МЫЧАТЬ, РЫЧАТЬ и под.).

Учитывая полевую организацию глагольной лексики, необходимо отнести ЛСГ, состоящие из непроизводных глаголов и их дериватов, как чисто глагольные — к центру глагольной лексико-семантической системы, а ЛСГ, образуемые отыменными и иными дериватами, — к ее периферии. Деривационная «ядерность» глагольных ЛСГ может вступать в противоречие с количественными показателями. Так, отыменные глагольные ЛСГ могут образовывать целые подполя: подполе социального состояния и бытия (глаголы поведения и образа жизни), подполе качественного состояния, подполе эмоционального состояния.

Неоднородны ЛСГ русских глаголов и с точки зрения морфодеривационной однотипности составляющих их слов. Некоторые ЛСГ русских глаголов состоят из лексем, образованных по одной словообразовательной модели. Например, 74 глагола присоединения из 94 образуются присоединением к непроизводному глаголу приставки *при-* со значением пространственного приближения: БИТЬ → ПРИБИТЬ, ВЯЗАТЬ → ПРИВЯЗАТЬ, КРУТИТЬ → ПРИКРУТИТЬ и т. п.; 10 глаголов с помощью приставки *на-* со значением присоединения чего-л. к верхней поверхности объекта: ВИНТИТЬ → НАВИНТИТЬ, ВЯЗАТЬ → НАВЯЗАТЬ, ЛЕПИТЬ → НАЛЕПИТЬ, ПАЯТЬ → НАПАЯТЬ, СТРОЧИТЬ → НАСТРОЧИТЬ и под.

Таким же образом построены ЛСГ глаголов разделения и отделения. 104 из 174 глаголов, входящих в группу разделения объекта на части, образуются с помощью префиксов *раз-* или *пере-*, присоединяемых к мотивирующему глаголу: ПЕРЕГОРОДИТЬ, ПЕРЕ-

КРОИТЬ, ПЕРЕЛОМИТЬ, ПЕРЕРУБИТЬ, ПЕРЕПИЛИТЬ... + РАЗБИТЬ, РАЗДЕЛИТЬ, РАЗЛОМАТЬ, РАСКЛЕИТЬ, РАСПИЛИТЬ, РАССЕЧЬ и т. п. 122 лексемы из 164 глаголов отделения образуются от глаголов с помощью приставок *от-* (ОТВЯЗАТЬ, ОТГНИТЬ, ОТГРЫЗТЬ, ОТКЛЕИТЬ, ОТЛОМАТЬ, ОТЛЕПИТЬ и под.), 10 — с помощью приставки *вы-* (ВЫДЕЛИТЬ, ВЫПЛЕСТИ, ВЫВИНТИТЬ, ВЫКРУТИТЬ), 16 — с помощью приставки *с-/со-* (СКОЛОТЬ, СЛОМИТЬ, СОДРАТЬ, СРЕЗАТЬ).

Среди глаголов изменения признака много лексем с префиксами *пере-/пре-*: 33 из 94 (ПЕРЕДЕЛАТЬ, ПЕРЕКРАСИТЬ, ПЕРЕМЕНИТЬСЯ, ПЕРЕКРОИТЬ). ЛСГ глаголов приготовления чего-либо впрок в определенном количестве состоит из производных двух типов: с префиксами *за-* (ЗАГОТОВИТЬ, ЗАСОЛИТЬ, ЗАМАРИНОВАТЬ) или *на-* (НАВАРИТЬ, НАГОТОВИТЬ, НАЖАРИТЬ, НАМАРИНОВАТЬ, НАМЕСИТЬ, НАПИЛИТЬ).

В противоположность этим ЛСГ среди глаголов одевания преобладают глаголы с корнями *-де-* и *-у-* (ОДЕТЬ, НАДЕТЬ, ОДЕТЬСЯ и под.), *-пояс-* (ОПОЯСАТЬСЯ, ПОДПОЯСАТЬСЯ), *-ряд-* (НАРЯДИТЬСЯ, НАРЯДИТЬ, РАЗРЯДИТЬСЯ); среди глаголов скрывания — глаголы с корнями *-прят-* (ПРЯТАТЬ, СПРЯТАТЬ, УПРЯТАТЬ), *-тай-* (ТАИТЬ, УТАИТЬ, ПРИТАИТЬСЯ); *-кры-* (СКРЫТЬ, СКРЫВАТЬ, СКРЫТЬСЯ); среди глаголов питания — глаголы с корнями *-корм-* (КОРМИТЬ, КОРМИТЬСЯ, ОБКОРМИТЬ, ЗАКОРМИТЬ, ПЕРЕКОРМИТЬ, ПРОКОРМИТЬ, СКОРМИТЬ), *-ед-* (ЕСТЬ, НАЕСТЬСЯ, ОБЪЕСТЬСЯ, ОТЪЕСТЬСЯ), *-пит-* (ПИТАТЬ, НАПИТАТЬ, ПИТАТЬСЯ).

Среди русских глагольных ЛСГ много деривационно-центричных групп, образованных одноструктурными глаголами, но чрезвычайно мало корнецентричных, состоящих из лексем, образованных от 2—3 корней. Большая часть русских глагольных ЛСГ формируется глаголами, обладающими неодинаковой деривационной структурой и разными корнями.

Чрезвычайно важным для деривационно-семантической классификации русских глагольных ЛСГ является тип морфемы, с помощью которой образуется большинство составляющих группу производных лексем. Это связано с тем, что разные морфемы: приставка, суффикс, конфикс — неодинаково влияют на значение производного глагола. Воздействие семантики словообразовательного префикса может быть столь значительным, что его присоединение к непроизводному глаголу изменяет манифестируемую последним КЛС и заставляет отнести производный глагол к иной, чем непроизводная лексема, ЛСГ. Например, глагол БИТЬ входит в ЛСГ глаголов нанесения у dara (физическое воздействие на живое существо), а

производный глагол УБИТЬ — в ЛСГ лишения жизни, РАЗБИТЬ — в ЛСГ разделения, СБИТЬ — в ЛСГ вертикального перемещения; глагол КРЫТЬ — в ЛСГ покрытия, а глагол ВСКРЫТЬ — в ЛСГ устранения изоляции. Таким образом, тождество корня у ряда глаголов не является надежным гарантом их принадлежности к одной ЛСГ.

Присоединение префиксосодержащих деривационных морфем (конфикса, состоящего из префикса и суффикса или префикса и постфикса и их комбинаций) аналогично по результатам использования приставки.

Присоединение к глаголу-мотиватору какого-л. суффикса обычно не ведет к изменению категориально-лексической семантики слова-derivата: так, и мотиватор ВЫПЛЮНУТЬ, и суффиксальный дериват ВЫПЛЕВЫВАТЬ являются глаголами удаления объекта.

Изменение или сохранение дериватом категориально-лексической семантики мотиватора обуславливает разный способ ее манифестации.

В непроизводных, суффиксальных и ряде префиксальных отглагольных дериватах КЛС манифестируется корнем; в отыменных глаголах, а также в тех префиксальных или конфиксальных производных, которые стремятся семантически оторваться, обособиться от производящего, КЛС передается деривационным средством. Так, у глаголов МАКАТЬ, БИТЬ, РЕЗАТЬ категориально-лексические семы манифестируются корнями; у глаголов ВДЕЛАТЬ, ВКОЛОТЬ, ВОТКНУТЬ, ВПИСАТЬ КЛС «поместить куда-л. посредством конкретного физического действия» — префиксом *в-*, корень же передает дифференциальную сему способа помещения объекта в какое-либо место.

В глаголах поведения ЖАДНИЧАТЬ, КРОХОБОРНИЧАТЬ, СКРЯЖНИЧАТЬ, СКАРЕДНИЧАТЬ КЛС поведения манифестируется суффиксом *-нича(ть)*, а дифференциальная сема, передающая конкретное содержание, форму этого отрицательно оцениваемого общественого поведения, — корнем.

Почти во всех деривационно-центрических ЛСГ КЛС манифестируется не корнем, а деривационной морфемой.

Учет всех выше перечисленных морфо-деривационных и семантических особенностей ЛСГ русских глаголов позволил выделить среди них 4 типа групп:

1. лексико-центрические ЛСГ,
2. деривационно-центрические ЛСГ:
 2. 1. деривационно-именные ЛСГ (точнее: деривационно-неглагольные),
 2. 2. деривационно-глагольные ЛСГ:

2. 2. 1. деривационно-корневые,
 2. 2. 2. деривационно-аффиксальные.

Выделение данных типов ЛСГ опирается на сочетание рассмотренных выше деривационно-семантических особенностей составляющих группу глаголов. Их комбинация уникальна для каждого типа ЛСГ (таблица 6).

Таблица 6

Деривационные виды ЛСГ русских глаголов

Îðåçÿáåå ÈÑÀ ïÿð- äåéáÿÿáÿ äáðåää- öëÿÿÿáÿ öåÿä	Äáðåääöëÿÿüä öëÿ ÈÑÀ			
	Èäåñëëÿ- öáÿððè- +äñëëä	Äáðåääöëÿÿÿÿ- öáÿððè+äñëëä	Èÿáÿÿüä äöðëëñä- ëÿÿüä	Äëääÿëÿÿüä ëÿðÿáüä äöðëë- ñäëÿÿüä
1. Ääëë+ëÿä öääëÿÿáÿÿ äáñä ä ÈÑÀ: ä) ÑÄ ä) ÿáÿÿñðöëðöð- ÿüö ñëÿä ä) äëääÿÿëÿÿüö ëÿðÿäë ÿÿ ñðääÿÿáÿëð ñ ëÿáÿÿüë ä) ÿáÿÿëÿðáÿÿüö ÿÿëçääÿáÿüö	+ - + -	- + - -/+	- +/- + +	- + + -/+
2. Ñÿÿñÿä ÿäÿë- öáñöäöëë ÈÈÑ	ëÿðáÿÿ	ñëÿáÿÿä- ðäçÿääöä ëÿÿüë äö öëñ	ëÿðáÿÿ ñëÿáÿÿ- ÿáðç. äöðëëñ	ñöððëë- ñäëÿÿüë
3. ÿñÿÿáÿÿé ñÿÿñÿä ÿáðçÿÿ- ääÿëÿ äëääÿÿä ä ÈÑÀ	ñöððëë- ñäëÿÿüë	ñöððëë- ñäëÿÿüë	ÿáððëë- öëñäëÿÿ ÿüë ä ñöððëë- ñäëÿÿüë	ÿáððëë- ñäëÿÿüë

Лексико-центрические глагольные ЛСГ формируются в основном неизменяемыми глаголами. Удельный вес последних может приближаться к 50% или даже превышать эту величину (ср. 69% у глаголов звучания). Эти глаголы обладают невысоким деривационным потенциалом, который обычно реализуется в создании суффиксальных (значительно реже — префиксальных или конфиксальных) дериватов. КЛС у всех таких глаголов манифестируется корнем. Таковы, по результатам анализа материалов словаря-

справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов», ЛСГ нанесения удара, приведения объекта в состояние покоя, созидания объекта в результате интеллектуального труда, ЛСГ глаголов воображения, произнесения, целеустремленной деятельности и ЛСГ глаголов бытия.

Например, среди 22 глаголов произнесения 12 производны: *говорить, диктовать, лепетать, бредить, молчать, лопотать, произнести, шептать, шамкать, шепелявить, скандировать*; среди глаголов приведения в состояние покоя производны 22 из 53 слов: *болтать, валять, вертеть, вилять, ворошить, вращать, двигать, дергать, качать, кивать, колебать, колыхать, крутить, махать, трясти, шатать, шевелить, шелохнуть* и под.; среди глаголов целеустремленной деятельности 10 из 23 — немотивированные единицы: *домогаться, искать, соревноваться, состязаться, спешить, стараться, упражняться, хлопотать* и др.; из 47 глаголов нанесения удара производны 15: *бить, бодать, брыкать, долбить, драть, колотить, колоть, лупить, лягать, топтать, ударить, хлестать, шлепать, стегать, стучать*.

Среди дериватов в таких ЛСГ преобладают суффиксальные или постфиксальные лексемы. Большинство дериватов — глаголы противоположного вида (ср.: *спешить — поспешить, вбить — вбивать, вколотить — вколачивать, избить — избивать, исколотить — исколачивать, стегать — стегнуть, ударить — ударять, стукнуть — стучать* и под.) или возвратные глаголы с общевозвратным значением залога: *брыкаться, драться, клеваться, колотиться, лягаться, стучаться, ударяться*.

Лексико-центрические ЛСГ образуются в русском языке значительно реже, чем деривационно-центрические, что совершенно естественно и обусловлено особенностями человеческого сознания, неспособного усвоить неограниченно большое количество немотивированных простых знаков, но обладающего развитой способностью создавать необходимые номинации в результате комбинации простых единиц.

Деривационно-центрические ЛСГ не только более продуктивны, но и более разнообразны по сравнению с лексико-центрическими группами, представленными одним видом. Из трех разновидностей деривационно-центрических ЛСГ наиболее близки лексико-центрическим деривационно-корневые глагольные ЛСГ. Составляющие их единицы максимально глагольны, поскольку образуются от нескольких глагольных корней с помощью отглагольных деривационных средств. Это «дворянство», элита глагольной лексики. Такие группы более типичны для современного русского языка, характеризующегося высокой деривационной мо-

тивированностью, чем лексико-центрические ЛСГ с низкими словообразовательными возможностями своих членов.

«Корнецентрические» ЛСГ образуются от ограниченного числа преимущественно глагольных корней с достаточно высоким словообразовательным потенциалом и от их аффиксальных производных, среди которых может быть значительное количество одноструктурных дериватов. Последнее легко объяснимо, если вспомнить установленный дериватологами факт сходства словообразовательных возможностей семантически близких мотивирующих. К деривационно-корневым ЛСГ относятся ЛСГ перемещения в пространстве, глаголы одевания, скрытия объекта, давления, изменения положения, рытья, глаголы повреждения неодушевленного объекта или тела, глаголы созидания, приготовления пищи, глаголы называния, глаголы физиологического действия, глаголы замещения.

ЛСГ замещения, например, состоит из 45 глаголов, которые образуются от 7 глагольных корней: 25 — от глагола *менять* (*менять, заменяться, обменять, обменяться, обмениваться, подменять, сменять, разменять* и под.), 6 — дериваты с корнем *-мест-* (*замещать, возмещать, возместить*, и под.), 4 содержат корень *-окуп-* (*окупить, окупать, окупаться*), остальные слова этой ЛСГ — корни *-черед-* (*чередовать*), *-меж-* (*перемещаться*), *адрес-* (*переадресовать*), *-компенс-* (*компенсировать*). Лишь два из перечисленных глаголов сохраняют хорошо осознаваемые деривационные связи с существительными (*адрес* → *переадресовать* → *переадресоваться*); у 10 глаголов подобные структурно-семантические связи с их генетическими производящими затемнены (*замещать, возмещать, чередовать*).

Все глаголы рытья образуются от 4 непроизводных глаголов: **РЫТЬ, КОПАТЬ, ГРЕСТИ, КОВЫРЯТЬ**. Наибольшей словопорождающей силой обладают глаголы **КОПАТЬ** и **РЫТЬ**: от них образуются 22 глагола из 25 входящих в эту группу (*копать — вскопать, вскапывать, выкопать — выкапывать, копать, окопаться — окапываться, окопать — окапывать, перекопать — перекапывать, подкопать — подкапывать* и под.; *рыть — вырыть — вырывать, перерыть — перерывать, подрыть — подрывать, разрыть — разрывать, рыться* и под.).

Глаголы изменения положения (базовый глагол **НАКЛОНИТЬ, НАКЛОНИТЬСЯ**) мотивируются несколькими непроизводными лексемами; лишь один мотиватор содержит субстантивный корень с живыми семантическими связями (*груз* → *грузить* → *выгрузить*) и 5 мотиваторов сохраняют потенциальную неактуализированную связь с историческим производящим: **ВОЛНОВАТЬ, ОТСТРАНИТЬСЯ, ПОГРЯЗНУТЬ, ПОТУПИТЬ, СМЕСТИТЬ**. Наи-

более продуктивные глагольные корни в этой группе: *-гиб-/-гн-* (39 лексем: *гнуть, загнуть, сгибать, нагнуть, перегнуть, прогнуть, изогнуть* и под.), *-клон-/-клан-* (18 глаголов: *клонить, клониться, наклониться, поклониться, склониться, отклониться* и др.), *-верн-/-верт-* (14 слов: *повернуть, развернуть, перевернуть, отвернуть, отвертывать* и др.). Во всех этих ЛСГ манифестатором КЛС обычно выступают глагольные корни, значительно реже — аффиксы (*переадресовать*).

Достаточно продуктивны в русском языке деривационно-аффиксальные глагольные и именные ЛСГ. В их составе одноструктурные дериваты преобладают над однокоренными словами. Набор мотивирующих достаточно велик, поскольку КЛС в таких ЛСГ передается словообразовательным средством, а корневые морфемы манифестируют дифференциальные семы, уточняющие категориально-лексическую семантику глагола. Среди деривационно-аффиксальных ЛСГ выделяются глагольные и именные группы, отличающиеся друг от друга мотивирующей базой. В качестве мотиваторов в ЛСГ могут преобладать глаголы или наоборот — неглагольные части речи. К глагольным деривационно-аффиксальным ЛСГ в современном русском языке относятся глаголы перемещения в пространстве, ориентированные относительно какого-либо пункта, глаголы помещения, покрытия, присоединения, разделения, отделения, разрушения, глаголы приготовления впрок, глаголы начальной фазы бытия и др. Большинство лексем в таких ЛСГ образуются от глаголов путем присоединения той или иной морфемы, чаще префикса. Напр., как уже отмечалось выше, 122 глагола отделения из 164 образованы с помощью приставки *от-*: *клеить* → **от**клеить, *ломать* → **от**ломать, *грызть* → **от**грызть, 10 — с помощью приставки *вы-*: *ломать* → **вы**ломать, *крутить* → **вы**крутить, 16 — с помощью приставки *с-*: *колоть* → **с**колоть, *резать* → **с**резать.

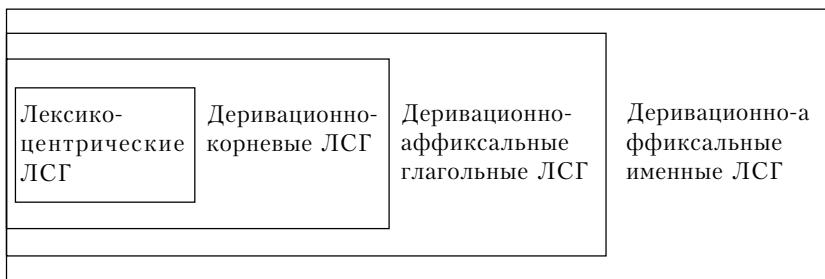
К именным деривационно-аффиксальным ЛСГ относятся ЛСГ пропитывания объекта, глаголы общественно-политической деятельности, глаголы звучания, глаголы качественного состояния (становления признака, выделения по признаку), глаголы поведения, глаголы внешнего проявления отношения, глаголы управления. Так, глаголы становления признака образуются в основном от прилагательных с помощью суффикса *-е(ть)*: *алый* → *алеть*, *красный* → *краснеть*, *синий* → *синеть*, *черный* → *чернеть* и под. Глаголы поведения мотивируются именами существительными или прилагательными к которым присоединяются суффиксы *-а-*, *-нича(ть)*, *-ова(ть)*, *жадный* → *жадничать*, *бездельник* → *бездельничать*, *барство* → *барствовать* и под.

Такие аффиксально-маркированные ЛСГ напоминают способы глагольного действия, представляющие собой деривационно-семантические классы, уточняющие характер протекания действия. Но в отличие от последних их семантика более конкретна, «лексична» (см., глаголы помещения, покрытия объекта, присоединения, разрушения, отделения), хотя в некоторых случаях по степени обобщения может быть приравнена к грамматической (напр., глаголы начальной фазы действия, инхоативные глаголы в ряде по морфологии рассматриваются как способы глагольного действия). Отсутствие непроходимых границ между лексико-деривационными и грамматическими значениями естественно, так как все виды значений в конечном счете отражают структурирование человеческим сознанием окружающего его мира (в том числе мира языка), хотя происходит это в различной — опосредованной в большей или меньшей степени — форме.

Деривационно-семантические типы ЛСГ занимают неодинаковое место в глагольной лексике: центр ее составляют лексико-центрические, деривационно-корневые и деривационно-аффиксальные (глагольные) ЛСГ, периферию — деривационно-именные группы. Их соотношение можно представить следующим образом:

Схема

Центр и периферия русских глагольных ЛСГ

Лексико-центрические и деривационно-центрические ЛСГ противопоставлены друг другу по нескольким основаниям. У таких ЛСГ различны:

1) степень распространенности. По предварительным наблюдениям, деривационно-центрические группы встречаются примерно в 5—6 раз чаще, чем лексико-центрические;

2) объем. Наиболее значительны количественно деривационно-центрические, а не лексико-центрические ЛСГ;

3) участие в создании ЯКМ. Деривационно-центрические группы могут формировать целые подполя (подполе помещения, перемещения в пространстве, изменения качественного состояния, интеллектуальной деятельности, поведения), в то время как лексико-центрические ЛСГ — это изолированные, хотя и наиболее древние, «первичные» для человека участки языковой картины мира. Таким образом, лексико-центрические ЛСГ характерны для парадигм классифицирующего типа, деривационно-центрические ЛСГ — для комплексных суперпарадигм;

4) характер системности. Деривационно-центрические ЛСГ более системны, поскольку на лексико-семантическую системность накладываются деривационные, эпидигматические связи слов.

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИСЕМΙΑ РУССКОГО ПРОИЗВОДНОГО ГЛАГОЛА

3. 1. ИСТОЧНИКИ ПОЛИСЕМИИ РУССКОГО ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Преобладание в русской лексике производных слов придает особую актуальность вопросу о том, какова роль деривационно-связанных лексем: одноструктурных, однокоренных, мотивационно-связанных и иных — в формировании семантического пространства русского глагола и составляющих его классов слов. При этом решающее значение приобретает определение семантических расстояний между деривационно-связанными глаголами, поскольку именно степень семантической близости единиц определяет их принадлежность к тому или иному лексико-семантическому классу. Анализ семантических отношений, связывающих производное и производящее, предполагает сопоставление их семантики как на уровне системы значений, так и на уровне отдельного ЛСВ.

Полисемия во все периоды развития лингвистики была предметом пристального внимания исследователей, но лишь в последние пятнадцать — двадцать лет обострился интерес к процессам создания семантики производного слова; об этом свидетельствует, в частности, появление крупных монографий, посвященных семантике именно производного слова (О. П. Ермаковой, Е. С. Кубряковой, А. Н. Тихонова, М. Н. Янценецкой). Лингвисты обнаружили, что способы создания семантики дериватов несколько отличаются от способов формирования многозначности непродеривированных лексем.

Полисемия как производных, так и непродеривированных слов может развиваться за счет семантической деривации — метафорических и метонимических переносов, происходящих в структуре одной и той же лексемы (внутрисловное семантическое развитие — термин О. А. Булгаковой (1994: 8), рассматривавшей пути формирования полисемии диалектных существительных), а также за счет внешне-

го и внутреннего заимствования (см., например, присоединение значения 'хранилище' к системе значений существительного БАНК под влиянием европейских языков или значения 'ветер' к ЛСВ существительного ВЕРХОВИК под влиянием диалектов — Котелова 1982: 24; Никитченко 1984: 147).

Производные слова помимо этого имеют еще 2 способа развития системы своих значений. Первый из них, названный отраженной полисемией, был проанализирован и описан А. Н. Тихоновым. Он заключается в том, что производное слово наследует полностью или частично систему значений своего производящего: деривационный аффикс последовательно присоединяется ко всем (или нескольким) значениям мотиватора. Такой способ развития семантики является следствием неоднократной реализации словообразовательной модели.

Одним из первых об отраженной полисемии заговорил Б. Н. Головин, предложивший различать производящее семантическое поле — совокупность всех лексических значений мотиватора — и его словообразовательное отражение в деривате — сумму значений производного, соотношенных со значениями производящего. Отношение суммы производных значений всех слов словообразовательного типа к сумме всех значений производящего ряда он назвал показателем реализации семантического потенциала типа (Головин 1967: 33), то есть практически предложил способ измерения отраженной полисемии словообразовательного типа в целом и отдельного мотивата.

По мнению исследователей, занимающихся отраженной полисемией (Киселева 1988: 98), в дериватах крайне редко наблюдается полная преемственность всех потенциально производящих значений. Отраженная многозначность возникает при условии совмещения исходных типов производящей семантики и значений словообразовательных типов. Это возможно либо при высокой степени абстракции деривационного значения словообразовательного типа (например, при деинтуитивном значении или значении отвлеченного признака и действия), либо при словообразовательном значении сложного иерархического строения (см., например, достаточно обобщенное значение суффикса *-ник*, конкретизирующееся во внутреннем или внешнем контекстах).

Второй путь формирования многозначности производного слова является собственно словообразовательным. Такой способ развития значений О. С. Булгакова предлагает называть межсловной семантической деривацией (1994: 8). Она осуществляется в трех разновидностях.

Во-первых, тот или иной дериват может иметь не единственную мотивацию, а несколько равноправных мотиваторов (явление так

называемой множественной мотивации): *радоваться* → *порадоваться* и *порадовать* → *порадоваться*.

Не любой вид множественной мотивации приводит к появлению дополнительного значения у того или иного деривата. Новое значение возникает в том случае, если глагол является результатом разных по деривационному значению, но эквивиальных словообразовательных процессов, или имеет семантически дублетные мотиваторы. В области внутриглагольного словопроизводства (Тихонов 1985 Т. 1: 60–62) к таким процессам относятся следующие явления:

1) мотивация глагола несов. в. глаголами разных видов (*отбросить* → *отбрасывать*, *отбросать* → *отбрасывать*);

2) мотивация глагола несов. в. глаголами – дублетами (*выстлать* → *выстилать*, *выстелить* → *выстилать*);

3) мотивация глагола несов. в. глаголами однонаправленного или разнонаправленного движения (*вкатить* → *вкатывать*. *вкатать* → *вкатывать*);

4) мотивация глагола несов. в. возвратным и невозвратным глаголами. Эта группа наиболее многочисленна и разнообразна: она состоит из 4 подгрупп, выделяемых по соотношению деривационных значений:

а) *добриться* – ‘кончить бриться’ и *добриться* – ‘добрить себя’;

б) *застучаться* – ‘начать стучаться’ и *застучаться* – ‘то же, что застучать’;

в) *домываться* – ‘несов. в. к домыться’ и *домываться* – ‘домывать себя или самому’;

г) *впитываться* – ‘несов. к впитывать’ и *впитываться* – ‘средневозвратный залог к впитывать’.

Значения, возникающие у глаголов-дериватов в результате множественности мотивации, носят не чисто лексический характер: это значения фазы действия и его результативности, длительности/многократности действия, значения залога и под.; это позволяет предположить, что сфера действия такого деривационного источника полисемии производного обусловлена в большей степени не лексико-семантическими, а лексико-грамматическими особенностями мотиваторов.

Во-вторых, полисемия производного глагола возникает в результате присоединения многозначного деривационного аффикса в разных значениях к одному и тому же значению мотиватора. Так, префикс *на-* со значением ‘накопить в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом (в дальнейшем – н. м. г. ‘присоединяется к глаголу ВАРИТЬ, взятому в ос-

новном значении ‘приготавливать пищу кипячением’, один раз, образуя дериват *наварить* с акционсартным значением ‘приготовить пищу в каком-либо (обычно большом) количестве’, а к ЛСВ 2 ‘изготовить посредством сварки’ — дважды, создавая производный глагол со значением ‘присоединить что-либо к верхней части чего-либо посредством сварки’ (деривационное значение *на-* ‘направить на поверхность чего-либо действие, н. м. г.’) и акционсартной семемой ‘приготовить что-либо в большом количестве посредством сварки. Наварить труб на целый день’ (деривационное значение *на-* ‘накопить в определенном количестве с помощью действия, н. м. г.’).

В-третьих, многозначность производного может быть обусловлена расщеплением одного значения мотиватора на два в результате неоднократного присоединения к нему аффикса. Этот путь формирования полисемии мотивата отмечает А. В. Морозов, выделивший случаи «семантического веера», «когда разные значения (отглагольного) существительного восходят к одному значению глагола, но воспринимают в процессе деривации разные наборы его семантических множителей, то есть источником полисемии выступает семантическое варьирование производящего, которое... не доходит до расщепления на отдельные ЛСВ» (Морозов 1988: 7).

Для разграничения дериватов, семантика которых формировалась различными способами, можно использовать термины, предлагаемые О. А. Булгаковой: лексические полисеманты (в их основе лежит внутрисловная деривация — метафорические и метонимические переносы), словообразовательные полисеманты (в их основе находится межсловная деривация — многозначность аффикса и множественность мотивации) и лексико-словообразовательные полисеманты, создаваемые в результате одновременного действия внутри- и межсловной деривации (Булгакова 1994: 6). К последнему типу полисемантов относятся мотиваты, многозначность которых сформировалась в результате семного расщепления мотивирующего значения (лексико-семантический источник многозначности) в ходе словообразовательного акта (деривационный источник).

К ним же примыкают дериваты, основное прямое значение которых возникает на базе словосочетания с метафорической семантикой, теряющейся, уходящей на уровень потенциальных коннотативно-образных сем в процессе деривации (*скребущий небо* → *небоскреб* ‘высотное здание, которое как бы задевает, скребет небо’, *сердцеед, лоботряс, головогяп, лизоблюд, толстосум* и под.). Это случаи так называемой метафорической мотивации (см. об этом: Лопатин 1975: 53–57; Улуханов 1992: 85; Земская 1984; Блинова 1984). Если лексические полисеманты изучены достаточно хорошо (см. работы Ю. Д. Апресяна, Д. Н. Шмелева, А. П. Чудинова и

многих других), то словообразовательные и лексико-словообразовательные полисеманты — явно недостаточно: они лишь недавно попали в поле зрения исследователей. Менее всего повезло отглагольным дериватам, в частности deverбативным глаголам. В то же время роль способов образования новых значений, отличных от семантической деривации, в пополнении языка полисемантами довольно значительна: по данным Н. С. Никитченко, 30% всех семантических неологизмов современного русского языка созданы в результате агрегатирования (термин Н. З. Котеловой), объединяющего все способы создания новых ЛСВ, отличные от семантической деривации (Никитченко 1984: 147).

3. 2. РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИСЕМИИ В ФОРМИРОВАНИИ МНОГОЗНАЧНОСТИ ДЕВЕРБАТИВНОГО ГЛАГОЛА

Попытка определения места и роли словообразовательной полисемии в структуре многозначных deverбативных глаголов предпринята студенткой 5-го курса филологического факультета УрГУ О. Е. Мелкозеровой. Она проанализировала систему значений и способы создания ЛСВ 24 префиксальных глаголов, которые образованы от глаголов, входящих в число 100 самых употребительных непроизводных лексем: *вести, видеть, говорить, думать, ехать, идти, слать, слышать, смотреть, ставить, строить, явиться* и некоторых других. Высокая частота употребления слова способствует развитию многозначности слова.

Проанализированные глаголы были созданы с помощью четырех приставок: *по-* (*пойти, поставить, построить, подумать, потерять, послать, поехать, поговорить, появиться, посмотреть*), *при-* (*приходить, прийти, принести, привести, приехать*), *про-* (*пройти*) и *у-* (*уходить, уйти, узнать, увидеть, убить, услышать*). Для анализа были выбраны именно префиксальные глаголы, поскольку префиксальные и префиксально-суффиксальные дериваты занимают главенствующее место во внутриглагольном словообразовании (Земская 1973: 289), префиксодержащие глаголы составляют более 90% всех глаголов БАСа (Тихонов 1972: 52).

Необходимо отметить, что большинство русских префиксов: 19 из 28, отмеченных в РГ (Т. 1 § 854—881), — многозначны, поэтому потенциально могут быть деривационным источником полисемии производного глагола. Но, как показывают наблюдения, многозначные приставки не всегда реализуют эту возможность при создании конкретного деривата.

Во-первых, ряд многозначных приставок присоединяется к каждому значению мотиватора лишь в одном строго определенном значении; это такие префиксы, как *вз-* (4 значения: 'подняться вверх':

взлететь; сов. в.: *взрастить*; неожиданно и интенсивно начать действие: *взвыть*; интенсивно совершить действие: *вскрикнуть*), *взо-* (4 значения, первые три совпадают со значениями *вз-*: *воспалить*, *воспрепятствовать*, *возгордиться*, четвертое — репродуктивное: *воссоздать*), *из-* (5 значений: *удалить*, *-ся: изгнать*; *уничтожить: исписать*; сов. в.: измерить; совершить действие со значительной интенсивностью: *иззябнуть*; совершить действие над всеми объектами: *изранить*); *при-* (5 значений: достигнуть какого-либо места: *прийти*; сов. в.: *приготовить*; совершить действие с незначительной интенсивностью: *прикрыть*; совершить действие дополнительно: *прикупить*; совершить действие после или во время какого-либо действия: *прищелкивать*), *раз-* (5 значений: разъединить: *разбросать*; аннулировать результат предыдущего действия: *разбронировать*; воспринять, объяснить: *рассмотреть*; сов. в.: *разбудить*; совершить действие интенсивно: *растолстеть*) и *у-* (8 значений: удалить, *-ся: уйти*; покрыть, *-ся: усыпать*; довести / дойти до нежелательного состояния: *убегаться*; уменьшить, *-ся: уварить*; уничтожить, *-ся: ухлопать все деньги*; уместить: *утолкать вещи в чемодан*; удержаться в прежнем состоянии: *устоять*; сов. в.: *укомплектовать*).

Такие приставки обязательно обладают двумя типами значений: значением сов. в. ‘доведение действия до результата’ и пространственным или специально-результативным (*у-*). Система значений большинства подобных префиксов формируется также за счет акционсартных производных с фазово-временной (*вз-, воз-: вскричать, вознегодовать*), квантитативной (*вз-, воз-, из-, при-, раз-: взмахать, возопить, исколоть, прикрыть, растолстеть*), фонопредикативной (*воссоздать*) и субъектно-объектной семантикой (*из-рубить все*).

Анализ формально-семантических и функционально-стилистических особенностей префиксов, не способствующих формированию многозначности производного глагола, то есть однозначных (*В-, ДЕ/ДЕЗ-, ДИС-, НЕДО-, НИЗ-, ПРЕ-, ПРЕД-, РЕ-, СО-*) и тех полисемантических, что не реализуют свои потенции, обнаружил их некоторое сходство. К этой группе морфем относятся: а) заимствованные префиксы (*де-/дез: дезинформировать, дис-: дисгармонировать, ре-: реорганизовать*); б) устаревшие непродуктивные морфемы (*низ-: низвести, вз-: взмахать, взалкать, воз-: возгласить*); в) префиксы, в систему значений которых обязательно входят общерезультативная / специально-результативная и локативная семемы, а также некоторые акционсартные значения: чрезмерно- и недостаточно-нормативное (*преувеличить, недovarить*); репродуктивное (*ремилитаризировать, воссоздать*), ретроспективное и пер-

спективное (*запить, предрешить*), совместное (*сопереживать*); дистрибутивно-объектное / субъектное (*издырывать*) и фазово-временное (*возликовать, вскричать*).

Во-вторых, как показывают наши наблюдения, те приставки, которые являются деривационным источником полисемии производного глагола, реализуют свои возможности далеко не полностью: каждый из таких префиксов присоединяется к мотивирующему глаголу лишь в 2 — 5 значениях из 3 — 10 возможных. Так, приставка *вы-* обычно встречается в одном производном, если присоединяется к нему в двух значениях из 5, присущих ей: 'удаления откуда-либо: выкопать из земли' и доведения действия до результата: *копать и выкопать*; приставка *до-* — в двух значениях из трех: доведения действия до конца или до нежелательного результата: *долечить до конца и до ухудшения состояния*; приставка *за-* — в значении перемещения за что-либо или куда-либо: *забежать за что-нибудь или по пути: забежать домой по дороге* (2 из 10); приставка *на-* — в 3 значениях из 6: помещения чего-либо наверху, накопления в каком-либо количестве и приручения: *натаскать соломы на крышу, натаскать много грибов из леса, натаскать собаку*; приставка *о-* — в двух из четырех: переместиться вокруг или мимо чего-либо: *обежать вокруг дома и обежать село стороной*; приставка *об-* в двух значениях из шести: переместиться вокруг или мимо чего-либо: *обежать дом справа, обежать вокруг дома*; приставка *от-* — в двух значениях из восьми: удалить от чего-либо и поместить куда-либо: *отвести от обрыва и отвести в дом*; приставка *пере-* — в 5 значениях из 10 возможных: переместить из одного места в другое (*пересыпать крупу из мешка в банку*), между чем-либо (*пересыпать что-нибудь чем-н.*), совершить действие слишком интенсивно (*пересыпать муки в банку и испачкать стол*), еще раз (*пересыпать еще раз муку в поисках жучков*) или иначе (*пересыпать муку с использованием механизмов, а не вручную*); приставка *под-* — в четырех значениях из девяти: поместить подо что-либо (*подбросить под стол*), вверх, сверху (*подбросить вверх*), кому-либо (*подбросить пистолет соседу*), тайно совершить действие (*подслушать*); приставка *по-* — в двух значениях из 5: совершение действия с небольшой интенсивностью или краткое время: *пособирать грибы недолго, построить немного, построить недолго*; приставка *про-* в семи значениях из восьми: переместиться через что-нибудь (*пройти сквозь лес*), мимо чего-либо (*пройти мимо дома*), куда-либо (*пройти вперед*), в специально-результативных: израсходовать (*проездить*), упустить (*пропить*), интенсивно совершить действие (*продумать*), совершить действие в течение какого-нибудь времени (*проговорить целый час*), довести действие до результата

(прозвучать); приставка *с-* — в двух значениях из пяти возможных: переметить откуда-либо или в одно место: *скидать снег с крыши, скидать вещи в кучу.*

Таблица 7

Семантика глагольных префиксов

		Еç íèò çíà+áíèé:				Óàáèúíúé	
		-----				+áíèé -	
N	Ípáðèèñ	Èíèè+áñòáí	èáèñèèí	áèòèíí-ñíá	Èíèè+áñòáí	èñòí+íèèá	
		ñèíáííápá- çíáàðáèü- íúò çíà+á- íèé	ápàííà- òè+áñèèò	ñápðíúò	áèáá	çíà+áíèé, áñòpá+áþ- ùèòñý á íáííí áá- pèááðá áíáñðá	áápèááòè- íííé íí- èèñáìèè íþèçáíá- ííáí - á ñáíáíòè- +áñèéé ñòpóèòópá ípáðèèñá, %
1	á -	1	1	-	-	-	-
2	âç-/âçí-	4	1	2	1	-	-
3	âíç-/âíñ-	4	1	2	1	-	-
4	âù-	5	2	2	1	2	40
5	ää-/ääç-	1	1	-	-	-	-
6	âèñ-	1	1	-	-	-	-
7	âí-	3	2	1	-	2	67
8	çà-	10	6	3	1	2	20
9	èç-/èçí-	5	2	2	1	-	-
10	íà-	6	3	2	1	3	50
11	íàá-	2	2	-	-	2	100
12	íááí-	1	-	1	-	-	-
13	íèç-/íèñ-	1	1	-	-	-	-
14	í-	4	2	1	1	2	50
15	íá-	6	4	1	1	3	50
16	íò-	8	4	3	1	2	25
17	íápá-	10	4	6	-	5	50
18	íí-	5	-	4	1	2	40
19	ííá-	9	3	5	1	4	45
20	ípá-	1	-	1	-	-	-
21	ípáá-	1	-	1	-	-	-
22	ípè-	5	2	2	1	-	-
23	ípí-	8	5	2	1	7	87
24	pâç-/pâñ-	5	3	1	1	-	-
25	pá-	1	-	1	-	-	-
26	ñ-	5	3	1	1	2	40
27	ñí-	1	-	1	-	-	-
28	ó-	8	7	-	1	-	-

Примечания.

1. Количество значений глагольных префиксов приводится по «Русской грамматике» (Т. 1, § 854 — 881).

2. Акционсартность значения определялась в соответствии с той классификацией СГД, которая предложена в главе о СГД данной монографии.

3. Две последние графы не заполнены для однозначных префиксов и для тех многозначных, семемы которых никогда (по крайней мере, по нашим наблюдениям) не совмещаются в одном производном глаголе.

В целом глагольные префиксы реализуют свой семантический потенциал в одном деривате на 20–50%, в большей степени — крайне редко (см. табл. 7). Единственная приставка, присоединяющаяся к одному и тому же мотиватору во всех значениях и полностью реализующая свои возможности, — это приставка *над-*, обладающая всего двумя значениями: увеличить что-либо и поместить сверху (*надстроить дом, надстроить над комнатой чердак*). Это объясняется, вероятно, ее незначительной полисемией.

Анализ семантической соотносительности deverбативных глаголов с префиксами *по-, при-, про-, у-* (*пойти, поставить, построить, подумать и т. п., проехать, пройти, пронести и под., привести, приходиться, приехать, уходить, уйти, узнать, увидеть и под.*) и их мотиваторов подтверждает и конкретизирует эти наблюдения (см. табл. 2): лишь 8% всех значений проанализированных полисемантических глаголов появились в результате повторного присоединения многозначного префикса, взятого уже в ином значении, к одному и тому же ЛСВ мотиватора (значение, появившееся в результате первичного присоединения префикса к мотивируемому глаголу, мы относили к отраженной полисемии). Например, приставка *про-* присоединяется к глаголу ИДТИ в основном значении ‘двигаться, перемещаться, ступая, делая шаги (о человеке и животном) ‘ в двух значениях: ‘действие, н. м. г., направить сквозь что-нибудь, через что-нибудь, вглубь’ и ‘с помощью действия, н. м. г., переместить(ся), продвинуть(ся) вперед, преодолеть какое-либо расстояние’: *идти лесом* → *пройти лесом*; *идти пешком* → *пройти пешком*. В результате этого мотиват ПРОЙТИ приобретает два значения: 1. Переместиться, передвинуться по какому-либо месту. *Пройти лесом...* 3. Совершить, выполнить, покрыть (путь, расстояние ходьбой, ездой, плаванием и т. п.). *Всю дорогу пройти пешком*. Одно из этих значений появилось в результате отражения полисемии мотиватора, второе является следствием многозначности деривационного префикса.

Аналогично этому префикс *про-* присоединяется к ЛСВ № 23 глагола ИДТИ ‘распространяться (о слухах, вестях) ‘ в двух значениях: ‘с помощью действия, н. м. г., переместить(ся), продвинуть(ся) вперед, преодолеть какое-н, расстояние’ и ‘израсходовать, утратить, истратить что-н. с помощью действия, н. м. г. ‘, в результате чего у мотивата возникли значения: ‘4. Распространяться (о слухе, славе,

молве, вести и т. п.). По залу прошел гул... 9. Прекратиться, исчезнуть, перестать. Эти слухи давно уже прошли, все уже забылось', одно из которых имеет деривационное происхождение.

Таблица 8

Способы формирования полисемии девербативных глаголов с префиксами по-, при-, про- и у-

	Ἀνάαι	ἑιέè+ἀνοαί ςία+αίεέ, γαέυρὀεὸνυ ραϑεὸὀαδὸί					
	ςία+ά						
Ἀἀρεάαὀ	ίεέ ὀ	ἰδρα-	ὀααεὺ-	ἡαίἰἡὸι-	ὀααεὺ-	ἰπεἡία-	ὀααεὺ-
	ἀαρε-	ααί-	ίῦέ αἡἡ	γὀαεὺί-	ίῦέ αἡἡ	αεἰάίεγ	ίῦέ αἡἡ
	ααδὰ	ίίε	ἰὀ ίά-	αί ἡαίαι-	ἰὀ ίαὐά-	ἰίίαι-	ἰὀ ίά-
		ίίεε-	ῶαί +ε-	ὀε+ά-	αί +εἡ-	ςία+ίίἰἰ	ῶαί +ε-
		ἡαίεε	ἡεὰ ςία-	ἡεἡἰ	ἡεὰ ςία+ί	ἰραὀεἡἡ	ἡεὰ ςία-
			+αίεέ	ραϑαεὀεγ	ίεέ ἀα-		+αίεέ
			ἀαρεάαδὰ,	ἀαρεάαδὰ	ρεάαδὰ,		ἀαρεάαδὰ,
			%		%		%
ἰίἰἰἰρεὀὀ	4	2	50	-	-	2	50
ἰίἰἰἰαὀὀ	12	5	43,5	2	13	5	43,5
ἰίἰἰἰαὀὀ	6	5	83	1	17	-	-
ἰίεὀε	54	52	96	2	4	-	-
ἰἡἡαὀὀ	7	1	14	6	86	-	-
ἡἡἡἡἰδραὀὀ	15	13	87	2	13	-	-
ἡἡἡἡαεὀὀ	21	21	100	-	-	-	-
ἡἡἡἡἰεὀὀ	18	9	50	-	-	9	50
ἡἰδαραγὀὀ	8	8	100	-	-	-	-
ἡἡγαεὀὀἡἡ	4	4	100	-	-	-	-
ἡἡγαέγὀὀἡἡ	4	4	100	-	-	-	-
Ἀἡἡἡἡ:	153	124	81	13	8	16	11
ἡρεάἡἡἡε	10	3	30	4	40	3	30
ἡρεάἡἡαὀὀ	2	2	100	-	-	-	-
ἡρεεὀε	20	19	95	1	5	-	-
ἡρεἡἡἡἡε	12	9	75	3	25	-	-
ἡρεἡἡἡαεὀὀ	23	12	52	11	48	-	-
Ἀἡἡἡἡ:	67	45	67	19	29	3	4
ἡἡἡεὀε	54	22	41	19	35	13	24
ὀαεὀὀ	6	1	17	5	83	-	-
ὀαεάἡἡαὀὀ	8	8	100	-	-	-	-
ὀααδὀἡἡ	5	2	40	3	60	-	-
ὀϑἡἡαὀὀ	9	6	67	3	33	-	-
ὀεὀε	40	30	75	10	25	-	-
ὀἡεὺεαδὀὀ	6	6	100	-	-	-	-
ὀἡἡἡεὀὀ	42	12	29	30	71	-	-
Ἀἡἡἡἡ:	116	66	57	50	43	-	-
εὀἡἡἡ:	390	257	66	101	26	32	8

Примечание. Количество значений у производного глагола определялось по «Словарю русского языка» в 4 т. (М., 1981 — 1984), при этом каждый оттенок значения, выделенный составителями словаря, приравнивался к самостоятельному значению.

Основной путь формирования системы значений рассмотренных нами deverбативных глаголов — наследование полисемии производящего (66% всех проанализированных ЛСВ появились именно таким способом) и самостоятельное семантическое развитие (26% ЛСВ). Доминирование того или иного способа формирования полисемии зависит от семантики мотиваторов и префикса: так, наиболее распространенными видами организации значений пространственных производных, мотивированных глаголами деятельности, являются заимствование ими прямого значения исходного глагола и развитие собственных метафорических переносных значений (Тихонова 1989: 160, 164).

Как свидетельствуют наши данные (см. табл. 8), более активно реализуют способность быть источником деривационной полисемии префиксы *по-* и *про-*, менее активно — *при-* и абсолютно пассивна приставка *у-*. Вероятно, это связано со степенью «лексичности» или «грамматичности» семантики деривационной морфемы: чем более «грамматично» значение приставки, тем вероятнее, что она присоединится к тому же значению глагола еще раз, но уже в ином лексико-словообразовательном значении.

Данные префиксы обладают разными системами значений: приставка *у-* максимально лексична: одно значение из восьми, свойственных ей, является грамматическим значением сов. в., остальные семь указывают на специальный результат действия. Приставка *по-* — максимально грамматична, поскольку обладает четырьмя акционсартными и одним видовым значением. Префикс *при-* — занимает по характеру семантики промежуточное место, поскольку два его значения имеют специально-результативный характер, два — акционсартный и одно — грамматический (см. РГ и табл. 7).

Анализируя такие словообразовательные пары, необходимо помнить, что вхождение слова в ту или иную ЛСГ определяется содержанием его лексического значения, то есть осуществляется на уровне отдельного значения слова. Многозначные слова, в том числе многозначный deverбативный глагол и его мотиватор, в разных значениях могут входить в разные лексико-семантические классы. Так, глагол ДОБЫВАТЬ полностью наследует систему значений глагола-мотиватора ДОБЫТЬ и входит вслед за ним в ЛСГ извлечения ('извлечь из недр земли / полезные ископаемые') и в ЛСГ поиска объекта ('достать, разыскать, получить. Д. фураж. д. сведения');

глагол-мотиват *раздобыть* соотносится только с первым значением мотиватора ДОБЫТЬ ('добыть, достать, обычно с трудом') и входит поэтому только в одну ЛСГ — ЛСГ глаголов поиска объекта.

Лексико-семантический анализ словообразовательных пар *бить* → *убить*, *ходить* → *приходить* и *бить* → *побить* убедительно доказывает это. Рассмотрим их подробнее.

Словообразовательная пара *БИТЬ* → *УБИТЬ*.

Глагол БИТЬ имеет 18 значений, которые позволяют ему входить в 10 разных ЛСГ (см. табл. 9): ЛСГ глаголов перемещения, ориентированного относительно конечного пункта (*неприятель бьет по передовой; револьвер бьет на 600 шагов*), глаголов колебательного движения (*меня бьет дрожь*), ЛСГ глаголов удара (*бить кулаком*), уничтожения (*бить щуку остройгой*), ЛСГ создания объекта в результате физического труда (*бить шурфы, бить масло*), ЛСГ глаголов восприятия (*запах бьет в нос*), ЛСГ глаголов звучания (*бить в колокол*), ЛСГ глаголов отрицательного физического воздействия на объект, вплоть до разрушения (*бить стекла*) и ЛСГ победы (*бить врага*) и ЛСГ поведения, поступка (*бить карту козырем*).

Глагол УБИТЬ, имеющий 6 значений, приобрел большинство из них в результате метафорических переносов на базе основного ЛСВ. Свойственные глаголу значения позволяют ему войти в 5 ЛСГ: ЛСГ использования (*убить на кого-либо часть своей души*), поступка и поведения (*убить туза козырем*), удара (устар.), уничтожения (*убить в себе душу*) и в ЛСГ приведения в эмоциональное состояние (разг. *совершенно убить маму своим отъездом*). Таким образом, этот дериват встречается лишь в 2 ЛСГ из тех, что и его мотиватор (ЛСГ поступка, поведения и уничтожения), и наследует лишь 17% (3 из 18) значений последнего.

Таблица 9

Семантическая соотносительность глаголов

бить/убить

Ñeñoáìà çìà+áíèé ãèãáíèà ÁÈÕÙ	ÈÑÃ	Ñeñoáìà çìà+áíèé ãèãáíèà ÓÁÈÕÙ
1. Óãäpÿðù, èíèíðèðù. Áèðù èóááèèáíé.	óãäpà	1. Ípíñð. Óøèèèðù, óãäpèðù.
2. Óãäpÿðù íáí +ðí-è. ípè ááèæáíèè. Áíæäù áúáð íí ñòáèèèáí.	óãäpà	-

3. N̄ n̄ñíáíé n̄èéíé ááé- n̄òáíáàòù íà íuòùá- íèȳ (í n̄áàòá, çà- làòá è ò.i.). N̄áàò áèè á àèàçà.	áññ- ipèy- òèȳ	-
4. Èçáèáàòù. Áèòù pà- ááíèà.	óáàpà	-
5. Ííááæáàòù. Áèòù ápáàá.	ííáááú	-
6. Óáèáàòù. Ùòéó áúpò íñòpíáíé.	óíè+òí- æáíèȳ èñífèù- çíáááíèȳ	2. Èèèèòù æèçíè, óíápòáèòù. Óáèòù çáèòá íà íòíòá. 3. Hápàçóííí èçpáñfóíáíáàòù, èñòpàðèòù. Óáèòù ááá íá- ááèè íà íáóñòpíèñòáí. 4. Hàìpáñíí páñòpàðèòù (n̄è- èù, n̄íñíáííñòè, æèçíú). Óáèòù íà èíáí-è. +áñòù n̄áíáé áóøè. 5. N̄èèúíí páññòpíèòù. Ýòè n̄íáúòèȳ óáèèè, íìòpýñèè íáíȳ. 6. Ííèpúòù (èàpòó). Óáèòù ááíó +ápááé. 6. Ííèpúòù (èàpòó). Óáèòù ááíó +ápááé.
-	èñífèù- çíáááíèȳ	
-	ýíìòèíí. n̄íñòíȳí.	
-	íñòòíèà	
-	ííááá., íñòòí- èà	
7. N̄òpáèȳòù. Ápáá áúáò íí áìpíáó.	áàèæáíèá	-
8. Àè+áááòù èíáí-è. Áèòù íí íááíñòàò-	pá+ááíá áíçááé- n̄òáéá	-
9. N̄òpáèȳòù íà èáèíá- èèáí páññòíȳíèá. Íèñòíèáò áúáò íà 600 øááíá.	íápáíá- úáíèá	-
10. Ðàçáèáàòù. Áèòù n̄òáèèá.	pàçpó- øáíèá	-
11. Ðàçáèáàȳ ðáápáòp íípíáó, ááèáòù +òí-èèáí. Áèòù øòpòú.	n̄íçáà- íèá íáú- áèòá ðèç òpóáíí.	-
12. Ípìèçáíáèòù çáóè óáàpáíè. Áèòù á èíèíèíè.	çáó+à- íèá	-
13. Ááááàòù n̄èáíáè. Áèòù çàpp.	çáó+à- íèá	-
14. Èçááááàòù çáóèè. xáñú áúpò.	çáó+à- íèá	-
15. Íáòù (í íòèòáò). Èípíñòáèù áúáò á ííèá.	çáó+à- íèá	-
16. Òpýñòè (í ðèçèíè. n̄íñòíȳíèè). Íáíȳ áúáò ápíæù.	ðèçèí- èíá. n̄íñò.	-
17. Èçáíòíáèȳòù èáèèí- èèáí íápàçíí. Áèòù làñèí.	n̄íçááíèá íáúáèòá òèç.òp.	-
18. Áúòáèáòù n̄òpáíèòá- èúííé n̄òpóáé. Á n̄áàò áúpò óííòáíú.	ááèæáíèá	-

Примечания. 1. Системы значений глаголов приводятся по «Словарю русского языка» в 4 т. (1982 — 1984) — МАС.

2. Семантическая соотносительность определялась нами самостоятельно (в области акционсартных значений) и по словарю.

Словообразовательная пара БИТЬ → ПОБИТЬ. Глагол ПОБИТЬ, по данным МАС, имеет 5 значений, но если учесть, что первое значение деривата соотносит его с двумя семемами мотиватора (1. сов. к *бить* во 2 и 3 зн.), рассмотреть все оттенки значения как отдельные семемы, а также учесть акционсартные производные значения, отмечаемые словарями крайне непоследовательно, то семантическая структура глагола ПОБИТЬ будет складываться из 30 значений (см. таблицу 10), 13 из которых имеют деривационную природу. Префикс *по-* максимально грамматичен: к 7 семемам глагола БИТЬ он присоединяется со значением сов. в. Еще 19 значений данного деривата носят акционсартный характер; это значения № 1, 2, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 26 — 30. Лишь 4 значения (№ 13, 14, 23, 25) появились в результате самостоятельного семантического развития данного глагола. В целом глагол ПОБИТЬ входит в те же ЛСГ, что и его мотиватор: ЛСГ удара (*побить кого-либо*), отрицательного воздействия на объект (*побить пальто молью*), создания объекта в результате физического труда (*побить масло какое-то время*), победы (*побить противника*), уничтожения (*побить всю посуду*); тем самым он наследует 72% семантики мотиватора: 5 значений из 18 глагола БИТЬ не свойственны его деривату (ЛСВ № 8, 9, 13, 14, 15).

Таблица 10

Семантическая соотносительность глаголов

бить и побить

Ñëñòàèà çèà+àèèè àèààèèè ÀÈÒÛ	ÈÑÀ	Ñëñòàèà çèà+àèèè àèààèèè ÌÑÀÈÒÛ
1. óààðÿòù, èèèèèòù. Àèòù èóààèèèè. -	óààðà óààðà	1. Ìíàèòù èóààèèèè èàèèà-òè àðàèÿ. 2. Ìíàèèè ñèààèèè èóààèèèèè, à èèèèè óààðèèè ñ ñèèèèè. 3. Ñèà. à. èè 2 çèà+.
2. óààðÿòù èèè +òè-è. èèè ààèèèèèè. Àèèèè àúàò èè ñòà- èèèè. -	óààðà óààðà	4. Àèèèè èèèèè èè ñòàèèèèè èèèèèè è èèèèèèèè. 5. Ñèà.à. è 3 çèà+.
3. Ñ èèèèèèèè ñèèèèèèè ààèèèèèèèèèè èè èèèèèèèèèè (è ñèààòà, çèàèèèè è ò.è.).	àèè- èèèè- èèè	

Nãáo àèè á àèàçà.			
-	áíñ- ipèy- òèy		6. Nãáo íiàèè á àèàçà íá- áíèáí: yéáèòpè+áñòáí íòèèp+èèè.
-	áíñ- ipèy- òèy		7. Nãáo áùè ypèèè è íòííó nèááèá àèè á àèàçà.
4. Èçáèááòù. Áèòù pá- ááíèá.	óáàpá		8. Níá.á. è 4 çíá+. Íiàèòù páááíèá.
-	óáàpá		9. Nèááèá íiàèòù páááíèá.
-	óáàpá		10. Íiàèòù èàèíá-òí àpáíy á íàèàçàíèá, á íòíí íòèàçàòùny íò òàèíé íàpú áíçááéñòáèy.
5. Íiááááòù. Áèòù ápááá.	ííáá- áú		11. Níá.á. è 5 çíá+. Íiàèòù ápááá á ááí èíáíáá.
-	ííáá- áú		12. Íiàèòù ápááá èàèíá-òí ápáíy íà náíáé òàppèòí- pèè, á íòíí íàpáíáñòè- òùny íá ááí.
-	ííáá- áú		13. Íiáááèòù á nípááííááíèè, èápá. Íiàèòù nííáííèèíá íá èò æá ííèá.
-	ííáá- áú		14. Ípááçíèòè èíáí-è. á +áí- èèáí. Íiàèòù èíáí-è. á páññòæáíèyò.
6. Óáèááòù. Ùóéó áùpò íñòpíáíé.	óíè- +òí- æáíèy		15. Èàèíá-òí àpáíy íiàèòù púáo íñòpíáíé, á íòíí íàpáèòè íá óáí+éó.
-	óíè- +òí- æáíèy		16. Níá.á. Íí óæá íiàèè pú- áo íñòpíáíé, ííáíí áà- pèòù óóó.
-	óíè- +òí- æáíèy		17. Óáèòù áñáó, íííáèò. Íí- áèèí èííáé ípè áííááæéá.
7. Nòpáèyòù. Ápáá áúáó íí áípiáó èç íèíí-	íápá- íáùá- ùáíèy		18. Níá.á. Ápáá óæá íiàèè íí áípiáó è áñá pàçpóèèè.
-	íápá- íáùá- ùáíèy		19. Íiàèòù èàèíá-òí àpáíy íí áípiáó èçí áñáó ípóáèè.
8. Áè+áááòù èíáí-è. Áèòù íí íááíñòàò- èáí.	pá+á- áíá áíçá.		-
9. Nòpáèyòù íá èàèíá- èèáí pãññóíyíéá. Íèñòíèáó áúáó íá 600 øááíá.	íápá- íáùá- ùáíèy		-
10. Ðàçáèááòù. Áèòù nòáèèá.	pàçpó- øáíèy íèy		20. Níá.á. Íàèü+èøèè, èápáy á óòóáíé, íiàèèè áñá nòáèèá á áííá.
-	pàçpó- øáíèy		21. Íiàèòù nòáèèá èàèíá-òí ápáíy á íòíáñòéó èííó- íéáóáü.
-	pàçpó- øáíèy		22. Ðàçáèòù íá +áñòè áñá, íííáíá. Íiàèòù áñp íí- nóáó.

-	pàçpó- wáíëÿ	23. Óíë+ðíæèðù ííñááú (í íáííáíáá è ò.í.). Àpáá ííáèè áñá ípííí.
-	pàçpó- wáíëÿ	24. Ííápááèðù áí íííáèð íá- nòáð óáàpàìè, òíë+èáìè. Ííáèðù áèíð èípááëÿ íá èáííÿð.
-	pàçpó- wáíëÿ	25. Ííápááèðù, ípíáúpÿáèðù, ípiápuçàÿ, ípíáááÿ. Íí íááíñíðpó íëÿ ííáèèá wóáó.
11. Ðàçááááÿ óáápáóþ ípiáó, ááèáðù +ðí-è. Áèðù wópóú.	ñíçáá- íëÿ íáúáé- ðà ðèç. òpóáíí	26. Ííáèðù wópóú èáèíá-ðí ápáíÿ.
12. Ípíèçáíáèðù çáóé óáàpàìè. Áèðù á	çáó+à- íëÿ	27. Ííáèðù èáèíá-ðí ápáíÿ á èíéíéíè.
13. Ááááðù ñèáíáè. Áèðù çàpp.	çáó+à- íëÿ	-
14. Èçááááðù çáóéè. ×áñú áúpò.	çáó+à- íëÿ	-
15. Íáðù (í íðèóáð). Èípíñóáèù áúáð á ííèá.	çáó+à- íëÿ	-
16. Opÿñòè (í ðèçèíè. ñíñò.). Íáíÿ áúáð ápiú.	ðèççéí- éíá. ñíñò.	28. Íáíÿ èáèíá-ðí ápáíÿ íí- áèéí íð íçííáá è íápá- nóáèí.
17. Èçáíðíáëÿðù èáèè- ééáí íápàçíí. Áèðù íáñèí.	ñíçáá- íëÿ íáúáé- ðà ðèç. òpóáíí	29. Ííáèðù èáèíá-ðí ápáíÿ íáñèí.
18. Áúóáèáðù ñòpàìèðá- ðáèúííé ñòpóáé. Á ñááó áúpò óííðáíú.	ááèæá- íëÿ	30. Óííðáíú ííáèèè èáèíá-ðí ápáíÿ è íápáñòáèè.

Примечания.

1. Системы значений глаголов приводятся по «Словарю русского языка» в 4 т. (1982—1984) — МАС.

2. Семантическая соотносительность определялась нами самостоятельно (в области акционсартных значений) и по словарю.

Словообразовательная пара ХОДИТЬ → ПРИХОДИТЬ. Глагол ПРИХОДИТЬ, созданный с помощью префикса *при-*, совмещающего мутационные и модификационные значения в своей семантической структуре, занимает промежуточное место между ПОБИТЬ и УБИТЬ. Мотиватор ХОДИТЬ, обладающий 29 значениями (см. табл. 11), входит в 17 ЛСГ: ЛСГ однонаправленного движения, ориентированного относительно начального и конечного или только конечного пункта движения (*на Москву поезда еще ходили, школь-*

ник ходил домой за забытой тетрадью), ЛСГ разнонаправленного и колебательного движения (*гул волнами ходит по залу; рука с углем ходила по холсту*), профессиональной деятельности (*ходить в лощманах*), пребывания в эмоциональном состоянии (*ходить по-веса нос*), поступка (*ходить в присядку, ходить вальтом*), одевания (*ходить в лаптях*), физиологического действия (*ходить по нужде*), функционального состояния (*тесто ходит*), защиты (*ходить за больными*) и проявления качества (*уметь ходить*). Глагол ПРИХОДИТЬ, обладающий 25 значениями (расхождения данных об общем количестве значений глагола ПРИХОДИТЬ, наблюдающиеся в табл. 2 и 5, обусловлено тем, что в таблице 2 приводятся данные о количестве значений, отмеченных словарями, а в таблице 5 — количество значений, выявленных в результате определения семантической соотносительности деривата с производящим ХОДИТЬ и системы значений словарей), входит в шесть лексико-семантических классов, четыре из которых те же, что у мотиватора: ЛСГ глаголов движения, ориентированного относительно конечного пункта (*ходить — приходиться куда-л.*), ЛСГ начала бытия (*чума ходит в городе — чума всегда приходит неожиданно*), профессионально-трудовой деятельности (*ходить штурманом — приходиться штурманом*), ЛСГ нанесения объекту вреда (*ходить на кого-л. с мечом — приходиться с мечом*) и т. п. При этом под влиянием семантики префикса явно меняется удельный вес той или иной КЛС в семантическом пространстве мотиватора и мотивата: для глагола ХОДИТЬ наиболее важна семантика разнонаправленного перемещения, для деривата ПРИХОДИТЬ — семантика достижения какого-либо пункта в результате перемещения и возникновения какого-либо явления или состояния. В целом около 60% ЛСВ производного глагола ПРИХОДИТЬ унаследованы им от своего производящего.

Таблица 11

Семантическая соотносительность глаголов

ходить и приходиться

Ñeñðàíà çíà+áíèé æèàáíèà òíÀÈÒÙ	ÈÑÀ	Ñeñðàíà çíà+áíèé æèàáíèà ÌÐÈÓÍÀÈÒÙ	ÈÑÀ
1. Íæèàààòù ñííñíá- ííñòùð òíàèòù (í +æíáàèèà èèè æè-	óóíèò. ñíñò.+ ààèæ.	1. Íí òàíàðù íá íðèòí- àèò è íàí èç-çà áí- èáçíè.	ààèæà- íèù
2. Íàðáààèèàòùñý, ñòóíàý ííààíè. Íàíà òíàèèèà íí èííàòà.	ààè- æáíèù	2. Íàíà +àñòí íðèòíàèò ñðàà.	ààèæà- íèù

-	-	3. Ìpèòíàèòù íàpàdíf òìyó áù èííààà.	ààèæá- íèy
3. Ìápáààèààòùny (í ñpáàñòáàò íàpá- ààèæáíèy). Á Ìí- nèáò òíàyò ííàçáà	ààèæá- íèy	4. Á Ìíñèáò Ìpèòíàyò ííàçáà.	ààèæá- íèy
-	-	5. Èípáàèè Ìpèòíàyò +àñòí.	ààèæá- íèy
-	-	6. Ìpèòíàèòù íàçáà íà ààñèàò.	ààèæá- íèy
4. Ìèàààòù á èà+àñò- áà +èáíá ýèèíàæà. Òíàèòù Ìàòpíñíì.	ìpí- òáññèè	7. Nèò+àèíñù, +òí èç páèná Ìòæ Ìpèòíàèè òæá á àpòáíì çàà- íèè.	ìpí- òáññèè
5. Ìápáíàùàòùny (í ñáàòèèàò). Níèíòá òíàèèí Ìèçèí.	ààèæá- íèy	8. Níèíòá Ìpèòíàèò ñ áíñòíèà.	ààèæá- íèy
6. Ìápáíàùàòùny (í áù íà, íàèàèàò, áìç- àòóà è ò.í.) Ììòí- èíì. Áíèíà òàè è òíàèò.	ààèæá- íèy	9. Íàèàèà á yòèò èpàyò íáù+íí Ìpèòíàyò ñ ñáàáàpà.	ààèæ.+ íà+àèà áùòèy
7. Ìápáíàùàòùny (í çàòèàò). Áòè áí- èíñíà áíèíàìè òíàèè Ìí çàèò.	çàò+à- íèy	10. Ýòòò áòè íáù+íí Ìpèòíàèè ñ áíñòíèà.	ààèæ.+ íà+àèà áùòèy
8. Ìápáààèààòùny ñòà- áé, èíñyèì (í pú- áàò, æèíòííò). Ìíà ñàìùì áàpááìì òíàèèè áíèààèè.	ààèæá- íèy	11. Nàíàà Ìpèòíàèò ñpáà páàèí, èíààà pàèà íñíàáíí Ìèííàíà- íà.	ààèæá- íèy
9. Hàìpáàèyòùny èòàà- èèáí. Òíàèòù Ìí Ìàààçèíàì.	ààèæá- íèá	12. Íí Ìpèòíàèò íà pà- áìòò áíàpáìy.	ààèæá- íèy
10. Èàòè Ìòíèòùny. Òíàèòù Ìà èàááíà.	ìpí- òáññèè	-	-
11. Hàíàààòù Ìà èíáí- èèáí. Òíàèòù á	Ìpèíó- æááíèy + ààèæ.	13. Èòí Ìpèòíàèò ñ Ìà- +íì, òíò Ìò Ìà+à è è Ìíàèáíáò.	Ìíyà- èáíèy+ +ààèæ.
12. Áùñòpí ààèààòùny íí Ìààpòííñòè. Dóèà òíàèèà Ìí òíèñòò èààèí è ñáíàíáíí.	ààèæá- íèy	-	-
13. Ìápáààààòùny àpòá àpòáò èç pòè á pòèè, Ìí pòèàì.	Ìàpá- àà+è íáùáè- òà	14. Mòpíàè ñ íáùì pí- làííì íà àñáàà Ìpèòíàèò èí Ìá íá- pàòíí.	Ìíyà- èáíèy +ààèæ.
-	-	15. Ìèñùà Ìpèòíàyò +à- ñòí.	ààèæ.+ Ìíyàè.
-	-	16. xàé Ìpèòíàèò èç Èè- òày.	ààèæ.+ Ìíyàè.
14. Nòáííàèòùny èçáà- nòíùì Ìííàèì. Áàñòè Ìááíàpúá òíàyò á Ìàpíàà.	áùòèy	17. Áàñòù Ìí ááàà +àñòí Ìpèòíàèò íáíæàáí- íí.	Ìà+àèà áùòèy

15. Íiyáeyòúny ááá-è. (íá yíèááíèè). Hà páá òíèápà òí- àèð.	íá+á- èá áúòèy	18. Óíèápà è íàì ípèðí- àèð íá+áñòí.	íá+àèà áúòèy
16. Áàèèáòúny áçáá è áíáþáá. Ííþóíè íèááíí òíáyò áááþò è áíèç.	áàèèá- íèy	-	-
17. Áþíæáòú. Íí+áá òíèèð íá íááàíè.	áàèèá- íèy	-	-
18. Ííáíèíàòúny è ííóñèàòúny (í áþóáè, áíèàò æéáíáí ñóúáñòáá). Áþóáú óàè è òíèèð íò áíèíáíèy.	áàèèá- íèy	-	-
19. Þááíòáòú, ááèñò- áíááòú (í íáòáíèç- íáð). xáñú áúá òíáyò.	óóíè- òèíí. ñíñò.	-	-
20. Áþíáèòú, çàèèñáy. Óáñòí òíèèð.	ñòá- áéáí. òèççè+. èá+á- ñòáá	-	-
21. Óñòáþ. Èíáòú óáíó. Íí+áí òíáyò íáþò- áúá áóøè?	íþíyá- éáíèy èá+á- ñòáá	-	-
22. Áúòú á òííòþááéá- íèè. Hà Óéþáéíá áúá òíáyò èáþáí- ááíóú, óíòy óæá íáíá+àòáíú áþó- áèá ááíúáè.	óííò- þáá- éáíèy	-	-
23. Óòáæéááòú çà éáí- ééáí. Óíèèòú çà áíèúíúí.	íííí- ùè	-	-
24. Áúòú éáí-èéáí. Óíèèòú á ñòáþíñ- óáò.	íþí- óáñ- ñèè	-	-
25. Áúòú íááòúí èáè- ééáí. Óíèèòú áí- ñèéíí.	íáá- áá- íèy	-	-
26. Áúòú á èáèíí-è. íáñòþíáíèè, ñí- ñòíyíèè. Óíèèòú ííááñy ííñ.	yííò. ñíñò.	19. Íþèèèè ííááñy ííñ.	íá+àèà áúòèy+ yííò. ñíñò.
27. Áàèèòú óíá à èá- þá. Óíèèòú èááúáé.	ííáá- ááíèy	-	-
28. Íòíþááèyòú áñòá- ñòááííóþ ííòþáá- ííñòú. Óíèèòú èç-çà áíèáçíè ííá ñááy.	òèççèí- éíá. ááèñò.	-	-

29. Ἀἰἔαδὸν +ὀί-εἰἄί ἄἔῶδᾰἔῶίᾰ ἄρᾰί. Ὀίἔῶδὸν ἄίρἔῆγᾰἔῶ.	ἔῆίἔ- ίᾰίἔ ὀῶίᾰ. ίρἔῆ- ἄἄἄί.	-	-
-	-	20. ἡἄῶῶίᾰδὸν (ί ἄρᾰ- ίᾰίἔ).	ίᾰ+ἄἔᾰ ἄῶἔἔ
-	-	21. Ἀίῆἔἔἔἔδὸν, ίίγᾰ- ἔγῶῶῆγ (ί ὀίρἔῶἔῶ ἔᾰρῶἔῶ).	ίᾰ+ἄἔᾰ ἄῶἔἔ
-	-	22. Ἀίῆἔἔἔἔδὸν (ί ίῆῆἔἔ ἔ ὀ.ί.).	ίᾰ+ἄἔᾰ ἄῶἔἔ
-	-	23. ἡἄῶῶίᾰδὸν, ἔῆίᾰίγ- γῆ. ίᾰ ὀᾰίᾰίᾰἔᾰ ίρἔῶίᾰἔῶ ἔ ἔίῆῶ.	ίᾰ+ἄἔᾰ/ ἔίῆῶ ἄῶἔἔ, ῆίῆῶ.
-	-	24. Ἰρἔᾰῶᾰᾰδὸν ἔᾰἔἔἔ-ἔ. ίᾰρᾰῆί. Ἰρἔῶίᾰἔῶδὸν ίᾰ ἄἄίῆ.	ἄᾰἔ- ᾰᾰ- ἔᾰ- ίᾰᾰ
-	-	25. Ἀῶδὸν, ῆὀᾰίᾰἔῶῆγ ίῆῆᾰίᾰᾰὀᾰᾰἔᾰἔᾰ ἔίᾰί-ἔἔᾰί. Ἰρἔῶί- ἔῶδὸν ἔ ρἰᾰίῶἔῆῶ.	ῆὀᾰίᾰ- ἄἔᾰίᾰᾰ ῆίῶἔᾰἔ. ἔᾰ+ἄῆὀ- ᾰᾰ

Анализ приведенных выше словообразовательных пар глаголов обнаружил, что лексичность значения приставки требует ее сочетания с основами определенной семантики. Это не позволяет ей присоединиться к тому же глагольному ЛСВ в ином значении; грамматичность значения префикса не накладывает ограничений на его способность быть источником полисемии деривата.

Наши наблюдения позволяют согласиться с выводом А. В. Олянич о том, что при лексико-семантическом варьировании производного деривационные факторы могут как способствовать этому процессу, так и блокировать его: лексико-деривационное значение префикса способствует самостоятельному семантическому развитию глагола, деривационно-грамматическое — препятствует ему.

Характер семантики деривационной морфемы, безусловно, не является единственной причиной востребованности или невостребованности словообразовательного источника формирования полисемии, в значительной степени это определяется структурно-семантическими особенностями мотивационной базы того или иного словообразовательного типа, которые (особенности мотивационной базы) в современной русистике пока не описаны достаточно четко и определенно.

Анализ полисемии мотиватора и мотивата, путей формирования многозначности последнего неизбежно приводит к анализу семного состава отдельных ЛСВ каждого слова, к определению перегруппировки семантических компонентов мотивирующего значения в мотивате, к рассмотрению особенностей мотивированности того или

иного слова. Анализ членов словообразовательной пары именно в этом аспекте позволит точно определить семантическое расстояние между производным и производящим и их принадлежность тому или иному лексико-семантическому классу слов.

4. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СЕМНОЙ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА В ПРОЦЕССЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

4. 1. ТИП МОТИВИРОВАННОСТИ РУССКОГО ГЛАГОЛА И СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ НИМ И ЕГО ПРОИЗВОДЯЩИМ

Семантическое расстояние между производным и производящим в значительной степени определяется типом (видом) мотивации, связывающей эти два слова.

Современная лингвистика определяет мотивированность языковой единицы как обусловленность ее в формальном и/или семантическом отношении другой, более простой единицей.

Традиционно выделяется три типа мотивированности языкового знака: формальная (структурная, фонетическая), лексическая (семантическая) и словообразовательная (формально-семантическая, морфологическая) мотивации (Левицкий 1994: 27).

Формальная, или фонетическая, мотивация основана на том, что звуковая структура наименования оказывается в той или иной степени изоморфной структуре обозначаемого предмета или явления; так, существительное ЗИГЗАГ фонетически мотивировано, поскольку его звуковая структура (противопоставление верхнего узкого И и нижнего широкого А) символизирует обозначаемую им резко изломанную линию (Левицкий 1994: 27). Фонетическая мотивированность свойственна звукоподражательным и звуко-символическим словам, часто контекстно обусловлена (образует так называемую квазиморфему, характеризующую конкретный текст; см. об этом: Гончаренко 1995: 161, 164–169), но основана на естественных, закономерно возникающих и характеризующих нормальное состояние психики человека звуковых ассоциациях (Караулов 1987: 94–95). В науке высказывалось и иное мнение, согласно которому звуковые ассоциации характерны, в основном, для детей с глубокой степенью умственной отсталости и для тормозного, просоночного состояния рассудка (Лурия 1979: 104). В основе фонетической мотивации лежат диффузные открытые звуко-ассоциативные лексические поля, которые постепенно формируются в сознании (или подсознании) человека (Гончаренко, 1995: 161). Звукобуквенный комплекс, обрастая «семантическими обертонами» и «комбинаторными приращениями смысла» (Б. А. Ларин), становится квазиморфемой, что уподобляет в некотором роде фонетическую мотивированность словообразовательной.

Семантическая мотивированность слова проявляется в возможности объяснения его через семантически более простое слово, не обязательно однокоренное рассматриваемому: *врач* — ‘тот, кто лечит’, *портной* — ‘тот, кто шьет’ (ср. словообразовательную мотивацию: *лекарь* — ‘тот, кто лечит’; *швея* — ‘та, которая шьет’).

Семантическую и словообразовательную мотивированность слова связывает такой вид мотивации, как лексическая (Тихонов 1989: 189). Последняя проявляется в возможности объяснения деривата с помощью любого однокоренного слова (последнее не обязательно должно быть непосредственно производящим для анализируемой лексемы): *позавтракать* — ‘съесть завтрак’, ср. словообразовательную мотивацию: *позавтракать* — ‘довести до результата действия «завтракать»’.

Анализ двух последних видов мотивированности производного слова позволил ученым (Е. А. Земская, И. С. Улуханов, А. Н. Тихонов, О. П. Ермакова, М. Н. Янценецкая, О. И. Блинова, Г. Н. Плотникова и др.) выделить следующие виды словообразовательной мотивации.

1. Мотивации, учитывающие структурно-деривационные особенности мотиваторов и мотиватов:

— исходные ↔ неисходные — в зависимости от производности или непроизводности мотиватора;

— регулярные ↔ нерегулярные, опирающиеся на уникальность или регулярность деривационного средства, использованного при создании производного;

— полные ↔ частичные, учитывающие возможность соотнесения производного слова с мотивирующим или только с одноформантным словом (*стекло* → *стеклярус*, но *? → *брусника* ↔ *косяника*).

2. Мотивации, учитывающие количество и вид равноправных мотиваторов, свойственных данному мотивату:

— единственные ↔ неединственные мотивации (множественность мотивации), определяющие, сколько равноправных мотиваторов может иметь данный мотиват.

С этой точки зрения все дериваты делятся на полимотивированные (*радоваться* → *порадоваться* и *порадовать* → *порадоваться*), мономотивированные (*учить* → *учитель*), полумотивированные (этот тип мотивации характеризует сложные слова, содержащие только один синхронно полноценный корень, вторая часть сложения семантически устарела или полностью архаизировалась: *курносый*, *белобрысый*, *женоненавистник*; в последнем случае корень -жен- употреблен не в современном значении ‘супруга’, а в устаревшем ‘женщина’; все выделенные части указывают на живой

для современного русского языка корень) и немотивированные (* → учить и под.);

– непосредственные ↔ опосредованные (чересступенчатые), отражающие мотивацию непосредственным производящим или предшествующим ему словом словообразовательной цепочки; в связи с этим выделяют особый тип мотивированности – расхождение формальной и семантической мотивации.

3. Мотивации, учитывающие собственно семантические особенности мотивата и мотиватора:

– прямые ↔ обратные мотивации, зависящие от направления влияния семантики слов в словообразовательной паре: при обратной мотивации мотиватор получает новое значение под влиянием ЛСВ мотивата (ср.: *засыпать на экзамене* → *сыпать студента на экзамене*);

– прямые ↔ переносные мотивации, учитывающие изменение или сохранение характера номинации производящего в деривате;

– реальные ↔ ассоциативные ↔ метафорические переносные номинации, различающиеся по источнику метафоричности производного, заключающегося в метафорическом значении мотивата (*летух* → *распетушиться*), в устойчивых ассоциациях, свойственных значению мотивирующего (*школьник* → *школьничать*), в самом словообразовательном акте (*сосать молоко* → *молокосос*);

– понятийные (денотативно-понятийные) ↔ фоновые (ассоциативно-образные) ↔ синхронно формальные (условные, отсылочные, экспрессивные) мотивации, учитывающие статус семантических признаков, ставших мотивировочными, в структуре лексического значения мотиватора (ср. *маленький дом* → *домик*; *моргать* ‘быстро открывать и закрывать глаза, рискуя при этом не увидеть, не заметить что-л.’ → *проморгать* ‘не заметить, упустить что-л.’; **горох* → *огорошить*, **фонарь* → *офонареть*);

– префиксальные ↔ основные (последний термин образован от существительного ‘основа’, точнее – от термина ‘производящая основа’, и потому имеет ударение на втором слоге) мотивации, выделяемые по тому, семантика префикса (аффикса) или основы доминирует в производном слове.

И. С. Улуханов попытался обобщить и иерархизировать все выше названные виды мотиваций, потенциально существующих между формально близкими словами. При этом он учитывал то, в какой степени значение одного слова входит в значение другого, а также статус объединяющих сем в семантике мотиватора (Улуханов 1992: 83–88).

Именно мотивации третьего типа, учитывающие это, чрезвычайно важны для нас, поскольку помогают точно определить семанти-

ческое расстояние между деривационно связанными словами. Наиболее близки по семантике однокоренные лексемы, связанные отношениями непосредственной прямой понятийной мотивации, наименее — те, которые связывают отношения опосредованной фоновой или синхронно формальной мотивации. Существенное влияние на степень близости оказывает также такой вид мотивации, как основная или префиксальная. Рассмотрим их подробнее.

Прямые понятийные ↔ метафорические фоновые мотивации. Наиболее распространенным видом мотивации во внутриглагольном словообразовании является понятийная прямая мотивация. Это вполне естественно, поскольку словообразование фиксирует типовые, повторяющиеся формально-семантические различия между словами.

Как показывают наблюдения, прямые мотивации характерны для глаголов, обладающих конкретным значением и встречающихся во всех суперпарадигмах (лексико-семантических полях). Они явно доминируют в подполях движения (*дойти* ‘идя, достигнуть какого-либо места’; *выйти* ‘идя, удалиться откуда-либо’), перемещения (*вынести* ‘удалить что-либо откуда-либо, неся объект в руках’; *занести* ‘попутно доставить объект куда-либо при совместном перемещении’), помещения *вдвинуть* ‘в результате перемещения поместить что-либо внутрь чего-либо’; *вбить* ‘ударами поместить что-либо внутрь чего-либо’), физического воздействия на объект (*разбить* ‘ударами разделить объект на части, испортив, уничтожив его’), созидательной (*вычертить* ‘в процессе черчения изготовить чертеж’; аналогичны *выкопать*, *наквасить* и под.), речевой (*заговорить* ‘начать говорить’; *уговорить* ‘уговорами заставить кого-либо согласиться с чем-либо’), физиологической деятельности (*поплакать* ‘плакать какое-то время от огорчения, боли и т. п.’), в подполе звучания (*заквакать* ‘начать квакать’) (поле «Действие и деятельность»); в подполях физиологического (*выспаться* ‘проснуться хорошо отдохнувшим после сна’), качественного (*алеть* ‘быть или становиться алым’; *взрослеть* ‘становиться взрослым’) и функционального состояний (*забаррикадировать* ‘создать препятствие, соорудив баррикаду’) (поле «Бытие. Состояние»); в подполе владения (*завоевать* ‘получить что-либо в свое владение в результате военных действий’) (поле «Отношение»). Глаголы всех этих подполей передают совершенно конкретные, определенные действия, например, становление четко обозначенного физического, цветового, социального качества, внешнего или внутреннего признака (становиться каким: *влажнеть* — ‘становиться влажным’, *грубеть* — ‘становиться грубым’, *сереть* — ‘становиться серым или виднеться

как нечто серое', *взрослеть* — 'становиться взрослым'; *беднеть* — 'становиться бедным', *веселеть* — 'становиться веселым' и т. п.); глаголы извлечения обязательно содержат в своем значении указание на способ совершения действия: *выварить*, *выловить*, *высосать*, *вытащить*, *вытянуть* и под.; глаголы профессионально-трудовой деятельности столь же определены: *бурлачить*, *ытрачить*, *гончарить*, *караулить*, *ассистировать* и др.

Метафорическая, фоновая, ассоциативная и иные виды непрямой мотивации преобладают в строго определенных подполях и ЛСГ: большинство из них антропоцентрически ориентированы. Непрямые мотивации преобладают в подполях эмоционального состояния и его проявления (*благодушествовать* 'пребывать в беззаботно-радостном состоянии, как бы с благой душой'; *блаженствовать* 'испытывать блаженство — полное, невозмутимое /благое/ счастье'; *недоумевать* 'находиться в состоянии сомнения, колебания вследствие невозможности понять что-либо, вследствие «недостатка» ума', *сокрушаться* 'очень сильно огорчаться и печалиться, что почти разрушает, крушит человека'; *бесить* 'приводить в крайнее раздражение, такое, которое может вызвать бес'; аналогична также мотивированность следующих глаголов: *вдохновить*, *возбудить*, *возмутить*, *воодушевить*, *вскружить/голову/*, *изумить*, *искушать*, *навлечь*, *насторожить*, *обворожить*, *огорчить*, *приворожить*, *разочаровать*, *развлечь*, *расхолодить*, *умиротворить*, *унижать*, *возмутиться*, *воодушевиться*, *восхититься*, *звереть*, *издергаться*, *изумиться*, *малодушествовать*, *малодушничать*, *преисполниться*, *рукоплескать* и под.), межличностных отношений (*благоволить*, *благоговеть*, *благожелательствовать*, *боготворить*, *ручаться*, *заискивать*, *любопытничать*, *любопытствовать*, *ненавидеть*, *опорочить*, *опротиветь*, *оскорбить*, *попустительствовать*, *потворствовать*, *презирать*, *пренебрегать*, *снизойти*, *благодарить*, *миндальничать*, *двуличничать*, *двурушничать*, *зверствовать*, *лицемерить* и под.) и поведения (*бедакурить*, *раболепствовать*, *крохоборничать*, *сумасбродить*, *донкихотствовать* «вести себя, как Дон-Кихот», *подхалимничать* «вести себя как подхалим» и под.). При этом обращает на себя внимание тот факт, что метафорическая мотивация актуальна для глаголов межличностных отношений, но не для ЛСГ подполя социальных отношений: первые обычно эмоционально окрашены и допускают образную номинацию; вторые требуют однозначного нейтрального обозначения.

Номинирование действий и состояний, характеризующих межличностные отношения, происходило на ранних этапах развития языка, поэтому многие корневые и аффиксальные элементы, использованные для создания подобных лексем, к настоящему времени частично

или полностью десемантизировались, что и обуславливает наличие значительного количества фоновых и синхронно-формальных мотиваций среди глаголов указанных ЛСГ: *раболепствовать, миндаляничать, лицемерить, сумасбродить, крохоборничать* и под.

Вторая группа ЛСГ, состоящих из глаголов с формальной или метафорически-ассоциативной мотивацией, включает глаголы начала существования и бытия (*зародиться /о мысли/, закрасться*) и исчезновения (*выветриться /о мысли/, искоренить, изгладить из памяти, улечься, устраниваться, упразднить* и под.), то есть обозначает древние когнитивно значимые для человека действия.

Таким образом, если сфера действия прямых понятийных мотиваций семантически чрезвычайно разнородна и широка, то сфера действия метафорических, фоновых и синхронно-формальных мотиваций — более узка и определена: она ограничена в основном теми ЛСГ и подполями, которые передают эмоциональное состояние человека, его поведение, вызывающее эмоциональную оценку и эмоционально окрашенные межличностные отношения.

Префиксальная ↔ основная мотивации. Данные виды мотивации достаточно однозначно распределяются по ЛСГ русских глаголов.

Основная мотивация доминирует в ЛСГ, обозначающих базовые, исконные действия человека: это ЛСГ глаголов физического воздействия на объект, прежде всего на землю (ЛСГ очищения и обработки продуктов), ЛСГ речи, ЛСГ изменения положения в пространстве, ЛСГ функционального состояния, ЛСГ физиологического состояния и действия, подполя бытия, существования, взаимоотношения и владения.

Значение подавляющего большинства глаголов с основной мотивированностью конкретно и определено. Лексические значения таких глаголов часто содержат семы включенного объекта, субъекта или орудия действия, а также подробную детализацию способа осуществления действия. Так, глаголы звучания часто указывают на производителя действия: *квакать — о лягушке, кукарекать — о петухе*; глаголы произнесения конкретизируют характер произнесения: *басить, гнусавить, крикнуть, заикаться, картавить, лепетать, лопотать, улюлюкать, шамкать* и под. Глаголы обработки указывают на орудие (*боронить — борона, дубить — кора дуба, крахмалить — крахмал, морозить — мороз* и др.), объект (*молотить — зерновые, кипятить — жидкость*) или способ совершения действия (*запечь — в печи, гранить — обрабатывать, создавая грани* и т. п.). ЛСГ глаголов отчуждения или получения объекта в свое распоряжение конкретизируют способ изменения владельца: *выиграть, выпросить, запатентовать, заработать, наследовать, отыграть, выкрасть, завоевать, конфисковать* и под.

Большинство ЛСГ, в которых преобладает основная мотивированность производных глаголов, относятся к ЛСГ деривационно-корневого или лексемно-центрического типа. Сохранение при словообразовании категориально-лексической семантики, манифестируемой корнями таких глаголов, обнаруживает ее чрезвычайную устойчивость, а следовательно, значимость для человека, воспринимающего и концептуализирующего окружающую действительность. Обозначаемые такими корнями концепты столь конкретны и определены, что не могут быть типизированы с помощью деривационных аффиксов. Это в основном монопропозициональные, простые, базовые действия.

Префиксальная мотивированность свидетельствует об обратном: смещение семантического центра в значении производного глагола с корня (мотивирующей основы) на приставку свидетельствует о том, что обозначаемые префиксом результаты действия столь когнитивно значимы, что должны быть типизированы и представлены отдельной деривационной морфемой. Префиксальная мотивация преобладает в тех подполях движения и перемещения, где префикс манифестирует исходный, конечный или промежуточный пункт перемещения (*выбросить, вылететь, вынести, согнать откуда либо* — начальный пункт перемещения; *доехать, добежать, донести* — конечный пункт; *оббежать, объехать* — промежуточный и т. п.) и результат перемещения: удаление, присоединение, соединение, помещение и под. Поэтому префиксальная мотивированность очень частотна в подполе помещения (*втирать, впаять, вкопать, вколотить, вшить*), конкретной физической деятельности: ЛСГ повреждения объекта (*раздолбить, сжечь, забодать, искусать, обветрить, обкормить*), пропитывания объекта (*пробальзамировать, прокрахмалить, пропылить, промочить*), покрытия (*забелить, вымазать, забрызгать, закоптить, золотить, оклентить, посеребрить*), профессионально-трудовой деятельности (*ассистировать* 'работать ассистентом'; *батрачить, бурлачить, малярничать* и под.) (поле «Действие и деятельность»).

В поле «Бытие. Состояние» префиксальная мотивированность преобладает в подполе становления, изменения и проявления качества (*зеленеть, сереть, дешеветь* 'становиться каким? — зеленым, серым, дешевым'), а также в ЛСГ глаголов эмоционального состояния (*блаженствовать, веселиться, горевать, досадовать, радоваться, тревожиться* 'испытывать состояние блаженства, веселья, горя, досады, радости, тревоги') и поведения (*азартничать, горячиться, егозить, паникерствовать, дурачить, мошенничать, плутовать, жадничать* 'вести себя как? — азартно, излишне горячно, как егоза, как паникер и т. п.).

В поле «Отношение» префикс семантически доминирует в значении производных глаголов подполя владения (ЛСГ извлечения, получения в определенном количестве, отчуждения) и межличностных отношений (почти все ЛСГ). Именно на основе деривационной морфемы формируется категориально-лексическая семантика глаголов таких ЛСГ, а способ и особенности проявления этих отношений конкретизируются с помощью сем, наследуемых дериватами от мотиватора (*выкопать, выколотить, выколоть, выломить* — извлечь, копать, колотя, выкалывая, выламывая; *набрать, наварить, напечь, надоить* — накопить что-либо в достаточном или большом количестве в результате сбора, варки, печения, доения; *отобрать, отбить, отвоевать* — насильственно захватить что-либо в свою собственность в результате физического воздействия, вплоть до бития, в результате военных действий; *вспугнуть, выманить, конвоировать, отучить, насиловать, прогнать, разогнать* — заставить кого-, что-либо совершить какие-либо действия: перемещения и т. п. — в результате определенного воздействия: испугав кого-либо, соблазнив чем-либо, конвоируя и т. п.).

Все ЛСГ с преобладанием префиксальной мотивированности имеют похожее деривационно-семантическое строение. Такие ЛСГ обладают деривационно-аффиксальной структурой и обозначают действия; которые обладают значительным количеством дифференциальных сем, уточняющих типизированную КЛС, манифестируемую приставкой. Обычно это полипропозициональное действие с включенной пропозицией: *выгрызть* — это *удалить*, *грызть* = грызть (пропозиция 1) + следствие этого — удалить объект (пропозиция 2).

Таким образом, особенности мотивированности глаголов, составляющих те или иные ЛСГ, позволяют объяснить особенности строения последних. В то же время характер мотивированности производного глагола определяет во многом и степень его семантической целостности или размытости.

4. 2. СТЕПЕНЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОРНЕЙ

Анализ того, какие макро- и микрокомпоненты лексического значения мотиватора и как участвуют в формировании значения мотива, позволит более точно охарактеризовать семантику русского корня и выделить среди последних семантически целостные и размытые морфемы.

Такой анализ представляется целесообразным, поскольку до сих пор нет единого мнения о том, что представляет собой семантика корня. Одни исследователи подчеркивают семантическую неопределенность, «неосязательность» значения корня (Панфилов 1968: 9); другие признают корневую морфему однозначной, постоянно

реализующей одно и то же значение, присутствующее во всех словах, содержащих данный корень (Качкина 1963: 3); третьи считают, что в значении корня отсутствует расплывчатость и неопределенность и оно может быть отождествлено со значением производного слова, содержащего такой корень (Милославский 1980: 162). В этом случае корневая морфема и корневое слово находятся в отношениях максимальной семантической близости. Сторонники этой точки зрения полагают, что семантика корня лексична, «выражает, собственно, основное неконкретизированное лексическое значение, которое ограничивается и модифицируется при участии деривационных морфем, то есть в составе основы» (Манучарян 1978: 15), непосредственно отражает кусочки действительности (Пастушенков 1977: 31). По мнению А. Н. Тихонова, корень выполняет роль своего рода «гена» — носителя наследственности, обеспечивающего преемственность в семантике однокоренных слов, являющегося материальным выразителем их семантической общности, при этом, сочетаясь с разными аффиксами, корень может семантически преобразовываться (Тихонов 1967: 114).

Отсутствие единой точки зрения на семантику корня, связанное со сложностью изучаемого объекта, обуславливает целесообразность новых попыток решения этой проблемы.

Всеми признается, что корень — это обязательный компонент любого русского слова, в том числе глагольного, выполняющий роль его структурно-деривационного ядра: именно к корню присоединяются все аффиксы, создающие грамматические формы глагола или отглагольные дериваты.

Функцию же семантического ядра слова, центра его лексического значения, способны выполнять далеко не все глагольные корни, так как эти морфемы не всегда манифестируют категориально-лексическую и наиболее важные дифференциальные семы. Например, ядро значения просторечного глагола СОБАЧИТЬСЯ «ругаться, браниться» составляют КЛС речевого общения, речевого воздействия на кого-л., речевого выражения эмоций. Если исходить из традиционной точки зрения на семантику корня, именно эти компоненты значения должны манифестироваться корневым морфемой, но с корнем СОБАК-/СОБАЧ- данные семы связаны лишь опосредованно: через тот ассоциативный фон, который есть у мотиватора СОБАКА и который обусловлен особенностями поведения обозначаемого животного. Эти ассоциации производного слова (а значит, и корня) являются основанием для возникновения глагольного значения.

Корневая морфема СОБАК-/СОБАЧ- выражает, таким образом, мотивировочный признак, внутреннюю форму данного глагола

СОБАЧИТЬСЯ: ‘о людях: ругаться так злобно, громко, остервенело, как лают друг на друга собаки при ссоре’. Внутренняя форма слова, придающая данному лексическому значению экспрессивность, входит не в денотативно-сигнификативную, а в коннотативную часть значения (ЛЭС: 85). Следовательно, корень манифестирует не ядро лексического значения слова, а его дополнительную, необязательную коннотативную часть. Глаголы, подобные выше приведенному, не единичны: к ним относятся значительная часть глаголов в переносных значениях, обладающих фоново-ассоциативной мотивированностью (**ВСКИПЕТЬ** ‘прийти в состоянии гнева, негодования так быстро, как заКИПает вода’, **БЕСИТЬСЯ** ‘быть в сильном гневе, раздражении, неистовствовать, как БЕС’и под.), а также слова с частичной или формальной мотивированностью: **ИЗДАТЬ** ‘выпустить в свет, опубликовать, чтобы ДАТЬ возможность читателям ознакомиться с той или иной информацией’, **НАЙТИ** ‘обнаружить что-л. в процессе поисков, сопровождаемых процессом ХОДЬбы’ и др. Последняя группа глаголов относится к непроизводным. Особенно много глаголов с подобными корнями в подполях эмоционального состояния и поведения.

Подобные наблюдения, имеющиеся в работах О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, И. Г. Милославского и многих других, приводят к выводу о том, что корень способен к семантическому варьированию в рамках дериватов, входящих в одно словообразовательное гнездо (ср. значения корня в словах **ДАТЬ** и **ИЗДАТЬ**, **СОБАКА** и **СОБАЧИТЬСЯ**). Его семантическая нагрузка может колебаться от минимальной, заключающейся в передаче коннотативно-потенциальных сем (**СОБАЧИТЬСЯ**, **ИЗДАТЬ**, **НАХОДИТЬ**), до максимальной — передачи обязательных дифференциальных и категориально-лексической сем, составляющих ядро лексического значения слова-мотиватора.

Семантическое варьирование корня может происходить не только в рамках однокоренных слов, но и в пределах одной лексемы. Русский глагол в целом склонен к развитию полисемии в большей степени, чем слова других частей речи, а непроизводные лексемы более многозначны, чем их дериваты. Шарль Балли писал: «... простой знак может получить многочисленные значения... в то время как мотивированный знак в силу одной сложности лишен возможности представлять много значений» (Балли: 324).

Статистические данные разных исследователей также подтверждают это. Если доля многозначных слов в русской лексике колеблется в пределах от 1% (Денисов: 146) до 38% (по данным Ф. П. Филина, цит. по статье Денисова: 145), то удельный вес полисемантических глаголов среди непроизводных глагольных лексем зна-

чительно выше. По нашим наблюдениям, более 70% русских непроеизводных глаголов имеют более одного значения.

Корень, передавая развитую систему значений непроеизводного глагола, сам семантически варьируется в соответствии с ней. Пределы семантического «разброса» значений одного корня при подобном варьировании достаточно широки. Так, оба значения глагола ШЕВЕЛИТЬ ('трогая, воротить, переворачивать что-л. Шевелить сено' и 'слегка двигать каким-л. частями тела. Шевелить плечом, губами') относятся не только к одному семантическому полю «Действие», но и к одной ЛСГ в нем: к глаголам непокая, разнонаправленного непоступательного движения. Эти значения отличаются дифференциальными семами интенсивности ('слегка'), способа осуществления действия ('трогая') и объекта перемещения (часть тела живого существа или неспециализированный объект).

Наиболее значительны семантические расстояния между значениями тех производных глаголов и корней, которые обозначают действия, относящиеся к разным глагольным полям («Действие и деятельность», «Бытие. Состояние», «Отношение». Напр., глагол ВЯЗАТЬ передает ряд процессов, относящихся либо к полю «Действие»: ЛСГ соединения («что. Закручивая жгутом, веревкой, стягивать. Вязать снопы», «кого. Стягивать кому-л. руки, ноги веревкой, чтобы лишить способности к передвижению. Вязать разбойника») и ЛСГ изготовления чего-л. («Плести крючком, спицами или на машине из какого-л. материала. Вязать носки»), либо к полю «Состояние»: ЛСГ физиологического состояния («Вызывать вяжущее ощущение. Вяжет во рту»).

Наиболее многозначные исконно русские глаголы, входящие в его основной словарный фонд, такие, напр., как БИТЬ, БЫТЬ, ЖИТЬ и под., могут передавать процессы, относящиеся ко всем трем полям русского глагола. Так, глагол БЫТЬ относится к полю «Действие» в значениях 'ударять кого-л, что-л. Бить молотком, бить по руке' (ЛСГ глаголов физического воздействия на объект), 'ломать, раздроблять, раскалывать что-л. ударами. Бить стекло бить посуду' (ЛСГ уничтожения чего-л.), 'ударами по чему-л. вызывать появление звуков. Бить в барабан' (ЛСГ глаголов звучания); к полю «Состояние» — в значении 'ударяя, причинить боль кому-л. Бить лошадь кнутом' (ЛСГ глаголов физиологического состояния); к полю «Отношение» — в значении 'разить, наносить поражение. Бить врага на его территории' (ЛСГ глаголов победы).

Семантическая структура таких корней наименее целостна и компактна, поскольку велики семантические различия между формирующими ее ЛСВ. Степень целостности, компактности или размытости, диффузности значения глагольного корня может определяться

не только по степени удаления КЛС, лежащих в основе разных ЛСВ производного глагола, но и по тому, какие семы являются общими для значений полисеманта. Так, 4 значения корня *-бег-/-беж-* из 6 объединены КЛС перемещения и ДС интенсивности и места действия (1. *Человек бежит по улице.* 2. *Машины бегут по проспекту.* 3. *Вода бежит по улице.* 4. *Арестанты бежали из тюрьмы с помощью лестницы*) и различаются в основном семами субъекта действия: субъект 1 и 4 — живое существо, 2 — неодушевленный предмет, способный самостоятельно перемещаться, но не жидкость, 3 — жидкость. Поэтому семантическая структура данного глагола и его корня в целом может считаться компактной.

Совершенно иной системой значений обладает глагол ЕСТЬ. Лишь 2 ЛСВ из пяти (1. *Ребенок ест кашу.* 2. *Похоже, что моль ест твой воротник.* 3. *Дым ест глаза.* 4. *Тоска его ест.* 5. *Жена ест его поедет за пьянку*) имеют общую КЛС «повреждения объекта» (№ 2 и № 3); остальные значения объединены одной-двумя ДС.

Еще менее компактна семантика глаголов, ЛСВ которых неоднородны по степени их «лексичности», вещественной наполненности, самостоятельности функционирования. Так, максимально велики семантические расстояния между значениями глаголов, которые не только обладают полноценными лексическими значениями, но и могут употребляться в функции связок (*быть, являться, стать*) или вспомогательных компонентов (*быть*) в составе аналитических глагольных форм. По мнению одних ученых, такие значения минимально лексичны, по мнению других — вообще не передают лексического значения, поскольку манифестируемые ими семы по степени абстрактности и особенностям функционирования являются грамматическими или близкими им.

Глагольный корень может манифестировать грамматическое значение и в том случае, когда с помощью происходящего в нем чередования передает значение вида, ср.: ПОСЛАТЬ и ПОСЫЛАТЬ, СОБРАТЬ и СОБИРАТЬ и т. п. (Тимофеев 1966: 125). Существование таких глаголов позволяет утверждать, что русский глагольный корень может манифестировать не только лексическое, но и грамматическое значения.

Рассмотренные выше два типа семантического варьирования корня — семантическое варьирование в пределах ряда однокоренных слов и в рамках системы значений одного и того же слова — противопоставлены друг другу по источникам, причинам, механизмам возникновения. Первый тип можно условно назвать системно-деривационным семантическим варьированием, поскольку оно происходит при изменении морфемно-деривационного окружения корня, а сочетаемость корня с той или иной деривационной морфемой определяется

законами, системой русского словообразования. Второй тип семантического варьирования можно считать лексико-семантическим: оно происходит под влиянием индивидуального семантического развития конкретного слова и парадигматически связанных с ним лексем. Полисемия корня, возникшая таким путем, является отражением системы значений производного слова и результатом самостоятельного семантического развития.

Различны и особенности контекста, обуславливающие варьирование семантики корня и в то же время позволяющие определить, в каком значении употреблено многозначное слово и его корень. При системно-деривационном варьировании изменяется внутрисловный морфемный контекст корня, при лексико-семантическом — внешняя лексико-синтаксическая сочетаемость слова при неизменном морфемном окружении. На этом основании системно-деривационную полисемию корня можно считать морфемно-синтагматической, а лексико-семантическую — словесно-синтагматической.

Системно-деривационное семантическое варьирование корня происходит в слабой для него позиции — в неблагоприятном морфемном окружении, не поддерживающем основное значение корня. Семантически слабой позицией для корня является та, в которой происходит подавление КЛС корня семантикой префикса, то есть позиция мутационного словообразования: *исписать* — ‘в процессе письма истратить всю бумагу (чернила и т. п.)’.

В ряде глаголов можно встретиться с абсолютно слабой позицией корня: это глаголы с так называемым десемантизированным корнем, типа ВЗМЫТЬ, НАЙТИ, ДОБЫТЬ и под. В некоторых из них на фоне не имеющего значения корня ощущается семантика префикса (ВЗМЫТЬ), в других десемантизированы обе морфемы, что приводит к частичному или полному опрошению исторически префиксального глагола (подробнее об этом см. Попова 1994: 91—85).

Сильной позицией можно назвать такое аффиксальное окружение корня при котором КЛС, манифестируемая корнем, остается в производном глаголе в этом же статусе, а семы, передаваемые префиксом, уточняют ее, являются дифференциальными. Так, семантически сильна позиция корня во всех акционсартных и аспектуальных производных: *писать* → *пописать немного, недолго*; *писать* → *написать*.

Попытки выявить сильные и слабые позиции для конкретных корней отмечены в современной лингвистической литературе (Ведрева 1978: 44—45; Ведрева 1979: 7—9; Сивкова 1984: 71—77; Сивкова 1986: 41—45), но пока не выявлены общие признаки таких позиций для всех корней (ср. строгие, определенные условия сильной и слабой позиции звука в фонетике). Поэтому для адекватного

описания семантики корня необходимо учитывать все типы его смыслового варьирования (в рамках непроизводного слова и однокоренных лексем) во всех позициях*. Это убедительно доказывают попытки подобного анализа, предпринятые дипломницами кафедры современного русского языка УрГУ И. К. Мироновой и Н. П. Соболевой, рассматривавшими семантическое варьирование непроизводных глаголов приготовления пищи (И. К. Миронова) и восприятия (Н. П. Соболева), а также их корней в производных глаголах.

ЛСГ глаголов приготовления пищи входит в поле «Действие и деятельность», подполе созидательной деятельности. Она состоит примерно из 40 парных по виду глаголов: *варить/сварить, вариться/свариться, выпечь/выпекать, жарить/зажарить и изжарить, жариться/зажариться и изжариться, заварить/заваривать, замесить/замешивать и месить, засахарить/засахаривать, запечь/запекать, квасить, мариновать/замариновать* и под. Объем группы значительно увеличится, если учитывать еще и все акционсартные производные, мотивируемые входящими в группу глаголами. Основная масса глаголов приготовления пищи образуется от трех непроизводных мотиваторов: *варить, печь и тушить*; первые два относятся к данной ЛСГ в основном значении, последний — во вторичном. Поэтому наиболее типична и показательна для этой ЛСГ семантика глаголов с корнями -ВАР- и -ПЕК-/ПЕЧЬ, и прежде всего — непроизводных лексем.

Анализ лексического значения исходного глагола ВАРИТЬ позволяет определить, что корень -ВАР- манифестирует 2 основные категориально-лексические семы: сему приготовления пищи и сему соединения. Эти два значения — результат лексемно-синтагматического варьирования корня в непроизводном глаголе, разводящего его по разным подполям одного поля «Действие и деятельность»: глаголы соединения входят в подполе физического воздействия на объект, глаголы приготовления пищи — в подполе созидательной деятельности. Данные поля семантически близки, что позволяет считать корень -ВАР- семантически цельной морфемой.

Морфемно-синтагматическое варьирование значительно расширяет границы варьирования глагольного корня, хотя общее направ-

*В настоящее время некоторые данные о семантическом варьировании корней можно получить из исследований, посвященных рассмотрению семантической структуры словообразовательных гнезд, в частности, проанализированы семантические подгнезда СГ, возглавляемых глаголами ЛИТЬ (Шереметьева А. Г.), ЖЕЧЬ (Ширинина Л. И.), БИТЬ (Зализняк А. М.), ГНАТЬ (Шарафиддинов К.), ДАТЬ (Потопова Н. П.), БРАТЬ (Аглаидзе Т. К., Вепрева И. Т.), существительным ЗОЛОТО (Бродская Б. А.), глаголами со связанными корнями (Аликаева Г. В.) и др. Это позволило выделить семантически компактные и размытые СГ (Альтман 1972: 254).

ление развития его семантики детерминируется системой значений непроизводного глагола-мотиватора.

В первое семантическое подгнездо, возглавляемое глаголом ВАРИТЬ в значении 'приготавливать пищу, питье кипячением', входят 60 его глагольных производных, имеющих 120 ЛСВ. Это глаголы ВЗВАРИТЬ, НАВАРИТЬ, ОТВАРИТЬ, РАЗВАРИТЬ, ПЕРЕВАРИТЬ, ПРОВАРИТЬ, СВАРИТЬ, УВАРИТЬ и под. Второе семантическое подгнездо, возглавляемое глаголом ВАРИТЬ в значении 'производить сварку металлических предметов и их частей', состоит из 31 лексемы, имеющих в целом 65 ЛСВ. Это такие глаголы, как ВВАРИТЬ 'сваркой укрепить, помещая один предмет в другой', НАВАРИТЬ '2. изготовить в каком-либо количестве посредством сварки' и под.

Анализ морфемно-синтагматического варьирования корня -ВАР-, взятого в основном значении (то есть анализ глаголов с корнем -ВАР-, входящих в первое деривационно-семантическое подгнездо по их принадлежности к той или иной ЛСГ), обнаружил, что корень в этом значении объединяет дериваты, входящие в 10 разных ЛСГ.

К полю «Действие и деятельность» относятся 3 из них:

1) ЛСГ глаголов приготовления пищи (подполе созидательной деятельности) (примеры см. выше);

2) ЛСГ отрицательного воздействия на объект, нанесения ему вреда, вплоть до разрушения (подполе физического воздействия на объект). К этой ЛСГ относятся глаголы СВАРИТЬ (ЛСВ 3 'обварить, ошпарить'), ВЫВАРИТЬ (ЛСВ 2 'длительной варкой лишит каких-либо вкусовых или питательных свойств'), ОБВАРИТЬ (ЛСВ 2 'обжечь горячей жидкостью, паром') и под.;

3) ЛСГ глаголов покрытия одного объекта другим (подполе помещения): ОБВАРИТЬ (ЛСВ 1 'облить, обдать кипятком'), ОБВАРИВАТЬ (несов. к ОБВАРИТЬ), ОБВАРИТЬСЯ (страдат. к ОБВАРИТЬ) и под.

К полю «Бытие. Состояние» относятся глаголы 3 ЛСГ:

1) ЛСГ глаголов физиологического состояния (подполе физиологического состояния): СВАРИТЬСЯ (ЛСВ 2 'перевариться в желудке, усвоиться'), ПЕРЕВАРИВАТЬСЯ (ЛСВ 2 'переработаться, усвоиться в процессе пищеварения');

2) ЛСГ глаголов утраты качества (подполе качественного состояния): ВЫВАРИТЬСЯ (ЛСВ 'утратить вкусовые или питательные свойства от длительной варки'), ПЕРЕВАРИТЬСЯ (ЛСВ 'проварившись слишком долго, лишиться нужных качеств');

3) ЛСГ глаголов изменения признака (подполе качественного состояния): УВАРИТЬ (ЛСВ 2 'кипячением уменьшить объем, ко-

личество чего-л.) УВАРИТЬСЯ (ЛСВ 2 'уменьшиться в объеме, количестве от варки').

На базе первого подгнезда возникли переносные значения, по которым глаголы с корнем -ВАР- относятся еще к 4 ЛСГ: первая из них входит в поле «Действие и деятельность», вторая — в поле «Бытие. Состояние», а две последние вводят исследуемый корень в поле «Отношение». Это такие ЛСГ, как:

1) ЛСГ глаголов восприятия (подполе интеллектуальной деятельности): ПЕРЕВАРИТЬ (ЛСВ 4 'воспринять, творчески усвоить');

2) ЛСГ глаголов начальной фазы бытия (подполе бытия): ЗАВАРИТЬ (ЛСВ 3 'затейать, начать что-л. сложное, требующее хлопот, деятельности и т. п. '), ЗАВАРИТЬСЯ (ЛСВ 3 'затейаться, начаться /о чем-либо сложном, хлопотливом/');

3) ЛСГ глаголов отношения с положительной оценкой (подполе межличностных отношений): ПЕРЕВАРИТЬ (ЛСВ 5 'отнестись к чему-либо терпимо, примириться с чем-либо');

4) ЛСГ глаголов отношения с отрицательной оценкой (подполе межличностных отношений): ПЕРЕВАРИВАТЬ (ЛСВ 2 /с отрицанием *не* /'очень не любить, не выносить кого-, чего-л.').

Анализ морфосинтагматического варьирования корня -ВАР- в рамках второго деривационно-семантического подгнезда обнаружил, что большинство таких дериватов относится к ЛСГ поля «Действие и деятельность»:

1) ЛСГ глаголов соединения (подполе физического воздействия на объект): ЗАВАРИТЬ (ЛСВ 2 'устранить трещины в металле путем сварки, заливки'), СВАРИТЬ (ЛСВ 2 'произвести сварку чего-л., соединить путем сварки');

2) ЛСГ глаголов присоединения (подполе физического воздействия на объект): НАВАРИТЬ (ЛСВ 4 'приделать сваркой; приварить'), ПОДВАРИТЬ (ЛСВ 3 'тех. приделать сваркой, приварить'), ПРИВАРИТЬ;

3) ЛСГ глаголов помещения объекта (подполе помещения). К этой группе относятся глаголы помещения объекта с целью заполнения какого-либо пространства: ВВАРИТЬ ('тех. сваркой укрепить какую-либо деталь внутри чего-либо'), ПРОВАРИТЬ (ЛСВ 2 'тех. заполнить сваркой шов расплавленным металлом');

4) ЛСГ глаголов разделения (подполе физического воздействия на объект): ОТВАРИТЬ (ЛСВ 2 'тех. нагревая в месте сварки, отделить от чего-либо'), ОТВАРИТЬСЯ ('тех. отделиться в месте сварки при нагревании');

5) ЛСГ глаголов создания объекта (подполе созидательной деятельности) в результате физического труда: НАВАРИТЬ (ЛСВ 2.

‘тех. изготовить в каком-либо количестве посредством варки. Наварить стали’).

К полю «Бытие. Состояние» во втором подгнезде относится 1 ЛСГ — ЛСГ глаголов изменения признака (подполе качественного состояния): НАВАРИТЬ (ЛСВ 3 ‘увеличить какой-либо металлический предмет, приварив к нему кусок металла’), НАВАРИТЬСЯ (ЛСВ 1 ‘удлиняться путем наварки — о металлических изделиях’).

У глаголов — дериватов второго деривационно-семантического подгнезда отсутствуют переносные значения и те семемы, которые перевели бы их в поле «Отношение». Следовательно, семантический «разброс» дериватов, мотивированных корнем -ВАР- со значением соединения, присоединения, менее значителен, чем у дериватов, мотивированных значением приготовления пищи. Вероятно, это связано с тем, что второе подгнездо (‘соединить посредством сварки’) опирается на стилистически маркированное, отчасти терминологическое, значение (имеет в словаре помету *тех.*), цементирующее его и придающее ему определенную цельность.

В целом, семантика корня -ВАР-, проанализированная с точки зрения его реального морфемно- и лексемно-синтагматического варьирования, достаточно целостна и монолитна: глагольные дериваты, созданные на базе глагола ВАРИТЬ, входят во все семантические глагольные суперпарадигмы (поля «Действие и деятельность», «Бытие. Состояние», «Отношение»), в 8 суперпарадигм второго уровня (подполя помещения, физического воздействия на объект, созидательной и интеллектуальной деятельности, физиологического и качественного состояния, бытия и межличностных отношений) и в 14 парадигм классифицирующего типа (ЛСГ). Таким образом, два исходные семантические подгнезда словообразовательного гнезда глагола ВАРИТЬ распадаются в итоге на 14 подгнезд.

Наиболее частотными, охватывающими наибольшее количество ЛСВ и потому наиболее «сильными» в данном словообразовательном гнезде, являются КЛС изменения качественного или количественного признака, свойственные 102 ЛСВ глаголов с корнем -ВАР-; приготовления пищи (24 ЛСВ), покрытия объекта (5 ЛСВ) и соединения, присоединения (11 ЛСВ); наиболее «слабыми» — КЛС создания объекта, интеллектуальной деятельности и отношения с положительной оценкой (по 3 ЛСВ), а также КЛС обработки, разделения объекта и глаголов отрицательного отношения к кому-, чему-либо (по 2 ЛСВ).

Доминирование значения изменения качественного состояния объекта в результате совершения действий, обозначенных глаголами с корнем -ВАР-, в семантике этой морфемы вполне естественно, поскольку обработка любого объекта, «способного» стать пищей,

кипящей водой или металлических изделий нагреванием имеет своим закономерным следствием значительное изменение их состояния. К таким же естественным следствиям должны быть отнесены возникающие в процессе действий, обозначенных глаголом ВАРИТЬ, состояния покрытия, присоединения, соединения, помещения, обработки, отрицательного воздействия на объект и создания объекта: именно когнитивно значимые следствия действий глагола ВАРИТЬ наиболее частотны.

Анализ морфемно- и лексико-синтагматического варьирования корня ПЕЧЬ в рамках глагольного блока соответствующего словообразовательного гнезда подтверждает полученные результаты (корень -ВАР-) и позволяет считать семантический «ореол», семантическое пространство корня -ВАР- наиболее типичными для глаголов приготовления пищи.

Это вполне закономерно, поскольку глагол ВАРИТЬ является глаголом-прототипом (о словах-прототипах см. Лакофф 1996: 167-183) для данной ЛСГ: он оптимально «конкретен», что важно для его словообразовательных потенций, предопределяющих возможности морфемно-синтагматического варьирования значения корня, и оптимально «представителен» для глаголов, обозначающих приготовление пищи.

Анализ семантического пространства, охватываемого той или иной языковой единицей, привел к попыткам измерения семантического расстояния между отдельными словами или разными значениями одной лексемы. Для решения этой проблемы можно использовать, в частности, следующие методики, выработанные Н. Н. Соболевой в ходе анализа лексической семантики глаголов восприятия. Последние достаточно хорошо изучены (Кретов А. А., Васильев Л. М., Федосюк М. Ю. и др.), но не в интересующем нас аспекте семантических расстояний.

Предварительным этапом такого анализа является определение семного состава лексического значения каждого из глаголов восприятия. Семная структура типового глагола с КЛС «восприятия», установленная в результате компонентного анализа и анализа словарных дефиниций, представлена в таблице № 12.

Непроизводные глаголы восприятия имеют в целом 69 ЛСВ, 15 из которых основные, а 54 — вторичные. Лишь 30% вторичных значений глаголов восприятия сохраняют эту КЛС, остальные переводят глаголы ВИДЕТЬ, СМОТРЕТЬ, ГЛЯДЕТЬ, СЛУШАТЬ, СЛЫШАТЬ и под. в ЛСГ познания (*слышать запах; пес слышит дичь чутьем*), понимания (*Я вижу, что мы не сможем поехать на юг*), речевого воздействия (*гляди у меня!*), отношения с положительной оценкой (*на жизнь насмешливо глядеть; глядеть за по-*

рядком), проявления признака (Он глядит на этой фотографии протаком) и другие.

Таблица 12

Семный состав лексического значения глаголов с КЛС «восприятие»

<p>Àèððáí- èèàèüíàÿ ñáà</p>	<p>×àñðíðà àñðá+à- áíñðè ÿðíáí íð- çíàèà ñá- àè íðáíà- èèçèðíàáí- íóð àèàáí- èíà</p>	<p>íðèíàð</p>
<p>1) Íàøøààèáíúé ñóáúáèð 2) ðèáíðíá 3) Õàðàèðàðèñ- ðèèà ñóáúáèðà (ñíñíááí)</p>	<p>1. Ñóáúáèð 20 ÈÑÀ 2 ÈÑÀ 6 ÈÑÀ</p>	<p>áíñíðèÿðèÿ ÁÍÑÍÐÈÑÓÛ "Íàøøààèáíúé ñóáúáèð ñíñíááí áíñíðèÿðèÿ +ðí-è. Íðàáíàè +ðáñðà". ÑÈÕÀÒÕ5 "Ðàñííçíàààðó +ð- óúáí (í ðèáíðíó), +óÿóó. ÀÈÀÀÕÛ "Èíàóó çðáíèà, íá- èàààóó ñíñíáíñíðèÿ çðáíèÿ".</p>
<p>1) ×ðí-èèáí 2) Ìèñíüáííúá çíàèè 3) çàóèè 4) Çáíàð 5) Èðí-èèáí 6) Õàðàèðàðèñðè- èà íáúáèðà</p>	<p>2. Íáúáèð 15 ÈÑÀ 1 ÈÑÀ 4 ÈÑÀ 1 ÈÑÀ 1 ÈÑÀ 4 ÈÑÀ</p>	<p>áíñíðèÿðèÿ ÍÑÇÀÕÛ "Áíñíðèíèàóó íððáí íñÿçáíèÿ +ðí-èèáí". ×ÈÕÀÕÛ "Áíñíðèíèàóó +ðí-è. íàíèñáííá èèè íáíà+àðáííá áóèààè èèè àðáèèè Ìèñíüáí- íúè çíàèàèè, íðèèçíñÿ èèè áíñíðèèçáíèÿ íðí ñááÿ". ÑÈÕÀÒÕÛ "Ðàçèè+àóó, áíñíðè- íèàóó ñèóóíí (èçàààááíúá, íðèèçáíèèúá èáí-èèáí, +áí- èèáí çàóèè)". НБÕÀÕÛ "Àáóðàóó +àðàç íññ èàèèè-èèáí çáíàð; íáííÿóó". ÀÑÐÀÕÈÕÛ "Нáíèèèáíí çàè- àáóó èíáí-èèáí èáóóááí íà- àñðá+ó, ñíèèèññ ñ íèè". ÀÈÑÀÀÕÛ "Õñòðáíèÿóó, íà- íðààèÿóó àçáèÿá, èíàóó àèàçà íáíðàèèáííúè íà èíáí-, +ðí- èèáí."</p>
<p>1) Á ðáçóèóòàðà ááóóáíèÿ</p>	<p>3. Ñííñíá 1 ÈÑÀ</p>	<p>áàèñðàèÿ НБÕÀÕÛ "Àáóðàóó +àðàç íññ èàèèè-èèáí çáíàð; íáííÿóó".</p>

$$\text{Коэффициент семантического расстояния} = \frac{\text{Сумма баллов всех ЛСВ 1 глагола (КСР)}}{\text{Количество ЛСВ глагола}}$$

Семантически близкими надо считать те глаголы, у которых КСР приближается к 1, семантически далекими — те глаголы, КСР которых значительно превышает эту величину.

Например, глагол ВИДЕТЬ имеет 3 вторичных ЛСВ (таблица 13), один из которых (ЛСВ 2) при семантическом варьировании остается в рамках ЛСГ восприятия, а два других (ЛСВ 3 и ЛСВ 4) изменяют ЛСГ на группу понимания и воображения, но не меняют подполе. Следовательно, ЛСВ 2 надо присвоить 1 балл, а ЛСВ 3 и 4 — по два балла каждому. По формуле КСР глагола ВИДЕТЬ = (1+2+2): 4=1,25 на уровне сем-суперклассификаторов.

Таблица 13

Семная структура значений глагола *видеть*

ÈÑÀ äéääíèä ÆÈÄÀÕÛ	1	2	3	4
Îpèiàp	Íí õipíøí äéäèð	Äéääòü pèñóííè	Äèæð,+ðí íàì íá óáðäòü	Íí äéääè ñááý á áó- áíèäòíí
Ñáííäý ñòpóéðòpà çíà+áíèé				
ÈÈÑ: áíñipèíýðü	3	3	-	-
íííýðü	-	-	+	-
áííápàçèòü, ípääñòääèòü	-	-	-	+
ÄÑ: 1. íáðóááè. ñóáúáèð	2	2	2	2
2. ðàpáèðàpèñðèèä ñóáú- áèòà (ñííñíááí)	2	2-1 (ÍÑ)	-	-
3. ñííñíá äáéñðäèý (á páçóèüòàðá áíñipè- ýðèý)	-	-	3-1 +	3-2 (ÍÑ)
4. ípóáèä äáéñðäèý: à) çpáíèáí; á) èpáúí ípääííí +óáñðä;	2	2	-	-
	-	-	+	-

5. $\dot{\iota}\acute{\alpha}\acute{\upsilon}\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\delta\delta\ \acute{\alpha}\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\acute{\eta}\delta\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\acute{\upsilon}$ (+ $\delta\dot{\iota}$ - $\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}\acute{\alpha}\acute{\iota}$)	1 ($\dot{\iota}\acute{\eta}$)	+	+	+
6. $\delta\acute{\alpha}\rho\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\delta\acute{\alpha}\rho\ \acute{\alpha}\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\acute{\eta}\delta\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\acute{\upsilon}$ ($\acute{\epsilon}\acute{\alpha}\acute{\epsilon}$ - $\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}\acute{\alpha}\acute{\iota}$)	-	-	-	+
$\acute{\eta}\delta\acute{\alpha}\acute{\iota}\acute{\alpha}\acute{\iota}\acute{\upsilon}\ \acute{\eta}\acute{\alpha}\acute{\upsilon}\zeta\acute{\alpha}\acute{\iota}\acute{\iota}\acute{\eta}\acute{\eta}\delta\acute{\epsilon}$ $\zeta\acute{\iota}\acute{\alpha}$ + $\acute{\alpha}\acute{\iota}\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}$	10 $\acute{\alpha}$.	10 $\acute{\alpha}$.	6 $\acute{\alpha}$.	5 $\acute{\alpha}$.

Примечание.

В таблице столбики под № 1, 2, 3, 4 обозначают ЛСГ зрительного восприятия (1 и 2), понимания (3) и воображения (4).

Определение подобным образом семантического расстояния между отдельными значениями глаголов восприятия позволило выделить среди них семантически целостные и размытые единицы. Количественная оценка границ семантической целостности или размытости может быть осуществлена путем подсчета максимального и минимального КСР.

Самый многозначный глагол восприятия имеет 11 значений (см. МАС: СМОТРЕТЬ). Если он будет варьироваться в пределах одной и той же ЛСГ (семантические различия между значениями минимальны), то минимальный КСР глаголов восприятия равен 0,9 (КСР=1 × 10/ЛСВ: 11 ЛСВ). Максимальный коэффициент семантического расстояния между ЛСВ, принадлежащими одному подполю, будет равен 1,8 (2 × 10: 11), в рамках одного поля — 2,7 (3 × 10: 11), в рамках разных полей — 3,6 (4 × 10: 11).

Семантически целостными предлагаем считать глаголы, КСР которых не превышает максимальный КСР в рамках 1 подполя (1,8), а семантически размытыми — те, КСР которых больше максимального КСР в рамках поля (2,7).

Именно такое решение представляется целесообразным: переход глагола, взятого в разных значениях, из одной ЛСГ в другую — это самый частотный вид семантического варьирования, значит, верхняя граница целостности корня должна опираться именно на этот тип изменения. Нижняя граница семантической размытости (нецелостности) корня выделяется по значению, свидетельствующему о переходе в другое поле, поскольку при этом образуется качественно иной предикат (подробнее о разграничении предикатов действия, состояния и отношения см. монографию «Семантические типы предикатов»).

В результате этого все глаголы восприятия можно разделить на 3 группы: семантически целостные (КСР<1,8), размытые (КСР>2,7) и промежуточные (1,8<КСР<2,7) (см. табл. 14). Из 15 произ-

водных глаголов восприятия 6 являются семантически целостными (ВИДЕТЬ, ВОСПРИНЯТЬ, ЗАМЕТИТЬ, НЮХАТЬ, ОСЯЗАТЬ, СЛЫШАТЬ), 4 – семантически размытыми (ВСТРЕТИТЬ, НАБЛЮДАТЬ, СЛУШАТЬ, СМОТРЕТЬ), остальные занимают промежуточное положение (ВНЯТЬ, ГЛЯДЕТЬ, ОЩУЩАТЬ, ЧИТАТЬ, ЧУЯТЬ). Глаголы одной подгруппы не обладают какими-либо яркими особенностями (маркерами семантической размытости или целостности).

Едиственная закономерность, которая легко прослеживается и лежит на поверхности, заключается в том, что степень семантической размытости выше у многозначных глаголов, степень целостности – у глаголов с невысоким уровнем полисемии. Так, средняя многозначность семантически целостных глаголов восприятия равна 3, 5; семантически размытых – 6,75; промежуточных – 4,2.

Таблица 14

Коэффициент семантического расстояния между ЛСВ глаголов восприятия на уровне сем-суперклассификаторов

Àëääîë	Êîÿððèèèáíð ñá- îáíð. pãññðíÿíëÿ îáæáð ÈÑÀ	Òèì äääáîèà ìí ñáîáíðè+à- ñèéè òáèíñðííñðè/pãçíúðí- ñðè
âèääáðü	1,25	òáèíñðíúé
áíÿðü	2,5	ìpíîáæððí+íúé
áíñìpèíÿðü	1	òáèíñðíúé
áñðpáðèðü	3,33	pãçíúðüé
âëÿääðü	2,66	pãçíúðüé
çáìáðèðü	1,75	òáèíñðíúé
íááèpáàðü	4,33	pãçíúðüé
ìpðàðü	1,33	òáèíñðíúé
íñÿçàðü	0,5	òáèíñðíúé
íùðèðü	2	ìpíîáæððí+íúé
ñèðàðü	4,12	pãçíúðüé
ñèùàðü	1,33	òáèíñðíúé
ñííðpáðü	2,8	pãçíúðüé
+èðàðü	2	ìpíîáæððí+íúé
+ðÿðü	2,33	ìpíîáæððí+íúé

Семантические расстояния между отдельными значениями глаголов восприятия должны быть измерены и на уровне КЛС. Для этого необходимо определить, к каким ЛСГ относится глагол восприятия, взятый в каждом из своих значений, и то, поддерживают ли вторичные ЛСВ категориально-лексическую сему восприятия (см. табл. 15).

Распределение ЛСВ глаголов восприятия по ЛСГ

ЕНА	Êíêê+áñoáí ЕНА, áóíáÿùèó á àáí- íóþ ЕНĂ	Óááèùíóè ááñ ЕНĂ á ñèñòá- íá çíà+áíèè áèááíèá
Ăèáááíè Á È Ă Ā Ò Û		
Âñîþèÿðèá	2 ЕНĂ èç 4	50%
Îíîèíáíèá	1 ЕНĂ èç 4	25%
Âíáþáæáíèá	1 ЕНĂ èç 4	25%
Ăèáááíè Ă Ě Ë Ā Ā Ò Û		
Âñîþèÿðèá	2 ЕНĂ èç 9	22%
Îðííòáíèá ñ ííèíæððáèÿ- ííè íòáíèíè	2 ЕНĂ èç 9	22%
Ñóáñòáíáíèá	1 ЕНĂ èç 9	11%
Ïñÿáèáíèá íþçíáèá	2 ЕНĂ èç 9	22%
Ðá+ááíá áíçááèñòáèá	1 ЕНĂ èç 9	11%
Ăþáííàð.çíà+áíèá	1 ЕНĂ èç 9	11%
Ăèáááíè × È Ò Ā Ò Û *		
Âñîþèÿðèá	1 ЕНĂ èç 4	20%
Îíîèíáíèá	1 ЕНĂ èç 4	20%
Îíçíáíèá	1 ЕНĂ èç 4	20%
Ðá+ááíá ñííáùáíèá	2 ЕНĂ èç 4	40%
Ăèáááíè ç Ā Ĩ Ā Ā Ò È Ò Û		
Âñîþèÿðèá	1 ЕНĂ èç 4	25%
Ðá+ááíá íáùáíèá	1 ЕНĂ èç 4	25%
Îáþáíáùáíèá	1 ЕНĂ èç 4	25%
Âíáøíáá íþÿáèáíèá		
Îðííòáíèÿ	1 ЕНĂ èç 4	25%

Примечание. Глагол *читать* — глагол сложного действия, поэтому в одном из значений имеет две равноправные КЛС.

По тому, поддерживают ли КЛС неосновных значений анализируемых глаголов КЛС восприятия, все производные глаголы ЛСГ делятся на 4 группы:

1) глаголы, в которых при семантическом варьировании усиливается основное значение, то есть КЛС восприятия. К этой группе относятся глаголы ВИДЕТЬ, НАБЛЮДАТЬ, ОСЯЗАТЬ, СЛЫШАТЬ, ЧУЯТЬ. Например, глагол ВИДЕТЬ распределяет свои 4 значения по 3 ЛСГ: восприятия, понимания и воображения. Удельный вес КЛС восприятия в таком случае составляет 50% (см. табл. 15);

2) глаголы, в которых усиливается одно из неосновных значений. Это глаголы ЧИТАТЬ и НЮХАТЬ;

3) глаголы, в семантической структуре которых процентное соотношение между ЛСВ является равновесным. К этой группе относятся глаголы ВСТРЕТИТЬ, ЗАМЕТИТЬ, ВОСПРИНЯТЬ, ОЩУТИТЬ, ВНЯТЬ;

4) глаголы, в которых наблюдается полная размытость значения. Семантическая структура глаголов СМОТРЕТЬ, ГЛЯДЕТЬ, СЛУШАТЬ состоит из большого количества значений, среди которых нет явных «лидеров», доминант.

К семантически целостным можно отнести те глаголы, семантическое варьирование которых усиливает одно из значений глагола: основное или неосновное; глаголы же, в которых процентное соотношение между ЛСВ является равновесным или отличается значительным разбросом по ЛСГ, относятся к семантически размытым или промежуточным (см. табл. 14).

Степень семантической целостности глагола может быть определена и по третьей методике, учитывающей изменение статуса КЛС 'восприятия' во вторичных значениях: КЛС восприятия может оставаться главной во вторичном значении глагола, переходить на уровень дифференциальной или потенциальной семы (см. табл. 16).

Таблица 16

Изменение статуса КЛС восприятия во вторичных значениях глагола *видеть*

ĒÑĀ:	Āēāāōū1	Āēāāōū2	Āēāāōū3	Āēāāōū4
Ñōāōōñ ñāiū āñīpēyēā	ĒĒÑ -->	ĒĒÑ -->	ĀÑ -->	ĪÑ
Ñōāiāiū ñīōpā- iāiēy ñāiāiōēēē īñīāiāiāi ĒÑĀ	1ī ā. -->	1ī ā. -->	6 ā. -->	5 ā.

Попробуем измерить степень связанности значений в баллах. Для этого «оценим» КЛС в 3 балла, ДС — в 2 балла, ПС — в 1 балл. За всякое повышение статуса семы во вторичном значении на один уровень прибавим по 1 баллу, а за понижение семы на 1 уровень отнимем по 1 баллу. В таблице (см. табл. 13) приведены подобные подсчеты для глагола ВИДЕТЬ. Так, глагол ВОСПРИНЯТЬ обладает двумя значениями: '1. Принять, получить. Воспринять тепло. 2. Понять, постичь, усвоить. Я занимался пластикой, повторяя при-

емы, воспринятые мною на курсах (Юрьев)’ (МАС 1: 216). Первое значением можно оценить в 10 баллов, которые складываются из 3 баллов КЛС ‘восприятия’, 2 баллов дифференциальной семы одушевленного субъекта, 2 баллов ДС орудия восприятия – органами чувств, 2 баллов ДС, характеризующей субъекта восприятия (способен) и 1 балла потенциальной семы объекта, выраженной только на грамматическом уровне. Второе значение глагола ВОСПРИНЯТЬ оценивается в 8 баллов, поскольку КЛС восприятия перешла на уровень дифференциальной (3б. – 1б. = 2б.), семы объекта, субъекта, орудия восприятия, не изменившие своего статуса дифференциальных компонентов значения, добавили к 2 баллам еще 6. Следовательно, глагол ВОСПРИНЯТЬ сохранил 80% семантики основного значения во вторичном.

Учет статусного варьирования сем, из которых складывается семантика глаголов восприятия, позволяет определить коэффициент семантической целостности глагола (КСЦ) по формуле:

$$\text{КСЦ} = \frac{\text{Сумма баллов всех ЛСВ глагола}}{\text{Количество ЛСВ глагола}}$$

Коэффициент семантической целостности глагола ВОСПРИНЯТЬ будет равен 9 условным единицам: $(10 + 8) = 9$. КСЦ других глаголов восприятия отражен в таблице 17.

Таблица 17

Зависимость семантической целостности/размытости глаголов восприятия от степени их полисемии

Àëääíé	Êíèè-á- ñòâí ÈÑÁ	ÊÑÒ	Ñpääíéé ÊÑÒ äëä- âíéíá ñ pääííé ííèèñá- íèäé	Òèì äëääíèà íí ñòâíâíé òäëíñò- ííñòè/paçíúðíñ- òè
âíñípèíýðù	2	9		òäëíñòíúé
íùóðèèðù	2	6	7,4	paçíúðùé
âíýðù	2	6,5		paçíúðùé
íñýçàðù	2	8		òäëíñòíúé
+óýðù	3	11		òäëíñòíúé
ípòäðù	3	5	8,2	paçíúðùé
âñòpàðèèðù	3	8,6		òäëíñòíúé
âèääàðù	4	7,75		òäëíñòíúé

+èòààðũ	4	5, 6	8, 5	påçìúðúé
çàìáàèòũ	4	6, 25		påçìúðúé
íàáäþääðũ	5	9, 2	9, 2	ðäëîñðíúé
ñëúøàðũ	6	5, 5	5, 5	påçìúðúé
ñëóøàðũ	8	5	5	påçìúðúé
äëÿääðũ	9	6, 4	6, 4	påçìúðúé
ñìîðþáðũ	11	5, 6	5, 6	påçìúðúé

Средний КСЦ для глаголов восприятия определяется как частное от деления суммы КСЦ всех глаголов (105, 6) на их количество (15) и равен 7, 03. Все глаголы восприятия, у которых индивидуальный КСЦ выше этого значения, можно отнести к семантически целостным; те же глаголы восприятия, КСЦ которых ниже 7, 03, являются семантически размытыми.

Как показывают наблюдения, семантическая целостность максимально велика:

а) у глаголов с небольшим количеством значений: такие глаголы имеют не более пяти ЛСВ;

б) у неконкретных глаголов: последние более склонны к развитию полисемии, чем абстрактные единицы, поскольку обладают большим количеством дифференциальных признаков и потенциальных ассоциаций, лежащих в основе развития системы значений слова;

в) у менее частотных глаголов восприятия, обозначающих менее важные с точки зрения повседневного опыта человека способы восприятия. Это глаголы обоняния и осязания: человек чаще и полнее воспринимает окружающий мир с помощью зрения и слуха, а не посредством обоняния и тактильных ощущений; последние становятся доминирующими лишь при повреждении органов зрения и слуха.

«Исчисление» семантических расстройний по трем методикам требует сведения воедино полученных результатов. Обобщение результатов анализа глаголов восприятия показывает, что к семантически целостным можно отнести глаголы: ВИДЕТЬ, ВОСПРИНИМАТЬ, НАБЛЮДАТЬ, НЮХАТЬ, ОСЯЗАТЬ, СЛЫШАТЬ, ЧУЯТЬ; к семантически размытым — ВНИМАТЬ, ГЛЯДЕТЬ, ОЩУЩАТЬ, СЛУШАТЬ, СМОТРЕТЬ. Анализ последних позволил выявить характерные особенности семантически целостных и семантически размытых глаголов.

Признаки семантически целостных производных глаголов (и, следовательно, корней) со значением восприятия:

а) отнесенность к конкретным глаголам, обладающим очень высокой (ВИДЕТЬ) или очень низкой (ЧУЯТЬ, ОСЯЗАТЬ) частотой употребления;

- б) невысокий уровень полисемии: до 5 значений, чаще 2 — 3;
- в) особое направление развития значений: вторичные значения поддерживают основное или одно из неосновных;
- г) семантическое варьирование происходит в основном в рамках одного подполя.

Признаки семантически размытых глаголов восприятия и их корней:

- а) развитая многозначность: количество значений у таких глаголов обычно превышает пять;
- б) высокая частота употребления (СМОТРЕТЬ, СЛУШАТЬ);
- в) при развитии вторичных значений чаще наблюдается равновесие ЛСВ или их «бесцентровая» организация;
- г) при семантическом варьировании чаще происходят значительные мутационные изменения, связанные с переходом в другое подполе и лексико-семантическое поле.

Учитывая достаточно обобщенный характер признаков семантической целостности или размытости корней глаголов со значением восприятия можно с определенной долей уверенности предположить, что подобные черты должны характеризовать и глаголы других ЛСГ.

Таким образом, внимание лингвистики последних десятилетий к полисемии производных глаголов, анализ соотносительности морфо-деривационной и семантической структур производных и непродеривированных слов обнаружили плодотворность комплексного лексико-словообразовательного рассмотрения этих единиц. При таком анализе углубляются и конкретизируются многие лексикологические понятия, открываются новые, деривационные, источники полисемии производных слов, выявляются некоторые закономерности и особенности их семантического развития, уточняется структура ЛСГ и взаимосвязи последних. Дериватология также приобретает более глубокое, четкое и детализированное представление о типах семантического наполнения различных видов морфем и роли последних в формировании отдельной семемы, а также системы значений (семем) многозначного слова.

Словообразование и лексикология, развиваются, взаимно обогащая друг друга. Эти две науки уже оставили позади этап детства (словообразование — часть лексикологии) и юности (словообразование и лексикология — принципиально разные науки, имеющие специфические объекты, предметы, цели и методики анализа) и вступили в пору зрелости — воссоединения на качественно новом уровне, обещающем интересные, заслуживающие внимания и лексикологов, и дериватологов результаты.

РАЗДЕЛ III. ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ КАТЕГОРИАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ

ГЛАВА 1. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ О ГЛАГОЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЯХ

Общеизвестно, что в отечественной грамматической традиции части речи принято выделять на основе компромиссного соотношения семантических, морфологических, синтаксических и других принципов классификации. Отсутствие единых, универсальных критериев, по мнению многих ученых, делает проблему распределения слов по частеречным классам своего рода «вечным вопросом» лингвистики. Множественность, неоднородность принципиального основания традиционной классификации, а порой и разбалансированность в соотношении различных факторов, приводит к возникновению в системе значительного числа единиц со спорным частеречным статусом, последовательно не укладывающихся в рамки данного лексико-грамматического класса, обладающих как свойственными, так и несвойственными определенной части речи признаками. Эти явления имеют место чаще всего на периферии частеречных рубрик, ибо традиционное учение о частях речи более или менее четко определяет, главным образом, ядро, центр той или иной части речи (например, для глагола — спрягаемые формы) и при этом оставляет в стороне «аномальные» единицы, не соответствующие в полной мере критериям выделения «центра».

Интереснейший в этом отношении языковой феномен представляют собой слова типа *прыг, скок, бултых, хлоп, шлеп, хватя, бряк, звяк* и т. п. На протяжении истории развития русской грамматической мысли исследователи по-разному называли и определяли эти языковые единицы — как «неизменяемые предикативные слова», «глагольные частицы», «неспрягаемые глаголы», «эквиваленты глаголов», «усеченные глаголы», «сокращения глаголов», «голые глагольные корни», «глагольные междометия», «отглагольные междометия», «междометия, превращенные из глагольных корней», «безаффиксные глагольные образования», «глаголы с междометной формой» и «междометия с глагольной функцией». Единства в определении грамматической природы данных слов среди лингвистов нет и сегодня.

В настоящей работе принят традиционный, «устоявшийся» термин «глагольно-междометная форма», впервые предложенный акад. В. В. Виноградовым (1986: 453) и активно используемый в научной литературе. Необходимо сразу сделать оговорку, что термин «форма» в данном случае (= «единица») не следует смешивать с терминами «словоформа», «грамматическая форма слова» и «граммема» (В. В. Виноградов считал эти единицы особыми — междометными — словоформами глагола).

Глагольно-междометная форма представляет собой результат «пересечения» (интерференции) двух частеречных полей — глагола и междометия (включая звукоподражательные слова). В связи с этим глагольно-междометная форма совмещает важнейшие признаки обеих частей речи. С глаголом рассматриваемую единицу сближают общекатегориальное (категориально-грамматическое, классифицирующее, частеречное) значение и синтаксическая функция, а с междометием — морфологические (словоизменительные) свойства.

В нашей работе глагольно-междометная форма рассматривается как отдельная, самостоятельная производная лексема; с точки зрения частеречной принадлежности — глагол по преимуществу признаков (процессуальная категориальная семантика и предикативная синтаксическая функция при свойстве неизменяемости). Вообще говоря, «у этих образований мало общего с междометиями» (Милославский 1981: 362); основными общими чертами являются экспрессивная насыщенность, а также морфологическая примета — свойство неизменяемости. В силу своей неизменяемости рассматриваемая глагольная лексема состоит всего лишь из одной словоформы.

Вопрос об этимологии глагольно-междометных форм неоднократно затрагивался многими видными отечественными и зарубежными лингвистами. Однако он редко выносился учеными на первый план исследования и обсуждался, главным образом, в связи с другими историко-лингвистическими проблемами. Вместе с тем, этот вопрос принципиально важен, поскольку ответ на него позволяет определить, связаны ли глагольно-междометные формы с конкретными глагольными словоформами генетически (исторически, диакронически); восходят они к каким-либо древнерусским глагольным формам (имеют «глагольное происхождение») или нет.

В русской грамматической традиции давно существует мнение о том, что глагольно-междометные формы произошли из форм древнерусского простого аориста (А. А. Шахматов, А. И. Стендер-Петерсен и др.). Так, акад. А. А. Шахматов, впервые высказавший эту мысль, замечает: «Возможно, что глагольное междометие и сло-

жилось, и образовалось под влиянием исчезнувших форм аориста, что, быть может, указывало бы на ту дифференциацию, которая установилась между формами прошедшего времени на -ль и формами аориста. Форма многих аористических образований сходственна с глагольными междометиями (*стук, двиг, порх, толк, чебурах*), а именно — сильного аориста; быть может, именно сильный аорист и получил значение мгновенного вида. Сигматический аорист напоминает такая форма, как «бац» (ср. 1 л. ед. ч. *бась от боду*) (1927, вып. 2: 57). А. А. Шахматов предполагает «родство таких междометий с древними образованиями несигматического или частью и сигматического аориста» (1927, вып. 1: 194).

Гипотеза «аористного» происхождения глагольно-междометных форм получила развитие в статье проф. А. И. Стендер-Петерсона «О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском» (1930). А. И. Стендер-Петерсен считает, что утрата древнего аориста как морфологической формы вовсе не означает утраты того грамматического значения («категории»), которое было в нем репрезентировано. Значение аориста, по мнению датского лингвиста, было перенесено на другие глагольные формы, получившие таким образом новую грамматическую семантику. В частности, одним из средств передачи аористного значения в современном русском языке А. И. Стендер-Петерсен считает глагольно-междометные формы («отглагольные междометия»). Вслед за А. А. Шахматовым он утверждает, что эти «окаменевшие» глагольные формы восходят именно к формам сильного аориста. В качестве аргументов в пользу этого взгляда приводятся два факта:

1. Многие «отглагольные междометия» действительно имеют сходство с формой 1 лица единственного числа сильного аориста:

двиг, дрыг, толк — *dvig, *drg, *tlk;

2. Эти формы не оканчиваются на гласную.

Гипотеза о генетической связи глагольно-междометных форм с древнерусским простым аористом нашла отражение и в грамматическом учении о слове В. В. Виноградова (1986: 448 — 453).

Вопрос о происхождении и генетических связях глагольно-междометных форм чрезвычайно сложен и, по-видимому, как-то однозначно вообще неразрешим. Возможные его интерпретации во многом зависят от точки зрения на роль и место самого аориста в древнерусском языке. В русской исторической грамматике давно обосновано мнение о том, что аорист употреблялся в живой народно-разговорной речи примерно до XIV в., а потом утратился (Горшкова, Хабургаев 1981; Хабургаев 1990) — иначе древнерусские писцы не должны были допускать смешения форм аориста и имперфекта, употребления аориста в значении имперфекта в текстах последую-

шего периода (например, в Новгородской летописи XIII — XIV вв.). Если же исходить из того, что аорист был принадлежностью книжно-литературной речи, тогда как в настоящее время слова типа *хлоп, хватъ, бултых* свойственны, напротив, народно-разговорной, обиходно-бытовой речи, то гипотезу А. А. Шахматова в этой части едва ли можно принять. Сам же Шахматов, наоборот, уже из факта наличия «глагольных междометий» в современном русском языке делает вывод об употреблении форм аориста в древнерусской бытовой речи. Однако проблема в том и заключается, что исследователям не удастся установить четкие, бесспорные генетические связи форм простого аориста с «глагольными междометиями», а также с «императивом-аористом» А. И. Стендер-Петерсена, или «прошедшим временем мгновенно-произвольного действия» В. В. Виноградова (которое рассматривается Шахматовым в одном ряду с глагольно-междометными формами, тоже как реликт сильного аориста). Вопрос этот по сей день остается открытым. Многие исследователи (в частности, А. А. Зализняк, Г. А. Хабургаев и др.) вообще отрицают существование каких-либо связей между аористом и рассматриваемыми единицами. Так, Р. Д. Швец считает «утверждение, что глагольно-междометные формы генетически связаны с императивом и аористом, необоснованным» (1976: 19 — 25). Гипотезе «аористного» происхождения глагольно-междометных форм противоречит и тот факт, что некоторые из них вообще не восходят к глаголу, генетически никак с глаголом не связаны; например: *ам, ням, хоп, бяк, бум, тук* и т. п.; «Колобок сдуру прыг ей (лисе) на язык, а лиса — ам его! И скушала» (Библиотека русского фольклора 1989). Ср. также в песне из известного кинофильма: «А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк, / А за ней воробушек прыг-прыг-прыг-прыг, / Он ее, голубушку, шмяк-шмяк-шмяк-шмяк, / Ам-ням-ням-ням, да и шмыг-шмыг-шмыг-шмыг».

В аспекте синхронного словообразования в зависимости от характера производящей базы глагольно-междометных форм (глагол или междометие) в русистике выделяются две основные тенденции в подходе к определению грамматической природы этих слов.

Большинство ученых считает их либо отглагольными дериватами-глаголами или словами с иным частеречным статусом (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, И. И. Давыдов, В. Я. Стоюнин, В. А. Богородицкий, Л. А. Булаховский, А. М. Земский, В. М. Жирмунский, Е. Ф. Карский, Е. М. Галкина-Федорук, М. А. Шелякин, И. Г. Милославский, П. А. Лекант и др.), либо вообще глагольными словоформами (Ф. И. Буслаев,

К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, К. Д. Ушинский, Н. П. Некрасов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, А. Н. Тихонов, Р. Д. Швец и др.). В том случае, когда глагольно-междометная форма признается исследователями словоформой соответствующего глагола, ее следует рассматривать в составе глагольной парадигмы как определенную ступень в системе формообразования, и тогда она является предметом изучения морфологии. В том же случае, если глагольно-междометная форма считается не словоформой глагола, а иной, самостоятельной лексемой (хотя и глагольной по своему происхождению, значению и синтаксической функции), она не может рассматриваться как единица глагольного словоизменения, а входит уже в предмет словообразования (в частном случае — внутриглагольного). Несмотря на столь принципиальные различия, этих ученых объединяет мысль о том, что глагольно-междометные формы непосредственно связаны с глаголом (имеют глагольные происхождение и грамматическую природу), либо это вообще глагол.

Другие лингвисты, напротив, считают, что глагольно-междометные формы с точки зрения их синхронного образования никакого отношения к глаголу не имеют, а являются либо собственно междометиями (не отглагольными, а, по мнению некоторых из этих ученых, наоборот, мотивирующими однократные глаголы), в том числе звукоподражательными, либо особыми лексемами, непосредственно мотивированными междометиями, то есть отмеждометными дериватами (А. А. Барсов, Н. И. Греч, Я. Головацкий, И. С. Левицкий, Б. М. Кулик, А. В. Исаченко, академические грамматики русского языка, в том числе «Краткая русская грамматика» 1989 г. и др.).

Наконец, в истории русистики представлена еще одна традиция грамматической интерпретации обсуждаемых единиц, связанная с мыслью о том, что глагольно-междометные формы словообразовательно весьма неоднородны, имеют различную деривационную историю. Данного мнения придерживаются, например, такие крупнейшие отечественные лингвисты, как акад. А. А. Потебня, показавший, что не все «глагольные частицы» являются извлечениями из глаголов, поскольку при некоторых из них нет глагольных коррелятов (1941: 189 — 190), и акад. В. В. Виноградов, принципиально отделивший «междометные глагольные формы» (*бац, хлоп!*) от воспроизводящих слов и звукоподражательных восклицаний (*бац! хлоп!*), примыкающих к собственно междометиям (1986: 622).

Р. Д. Швец в монографии «Глагольно-междометные формы в восточнославянских языках» также указывает на тот факт, что глагольно-междометные формы весьма неоднородны по своему происхождению и отнюдь не все они мотивированы глаголом: «... Не

все... исследуемые формы связаны с глаголом генетически» (1976: 41). Вместе с тем, исследовательница полагает, что «сам факт наличия в кругу глагольно-междометных форм примерно половины таких, которые не имеют омонимов в среде междометных образований, служит доказательством глагольности рассматриваемых форм» (1976: 42). «Глагольно-междометные формы, — пишет Р. Д. Швец, — входят в систему современного восточнославянского глагола, хотя и обладают известными особенностями (усеченная форма, отсутствие форм словоизменения). Их особое место в ней является результатом исторического развития видо-временных отношений» (1976: 42).

Все глагольно-междометные формы с точки зрения отношений синхронной производности могут быть разделены на мотивированные глаголом (*прыг, хватъ, стук, ах*) и мотивированные непосредственно звукоподражательным междометием (*ам, бум, тук*). В свою очередь, среди тех глагольно-междометных форм, которые образованы от глаголов, выделяются две группы слов: с одной стороны, формы, генетически восходящие к междометию и сохраняющие своим фонетическим оформлением прямое указание на него (*стук, ах, топ, шлеп*); а с другой стороны, формы, восходящие только к глаголу и вообще не имеющие ничего общего со звукоподражаниями (*прыг, скок, хватъ, глядь*).

В самом деле, одни глаголы, от которых образуются глагольно-междометные формы, сами могут быть мотивированы звукоподражательными (главным образом) междометиями, другие же — не иметь с междометиями никакой связи (производные и непроизводные глаголы). Так, например, глагольно-междометные формы *хлоп, стук, каш, хрясь, бац, чмок, топ, ах, трах* и многие другие генетически восходят к звукоподражательным междометиям. Эти и подобные глагольно-междометные формы образованы от соответствующих однократных глаголов совершенного вида с суффиксом *-ну-*, которые, в свою очередь, как правило, образованы от соответствующих глаголов несовершенного вида (перфективация), а последние мотивированы междометиями:

Междометие	Глагол несов. вида	Глагол сов. вида	Глаг.-междом. форма
<i>хлоп!</i>	→ <i>хлопать</i>	→ <i>хлопнуть</i>	→ <i>хлоп</i>
<i>стук!</i>	→ <i>стукать</i>	→ <i>стукнуть</i>	→ <i>стук</i>
<i>топ!</i>	→ <i>топать</i>	→ <i>топнуть</i>	→ <i>топ</i>
<i>чмок!</i>	→ <i>чмокать</i>	→ <i>чмокнуть</i>	→ <i>чмок</i>
<i>ах!</i>	→ <i>ахать</i>	→ <i>ахнуть</i>	→ <i>ах</i> .

Словообразовательный шаг, образующий глагол несовершенного вида (*ахать*) от междометия, не является обязательным, так как

все рассматриваемые глаголы с суффиксом *-ну-* находятся вне видовых пар. От соответствующих глаголов несовершенного вида (*хлопнуть* — *хлопать*) они отличаются значением однократности, то есть семантикой способа глагольного действия. Таким образом, глаголы совершенного вида с суффиксом *-ну-* (однократные) содержат дополнительный семантический компонент — семантическое усложнение по сравнению с соотносительными глаголами несовершенного вида (многоактными). Этот номинативный компонент значения не обладает ни свойством обязательности, ни свойством регулярности выражения, то есть, строго говоря, является неграмматическим, что и позволяет рассматривать обсуждаемые соотносительные по виду глаголы не как словоформы одной лексемы, а как принципиально разные лексемы (вне зависимости от понимания вида как грамматической или неграмматической категории; ведь глаголы типа *прыгать* — *прыгнуть* различаются не только формальными видовыми приметами, но и нерегулярными содержательными характеристиками по способу действия). Поскольку далеко не каждой лексеме совершенного вида соответствует лексема несовершенного вида, как, например, в случае хряснуть, звено рассматриваемой словообразовательной цепочки, представленное глаголом несовершенного вида, вполне может быть пропущено (в силу отсутствия в языке соответствующей лексической единицы). Ср.:

хрясь! → *хряснуть* → *хрясь*
хлясь! → *хляснуть* → *хлясь*.

В подобных словообразовательных цепочках перфективация не представлена. Глагол совершенного вида с суффиксом *-НУ-* непосредственно мотивирован междометием.

Это первый тип глагольно-междометных форм, составляющий «ядро» рассматриваемых единиц.

С другой стороны, существует большая группа глагольно-междометных форм, также образованных от глаголов, но генетически никак не связанных с междометиями (глагольно-междометные формы второго типа). Это такие глагольно-междометные формы, как *прыг*, *хватъ*, *глядь*, *верть*, *нырь*, *юрк*, *двиг*, *толк*, *шмыг*, *ёк* и т. п. Они образуются либо от однократных глаголов совершенного вида на *-нуть*, либо, ввиду отсутствия таковых, от соответствующих глаголов несовершенного вида:

толкать → *толкнуть* → *толк*
прыгать → *прыгнуть* → *прыг*
брыкать → *брыкнуть* → *брык*
шмыгать → *шмыгнуть* → *шмыг*
двигать → *двинуть* → *двиг*
глядеть → *глянуть* → *глядь*

<i>вертеть</i>	→	<i>верть</i>
<i>крутить</i>	→	<i>круть</i>
<i>хватать</i>	→	<i>хватъ.</i>
/с/хватить		

В случае отсутствия глагола совершенного вида с суффиксом *-ну-* возможно построение цепочки с глаголом совершенного вида с суффиксом *-ану-* (*вертануть, крутануть, хватануть* и т. п.). Однако этот суффикс значительно модифицирует семантику производящего глагола несовершенного вида, прибавляя к ней весьма экспрессивный, стилистически маркированный (сниженный) семантический «довесок», который отсутствует «на выходе» — в значении глагольно-междометной формы. К тому же, едва ли, например, форма *хватъ* в современном русском языке мотивируется глаголом *хватануть*, скорее — глаголом *схватить*. Поэтому включение в рассматриваемые словообразовательные цепочки глаголов с суффиксом *-ану-* в качестве производящих слов для глагольно-междометных форм представляется весьма проблематичным.

И наконец, существует еще одна, весьма немногочисленная группа глагольно-междометных форм, в деривации которых глагольные лексемы участия не принимают (глагольно-междометные формы третьего типа). Это слова типа *ам, ням, бяк, бум, тук, хоп, цоп*. Они вообще не имеют коррелятов среди глаголов, хотя также характеризуются глагольными грамматическими признаками. Подобные формы образуются непосредственно от междометий: *ам!* → *ам; бум!* → *бум* и т. п.

Таким образом, глагольно-междометные формы первых двух типов деривации противопоставлены глагольно-междометным формам третьего типа по характеру производящей базы: для форм первых двух типов непосредственно производящим является глагол; для форм третьего типа — звукоподражательное междометие. В то же время глагольно-междометные формы первого и третьего типов противопоставлены формам второго типа на основании генетической связи с междометием. Для первого и третьего типов междометие — исходное производящее (исходный член словообразовательной цепи, первичный источник мотивации), тогда как второй тип в этом смысле не имеет к нему отношения. См. схему:

	Междометие	Глагол	Глагольно-междометная форма
1-ый тип:	<i>стук!</i>	→ <i>стукнуть</i>	→ <i>стук</i>
	<i>хлоп!</i>	→ <i>хлопнуть</i>	→ <i>хлоп</i>
	<i>трах!</i>	→ <i>трахнуть</i>	→ <i>трах</i>
2-ой тип:		<i>прыгнуть</i>	→ <i>прыг</i>

	<i>шмыгнуть</i>	→	<i>шмыг</i>
	<i>юркнуть</i>	→	<i>юрк</i>
3-ий тип:	<i>ам!</i>	→	<i>ам</i>
	<i>бум!</i>	→	<i>бум</i>
	<i>хоп!</i>	→	<i>хоп</i>

В системе деривации глагольно-междометных форм выделяются различные словообразовательные типы.

Наиболее широко представлен словообразовательный тип, в котором глагольно-междометные формы образуются от глаголов совершенного вида на *-нуть* (то есть от глаголов третьего продуктивного словоизменительного класса по классификации А. А. Зализняка):

<i>прыгнуть</i>	→	<i>прыг</i>
<i>толкнуть</i>	→	<i>толк</i>
<i>стукнуть</i>	→	<i>стук</i>
<i>хлопнуть</i>	→	<i>хлоп.</i>

Деривация сопровождается усечением производящей основы.

Производящую базу составляет глагол совершенного вида со значением однократного действия. Эта номинативная характеристика по способу глагольного действия в данном случае является словообразовательным значением глагола и манифестируется суффиксом *-нуть*. При образовании глагольно-междометных форм к исходному значению однократного действия прибавляется дополнительный семантический компонент — ‘мгновенность, моментальность’, также несущий характеристику по способу глагольного действия. Таким образом, глагольно-междометные формы обозначают моментальные однократные действия. Словообразовательным средством, которому мы приписываем данное модификационное значение, в большинстве случаев следует считать нулевой суффикс:

<i>стукнуть</i>	→	<i>стук</i> Ж
<i>прыгнуть</i>	→	<i>прыг</i> Ж
<i>толкнуть</i>	→	<i>толк</i> Ж
<i>хлопнуть</i>	→	<i>хлоп</i> Ж
<i>капнуть</i>	→	<i>кап</i> Ж и т. д.

Однако дериватор может быть и формально выраженным. Таким материальным показателем является палатализация (грамматикализованная мена фонем) конечных зубных и плавных согласных корня глагольно-междометных форм, относящихся к рассматриваемому словообразовательному типу:

↓ <д>, <т>, <з>, <с>, <л>, <р>
<д'>, <т'>, <з'>, <с'>, <л'>, <р'>;

<i>нырнуть</i>	→	<i>нырь</i>
<i>швырнуть</i>	→	<i>швырь</i>
<i>хлыснуть</i>	→	<i>хлысь</i>
<i>прыснуть</i>	→	<i>прысь</i> и т. п.

Смягчения заднеязычных согласных не происходит, что обусловлено общими закономерностями фонетической системы русского языка. В некоторых глагольно-междометных формах Р. Д. Швец выделяет также суффикс *-к-*:

<i>швырнуть</i>	→	<i>швыр-к</i>
<i>прыснуть</i>	→	<i>прыс-к</i> (1976: 78–83).

Однако в данном случае «швыр» и «швырк» можно рассматривать и как алломорфы одной корневой морфемы (ср. *двигнуть* и *двиг*).

Таким образом, с точки зрения формальных отношений между производным и производящим в рассматриваемом словообразовательном типе представлен суффиксальный способ словообразования, а также усечение производящей основы как сопутствующее явление.

Выделение нулевого суффикса в глагольно-междометных формах принципиально важно, так как значение действия, присущее этим словам, не всегда может выражаться корнем. Корень некоторых глагольно-междометных форм может обозначать и аффект, эмоцию или просто имитировать какой-либо звук природы. Например, отмеждометные формы типа *ам*, *бум*, *бах*, *тук* имеют неглагольный корень. Неглагольный корень содержат и слова типа *хлоп*, *стук*, *хрясь*, *трах*, *тик*, *топ*, *кап*, хотя они и образованы от глаголов. Следовательно, обобщенное значение действия (процессуальная общекатегориальная семантика), а также указанные характеристики по способу действия, передаются в них только посредством нулевого показателя. Поэтому их следует признать морфологически оформленными, хотя и очень слабо. Это свойство отличает их от омонимичных междометий на морфемном уровне.

Что касается глагольно-междометных форм второго типа, содержащих глагольные («процессуальные») корни и не имеющих междометных коррелятов, то в них категориальное значение действия заключено и в корне, и в нулевом суффиксе (как известно, категориальное значение имеет любой суффикс — Милославский 1980: 45–47).

Таким образом, обсуждаемый нулевой суффикс является семантически сложной, комплексной морфемой, обладающей как категориальным («процессуальность»), так и более частным, конкретным («однократность» и «мгновенность, моментальность») значениями.

Как уже было отмечено, глагольно-междометные формы, генетически не связанные с глаголами (третьего типа), образуются непосредственно от междометий. Деривация таких форм представлена одним словообразовательным типом: производящая база — звукоподражательное междометие, производное слово — глагольно-междометная форма, словообразовательное средство — также нулевой суффикс:

Междометие		Глагольно-междометная форма
<i>ам!</i>	→	<i>ам</i> Ж
<i>бум!</i>	→	<i>бум</i> Ж
<i>хоп!</i>	→	<i>хоп</i> Ж

В тексте необходимо различать формально тождественные междометие и глагольно-междометную форму. В самом деле, например, звукоподражательное междометие *бум!* и глагольно-междометная форма *бум*, строго говоря, связаны с разными феноменами внешней действительности, хотя и обладающими общим признаком. Звукоподражательное слово *бум* лишь имитирует соответствующий звук природы, тогда как глагольно-междометная форма *бум*, несомненно, обозначает мгновенное действие, хотя и сопряженное с этим звуком. Ср. два предложения из разговорной речи: «Бум!» — слышалось из подвала» и «Он запнулся и бум на пол». В первом высказывании представлено лишь условное языковое фонетическое воспроизведение (или графическая запись) реального звука, существующего вне языка, и только этого звука; во втором — обозначение вполне определенного действия (падения, сопровождающегося данным звуком, с оттенком мгновенности и интенсивности).

Таким образом, омонимичные глагольно-междометные формы и звукоподражания характеризуются принципиально различной соотносительностью с фрагментами объективного мира. Вообще говоря, формы типа *ам*, *бум*, *ням*, *бяк* реализуют чисто глагольную, по сути, семантику, хотя и не имеют глагольных соответствий. В отличие от собственно звукоподражаний они связаны с человеческой логикой, с мыслью.

Подобным же образом дело обстоит и с теми глагольно-междометными формами, которые генетически восходят к звукоподражательному междометию, но непосредственно образованы от глагола (формы первого типа — *стук*, *хлоп*, *топ*, *кап*, *тик*, *бац*, *бух* и т.

п.). Их также можно рассматривать как омонимы соответствующих звукоподражательных междометий. Подобно формам третьего типа (лишенным глагольных коррелятов), они называют действия, тогда как формально тождественные им звукоподражания лишь имитируют звуки природы (*стук и стук!*; *бух и бух!*).

В указанной работе Р. Д. Швеца имеется примечательная информация (1976: 29).

В 1952 году школьный учитель Амелин обратился в редакцию журнала «Русский язык в школе» с вопросом: «Какой частью речи выражено сказуемое «бух» в предложении «А воз в яму бух!»?» Журнал дал следующий ответ: «Слово «бух» относится к звукоподражательным восклицаниям, примыкающим к междометиям, например: «Порою двухствольное ружье бухает раз за разом: бух-бух!» (Горький). Однако слова этого типа могут выступать в предложении в роли сказуемого, сближаясь с глаголом по значению и по синтаксической функции, как это имеет место в рассматриваемом предложении».

К сожалению, сама Р. Д. Швеца не проводит четкого, последовательного разграничения случаев употребления глагольно-междометных форм и соотносительных с ними звукоподражательных междометий, хотя, как нам представляется, здесь оно совершенно необходимо, имеет весьма существенное значение.

Очевидно, что редакция журнала, отвечая на вопрос учителя, допускает ошибку принципиального характера. Смешиваются, отождествляются две лексемы, принадлежащие к различным частям речи. В первом случае, в предложении «А воз в яму бух!», в роли сказуемого выступает глагольно-междометная форма, а в приведенном в ответе редакции примере из М. Горького — «Порою двухствольное ружье бухает раз за разом: бух-бух!» — мы действительно имеем дело с типичным звукоподражательным междометием. В этом, последнем, случае *бух-бух* отнюдь не сближается с глаголом по значению и по синтаксической функции, и сказуемое в этом предложении выражено спрягаемой формой вполне «обычного», стандартного глагола (*бухает*). «Бух-бух» является лишь специфически языковой звуковой имитацией выстрелов, акустической иллюстрацией того, как стреляет ружье. Глагольной (процессуальной) семантики это слово не содержит и синтаксической функции, свойственной финитному глаголу (предикативной), не выполняет. Оно представляет собой «элемент внесения» в структуре рассматриваемого предложения. Как междометие, *бух-бух* вообще находится вне синтаксической (конструктивной) организации предложения и само по себе может рассматриваться как эквивалент предложения (междометный аналог предложения).

Иное дело — *бух* в первом примере. Это уже совершенно другая лексема, принципиально глагольная по своему значению (действие — «падение») и синтаксической функции (сказуемое). Это типичная глагольно-междометная форма, а отнюдь не «звукоподражательное восклицание, примыкающее к междометию», по определению редакции.

В качестве иллюстрации сложных глагольно-междометных форм, образованных путем многократного повторения одной и той же основы и не сопровождающихся никакими звуковыми чередованиями («многочленных образований»), Р. Д. Швец приводит пример из В. Г. Короленко: «Стук-стук-стук... стук-стук... что-то стучало в дверь мельницы».

Частеречный статус форм типа *стук-стук-стук* или *стук-стук* (в данном случае нет разницы) в подобных контекстах нам представляется иным. Отнесение их в группу глагольно-междометных форм вызывает принципиальные возражения. Гораздо более обоснованно определение форм *стук-стук-стук* и *стук-стук* в приведенном примере как звукоподражаний. Ср. употребление этих лексем в следующих предложениях: 1. Пришел медведь, да в ставень стук-стук: «Бабка, давай посуленное!» («Потомбабка» Библиотека русского фольклора 1989). 2. Стук, стук, стук! — стучится она в избу к другому мужику («Лисичка-сестричка и волк» Библиотека русского фольклора 1989).

В первом случае перед нами действительно глагольно-междометная форма, а во втором — звукоподражательное слово. Ср. также:

1. Глагольно-междометная форма *бац*:

Старуха обвязалась, а старик тащил, тащил — гашник оборвался, старуха бац на землю — и дух вон («Горох на бане» Библиотека русского фольклора 1989).

2. Междометие *бац!*:

Волк стал под горою и разинул пасть; а баран как разбежится с горы да как ударит его своим бараньим лбом: бац! («Волк-дурень» Библиотека русского фольклора 1989).

Бац-бац! — раздалось у него над ухом (Л. Н. Толстой).

1. Глагольно-междометная форма *бух*:

По камням, рытвинам пошли толчки, скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву! (И. А. Крылов).

2. Междометие *бух!*:

Тихо. Вдруг слышим — шуршит по крыше. И вдруг по железу: «Бух-бух-бух! Трах!» — На крышу забрался! — прошептал Костя. Вдруг с другой стороны: «Бум-бум-бум! Бах!» (Н. Н. Носов).

1. Глагольно-междометная форма *хлоп*:

Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
(Н. А. Некрасов);

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп
И спряталась за печку
(А. С. Пушкин).

2. Междометие *хлоп!*:

На дворе уже темно,
А они все пьют вино.
Вдруг я вижу — что такое?
Хлоп! — лежат вповалку двое
(Назар Наджми).

1. Глагольно-междометная форма *тук*:

Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над землей луна висит
(Н. А. Заболоцкий).

Медведь лапой тук-тук-тук...
(«Потомбабка»).

2. Междометие *тук!*:

Наконец, я задремал. Вдруг слышу сквозь сон: «Тук-тук-тук!» Я проснулся; Пошли мы обратно. Только отошли от двери: «Тук-тук-тук! Трах-та-тах!» (Н. Н. Носов).

1. Глагольно-междометная форма *бах*:

Перед петухами с полночи приближается покойник, бах в могилу! («Бесстрашный солдат» Афанасьев 1957).

2. Междометие *бах!*:

Трам-тарарам-рам, бах, бах — вдруг обрушивается на нас лавина звуков (Г. Боровик).

Не вызывает сомнений, что фонетический облик как звукоподражания (*стук!*, *бац!*, *бух!*, *бах!* и т. п.), так и омонимичной ему

глагольно-междометной формы в сознании говорящего ассоциативно связан с соответствующим реальным физическим (акустическим) явлением, а именно — с характерным звуком, возникающим вследствие глухого удара одного предмета о другой. При этом, однако, важно заметить, что подобные звуковые эффекты, даже если они одинаковы акустически, в различных ситуациях воспринимаются человеком совершенно по-разному. Они могут быть наполнены каким-либо содержанием, информативны, значимы или, наоборот, «пусты», асемантические. Если звук что-либо означает, сообщает человеку, если за его акустической характеристикой содержатся «кенымы», знакообразующие «фигуры» (в терминологии Л. Ельмслева), то данный звук в данной ситуации является знаком, сигналом, семиотической единицей. Бесспорно, такие звуки, осмысляемые, семантизируемые человеком, всегда вызывают в его сознании ассоциации с тем или иным явлением объективного мира. И напротив, если звук не имеет никакого содержательного наполнения, не несет в себе ценной для человека информации, он представляет собой лишь явление физического порядка и не вызывает никаких ассоциаций. Такое деление звуков внешней действительности на значимые и незначимые для человеческого сознания позволяет разграничить и соответствующие единицы языка — слова, воспроизводящие эти звуки. Те слова, которые соотносятся со звуками «содержательными», значимыми, по сути дела, являются знаками знаков. Значение самих звуков формирует семантику слов, их отражающих. Такими словами и являются глагольно-междометные формы. Эти лексемы, называя действия, своим фонетическим обликом действительно указывают на определенный звук природы и, вместе с тем, передают его семантическое содержание. Поэтому значение глагольно-междометных форм рассматриваемого типа тесно связано с семантикой соответствующих значимых звуков, звуков-знаков. Так, в приведенном примере («Пришел медведь, да в ставень стук-стук: «Бабка, давай посуленное!») глагольно-междометная форма *стук-стук* не просто воспроизводит звуки глухих ударов, но и обозначает конкретное действие, сопровождаемое этими звуками. Таким действием в описанной ситуации является *стук в дверь*, т. е. процесс 'стучания', который и выражается ударами одного предмета о другой. Возникающий при этом звук, несомненно, значим, семиотичен, содержателен для любого человека, представляет собой общепринятый знак. Поэтому в процессе коммуникации релевантен не сам по себе акустический феномен, действительно отраженный фонетикой глагольно-междометной формы, а *та по н я т и й н а я с е м а н т и к а*, с которой он условно связан и которая составляет значение соответствующей формы.

Что касается звукоподражаний, то они представляют звуки природы как «пустые», незначимые, как явления сугубо акустического порядка. «Звукоподражания... своим звуковым составом воспроизводят издаваемые человеком, животными, предметами звуки...» (А. Н. Тихонов) (1981: 262). «... Они не являются сигналами чувств и волеизъявлений, а представляют собой имитацию (весьма условную) звуков реальной действительности средствами языка...» (Н. Н. Холодов 1982: 244). Такие звуки, даже если они и способны нести какую-нибудь информацию, имитируются звукоподражательными словами в отрыве от своего значения. Поэтому звук, воспроизводимый в языке звукоподражательным междометием, в вербальной коммуникации не воспринимается как знак. Он лишь акустически иллюстрирует ту информацию, которая передается языковыми знаками. Референтом звукоподражательного слова является именно сам физический, чисто материальный феномен внешнего мира, вне связи с его потенциальным содержательным наполнением. В рассматриваемом предложении из произведения В. Г. Короленко слово *стук-стук* имеет именно такую референтность. Таким образом, это звукоподражание.

Даже если иметь в виду не собственно звукоподражательные слова, а первообразные междометия типа *ах*, *ох*, *ух*, *ой*, которые всегда что-либо означают, то и в этом случае вопрос решается аналогично. Указанные междометия многозначны в силу разнообразия эмоций, выражаемых (но не называемых) ими. Однако и такие слова в зависимости от контекста могут либо демонстрировать только факт экспрессии, быть лишь специфически языковыми показателями какой-либо эмоции, аффекта, и тогда они являются междометиями; либо обозначать феномен совершенно иного порядка — вполне определенное, конкретное действие, и тогда это глагольно-междометные формы; ср.: «Ах ты, обжора! Ах, злодей!» / Тут Ваську Повар укоряет» (И. А. Крылов), где *ах* — обозначение эмоционального состояния; «Татьяна — ах, а он реветь!» (А. С. Пушкин), где *ах* значит: «ахнула, сказала, воскликнула «ах!»» (акад. Л. В. Щерба писал по поводу этого предложения: «Для меня «ах» относится к Татьяне и является глаголом, а вовсе не междометием» (1957).

Вообще различие между звукоподражательными и незвукоподражательными междометиями заключается в том, что первые условно воспроизводят, имитируют звуки внешнего мира (*стук!*, *кап!*, *тол!*), тогда как вторые выражают «эмоциональные и эмоционально-волевые реакции на окружающую действительность» (Краткая русская грамматика 1989: 341) (*ах!*, *ох!*, *ух!*). Поэтому глагольно-междометные формы, формально тождественные звукоподражательным междометиям (типа *бах*), обозначают действие, связанное с

реальным звуком внешнего мира, а формы, омонимичные незвуко-подражательным междометиям (типа *ах*), обозначают действие, сопряженное с эмоцией. Однако и те, и другие глагольно-междометные формы всегда имеют значение процессуального признака, в отличие от омонимичных им междометий. В глагольно-междометной форме, как замечает проф. Е. М. Галкина-Федорук, «наличествует название процесса, но подражательное» (1952: 481). Так, в предложении «Верлиока рассердился, схватил горшок, да бух кулиш в ведро» («Верлиока» Библиотека русского фольклора 1989) глагольно-междометная форма *бух* обозначает действие ('бросил, швырнул'), вызывающее характерный звук, который, в свою очередь, обозначает омонимичное звукоподражательное слово. «Звукоподражания... представляют собой условные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом...» (Краткая русская грамматика 1989: 341).

«Подражательное» название процесса характерно и для отмеждометных глаголов, мотивирующих глагольно-междометные формы: «Значение «произносить мотивирующее слово или звук» или «производить мотивирующий звук» имеют глаголы... мотивированные междометиями ... и звуками...» (Краткая русская грамматика 1989: 113).

Значение рассматриваемых глагольно-междометных форм внутренне достаточно сложно и многослойно. С одной стороны, его можно свести к формуле: «производить звук или произносить восклицание», в то время как функция междометий — отражать звук или передавать экспрессию. Однако чрезвычайно важно, что с помощью глагольно-междометных форм говорящий не просто «производит звук или произносит восклицание», но и выражает ту глубинную понятийную семантику, которая лишь условно, ассоциативно связана со звуком — семиотической единицей. Ведь «Татьяна — ах» означает не просто то, что героиня ахнула, воскликнула, произнесла соответствующее междометие, но — и это самое главное — то, что она испугалась.

На основании вышеизложенных соображений можно утверждать, что глагольно-междометные формы реализуют в высказывании десигнативную семантику, а звукоподражательные междометия — семантику идентифицирующую. Звукоподражания выражают определенную референцию, тогда как омонимичные им глагольно-междометные формы связаны не с референтами, а с понятиями и называют процессуальные признаки.

Таким образом, существуют четкие семантические основания для разграничения в тексте формально тождественных глагольно-междометных форм и междометий. Понятно, что при этом речь идет

лишь о тех глагольно-междометных формах, которые так или иначе восходят к междометию, поскольку для форм типа *прыг, скок, двиг, юрк, глядь*, генетически не связанных с междометием, такая проблема вообще не возникает.

При этом следует отличать омонимию глагольно-междометной формы и междометия, с одной стороны, и омонимию собственно глагольно-междометных форм, мотивированных различными глаголами, с другой. Ср., например: «Я хлоп его по плечу» от «Я хлопнул его по плечу» (*хлоп* ← *хлопнуть*) и «Я хлоп на пол» от «Я хлопнулся на пол» (*хлоп* ← *хлопнуться*). В этом случае представлено формальное тождество глагольно-междометных форм, образованных от соотносительных возвратного и невозвратного глаголов.

Вместе с тем, семантическую природу обсуждаемых лексем можно характеризовать и совсем иначе: можно предположить, что в рассмотренных случаях представлена не омонимия глагольно-междометной формы и междометия, а функциональная транспозиция одного и того же междометия. Применительно к некоторым группам рассматриваемых единиц такое определение представляется также вполне обоснованным.

При изложенном выше подходе следует признавать слова типа *мяу-мяу, гав-гав, тяф-тяф, кар-кар, чик-чирик, кукареку, му, хрю* и т. п. в предикативной функции также глагольно-междометными формами и выделять в них словообразовательные нули. То есть считать, что, например, в предложениях «Ворона кар-кар сверху» и «Кар-кар! — неожиданно раздалось сверху» в первом случае употреблена глагольно-междометная форма, а во втором — звукоподражательное слово. Однако такой взгляд едва ли соответствует действительности. Трудно утверждать, что интересующие нас слова в первом и втором примерах представляют собой совершенно различные лексемы, относящиеся к разным частям речи. Едва ли даже можно сказать, что между ними существуют принципиальные содержательные различия, подобные тем, которые описаны выше для глагольно-междометных форм и звукоподражательных междометий. Скорее, это одна и та же единица, выступающая в разных функциях, в разных употреблениях, в разных грамматических ипостасях. Действительно, различие между *кар-кар* в первом и во втором случаях сводится лишь к их использованию субъектом речевой деятельности. Вряд ли *кар-кар* в первом предложении ассоциируется в сознании говорящего с глаголами *каркать* — *каркнуть* (и мотивируется последним), скорее, как звукоподражательное слово, непос-

редственно со звуками, издаваемыми птицей, с криком вороны. То же можно констатировать и в отношении интересующих нас единиц в предложениях типа: «А кошка мяу-мяу», «Собаки тяф-тяф», «Воробей прилетел, сел на ветку и чик-чирик»; «Вся столица содрогнулась; а девица — хи-хи-хи да ха-ха-ха» (А. С. Пушкин) и т. п. Это звукоподражания, употребленные в несвойственной им функции — на месте слова со значением действия (глагола-сказуемого), вследствие чего они сами приобретают контекстно обусловленную процессуальную семантику. Использование звукоподражания в позиции спрягаемой формы глагола (функциональная транспозиция звукоподражания) вызывает определенный экспрессивно-стилистический эффект. Ср. стилистически нейтральные предложения с глагольными словоформами «А кошка мяукает» или «Собака лает (гавкает)» и явно стилистически маркированные и гораздо более экспрессивные предложения «А кошка мяу-мяу» или «Собака гав-гав (тяф-тяф)».

В противоположность тому взгляду на грамматическую природу глагольно-междометных форм, который предлагается в настоящем исследовании, данная интерпретация предполагает, однако, что не только в этих, но и во всех остальных рассмотренных случаях (глагольно-междометные формы первого и третьего типов) представлены не принципиально различные лексемы, а факты транспозиции одного и того же звукоподражательного слова (*бац*, *хлоп*, *трах*, *бух*, *бах* и т. д.). Подобный вывод вытекает, в частности, из взглядов А. А. Барсова и А. Х. Востокова; так полагают В. А. Богородицкий, Л. А. Булаховский («междометия в предикативной функции»), Б. М. Кулик («междометия, выступающие в роли глагола-сказуемого»), А. В. Исаченко («сказуемые междометия»), А. А. Камынина («транспонированные междометия») и некоторые другие ученые. «Действительно, — пишет А. Н. Тихонов, — формы типа *трах*, *бух* и т. п. совмещают глагольные и междометные значения.

Ср.: «Он схватил его и трах об землю» (*трах* — глагольная форма, употреблена здесь в значении 3 л. прош. вр., изъяв. накл.) и «Трах! Раздался треск упавшего дерева» (*трах* — звукоподражание)» (1981: 201). Как результат транспозиции звукоподражания определяет рассматриваемые единицы и С. И. Ожегов в своем «Словаре русского языка». Ср. *Бах*. 1. межд. звукоподр. О низком и сильном отрывистом звуке. 2. в знач. сказ. Бахнул (во 2 знач.; прост.). Он б. стакан об пол!; *Бац*. 1. межд. звукоподр. О сильном, коротком и резком звуке (разг). 2. в знач. сказ. Ударил, бахнул (прост.). Б. его по спине.

Все глагольно-междометные формы имеют процессуальную категориальную семантику, обобщенное значение действия. При этом, как уже было показано, в силу их неизменяемости процессуальность выражается в одних глагольно-междометных формах корнем и суффиксом, в других — только суффиксом (формы второго типа реализуют значение действия корнем и суффиксом, а формы первого и третьего типов — исключительно суффиксом). Суффикс глагольно-междометных форм выражает деривационное значение мгновенного, моментального действия, а корень несет лексический элемент значения (конкретный вид действия).

Таким образом, с семантической точки зрения глагольный характер глагольно-междометных форм не вызывает сомнений. На этом основании многие ученые включают глагольно-междометные формы в состав глагольной лексемы (парадигмы) на правах грамматической формы (см. выше). Однако такое решение, на наш взгляд, недостаточно обоснованно, поскольку:

1. Оно приложимо отнюдь не ко всем глагольно-междометным формам. Тип форм, вообще не имеющих глагольных коррелятов (третьих), при этом не учитывается. Слова типа *ам, бум, хоп, цыц, тук* и т. п. никак не могут быть словоформами глаголов (хотя в тексте они, безусловно, выражают глагольную семантику и выполняют синтаксическую функцию глагола-сказуемого). Количество таких единиц невелико, но сам факт их наличия среди глагольно-междометных форм принципиально важен: отнюдь не все глагольно-междометные формы соотносятся с другими глаголами. Собственно, теоретически возможно образование глаголов-окказионализмов от соответствующих междометий (типа **амать, *амкнуть, *бумать, *бумнуть* и т. п.), но лексически подобные единицы не представлены.

2. С другой стороны, далеко не от каждого глагола можно образовать глагольно-междометную форму. При этом, однако, определить круг лексем, способных быть производящими для этих форм, и вообще рассматривать данную деривацию в аспекте словообразовательного синтеза тоже оказывается делом весьма непростым. «К настоящему времени исследователям не удалось выявить такие формальные или содержательные признаки глагольных парадигм, которые предопределяли бы наличие или отсутствие глагольных междометий» (Милославский 1981: 237). По мнению Р. Д. Швеца, образование глагольно-междометных форм «лексически ограничивается лишь кругом таких глаголов, которые обозначают явления, воспринимаемые органами чувств: это такие глаголы, смысл которых вмещает возможность мгновенной быстроты» (1976: 136). В аспекте словообразовательного синтеза (выяснения деривационных потен-

ций глаголов в плане образования от них глагольно-междометных форм) это определение «не работает», так как и для указанного лексического разряда глаголов образование глагольно-междометных форм не является регулярным. Так, однократные глаголы *крикнуть*, *свистнуть*, *блеснуть*, *кольнуть*, *вспыхнуть*, *взвизгнуть*, *плюнуть*, *клянуть*, *шевелинуть(ся)* и многие другие хотя и «обозначают явления, воспринимаемые органами чувств», и смысл их вполне «вмещает возможность мгновенной быстроты», тем не менее, параллельных глагольно-междометных форм не имеют. Едва ли можно принять и формулировку акад. В. В. Виноградова, который ограничивает производящую базу для глагольно-междометных форм «основами, обозначающими только шум, звучание или резкие механические движения, связанные с шумом, звучанием» (1986: 453). Например, формы *глядь*, *прыг*, *двиг*, *верть*, *дерг*, *зырк*, *хватя*, *толк*, *юрк*, *ек* и другие образованы от таких глаголов, которые обозначают действия и движения, совсем не обязательно связанные с шумом или звучанием. Пожалуй, вернее всего будет определить в семантическом аспекте круг глагольных лексем (точнее — лексико-семантических вариантов лексем), мотивирующих глагольно-междометные формы, как обозначающих какое-либо конкретное действие материального мира, способное быть разделенным на ряд отдельных совершаемых одинаковых актов, и, безусловно, предполагающих возможность моментального осуществления этих актов. Производящие однократные глаголы и называют отдельный акт, «прием», «квант» такого действия. При этом глагольно-междометная форма вполне может сохранять (отражать) подсистему подобных лексических значений мотивирующего глагола; ср.: «хлоп по плечу; хлоп в ладоши; хлоп дверью; хлоп из ружья; хлоп муху; хлоп стакан вина» и т. п. От глаголов с абстрактным значением, обозначающих абстрактные процессуальные признаки (*рисковать*, *дерзнуть*, *хвастнуть*, *упрекнуть*, *турнуть*, *пугнуть*, *ругнуть*, *блеснуть* (перен.), *вильнуть* (перен.) и т. п.); процессы, протекающие в нематериальной сфере, в сознании человека, его внутреннем мире (*смекнуть*, *трухнуть*, *ужаснуться(ся)* и т. п.) или совокупности целенаправленных действий — занятия, виды деятельности, характер поведения (*кутнуть*, *гульнуть*, *брехнуть*, *помянуть*, *щегольнуть*, *спекульнуть* и т. п.), и, тем более, от глаголов, имеющих значение длительного, протяженного во времени действия (например, от глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ну-*, типа *сохнуть*, *мерзнуть*, *слабнуть*), глагольно-междометные формы не образуются. Среди формальных характеристик глаголов, мотивирующих глагольно-междометные формы, важно выделить отсутствие префиксов: глагольно-междометные формы образуются,

как правило, от бесприваочных глаголов. Таким образом, далеко не все глаголы способны мотивировать глагольно-междометные формы (хотя теоретически их образование здесь тоже возможно: *крикнуть* → *крик, *смекнуть* → *смек).

Отсюда следует, что связь глагольно-междометных форм с глаголом не является ни обязательной, ни регулярной. Условия, определяющие словоформу в составе лексемы, не выполняются. Глагольно-междометные формы «нельзя считать глагольными словоформами. Они, имея самостоятельное номинативное значение, не обладают свойством регулярности образования» (Милославский 1981: 237). Следовательно, соотносительные глагольно-междометная форма и глагол представляют разные лексемы.

В пользу этого вывода возможна и другая аргументация, основанная на специфике аспектуальных номинативных характеристик глагола. Как уже было отмечено, глагольно-междометные формы обозначают мгновенное, моментальное действие, содержат номинативный элемент значения 'очень быстро'. Очевидно, что это неграмматический элемент значения. Он связан со способом глагольного действия, то есть с категорией семантико-derivационной, находящейся уже за пределами собственно морфологии. Хотя она в известном смысле и «повернута» к грамматике, тем не менее, никак не может быть квалифицирована как чисто грамматическая (морфологическая) категория, поскольку не обладает необходимой для этого регулярностью. Да и определяются способы действия по весьма различным основаниям. Итак, глагольно-междометная форма отличается от исходного глагола неграмматическим (хотя и обязательным, но не регулярным) элементом значения, а отсюда неизбежно следует, что перед нами не словоформы одной лексемы, а различные лексемы (ср. содержательные различия этого же порядка между соотносительными однократными и многоактными глаголами, описанные выше).

Глагольно-междометная форма, как всякая отдельная, самостоятельная лексема, характеризуется определенной частеречной принадлежностью. В связи с этим закономерно возникает вопрос: является глагольно-междометная форма глаголом, междометием либо вообще словом особой части речи?

Определить частеречный статус отглагольных глагольно-междометных форм (то есть их подавляющего большинства) вполне возможно на основе рассмотрения семантических отношений между производящим глаголом и производной глагольно-междометной формой. Благодаря важным достижениям в изучении содержательной стороны словообразовательных актов, связанным, в первую очередь, с именами Е. Куриловича и М. Докулила, сегодня мы

располагаем следующей типологией семантических отношений между членами словообразовательной пары.

а) Лексико-семантическое тождество производного и производящего при грамматическом различии между ними — синтаксическая деривация.

б) Обозначение производным и производящим одного и того же феномена объективной действительности с некоторой дополнительной характеристикой (производное) и без нее (производящее) — лексическая деривация модификационного типа.

в) Обозначение производным и производящим совершенно разных феноменов объективной действительности — лексическая деривация мутационного типа.

Поскольку рассматриваемая глагольно-междометная форма представляет собой самостоятельную производную (отглагольную) лексему, она должна характеризоваться одним из указанных трех типов отношений с производящим. Очевидно, что образование глагольно-междометных форм нельзя определить как синтаксическую деривацию, поскольку оно не является актом функциональной, межкатегорияльной транспозиции; не связано с преобразованием синтаксической функции производящего вследствие изменения общекатегориального компонента его значения. Следовательно, глагольно-междометная форма является лексическим дериватом. Мутационные отношения также исключаются, поскольку если при мутации члены словообразовательной пары обозначают совершенно различные фрагменты внеязыковой действительности, то в рассматриваемом случае производящий глагол и производная глагольно-междометная форма обозначают принципиально одно и то же действие (ср. *прыгнуть и прыг*). Кроме того, как известно, вообще от глаголов могут быть образованы мутационные лексические дериваты лишь трех типов (с точки зрения их частеречной принадлежности): существительные со значением лица, предмета или места; прилагательные, называющие признаки через их различное отношение к действию, а также некоторые префиксальные глаголы (Милославский 1989: 38; Вараксин 1996). Очевидно, что глагольно-междометные формы не являются ни существительными, ни прилагательными, ни префиксальными образованиями.

Из сказанного неизбежно следует, что глагольно-междометные формы представляют собой лексические дериваты модификационного типа. Как было отмечено, в случае модификационных отношений производное и производящее обозначают в принципе один и тот же феномен внешнего мира, но производное содержит некоторую дополнительную семантическую характеристику (семантическое усложнение) по сравнению с производящим. Для глагольно-

междометных форм это значение мгновенного, моментального действия.

Признание глагольно-междометной формы отглагольным лексическим дериватом модификационного типа автоматически обуславливает ее отнесение в глагольную частеречную рубрику, поскольку модификационная деривация всегда ограничена пределами одной части речи: «частеречная принадлежность производного и производящего в этом случае совпадает» (Милославский 1989: 35). Таким образом, глагольно-междометная форма является глаголом (глагол, мотивированный глаголом).

Все глагольно-междометные формы, вне зависимости от их деривационной истории, обладают одинаковыми морфологическими признаками. Важнейшее грамматическое свойство глагольно-междометных форм — неизменяемость. Свойство неизменяемости делает эти слова глагольными аналогами неизменяемых (аналитических) существительных (*пальто, кино, такси, кафе*) и прилагательных (*беж, хаки, люкс, маренго*). Как известно, неизменяемые существительные и прилагательные также подводятся под более общие рубрики изменяемых лексем (но уже по неморфологическим основаниям).

В силу своей неизменяемости глагольно-междометные формы не имеют грамматических форм; специфически глагольные (и предикативные) грамматические значения в высказываниях с глагольно-междометными формами выражаются всегда аналитически — только с помощью лингвистического и ситуационного контекста. Строго говоря, глагольно-междометная лексема состоит всего лишь из одной словоформы. Однако, по мнению проф. А. А. Реформатского, в глагольно-междометной форме имеет место нейтрализация ряда морфологических форм глагола. А. А. Реформатский предложил использовать здесь теорию оппозиций и нейтрализаций, обычно применяемую в фонологии и довольно редко в грамматике. Полемизируя с А. В. Исаченко, А. А. Реформатский определяет глагольно-междометные формы в целом так же, как и А. М. Пешковский, т. е. включает эти формы в глагольную лексему в качестве словоформ со значением «ультрамгновенного (или моментального) подвида совершенного вида» (Пешковский 1938: 200; Реформатский 1963), образующих «слабую позицию» по другим глагольным дифференциальным признакам; ср. нейтрализацию глагольных характеристик по категории лица в формах прошедшего времени, по категории рода в формах настоящего-будущего времени. Проф. А. В. Исаченко придерживался другой крайней точки зрения. Он

считал глагольно-междометные формы «не какими-то «особыми формами» прошедшего времени или «ультрагнновенного вида», а сказуемостными междометиями («звуковыми жестами»), не имеющими никаких специфически глагольных морфологических показателей»: «Сами по себе эти сказуемостные междометия абсолютно атемпоральны и лишены каких бы то ни было «видовых значений» (1960: 507).

В тексте глагольно-междометная форма, будучи глагольным центром высказывания, как бы «организует» аналитическое, внесловное, синтаксическое выражение ряда грамматических значений глагола, но является при этом, как было показано, не глагольной словоформой (что предполагала идея А. А. Реформатского), а отдельной неизменяемой глагольной лексемой. Поэтому едва ли стоит апеллировать к теории оппозиций и нейтрализаций в случае глагольно-междометных форм (лексем). В противном случае получается, что глагольно-междометная лексема отнюдь не лишена форм словоизменения, но они все в ней нейтрализованы. Тогда в языке просто не существует той сильной позиции, которая позволила бы различить эти формы.

Так, например, нельзя говорить о нейтрализации форм времени в рамках глагольно-междометной лексики, то есть о совпадении в ней словоформ настоящего, прошедшего и будущего времени. А иначе выходит, что глагольно-междометные формы изменяются по категории времени, имеют три соответствующие грамматические формы, которые всегда нейтрализованы. Вместе с тем, глагольно-междометные формы действительно могут обозначать действие, отнесенное к определенному временному плану — прошлого, настоящего или будущего, но словоформа при этом используется одна и та же. Временная семантика, которую мы ей приписываем, определяется контекстно. Вне контекста, «сама по себе», в изолированном виде, глагольно-междометная форма имеет «нелокализованную» временную семантику. Значение времени конкретизируется, например, в ряду однородных членов предложения (сказуемых) — финитных форм глагола с конкретным значением времени, либо лексическими средствами выражения темпоральных отношений (различными обстоятельственными словами). Чаще всего глагольно-междометные формы употребляются в значении прошедшего времени, но возможна семантика и настоящего, и даже (хотя и очень редко) будущего. Ср.:

прош. вр.: Петух слез; она (лиса) хватъ его и скушала («Лисичка-сестричка и волк» Библиотека русского фольклора 1989); Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнес к своему царю («Волшебное кольцо» Афанасьев 1957);

наст. вр.:

Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь — стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками («Иван Бывович») (Библиотека русского фольклора 1989);

буд. вр.:

Вообрази, потянутся к тебе приказчики старого закала... Кто бросится тебе руку целовать, кто бултых в ноги, крестить позовет (И. И. Лажечников).

Таким же образом обстоит дело и с категорией наклонения. Как правило, глагольно-междометным формам приписывается значение изъявительного наклонения и очень редко — повелительного и сослагательного. Указанные семантические характеристики зависят от общего объективно-модального плана высказывания (реальная — ирреальная модальность; конкретный вид ирреальности). Объективно-модальные значения, представленные в предложениях с глагольно-междометными формами, не отличаются большим разнообразием. Глагольно-междометные формы не употребляются в случае отрицания процессуального признака.

Вместе с тем, как указывает проф. Н. Ю. Шведова, глагольно-междометные формы могут выражать специфические субъективно-модальные смыслы. Среди междометных показателей субъективной модальности Н. Ю. Шведова выделяет «вносящие значения внезапности так называемые глагольные междометия *бац*, *хлоп*, *хвать*, *трах*, *глядь* и др. — в качестве элементов контекстуально обусловленных (обычно) и всегда находящихся в несвободной позиции: перед сказуемым или главным членом односоставного предложения, нераспространенным или распространенным: «Никто его не ждал, а он — хлоп — и явился! Сижу без денег, и вдруг — бац — перевод! Весной — хвать — присылают к нам ревизоров; Думал-думал, а потом — глядь! и придумал» (1970: 14). Однако едва ли в приведенных примерах представлены именно глагольно-междометные формы. На наш взгляд, это обычные междометия, «звуковые жесты» (по А. В. Исаченко), образные, экспрессивные единицы, находящиеся за пределами синтаксической структуры данных предложений, не характеризующиеся ни значением действия, ни функцией сказуемого.

Принципиально то же, что в рассмотренных случаях модальных и временных значений, можно сказать и о выражении глагольно-междометными формами категорий числа, лица и рода (согласовательных категорий). Средства и здесь аналитические, внесловные. Как и к морфологическому времени и наклонению, к морфологическим числу, лицу, роду рассматриваемые слова отношения не имеют. Указание на лицо выражается в предложениях с глагольно-

междометными формами только лексически, с помощью местоимений или существительных, называющих производителей действия. С категорией безличности глагольно-междометные формы не связаны вообще и в безличных конструкциях не употребляются.

Глагольно-междометные формы могут различаться номинативными элементами значения, связанными с категорией вида. Данные различия касаются соотносительных глагольно-междометных форм с одной и несколькими (двумя, тремя) тождественными основами, например, *хлоп и хлоп-хлоп*. Ср.: *И хлоп его тростью в триста пудов, убил наповал!* («Иван Зорькин»); *Журавль хлоп-хлоп носом, стучал, стучал, ничего не попадает!* («Лиса и журавль») (Библиотека русского фольклора 1989).

Дело осложняется тем, что одноосновные формы типа *хлоп* обозначают однократное действие, однако соответствующие сложные формы типа *хлоп-хлоп* обозначают не многоактный дискретный процесс, потенциально разложимый на однородные акты (ср. многоактные глаголы), а несколько реально отдельных повторяющихся действий («квантов»), расчлененную последовательность именно однократных действий. В первом случае действие представлено как «точечное», единичное; во втором — как ряд таких одинаковых «точек», но не «линия», хотя и, несомненно, более фоновое действие. Кроме того, как известно, многоактный способ глагольного действия не имеет внешнего, формального выражения, в то время как повторение однородных актов действия, обозначаемых глагольно-междометными формами, выражается удвоением (утроением) производящей основы. Поэтому едва ли возможно говорить о какой-либо взаимоднозначной корреляции обсуждаемых параллельных единиц по аспектуальным характеристикам и вообще об их противопоставлении по видовой принадлежности (совершенный вид — несовершенный вид). Данный феномен нельзя соотносить со стандартной имперфективацией глаголов. Ведь семантически *хлоп* относится к *хлоп-хлоп* несколько иначе, чем *хлопнуть* относится к *хлопать*; ср.:

хлоп — *хлоп-хлоп* = *хлопнуть* — хлопнуть
несколько
раз (хотя и не
обязательно
два раза),
но не *хлопать*

Хлоп-хлоп, таким образом, является обозначением множественности повторяемых однородных актов действия (больше одного). Говорить о каком-либо изоморфизме между семантическими отно-

шениями в парах *хлоп* — *хлоп-хлоп* и *хлопнуть* — *хлопать* не приходится еще и потому, что если *хлоп* мотивируется непосредственно глаголом *хлопнуть*, то *хлоп-хлоп* образуется именно от *хлоп*, а вовсе не от глагола *хлопать*. К тому же, многоактные глаголы типа *хлопать* являются отнюдь не продуктом имперфективации, а производящей базой в случае суффиксальной перфективации (*хлопать* → *хлопнуть*).

Словоформами одной лексемы *хлоп* и *хлоп-хлоп* нельзя признать по семантическому основанию, вне зависимости от понимания вида как категории морфологической, неморфологической или морфологической непоследовательно коррелятивной (то есть способной противопоставлять как словоформы одной лексемы, так и разные лексемы). Отношения в паре *хлоп* — *хлоп-хлоп* являются сугубо словообразовательными; речь в данном случае идет о словообразовательном акте внутри класса глагольно-междометных форм, или, шире, об акте внутривербального словообразования. Все глагольно-междометные формы являются глаголами совершенного вида.

В отношении категории залога вопрос о нейтрализации морфологических форм также не имеет смысла, поскольку глагольно-междометные формы употребляются только в активных конструкциях. Следовательно, по данному признаку для них в языке нет не только сильной позиции, способной различить залоговые формы, но и вообще какой-либо другой позиции. Что касается собственно субъектно-объектных отношений, то в их выражении в предложениях с глагольно-междометными формами и в предложениях с финитными формами глаголов есть черты сходства и черты различия. Это убедительно показал С. А. Григорьев (1952). Отличие связано с характером формального выражения отношения действия к его производителю, так как отсутствие форм словоизменения делает глагольно-междометную форму (сказуемое) не согласуемой с формой именительного падежа существительного (подлежащим), а *при-мы-ка-ю-щей* к ней. Этот факт отмечал еще А. М. Пешковский (1938: 199 — 200). Таким образом, сочетаемостные возможности рассматриваемых слов являются сугубо семантическими. Сходство проявляется в средствах выражения отношения действия, обозначаемого глагольно-междометной формой, к объекту. Здесь глагольно-междометные формы «ведут себя» так же, как соотносительные с ними однократные глаголы на *-нуть*; так же управляют падежами и, следовательно, подобно изменяемым глаголам, делятся на переходные и непереходные, обуславливающие и не обуславливающие предсказующую синтаксическую связь.

С точки зрения функционально-семантической, предполагающей рассмотрение функционирования явлений разных уровней языка в

пределах одного функционально-семантического поля, «грамматико-лексическое взаимодействие характеризуется явлением избыточности» (Бондарко 1976: 212). То есть, грамматические и лексические средства выражения тех или иных содержательных отношений дублируют друг друга, «не только дополняют друг друга, распределяя между собой семантическую нагрузку, но и выражают одно и то же...» (Бондарко 1976: 212). При употреблении глагольно-междометных форм подобного дублирования, семантической избыточности нет. То или иное значение приписывается им лишь в контексте и выражается аналитически. Поэтому глагольно-междометные формы группируются на абсолютной периферии функционально-семантических полей, в центре которых находятся специфически глагольные грамматические категории (поля модальности, темпоральности, аспектуальности и т. п.).

Так, глагольно-междометные формы весьма слабо концентрируют дифференциальные семантические признаки поля аспектуальности. В рассматриваемых лексемах выражены лишь отдельные аспектуальные функции, в частности, значение способа глагольного действия. Из главных, специфических признаков ядра поля аспектуальности номинативные характеристики глагольно-междометных форм связаны только с целостностью действия (указание на целостное или расчлененное действие) и его длительностью (указание на мгновенное действие). Так можно интерпретировать понятие “предела действия” применительно к обсуждаемым лексемам. Признак, связанный с представлением действия в его протекании, для семантики глагольно-междометных форм не характерен, а признак локализованности — нелокализованности во времени обусловлен контекстно.

Глагольно-междометные формы являются предикативными словами и формируют в основном те же (синтаксически, конструктивно) предложения, что и глагол в личной форме. Именно поэтому глагольно-междометная форма служит субститутом спрягаемой формы глагола (Vf) — показателя предикативности. Глагольно-междометная форма всегда замещает позицию Vf (предикативного центра) в структурных схемах простых двусоставных глагольных предложений, то есть, в терминах традиционного учения о членах предложения, выступает исключительно в функции простого глагольного сказуемого. В составе синтаксических дериватов предложений — регулярных реализаций структурных схем (фазовых, модальных и пр.) — глагольно-междометные формы не употребляются.

Глагольно-междометная форма, как и спрягаемый глагол, всегда лежит в основе языкового обозначения определенной ситуации вне-

языковой действительности, характеризует отношения объектов в рамках «некоторого положения дел»; выражает основную пропозицию. Как признаковое слово, глагольно-междометная форма выполняет номинативную функцию предикации — сообщает о свойстве (процессуальном признаке) субстанции. Если подобные характеристики отсутствуют, мы имеем дело не с глагольно-междометной формой, а со звукоподражательным междометием, которое вообще находится вне синтаксической структуры высказывания, не обозначает ситуацию и не способно формировать предикативную единицу. Таким образом, с точки зрения смысловой организации предложения, только наличие или отсутствие выражения пропозиции позволяет определить частеречную принадлежность рассматриваемых лексем. Вне связи с предикатной номинацией, с обозначением внешней ситуации глагольно-междометная форма принципиально не может быть использована (актуализована) в речевой деятельности и включена в текст.

Очевидно, что предикат, выраженный глагольно-междометной формой, называя отношение между партиципантами ситуации, не может существовать в предложении без актантного окружения. Характерной чертой всех признаковых слов «является наличие в их значении семантических валентностей, синтаксически заполняемых в речи именами носителей признака — субъекта, объекта, орудия и т. п...» (Телия 1990: 336). Предложение формируется глагольно-междометной формой на основе семантического согласования, в соответствии с ее семантическими валентностями (совпадающими с валентностями производящего глагола). В таком предложении обязательно представлено семантическое согласование между субъектом и предикатом (глагольно-междометной формой), а при обозначении объекта действия — и между предикатом и объектом. Вне этих семантико-синтаксических отношений глагольно-междометные формы не существуют.

Актант с субъектным значением является конститутивным членом предложения, наличие его строго обязательно, необходимо, вне зависимости от лексического значения глагольно-междометной формы (поскольку глагольно-междометные формы неизменяемы, указание на субъект действия — агенс — не может быть выражено в них внутрисловно, с помощью личного окончания; ср. односоставные личные предложения). Присловные распространители глагольно-междометной формы с объектным или атрибутивным (в широком смысле) значениями факультативны; их присутствие в высказывании обусловлено лексической семантикой формы; ср.: *Я хлоп его по плечу; Он хлоп дверью; Он хлоп из ружья; Он хлоп муху; Он хлоп сразу целый стакан; Он хлоп вниз* и т. п. Как правило,

глагольно-междометные формы характеризуются информативной (номинативной) недостаточностью, синсемантической, и являются источником обязательной синтаксической связи.

В высказывании, включающем глагольно-междометную форму, предметные имена выполняют особую семантическую функцию. Повидимому, глагольно-междометные формы всегда формируют только референтные высказывания, то есть такие, которые соотнесены с конкретной, строго определенной, единичной ситуацией, фактом. Это высказывания частного, конкретного характера, что находит отражение и в выборе лексических значений глаголов, мотивирующих глагольно-междометные формы (см. выше). Референтный характер этих высказываний обусловлен семантической локализацией сказуемого, конкретностью и определенностью его содержательных (лексических) характеристик. Очевидно, что референцию рассматриваемых высказываний выражают только актанты (подлежащее и дополнение).

Отсутствие семантических связей с актантами однозначно указывает на междометный статус рассматриваемой лексики. В противоположность глагольно-междометным формам, междометия представляют собой «разряд слов, не вступающих в синтаксические отношения с другими словами в речи» (Янко-Триницкая 1989: 164). Так, в предложениях «Вдруг я слышу: дверь хлоп!» и «Вдруг я слышу: хлоп!» в первом случае представлена глагольно-междометная форма, а во втором — уже звукоподражательное междометие. В первом предложении *хлоп* выполняет функцию предиката — характеризует определенную субстанцию («дверь»). Данная субстанция выступает здесь в качестве субъекта (производителя) соответствующего действия, носителя процессуального признака. Сказуемый характер формы *хлоп* определяется только наличием актанта. Во втором примере слово *хлоп* не имеет актантного окружения и не выполняет предикативной функции. Как звукоподражание, оно вообще «занимает в предложении позицию прямой речи» (Холодов 1982: 245).

Таким образом, глагольно-междометные формы, в противоположность междометиям, активно вовлечены во внутривопределенческие семантико-синтаксические отношения, находятся в центре этих отношений и выполняют основную синтаксическую роль изменяемого глагола — сказуемую. Они употребляются на месте спрягаемых форм глагола, реализуют ту же грамматическую семантику и, следовательно, всегда могут быть и заменены, в отличие от звукоподражаний. По словам В. В. Виноградова, глагольно-междометные формы «могут — при известных синтаксических условиях — синонимически замещать глагольные формы настояще-

го и будущего времени, так как они очень легко приспособляются к синтаксическому контексту» (1986: 453). Взаимозаменяемость в формальной и содержательной структуре высказывания глагольно-междометных форм и соотносительных с ними по смыслу финитных форм глагола — важный принцип, позволяющий четко и последовательно разводить случаи употребления омонимичных глагольно-междометных форм и звукоподражаний на практике (*Дверь хлоп = Дверь хлопнула, но Хлоп! — послышалось сверху* — глагольного коррелята нет).

Речь в данном случае идет прежде всего о тех глагольно-междометных формах, которые образованы от глаголов. К формам, не имеющим глагольных коррелятов, предлагаемый принцип тоже приложим, но с одним допущением. Поскольку лексическая семантика, выраженная, например, в форме *ам*, в спрягаемо-глагольном классе не представлена (глаголов **амать — амнуть* не существует), данную глагольно-междометную форму в предложении следует замещать синонимом — глаголом с эквивалентным (близким) значением: «... А лиса — ам его (Колобка)!» («Колобок») = «... А лиса съела (проглотила, слопала) его!».

Итак, в контексте глагольно-междометную форму практически всегда можно заменить глаголом, с которым она соотносится по значению. Этот факт имеет принципиальное значение, поскольку свидетельствует о том, что глагольно-междометные формы и соотносительные с ними глаголы, в первую очередь, однократные глаголы на *-нуть*, формируют высказывания одного типа.

Очевидно, что глагольно-междометные формы выражают модусность и вносят эту модусность в значение высказываний. Однако крайне бедные собственно модальные характеристики в семантике глагольно-междометной формы несопоставимы с их богатством и разнообразием в семантике спрягаемого глагола. Глагольно-междометные формы сообщают тексту не столько модальность, сколько э к с п р е с с и ю, особую динамичность. Экспрессия же «связана с областью чувств и воли» (Янко-Триницкая 1989: 161), тогда как модальность к чувствам прямого, непосредственного отношения не имеет. Однако, будучи показателями экспрессии, глагольно-междометные формы не выражают собственно эмоциональности: они экспрессивны, но не эмоциональны. Хотя они и связаны с «областью чувств и воли», но не отражают эмоций непосредственно и на этом основании должны быть отнесены к интеллектуальной стороне языка (по Шарлю Балли). Именно экспрессивная насыщенность делает глагольно-междометные формы и включающие их высказывания

стилистически маркированными, принадлежащими к бытовой, разговорной речи.

Глагольно-междометные формы используются прежде всего в повседневном, бытовом, неофициальном общении и «свойственны экспрессивной речи с яркой разговорной окраской» (В. В. Виноградов) (1986: 453). Они широко представлены в различных видах обиходно-разговорного койне, диалектах, городском просторечии, фольклоре, детской речи. Еще М. В. Ломоносов подчеркивал, что они составляют «особливое свойство простого Российского языка» (1898: 175). Попадая в литературный язык, они приносят с собой яркую выразительность и модусность, элемент «демократичности» стиля. Авторы художественных произведений и публицисты весьма нередко используют их как эффективный стилистический прием, направленный на достижение особой выразительности и образности текста, насыщение его экспрессивно-динамическими и оценочными элементами.

Без сомнения, глагольно-междометные формы входят в общий инвентарь лексических единиц современного русского литературного языка. В речи они могут использоваться достаточно активно, но не во всех речевых ситуациях, что обусловлено их стилистической маркированностью. При рассмотрении данного вопроса важно иметь в виду два таких взаимосвязанных аспекта, как «социальные отношения» (то есть отношения между участниками коммуникативного акта — адресантом и адресатом сообщения) и речевой этикет. Апеллятивные ситуации, где возможно использование глагольно-междометных форм, как правило, ограничены такими «социальными отношениями», при которых участники речевого акта сравнительно близки и равны. Среди функциональных стилей употребление глагольно-междометных форм допускают только художественный или — гораздо реже — публицистический. Научный и официально-деловой стили использование этих единиц полностью исключают. Ими также изобилуют произведения фольклора и детской литературы.

С точки зрения речевого этикета употребление глагольно-междометных форм является нормированным, хотя и не очень строго. Существует большое число ситуаций и литературных форм, запрещающих использование глагольно-междометных лексем, как этически неуместных, не соответствующих высокому содержанию коммуникативной деятельности или текста, в частности, научные дискуссии, всевозможные официальные заявления и речи, политические дебаты, проповеди и т. п. Активное использование глагольно-междометных форм в повседневной речевой деятельности представляет собой и интереснейший психо- и социолингвистический феномен. «... В русском языке, — писал по этому поводу акад.

В. М. Жирмунский, — такие формы являются единичными, тогда как в нивхском или нанайском они имеют массовый характер. Но это относится не к грамматическим особенностям этого разряда слов, а к их употреблению, к стилю речи, образной и экспрессивной, может быть — к особенностям психологии языка, отраженным в речи, отличающейся чертами подобной образности и экспрессивности на более ранних ступенях культурного развития» (1976: 68).

РАЗДЕЛ IV. ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ГЛАГОЛОВ В ТЕРМИНАЛОГИЯХ

ГЛАВА 1. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЛАГОЛОВ И ИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ ЗНАНИЯ

1. МЕСТО ГЛАГОЛОВ И ИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ ЗНАНИЯ

В наши дни сложилась парадоксальная ситуация: при изучении лексической семантики и системы словесных классов объектом усиленного исследовательского внимания стала лексика преимущественно «интересной» признаковой семантики, в первую очередь — глагольная. В научной литературе слова непризнаковой семантики нередко называются словами «неинтересной семантики». К их числу отнесены слова, «в значении которых преобладают не принадлежащие естественному языку семантические элементы различных терминологических систем и искусственных языков наук» (Апресян 1967: 52). Такое положение сохранилось до сих пор, о чем красноречиво говорит замечание В. П. Москвина в его последней работе, посвященной лексической и синтаксической семантике русского глагола: «Мы сознательно оставляем в стороне вопрос о подсистемах языков для специальных целей, для которых характерна *списочная семантика*» (выделено нами. — З. К.) (Москвин 1993: 5).

Таким образом, в силу разноположенности лингвистических и терминологических работ, результаты систематического изучения глагольных ЛСГ, начавшегося в русском языкознании еще в 60-е годы и решающего в наши дни проблему общей типологии ЛСГ, не переносятся на терминологию, которая и сейчас является «до некоторой степени запущенной областью лингвистики» (Суперанская, Подольская, Васильева 1989: 22).

Более того, многочисленные работы по системно-структурному устройству терминологии выполнены на материале именных слов-терминов. Таким образом, изучение лексико-семантического пространства русских глаголов в специальном, терминологическом значении еще практически и не начиналось. Этим обусловлено акцентированное внимание на принципах и методах такого описания в данном исследовании.

В чем причина такой ситуации? Есть ли предмет для изучения? Ведь почти все терминологические словари совсем не включают гла-

голы в свои словники либо включают единично: *таранить, рифить, базарить, реверсировать, килевать...* в «Морском словаре» (М., 1978); *администрировать, дезавуалировать, инкриминировать, резервировать, зондировать...* в «Кратком философском словаре» (М., 1973); *детонировать, сольфеджировать..* в «Кратком музыкальном словаре»; *черенковать, выколашивать, букетировать, этилировать, яровизировать..* в «Восьмиязычном сельскохозяйственном словаре» (М., 1970) и др.

Ответ на вопрос кроется в нерешенности проблемы частеречного состава терминологий. В монографическом исследовании русской терминологии В. П. Даниленко пишет: «какими частями речи может быть представлена терминология? Вопрос этот непростой и дискуссионный, однозначный ответ на него — сознательный уход от очевидных трудностей» (Даниленко 1977: 38).

Среди лингвистов не существует единого мнения по вопросу о возможности терминологизации глаголов. Одни из них категорически отказывают глаголу в способности функционировать в роли терминов. Другие, не отрицая, что основной языковой формой терминов являются имена существительные и словосочетания на их базе, допускают включение глаголов в терминологические системы.

Согласно наиболее распространенной точки зрения, все разновидности научно-технических понятий должны быть представлены именем существительным. Основным доводом в пользу этого является семантическая универсальность существительных. Этой точки зрения придерживается О. С. Ахманова, которая, не отрицая наличия терминов-глаголов в научных работах, считает их лишь «формами метаречи» (Ахманова 1966: 11–12). А. И. Моисеев считает их «речевыми субститутами терминов» (Моисеев 1970: 135). Несостоятельность глаголов в функции терминов некоторые исследователи видят еще в том, что «их трудно логически координировать по степени выражаемой ими абстракции» (Бурдин 1961: 107). Наконец, что усиленно подчеркивается и языковедами, и терминологами, имена существительные, выражая основные понятия данной области знания, наиболее отчетливо передают родо-видовые отношения как отношения системы понятий, чего лишены глаголы.

Другой точки зрения придерживается В. П. Даниленко, считающая, что «набор терминируемых понятий шире, чем семантические возможности имени существительного как средства выражения этих понятий» (Даниленко 1977: 47). Следовательно, необходимо найти определенные классификационные критерии для терминов-глаголов и указать отношения, которые детерминируют глагол в терминологической системе. Принципиально важным является положение, выдвинутое чешским лингвистом О. Маном: «необходимо рас-

смагивать термин-глагол не сам по себе, а на фоне системы терминов как микросистемы языка» (цит. по Даниленко 1977: 41). Положение справедливое, но настолько общее, что не может быть руководством при конкретных решениях. Но на его основе выработано несколько частных положений, которыми можно руководствоваться при включении глаголов в терминосистемы:

1) глаголы однозначно именуют понятия данной науки, не вызывая ассоциаций с другими слоями словарного состава языка, например: *электризовать* (физика); *склонять, спрягать* (лингвистика); *дрейфовать, реверсировать* (морские); *скарифицировать, шлейфовать* (агронимия); *зябрить, жабрить* (рыбообрабатывающая промышленность); *инфицировать* (медицина) и т. п.;

2) глаголы имеют семантические параллели в обиходном словарном составе, но именуют основные процессы в какой-либо научной области: в ботанике, биологии — *расти*, в медицине — *болеть*;

3) глаголы, деривационно связанные с именем-термином: *анализ* (общенаучный термин) → *анализировать*; *шлейф* (агронимический термин) → *шлейфовать*; *зараза* (медицинский термин) → *заразить*;

4) глагол системно связан с другим глаголом, например, синонимическими отношениями: *инфицировать* (заимствованный термин) — *заразить* (отечественный); *ассимилировать(ся)* — *уподоблять(ся)*; антонимическими отношениями: *смягчаться* (*палатализоваться*) — *отвердевать*.

Но это лишь частные решения, которые обладают малой диагностической силой в отношении глаголов, имеющих семантические параллели в общенародном языке, от которых путем метафоризации и возникли глаголы в специальном значении: *течь, проводить* (ток, тепло); *канал* (в информатике); *палец, кулак* (в технике) и т. п.

Особенно сложно решается вопрос о включении в терминосистемы глаголов, имеющих семантические параллели в общенародном языке и употребляющихся в каких-либо научных областях в том же основном значении: *пахать, сеять, молотить* (в агронимии).

Как видим, необходимо кардинальное решение, поиски которого интенсивно пошли с конца 70-х — середины 80-х годов, когда произошло становление антропологической лингвистики, терминоведения как науки и в целом — поворот к антропологической научной парадигме.

Решение о частеречном составе терминологии и, в частности, о возможности терминологизации глагола в наши дни осуществляется в рамках более крупной проблемы — языкового субстрата какой-либо терминологии (Комарова 1991а: 7–12). Сам феномен — языковой субстрат — проявляется многоаспектно: в формальной

структуре термина (звукографической, морфемной, частеречной), в мотивированности/немотивированности термина, в «давлении» языковой системности (термин Ж. П. Соколовской), в стилистическом «давлении» языковой системы и т. д. (Комарова 1991б: 4–34).

При этом исходными положениями являются:

– естественный язык (в нашем случае – современный русский язык), функционирующий в естественной коммуникации;

– подъязык (Н. П. Андреев, И. Н. Волкова, Б. Ю. Городецкий, Н. П. Денисов, В. Н. Шевчук), или язык для специальных целей (В. В. Акуленко, С. Е. Никитина, А. В. Супранская, Э. Вюстер, Л. Дрозд, В. Зайбике, Г. Рондо, Дж. Сейгер), обслуживающий специальные коммуникации;

– широко разветвленная система языков для специальных целей (ЯСЦ), в которой центральное место занимает специальная, или терминологическая лексика как совокупность лексических средств, кроме общенаучных и общенародных, употребляемых в специальных областях знания и человеческой деятельности: науке, технике, сельском хозяйстве, промышленности, искусстве, культуре, спорте и т. п.;

– термин – лексическая единица определенного ЯСЦ, обозначающая общее (конкретное или абстрактное) понятие теории определенной специальной области знания или деятельности (Лейчик 1994: 150).

Таким образом, функциональный подход к термину позволил в наши дни осознать и сформулировать основной закон бытования терминов: первичность сферы функционирования и вторичность сферы фиксации. Отсюда исходным принципом при анализе частеречного состава терминологии является сопоставительное изучение обеих сфер бытования термина при преимущественном внимании к сфере функционирования. Методологической основой является общенаучный структурно-системный подход: выясняется использование грамматических классов слов не ко всей терминологии «суммарно», а по отношению к категориально-понятийным группам терминов, принадлежащих к разным подсистемам. Такой подход делает результаты лексико-грамматического анализа «совместимыми» с результатами понятийно-тематической классификации.

Таким образом, главная причина, вследствие которой глаголы «выпали» из сферы внимания терминологических исследований – это не изжитая еще ориентация на сферу фиксации термина: словарно-справочную литературу какой-либо отрасли знания.

Реальное положение глаголов в сфере терминологической лексики можно выявить, проанализировав взаимодействие глаголов с их синтаксическими дериватами на основе указанных выше принципов.

2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛАГОЛОВ И ИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ ПРОЦЕССОВ

Общеизвестно, что внутри любой терминосистемы существуют два противоположных элемента, которые взаимно исключают и одновременно дополняют друг друга: элемент статический — именная и элемент динамический — глаголы. Взаимопроникновение этих элементов реализуется в отглагольных существительных, имеющих признаки обоих элементов. В свое время Г. О. Винокур, проанализировав ряд терминов, обозначающих технологические процессы, пришел к выводу: «грамматическая категория действия в технической терминологии выступает не в форме самих глаголов, а в форме отвлеченных существительных, сохраняющих значение действия, но сочетающих его со значением абстрактной предметности» (Винокур 1939: 13).

К такому заключению Г. О. Винокур пришел на основе анализа сферы фиксации термина, где регулярно термин-глагол заменяется его дериватом. В сфере функционирования специалисты, как правило, предпочитают использовать термины-глаголы. Такое разграничение по сферам понятно, так как они выполняют разные функции: в специальном словаре необходимо дать специализированное имя описываемому процессу, для чего больше всего подходит имя существительное с его отмеченными характеристиками. В сфере функционирования необходимо максимально «раскрыть» сам процесс, а термин-глагол всегда однозначно выражает терминируемое понятие процесса, полно проявляя свою «глагольность» со всем набором необходимых сем «глагольности»: субъектных, объектных, целевых, инструментальных, локативных, темпоральных, каузации и др. Таким путем термин-глагол имеет возможность представить специальное действие, процесс не только в динамике, но и максимально конкретизированно, «материально-чувственно».

Иногда в обеих сферах термин-глагол и его дериват используются параллельно. Так, в «Морском словаре» (М., 1978) даются все возможные языковые формы номинации какого-либо процесса: *буксироваться — буксирование — буксировка; тировать — тирование — тировка; бункероваться — бункеровка; бомбардировать — бомбардирование — бомбардировка*. С другой стороны, в ряде текстов наблюдается параллельное использование обеих форм: «Пойменные луга после паводка *пашут* плугами с подплужниками, *боронуют* зубowymi боронами, если дернина плотная, перед боронованием проводят *дискование* дисковой бороной... Кислые почвы, кроме того, *известкуют*... На оподзоленных почвах проводят *известкование*... Участки весной *пашут* поперек склона, а затем *дискуют* и *боронуют*» (Андреев 1975: 204—217).

Приведенные факты взаимной субституции свидетельствуют о достаточно высокой способности деривата «войти в глагольную лексему». Эта мысль была высказана в отношении общеязыковых глаголов и их дериватов (Русский язык и советское общество 1962: 33), но она справедлива и в отношении специальных. Однако там же указывается, что тождеству глаголов и их дериватов на -НИЈ(е) и -К(а) препятствует «статический порог» и возникновение у дериватов «нестандартных», предметных значений: результата процесса (*мутация, опознание, оснастка*), количественного результата (*навар, уварка, нагул, запашка*), времени действия (*жатва, сенокос, ройба, молотьба*) и др. Но эти нестандартные значения лишь следствие собственно деривационных явлений, регулируемых общими языковыми отношениями, в результате которых возникает совмещение и сложное взаимодействие процессуальных и непроцессуальных значений (Хохлачева 1969: 85).

Необходимо отметить большую специализацию словообразовательных средств для образования дериватов в научно-технической терминологии. Так, для номинации сельскохозяйственных (далее — с/х) процессов посредством глагольных дериватов используются суффиксы: -НИЈ(е) для 50% всех дериватов, -К(а) — для 26%. с нулевым суффиксом — 10%, -(ИЗ) АЦИЈ(я) и -ФИКАЦИЈ(я) — 6%, -ОВК(а) — 5%, остальные: -ТИЈ(е), -Б(а) — 3% (непродуктивны). Благодаря этому первые два, иногда три типа образуют своеобразные деривационные парадигмы, в которых отношения между дериватами различны. Чаще всего отношения между дериватами внутри парадигмы тождественны: *букетирование свеклы — букетировка свеклы* («нарезка букетов свеклы в сплошном посеве»); *регулирование — регулировка высевающего аппарата; шарование — шаровка; обмолачивание — обмолот*. Иногда конкуренция форм на -НИЈ(е) и на -К(а), реже с нулем суффикса разрешается в пользу какого-либо деривата: *сортировка семян* («процесс разделения семенного материала на фракции с целью выделения полноценной части семян») — *сортировка* («машина для сортирования семян») путем дифференциации значения, как в приведенном примере, либо путем установления узуса употребления в ЯСЦ, например: *убирание режущей части аппарата, но уборка урожая, сена*.

Те факты, когда за отдельным дериватом дефиниционно закрепляется одно из значений: процессуальное или предметное — несколько не противоречит общему положению единства процессуальности/непроцессуальности деривата, но целиком из него вытекает и является основной причиной широкой терминологизации описываемых дериватов. Более того, дифференциация дериватов в

приведенных примерах соответствует общеязыковой тенденции снижения, «затухания» глагольности в дериватах на -К(а) по сравнению с формами на -НИИ(е), с одной стороны, но нарушает другую общеязыковую тенденцию, с другой. Так, реальное функционирование этих дериватов в современном русском языке можно назвать равновесием, так как «позиция различения» вряд ли определима: можно привести лишь единичные примеры дифференциации значений дериватов от основ одного глагола типа *гонка* и *гонение* (Хохлачева 1969: 97). В терминологиях «позиция различения» намного сильнее.

Крайним случаем «позиции различения» является омонимия производящего глагола и его синтаксического деривата в пределах одной терминосистемы, например: *выхаживать* — «выбирать якорную цепь» и *выхаживание* — «тщательный осмотр подводных деревянных частей судна» (морск.).

все сказанное свидетельствует о сложных, перекрещивающихся отношениях в деривационной парадигме.

Вопрос о направлении мотивации в исследуемых деривационных парадигмах решается по-разному. Наиболее распространенным является подход, при котором имена действия рассматриваются как отглагольные дериваты (А. А. Реформатский, А. Н. Тихонов, В. В. Лопатин), то есть «глагольные термины предшествуют существительным-эквивалентам» (Реформатский 1986: 168). Другие авторы решают этот вопрос дифференцированно, постулируя в одних случаях отношения «глагол → имя», а в других — «имя → глагол» (И. С. Улуханов). Однако четких критериев, позволяющих определить направление мотивации, нет.

В нашем материале основную, **первую группу имен действия** составляют синтаксические дериваты, то есть дериваты с транспозиционным значением «действие по глаголу» типа *отбирать растения* → *отбор селекционный*. При этом дериваты сохраняют направленность действия на объект, сочетаются с фазовыми глаголами, могут входить в составное сказуемое и имеют чисто грамматическое толкование. Однако транспозиция часто осложняется семантическими сдвигами. В зависимости от того, в какую сторону он направлен, и следует решать вопрос о характере производящего в парах «глагол — имя действия».

Вторую группу составляют пары с семантическим сдвигом в сторону существительного, которое приобретает разные мутационные значения.

Третью группу составляют имена действия, мотивирующие соотносительные глаголы со значением вторичного действия: *интонация* → *интонировать* («произносить с какой-либо интонацией»).

рассматриваемые отсубстантивные глаголы образуют дериваты с транспозиционным значением: *интонация* → *интонировать*; *борона* → *боронить* → *боронование*.

Четвертую группу образуют существительные на -ЦИ(Я), мотивированные именами: *ваучер* → *ваучеризация*, которые являются образованиями по аналогии и имеют высокую продуктивность.

Пятую группу составляют имена действия, являющиеся синхронно непроизводными: *ирригация*, *дефиниция*, *инфляция*.

Таким образом, рассматривать все имена действия как отглагольные дериваты, как показал анализ, неправомерно, что и будет учтено при отборе материала для анализа.

С этих позиций рассмотрим основной вопрос: выясним, какую роль играют термины-глаголы в отраслевой (сельскохозяйственной) терминологии. По данным дву- и многоязычных сельскохозяйственных словарей, а также некоторых ГОСТов на с/х терминологию, термины-глаголы составляют всего около 3% всех терминов. В сфере функционирования терминов-глаголов, по предварительным данным, оказалось в письменной речи в 3, 5 раза, а в устной — в 9 раз больше, чем в сфере фиксации. Они служат для выражения категории процессов (действий, состояний, отношений) в отраслевой терминологии и отличаются большим тематическим многообразием.

С точки зрения степени терминологизации глаголы обеих сфер бытования неодинаковы. Необходимость терминологизации глагольных единиц и включения их в терминологическую матрицу с определенным специализированным содержанием вызывается причинами, лежащими за пределами языковой системы. В целом терминологизация обусловлена терминологической ситуацией, которую можно расценивать как внешнее, поверхностное отражение парадигмы науки. Однако, будучи своеобразным коррелятом научной парадигмы, терминологическая ситуация не является ее компонентом, поскольку одной научной парадигме могут соответствовать различные ситуации, например, ориентированные на различные языковые элементы: национальные или интернациональные (Суперанская и др. 1989: 224).

Терминологическая ситуация — понятие очень широкое, включающее в себя:

- 1) состояние данной терминологии (историю формирования, особенности развития);
- 2) степень разработанности, структурированности в данный момент;
- 3) тип современной научной парадигмы;
- 4) принципы терминотворчества и терминологической номинации в данном языке и других языках;

5) основные тенденции развития и др.

Конспективно наметим основные слагаемые терминологической ситуации применительно к избранной области знания и деятельности.

1. Общеизвестно, что сельскохозяйственная наука и практика — древнейшая сфера деятельности человека и она прошла длительный путь развития. Потому в ней живы идеи народной агрокультуры как прототеории, черты различных девиантных и альтернативных идей. Этим объясняется слабая отграниченность сельскохозяйственной терминологии от общенародного языка и большое число в ней прототерминов.

Современная сельскохозяйственная наука, являясь прикладной, имеет широкую концептуальную базу как фундаментальных, так и прикладных наук. Следствием этого является большое число терминов, привлеченных из смежных наук: естественных, биологических, технических. Современная сельскохозяйственная наука и сельскохозяйственное производство являются по сути своей комплексом наук, а потому ее терминология необычайно гибридна, гетерогенна.

2. Длительный и сложный путь формирования обусловил наличие в сельскохозяйственном ЯСЦ двух различных совокупностей сельскохозяйственных терминов: терминологии стихийно возникшей совокупности терминов и терминосистемы — структурированной терминологии, которая является результатом процесса сознательного регулирования через отечественную и международную унификацию, нормализацию и стандартизацию.

3. Современную научную парадигму, сформировавшуюся благодаря взаимодействию принципов интеграции и дифференциации наук, можно охарактеризовать как функционально-системную. В ней все большее признание получает понимание адаптивности как самоорганизации систем, в том числе и языковых, и терминологических. Результатом адаптивного развития языка стала полевая структура всех принятых в языкознании группировок языковых единиц и возведение поля в метод, обогащенный идеями антропологии и интегративности.

4. «Термины, — писал Г. О. Винокур, — не появляются, а придумываются, творятся по мере осознания их необходимости» (Винокур 1939: 24), подчеркивая этим не стихийный, а сознательный, то есть контролируемый и регулируемый характер терминообразования в наше время. Все множество приемов терминотворчества можно свести к четырем основным:

— терминологизация — использование для обозначения научных понятий готового «чужого» слова: из общенародного языка, из диалектов, профессионального просторечия, из других областей знания путем семантической «конверсии», переосмысления, вслед-

ствие чего возникает пласт полифункциональных слов;

- терминообразование на базе родного языка при помощи специализации словообразовательных ресурсов данного языка;
- терминозаимствование из других языков;
- терминообразование на базе интернациональных терминологических элементов.

При этом каждая наука, создавая свой «терминологический материал», в силу ее онтологических и концептуальных установок предпочитает какой-либо из этих четырех приемов терминоворочества. Но сопоставление терминологий новых областей знания с такими традиционными, как сельскохозяйственная, показывает, что, несмотря на возродившуюся в некоторых направлениях тенденцию терминоворочения понятий общеупотребительными словами, доминирует в наше время второй терминовороческий прием.

5. Основные тенденции развития сельскохозяйственного ЯСЦ обусловлены взаимодействием общих языковых антиномий с функционированием самой терминосистемы, требующим перестройки отдельных ее участков, доукомплектовывания (к примеру, нового участка — фитоценологии) и выравнивания системы терминов в связи с развитием системы понятий.

Таким образом, терминологическая ситуация — понятие многомерное и далеко не исчерпывается пятью названными слагаемыми, хотя и они уже достаточно хорошо свидетельствуют о множестве факторов, влияющих на процесс терминологизации.

С позиций терминологичности во всем поле глаголов и их синтаксических дериватов, которые функционируют в ЯСЦ, обслуживающем науку и практику сельского хозяйства, выделяется большая группа глаголов с нулевой степенью терминологизации. Это обычные общеупотребительные глаголы со значением трудовой деятельности, которые активно используются прежде всего в устной речи работников сельского хозяйства, которым в практической деятельности необходимо обозначить большое число неспециализированных процессов, относящихся ко всем полям (действия, отношения, состояния), например: *работать, заниматься, браться, вести, лечить и кормить* (сельскохозяйственных животных), *запрячь, покрасить, выкопать, вырубить, ловить, сколотить, точить, катить, обучать, стричь, произвести, заведовать* (фермой), *руководить, написать* (отчет о работе). Как видим, в этой группе много глаголов обобщенной трудовой деятельности, а также конкретных.

Вторая группа состоит из глаголов первой степени терминологизации, которые используются как средство специального обозначения и функционируют в системе профессиональ-

ной речи как «обиходные» термины, варианты нормативным, но не имеющие строго закрепленного терминологического значения. Это ненормативная терминология, включающая профессионализмы, терминоиды (не установившиеся еще новые термины), прототермины (народная терминология), идиолектные и метадиалектные термины, а также индивидуально-образные выражения, то есть своеобразная терминологическая фразеология. Такую лексику очень низкой степени терминологизации некоторые исследователи называют околотерминологической (В. П. Даниленко, Л. А. Шкатова). Так, от терминов-названий профессий в непринужденной разговорной речи образуются глаголы по типу «плотничать — работать плотником»: малярить, слесарить, шоферить, столярничать, скорняжничать, сапожничать, а также полевать («работать в поле»), огородничать, садовничать. Эти глаголы даются в словаре «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Свердловск, 1988) с пометой «разг.» (разговорное), что свидетельствует об их употребительности, то есть полифункциональности. На этом основании Л. А. Шкатова выводит их за пределы «терминологической матрицы» (Шкатова 1989: 43). Такую позицию принять вряд ли можно, потому что в хорошо терминологически развитых системах языка, помимо упорядоченных терминологий, существует еще профессиональное просторечие. В языках слабо терминологически развитых оно также существует, но, в отличие от первой группы языков, занимает доминирующее положение в специальной коммуникации. Профессиональное просторечие есть ненормированная форма существования специальных языковых средств.

Профессиональное просторечие входит в ЯСЦ как неперемный его элемент, не подлежащий нормированию, однако имеющий свои неписанные традиции (Суперанская и др. 1989: 72).

Третья группа включает термины-глаголы второй степени терминологизации. Это уже узуальные термины, которые являются основными номинациями в какой-либо специальной области и которые являются семантическими дериватами общеязыковых глаголов. Эти глаголы обычно даются в общеязыковых словарях без каких-либо ограничительных помет, что свидетельствует, как уже указывалось, о их полифункциональности. При этом степень их семантического расхождения с общенародным глаголом различна, от почти тождества (*выводить новые сорта, ломать посея, вышелушить семена, завянуть* /о сельскохозяйственных растениях), *закольцевать птиц, осушать земли, отбеливать и отмачивать лен, протравить семена, обрачивать пласт, колоситься, боронить, ягниться*) до заметных семантических сдвигов: *боронить* — «разрыхлять, обрабатывать бороной вспаханную землю» (МАС,

т. 1: 129), а сельскохозяйственный дериват: *боронить* — «обрабатывать почву зубовой или игольчатой бороной, чтобы обеспечить крошение, рыхление и выравнивание поверхности почвы, а также частичное уничтожение проростков и всходов сорняков» (ГОСТ 16265. Земледелие).

Дефиниционный анализ показывает, что терминологизацию обеспечивает: 1) использование не родового термина *борона*, а видовых (*дисковая* и *зубовая*); 2) исчисление всех целей этой обработки почвы; 3) указание фазы, в которой находятся уничтожаемые сорняки. А «семантическое расстояние» между двумя семантическими дериватами обуславливается объемом информации и типом значения (ближайшего и дальнейшего, по А. А. Потебне). Это расстояние может увеличиваться в том случае, если при терминологизации разрываются привычные узувальные словесные связи, например: общезыковые словари квалифицируют слово *выгонка* как «действие по глаголу *выгнать/выгонять*» (МАС, т. 1: 326), а *выгонять/выгнать* — «гоня, удалить, заставить уйти куда-н.; прогнать, изгнать» (МАС, т. 1: 325). Это слово для неспециалиста имеет привычные ассоциации с *выгоном* — «пастбищем для скота» и *выгоном* — «перегонкой смолы, дегтя, спирта, самогона и пр.». Термин *выгонка* функционирует в сельскохозяйственной терминологии со значением «агротехнические приемы, служащие для получения овощей (зелени петрушки, сельдерея, зеленого лука), цветов (розы, сирени, гвоздики, тюльпана), ягод (земляники, винограда) в несезонное для них время в теплицах, оранжереях, парниках, подвалах» (СХЭ, т. 1: 431). Как видим, термины *выгонка* и *выгонять (растения)* ассоциативных связей с общенародными «собратьями» не имеют, что подтверждается экспериментом-опросом неспециалистов сельского хозяйства (Коготкова 1981: 69).

Семантическое расхождение «своеязычных» (Т. С. Коготкова) терминов с их общезыковыми «собратьями» продолжает увеличиваться по мере ограничения сферы употребления термина и в целом обусловлено языковой и терминологической ситуацией. Так, в эпоху НТР, когда большинство людей имеет общее среднее образование, когда идет широкое обсуждение в средствах массовой информации научно-технических вопросов, а в последние годы выдвигаются на первый план задачи охраны природы и окружающей среды, открывается выход в широкое употребление терминологии природоведения, лесоводства, ботаники, зоологии, агрономии и зоотехники. В связи с этим некоторые, даже узко специальные, термины стали известны неспециалистам. Тем самым границы «общеупотребительности» размываются, а зона полифункциональных терминов значительно расширяется, увеличивая данную группу.

Четвертая группа включает термины-глаголы третьей степени терминологизации. Это нормативные термины, обычно заимствованные, интернациональные, а также созданные в русском языке с использованием интернациональных терминоэлементов: *букетировать, копулировать, пикировать, чеканить, шастать, этилировать, яровизировать*. Как правило, это термины со строгой дефинитивностью, прошедшие стадию нормализации.

Л. А. Шкатова считает, что третья степень терминологизации является высшей и последней. С нашей точки зрения, количество степеней терминологизации обусловлено степенью «научности» данной области знания, ее концептуальностью. Думаю, что не вызывает сомнения тот факт, что «узкоспециальность» термина градуируется «глубиной» понятийно-иерархической организации терминосистемы. Отсюда следует, что в сельскохозяйственной терминосистеме возможны девять степеней терминологизации. Правда, на них господствуют уже составные, многословные термины, но их семантическое ядро (Русова 1985) может быть выражено глаголом или его синтаксическим дериватом, например: *скарификация семян, восстановление фертильности гибридов, отвал культурной формы, локализация очага карантинного объекта, семейно-клоновый непрерывный отбор растений*.

Необходимо отметить: чем выше степень терминологизации, тем больше условность, искусственность терминологических единиц, тем сильнее обособленность их от общенародного языка.

Следовательно, с позиции степени терминологизации все термины-глаголы описанных групп образуют своеобразную парадигму, в первых звеньях которой, как мы убедились, господствует лексисный фактор, затем идет постепенное нарастание логосного фактора, который господствует в группах высокой степени терминологизации.

3. ПРИНЦИПЫ ПОНЯТИЙНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПРОЦЕССОВ

Из сущностной характеристики терминов как индикаторов понятий неизбежно следует их понятийная соотнесенность и принципиальная возможность категориально-понятийной классификации любой отраслевой терминологии. Но при классификации и соответствующем анализе терминологической лексики в основу могут быть положены различные принципы.

Понятийная (чисто логическая) классификация опирается на научное знание, которое по своей природе системно, что находит отражение в системе понятий. Методологической основой является структурно-системный анализ, применение которого к изучению

терминологии обосновано теоретическими изысканиями Д. С. Лотте (1968: 10).

Систематизация сельскохозяйственной терминологии, проведенная по методике Д. С. Лотте, позволила выделить четыре крупные универсальные категории. Рассмотрим их на примере пяти самых крупных подсистем этой терминологии (см. табл. 1).

Таблица 1

Система категориальных терминов отраслей сельского хозяйства

N	Ê à ò á ä î ð è ÿ				
	i iîiãñëñðàíû	îóääîäòû	îðîðáññû	Ñáíéñòää Áäèè+èíû	
1	îî+áíáääáíèää	69.2	20.5	9.5	7.1
2	Ñáíáííáíñðáí	48.1	32.7	14.1	5.1
3	çäùèòà ðáñðáíèéé	69.3	7.8	13.3	9.6
4	òáíáðáíèÿ	70.7	10.2	14.3	4.8
5	çáíèääáèèèä	40.2	52.0	1.1	6.7

Анализ показывает, что категориально-понятийный состав сельскохозяйственной лексики имеет общие закономерности, хотя и неодинаков в разных подсистемах.

Общим является то, что самой «полнокровной» понятийной категорией является во всех подсистемах категория предметов (от 40, 2% до 70, 7%). Последнее место во всех подсистемах сельскохозяйственной терминологии занимают термины категории величин (от 4, 8% до 9, 6%). Второе и третье место в понятийной системе занято терминами категории процессов и категории свойств, причем количественные характеристики в них очень различаются по подсистемам (см. табл. 1).

Таким образом, анализ состава универсальных понятийных категорий разных подсистем отраслевой терминологии позволяет говорить о ярко выраженной обусловленности количественного состава единиц соответствующих категорий спецификой самой подсистемы.

Кроме того, логико-понятийный анализ данной и других терминосистем свидетельствует о том, что, помимо универсальных категорий, каждая наука имеет систему своих специфических категорий. Они вытекают из логических отношений между понятиями (и терминами) как особой разновидности терминологической парадигматики.

Терминологи, начиная с Д. С. Лотте, на материале единиц разных отраслей знания и деятельности выявили не менее десятка различных отношений между понятиями и терминами. Среди них глав-

ными, цементирующими всю отраслевую систему, являются родовидовые. Следовательно, для ответа на вопрос о специфике как терминосистемы в целом, так и ее отдельных подсистем, после систематизации необходим второй этап анализа — классификация понятий и терминов.

Родо-видовая классификация сельскохозяйственной терминологии нашла свое выражение в первой, самой общей классификационной схеме понятия 'сельскохозяйственная наука' (см. табл. 2). По содержанию понятие 'сельскохозяйственная наука' и соответствующий термин — самое общее, имеющее нулевой уровень иерархии. Дефиниционный анализ свидетельствует, что все понятия (термины), раскрывающие содержание данного, являются «смежными» для сельскохозяйственной терминосистемы, выходящими за ее пределы, например: *земля, землевладение, землепользование* и др. — входят не только в сельскохозяйственную терминосистему, но и в экономическую, юридическую и т. д. Иначе говоря, это понятие не определяется через понятия данной теории, а потому и имеет нулевой уровень иерархии.

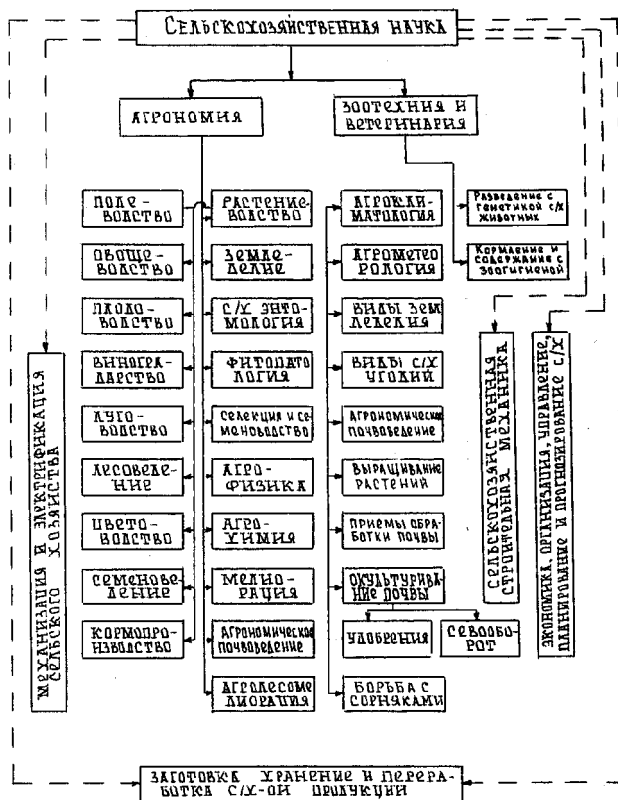
Данное иерархическое «дерево» содержит понятия (термины) трех уровней иерархии (см. табл. 2). Первый уровень иерархии включает понятия (термины) категории наук в соответствии с отраслями сельского хозяйства и состоит из трех соподчиненных терминов-понятий: **агрономии** (научной основы растениеводства как отрасли), **зоотехнии** и **ветеринарии** (научной основы животноводства). Второй уровень иерархии включает понятия-термины к понятиям первого уровня иерархии: к агрономии относятся девять соподчиненных понятий, а к зоотехнии — два.

Третий уровень иерархии показан на таблице только для двух наук второго уровня иерархии: **растениеводства**, включающего восемь соподчиненных понятий, и для **земледелия**, включающего десять соподчиненных понятий. Четвертый уровень показан в таблице лишь для понятия **окультуривание почвы**, включающего два соподчиненных понятия. Как видим, иерархическое «дерево» с суперординатой (термин Ю. Н. Караулова) '**сельскохозяйственная наука**' из-за чисто технических сложностей дан не полностью ни по вертикали: всего выявлено девять уровней иерархии, ни по горизонтали: дерево отличается очень большой разветвленностью, многие ветви его отсечены, так как в полном объеме это широкое понятие включает около 600 членов-понятий. Но структурный состав этого понятийного фрагмента обогащен введением ближайших понятий, связанных не родо-видовыми связями, а целевыми, объектными (см. понятия *механизация и электрификация сельского хозяйства; заготовка, хранение и переработка сельскохозяйствен-*

ной продукции; экономика, организация, управление и прогнозирование сельского хозяйства).

Таблица 2

Фрагмент логико-понятийной схемы с суперординатой сельскохозяйственная наука

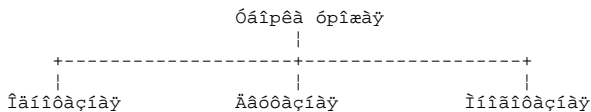

Понятийная классификация осложняется еще тем, что может осуществляться на основе не одного классификационного признака, а нескольких оснований деления объема понятия. Приведем хотя бы один пример (схема 1).

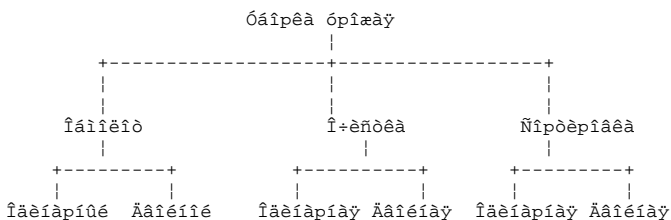
Как видим, понятие 'уборка урожая' имеет два классификационных признака. При этом в схеме 2 на третьем уровне иерархии классификационный признак является сложным, совмещающим оба

основания классификации, что проявляется в научно-технической терминологии довольно часто (Краткое... 1979: 24).

Νόαλα 1. Ίνίλααίεα άάεάίεγ: γδαίü áüάάεάίεγ ίνίλαίίε ίπιάóεóεε

Νόαλα 2. Ίνίλααίεγ άάεάίεγ: óáóίíεíáε+áñεéé ίóíóáññ ίóááεάίεγ ίνίλαίίίε ίóíáóεóεε

Некоторые классифицируемые понятия настолько сложны и многогранны, что классифицируются по многим основаниям, образуя ряды параллельных классификаций. Так, классификация понятия 'посев' проводится по шести классификационным признакам, а потому состоит из шести параллельных классификационных рядов:

- 1) по срокам посева;
- 2) по способу размещения семян по площади пашни;
- 3) по глубине заделки семян в почву;
- 4) по характеру заделки семян;
- 5) по высеваемой сельскохозяйственной культуре;
- 6) по наличию / отсутствию подпокровной культуры.

В целом же можно отметить, что в проанализированном материале обнаружено 203 понятия-термина, которые выступают в качестве суперординат иерархических «деревьев» и которые имеют нулевой или первый уровень иерархии. Наибольшую глубину иерархии составляют девятиуровневые понятийные фрагменты, однако преобладают фрагменты с 2—4 уровнями иерархии. Понятия — термины нулевого и первого уровня иерархии являются базовыми (Кузмичева 1985: 68) для сельскохозяйственной терминосистемы. И наконец, во многих системно-структурных фрагментах есть понятия-термины без родо-видовых связей, образующие «асистемные остатки». Полная картина организации сельскохозяйственной терминосистемы может быть получена лишь после проведения тематической классификации.

4. ПРИНЦИПЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПРОЦЕССОВ

Бинарная природа термина (понятийно-денотативная) обусловила возможность классификации сельскохозяйственной отраслевой терминологии по второму основанию — денотативному, которая реализуется в тематических группировках. Принципы описания языков мира (Принципы... 1976) постулируют: для областей интеллекта, терминологической лексики наиболее благодатен классический полевой метод (С. Ульман, Б. Потье, Ж. Дюбуа, Л. Вайсгербер, Ж. Моторе, М. М. Покровский), хотя сам по себе метод поля вовсе не подразумевает единой и единственной методики.

Поиск методики анализа потребовал их оценки. Чисто языковые методики (Л. М. Васильев, Э. В. Кузнецова, А. А. Уфимцева) неприемлемы для нашего исследования, так как не учитывают логический суперстрат термина и не позволяют решить проблему взаимодействия языковой и внеязыковой семантики. Чисто терминологические методики: методика фасетов (А. Е. Бертельс, А. В. Кохманский, В. А. Сегаль, А. В. Соколова, В. П. Якушев), таксонов (А. А. Раскин, И. С. Сидоров, Ю. А. Шрейдер) — не могут быть приняты, так как не учитывают языковой субстрат термина. Ближе методика, учитывающая энциклопедические функции термина (Е. В. Волковинская, О. В. Копылова, Н. Н. Леонтьева, В. М. Молчанова, Э. Ф. Скороходько).

Опираясь на понимание термина как лексического компонента ЯСЦ, наиболее оптимальной считаем методику функционально-семантическую, в которой сам термин **поле** (без какого-либо определения) означает не столько группировку, сколько принцип организации этой группировки (А. В. Бондарко, Ю. Н. Караулов, З. Д. Попова, И. А. Стернин).

Проводим дедуктивное разбиение всего тематического (предметного) континуума (поля) с суперординатой **«Сельскохозяйственный»** на два тематических субполя с суперординатами **«Растениеводство»** и **«Животноводство»**, получив два тематических класса: растениеводческая лексика и животноводческая лексика. Первое субполе в свою очередь в соответствии с десятью суперординатами разбиваем на десять тематических полей и т. д. до получения 1400 группировок разного ранга *.

Такое тематическое членение в целом согласуется с новым «Рубрикатором», представляющим собой целевой вариант единой клас-

Названия классификационных единиц разных лексико-семантических общностей употребляются нами условно: самая крупная — класс, далее — подкласс, затем — тематические группы (ТГ) и подгруппы.

éçáíáíáñoái	áápáéþái-
è íáñoáèuà	áiáñoái
éáñí-	íòèóá-
áiáñoái	áiáñoái
óááóí-	íéáíá-
áiáñoái	áiáñoái
ñáíáíí-	éþíéééí-
áiáñoái	áiáñoái
éíþíííþí-	þúái-
éçáíáñoái	áiáñoái
	í+áéí-
	áiáñoái
	óáééí-
	áiáñoái
	çááþí-
	áiáñoái

Если сопоставим его с понятийным членением, то обнаружим большое сходство понятийного и тематического фрагментов, которое проявилось прежде всего в уровнях иерархии предметной области сельскохозяйственного производства и отражающей этот же фрагмент системы понятий. Но одновременно обнаруживаем, что полного изоморфизма не наблюдается. Так, животноводство как отрасль сельскохозяйственного производства обслуживается двумя науками: зоотехнией и ветеринарией. Растениеводство является отраслью сельскохозяйственного производства, которая занимается выращиванием сельскохозяйственных культур, но ее научной основой является агрономия, тогда как растениеводство как наука — всего лишь одна из областей агрономического знания, не покрывающая всю предметную область растениеводства как отрасли сельскохозяйственного производства. Выделение тематических групп, подгрупп и микрогрупп внутри классов и подклассов осуществляется по объективному критерию: в соответствии с технологией сельскохозяйственного производства. Так, все тематическое поле сель-

скохозяйственных процессов состоит из двух подполей: процессы в растениеводстве и процессы в животноводстве, а все ТГ выделены в соответствии с технологическим процессом сельскохозяйственного производства:

I. Термины процессов в растениеводстве:

- 1) Термины процессов обработки почвы.
- 2) Термины процессов повышения плодородия почвы.
- 3) Термины процессов предпосевной обработки семян.
- 4) Термины процессов сева (или посадки) сельскохозяйственных культур.
- 5) Термины процессов ухода за сельскохозяйственными культурами.
- 6) Термины процессов защиты сельскохозяйственных культур.
- 7) Термины процессов, происходящих в растениях в период роста, развития и созревания сельскохозяйственных культур.
- 8) Термины процессов уборки сельскохозяйственных культур.
- 9) Термины процессов обработки и переработки сельскохозяйственных культур.
- 10) Термины процессов послеуборочной обработки почвы.
- 11) Термины прочих процессов в растениеводстве.

II. Термины процессов в животноводстве:

- 1) Термины процессов внутриутробного развития сельскохозяйственных животных, их рождения.
- 2) Термины процессов роста и развития сельскохозяйственных животных.
- 3) Термины процессов ухода за сельскохозяйственными животными.
- 4) Термины процессов кормопроизводства и кормления сельскохозяйственных животных.
- 5) Термины зоогигиенических процессов.
- 6) Термины ветеринарных процессов.
- 7) Термины физиологических процессов, происходящих в организме сельскохозяйственных животных.
- 8) Термины процессов разведения и генетики сельскохозяйственных животных.

Приведенная тематическая классификация поля сельскохозяйственных процессов показывает, что выделение тематических группировок проводится в соответствии еще с одним принципом классификации: оно проводится внутри основных понятийных категорий, при этом данный принцип действует абсолютно, без каких-либо отклонений.

Итак, сопоставление понятийной и тематической классификаций сельскохозяйственных терминов показывает, что между системно-

иерархической организацией сельскохозяйственной терминологии и ее тематическим расслоением существует органическая связь. Связь эту мы обнаруживаем в том, что базовые термины становятся «организаторами» (суперординатами) предметных областей. Эти две проекции на терминологический состав любой отраслевой терминосистемы четко «задают» координаты терминологических единиц в отраслевой терминосистеме, очерчивая их парадигматику, а в конечном счете — семантику единиц разных стратификационных рядов. В силу этого семантика термина не может быть «списочной», «штучной». Она жестко парадигматична, что позволяет терминологам считать, что отдельно взятый термин сам по себе является фикцией.

Учитывая все проекции термина, можно перейти к лексико-семантической классификации терминологического поля процессов сельскохозяйственной терминологии.

5. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПРОЦЕССОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ

Для анализа избираем категорию процессов, так как она, по словам Г. О. Винокура, является «основной логической категорией труда и техники» (1939: 12), организующей, как далее мы убедимся, все другие категории. Ограничение материала состоит в том, что, во-первых, исключаются непроизводные глаголы и их дериваты, так как они немногочисленны: *зреть, жать, пахать, сеять, мять* (лен), а в сельскохозяйственной терминологии господствуют производные глаголы и их дериваты.

Во-вторых, не учитывается происхождение термина-глагола.

В-третьих, исключены неотыменные глаголы.

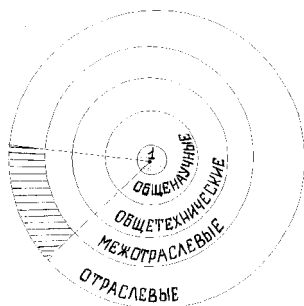
В-четвертых, исключаются глаголы, не имеющие синтаксических дериватов.

В-пятых, как показывает схема 3 поле категории процессов одной сельскохозяйственной отрасли не может быть однородным, так как включает всю парадигму с точки зрения терминологизации, парадигму системно-иерархическую и всю парадигму тематических группировок; наконец, в сельскохозяйственный ЯСЦ входят общетехнические, общенаучные термины-глаголы и общенародные глаголы.

В-шестых, для системы значений процессуальных терминов характерна определенная последовательность терминологических значений, обусловленная всеми типами парадигм. При этом исходным является подход от содержания понятия. Кроме того, ученые, создающие новые термины, всегда идут от словесно сформулированного содержания понятия к его термину-языковому знаку. Эти два

аргумента обусловили при лексико-семантической классификации ономаσιологический подход.

Схема 3

В качестве основной используется дефиниционная методика анализа семантики терминов, разработанная Д. С. Лотте (1968), которая для технических процессуальных терминов была модифицирована Т. Л. Канделаки в родо-видовую методику (1977).

По своей сути родо-видовая методика является видом полевой методики. Пользуясь методикой Т. Л. Канделаки (1977: 26–34), находим в семантике терминов два минимально-достаточных признака: признак — ближайшее родовое понятие (это, с лингвистической точки зрения, — парадигматический идентификатор) и признак — видовое отличие (далее ПВО), что позволяет расчленить терминологическое поле процессов сельскохозяйственной отрасли.

Для лексико-семантической классификации поля сельскохозяйственных процессов необходимо найти самое общее основание, исходя из сущности классифицируемых объектов-терминов.

Все поле терминов-процессов разбивается на два класса. Первый класс включает термины-процессы, у которых ПВО возникли до именуемого процесса, то есть не являются результатами именуемых процессов, а потому этот класс условно называем 'нерезультативным'. Второй класс включает термины процессов, у которых ПВО являются результатами именуемых процессов, так как возникли в результате этих процессов, а потому данный класс назовем 'результативный'.

Первый класс включает термины процессов с классемой 'нерезультативность' и распадается на два подкласса на основании — отношение признака к объекту. Подкласс А включает термины процессов, в которых ПВО не принадлежат объектам именуемых процессов, а подкласс Б — термины, в которых ПВО принадлежат объектам именуемых процессов.

Подкласс А на основании — способность процессов сообщать/ не сообщать что-либо объектам — включает два крупных типа: тип 1-ый включает термины, обозначающие процессы, которые воздействуют на весь объект и вызывают или не вызывают в них общее изменение; 2-ой тип включает термины, обозначающие процессы, сопровождающиеся сообщением (добавлением) чего-либо объектам.

Первый тип включает семь ЛСГ, в которые входят термины процессов с еще более узкими значениями: по типу действий, производимых с объектом.

Первая ЛСГ — термины процессов воздействия на объект.

Термины, входящие в группу, объединяются КЛС ‘воздействие на объект чем-либо, при помощи чего-либо’. Идентификатор группы выражен субстантивными словосочетаниями: обработка при помощи, способ обработки, операция обработки. Эта группа включает три подгруппы по ПВО.

Первая подгруппа состоит из терминов-процессов, у которых ПВО выражен существительными со значением обрабатывающего устройства, орудия, инструмента, например, *дисковать, дискование* — «обработка почвы дисковыми орудиями, обеспечивающими крошение, перемешивание почвы и уничтожение сорняков»; *культивация, шлейфование, фрезерование, маркирование, малование, лушение, боронование, мотыжение, цапкование; шабрение, зенкерование, каландрирование, шприцевание.*

Типовая семантика: обработка объекта чем-либо, при помощи чего-либо. Объектами этих процессов обычно являются почвы, а также сырье, полуфабрикаты в твердом состоянии, но не в жидком и не в газообразном. Это очень большая группа, в которой самой представительной является лексико-семантическая серия терминов обработки почвы (см. первые десять терминов).

Вторая подгруппа состоит из терминов, у которых ПВО выражен существительными со значением вещества, применяемого для обработки, например: *известкование* — «обработка известковым молочком»; *сульфирование, карбонизация, бактерициция, квасцевание, пикелевание, этиленизация, азотилирование, озонирование, протеинизация, золение.*

Типовая семантика: процессы обработки объекта какими-либо веществами. В качестве объектов выступают: почвы, сырье, полуфабрикаты (шкуры, плоды, волокна), реже — растворы.

Третья подгруппа сравнительно небольшая, с нечеткими границами, включает термины, у которых ПВО выражен существительным со значением: температурные условия, сопровождающие процесс. Идентификатор выражен именами действия, обозначающими частные виды процессов обработки, например: *запаривание* — «спо-

соб обработки волокна (к примеру, коконов шелкопряда) перед их размоткой путем выдержки обрабатываемого продукта во влажной атмосфере при высокой температуре»; *отпарка, замораживание (грунтов), вымораживание (семян), запаривание (зерен)*.

Типовая семантика: обработка объекта в указанных температурных условиях.

В этой подгруппе объект менее четок: им могут быть грунты, волокна, сырье растительного и животного происхождения.

В этой подгруппе выделяется лексико-семантическая серия терминов процессов, у которых идентификатор выражен именем действия – воздействие, а ПВО – существительными с семантикой источников воздействия, например, *рентгенизация* – «воздействие рентгеновскими лучами»; *облучение, вольтизация*.

Объекты таких процессов: организмы, органические вещества, клетки и различное сырье.

Таким образом, термины данной ЛСГ выражают различные операции технологических процессов, при этом имеют значение активных процессов, то есть процессов, непосредственно переходящих на объект и предполагающих субъект.

Такие процессы характерны для ТГ 1–3, 6, 9 процессов в растениеводстве и ТГ 3, 4 в животноводстве.

Вторая ЛСГ – термины процессов соединения объекта.

В составе значений таких терминов идентификатор выражен именем действия – соединение. Типовая семантика: соединение или скрепление объекта чем-либо, при помощи чего-либо. По характеру ПВО выделяются две подгруппы.

Первая подгруппа состоит из терминов, у которых ПВО выражен существительным со значением точек на местности или в приборах, аппаратах, например, *заземление* – «соединение с землей какой-либо части электрической установки, осуществляемое посредством медного или стального провода, один конец которого присоединяется к заземленной установке, а другой припаивается к заземлителю»; *транцевание, анодизация, закустование*.

Типовая семантика: соединение объекта с указанной частью устройства.

Объекты таких процессов: части устройства, прибора, аппарата, точки на местности.

Термины обычно обозначают процессы активного воздействия на объект, предполагающий субъект. Подгруппа немногочисленна и включает термины процессов механизации и электрификации сельского хозяйства.

Вторая подгруппа состоит из терминов, у которых ПВО выражен существительным со значением скрепляющих деталей, напри-

мер: *шпунтовка* — «соединение доски на шпунтах»; *сболчивание, законтрагаивание, законтгаивание*.

Типовая семантика: соединение данного объекта с другими при помощи указанных скрепляющих деталей.

Объекты процессов: любые детали, которые могут соединяться с другими.

Подгруппа немногочисленна и включает термины, обозначающие активные процессы, предполагающие субъекты. Термины обслуживают тематические области сельскохозяйственного строительства, а также сельскохозяйственные машины, орудия, механизмы и приспособления.

Третья ЛСГ — термины процессов установления объекта.

Идентификатор группы выражен именами действия со значением 'установление, наводка', а ПВО — существительными со значением точек, связанных с правильным функционированием объектов, например: *фокусирование* — «наводка на фокус»; *центрирование, центрование, регулировка (высевающего аппарата)*.

Типовая семантика: установление объектов в указанной точке для правильного его функционирования.

Объекты — регулируемые части устройств, механизмов, а также лучи. Это немногочисленная группа, включающая термины активных процессов, непосредственно переходящих на объекты и предполагающих субъекты. Термины функционируют в тематической области сельскохозяйственного машиностроения, сельскохозяйственных машин и оборудования.

Четвертая ЛСГ — термины процессов разделения объекта.

Идентификатор выражен именами действия — разделение, распределение и близкими по семантике словами, а по ПВО выделяются две подгруппы.

Первая подгруппа состоит из терминов процессов, у которых ПВО выражено существительными со значением сортов продукции, единиц ее классификации, например: *сортирование (сортировка семян)* — «разделение семенного материала на сорта — фракции с целью выделения полноценной части семян»; *калибрование, классификация почв, индивидуальное дозирование, фрагментация волокна, инстантизация молока, циклование пород*.

Типовая семантика: разделение объекта на указанные единицы деления, сорта, породы, этапы.

У всех этих процессов объект должен быть обязательно смесью, скоплением, которые можно разделить на компоненты.

Подгруппа довольно многочисленная, включающая термины, обозначающие активные процессы, непосредственно совершаемые над объектами и предполагающие субъекты. Термины имеют очень

широкую тематическую сферу в обоих тематических подполях: растениеводства и животноводства, а также в агрохимии.

Вторая подгруппа включает термины, у которых ПВО выражен существительным со значением каналов, видов энергии, точек потребления, например: *канализация* — «распределение электрической энергии между отдельными точками потребления (каналам)», *туннелирование*.

Типовая семантика: распределение объектов по указанным каналам связи, между точками потребления.

Группа очень немногочисленна и состоит в основном из общетехнических терминов, функционирующих в тематической области индустриализации и электрификации сельского хозяйства.

Пятая ЛСГ — термины процессов перемещения объекта.

Идентификатор группы выражен именами действия — перевозка, транспортирование, а ПВО выражен существительными со значением средств транспорта или приспособленных для этого устройств, например: *контейнеризация* — «перевозка чего-либо в контейнерах», *эшелонирование*, *шнекование*.

Типовая семантика: перевозка объекта в указанном виде транспорта.

Объекты: сырье, полуфабрикаты растительного и животного происхождения, а также животные, растения и их части.

Это небольшая группа терминов, объем которых ограничен видами транспортных перевозок, функционирующих в ТГ 9 и 11 первого подполя и ТГ 9 второго тематического подполя.

Шестая ЛСГ — термины процессов упаковки объекта.

Идентификатор выражен именем действия — упаковка, а в ПВО — именами существительными со значением видов тары, упаковки (пакеты, конверты, мешки, ящики), например: *мешкование семян* — «упаковка семян в мешки», *конвертирование*, *пакетирование*, *затаривание*.

Типовая семантика: упаковка объекта в указанный вид упаковки.

Объекты — сырье растительного и животного происхождения и готовая продукция.

Многочисленная группа терминов, функционирующая в ТГ 9 первого и второго тематического подполя.

Седьмая ЛСГ — термины процессов хранения объекта.

Идентификатор группы выражен именем действия — хранение, а ПВО — существительным с семантикой видов производственных хранилищ, например: *буртование* — «хранение овощей или картофеля в буртах», *бункетирование*, *складирование*, *магазинирование*.

Типовая семантика: хранение объекта в указанном виде производственных хранилищ.

Объекты те же, что и в пятой ЛСГ.

Термины функционируют в том же тематическом пространстве, что и термины пятой ЛСГ.

Таким образом, термины процессов первого типа обозначают активные процессы, непосредственно переходящие на объекты и предполагающие субъекты. Наиболее активно пополняется первая, вторая и четвертая ЛСГ. Наоборот, термины пятой — седьмой ЛСГ, связанные с процессами упаковки, хранения и перевозки объектов, пополняются слабо, причем другими моделями терминов (не отыменными глаголами и их дериватами). При этом среди терминов процессов последних трех ЛСГ много терминов общетехнических и межотраслевых.

Второй тип в подклассе А включает термины процессов, которые сопровождаются сообщением чего-либо объектам, придания чего-либо объектам, в результате чего объекты существенно изменяются. По характеру изменения в объектах в этом типе выделяются два подтипа: **первый подтип** характеризуется приданием объекту какой-либо указанной части, тогда как **второй подтип** имеет значение замены в объекте чего-либо на указанное. Все факторы, привлекаемые в них в качестве ПВО, являются деталями, веществами, элементами и т. п. будущей готовой продукции, возникшей или изготовленной, как и в первом типе, до именуемых процессов и придающие объектам какие-либо изменения в результате процессов, а иногда являющихся нежелательными изменениями, приобретенными функционирующими объектами.

В первом подтипе по характеру изменений в объекте выделяют семь ЛСГ.

Первая ЛСГ — термины процессов введения в объект.

Идентификатор этой группы выражается именами действия — внесение, добавление, введение, прибавление, а по характеру ПВО выделяются три подгруппы.

Первая подгруппа содержит термины, у которых ПВО выражены существенно с значением веществ-ингредиентов, необходимых для изготовления продукции или для нормального функционирования объектов. Это очень четкая и количественно представительная группа, например: *известкование* — «внесение в почву извести (известковых удобрений) для устранения избыточной кислотности почв, вредной для многих сельскохозяйственных культур», *кислование*, *фосфоритирование*, *гипсование*, *глинование*, *зафосфачивание*, *силикатирование*, *землевание*.

Типовая семантика: введение в объект веществ-ингредиентов, необходимых для изготовления какой-либо продукции или для нормального функционирования объекта.

При этом в приведенной лексико-семантической серии терминов ими обозначены сложные процессы, обычно протекающие в два этапа. Например, при известковании почв на первом этапе протекает активный субъектно-объектный процесс, а затем на втором этапе происходят самопроизвольные процессы взаимодействия водородных ионов почвенного раствора и обменных ионов водорода и алюминия в почвенном поглощающем комплексе.

Объекты этих процессов необычайно разнородны: почвы, семена, посадочный материал, сельскохозяйственные растения и животные. Этим обусловлен очень широкий тематический «разброс» таких терминов. А в ТГ «термины процессов кормопроизводства» объекты совсем иные — жидкости и смеси, например: *мелассирование кормов* — «прибавление мелассы (кормовой патоки) к кормам для сельскохозяйственных животных», *витаминация*, *дрожжевание*, *щелочение*, а в других ТГ — *охмеление сусла*, *соусирование*, *жировка кож*, *аэрация зернохранилищ*.

Вторая подгруппа состоит из терминов, у которых ПВО выражены существительными со значением частей-молекул или атомов химических соединений, например: *галонирование* — «химический процесс введения галоида в состав органического соединения», *нитрование*, *гидрогенизация*, *гидрохлорирование*, *иодирование*, *фторирование*.

Типовая семантика: введение в объект указанных молекул или атомов.

Объекты процессов однородны — это химические соединения. Эти термины активно функционируют в предметной области агрохимии для обозначения процессов создания и использования удобрений, а также веществ для химической защиты растений от вредителей и болезней в первом тематическом подполе и в ТГ 5, 6, 8 второго подполя.

Третья подгруппа содержит термины процессов, идентификатором которых является имя действия — замещение или реакция замещения, а ПВО выражен существительным со значением частей — радикалов (остатков групп) химических соединений, например: *алкилирование* — «химическая реакция введения (замещения) в молекулы органических и неорганических соединений алкила», *метилование*, *этилование* и т. д., которые используются в агрохимии для создания химических веществ, предназначенных для защиты растений от вредителей и болезней, а также в ТГ 5, 6, 8 второго тематического подполя.

Типовая семантика: введение в объект указанного радикала.

Объекты однородны — химические соединения, химические группы, молекулы.

Вторая ЛСГ — термины процессов заполнения объекта.

Идентификатор группы выражен именем действия — заполнение, способ заполнения, а по характеру ПВО выделяются три подгруппы.

Первая подгруппа состоит из терминов процессов, у которых ПВО выражен существительным со значением частей — вставных деталей, начинок, например: *шпигование* — «начинка ветчины шпигом в технологии переработки сельскохозяйственной животноводческой продукции», *фарширование*, *сваббирование*, *запыжовка*, *расклинивание*, *шомполование*.

Типовая семантика: заполнение объекта указанной начинкой или указанной деталью.

Объекты разнородны, но обязательно должны быть либо полыми, либо иметь такую массу, в которой легко сделать отверстия и ввести в него другое плотное вещество.

Это небольшая группа общетехнических терминов, которые функционируют в ТГ 9 обоих тематических полей.

Вторая подгруппа включает термины процессов, у которых ПВО выражен существительным со значением частей — веществ — крепежных материалов или вяжущих веществ, например: *битумизация* — «способ заполнения битумом пустот или трещин в грунтах для их уплотнения и предотвращения фильтрации вод», *балластировка*, *глинизация*, *силикатизация*, *бетонирование*, *расщебенка*.

Типовая семантика: заполнение объекта указанным скрепляющим или связующим веществом.

Объекты этих процессов — полые пространства, пустоты или трещины, а также пористые породы и почвы.

Термины этой подгруппы функционируют в предметных областях почвоведения и сельскохозяйственного строительства.

Третья подгруппа состоит из терминов процессов, у которых идентификатор выражен именем действия со значением «пропитывание, пропитка», а по характеру ПВО выделяются две лексико-семантические серии.

В первой серии ПВО выражен именами действия со значением связующих или склеивающих веществ, например: *пикелевание* — «пропитка голя или шкур пикелем для придания им мягкости и эластичности», *жирование (жировка)*, *замасливание*, *дубление*, *прорезинивание*, *парафинирование*, *олифование (проолифровка)*.

Типовая семантика: пропитывание объекта склеивающим или связующим веществом.

Объекты этой серии очень разнородны, но обязательно являются пористыми предметами, которые можно пропитать какими-либо веществами, но в отличие от терминов-процессов заполнения объек-

та — это чаще всего полуфабрикаты растительного или животного происхождения, а также части сельскохозяйственных сооружений, которым пропитка сообщает отсутствующие у них нужные качества — стойкость, плотность, твердость или, наоборот, мягкость и эластичность и пр.

Для этих терминов характерен очень большой тематический «разброс»: ТГ 3, 5, 9 первого подполя и ТГ 5, 9 второго подполя, а также в сельскохозяйственном строительстве.

Во второй серии ПВО терминов выражены существительными с семантикой вещества, препятствующего каким-либо нежелательным процессам, например: *протравливание семенного материала* — «пропитывание семенного материала протравителем с последующим томлением и сушкой для их защиты от вредных организмов», *креозитирование* — «пропитка дерева креоухотом с целью предохранения от гниения», *металлизация*, *антисептирование*.

Типовая семантика: пропитывание объекта указанным веществом, препятствующим осуществлению нежелательных процессов, последствий.

Объекты этих процессов очень разнородны — семена, соплодия, плоды, клубни, какие-либо части, детали. Этим объясняется большой тематический «разброс» терминов данной «серии».

Третья ЛСГ — термины процессов насыщения объекта.

Идентификаторы группы выражены именами действия — повышение (увеличение), насыщение, обогащение, а по характеру ПВО выделяются две подгруппы.

Первая подгруппа включает термины, ПВО которых выражены существительными со значением газообразных веществ, например: *метанирование* — «обогащение газа метаном с целью повышения его теплотворности», *аэрация*, *сульфитация*, *карбонизация*.

Типовая семантика: насыщение объекта указанным газообразным веществом.

Объекты процессов — жидкая или газообразная среда: воздух, газ, сок.

Группа малочисленна, так как процессы насыщения одних газообразных или жидких веществ другими мало распространены и относятся в основном к общетехническим.

Вторая подгруппа включает термины, ПВО которых выражены существительными со значением металлизаторов или карбонизаторов, например: *азотирование (нитрование)* — «поверхностное обогащение стальных изделий азотом за счет нагревания их в струе аммиака», *науглероживание*, *вольфрамизация*, *молибденизация*, *хроматизация*.

Типовая семантика: насыщение объекта или его поверхности

указанным веществом в газообразном состоянии, улучшающее его качества.

Объекты процессов — металлы, их поверхности, металлические изделия.

Это в основном общетехнические термины, используемые в сельскохозяйственном машиностроении, эксплуатации сельскохозяйственных машин, приборов и приспособлений.

Четвертая ЛСГ — термины процессов покрытия объекта.

Термины для обозначения разновидностей процессов покрытия объектов образуют большую, четко организованную группу, идентификатором которой являются имена действия — процесс покрытия, покрытие, а ПВО выражается существительными со значением веществ, способных образовывать на объекте защитный или декоративный слой, например: *мульчирование* — «покрытие почвы в междурядьях и грядках между растениями мульчей для сохранения влаги»; *гуммирование, гидрирование, талькование, оштукатуривание, аппретирование, дернование культурных пастбищ, задернение почв.*

Типовая семантика: покрытие объекта защитным или декоративным слоем указанного вещества.

Объекты процессов очень разнородны — это любые объекты, имеющие твердую поверхность, на которой может образоваться слой.

При этом сами вещества, используемые для покрытия, могут быть в разной форме: порошка, пудры, жидкостей, газа, а потому в группе выделяется лексико-семантическая серия терминов для ТГ «термины процессов защиты растений от болезней и вредителей сельскохозяйственных культур» — 6-ая ТГ и 3-ья ТГ «термины процессов предпосевной обработки семян», в которых ПВО имеет значение формы вещества, применяемого для обработки, например: *предпосевное опудривание семян* — «покрытие поверхности семян веществами в виде пудры с целью обеззараживания семян», *окуривание, опыление, опрыскивание, газирование.*

Пятая ЛСГ — термины процессов снабжения объектов.

Термины для разновидностей процессов снабжения объектов чем-либо, необходимым для их нормального функционирования, довольно многочисленны. Идентификатором группы являются имена действия — снабжение, оборудование, отделка, а по типу ПВО выделяются три подгруппы.

Первая подгруппа включает термины, ПВО которых выражены существительными с семантикой съемных частей, деталей, отделок, приспособлений, например: *бандажирование (больных сельскохозяйственных животных)* — «снабжение сельскохозяйственных животных бандажом для удержания брюшной стенки и внутренних

органов в нормальном положении»; *изоляция посевов* — «применение различных изолирующих устройств, препятствующих нежелательному переопылению растений»; *застекление теплиц, обрешетка сеноперевозчиков, подрессоривание сеялок, шнурование табака, окузовка автомобиля, подпруживание коней, шинирование трактора*.

Типовая семантика: снабжение объекта изготовленной ранее указанной деталью, частью, отделкой, приспособлением, необходимыми для нормального функционирования объектов.

Объекты процессов очень разнородны — растения, животные, сельскохозяйственные постройки, сельскохозяйственные машины, оборудование и приспособления, а поэтому тематический «разброс» терминов по тематическим группам велик.

Вторая подгруппа включает термины с ПВО, выраженные существительными со значением меток, бирок, производственных знаков, например: *этикирование апробационных снопов* — «снабжение растений или их частей этикетками с целью проведения апробации сортовых посевов», *пломбирование зернохранилищ, клеймение сельскохозяйственных животных, кольцевание птиц, биркование сельскохозяйственной продукции, маркировка селекционных посевов, штемпелевание актов амбарной апробации*.

Типовая семантика: снабжение объекта указанным клеймом, маркой, этикеткой и другим производственным знаком.

Объекты процессов разнородны — все то, что подлежит маркировке. К этой группе относится лексико-семантическая серия терминов, которые обозначают процессы с самым общим значением снабжения чего-либо, например: *обводнение культурных лугов и пастбищ* — «снабжение культурных лугов и пастбищ водой в достаточном для их нормального функционирования количестве», *орошение, озеленение**, *кулисить* (нет деривата) — «снабжение полей кулисами с целью создания нормальных для роста и развития сельскохозяйственных растений условий или для изоляции сельскохозяйственных культур в посевах».

Объекты таких процессов — разные виды сельскохозяйственных угодий.

Такие термины чаще всего функционируют в ТГ 8, 9 первого подполя и 8, 9 второго, хотя встречаются в разных тематических группировках.

Третья подгруппа состоит из терминов процессов, у которых ПВО выражены существительными с семантикой факторов бытового обслуживания, например: *теплофикация предприятий сельскохозяйственного назначения* — «централизованное снабжение теплом предприятий сельскохозяйственного назначения» (к примеру, теплиц в

овощеводстве, помещений для скота в животноводстве, механизированных мастерских и т. п.), *электрификация, газификация*.

Типовая семантика: снабжение объектов указанным видом современного топлива.

Объекты — все предприятия сельскохозяйственного назначения, нуждающиеся в топливе.

В этой подгруппе выделяется лексико-семантическая серия терминов, в которой идентификатором является имя действия — оборудование, а ПВО выражены существительным со значением явлений, связанных с современными представлениями о бытовом обслуживании предприятий сельскохозяйственного назначения, например: *телефонизация элеваторов* — «оборудование элеваторов телефонными установками», *радиофикация, телефикация*, а также *буфетизация, душефикация* (к примеру, свинарников) и т. п.

Типовая семантика: снабжение объектов указанными современными средствами связи или другим оборудованием, связанным с современными представлениями о комфорте сельскохозяйственного труда.

Группа малочисленна и включает в основном специализированные общетехнические термины, функционирующие в основном в предметных областях, связанных с предприятиями сельскохозяйственного назначения, сельскохозяйственных строений.

Шестая ЛСГ — термины процессов внедрения в объект.

В составе терминов группы идентификатор выражен именами действия внедрение, переоборудование, оснащение, а по ПВО выделяются три подгруппы.

В первой подгруппе ПВО выражен существительным со значением наиболее прогрессивных в данный момент устройств, например: *механизация полеводства* — «внедрение системы машин для обработки почвы, посева (посадки) сельскохозяйственных культур, их возделывания, уборки и послеуборочной обработки, доработки и переработки сельскохозяйственной продукции», *машинизация, индустриализация, кибернетизация*.

Типовая семантика: внедрение в объект указанных наиболее прогрессивных в данный момент устройств.

Объекты таких процессов — сельскохозяйственное производство в целом, его отдельные отрасли (см. табл. 2) и предприятия сельскохозяйственного назначения.

Это небольшая подгруппа привлеченных общетехнических терминов.

Во второй подгруппе ПВО термины выражены существительными со значением прогрессивных в данный момент видов энергии, источников воздействия, например: *электрификация сельского хо-*

зайства — «широкое внедрение в сельскохозяйственное производство электрической энергии», газификация.

Объекты те же, что и в предыдущей подгруппе.

В третьей подгруппе ПВО терминов выражены существительными со значением наиболее прогрессивных в данный момент видов связи и управления сельскохозяйственным производством, например: *радиофикация сельскохозяйственного производства* — «внедрение системы планомерного развития радио- и проводной (кабельной) сети для нужд сельскохозяйственного производства», *диспетчеризация, кинофикация, телефикация*.

Объекты те же, что и в предыдущих подгруппах.

Это численно небольшие подгруппы, в которые входят в основном привлеченные общетехнические термины. Но, несмотря на малочисленность, термины этих подгрупп перспективны, так как современные техника, экономика и связь будут обогащаться новыми понятиями.

Необходимо отметить, что термины третьей подгруппы частично пересекаются с терминами этой же подгруппы пятой ЛСГ.

Седьмая ЛСГ — термины процессов самопроизвольного приобретения объектом чего-либо.

Идентификатором группы являются имена действия — засорение, загрязнение, снижение, а в качестве ПВО выступают существительные со значением предметов, явлений, свойств, вредных, нежелательных сельскохозяйственному производственному процессу, например: *биологическое засорение сорта* — «засорение сорта другими формами растений в результате естественного перекрестного опыления сельскохозяйственных растений или в результате мутаций», *механическое засорение сорта, лесной завал, загрязнение шерсти овец*.

Типовая семантика: самопроизвольное ухудшение объекта в результате приобретения им нежелательных свойств, мешающих нормальному функционированию объекта.

Объекты, как правило, живые организмы (растения и животные).

В эту группу входит небольшая лексико-семантическая серия терминов, объекты которых не являются живыми организмами, например: *заиливание дрена* — «засорение дрена илом в процессе их функционирования при осушении почв, пастбищ, лугов и других видов сельскохозяйственных угодий».

Термины этой группы функционируют в ТГ 7 первого подполя и 5—7 второго подполя.

Как видим, термины первого подтипа обозначают активные субъектно-объектные процессы (1 — 6 ЛСГ, кроме 7-ой ЛСГ).

Второй подтип типа второго представлен только одной ЛСГ.

Первая ЛСГ — термины процессов замены в объекте чего-либо.

Термины этой группы выражают характерные для современного сельскохозяйственного производства процессы модернизации, поэтому идентификатор группы выражен именами действия — замена, перевод, а ПВО выражены существительными со значением прогрессивных в данный момент явлений, устройств и т. п., например: *конвейеризация кормопроизводства* — «перевод производства кормов полностью на конвейерный способ получения», *зеленая конвейеризация, или сортообновление* — «периодическая замена сортовых семян в хозяйствах семенами тех же сортов, но более высоких репродукций», *сортосмена, смена пород, марок машин* и т. п.

Типовая семантика: замена в объекте чего-либо, приводящая к модернизации объекта.

Объекты этих процессов довольно разнородны — все то, что можно модернизировать, а потому тематический «разброс» терминов значителен.

Такова очень краткая характеристика ЛСГ подкласса А первого класса.

К подклассу Б принадлежат термины процессов, у которых в качестве ПВО выступают признаки, принадлежащие объектам. При этом по степени охвата признаков объектов в подклассе Б выделяются два крупных типа: первый тип — в качестве ПВО выступают отдельные признаки, стороны объектов, а во втором типе — в качестве ПВО выступают сами объекты целиком.

В первом типе по характеру изменений объекта выделяются два подтипа: первый подтип включает термины процессов, вызывающих качественные или количественные изменения своих объектов за счет указанных признаков, а во второй подтип включаются термины процессов, не вызывающих качественных или количественных изменений своих объектов за счет указанных признаков.

В первом подтипе по характеру воздействия на объект выделяются две ЛСГ.

Первая ЛСГ — термины процессов удаления указанного признака из объекта.

Термины этой ЛСГ многочисленны, так как процессы удаления — необходимая составная часть почти всех технологических процессов. По характеру удаления выделяются две подгруппы.

Первая подгруппа включает термины процессов полного удаления (уничтожения) указанных признаков из объекта. Идентификатор группы выражен именем действия — удаление, а также близкими по семантике — потеря, отсутствие, исчезновение, а ПВО выра-

жены существительными со значением части растения, животного, органического сырья, например: *дефолиация* — «уничтожение листьев у растений с помощью дефолиантов с целью ускорения созревания, облегчения механизированной уборки и уменьшения потерь при уборке», *декортикация льна, жиловка мяса, нутровка, зябление, жабрение, мездрение, обезрепеивание шерсти, обескровливание, обесшкуривание, пасынкование, десикация, дезодорация*.

Типовая семантика: полное удаление (уничтожение) у объекта указанной полезной или вредной части каким-либо способом.

Объекты процессов — растения, животные и сырье органического происхождения.

В подгруппе выделяются две лексико-семантические серии терминов.

Первая серия. Если удаляемая часть объекта — газообразное вещество, то идентификатор выражен именами действия — отгон, выделение, а ПВО — вещество, примесь объекта, например: *дебутизация* — «отгон бутана из чего-либо».

Вторая серия. Если удаляемая часть объекта — часть, деталь, механизм сложной конструкции, то идентификатор обычно выражается именем действия — снятие, а ПВО — части, детали объекта, например: *дезагрегизация* — «снятие навесных орудий с посевного или какого-либо другого агрегата».

Вторая подгруппа включает термины двух серий.

Первая серия терминов имеет идентификатор-имя действия снижение, уменьшение, а ПВО выражены существительными со значением компоненты растворов, смесей, например: *декапитация* — «удаление точки роста стебля растения», *обезжелезивание почвы* — «снижение концентрации железа в почвенном растворе», *обескремнивание, десиликатирование, деминерализация*.

Типовая семантика: снижение (уменьшение) содержания (концентрации) в объекте указанных компонентов.

Объекты — растворы, смеси.

Термины типичны для агрохимии, а также в ТГ 9 обоих тематических полей.

Вторая серия включает термины, идентификатором которых являются имена действия — процесс потери, ослабление, уменьшение, а в качестве ПВО выступают существительные со значением параметров, характеристик объекта, например: *обезвоживание организма* — «процесс потери молекул воды в результате каких-либо неблагоприятных условий среды», *размагничивание, разукрупнение, дезактивация молекул*.

Типовая семантика: самопроизвольная потеря объектом, ослабление в объекте указанных свойств.

Объекты — тела и их молекулярное строение, а также сложные устройства.

Таким образом, термины данной группы обозначают как активные субъектно-объектные процессы, так и самопроизвольные, бес-субъектные. Термины имеют очень широкий тематический «разброс», но наибольшую активность проявляют в ТГ 7 первого подполя и ТГ 5 — 7 второго.

Вторая ЛСГ — термины процессов воздействия на указанный участок объекта.

Это сравнительно небольшая группа терминов, идентификатор которых выражен именами действия и субстантивными словосочетаниями — операция обработки, правка, снятие, а ПВО выражены существительными со значением участков на каком-либо объекте, например: торцовка — «операция обработки резанием торцовых поверхностей тел», затылование и затыловка, алмажение, цоколевка.

Типовая семантика: обработка указанного участка объекта каким-либо способом.

Объекты — заготовки, полуфабрикаты, сырье.

Это в основном привлеченные общенаучные и общетехнические термины, функционирующие в сельскохозяйственном машиностроении и эксплуатации сельскохозяйственных машин.

Второй подтип первого типа содержит термины процессов, не вызывающих качественных или количественных изменений объектов именуемых процессов за счет указанного. Он включает всего одну ЛСГ.

Первая ЛСГ — Термины процессов, не вызывающих качественных и количественных изменений в объектах.

Этот тип понятий редко получает термины — производные слова, а потому ЛСГ количественно невелика. Идентификатор выражен именем действия — определение, а ПВО — существительным со значением параметров объекта, например: *обследование засоренности посева* — «определение количества сорняков на единицу площади» или *тарирование* — «определение веса тары», *полевое обследование*.

Типовая семантика: определение каких-либо указанных (или неуказанных) параметров объекта, не вызывающее качественных или количественных изменений в самих объектах.

Объекты — разнородны, но такие, которые имеют какие-либо указанные параметры.

Таким образом, первый тип подкласса Б сравнительно невелик: включает всего три ЛСГ.

Второй тип подкласса Б включает четыре ЛСГ, у терминов которых в качестве ПВО выступают сами объекты именуемых процессов.

Первая ЛСГ — термины процессов применения указанного объекта.

Идентификатор выражен именем действия — применение, исследование, а ПВО выражены существительными со значением устройств, не предназначенных для обработки, например: *автоматизация сельского хозяйства* — «применение в сельскохозяйственном производстве машин-автоматов», *диафрагмирование*, *экранирование*, *микроскопирование*, *моделирование*.

Типовая семантика: применение указанного объекта с целью достижения определенного технологического эффекта.

Объекты процессов — устройства, не предназначенные для обработки, то есть приборы, аппараты, приспособления, методы (или методики).

Термины используются в области сельскохозяйственного машиностроения и эксплуатации, а также в управлении, организации и планировании сельскохозяйственного производства.

Вторая подгруппа включает термины, ПВО которых выражены существительными со значением разного рода сооружений, например: *дренирование* — «применение дрен для осушения заболоченных сельскохозяйственных угодий», *коллектирование*, *шлюзование*, *шурфование*.

Типовая семантика: применение указанного объекта для достижения определенного технологического эффекта.

Объекты — различные сооружения.

Вторая ЛСГ — термины процессов самопроизвольного преобразования объекта.

Идентификатор группы — изменение, преобразование, а ПВО выражены существительными со значением организмы и сырье органического происхождения, например: *дедоломитизация* — «изменение доломитов, ведущее к частичному или полному выносу карбонатов из почвы», *расстеклование*, *девитрификация*.

Типовая семантика: самопроизвольное преобразование объекта под воздействием каких-либо условий.

Объекты — организмы и сырье органического происхождения. Группа малочисленна, т. к. в конкурентной борьбе «победили» термины неотыменные, с нулевой аффиксацией типа: *захват и запал растений*, *вынос питательных веществ*, *обмен веществ*.

Третья ЛСГ — термины процессов уничтожения названного объекта.

Идентификатор группы выражен именем действия — уничтожение, а ПВО существительными со значением живых существ, например: *дегельминтизация* — «уничтожение гельминтов — возбудителей болезней (гельминтозов) сельскохозяйственных растений,

животных и человека», *дератизация, дезинсекция, деарборидизация, бактерицизация.*

Типовая семантика: уничтожение объекта, наносящего ущерб сельскохозяйственным растениям, животным, сырью органического происхождения.

Объекты: организмы — вредители и возбудители болезней (вирусы, микробы, бактерии, клещи, черви, тля, комарики, мушки, блохи, грызуны),

Термины функционируют в ТГ 6, 9, 10 первого подполя и ТГ 5 — 8 второго подполя.

Четвертая ЛСГ — термины процессов самопроизвольного разрушения объекта.

Идентификаторы выражены именами действия — разрушение, распад, разложение, расщепление, а ПВО — существительными со значением вещества — химические и физические смеси, например: *дегумусификация* — «разложение гумуса почв», *деэмульсирование, декарбонатизация, дефосфация, десульфирование.*

Типовая семантика: самопроизвольное разрушение объекта под воздействием чего-либо.

Объекты — химические соединения, растворы, смеси.

Термины активно используются в агрохимии и фитопатологии. Но таких терминов немного, так как преобладают единицы с терминопредметом на —ЛИЗ, например: *автолиз* — «саморастворение растительных и животных тканей и клеток под воздействием их собственных гидролитических ферментов», *автокатализ.*

Такова краткая характеристика терминов процессов первого класса.

Ко второму классу были отнесены термины процессов, в которых в качестве ПВО выступают признаки объектов, являющихся результатами именуемых процессов, то есть термины результативных процессов. В зависимости от того, какие факторы-результаты выступают в них в качестве ПВО, можно выделить два подкласса: подкласс А включает термины процессов, в которых в качестве ПВО выступают «вещественные» результаты именуемых процессов, то есть процессы, создающие объекты; подкласс Б включает термины процессов, в которых в качестве ПВО выступают новые признаки, приобретенные данными объектами в результате именуемых терминами процессов.

Термины процессов объединяются в **подкласс А** подклассемой 'получение указанной продукции', то есть конечным «вещественным» результатом процесса. Подкласс А представлен тремя ЛСГ.

Первая ЛСГ — термины процессов изготовления объекта.

Идентификаторы группы выражены именами действия или субстантивными словосочетаниями — возделывание, процесс изготов-

ления, процесс производства, а ПВО выражены существительными со значением видов продукции, например: *растениеводство* (во втором значении) — «процесс возделывания культурных растений для обеспечения населения продуктами питания, животноводства — кормами, многих отраслей промышленности — сырьем», *овощеводство, плодородство, кормопроизводство, скотоводство* (см. табл. 2).

Типовая семантика: процесс изготовления, производства указанной продукции (предметов, не веществ),

Возникающие объекты необычайно разнородны: вся сельскохозяйственная продукция, то есть растительные и животные продукты питания, корма, сырье.

Это большая группа терминов, функционирующих во всех ТГ тематического поля.

Вторая ЛСГ — термины процессов постройки объектов.

Идентификаторы выражены именами действия — постройка, создание, прокладывание, устройство, а ПВО выражаются существительными со значением различных видов сооружений, например: *террасирование* — «создание террас для посадки (посева) определенных сельскохозяйственных культур», *дренирование, запруживание, обвалование, шлюзование*.

Типовая семантика: постройка, создание указанного сооружения.

Созданные в результате процесса объекты — различные виды сооружений.

Третья ЛСГ — термины процессов приготовления объекта.

Идентификаторы выражены субстантивными словосочетаниями — способ изготовления, процесс получения, процесс пригоовления, а ПВО — существительными со значением видов продукции — веществ, например: *силосование* — «способ получения силоса», *соложение, нитрование, каустифицирование, ароматизирование кормов, диазотирование*.

Термины указанных групп обозначают активные субъектно-объектные процессы. Но в последней ЛСГ выделяется серия терминов, обозначающих самопроизвольные физиологические и физико-химические процессы, например: *ягнение* — «рождение ягненка», *фюзенизация* — «образование фюзена», *опорос, ацетализирование*. Эти термины в основном функционируют в ТГ 7 первого тематического подполя и ТГ 5—8 второго подполя.

В подклассе **Б** в зависимости от характера изменения объекта, приведшего к результату, выступающего в функции ПВО, выделяются два типа: первый тип включает термины, в которых ПВО возникают в результате полного преобразования объекта именуемых процессов, во второй тип — ПВО возникают в результате изменения отдельных свойств именуемых процессов.

Первый тип включает три небольших по объему ЛСГ.

Первая ЛСГ — термины процессов разложения с образованием конечного продукта.

Идентификаторы группы выражены именами действия — разложение, расщепление, а ПВО выражены существительными со значением химических веществ, например: *омыление кормов* — «расщепление сложных эфиров в присутствии воды или воды и кислот (реже — щелочей) с образованием глицерина и мыла», *осахаривание древесины, гумификация* — «разложение растительных тканей во влажной среде и при затруднительном доступе кислорода, при котором расщепленное вещество распадается с образованием гумуса — главного компонента плодородия почв». Как видим, термины обозначают сложные длительные процессы, протекающие в какой-то мере самопроизвольно при наличии определенных условий.

Типовая семантика: разложение объекта с образованием конечного указанного продукта.

Объекты процессов — сложные химические вещества.

Вторая ЛСГ — термины процессов присоединения с образованием указанного конечного продукта.

Идентификатор дает имя группе, а ПВО выражены существительными со значением видов химических соединений с водой, например: *гидратация* — «присоединение молекул воды к молекулам или ионам вещества с образованием гидратов, играющих важную роль в процессе обмена веществ живых организмов», *гидрогенизация, гидрирование*.

Типовая семантика: процесс присоединения молекул воды к молекулам вещества с образованием указанного конечного продукта.

Объекты — химические соединения.

Группа терминов агрохимии малочисленна, так как сам процесс узкоспециализирован.

Третья ЛСГ — термины процессов превращения объектов.

Идентификатор дает имя группе, а по характеру ПВО выделяются две небольшие подгруппы.

Первая подгруппа включает термины процессов превращения веществ, а поэтому ПВО обозначает различные вещества, например: *ситаллизация* — «процесс превращения стекла в ситалл».

Типовая семантика: процесс преобразования (превращения) объекта в указанный вид объекта.

Объекты — исходное сырье, вещество.

Вторая подгруппа включает термины, ПВО которых обозначает геологические типы почв, породы, минералы, например: *оторфованье* — «процесс превращения органических остатков при непол-

ном разложении в торф и образование торфяных почв», *доломитизация, аргиллизация, оглинение*.

Типовая семантика: естественный процесс превращения (перехода) объекта в указанный вид объекта (конечного продукта).

Объекты обозначены ПВО.

Таким образом, особенностью терминов всех ЛСГ первого типа является то, что процессы, именуемые терминами, протекают естественно, самопроизвольно, без соотнесенности с субъектом.

Второй тип подкласса Б на основе характера преобразуемого свойства объекта выделяет шесть ЛСГ.

Первая ЛСГ — термины процессов приобретения объектом указанных свойств.

Идентификаторы группы выражены именами действия — приобретение, сообщение, создание, а по ПВО выделяются три подгруппы.

Подгруппа первая включает термины процессов, у которых ПВО выражены существительными с семантикой отдельных свойств, присутствующих будущей готовой продукции, например: *увлажнение зерна* — «сообщение зерну влаги или получение зерном влаги», *мягчение кож, умягчение воды, стерилизация, стабилизация, нейтрализация почвенного раствора*.

Типовая семантика: сообщение объекту (или получение объектом) указанного свойства, присущего получаемой продукции.

Объекты — продукция растительного или животного происхождения, реже — устройства, почвы и др.

Вторая подгруппа включает термины, у которых ПВО выражены существительными со значением будущих свойств изделий, изготовленных из растительного или животного сырья, например: *анимализация* — «обработка, сообщаемая растительному волокну свойство животного (лат *animal* — животное) волокна», *скарификация семян, гуманизация кормов, котонизация волокон*.

Типовая семантика: сообщение объекту указанного свойства, присущего получаемой из него продукции.

Объекты — сырье растительного или животного происхождения.

При этом получаемые признаки могут быть как желательными свойствами (см. приведенные выше примеры), так и нежелательными, самопроизвольно возникающими у объектов в процессе их функционирования. Такие термины — имена действия обозначают уже не столько процессы, сколько их результаты, например: *одревеснение* — «видоизменение оболочек растительных клеток вследствие скопления в них с возрастом лигнина, делающего оболочки твердыми и прочными, как дерево», *заизюмливание ягод и винограда, бурение ягод, осаливание масла, свойлачивание шерсти*.

Третья подгруппа включает термины, у которого ПВО выражены существительными со значением сортов продукции, например: *мадеризация вина* — «придание вину свойств мадеры», *хересованье*, *шампанизация*, *сорбитизация*, *пергаментизация*.

Типовая семантика: сообщение объекту свойств указанного сорта получаемой из него готовой продукции.

Объекты — сырье растительного или животного происхождения.

Такие термины обозначают обычно процессы, предполагающие субъект, но есть в подгруппе серия терминов, обозначающих процессы самопроизвольного приобретения объектом свойства, а ПВО выражены существительными со значением отрицательных для данного объекта параметров, характеристик, например: *истощение почвы* — «ухудшение свойств почвы и снижение ее плодородия вследствие неправильного ее использования, в результате чего почвы становятся тощими», *прогоркание вин*, *огрубление кож*, *червление плодов*, *скисание молока*, *омертвление тканей*.

Типовая семантика: самопроизвольное приобретение объектом указанных нежелательных свойств.

Объекты разнородны: сырье, продукты, живые организмы, приборы.

Вторая ЛСГ — термины процессов приобретения объектом указанных свойств поверхности.

Идентификаторы группы выражены именами действия — снабжение, получение, создание, а по характеру ПВО выделяются две подгруппы.

Подгруппа первая включает термины процессов приобретения поверхностью объекта различных изменений: 1) углубления на поверхности, например: *винтование* — «снабжение винтовой нарезкой», *пазовка*, *рифление*, *шлицевание*, *гранение*; 2) тип окраски поверхности, например: *отбеливание муки* — «сообщение белизны муке», *чернение кож*, *осветление кормов*; здесь могут быть и самопроизвольные процессы: *пожелтение* (листьев и стеблей растений в результате болезней), *позеленение колбас*, *поседение шоколада*, *побурение молока*, *покраснение мездры*; 3) тип отделки поверхности, например, *замшевание кож* — «отделка кож под замшу», *шероховка*, *ворсование*; 4) создание слоя на поверхности, способствующее функционированию, например: *оксидирование* — «создание на поверхности металла оксидных пленок, предохраняющих изделия от коррозии», *фосфатирование*, *латунизирование*, *кадмирование* и другие общетехнические термины, которые функционируют в предметных областях сельскохозяйственного машиностроения, ремонта и эксплуатации; 5) самопроизвольное возник-

кновение на поверхности объектов слоев или явлений, препятствующих функционированию, например: *заиливание почв, клейстерование аппарата, загрязнение (любых поверхностей), засорение (высевающего аппарата), замасливание электродов.*

Типовая семантика: сообщение поверхности объекта чего-либо желательного для функционирования или нежелательного, возникшего самопроизвольно в процессе функционирования.

Объекты очень разнородны: практически почти любые объекты, функционирующие в сельскохозяйственном производстве.

Вторая подгруппа включает термины процессов, у которых ПВО выражены существительными со значением возможных поражений поверхности объектов, как правило, зрительно воспринимаемых, например: *ослизнение семян* — «образование слизи на поверхности семян, приводящее к порче», *ржавление* (злаковых культур в результате грибковых болезней), *плесневение, озоление, вспенивание и пузырение бурды.*

Типовая семантика обусловлена типами ВП ПВО.

Третья ЛСГ — термины процессов приобретения объектом указанных состояний.

Идентификаторы группы выражены именами действия — приобретение, образование, а по характеру ПВО выделяются две подгруппы.

Первая подгруппа включает термины активных и неактивных процессов, у которых ПВО выражены существительными со значением видов соединений двух сред, веществ (но не химических), например: *диспергирование* — «тонкое измельчение какого-либо тела в окружающей среде до получения дисперсий», *эмульсирование, суспендирование, амальгирование.*

Типовая семантика: процесс приобретения объектом нового состояния путем соединения двух или более сред.

Объекты: два или более вещества или среды.

Термины функционируют в агрохимии, фитопатологии, микробиологии.

Вторая подгруппа включает термины с идентификатором — превращение, переход, а ПВО выражены существительными со значением какого-либо состояния объекта, например: *отверждение зерновки* — «переход зерновки в твердое состояние в результате полной спелости», *колошение хлебов* — «переход хлебов в фазу выбрасывания колоса», *озернение, порошкование минеральных удобрений, желатинизирование, клейстерование.*

Типовая семантика: переход (превращение) объекта в указанное состояние. Объекты выделяются нечетко: все объекты, которые могут изменять свое состояние.

Четвертая ЛСГ — термины процессов приобретения объектом указанной формы.

Идентификатор группы выражен именами действия — придание формы, изготовление в форме, устройство, а ПВО выражены существительными со значением какой-либо формы. При этом сообщение объекту формы может идти двумя путями: без усложнения структуры и с усложнением структуры, а потому выделяются две подгруппы.

Первая подгруппа представляет собой довольно четкую группировку терминов со значением процессов укладывания, складывания, а ПВО — виды упаковок для хранения, например: *папушовка* табака — «связывание листьев табака в особые пачки — папуши», *копнение* (сена, соломы), *стогование*, *скирдование*, *валкование*, *формование* (торфа), *плющение* (гороха), *террасирование* (склонов), *тюкование*, *пакетирование*, *буртование* (свеклы), *штабелирование*.

Типовая семантика: придание объекту (приобретение объектом) указанной формы, предназначенной для хранения объекта.

Объекты: сельскохозяйственная продукция.

Вторая подгруппа включает термины, у которых приобретение формы происходит с усложнением их структуры, например: *гранулирование минеральных удобрений* — «придание порошковидным удобрениям формы гранул», *брикетирование*, *таблетирование*, *кубирование (мяса)*.

Термины в этой подгруппе обозначают сложные процессы перемешивания, составление сухих смесей и только потом придание им определенной формы.

В этой подгруппе выделяется ряд «серий» терминов: 1) процесс приготовления веществ — смесей, например: *силосование* — «процесс изготовления силоса из зеленой массы в особых силосных ямах»; 2) ПВО имеет значение формы с количественной семантикой, например: *сдваивание паров*, *двойникование кристаллов*, *сдваивание лент (в хлопкопрядении)*.

Типовая семантика: приобретение объектом новой, более сложной формы, целесообразной для данного процесса.

Объекты: вещества, которые можно смешивать и придавать им форму.

Пятая ЛСГ — термины процессов приобретения объектом указанного движения.

К этой группе относится небольшое число терминов, у которых идентификаторы выражены субстантивными словосочетаниями — движение в форме, виде, а ПВО — существительными со значением типов движения, перемещения объекта, являющегося нарушением его нормального состояния, например: *галомирование хрономет-*

ра, каскадирование шнека, шиммирование, петляние (утки в текстильной промышленности), фонтанирование и др. общетехнические термины, функционирующие в сельскохозяйственном машиностроении и эксплуатации машин.

Типовая семантика: приобретение объектом указанной нецелесообразной формы движения.

Объекты: подвижные детали, устройства, механизмы.

Шестая ЛСГ — термины процессов разделения объекта на указанные части.

Идентификаторы группы выражены субстантивными словосочетаниями — процесс разделения, разделки, раскроя, а ПВО выражены существительными со значением получаемых в результате процесса составных частей, участков, отрезков, например: *филетирование* — «процесс разделки туш животных на филе», *раскряжевка деревьев*, *чепракование*, *крупонирование*.

Типовая семантика: процесс разделения объекта на указанные части.

Объекты: сырье растительного или животного происхождения. Термины функционируют в ТГ 9 первого подполя и ТГ 10 второго.

Таковы основные группировки 2-го класса. Общая классификация дана в табл. 4.

Таблица 4

Лексико-семантическая классификация терминологического поля процессов сельскохозяйственной терминологии

Òáðëëéú ííëý ñáëüñëíðíçýéñðááíúð íðíðáññíá

1 èëáññ. Òáðëëéú íáðáçòëúðáðèáíúð íðíðáññíá

ííáèèáññ Á. Òáðëëéú íðíðáññíá, ó èíðíðúò ÍÁÍ íá íðèíáá-èáæð íáúáèðáí

Òèí 1. Òáðëëéú íðíðáññíá, íá ñííáúàðùèò +ááí-èèáí íáúáèðáí

ÈÑÁ òáðëëéú íðíðáññíá:

1. áíçááèñðáèý íá íáúáèð;
2. ñíááèíáíèý íáúáèðá;
3. òñðáííáèáíèý íáúáèðá á óèàçáííé òí+èá;
4. ðàçááèèáíèý íáúáèðá;
5. íáðáíáúáíèý íáúáèðá;
6. óíàèíáèè íáúáèðá;
7. òðáíáíèý íáúáèðá.

Òèí 2. Òáðëëéú íðíðáññíá, ñííáúàðùèò +ðí-èèáí íáúáèðáí

ííáðèí 1. Òáðëëéú íðíðáññíá íðèááíèý íáúáèðò +ááí-èèáí

ÈÑÁ òáðëëéú íðíðáññíá:

1. áááááíèý á íáúáèð;

2. çãlîëíáíëý íáúáëòà;
3. íãñúúáíëý íáúáëòà;
4. ííëpúòëý íáúáëòà;
5. ñíááæáíëý íáúáëòà;
6. áíáäpáíëý á íáúáëò;
7. ñáííñóíýòáëúííáí
ípeíápaóáíëý íáúáëòíí
+ááí-ëëáí.

Ííàðëí 2. Òáplëíú ípiòáññíá çàíáíú
á íáúáëòà +ááí-ëëáí
ËÑÁ òáplëííá ípiòáññíá çà-
íáíú á íáúáëòà +ááí-ëëáí.

Ííáëëáññ Á. Òáplëíú ípiòáññíá, ó ëíðípuò ÍÁÍ ípeíááëáæáò
íáúáëòáí

Òëí 1. Òáplëíú ípiòáññíá, ó ëíðípuò ÍÁÍ
yáëýbõñý íòááëúíúíè ñóípiíáíè íáúáëòà
Ííàðëí 1. Òáplëíú ípiòáññíá, áúçúáäp-
ùëò ëá+áñòááííúá è ëíëë+á-
ñòááííúá èçíáíáíëý íáúáëòíá
ËÑÁ òáplëííá ípiòáññíá:

1. óááëáíëý ípëçíáëá èç
íáúáëòà;
2. áíçááëñòáëý íá óéáçáííúé
ó+áñòíë íáúáëòà.

Ííàðëí 2. Òáplëíú ípiòáññíá, íá áúçú-
áäpùëò ëá+áñòááííúò è ëíëë-
+áñòááííúò èçíáíáíëé íáúáë-
òíá
ËÑÁ òáplëííá ípiòáññíá, íá
áúçúáäpùëò ëá+áñòááííúò è
ëíëë+áñòááííúò èçíáíáíëé
íáúáëòíá.

Òëí 2. Òáplëíú ípiòáññíá, ó ëíðípuò á ëá-
+áñòáá ÍÁÍ áúñòóíáòò ñáíè íáúáëòú
ËÑÁ òáplëííá ípiòáññíá:

1. ípeíáíáíëý óëáçáíííáí
íáúáëòà;
2. ñáííípiëçáíëúííáí ípáíá-
páçíááíëý íáúáëòà;
3. óíë+òíæáíëý íáçááíííáí
íáúáëòà;
4. ñáííípiëçáíëúííáí pàçpó-
øáíëý íáúáëòà.

11 ëëáññ. Òáplëíú pàçóëúòáòëáíúò ípiòáññíá

Ííáëëáññ Á. Òáplëíú ípiòáññíá, á ëíðípuò á ëá+áñòáá ÍÁÍ
áúñòóíáòò pàçóëúòáòú ípiòáññíá

ËÑÁ òáplëííá ípiòáññíá:

1. èçáíðíáëáíëý íáúáëòà;
2. ííñòííëëé íáúáëòà;
3. ípeáíðíáëáíëý íáúáëòà.

Ííáëëáññ Á. Òáplëíú ípiòáññíá, á ëíðípuò á ëá+áñòáá ÍÁÍ
áúñòóíáòò ííáúá ípëçíáëë, ípeíápaóáííúá
íáúáëòáíè á pàçóëúòáòá ípiòáññíá

Òëí 1. Òáplëíú ípiòáññíá, á ëíðípuò ÍÁÍ
áíçíëëáòò á pàçóëúòáòá ííëííáí ípá-
íápaçíááíëý íáúáëòíá

ËÑÁ òáplëííá ípiòáññíá:

1. pàçéíæáíèÿ ñ íápàçíáâ-íèàì èííá+ííáí ípíáóèðà;
 2. ipèñíáâèíáíèÿ ñ íápàçí-áàíèàì èííá+ííáí ípí-áóèðà;
 3. ipáápàùáíèÿ íáúáèðíá.
- òèì 2. Òáπíèùú ípíóáññíá, á èíóíπúò íáí áíçíèèèàòò á pàçóèúòàðà èçíáíáíèÿ íð-áàèúíúò ñáíèñòá íáúáèðíá
- ÈÑÁ òáπíèíá ípíóáññíá:
1. ipèíápáðáíèÿ íáúáèðíí óèàçáííúò ñáíèñòá;
 2. ipèíápáðáíèÿ íáúáèðíí óèàçáííúò ñáíèñòá íí-áápóííñòè;
 3. ipèíápáðáíèÿ íáúáèðíí óèàçáíííáí ñíñòíÿíèÿ;
 4. ipèíápáðáíèÿ íáúáèðíí óèàçáíííé óíπíú;
 5. ipèíápáðáíèÿ íáúáèðíí óèàçáíííáí áàèæáíèÿ;
 6. pàçááèèáíèÿ íáúáèðà íà óèàçáííúá +áñòè.

При этом необходимо отметить, что термины 1-го и 2-го классов вступают в контрадикторные отношения по своим идентификаторам ЛСГ: 1) образование (2 класс А) — разрушение (1 класс Б); 2) образование слоя (2 класс Б) — удаление слоя (1 класс Б) и др.

Завершая лексико-семантическую классификацию терминологического поля процессов сельскохозяйственной отрасли, необходимо отметить как характерную особенность взаимопроницаемость и пересекаемость парадигм всех типов.

Во-первых, пересекаемость комплексных и классифицирующих всех парадигм:

- между классами,
- между подклассами А и Б,
- между типами в подклассах,
- между ЛСГ,
- внутри ЛСГ в вариантных парадигмах тождества (см. случаи дуплетности), несовместимости, подчинения, соподчинения и эквивалентности и т. д.

Во-вторых, поля терминов процессов в терминологическом материале бытуют не изолированно, параллельно друг другу, а симбиозно. Основным является, безусловно, поле деятельности (действия), что обусловлено самим характером научной и научно-производственной деятельности. В это основное поле деятельности как бы «вмонтированы» поля отношения и состояния, т. к. значение воздействия на объект поля деятельности совмещается со значениями взаимосвязи, обладания, сохранения, утраты и другими значе-

ниями поля отношения (см. 1–6 ЛСГ 1-го класса А, второго подтипа, а также — 3 ЛСГ 1-го класса Б второго типа). Вместе с этим значения поля деятельности совмещается со значениями становления качества, проявления качества, изменения состояния и др. (см. ЛСГ 1–6 второго класса Б типа 2). Различные значения состояния на фоне деятельности усиливаются тогда, когда процессы протекают самопроизвольно, не соотнесенные с субъектом. В целом взаимодействие полей — это также проявление взаимодействия сверхпарадигм, о которых речь шла в первом случае, но мы считали необходимым остановиться на этом особо.

В-третьих, наблюдается взаимодействие универсальных понятийных категорий в общем сельскохозяйственном понятийном континууме. Так, категория процессов непосредственно взаимодействует с категорией предметов:

семена ← апробация ← апробатор
(категория предметов) (кат. процессов) (категория профессий)

Категория процессов опосредованно взаимодействует с категориями свойств и величин. Но и опосредованные категории настолько тесно взаимодействуют с категорией процессов, что, к примеру, категория свойств бытует только через действие и в действии:

1) свойства, проявляющиеся через действие объекта, обладающего этим свойством, например: *урожайность сельскохозяйственных культур* — «способность сельскохозяйственных культур давать урожай в конкретных условиях»;

2) свойства, проявляющиеся через противодействие объекта какому-либо другому действию, например: *засухоустойчивость растений* — «способность растений противостоять вредному воздействию засухи»;

3) свойства, проявляющиеся через действие, направленное на сам объект, например: *жизнеспособность семян* — «способность зародыша семян развиваться в соответствующих условиях»;

4) свойства, проявляющиеся через действия, последовательно направленные на сам объект, а затем формирующие другие объекты, например: *жизненность семян* — «способность семян дружно прорасти и формировать нормальные проростки в конкретных условиях культуры» (Бутрим 1986: 32). Приведенные примеры доказывают, что категория процессов не просто взаимодействует с другими категориями, а организует их бытование.

В-четвертых, взаимодействие иерархических парадигм девяти уровней в понятийном континууме, организованной взаимодействием архисем разного объема: классовых, подклассовых, типовых, подтиповых, родовых и видовых.

В-пятых, взаимодействие тематических блоков разных объемов, а также взаимодействие понятийного и тематического континуумов, которое, как мы видели, проявляется в том, что базовые термины (термины нулевого и первого уровней иерархии) становятся «организаторами» (суперординатами) тематических областей.

В-шестых, взаимодействие деривационных парадигм, обусловленное мотивировочным наследием русских общеязыковых глаголов, а также мотивационными отношениями глагола и имени в терминосистеме.

В-седьмых, взаимодействие терминологических парадигм по степени терминологизации на основе «градуса изоморфности» (обозначение Л. Л. Кутиной) системы понятий (полюс логоса) и системы манифестирующих ее языковых единиц (полюс лексиса), которые во всех своих звеньях по самой логике вещей, по необходимости, — гибричны.

Из этого неизбежно следует более высокая степень иерархичности всего лексико-семантического поля сельскохозяйственных процессов. Так, в структуре словаря общенародного глагола выделено четыре иерархические ступени: три поля разбиваются на 19 подполей, которые формируются общей совокупностью 108 ЛСГ, выделяющие в своем составе 76 подгрупп (Лексико-семантические группы... 1986). В проведенной лексико-семантической классификации терминологического поля сельскохозяйственных процессов обнаружено семь ступеней иерархии: 2 класса, 4 подкласса, 6 типов, 4 подтипа, 34 ЛСГ, 35 подгрупп, 11 лексико-семантических серий терминов.

Наконец, в-восьмых, в научно-производственной сельскохозяйственной деятельности (процессуальный срез) можно говорить о симбиозе четырех диффузных семантических сфер: натурдинамики, биодинамики, радиодинамики и социодинамики.

Таким образом, в целом проанализированное поле сельскохозяйственных процессов представляет собой такое связанное открытое множество, которое включает конгломерат всех описанных в науке типов парадигм разной конгруэнтности. Можно предполагать, что моделирование этой адаптивной системы может идти по типу генетического кода, то есть трансляция ее многомерна, многонаправленна и «переписывается» многократно.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамов В. П. Структурно-семантическое описание глаголов передачи в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук М., 1980.

Абрамов В. П. Выражение передачи глаголами, сходными с классом глаголов передачи // Лингвистическая семантика и логика. М., 1983.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

Авилова Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М., 1967.

Авилова Н. С. Способ глагольного действия, глагольная семантика и вид глагола. // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973. С. 3–21.

Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.

Aggrel S. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Lund. 1908.

Аглаидзе Т. К. Синтаксическая сочетаемость словопроизводственной группы «братъ»: Автореф. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1973.

Аликаева Г. В. Гнезда слов со связанными корнями в английском языке: Автореф.... канд. филол. наук. М., 1980.

Альтман И. В. Отглагольные гнезда: Типология и семантика. Кн.1 // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981. С. 54–60.

Альтман И. В. Отглагольные гнезда: Типология и семантика. Кн.2 // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982. С. 148–157.

Адамец П. Изучение валентности русских глаголов на философском факультете Карлова университета // Актуальные проблемы русского синтаксиса: (Публикации лаб. «Рус. яз. и рус. лит. в совр. мире» филол. фак-та Моск. ун-та). М., 1984. С. 112–122.

Амиантова Э. И. Соотношение семантической и словообразовательной структуры глаголов с приставками (На материале трех групп производящих глаголов: ЛСГ «резать», ЛСГ «положения в пространстве», ЛСГ «изображения»): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Андреев Н. Г. Луговое и полевое кормопроизводство. М., 1975. С. 204–217.

Андреев Н. Д. Структурно-вероятностная типология отношений между семантикой слова и его грамматическими категориями // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения., М. 1975. С. 77–90.

Анисимов Г. А. О способах глагольного действия в русском языке // Рус. яз. в шк. 1974. № 2. С. 88–93.

Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

Апресян Ю. Д. Лексические антонимы и преобразования с ними // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 326–349.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь. // Вопр. языкознания. 1986. № 2.

Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа считать / / Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 7–22.

Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. № 4. С. 27–40.

Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря. // Прагматика: семантика, синтаксис, текст. М., 1993.

Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1.: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Т. 2.: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Араева Л. А. К вопросу о взаимодействии межсловной и внутрисловной дериваций // Деривация в речевой деятельности: Языковые единицы. Пермь, 1988. С. 46–47.

Аринштейн В. М. Структура предложения и семантика глагола: (к проблеме обязательности / факультативности объекта) // Взаимодействие языковых единиц различных уровней. Л., 1981. С. 3–16.

Арнольд И. В. Стилистика декодирования: Курс лекций. Л., 1974.

Арутюнова Н. Д. Семантическое согласование слов и интерпретация предложений // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 156–249.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: (Оценка. События, Факт.). М., 1988.

Арутюнова Н. Д. Молчание: контекст употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 106–117.

Архангельская А. Л. Функционально-семантический анализ соотносительных возвратных и невозвратных глаголов русского языка. // Функциональный синтаксис и семантика. М., 1991. С. 39–47.

Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. В. Я Проппа. М., 1957. Т. 2, 3.

Ахманов А. С. Логическое учение Аристотеля. М., 1960.

Ахманова А. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Бабенко Л. Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова): Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1980.

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

Базилевич Л. И., Кривченко В. Л. Типы семантических связей и лексико-семантические группы слов (На материале стальных глаголов русского языка) // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1977. № 3. С. 84–91.

Балашова Л. В. Глаголы, обозначающие переход из одного состояния в другое с нарастанием признака: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Бахарев А. И. Отрицание в логике и грамматике. Саратов, 1980.

Бацевич Ф. С. Внутриструктурное развитие глаголов социальных отношений в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1980.

Бацевич Ф. С. Типы вариативности лексических единиц в аспекте речепорождения // Вариантные отношения в языке и тексте. Екатеринбург, 1993.

Бацевич Ф. С. Функционально-отражательное изучение лексики: (на материале русских глаголов). Львов, 1992.

Белашапкина В. А., Милославский И. Г. Вопросы идеографической грамматики русского языка // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В. А. Белашапкиной и И. Г. Милославского. М., 1988. С. 3—11.

Белашапкина Т. В. Категория ослабленности действия в современном русском языке. // Рус. яз. за рубежом. М., 1992. № 4. С. 94—97.

Белюсов В. Н. Глаголы с неполной знаменательностью и их синтаксические характеристики // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М., 1989. С. 141—162.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.

Бережан С. Г. Отражение семантических системных связей лексических единиц в одноязычном толковом словаре // Словарные категории. М., 1988.

Бесолова Е. Б. Непроизводные глагольные основы как производящая база в современном русском словообразовании (синхронно-диахроническое исслед.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1975.

Блинова О. И. Явление мотивации слова. Томск, 1984.

Библиотека русского фольклора: Сказки. М., 1989. Кн. 1.

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.

Богуславский И. М. [Рецензия] Рец. на кн.: Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Verlag Otto Sagner. Munchen, 1992. // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 164—168.

Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.

Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.

Бондарко А. В. Виды глагола и способы действия в русском языке // Рус. яз. в нац. шк. 1971. № 2. С. 6—17.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

Бондарко А. В. К проблеме соотношения универсальных и идеотнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопр. языкознания, 1992. № 1. С. 5–19.

Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

Боровикова Н. А. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

Бочкарева Г. А. О границах корневых слов: (на материале префиксальных глаголов со связанными корнями) // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.

Бродская Б. А. Метафорические связи слов в словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. Ч. 1. С. 276–288.

Бродская Б. А. Некоторые наблюдения над метафоризацией однокоренных глаголов в современном русском языке // Русское словообразование. Труды Самаркандского госун-та. Вып. 209. Самарканд, 1972. С. 237–264.

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976.

Булгакова О. А. Полисемия суффиксальных субстантивов: на материале кемеровских говоров: Автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.

Булгыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Бурдин С. М. Выступление на Всесоюзном терминологическом совещании: Вопросы терминологии. М., 1961. С. 106–107.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Бутрим В. Е. Особенности семантики термина категории свойств // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986. С. 24–36.

Быкова Л. А. Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке // Тр. Филол. ф-ту Харьк. держ. ун-ту. 1958. Т.6.

Васильев Л. М. Семантические классы русского глагола: (глаголы чувства, мысли, речи и поведения). Уфа, 1970.

Васильев Л. М. Модальные глаголы русского языка в их отношении к структуре предложения // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976. С.14–26.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981.

Васильев Л. М. Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1985.

Васильев Л. М. Вариантные формы предикатов состояния в современном русском языке // Вариантные отношения в языке и тексте, Екатеринбург, 1993. С. 25–32.

Вараксин Л. А. К вопросу об однокорневых префиксальных глаголах-антонимах // Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та. 1969. Вып. 66. С. 23–35.

Вараксин Л. А. Семантическая организация префиксального глагольного словообразовательного ряда // Проблемы функционирования языковых единиц. Тюмень, 1993. С. 58–66.

Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. Екатеринбург, 1996.

Варченко Ф. И. Синонимические связи глаголов и его функции. М., 1972.

Вежибicka А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 13. С. 336–369.

Вепрева И. Т., Жданова О. П. Комплементарный тип организации русских глаголов // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1975. С. 3–12.

Вепрева И. Т. О семантической соотнесенности однокоренных глаголов // Семантика и структура предложения: Лексическая и синтаксическая семантика. Уфа, 1978. С. 63–70.

Вепрева И. Т. Формально-семантические связи приставочных глаголов, образованных от семантически тождественных корней: Автореф. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.

Вепрева И. Т., Гоголина Н. А., Жданова О. П. Типы внутренней организации глагольных ЛСГ // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984. С. 4–17.

Верднева З. Н. Семантическое поле в современном русском языке. М., 1986.

Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическим в структуре языка // Мысли о современном русском языке: Сб. ст. / Под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1969. С. 5–24.

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972.

Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 47–68.

Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИФЛИ. 1939. Т. 5. С. 3–54.

Волчкова И. М. Функции возвратного местоимения себя в причинной позиции: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1988.

Вольф Е. М. Состояние и признаки. Оценки состояния // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Гайсина Р. М. Глаголы соответствия в русском языке // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979.

Гайсина Р. М. Значение и синтагматика глаголов: (на материале глаголов отношения). Уфа, 1980.

Гайсина Р. М. Диалектика межкатегориального перехода понятия // Переходность и синкретизм в языке и речи. Уфа, 1991. С. 31–37.

Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 78–96.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973. С. 326–349.

Гак В. Г. Номинализация сказуемого и способы устранения субъекта

// Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 85–108.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. М., 1977.

Галенко И. Г. Мотивация глаголов поведения в русском языке // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982.

Галкина-Федорук Е. М. Междометия // Современный русский язык: Морфология (Курс лекций) / Под ред. акад. В.В.Виноградова. М., 1952.

Ганжа Р. С. Изучение глагольной семантики // Рус. яз. в шк. 1970. № 4. С. 33–39.

Гинзбург Е. Л., Крейдлин Г. Е. Родо-видовые отношения в языке: (лексические и семантические варианты видовых операторов) // НТИ. Сер. 2. 1982. № 10. С. 27–31.

Глазырина Э. В. К вопросу о категории залога в современном русском языке // Лингвистический сб. Уральского университета. Свердловск, 1963. Вып. 1. С. 127–139.

Глейбмен Е. В. Аспекты глагольной семантики. Кишинев, 1983.

Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Гогулина Н. А. Лексико-семантическая группа глаголов межличностных отношений: (на материале русского литературного языка XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.

Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

Голев Н. Д. Функции эпидигматики в языке и речи: (постановка проблемы) // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990.

Головин Б. Н. Замечания к теории словообразования // Учен. зап. Горьк. госуниверситета им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1967. Вып. 78.

Головин Б. Н. Каталог типов приставочного внутриглагольного словообразования в современном русском литературном языке. Ч. 1 // Лексикология. Терминология. Стилистика. Горький, 1974. Вып. 3.

Головин Б. Н. Каталог типов приставочного внутриглагольного словообразования в современном русском литературном языке. Ч. 2 // Лексикология. Терминология. Стилистика. Горький, 1976. Вып. 5.

Гончаренко С. Ф. Символическая звукопись: Квазиморфема как «внутреннее слово» в процессе поэтической коммуникации // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: сборник статей / Ин-т рус. яз. М., 1995. С. 161–170.

Гордон Е. М. Каузативные глаголы в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Горский Д. П. О видах определения и их значении в наук. М., 1964.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Григорьев С. А. Междометные глагольные формы в витебских говорах белорусского языка и смежных с ними переходных смоленских говорах.

Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.

Гуревич В. В. Вид и лексическое значение глагола // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1979. № 5. С. 83–86.

Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977.

Дегтярев В. И. Основы общей грамматики. Ростов н/Д, 1973.

Демиденко Л. П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена. 1963. Т. 248.

Демидов Д. Г. Из истории предметных имен с пространственным значением в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.

Денисов П. Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 142–158.

Державина Е. И. История группы глаголов с общим значением «делать» в русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Дешериева Т. И. О соотношении модальности и предикативности // Рус. яз. 1987. № 5. С. 34–76.

Долинин И. Б. Понятие исходности и производность синтаксических структур в деривативном синтаксисе // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. Ч. 3. Пермь, 1975. С. 311–313.

Долинина И. Б. Особенности значения и способы языкового выражения предикатов в двухпредикатных комплексах: (на материале английского языка) // Категории глагола и структура предложения. Л., 1983. С. 42–50.

Егорова Е. В. К изучению категории признаковости в русском языке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1984. № 1. С. 41–48.

Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Жуковская Е. Е. Семантический анализ некоторых глаголов эмоционального состояния и их производных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.

Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.

Залевская А. А. Семантика слова и контекст в психолингвистическом аспекте // Значение и его варьирование в тексте. Волгоград, 1987. С. 70–92.

Зализняк А. М. Структурно-семантический анализ словообразовательного гнезда бить: Автореф. дис. ... филол. наук. Ташкент, 1981.

Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1965.

Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978. С. 63–78.

Земская Е. А. Структура именных и глагольных словообразовательных парадигм в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982. С. 14–17.

Земская Е. А. Виды семантических отношений словообразовательной мотивации // Wiener Slavischer Almanach. 1984. Bd. 13.

Земская Е. А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л., 1987. С. 65–73.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты синтаксиса. М., 1982.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова Г. А. О синтаксических свойствах имен качества. // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

Золотова Г. А. О новой русской грамматике // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. М., 1995. С. 164–172.

Ибрагимова В. А. Категориальная семантика глагольного слова и проблема типологии глагола // Исследования по семантике. Уфа, 1991. С. 52–59.

Ибрагимова Р. М. Семантические классы глаголов колебательного и вращательного движения в русском языке // Исследования по семантике: Лексическая и фразеологическая семантика. Уфа, 1982.

Иванова Т. Ф. Типы мотивационных отношений в лексико-словообразовательном гнезде. Учен. зап. Ташкентского педаг. ин-та им. А. Навои. 1975. Т. 143. Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. 1. С. 355–360.

Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского М., 1988.

Ильенков Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1984.

Иноземцева В. А. О связи смысловой структуры корневого слова со смысловой структурой производного слова // Проблемы английской филологии. Иркутск, 1967. С. 51–64.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Морфология. Братислава, 1960.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

Караулов Ю. Н. Словарь как компонент описания языка // Принципы описания языков мира. М., 1976.

Караулов Ю. Н. и др. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980.

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.

Каримова Р. Х. Семантическая структура и словообразовательные связи многозначного слова в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Карунц Р. Г. О специфике словообразовательных гнезд глаголов звучания // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.

Касевич В. Б., Храковский В. С. Конструкции с предикатными актантами: Проблемы семантики // Категория глагола и структура предложения. Л., 1983. С. 5–28.

Касимова Г. К. Глаголы со значением информации и субъектные связи их предикативных форм // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М., 1989. С. 86–99.

Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.

Качкина Г. С. К проблеме значения морфем. Учебн. пособие. Л. ЛГУ, 1963.

Кеворкова З. Г. О степени семантической связанности между членами словообразовательного гнезда // Рус. яз. в шк. 1979. № 6. С. 76–80.

Ким О. М. Язык в «действии» и семантика // Исследования по семантике. Уфа, 1990.

Кириян А. Д. Градация как способ организации лексико-семантической группы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Киселева О. Н. Об отраженной многозначности в словообразовательных словарях // Всесоюзная конференция «Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии»: Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. Тез. докл. М., 1988. С. 97–98.

Кияшева А. А. Семантическое поле глаголов эмоций в современном русском и казахском языках. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985.

Клеопатрова Л. Ф. ЛСГ глаголов разъединения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1982.

Ковалик И. И. Корень слова и его роль в словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978. С. 39–42.

Коготкова Т. С. Профессионально-терминологическая лексика в газете: Способы раскрытия и введения в текст // Терминология и культура речи. М., 1981. С. 66–87.

Козельская Н. А. ЛСГ глаголов изменения функционального состояния в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1984.

Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 56–64.

Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980.

Комарова З. И. Семантические проблемы русской отраслевой терминологии. Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Екатеринбург, 1991.

Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991.

Комарова Н. А. Отвлеченная лексика, выражающая понятия внутреннего мира в прозе М. Ю. Лермонтова. М., 1961.

Корнеева Л. Т. Глаголы-антонимы в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Коробова М. М. Глаголы несовершенного вида с непарновидовыми значениями и их лексическая характеристика // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М., 1989. С. 112 – 143.

Косериу Э. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969. С. 93–104.

Коссек Н. В., Костюк В. Н. Сильное и слабое отрицание в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982. С. 50–62.

Котелова Н. З. Проект создания словаря новых слов и значений. Л., 1982.

Кравченко А. В. О когнитивной неэквивалентности активных и пассивных конструкций (к проблеме залога) // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1992. № 1. с. 99 - 105.

Кравченко А. В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Изв. РАН. 1993. Т. 52 № 3. С. 45–54.

Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина. М., 1989.

Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. М., 1979.

Кретов А. А. Опыт исторического исследования русской глагольной лексики // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994. С. 85–91.

Кретов А. А. Семантические процессы в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1980.

Кржижкова Е. Заметки о месте негации в языковой структуре // Единицы разных уровней языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 187–206.

Кронгауз М. А. Текст и взаимодействие участников в речевом акте // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 22–30.

Кубрякова Е. С. Теория мотивации и определение степеней мотивированности производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1976.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978. Кубрякова Е. С., Соболева П. А. О понятии парадигмы в словообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 5–23.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 141–172.

Кубрякова Е. С. Размышления об аналогии // Сущность развития и функции языка. М., 1987.

Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 84–90.

Кубрякова Е. С. Лексикализация грамматики: Пути и последствия // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995. С. 16–25.

Кузмичева Г. В. Базовая лексика терминосистемы «Кардиология» // Термины в языке и речи. Горький, 1985. С. 67–71.

Кузнецов С. А. Способы глагольного действия как объект лексикографического описания // Советская лексикография: Сб. ст. М., 1988. С. 150–158.

Кузнецова А. И. Смысловые отношения и их исторические изменения в ЛСГ глаголов движения русского языка (с XI по XX век): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

Кузнецова Э. В. О пересекающемся характере лексических групп слов // Семантика и структура предложения: Лексическая и синтаксическая семантика. Уфа, 1978.

Кузнецова Э. В. Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1982.

Кузнецова Э. В. Семантическая структура глаголов физического восприятия. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Кузнецова Э. В. Формально-семантический анализ вариантов глагола брать. // Исследования по семантике. Уфа, вып. 1. С. 44–58.

Кузнецова Э. В. Язык в свете системного подхода. Свердловск, 1983.

Кузнецова Э. В. Два типа глагольных значений // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985. С. 27–37.

Кузнецова Э. В. Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложений // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986. С. 4–11.

Кузнецова Э. В. Глагол и имя: их противоположность и единство // Номинативные единицы языка и их функционирование. Кемерово, 1987. С. 3-4.

Кузнецова Э. В. О двух типах парадигм // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1987. С. 32–33.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.

Кульбакин А. А. Функционально-семантическое поле повторяемости (множественности) в русском языке в сопоставлении с немецким. // Рус. яз. за рубежом. 1992. № 4. С. 73–80

- Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Кусова М. Л. Функционально-семантический аспект классификации глагольных антонимов // Исследования по семантике. Уфа, 1989. С. 95–101.
- Кустова Г. И., Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 96–106.
- Кухтенкова Г. Г. Способы действия и их влияние на вид глагола // Вопросы современного русского языка: (Грамматический строй и стилистика). Челябинск, 1966. Вып. 1.
- Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина М., 1989.
- Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект / Пер. с англ. и нем. М., 1996. С. 143–184.
- Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. / Пер. с англ. и нем. М., 1996. С. 167–184.
- Лебедева Н. Б., Янценецкая М. М. Типы субъектов // Вариантные отношения в языке и тексте. Екатеринбург, 1993.
- Лев Л. С. Особенности построения словообразовательных гнезд от производных глаголов // Учен. зап. Азерб. пед. ин-та рус. яз. и лит. Баку, 1977. Вып. 1. С. 31–36.
- Левицкий В. В. Типы лексических микросистем и критерии их различия // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1988. № 5. С. 66–73.
- Левицкий В. В. Фонетическая мотивированность слова // Вопр. языкознания. 1994. № 1. С. 26–37.
- Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. словарь—справ. Свердловск, 1986.
- Лейчик В. М. Исходные понятия, основные положения, определения современного терминоведения и терминографии // Вестн. Харьк. политехн. ун-та. 1994. Вып. 1. С. 147–180.
- Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тез. междуна-родн. конф. М., 1995. Т.1–Т.2.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Локк Дж. Избранные философские произведения. М., 1960.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика // Сочинения. Т.4 СПб., 1898.
- Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 56–57.
- Лопатин В. В. Собирательность в русском языке: Фрагмент функциональной грамматики // Русистика сегодня. М., 1995. № 3. С. 34–49.
- Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Лотте Д. С. Как работать над терминологией: Основы и методы. М., 1968.
- Лукин В. А. Семантические примитивы русского языка. М., 1990.

Лукин В. А. Лексическое и грамматическое: от различия к сходству. // Русский язык. М., 1992.

Лукин В. А. Концепты истины и слово истина в русском языке: (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопр. языкознания. М., 1993. № 4. С. 63 — 87.

Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.

Лыкова Н. А. О границах между словоизменением, формообразованием и словообразованием в русском языке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1981. № 3. С. 48—54.

Макарова Л. И. Взаимодействие ЛСГ как выражение системной организации словаря: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1975.

Манучарян Р. С. Значение деривационное и значение словообразовательное // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978. С. 12—15.

Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Изв. АН СССР. 1948. Вып. 4.

Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке: (Значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.

Маслов Ю. С. Вид // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 104—106.

Маслов Ю. С. Универсальные семантические компоненты в создании грамматической категории совершенного / несовершенного вида // Советское славяноведение. 1924. № 4.

Мартине А. Структурные вариации в языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 4. М., 1965.

Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. / Пер. с англ. и нем. М., 1996. С. 93—142.

Медведев А. А. Методы построения словарных определений лексики (на материале русского языка). Киев, 1972. С. 78—114.

Милославский И. Г. Вид русского глагола как словообразовательная категория // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1989. № 4. С. 37—44.

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка М., 1981.

Милославский И. Г. Словообразование // Современный русский язык: Теоретический курс / Под ред. В.В. Иванова. М., 1989.

Милославский И. Г. Морфология // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1981.

Мирославская Л. Н. Системный статус категории возвратности: // Типология языков: теоретические и прикладные аспекты. Ярославль, 1990. С. 68—72.

- Михайлов В. А. Генезис антонимических оппозиций. Л., 1987.
- Михайлова О. А. Глаголы со специализированными предметно-субъектными семами в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.
- Михайлова О. А. Парадигматические особенности глаголов периферийного класса // Типы языковых парадигм, Свердловск, 1990. С. 53-57.
- Михайлова О. А. Возвратные глаголы в словаре лексико-семантических групп // Глагол в системе языка и речевой деятельности. Материалы науч. лингв. конф. Свердловск, 1990. С. 87–88.
- Михайлова О. А. Предложения с предикатами «свойства» (вариантные отношения) // Вариантные отношения в языке и тексте: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993.
- Михайлова О. А., Плотникова А. М. Функциональные глаголы и их употребление в речи // Структура и семантика языковых единиц в речи: Межвуз. сб. науч. тр. Уфа, 1994. С. 14–21.
- Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Л., 1987.
- Моисеев А. И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 127–139.
- Морозов А. В. Способ глагольного действия как фактор, влияющий на семантический потенциал приставочного глагола // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: Языковые и внеязыковые факторы. Барнаул, 1993. С. 144–151.
- Морозов А. В. Источники полисемии отглагольных существительных в современном русском языке: на материале дериватов от глаголов физического действия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.
- Морозова Т. С. Структура словообразовательных парадигм русского глагола. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Морковкин В. В. Лексическая система как объект лексикографирования // Проблемы учебной лексикографии: состояние и перспективы развития: Материалы общесоюз. конф. Симферополь, 1992. С. 142 - 193.
- Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Конспект лекций. Пермь, 1984.
- Мурзин Л. Н. Парадигма и классы слов // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1987.
- Мурзин Л. Н. Глагол и его маски // Вариантные отношения в языке и тексте. Екатеринбург, 1993, с. 4 - 11.
- Москвин В. П. Семантика и синтаксис русского глагола. Киев, 1993.
- Муниенко В. П. Понятийные категории как источник современного когнитивного функционализма // Русский язык и литература в обучении иностранных студентов. Киев, 1991. С. 74–79
- Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971,
- Начинкина Г. М. Разновидности смысловых отношений между производными и базовыми словами и условия многозначности производных // Рус. яз. в шк. М., 1973. № 6.

Немченко В. Н. Основные понятия морфемики в терминах: Крат. словарь-справ. Красноярск, 1985 (Немченко — 1).

Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985 (Немченко — 2).

Немченко В. Н. Основные понятия лексикологии в терминах: Учебный словарь-справ. Н.Новгород, 1995 (Немченко — 3).

Нестерова Н. Г. Мотивационное значение слова и его статус. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.

Никитин М. В. О предмете и понятиях комбинаторной семантики. // Проблемы лексической и грамматической семасиологии. Владимир, 1974. С. 3 — 40.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

Никитченко Н. С. Способы образования новых значений, отличные от семантической деривации // Лингвистические исследования. 1984: Историко-типологическое изучение разносистемных языков. М., 1984. С. 147 — 155.

Никитченко Н. С. Семантические неологизмы, возникшие за счет семантико-морфологического способа // Лингвистические исследования. 1985: Структура языка и языковые изменения. М., 1985. С. 135 — 139.

Ничман З. В. Предельные и непредельные глаголы речи. // Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск, 1969. С. 47 — 59.

Новиков А. И., Ярославцева Е. И. Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. М., 1973.

Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.

Новичихина М. Е. Факторное исследование лексического противопоставления // Проблемы психолингвистики: Слово и текст. Тверь, 1993. С. 71 — 78.

Новоселова Т. И. Взаимодействие лексико-семантической группы глаголов созидания с другими группами в современном русском языке // Русская лексикология и вопросы межуровневых связей. Новосибирск, 1980.

Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность. Минск, 1972.

Огольцева Е. В. Деривационное значение как компонент семантической структуры производного слова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1992.

Онипенко Н. К. Идея субъектной перспективы в грамматике // Русистика сегодня. 1994. № 3. С. 74 — 83.

Падучева Е. В. К поискам инварианта в значении глагольных видов: вид и лексическое значение глагола // Науч.-технич. информация. Сер. 2. 1989. № 12.

Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966.

Панфилов Г. В. Грамматика и логика. М.; Л., 1963.

Пастушенков Г. А. Некоторые проблемы структуры слова. Калинин, 1977.

Пардаев А. С. Лексическая и словообразовательная антонимия в системе русского глагола // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1980. Вып. 2. С. 130—138.

Петрухина Е. В. О формализованности категории глагольного вида в русском языке // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992. С. 98—106.

Петрухина Е. В. К проблеме аспектуально релевантной классификации глагольной лексики в русском языке // *Studia rossica posnaniensia*. 1993. Z. 23. P. 165—173.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

Плотникова Г. Н., Скорнякова М. Ф. Словообразовательные особенности глаголов различных ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов / Под ред. Э. В. Кузнецовой. Иркутск, 1989. С. 61—83.

Польдауф И. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида // Вопросы глагольного вида. М., 1962.

Пономарева З. Н. Типы лексических значений и видовые характеристики глагола: (на материале ЛСГ глаголов мышления). Дис. ... канд. филол. наук. 1988.

Пономаренко Т. Г. Об изучении однокорневых глаголов с антонимическими префиксами // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1971. Т. 407. С. 175—197.

Пономаренко Т. Г. Семантическая характеристика однокоренных глаголов современного русского языка. Автореф. канд дис. Л., 1971.

Попова Т. В. Роль словообразовательного критерия в уточнении семантики слова // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1987. С. 16—22.

Попова Т. В. Семантическая насыщенность корня русского глагола // Проблемы варьирования языковых единиц. Екатеринбург, 1994. С. 85—91.

Попова Т. В. О соотношении лексико-семантической и деривационной картин мира: на материале глагольных лексико-семантических групп. // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. 12—14 мая 1995 г. Екатеринбург, 1995. С. 87—88.

Попова Т. В. Способы глагольного действия в толково-идеографическом словаре русских глаголов // Глагол и имя в русской лексикографии: Теория и практика. Екатеринбург, 1996. С. 63—67.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.;Л., 1941. Т. 4.

Прибыловский П. С. Оппозиции с семантикой начинательности в составе словообразовательного гнезда // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982. С. 313—318.

Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

Принципы описания языков мира. М., 1976.

Проект словника сельскохозяйственной энциклопедии: Рукопись для обсуждения. М., 1966.

Прокуденко Н. А. Семантика глаголов, мотивированных вещественными существительными // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 113—118.

Рахилина Е. В. О лексических базах данных // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 107—113.

Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.

Ремнева М. Л. Из истории глагольного вида в русском языке. // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1967. № 6.

Реформатский А. А. Глагольные формы типа «хлоп» // ИАН ОЛЯ, 1963. Т. 22, вып. 2. Рубрикатор реферативных изданий СССР. М., 1967. Ч. 1.

Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986.

Розина Р. И. Отношения общно-частного в языке: Диагностика // ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. 1988. Вып. 179.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Рощина Л. М. Смысловые взаимоотношения глаголов прерывисто-смягчительного способа действия и их производящих в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд. 1972. Ч. 1. С. 139—145.

Ружичка Р. К вопросу о существовании особых принципов и методов описания грамматической структуры славянских языков // Грамматическое описание славянских языков: Концепции и методы. М., 1974. С. 8—12.

Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика / Под ред. Караулова Ю. Н. М., 1992.

Русская грамматика. Praha, 1979.

Русская грамматика (РГ): В 2 т. М., 1980.

Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Русский язык и советское общество: Проспект монографии. Алма-Ата, 1962.

Русский язык: Энцикл. / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1979. (РЯЭ).

Русский язык. Энцикл. М., 1971.

Русова Н. Ю. Родо-видовые связи лингвистических терминов // Термины в языке и речи. Горький, 1985. С. 38—45.

Рюмина Н. А. Изучение семантики «конкретной» лексики психолингвистическими методами. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Рюмина Н. А. Изучение семантики «конкретной» лексики психолингвистическими методами. Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1987.

Салазникова Л. В. Начинательность как функционально-семантичес-

кая категория в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.

Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., 1985.

Свиштунов Н. Т. К изучению глагольных антонимов в русском языке // XXVII Герценовские чтения. Филол. науки. Лингвистика: Науч. докл. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.М.Герцена. Л., 1975. С. 14 – 19.

Свиштунов Н. Т. Глаголы-антонимы в русском языке: (к специфике антонимических связей и методике их изучения) // Слово как предмет изучения. Л., 1977. С. 73–79.

Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описания некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Семантические вопросы словообразования: Производящее слово. Томск, 1991.

Семантические типы предикатов. М., 1982.

Сентерберг И. В. Лексическая семантика английского глагола. М., 1984.

Сергеева Т. Д. Вопросы семантической типологии глагольной лексики. Барнаул, 1984.

Серебреников Б. А. Роль грамматического строя в отображении языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М., 1988.

Серебреников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике М., 1971.

Серебреников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

Сивкова Т. Н. О морфосемантической соотносительности однокоренных приставочных глаголов // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984. С. 71–77.

Сивкова Т. Н. Внутренняя и внешняя валентность глагола *крыть* и его приставочных производных: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1986.

Сивкова Т. Н. Внутренняя и внешняя валентность глагола *КРЫТЬ* и его приставочных производных. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1986.

Сигалов П. С. Русские инхоативные глаголы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963.

Сидорова Н. П. Системная организация ЛСГ глаголов звучания и их взаимосвязи с другими глагольными группами. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1983.

Слово и грамматические законы языка: глагол /Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989.

Слонимская И. М. Лексико-семантические группы и словообразование // Сб. науч. тр. МГПИ иностр. яз. им. М. Тореза. М., 1975. Вып. 93. С. 81–93.

Смолина К. П. Лексико-семантическая группа и синонимический ряд как манифестация системности в лексике // Язык: система и функционирование. М., 1988.

Соболева П. А. Опыт упорядочения способов глагольного действия // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983. С. 46–53.

Соболева П. А. Способы глагольного действия и словообразовательные разряды глаголов. // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 93–101.

Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 2.: Словообразование. Морфология. / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. М., 1987.

Современный русский язык: Теоретич. курс. Словообразование. Морфология. / Под ред. В. В. Иванова. М., 1989.

Соколов О. М. Фазовое варьирование в видовых оппозициях русских глаголов // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1985. № 4. С. 46–52.

Солнцев В. М. Понятие уровня языковой системы // Вопр. языкознания. 1972. № 3.

Стендер-Петерсен А. И. О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском // «Humanogia», № 18, Tartu, 1930.

Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикографии) // Языковая номинация (виды наименований). М., 1977. С. 112–118.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. М., 1981.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиологические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. С. 63–75.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Стернин И. А. Объем лексического значения и проблема его контекстуального варьирования // Вариантные отношения в языке и тексте. Екатеринбург, 1993. С. 114–119.

Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 1989.

Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. / авт. А. В. Бондарко и др. СПб., 1991.

Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992.

Тимофеев К. А. О некоторых вопросах словообразования. Новосибирск, 1966.

Титаренко В. Я. Функционально-семантическое поле повторяемости действий в системе полей аспектуальности // Проблемы семантики в аспекте преподавания русского языка как иностранного. М., 1991. С. 44–52.

Тихонов А. Н. К вопросу о чисто видовых приставках в современном русском языке. // Русское словообразование, - Самарканд, 1962.

Тихонов А. Н. О семантической соотносительности производящих и производных слов // Вопр. языкознания. М., 1967. С. 11–120.

Тихонов А. Н., Емельянова С. А. Виды, способы действия и словообразование // Русское словообразование. Самарканд, 1971. С. 293–300.

Тихонов А. Н. Префиксы и префиксальные глаголы в 17-томном Академическом словаре русского языка // Русское словообразование. Самарканд, 1972.

Тихонов А. Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.

Тихонов А. Н. Лексико-семантические и грамматические проблемы изучения словообразовательных гнезд. // Вопросы русского и общего языкознания. Ташкент, 1978. Вып. 549. С. 3–13.

Тихонов А. Н. Морфология // Современный русский язык: В 3-х частях. М., 1981. Ч. 2.

Тихонов А. Н. Префиксы и префиксальные глаголы в 17-томном Академическом словаре русского языка // Русское словообразование. Самарканд, 1972.

Тихонов А. Н. Лексическая мотивированность однокоренных слов // Элементы языка и их употребление в речи: Сб. науч. тр. Владивосток, 1989. С. 188–203.

Тихонова Е. Н. Семантическая структура производных глаголов деятельности с пространственными префиксами // Элементы языка и их употребление в речи. Владивосток, 1989. С. 157–164.

Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семантики // Славянское языкознание, М., 1968.

Толковый тематический словарь русских глаголов: Проспект / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1993.

Топорова В. М. Диалектика конкретного и абстрактного в семантике языковых единиц // Семантика языковых единиц: Материалы 3 Межвуз. конф. М., 1992. С. 106–109.

Тропина Н. П. Лексико-семантические связи групп глагольной лексики: (на материале глаголов интеллектуальной деятельности). Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.

Тулина Т. А., Харитоновна М. М. Семантика предикатных актантов и их семантическая организация в простом предложении // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1983. № 4. С. 46–52.

Тулина Т. А. Роль коннотативного компонента в обеспечении семантической согласованности слов // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992. С. 79–87.

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.

Улуханов И. С. О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопр. языкознания. 1992. № 5. С. 74–89.

Уразбаев Б. К. Терминологическое словосочетание как единица номинации: (на материале английской космической терминологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.

Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 5–81.

Уфимцева А. А. Лексика как фактор формирования языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 122–136.

Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке, М., 1988.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: (Принцип семасиологического описания лексики). М., 1986.

Уфимцева А. А., Азнаурова Э. С., Кубрякова Е. С., Телия В. Н. // Языковая номинация (виды наименований). М., 1977. С. 36–72.

Федосюк М. Ю. Глаголы восприятия: лексические значения и употребление в художественных текстах // История слова в текстах и словарях. Ставрополь, 1988. С. 99 – 115.

Фетискина М. Д. О некоторых причинах видовой соотносительности или несоотносительности глаголов интензивного способа действия // Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Л. 1973. С. 77–81.

Филмор Ч. Дело о падеже. Пер. с англ. Е. Н. Саввиной. // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. Вып. 10. М., 1981. Вып. 10. С. 369–496.

Филмор Ч. Дело о падеже открывается вновь. Пер. с англ. Б. Ю. Горюшкового // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. Вып. 10. С. 496–531.

Хабургаев Г. А. Доклад на научной конференции памяти проф. П. С. Кузнецова // «Кузнецовские чтения» / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1990.

Хакимова И. Р. Семантико-словообразовательная характеристика глаголов становления в русском и узбекском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1981.

Хамидуллина А. М. Словообразовательные отношения в семантическом поле глаголов движения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1973.

Харченко В. К. Переносные значения слова. Воронеж, 1989.

Химик В. В. Субъектная архисема глагольной семантики // Глагол в

системе языка и речевой деятельности: Материалы науч. лингв. конф. Свердловск, 1990. С. 40–42.

Холодов Н. Н. Междометия // Современный русский литературный язык / Под ред. П.А.Леканта. М., 1982.

Храковский В. С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 65–77.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 2.

Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969.

Худяков А. А. К вопросу о соотношении семантических и понятийных категорий // Актуальные проблемы семасиологии, Л., 1991, С. 128–133.

Хужина А. Ф. Глаголы на -ничать в современном русском языке // Лингвистический сб. М., 1973. Вып. 241.

Цой А. А. Семантическая структура нераспространенных двусоставных предложений в современном русском языке. Ташкент, 1980.

Цоллер В. Н. Многозначность производных слов // Рус. яз. в шк. 1989. № 4. С. 81–86.

Чевельгина Н. Ф. Инхоативные глаголы и соотносительные сочетания в отношении к словопроизводству // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982.

Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.

Черемисина Н. В. Семантика возможных миров и лексико-семантические законы // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1992, № 2.

Черепанов М. В. Глагольное словообразование в современном русском языке. Саратов, 1975.

Черепанова В. Ф. О словообразовательной структуре глаголов на -ничать // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Ч. 1.

Чернейко Л. О. Опыт парадигматического анализа лексики (на материале географических терминов архангельских говоров). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Черняк В. Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. Л., 1989.

Черткова М. Ю. К вопросу о семном составе глагольного вида // Лингвосемантические аспекты описания русского языка как иностранного. М., 1990.

Черткова М. Ю. К проблеме видовой парности глаголов в современном русском языке // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1994. № 2. С. 33–41.

Чесноков П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог, 1992.

Чеснокова Л. Д. Трудные случаи морфологического разбора. М., 1991.

Чиканцева Т. В. Семантические варианты словообразовательных парадигм непроемных глаголов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 1984, № 20. С. 117 – 119.

Чолакова А. Д. Структура словообразовательных гнезд непроемных инхоативных глаголов на -нуть // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982. С. 208 – 211.

Чудинов А. П. Сопоставительный анализ каузативных и некаузативных глаголов одной ЛСГ // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск. 1979.

Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.

Шарандин А. Л. Лексико-грамматические классы и система морфологических парадигм русского глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992.

Шарафиддинов К. Влияние транзитивирующих приставок на структуру гнезда // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1982. С. 326 – 328.

Шатуновский И. Б. Семантика вида: К проблеме инварианта // Русистика сегодня: Функционирование языка: Лексика и грамматика. М., 1992. С. 55 – 70.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1927.

Шведова Н. Ю. Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений // Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Шведова Н. Ю. Место семантики в описательной грамматике: (синтаксис) // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. С. 105 – 120.

Шведова Н. Ю. Лексическая классификация русского глагола: (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) // Славянское языкознание: IX Междунар. союз славистов, Киев, сент. 1983. Докл. сов. делегации. М., 1983. С. 306 – 323.

Шведова Н. Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня: Язык: система и ее функционирование, М., 1988. С. 152 – 166.

Шведова Н. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М., 1989. С. 86 – 108.

Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сб.: К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. М., 1995. С. 409 – 414.

Швец Р. Д. Глагольно-междометные формы в восточно-славянских языках. Киев, Одесса, 1976.

Щеболева И. И. Сочетаемость переходных глаголов с начинательными приставками в современном русском языке // Структура глагола и его функции. Ростов н/Д, 1974. С. 36 – 56.

Шелякин М. А. Комплетивное значение приставочных глаголов в русском языке, // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1965. № 3. С. 11–19.

Шелякин М. А. Приставочные глаголы с аттенуативным значением в русском языке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1966. № 4. С. 110–121.

Шелякин М. А. Функции и словообразовательные связи начинательных приставок в русском языке // Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск, 1969. С. 3–33.

Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. (Теоретические основы). Таллин, 1983.

Шереметьева А. Г. Варьирование производящей глагольной основы в словообразовательном гнезде лить // Сб. науч. тр. Ташкент. гос. ун-та. 1979. № 580. С. 119–123.

Ширина Л. И. Семантическая соотносительность компонентов словообразовательного гнезда с вершиной жечь // Словообразование и структура слова в русском языке. Ташкент, 1980. С. 27–30.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63–85.

Шкатова Л. А. Различные степени терминологизации наименований лиц // Современные проблемы русской терминологии. М., 1989. С. 37–51.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

Шмелева Т. В. Системность сквозь призму парадигматики // Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987. С. 5–20.

Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в русском языке. М., 1962.

Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. 2-е изд. М., 1989.

Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

Яруллина Т. С. Словообразовательные возможности русских непроизводных глаголов: К вопросу взаимодействия грамматики и словообразования. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1980.

РАЗДЕЛ V. МЕМУАРЫ

Ю. В. Казарин

ПОЛЕВСКОЙ – МОСКВА

1

(Большая часть очерка основана на воспоминаниях сестры Э. В. Кузнецовой Риды Васильевны Меньшениной. Интервью взято в г. Полевском в сентябре 1996 г. в присутствии дочери Э. В. Кузнецовой О. В. Черкезовой).

Дорога в г. Полевской — сразу же после выезда из Екатеринбургa — отжимается полями местного совхоза к железной дороге. Но дороги этой не видно — ее закрывают березовые посадки, и поэтому возникает ощущение невероятного простора, необозримого пространства, только время иногда напоминает о себе грохотом идущих слева поездов.

Проезжая вдоль полей, начинаешь вдруг чувствовать, хотя это и иллюзия, что автобус стоит в центре гигантской карусели, когда раскручиваются поля, а позвоночник твой совпадает с осью этого живого, зеленого и цветущего механизма.

Наверное, и Эра Васильевна Кузнецова могла испытывать нечто подобное, возвращаясь в родной и любимый ею Полевской то из Москвы, где она училась, то из Хабаровска, где она начинала свой путь ученого и преподавателя, то из Донецка, где она получила звание доцента (Донецк и доцент — явная метатеза), а главным образом и чаще всего — из Екатеринбургa (при жизни Эры Васильевны Свердловска), тоже родного и любимого, где живут и работают ее дети, ученики и соратники, где Э. В. Кузнецова, будучи уже крупнейшим специалистом-лексикологом, основала свою, неповторимую и заветную научную школу.

По этой же дороге везли ее прах, чтобы похоронить его в родной, глинистой, богатой полевской земле.

Мне приходилось ездить по Полевскому тракту (сильное слово, а называет всего лишь заурядную горнозаводскую шоссейку) сотни раз — мой дед был соседом полевчан, и я часто навещал его. Однако иллюзия карусели, этого гигантского поворотного движения земли как вечности и жизни, возникла у меня впервые только после

смерти Э. В. Кузнецовой и повторялась всякий раз, когда мы ездили навещать могилу Э. В. Кузнецовой, вспомнить ее светлый образ, помянуть ее.

Поезд каруселью раскрутил поля,
потому что плоская земля.
Потому что кто-то под землей в гробу
закусил соленую губу.
Потому что Гоголь ходит между строк,
как поля и ветер вдоль дорог.
(Ю. Казарин. После потопа. Стихи. Екатеринбург, 1984: 31)

2

Горнозаводской Урал — явление не столько географическое, сколько экономическое и политическое. Горнозаводской Урал — это опора и русских царей, и русской экономики, и русской политики, и русской армии, а главное — основа самостоятельности России как державы.

Именно здесь, на этой земле, возникли странные поселения, получившие название поселков городского типа, рабочих поселков, и которые так и подмывает назвать сельскими городами или городскими деревнями.

Идешь по такому городу-селу и дивишься тому, как все здесь контрастно, и порой фантастично, и все-таки гармонично: вот новая девятиэтажка, рядом с которой на газоне пасется корова, а вот старый город с бревенчатыми домами, у ворот одного из них стоит новенькая «Вольво», а у соседнего ветхого домишки к дереву привязана коза.

Полевской времен детства Э. В. Кузнецовой был совсем другой, сплошь «старый», поселок-село. Здесь Э. В. Кузнецова и родилась 7 февраля 1927 года. Ее сестра Рида Васильевна, которая старше Э. В. Кузнецовой на три года, рассказывает, что Эра часто подсмеивалась над ней: Рида — апрельская 1924 г., а Эра — февральская 1927 г., февраль предшествует апрелю, значит, Эра старше.

Мать Э. В. Кузнецовой, Мария Константиновна, всю жизнь работала по дому (у нее было 12 детей: 9 от первого брака и трое, с Эрой и Ридой, от второго); она была великая труженица и многое пережила, как и миллионы других городских и деревенских женщин, особенно после 30-х годов, эпохи сталинских репрессий.

Отец Э. В. Кузнецовой Василий Николаевич Калугин, коренной полевчанин, родился в большой рабочей семье. С детства ему пришлось и побатрачить, и наголодаться. В 1917 г. он вступил в партию большевиков (ВКП(б)). В годы гражданской войны командовал ка-

АВТОБИОГРАФИЯ

Кузнецова Эра Васильевна

(фамилия, имя, отчество)

Родилась в 1924г. в г.Томской Свердловской области в семье служащего. Там же в 1944г. окончила школу.

После окончания в 1948г. филологического факультета Свердловского университета была принята в аспирантуру по кафедре русского языка МГУ, которую окончила в 1952г., защитив кандидатскую диссертацию.

С 1953г. по 1962г. работала в Уральском университете им.Свердлова в качестве ассистента, затем ст. преподавателем кафедры русского языка. В 1958г. была принята в члены КПСС.

В 1962г. по семейным обстоятельствам переехала в г.Донецк, где работала до 1968г. в педагогическом институте, преподавала, а в 1965г. в Донецкий университет. В 1965г. была принята в аспирантуру университета в Украине, защитив диссертацию.

В 1968г. семья вернулась в г.Свердловск, и снова была принята на работу в Уральский университет; с 1968г. по 1974г. была ассистентом кафедры русского языка и одновременно являлась, с 1974г. заведующей кафедрой современного русского языка, которая вначале осуществляла на отрываемых началах, а с 1976г. стала учебной. Также защитила в 1975г. докторскую диссертацию была утверждена в звании профессора (1977г.)

Рис. 1. Автобиография Э. В. Кузнецовой

За многие годы в вузе выполнил различные общественные работы: был куратором, членом профкома, членом идеологической комиссии Донецкого ЦК КП Украины, руководил методологическим семинаром преподавателей - Языков, был председателем Членско-методической комиссии философского факультета, неоднократно избирался в партийные бюро факультета; в настоящее время - член партийного бюро, член группы партийного контроля.

Мать, Кагурин Василий Николаевич, род. 1885 г. с 1918 г. красноармеец в 1919 г. за участие в гражданской войне награжден орденом Красного знамени, умер в 1937 г. в ссылке. В настоящее время посмертно реабилитирован и восстановлен в партии. Мать, Кагурин Мария Константиновна, дошкольница, умерла в 1947 г. в г. Томском.

Сын, Курмеев Иван Владимирович, 1953 г. рож., работает главным архитектором Облгосстроя.

Дочь, Курмеева Ольга Владимировна, 1962 г. р., работает ассистентом (директор Свердловского центра ин-та) кафедры русской литературы университета.

Муж, Курмеев Владимир Леонидович, доктор исторических наук, зав. кафедрой философии и научного коллектива СФУ.

Дата: 10 ноября 1986 г.

Подпись:

В. Курмеев

валерийским полком и в 1922 г. был награжден Орденом Красного Знамени.

В Полевском Василий Николаевич был фигурой заметной: после гражданской войны заведовал ФЗУ (фабрично-заводским училищем), был начальником строительства (именно он построил Полевскую среднюю школу № 1, где училась Эра Васильевна).

Наступил 1934 год — год убийства С. М. Кирова, год первых плановых массовых репрессий, — теперь уже репрессий против тысяч «рядовых» партийцев и миллионов беспартийных.

Василия Николаевича «вычистили» из рядов ВКП(б), лишили законной и любимой работы строителя. Однако Василий Николаевич недолго пробыл безработным — нужно было кормить семью. А человеком он был удивительно сильным, настойчивым и красивым (особенно замечательны были у него глаза — необычайной глубины, чистоты и прозрачности, у Э. В. Кузнецовой были отцовские глаза); и сегодня можно удивляться этой калугинской красоте, заглянув в глаза дочери Эры Васильевны и внучке Василия Николаевича Ольге. После «вычистки» и увольнения Василий Николаевич работал бригадиром на стройке, на складе, на креолитовом заводе (химическое производство), а 10 мая 1936 г. был арестован и обвинен в участии в троцкистской оппозиции. Перед отправкой в Свердловск (в Центральную тюрьму) он забегал домой за одеждой, попрощался с семьей. Успели повидать его и на станции Полевского.

Допрашивал Василия Николаевича следователь Исаев (Жив ли он? Вот бы повидаться!) на Ленина, 17.

3, 13 и 23 числа каждого месяца Мария Константиновна с детьми приезжала в Свердловск (по тем временам достаточно трудный и неблизкий путь) на свидание с Василием Николаевичем. Рида Васильевна вспоминает, что свидания происходили за длинным столом, но — через барьер. На последнем свидании Василию Николаевичу не дали поцеловать Эру.

Василий Николаевич был приговорен к 3 годам северной ссылки. После апелляции — добавили, и теперь приходилось уезжать в Воркуту не на 3, а на 5 лет! Из ссылки он писал, Мария Константиновна посылала посылки. Но однажды несколько посылок вернули: Василий Николаевич Калугин умер в Воркуте 2 мая 1937 г. от воспаления легких, полученного после «самодельной» бани в землянке (Рида Васильевна замечает, Василий Николаевич был настоящим русский человек и поэтому без бани не обходился).

Рида Васильевна помнит, как Василий Николаевич сокрушался и часто повторял — при своих и чужих (это его, в первую очередь, видимо, и погубило), что, мол, сам виноват, сам в партию принимал сталинских засранцев. Василий Николаевич как человек, уве-

ренный в себе (орден, военные и партийные заслуги), не боялся никого и ничего. Сильный был человек.

Дом, где жила семья Калугиных, небольшой, по словам Риды Васильевны, «дом на два окна — комната да кухня». Держали корову, был огород (картошка всегда Россию спасала). Рида уехала к старшей сестре в Челябинск. А Эра окончила Полевскую школу № 1 (ту, как мы уже говорили, что отец строил) с отличием.

3

В детстве Эра никогда не бывала тихой. По словам Риды Васильевны, она была упрямой, если не капризной. Но — много читала, была настойчивой. Внешне была привлекательной: худенькая, стройная, лицо матери, а глаза — красивые и сильные — отцовские. И характер у нее был твердый, как у отца.

Василий Николаевич был, по словам Риды Васильевны, типичный большевик-руководитель, он и дочерей назвал столь странными именами — РИДА (аббревиатура — Революционная Идея Достигнет Апогея) и ЭРА (Эпоха Революционного Апогея), но никто этой странности имен не замечал. Более того, имя Рида даже понравилось соседям, которые и называли этим именем своих дочерей, даже не подозревая, что они значат. Детей Василий Николаевич не крестил.

Рабочая (и крестьянская) семья обычно могла дать хорошее образование только одному ребенку. Эра была самой младшей и самой способной. До сих пор остается загадкой для родных, почему она выбрала местом учебы Москву, да к тому же — Московский университет... Собирали Эру Васильевну в дорогу всей родней. На «толкучке» купили туфли (в Москве они потом развалятся через два дня), достали новую телогрейку, белую шаль и проводили в Москву.

4

Однажды летом 1947 года Э. В. Кузнецова возвращалась в Полевской на каникулы. Шла пешком (она любила ходить босиком) по проселку, и какой-то старичок-прохожий, увидев ее, такую худенькую и уставшую, изрек:

— Эх, девонька, как ты на этих ножках жить будешь...

И действительно, почему именно в Полевском, на Урале, родилась такой замечательный человек? Уникальный ученый, красивая женщина, мать троих детей, воспитатель двух десятков молодых (и уже не молодых) лингвистов, основатель Уральской школы лексикологии и прочая, прочая...

Дорога в Полевской пересекает границу Европы и Азии. Полевщина (как говорят местные жители — «Полева») — это шов, скрепляющий два мира, две культуры, два мировоззрения, два континента — в один, в Евразию, большую часть которого накрывает собой Россия. Думаю, что именно здесь, на этом евразийском рубце и могла появиться Э. В. Кузнецова.

Россия — страна загадочная даже для нас, русских: это страна не первого, не второго и даже не третьего мира, Россия — страна четвертого измерения. Страна, которая дарила миру деревенских (Ломоносов) и поселковых мальчишек и девчат, которые впоследствии не только удивляли этот мир, но и обогащали его.

5

В 1944—49 гг. Э. В. Кузнецова училась на филологическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Училась она с полной самоотдачей, если не самозабвенно. Но, будучи человеком в высшей степени эмоциональным и живым, активно участвовала (как говорили в те годы) в общественной жизни и факультета, и университета. Ее сокурсниками были такие интереснейшие люди, ставшие сегодня крупными учеными, как профессора Е. А. Земская, Г. А. Золотова, С. Ф. Лопушанская и др. Дипломную работу Э. В. Кузнецова защитила блестяще. Руководил работой замечательный русский лексиколог С. И. Ожегов.

Авторитет Э. В. Кузнецовой как учителя и воспитателя был очень высок — и не только в среде аспирантов, соискателей и студентов. Дипломники и стажеры из других вузов страны, просто молодые ученые, встреченные ею на конференциях, — любой интересный и талантливый человек становился ей дорог; таким людям она умела и любила помогать.

Всего под руководством и, можно сказать, постоянной опекой Э. В. Кузнецовой защищено 17 кандидатских диссертаций; из 17 кандидатов наук пятеро стали докторами филологических наук (можно назвать имена таких талантливых ученых, как Л. Г. Бабенко, М. М. Майданова, Э. А. Лазарева), пятеро сегодня работают в докторантуре и готовы к защите докторские диссертации (М. Л. Кусова, О. А. Михайлова, Т. В. Попова, Т. Н. Сивкова, Е. Г. Соболева).

Мысли, идеи и концепции Э. В. Кузнецовой до сих пор актуальны. Более того — некоторые из них остаются непознанными, не расшифрованными до конца.

Э. В. Кузнецова — человек уникальный, удивительный и невероятно сложный. Она умела и любить, и презирать. Могла и обидеть. Но те, кого любила, кого выпестовала она, остались верны ее памяти, ее таланту, ее любви.

С Эрой Васильевной я познакомился ровно 20 лет назад. Помню, с каким трепетом я тогда каждое утро подходил к Университету, к внушительным колоннам главного входа, как расстегивал верхнюю пуговицу рубашки, так, чтобы была видна тельняшка бывшего матроса Северного флота: надеялся, что такой вид (если не видок) хоть как-то защитит меня, прикроет от напора официальности, строгости научной и проч. Однако на первой же лекции (а это как раз была лекция по фонетике Э. В. Кузнецовой — именно она открывала курс современного русского языка) я вдруг почувствовал облегчение: не Боги горшки обжигают. И помогла мне (да и многим первокурсникам) в этом Э. В. Кузнецова. Читала она ровным, спокойным голосом, негромко, с академическими нотками, интонацией. Но странная вещь — аудитория внимала ей так, что от звонка просто вздрагивала. Особенно хорошо читала она лексикологию, в частности, семасиологическую часть. Это был ее материал, ее любовь, ее страсть, и здесь она даже позволяла себе пошутить. Главная черта Э. В. Кузнецовой преподавателя — доброжелательность, а потом уже требовательность, и ни в коем случае — не наоборот.

Я был потрясен, когда Э. В. Кузнецова, подойдя ко мне, второкурснику, предложила остаться на кафедре после окончания университета. Я был и горд, и обескуражен. Сегодня понимаю, какой силы это был поступок, даже не поступок, а некий аванс (громадный, естественно), который мне до сих пор приходится отрабатывать и в аудиториях, и в глагольной группе, и в моих поэтических книгах.

В партию я вступил после третьего предложения, которое было крайне императивным. Вспоминаю, как в 1978 г. Э. В. Кузнецова попросила меня составить ей компанию (это ее выражение) и поехать с ней ночью в аэропорт встречать профессора С. Ф. Лопушанскую, ее однокашницу по МГУ (самолет прилетал около 2 часов ночи). В Кольцовском аэровокзале выяснилось, что самолет задерживается на 2 часа. Мы долго прогуливались по новому зданию аэропорта, затем Эра Васильевна предложила перекусить. В буфете мы выпили коньяку и что-то там съели (я был еще студентом, но уже взрослым, женатым и, как ей казалось, серьезным человеком; к сожалению, это не совсем так). И вдруг Эра Васильевна спросила меня, почему я, вот уже после второго предложения партбюро, не вступаю в партию. Я сказал обыкновенную в таких случаях фразу, что мол, рановато, не готов еще. Эра Васильевна помолчала и как-то так задумчиво, спокойно заметила: «Странный Вы, Юра, чело-

век, другие рвутся в партию, ради карьеры, а Вы... Вот за это я Вас и уважаю...»

8

На занятия свои (да и вообще повсеместно) ходил я в джинсах, что делаю и до сих пор: у каждого преподавателя-мужчины есть своя униформа. Эра Васильевна была очень строга и разборчива в одежде (помню как однажды, во время летней сессии, она отправила домой молодую женщину-преподавателя нашей кафедры — переодеться: платье было слишком открытое, короткое, фривольное). Сама она одевалась со вкусом и любила поговорить о нарядах. Я был единственным мужчиной на кафедре и поэтому позволял себе — в основном, по бедности и молодости — носить очень поношенные джинсы, надеясь на снисходительное отношение к себе со стороны Эры Васильевны. Но — не тут-то было. Как-то Эра Васильевна подозвала меня к своему столу и с твердым взглядом твердою рукою протянула мне через стол 50 рублей — пойди, мол, купи себе приличные брюки. Мы посмеялись. Но до самой ее смерти я не смел показаться в университете в «молодежном», расхристанном виде. Когда я был студентом, Эра Васильевна обращалась ко мне на Вы, но как только я стал ассистентом ее кафедры, она перешла на ты. Сегодня я понимаю, какой в этом был демократизм — мы стали коллегами, сотрудниками кафедры и факультета, где перед студентами, перед аудиторией все равны.

9

Последние месяцы жизни Э. В. Кузнецовой. Она уже тяжело больна, смертельно больна и, безусловно, понимает это, хотя еще и надеется на лекарства, на лечение... В таком состоянии Эра Васильевна беретась читать курс лексик на 1 курсе (это были дни, когда коллеги и девочки-лаборантки помогали ей дойти от дома до университета и обратно — Эра Васильевна любила ходить пешком). Эра Васильевна просит меня сидеть на ее лекциях в первом ряду и следить за ней — стоять ей было уже трудно, говорила она не совсем внятно, но как всегда умно, логично и светло, — если ей станет плохо, помочь дойти до помещения кафедры и сменить ее в 339 аудитории, закончить лекцию. К сожалению, однажды так и произошло. Это была ее последняя лекция.

10

Последние дни Э. В. Кузнецовой. Ее навещают ежедневно, ежедневно ученики, коллеги. Как-то так получилось, что я проводывал

Эру Васильевну в паре с Т. А. Снигиревой, одноклассницей ее сына Вани и доцентом кафедры современной литературы. Обычно мы садимся рядом с постелью больной и слушаем Эру Васильевну: перед смертью она много говорит, рассказывает, в основном о себе, вспоминает (отвечает ей чаще Татьяна, я же молчу — от смущения, от боли, от вида Эры Васильевны, лежащей бессильно и слабо улыбающейся нам, таким молодым и здоровым). Эра Васильевна рассказывает сон о длинном зеркальном коридоре с ослепительным светом в конце, о Льве Толстом, который тоже приснился ей накануне (по всем приметам, народным и псевдонаучным, такие сны — предвестники смерти). Потом Эра Васильевна показывает фотографии, где она в юности, в молодости, и вдруг как-то весело и даже с кокетством обращается ко мне: «Правда, Юра, я красивая была?...» И я вдруг понимаю, что жизнь и смерть — это одно: и то, и другое должны быть связаны, мы люди и есть любовь, а любовь — это шов, крепчайший, суровый и нежный, горький и сладкий, — шов, скрепляющий жизнь и смерть...

Вдруг Эра Васильевна, убежденный коммунист, активный, инициативный, но главное — даже после гибели репрессированного отца — истинно верующий в коммунизм, — Эра Васильевна, которую знаю в таком качестве больше десяти лет, говорит нам с Татьяной о том, что, может быть, все это было напрасно: революции, борьба, жертвы; ведь — и она перечисляет европейские революции от Французской до русской — все они (революции) кончают одинаково, одним — кровью.

Я вышел в ванную и сунул голову под кран с холодной водой.

11

Передо мной на столе лежит Личное дело № 684 с надписью в левом углу папки «Кузнецова Эра Васильевна. 880428». Т. е. Дело закрыто 28 апреля 1988 г. Листаю документы, подшитые к Делу: в Листке по учету кадров в графе «Выполняемая работа с начала трудовой деятельности» всего 7 записей, и все они касаются или учебы, или работы в Высшей школе. Удивительное постоянство — ни одной побочной работы, даже совместительства не было! Разве что приказом № 501 от 4 июля 1984 года Э. В. Кузнецова назначается временно исполняющей обязанности декана филологического факультета (с 9 июля по 4 августа 1984г.). А вот п. 10 приказа № 370 от 9 сентября 1974г., где говорится о назначении доцента кафедры русского языка и общего языкознания Э. В. Кузнецовой заведующей кафедрой современного русского языка на общественных началах. День рождения кафедры современного русского языка.

№ 10 Приказа № 370 от 9 сентября 1974 г. Ф-16
Кузнецову Э.В. доцента кафедры русского языка
и общего языкознания,
Назначить на должность заведующей кафедрой современного
русского языка на общественных началах
с 6 сентября 1974 г. с окладом _____ руб. в месяц
Основание: заявление тов.
представление _____
а резолюцией проректора по врио. Начальника учебного отдела.

Рис. 2. Приказ по университету

Узкая полоска бумаги — тот самый роковой приказ о переносе срока переизбрания Э. В. Кузнецовой на должность заведующей кафедры современного русского языка: приказ № 827 от 1. 10. 86 (п. 5). Срок переизбрания перенесен на декабрь 1986г. Именно в декабре 1986 г. Эра Васильевна и потеряла кафедру, которой она была и основателем и организатором и которой руководила более 12 лет... Я не был свидетелем тех событий — находился в долгосрочной загранкомандировке, но документы говорят тоже немало: почему в октябре Э. В. Кузнецова могла быть переизбрана на должность заведующей кафедрой, а в декабре вдруг теряет свое детище, свою судьбу, свою любовь? Почему в октябре члены кафедры были согласны на ее руководство (см. отчет), а чуть позже вдруг избирают на эту должность другого, может быть, не менее достойного, но сидящего на чемоданах — уезжающего в долгосрочную командировку за границу?

Может быть, я чего-то не знаю или не понимаю (кто говорит, что знает все, обычно не знает ничего), я не могу судить и обвинять, но вопросы задавать — я вправе.

С просьбой рассказать об этом периоде жизни Э. В. Кузнецовой я обратился к свидетелю тех событий Л. Г. Бабенко:

«Как хотелось бы мне пропустить последнюю трагическую страницу жизни Эры Васильевны и истории нашей кафедры! Хочется все забыть и стереть из памяти определенные имена, равно как и произнесенные осознанно или не совсем осознанно, под влиянием чужой воли слова, корыстные или амбициозные поступки, но, к сожалению, память моя сильнее воли и желания... Боль от безвременной утраты Эры Васильевны слишком сильна и сегодня. Как уже говорилось, Эра Васильевна была человеком открытым, искренним, честным, не способным на лицемерие, ложь и интриги.

Порой она говорила слишком откровенные вещи и о себе, и о других, которые, возможно, не следовало бы говорить. Была излишне категорична и прямолинейна. Она совершенно ничего не умела скрывать, не умела хитрить. От окружающих, прежде всего от членов своей кафедры, ожидала подобного отношения к себе. Слишком верила она всем членам своей кафедры, и прежде всего своим ученикам, и не мыслила подвоха, удара с их стороны.

Она проявляла твердость и силу характера только в открытой борьбе. В отношениях с людьми неверными, лицемерными она оказывалась наивной, часто до смешного. Интриговать против нее было нетрудно, ибо все её слабости были на виду.

Создавая кафедру преимущественно из своих учеников и воспитывая их в атмосфере любви, заботы и искренности, но также и суровой требовательности, Эра Васильевна наивно считала себя неуязвимой. Именно поэтому она и оказалась беззащитной перед интригой на своей кафедре. Она только мучительно хотела, но так и не смогла понять мотивы предательства, особенно предательства одной ученицы, выпестованной ею со студенческих лет, от дипломницы до кандидата наук. Она не видела и не понимала того, что видели и понимали все.

Сложилось так, что в октябре 1986 г. Эра Васильевна должна была переизбираться на должность заведующей кафедрой. Она проработала в этой должности два срока, сумела за это время подготовить более десятка кандидатов наук, сформировать научное направление кафедры, выпустить ряд сборников, опыт словаря ЛСГ русских глаголов, сдать в печать коллективную монографию и пр. Эра Васильевна достигла пика творческой формы. Это был самый плодотворный период ее научной деятельности: за последние 5 лет было опубликовано 20 п. л., в том числе учебник по лексикологии и учебное пособие «Язык в свете системного подхода», было сделано 16 докладов на межвузовских конференциях. Эра Васильевна была охвачена азартом общей коллективной деятельности, вследствие чего свой творческий отпуск, оказавшийся для нее роковым, она хотела посвятить целиком науке (она писала предисловие к словарю-справочнику ЛСГ русских глаголов, занималась его общим редактированием) и, отчитавшись на кафедре, попросила учебную часть университета перенести срок переизбрания на декабрь. Она работала дома, на факультет приходила редко. Этим воспользовались, чтобы не допустить ее переизбрания. Отчет Эры Васильевны по учебной, научной и общественной работе (см. с. 478—481) полностью отражает состояние творческого подъема и активной плодотворной педагогической деятельности (и не только в родном университете), общественную деятельность Эры Васильевны.

ОТЧЕТ

преподавателя, избираемого на новый пятилетний срок,
на новую должность или представляемого к ученому званию

Ф. И. О. Кузнецова Эра Васильевна год и м-ц рожд. 1924г, февраль
 Ученая степень и звание доктор филологических наук, профессор
 Должность зав. кафедрой современного русского языка
 Стаж работы в вузе 33 года
 Стаж работы в УрГУ 27 лет
 Дата последнего приказа об избрании,
 переизбрании на должность 29 октября 1981г

I. Учебная работа

1. Общие лекционные курсы, спецкурсы, читаемые в текущем учебном году

) Название курса, спецкурса	Кому читается	Количество часов	Успеваемость по курсу, спецкурсу	
			прошлый учебный год	текущий учебный год
1. лекционный курс <u>современного русского языка</u>	<u>I курс, фил. ф.</u>	<u>30</u>	<u>94,5%</u>	
2. <u>С/курс: Язык в свете событийного процесса</u>	<u>др. филол. ф.</u>	<u>28</u>	<u>100%</u>	
3. <u>" "</u>	<u>II курс, филол.</u>	<u>16</u>	<u>100%</u>	
6.				

2. Практические семинарские занятия, лабораторные практикумы, проводимые в текущем учебном году

Наименование	С кем проводится	Количество часов
<u>Семинарские и практические занятия по лекционному курсу</u>	<u>I курс, фил. ф.</u>	<u>18</u>
<u>Лабораторные занятия по лекционному курсу</u>	<u>" "</u>	<u>12</u>

3. Общий объем запланированной преподавателю учебной нагрузки

750 часов (3 сем. издательских отчета) (в часах) 81985/86г - 849 часов

4. Использование ТСО в учебном процессе

Наименование курса	Вид занятий	Количество занятий с применением ТСО (в часах)
	Общий объем (в часах)	
1	2	3
<u>лекционный курс русского языка</u>	<u>лекции - 30 часов</u>	<u>30 часов</u>

Рис. 4. Отчет Э. В. Кузнецовой

1	2	3
Матрицы русского языка	матрицы (24 часа)	24 часа

5. Использование других активных методов обучения (проблемное обучение, деловые игры и т. д.). Указать наименование курса и используемый метод обучения

Курс лекций по синтаксису для преподавателей, стипендиатов и самоучек (Актуальные проблемы современной синтаксической теории)
 Метод деловой игры на семинаре (в.к.) — 16 часов
 II. Учебно-методическая работа

1. Учебники, учебные и методические пособия, изданные за 5-летний срок избрания. (Все изданные или подготовленные учебники, учебные и методические пособия представляются в аттестационную комиссию при собеседовании).

Наименование	Где издано	Для кого издано	Количество печатных листов	Тираж
1. Лексикология русского языка.	Москва, ВШ, 1983	Внешняя Библиотека СССР — для университетов	8,4	15 000
2. Мозаика по теории словоупотребления русского языка.	Свердловск, 1981	Для студентов филологических факультетов	8 (0,5)	100
3. Методы, приемы и средства преподавания русского языка.	Свердловск, 1982	Для студентов филологических факультетов	1,8	200
4. Язык в семье студентов-иностранцев.	Свердловск, 1983	Пособие по курсу	5,0	500
5. Синтаксическая грамматика на кафедре русского языка.	Свердловск, 1983	Для заочников	1,3	600
6. Методика преподавания русского языка в вузах.	Свердловск, 1983	Для заочников	1,3	600
7. Преподавание и изучение русского языка в вузах.	Свердловск, 1985	Учебник и пособие по курсу	8,4	500

Наименование	Для какого факультета, специальности	Сущность модернизации
Лаборатория языка на лексикологии	Филология, Турецкий язык	1. Алгоритмизация лексикологии. 2. Модернизация с учетом новейших научных исследований в области лексикологии.

III. Учебно-воспитательная работа

1. Учебно-воспитательная работа прикрепленного преподавателя (куратора). Характеристика группы

Курс, группа	Число студентов	Успеваемость за две последние сессии	Отсев за весь период обучения группы

2. Другие формы учебно-воспитательной работы преподавателя (работа в общежитии, профориентационная работа, проведение конкретных мероприятий по комплексному плану коммунистического воспитания)

Куррировали 200 студентов факультета.

IV. Повышение квалификации

1. Форма повышения квалификации (докторантура, аспирантура, ИПК, ФПК, стажировка, творческий отпуск), место повышения квалификации, сроки прохождения, результативность (написание монографии, завершение и защита диссертации и т. д.)

1982г - стажировка в Саратовском университете (1 мес.)
Принял 4 лекции; подготовил статьи и материалы лекции;
подготовил лекции по симпозиуму.

1986 - творческий отпуск (2 мес.) для подготовки расширенной
издавая "Семьдесят лет. Жалко" в изд-ве "Книжки ин."
V. Научно-исследовательская работа

1. Участие в научных или методических конференциях за пятилетний срок избрания. Место и время проведения конференций, форма участия

Всего 16 выступлений: Александровский комплекс - 2, Всесоюзный - 2; Москва (3), Ленинград, Пермь (2), Уфа, Влад, Барнаул, Ростов, Красноярск, Свердловск (15).

2. Подготовлено аспирантов по формам обучения за 5-летний срок избрания. Ф. И. О., год поступления в аспирантуру, год защиты диссертации

1. Клементьева Л. Ф., семестр 1977-80, защита КД - 1981г.
2. Волгарев Э. А., аспирант (отпуск) 1977-81, защита КД - 1982г.
3. Исмаилов В. В., аспирант (отпуск) 1978-82, защита КД - 1982г.
4. Боровикова Н. А., аспирант (отпуск) 1981-83, защита КД - 1985г.
5. Мухоморова О. А., аспирант (отпуск) 1982-85, защита КД - 1985г.
6. Сивилев М. М., аспирант (отпуск) 1980-84, защита КД - 1986г.

3. Руководство научно-исследовательской работой студентов за 5-летний срок избрания. Ф. И. О. студентов, работы которых представлены на конкурс, работы студентов, отмеченные поощрениями; количество совместных публикаций со студентами за последние 5 лет

На конкурс 10 работ (Фоминский В., Шиндурин В., Тютюнькина,
Путелица Н., Соболев Э., Терехина В., Серодина Н.,
Маркинкова С., Тютюнькина Э., Мухоморова О.) 7 работ
Шиндуря С.С., 4 публикации.
4 студенческие публикации.

VI. Общественная работа

1. Участие в работе общественных организаций, выполнение общественных поручений в настоящее время, другие инициативные акты работы

Власть избрана в парт. бюро факультета (Секретарь и членской секции 18.11.81)

Член группы народного контроля.

Руководитель любительской творческой группы.

Вед. преподаватель Истории. Сфера по занятию Д.Д.

2. Пропаганда политических и научных знаний. Количество лекций, читаемое в среднем за год, их тематика

1982 - Цикл лекций по истории и современному состоянию Латвийской диктаторской диктатуры (категория историко-политическая)

1984 - Лекции для учителей по лексикону, по лекции 1994, вступительные перед преподавателями университетов (Вильнюс, Саратов, Милан, Ленинград) и мир ин-тов (Ленинград, Пермь, Уфа, Москва, Новосибирск, Владивосток).

Подпись преподавателя

10 ноября 1986

(число, месяц, год)

VII. Рекомендации, пожелания, предложения

кафедры Утвердить отчет и рекомендации Д.В. Кузнецову к избранию на должность зав. кафедрой сов. республиканского университета на следующий срок. Провести большую работу в решении вопросов. Финансовый учет в разработке плана. Метод. помощь делу управления кафедрой.

Зав. кафедрой Кузнецов

партбюро ис. оснований отчета и утверждения избрания на кафедру. 6-го от 03.12.86. избранной кафедрой Кузнецов Д.В.

ис. оснований отчета и утверждения избрания на кафедру. 6-го от 03.12.86. избранной кафедрой Кузнецов Д.В.

Декан факультета

Секретарь партбюро

аттестационной комиссии

Секретарь партбюро
Российский университет на
следующий 5-летний срок.

Проректор по учебной работе

У читателей может возникнуть вопрос, что послужило поводом для неизбрания Эры Васильевны на должность руководителя созданной ею же кафедры современного русского языка, повлекшей ее болезнь и... Что же, вчитаемся в дело... В нем есть рекомендация кафедры, рекомендация партсобрания и партбюро (тогда это было обязательно), рекомендация аттестационной комиссии университета, подписанная первым проректором профессором А. В. Гайдой. Нет подписи декана. Почему? Между прочим, декан профессор Г. К. Щенников в октябре сам напомнил Эре Васильевне о необходимости переизбираться на новый срок и первоначально поддерживал ее кандидатуру. Почему он изменил свое решение?

На него повлиял визит группы преподавателей кафедры современного русского языка, ходатайствовавших о кандидатуре ВРИО заведующего, которой, вероятно, уже не хотелось расставаться с должностью.

Гурий Константинович ничего не стал скрывать от Эры Васильевны, поступил открыто, может быть, даже слишком откровенно: после партсобрания, на котором утверждалась характеристика Эры Васильевны и было принято решение о рекомендации Эры Васильевны к избранию на новый срок, он догнал Эру Васильевну в коридоре и у дверей кафедры сообщил ей, что не сможет в дальнейшем ее поддерживать, ибо три доцента кафедры, ее ученицы (он назвал фамилии) не хотят ее переизбрания и предпочитают кандидатуру недавно утвержденного молодого доктора наук (Эра Васильевна всячески поддерживала и выдвигала этого доктора), за которой они видят будущее. Он добавил, что идеи Эры Васильевны им представляются устаревшими и неперспективными (надо отметить, что этот мотив и после смерти Эры Васильевны долго звучал в оценках научных работ учеников — последователей Эры Васильевны, продолжавших разработку глагольной темы). Думаю, что тогда они никак не предполагали, что их намерения будут прямо изложены деканом Эре Васильевне. К тому же свидетелями разговора Г. К. Щенникова с Эрой Васильевной оказались участники партсобрания И. М. Волчкова, В. Н. Кардапольцева и я. Мы слышали весь разговор и долго после него успокаивали плачущую Эру Васильевну, которая была уязвлена в самое сердце.

Надо сказать, что я тогда была тоже достаточно наивной и, не поверив словам Гурия Константиновича, в тот же вечер попросила его (я была зам. декана по научной работе) все разъяснить в присутствии всех членов кафедры, что он и сделал, пригласив всех в деканат (без Эры Васильевны). При этом профессор Г. К. Щенников добавил, что новый доктор наук его также больше устраивает в должности зав. кафедрой как человек гибкий и дипломатичный.

Упомянутая особа промолчала, тем самым выразив полное согласие с позицией декана и «учениц» Эры Васильевны.

Нельзя осуждать декана за его непоследовательность: не будучи лингвистом, он не мог и не считал нужным разбираться в приоритетной стратегии научных изысканий кафедры современного русского языка. Он поступил как администратор, прислушавшись к просьбе группы лиц, пожелавших изменить научную ориентацию кафедры и избравших нового лидера.

К тому времени на кафедре современного русского языка действительно наметилась разработка принципиально новой темы (формулировка ее в период творческого отпуска Эры Васильевны была включена в разряд основных тем кафедры, потеснив традиционную для кафедры научно-исследовательскую тему «Системные отношения в лексике»). Думаю, что в дальнейшем обе темы могли бы успешно разрабатываться и Э. В. Кузнецова наверняка не стала бы этому препятствовать. Идеологам новой темы нужно было только готовить для ее разработки своих учеников, исполнителей, не разрушая изнутри сложившийся коллектив и сформировавшееся научное направление.

Сейчас по-иному воспринимается и запись в отчете Эры Васильевны, в пункте 7 «рекомендации, пожелания, предложения кафедры»: «Проявлять гибкость в решении частных вопросов. Принимать участие в разработке темы «Живая речь уральского города». Эта запись (заметим, что она сделана еще в октябре) уже не кажется случайной, а воспринимается как глубоко продуманный ход, оказавшийся в дальнейшем роковым для Эры Васильевны.

Эра Васильевна долго пролежала в больнице, и когда четыре месяца спустя на кафедре вновь рассматривался вопрос об избрании на должность зав. кафедрой, все молчали, а Эра Васильевна одна высказала следующее пожелание новой соискательнице должности: «Больше улыбаться подчиненным и меньше улыбаться начальству». Эра Васильевна восприняла случившееся как катастрофу всей своей концепции жизни. А участники интриги, решив главный вопрос, дружно разъехались по заграницам. Будучи людьми рациональными и расчетливыми, они надеялись, что со временем все забудется и утрясется.

Эра Васильевна осталась в состоянии тяжелой депрессии и до конца своих дней не смогла выйти из него. Всем приходившим навестить ее она задавала вопрос: «Почему в глаза говорили о любви и верности, почему отреклись тайно за спиной?» Именно фактор тайного предательства задел ее больше всего. В последние дни Эра Васильевна часто вспоминала высказывание В. Г. Белинского о том, что честные люди часто проигрывают потому, что действуют откры-

то и честными средствами, а нечестные выигрывают потому, что опираются на нечестные средства: ложь, обман, клевету, подлость и проч. (привожу по памяти, общий смысл). Эра Васильевна вообще любила собирать различные афоризмы, часто цитировала их в беседах. У нее была даже специальная тетрадь для любимых изречений, в которых она пыталась найти объяснение и утешение.

Медики говорят, что онкологические заболевания зачастую возникают вследствие неспособности выйти из состояния стресса, тяжелой обиды. Не случайно, видимо, религия учит и призывает нас прощать обидчиков, врагов. Есть высший судья, только ему дано право судить.

К большому нашему огорчению, Эра Васильевна не смогла и не захотела выйти из состояния обиды, не понимая мотивов ее изгнания. Я хорошо помню, как на кафедре ее аспиранты Е. Г. Соболева, Е. И. Плотнокова и я буквально умоляли ее все забыть, думать только о хорошем, настроиться на лучшее. Она была не в силах перестроиться. Она могла жить только в гармонии и любви с близкими, в дисгармонии не смогла.

В июле 1987 г. у нее случился инфаркт селезенки, повлекший за собой злокачественное заболевание крови. Болезнь развивалась стремительно, лечение было тяжелым: операция, химиотерапия и проч. В течение всей болезни Эра Васильевна старалась оставаться самой собой: интересовалась политическими событиями, изменениями в жизни общества, переживала за нас, писала статьи, тезисы, думала о будущем нашем синтаксическом глагольном словаре. В феврале 1988 г. (за два месяца до смерти) собиралась делать доклад на проводимой кафедрой межвузовской конференции. До последних дней она следила за собой: подкрашивала волосы, делала регулярно стрижку, продумывала наряды.

В последние недели ее жизни я вечерами ходила делать Эре Васильевне обезболивающие уколы (утром и днем их делала медсестра) и видела, как Эра Васильевна сопротивлялась смерти, боролась с ней. Говорят, надо со смирением принимать смерть, Эра Васильевна не хотела умирать, не хотела уходить из жизни, оставлять близких.

В последние три дня, будучи без сознания, она металась на кровати, была беспокойна и громко, страшно кричала имя дочери. В момент (точнее мгновение) ухода Эры Васильевны из жизни (дома были сестра Рида Васильевна, сын Ваня, дочь Ольга и я) потеряла сознание Ольга, на следующий день она попала в больницу и очень долго болела. Владимир Леонтьевич, муж Эры Васильевны за время ее болезни перенес два инфаркта, после смерти Эры Васильевны — третий обширный инфаркт и на следующий год после ее смерти

(в сентябре 1989г.) ушел из жизни вслед за ней. (*Записано в октябре 1996 г.*)

Последний приказ в Деле № 828 от 26 сентября 1988 г. (п. 9) исключает Э. В. Кузнецову из списков сотрудников Уральского университета в связи со смертью...

Из наших сердец — не исключает.

Мы, русские, любим любить и страдать. После всего, что произошло, Эру Васильевну невозможно любить, не страдая.

Хоронили Эру Васильевну в пасмурный последний день апреля. Я почти не запомнил этот день. Помню только, что на другой день было солнце.

12

Каждый из учеников Эры Васильевны — а я разговаривал почти со всеми — до сих пор чувствуют связь, странную, непонятную, необъяснимую, но неразрывную связь с душой, с образом Эры Васильевны. В день ее смерти — 28 апреля 1988 — я сломал руку. Мистика? Случайность?...

Кафедра Эры Васильевны, слава Богу, возрождена. Идеи Эры Васильевны, ее задумки сегодня развиваются и претворяются в жизнь. Закончена работа над Толковым идеографическим словарем русских глаголов, ученики Эры Васильевны взрослеют, мужают, защищают докторские диссертации, пишут книги, рожают детей. И, может быть, душа ее видит нас и переживает за нас, а иногда — радуется... Есть у меня стихотворение, посвященное Л. Г. Бабенко, одной из лучших учениц Эры Васильевны, думаю, что стихи эти в равной степени могут относиться и к Эре Васильевне, и к ее ученикам, и к нашей долгой и трудной работе над словарем глагольной семантики:

Я писарь твой, Господь,
я поводьрь глагола.
Суша моя щепоть
в эпоху недосола.
Крепка на полный крест
и чистое писанье,
пока у здешних мест
не звук — а расстоянье.
Не взгляд — а Млечный мост,
горизонталь монгола,
где шире сущих звезд
спряжение глагола.

Имя Э. В. Кузнецовой было широко известно в отечественной лингвистике. В каждом университетском городе России у нее были друзья-единомышленники, друзья-оппоненты и просто хорошо знакомые ученые — и по их работам, и по личным контактам, а главное — по тому, что объединяет всех лингвистов — по единству науки, бытия и быта.

Наука, бытие и быт — вот три точки опоры, на которых везде и всегда твердо стояла Э. В. Кузнецова. Она была человеком прямым, откровенным и абсолютно непредвзятым в своих оценках людей, бытия и быта. Э. В. Кузнецову можно было или любить или не любить. среднего, промежуточного отношения к ней, практически не бывало. И сама Э. В. Кузнецова редко оставалась равнодушной, ее волновало все: от творческих успехов ученого до, возможно, каких-то неурядиц в его личной жизни. В последнем случае Э. В. Кузнецова всегда приходила на помощь, и не только советом. Ее лучистые глаза проникали в тебя и почти безошибочно определяли, как и что у тебя на душе.

Э. В. Кузнецова — личность уникальная, редкое единство человека и ученого, женщины и руководителя, учителя и общественного деятеля.

Идеи и мысли Э. В. Кузнецовой, ее образ и дух еще долго будут беспокоить ученых, помогая им и заставляя их двигаться к истине.

Сентябрь — октябрь 1996 г.

СЛОВА ПАМЯТИ ОБ ЭРЕ ВАСИЛЬЕВНЕ КУЗНЕЦОВОЙ

ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕГ ОБ ЭРЕ ВАСИЛЬЕВНЕ КУЗНЕЦОВОЙ

Доцент Л. С. Андреева (г. Казань)

Уважаемые коллеги. Уважаемая Людмила Григорьевна! Горькая весть пришла к нам слишком поздно, но и до сих пор трудно представить лингвистический мир без Эры Васильевны.

Низкий поклон уральской земле, взрастившей и воспитавшей уникального, удивительно русского ученого! Женщину! Мои соболезнования семье Эры Васильевны. Я никогда не забуду радушия этого дома! *(Из письма. Сентябрь 1988 г.)*

Профессор Ф. С. Бацевич (г. Львов)

До сих пор не могу поверить, что Э. В. Кузнецовой нет с нами. Я ей обязан многим и имею смелость считать себя ее учеником.

Работы Эры Васильевны были и остаются для меня настольными книгами. Если друзья, коллеги и ученики Эры Васильевны каким-то образом решат почтить ее память, то я всегда и в любое время с огромным желанием присоединюсь к этому начинанию. *(Из письма. 30. 09. 1988)*

Профессор Г. А. Золотова (Москва)

Мы учились с Эрой на одном курсе. Очень хорошо помню ее: худенькая девочка с лицом мадонны, тонкая, изящная, естественная. По-моему, ее все любили. Она была очень эмоциональна, все чувства проявлялись в ней внешне: такая она была искренняя, открытая, страстная и влюбчивая. Она никогда не скрывала от других своих чувств, всегда делилась со всеми своей радостью, счастьем. Весь наш курс знал, когда Эра Васильевна бывала влюблена в кого-либо.

Одевалась она, как все, очень скромно, просто, даже бедно. Но никто в то время не чувствовал какой-либо ущемленности, неудобства. У многих студенток было только одно платье, но зато у всех была общая радость, все жили общими надеждами, предощущением будущих успехов, одним словом, все получали удовольствие от учебы.

Мы сблизились перед окончанием. Эру, меня и Е. А. Земскую выдвинули в аспирантуру и тут же отодинули по одной и той же причине: 37-й год... Они действовали обманом: сказали, что у нас плохие характеристики. Но мы знали, что деканат выдал нам отличные характеристики. Ходили разбираться в партком, где нам как дочерям репрессированных говорили о нашей неблагонадежности, об «антисоветской трещине» и прочее. В парткоме от нас услышали в ответ: «Плохо вы знаете психологию советской молодежи»... Эта ситуация в дальнейшем разрешилась по-разному. Я пошла работать в школу, а в следующем 1950 г. поступила с помощью академика В. В. Виноградова в аспирантуру во вновь открытый Институте русского языка.

Прошли годы. В 1974 г. Эра Васильевна защитила в Академии наук докторскую диссертацию, я была одним из ее оппонентов. Запомнилось душевное застолье в ресторане «Прага», с нами были Хабиргаев и Никита Толстой. Была очень теплая, дружеская атмосфера.

Э. В. Кузнецова всегда чувствовала новые идеи, направления, концепции. В 1960 г. она стала изучать глагольную семантику в духе концепции Ю. Д. Апресяна, ездила на конференции по структурной лингвистике. Она заняла достойное место в науке, честно и увлеченно работала, как, наверно, делала все в своей жизни. Я не бывала в Свердловске, но, думаю, что ее любили люди, с которыми она работала.

Последний раз мы были на конференции в Воронове, под Москвой, жили в одной комнате. Волновались перед докладами, наговорились обо всем. С любовью и заботой говорила она о семье... (*Июнь 1996 г.*)

Профессор Т. А. Лисицина (г. Новгород)

Судьба свела меня с Эрой Васильевной еще в студенческие годы. Я училась тогда в Уфе, в университете, на кафедре Васильева Леонида Михайловича — моего первого учителя в языкознании. Потом меня перевели завершать обучение в Ленинградский университет, где я и была все двадцать лет потом, с небольшим перерывом. Так вот, я слушала спецкурс Эры Васильевны по системным отношениям в лексике, который она читала по приглашению проф. Васильева Л. М. филологам Башкирского университета. Нас поразило сочетание глубины и простоты, ясности и сложности. Доверительная манера чтения, мягкость подачи материала, приглашающая к рассуждению, сомыслию, нас покорила. Спецкурс по сложнейшим проблемам семантики все мы слушали как увлекательный остросюжетный роман. Уже будучи коллегами, мы встречались с Эрой Васильевной на защитах, в узком дружеском кругу. И неизменно я отмечала ее деликатность, глубокий такт в общении, сочетающийся с женской умеренностью и мягкостью, чувством внутренней меры. У нас остались самые светлые воспоминания от научного и человеческого общения с Эрой Васильевной. (*Из письма. 01. 06. 1996*)

Профессор С. Ф. Лопушанская (г. Волгоград)

МГУ, 40-е годы, трудные, военные и послевоенные. В то же время и среди преподавателей, и среди студентов были люди особенные: увлеченные наукой, воспитанные интеллектуальным трудом и дружеской поддержкой, вскормленные добротой и бескорытием. О чести и порядочности было имплицитное представление. Взаимное доверие затем уже проверялось десятилетиями.

Можно назвать ярких, самобытных ученых, которые и в научном, и в личностном отношении становились для нас образцом. Я говорю прежде всего о Петре Саввиче Кузнецове, о его лекциях по исторической грамматике русского языка, о неповторимых ответах на вопросы то ли в аудитории, то ли при встрече в замысловатых коридорах нашего факультета на четвертом этаже Моховой. Вспоминается Клавдия Васильевна Горшкова, тогда еще молодая аспирантка, которая вела у нас практические занятия по старославянскому языку; Клавдия Александровна Ганшина, чрезвычайно добрый человек и уникальный педагог, передавшая нам часть любви к

французскому языку. О преподавателях можно было бы написать книгу (лекции, семинары, внеаудиторное общение, консультации, капустники — все это незабываемо!).

Студенческое содружество складывалось, конечно, в учебной группе, в читальном зале библиотеки им. Горького и особенно в общежитии на Стромынке, 32. Фотографии, которые у меня сохранились, весьма редкие: на одной из них у памятника М. В. Ломоносову дружеский снимок выпускников-русистов 50-го года; сохранились также фотографии с Андреем Синявским, Людмилой Матюшенко, Еленой Земской, Эрой Калугиной и другими.

С Элочкой мы познакомились в общежитии, комнаты были рядом, а праздники отмечали вместе, книги приобретали вместе, много спорили, обсуждая то, что принесли с фронта вернувшиеся старшекурсники, и то, о чем рассказывали первые зарубежные стажеры послевоенных лет.

Шли годы, с кем-то пути разошлись, кто-то уехал далеко, кого-то забыли. Но Эра Калугина-Кузнецова занимает особое место в душе. Ее называли «человек очень...» — очень красивая, очень русская, очень умная, трудолюбивая, принципиальная, очень чуткая... Такой Эра Васильевна останется в памяти тех, кто ее знал, кто с ней общался, кто с ней работал. После долгих лет, разбросавших нас по разным городам, особенно ярко прошла встреча с ней в 1987 году в Волгограде, когда она в течение месяца, будучи председателем ГЭК, щедро помогала нашему молодому университету в становлении научного направления по проблемам лексикологии и, в частности, глагольной семантики. Книги Эры Васильевны Кузнецовой, ее улыбка, лучистые голубые глаза, искренность и обаяние — все это живет с нами. *(Октябрь 1996 г.)*

Профессор Н. Лукьянова (г. Новосибирск)

Дорогая Людмила Григорьевна! Читала Ваше письмо и заметку в газете и снова плакала. Для меня смерть Эры Васильевны равноценна смерти мамы и сестры, которых мне пришлось хоронить в последние десять лет. Я не могла и Вам звонить, потому что, во-первых, знала, как Вам тяжело, во-вторых, сама не могу думать и говорить об Эре Васильевне без слез. Утрата тяжела и невосполнима. Я ведь еще успела поговорить с ней по телефону перед ее кончиной, дней за 5, когда она была дома. Не верилось, что конец придет так быстро. В моей памяти она живая. Вспоминаю все встречи с ней, у них дома, на обсуждении диссертации, на защите, после защиты в больнице перед моим отъездом, когда я видела ее в последний раз, и ее выступления у нас в разные годы. И не верится, не

верится, что ее нет и не будет. Она для меня и учитель, и мать, и просто человек с Большой буквы. *(Из письма. 14. 09. 1988)*

Доцент С. Р. Омельченко (г. Волгоград)

КАКОЙ МНЕ ЗАПОМНИЛАСЬ Э. В. КУЗНЕЦОВА

С Эрой Васильевной я познакомилась и близко общалась в июне 1987 года во время ее пребывания в Волгоградском университете в качестве председателя ГЭК. До этого я уже прочитала ее учебное пособие «Лексикология русского языка», которое мне очень понравилось тем, что в нем не только предельно четко давалась системно-семасиологическая характеристика русской лексики, но излагалась и новая методика анализа лексического материала. Естественно, я испытывала легкий душевный трепет, когда С. П. Лопушанская знакомила меня с автором понравившегося учебника.

В это время я жила со своей семьей в университетском общежитии, где поселили и Эру Васильевну. Мне было поручено помогать ей в различных бытовых делах. Мы удивительно быстро подружились с Эрой Васильевной. По-видимому, здесь сказалось то, что я сама родом с Урала, из-под Свердловска (мне было очень приятно услышать легкий уральский говорок — язык моего детства); кроме того, у меня и у нее мужа — философы (более того, я узнала, что сама Эра Васильевна в свое время мечтала поступить на философский факультет МГУ), ну и, конечно, общая любовь к русскому языку. Поэтому у нас сразу же нашлись общие темы для общения.

Помню, меня восхищал аналитический склад мышления Эры Васильевны и ее способность все объяснять довольно конкретно и точно, но при этом у нее был удивительно образный язык. Запомнился один прекрасный летний вечер, когда мы стояли с Эрой Васильевной на балконе и любовались закатом; она долго смотрела на вечернее небо, а потом сказала: «Природа — великий художник, ни на одной картине мы не увидим того, что может она передать».

Нам нравилось с мужем, как Эра Васильевна быстро освоилась в нашей семье. Мы и теперь иногда вспоминаем: когда она приходила к нам, то как девчонка забавно забиралась с ногами на диван и начинала говорить, казалось бы, о пустяках, а в результате подходила к серьезной теме, которая волновала ее и затрагивала нас. Во время таких бесед я иногда забывала о разнице в возрасте, положении...

И наконец, я очень благодарна Эре Васильевне за то, что она мне помогла определиться в моих научных интересах, дала мне несколько ценных советов по моей кандидатской диссертации. Во время одной из консультаций она сказала замечательную фразу,

которую я запомнила и даже сейчас цитирую ее на занятиях студентам: «Слово — это своеобразный атом, который можно расщепить».

Помню, когда Эра Васильевна уехала, я очень скучала по ней и говорила мужу: как жаль, что Эра Васильевна старше меня и живет далеко, если бы мы вместе учились, то обязательно были бы подружками. (*Сентябрь 1996 г.*)

Профессор Г. Г. Полищук (г. Саратов)

Я очень любила Эру Васильевну. Нас связывали разные отношения. Прежде всего — деловые, научные. Я не раз слушала доклады Эры Васильевны (она приезжала в Саратов на конференции), ее выступления в качестве официального оппонента. Это все было очень интересно и добротнo. Эра Васильевна была очень обаятельным человеком, и ее обаяние пропитывало и все то, что она делала в науке. Помню ее лекцию у нас в университете для студентов и аспирантов о лексической системе. Студенты слушали ее, затаив дыхание, хотя материал подавался в строгой, без заигрывания, форме. Я писала кафедральный отзыв на ее учебник по лексикологии, специально подчеркивая мысль о сочетании научной глубины с доступностью изложения, что так важно для учебника. Мы и сейчас рекомендуем ее учебник студентам. Я с большим интересом читала и читаю работы вашей кафедры по семантическим полям глагола. Жду с нетерпением словаря. Естественно, все это сопровождалось деловыми разговорами и соответствующей перепиской.

Но вот однажды мы оказались с Эрой Васильевной рядом, вдвоем. И так получилось, что возникла потребность рассказать друг другу о себе. Это было божье предопределение. Не могу все писать подробно, но в процессе разговора (шепотом и только друг для друга) мы выяснили, что мы с ней «близнецы». Нет, не по гороскопу, а по судьбе. Мы родились в одно время, и многое в нашей жизни оказалось подобным. Мы в одно время потеряли отцов — «врагов народа», став потом жертвами политических репрессий, так как бедные наши отцы погибли безвинно. Мы обе переживали те горести, которые пали на наши детские и юношеские годы, так как были детьми врагов народа. Мы обе оказались среди светлых людей, которые помогли нам стать тем, чем мы потом стали. Мы обе, несмотря ни на что, не очерствели, но, напротив, умели ценить добро и дружбу. И эти качества мы распространили друг на друга. Я впервые рассказываю это. Даже близкие нам люди не знали, почему каждая наша встреча была для нас праздником, и нас, как магнитом, притягивало друг к другу, нам хотелось говорить, вспоминать... И нам было так хорошо. Мы переписывались до конца.

Она мне писала все, кроме того, что была тяжело больна. И ее смерть была для меня ударом. Я ее помню и буду помнить всегда — обаятельную, умную, сердечную, ставшую для меня очень родным человеком. *(Сентябрь 1996 г.)*

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКОВ ЭРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

Профессор Л. Г. Бабенко (г. Екатеринбург)

С Эрой Васильевной Кузнецовой у нас были отношения почти родственные. Мы дружили семьями, постоянно ходили друг к другу в гости. Не было дня, чтобы мы ни поговорили по телефону, ни обсудили бы глобальные или личные дела. Нас связывало глубокое чувство духовной близости, сходство характеров, жизненных принципов, главными из которых были требовательность к себе и другим, верность избранному научному направлению, открытость, искренность, честность. Мне нравились в ней то, чего не принимали многие другие: категоричность, прямолинейность и некоторая нетерпимость. Она могла уйти с заседания Совета, хлопнув дверью. На партбюро говорила о КПСС такие вещи, что окружающие только поеживались. (Это мне рассказал муж, секретарь партбюро, член партбюро в разные годы).

Мне вспоминается, что как-то за общим обедом в столовой университета (мне было тогда тридцать лет) Эра Васильевна неожиданно потребовала, чтобы я сделала короткую стрижку, утверждая, что преподаватель вуза не может работать с длинными распущенными волосами. На мое счастье, с нами обедала доцент нашей кафедры Матфиза Федоровна Скорнякова, обладательница пышной прически из длинных волос. На нее я и указала в качестве защитного аргумента. Или Эра Васильевна могла пожаловаться моему мужу, с которым они всегда были предельно откровенны, что я с ней мало советуясь по диссертации, проявляя излишнюю самостоятельность, что, правда, имело место. Но это все мелочи. Главное, что восхищало в Эре Васильевне, когда мы с ней сблизились в 1974 году, — гармоничность натуры ученого-женщины. С одной стороны, в ней явно присутствовали качества ученого-мыслителя: несомненная лингвистическая одаренность, логика ума, умение заражаться научными идеями и заражать других. При этом она была обаятельной красивой женщиной, умевшей модно, с тонким вкусом одеваться, всегда следившей за собой и требовавшей этого от других.

Талантливость и целеустремленность были даны Эре Васильевне самой природой, но она совсем не была баловнем судьбы. Ее семейная и трудовая жизнь складывались трудно. Так, она мечтала изучать философию, с тем и поехала поступать в Московский уни-

верситет, но как дочери репрессированного ей не позволили поступать на философский, разрешили на филологический. По окончании университета (с отличием) ей, с одной стороны, выдали рекомендацию для поступления в аспирантуру, с другой стороны — документы отказались принять (по той же причине). Пришлось опять искать справедливость, отстаивать свое право. Может быть, эти препятствия, трудности были посланы Эре Васильевне судьбой для того, чтобы закалить ее характер? В трудных ситуациях Эра Васильевна действительно проявляла твердость, силу характера, добивалась осуществления задуманного. Особенно настойчивой она была тогда, когда ей не на кого было рассчитывать, или, другими словами, приходилось рассчитывать только на себя.

Эра Васильевна любила жизнь во всех проявлениях, она не была ученым-отшельником, отказавшимся ради науки от всех земных благ и удовольствий. Она умела вкусно готовить и очень любила принимать и угощать гостей. Особенное предпочтение она отдавала уральской кухне: ватрушкам с творогом и луком (я их так ни разу и не решилась попробовать), пирогам с капустой, с картошкой, с грибами и (главная страсть!) — пельменям. И не только мясным. В ее доме стряпались пельмени с редькой, салом, капустой и пр. Когда по какому-либо праздничному поводу мы собирались на кафедре, а на столе было только сладкое: торты, конфеты, пирожные — нам сильно всем доставалось и приходилось бегать за бутербродами с колбасой. Очень любила Эра Васильевна и природу. Они с Владимиром Леонтьевичем (ее вторым мужем) имели участок в коллективном саду, но на нем не было грядок лука, чеснока, гороха, моркови, свеклы и тому подобных традиционных огородных культур. Там росли высокие березы, плодоносили груши и вишни (урожай собирали ведрами). Особенно много было вишневых кустов. Под деревьями свободно росла трава, за что Эре Васильевне доставалось от соседей-садоводов. До последних дней своих она мечтала иметь отдельный дом в деревне, в лесу, и много говорила об этом в последний год своей жизни.

Еще одна страсть Эры Васильевны — русская парная баня. Сейчас мало кого в городе удивит баней, много появилось разного рода оздоровительных учреждений с саунами, турецкими, русскими банями, бассейнами-джакузи и под. А в 70-е годы нам приходилось ходить в самую обычную городскую баню. Эра Васильевна заразила этой страстью и меня, и многих других коллег. У нас сложилось дружное «банное общество», своеобразный женский клуб, куда входили в качестве постоянных членов доценты Н. А. Боровикова, Т. Н. Сивкова, Е. И. Плотникова, И. М. Волчкова, Н. В. Бряник (сейчас уже профессор). Были и непостоянные участники:

доценты Е. Г. Соболева, О. А. Михайлова и др. При этом мы придерживались определенного ритуала; во-первых, по настоянию Эры Васильевны, билеты покупали на самый ранний сеанс, на 7 часов утра, чтобы в бане было сухо и чисто. К бане заранее готовились: Эра Васильевна с вечера заваривала в большой термос настой трав (обычно шиповник, можжевельник, зверобой, плоды рябины и черемухи), кто-то делал маски для лица (обычно Н. А. Боровикова), кто-то приносил смесь меда и соли для тела (обычно я), кто-то — соки, чай, фрукты и т. д. Все было строго регламентировано самой Эрой Васильевной: первый заход в парную — только сухой пар, второй заход — с паром, но без веника, третий заход — уже парились с веником. В перерывах — контрастный душ, отдых с чаем, травами, легкомысленные женские разговоры. После бани все чувствовали себя рожденными заново, обновленными. Казалось, мы заряжались здоровьем на долгие годы. И Эра Васильевна собиралась жить долго: как-то в банном разговоре она сказала, что проживет столько же, сколько ее мать Мария Константиновна. И впечатление она производила здоровой и крепкой по-русски женщины, созданной Богом для долгой плодотворной жизни. К сожалению, предчувствия ее обманули. Вероятно, это тот случай, когда обстоятельства оказались сильнее жизненного предназначения.

Эра Васильевна могла жить только в атмосфере любви. Она сама излучала любовь на весь окружающий мир и на живущих рядом с ней людей в этом мире: семью (детей, внуков, мужа, сестер), учеников и всех членов их семей, коллег по работе и всех, с кем сводила ее судьба. Особенно трогательными были ее отношения с мужем, Владимиром Леонтьевичем Кузнецовым. Иначе и не могло быть. Они относились друг к другу с нескрываемой нежностью, опекали друг друга, трогательно заботились друг о друге. Ежевечерне гуляли по городу, уделяя время только для себя, своих сокровенных разговоров, оба безумно любили детей, внуков. При этом центром семьи была Эра Васильевна.

Мне вообще кажется, что Эра Васильевна была энергетически сильным человеком и на ее доброй положительной энергетике многое держалось, и прежде всего кафедра и семья. После ее ухода не стало дружной кафедры, не стало счастливой семьи. Было трудно. Трудно семье, сыну и дочери. Трудно ученикам, оставшимся верными ей и ее идеям. Но главное и основное, о чем можно сегодня с уверенностью сказать, — мы выстояли и выдержали. Ее научные идеи не утратили актуальности, они живут и развиваются в трудах ее учеников, по мере сил и возможностей пытающихся воплощать их в жизнь. Ведь главное — это жить и помнить, и помнить действительно, в трудах и работе.

С Э. В. Кузнецовой меня связывало многое. Она была не только моим научным руководителем, начиная с первых курсовых работ, но и близким мне человеком, помогающим, советующим, сочувствующим. Она всегда интересовалась всеми событиями в жизни своих учеников и коллег. И это был не праздный интерес, а искреннее желание чем-то помочь или порадоваться вместе с кем-то. Эра Васильевна была чрезвычайно искренней и прямой в оценках и суждениях, могла довольно резко высказать в глаза свое отрицательное отношение к чьему-либо поступку. Особенно не терпела необязательности и лени. Она сама была очень собранной, целеустремленной, работоспособной, у нее всегда было жесткое расписание всех дел и отдыха на каждый день, и от других она требовала такой же постоянной, методичной, спланированной работы. Эра Васильевна была уверена в том, что работа и учеба — это главная цель жизни, а добиться успеха можно лишь работая ежедневно, по строгому распорядку, не дожидаясь прихода вдохновения или еще чего-то.

В то же время никогда никому в голову не пришло бы назвать ее «синим чулком». Она была очень женственна, любила красивые наряды, всегда следила за своей прической. И, пожалуй, превыше всех деловых качеств в женщине она ценила материнство. Многим своим ученицам, защитившим кандидатские диссертации, Эра Васильевна говорила: «Дальше есть два пути: или писать докторскую, или родить ребенка». А как она радовалась каждому вновь появившемуся дитяти! У меня родилась дочь, когда Эра Васильевна была уже больна, прийти ко мне не могла, но много расспрашивала по телефону о дочке, а впервые я показала Эре Васильевне мою Дашу, когда та только-только начинала делать первые шаги. Мы пришли к Эре Васильевне домой, она уже лежала, но смогла подняться и посмотреть на ребенка. Потом, довольная увиденным, подарила позолоченную ложечку. И, конечно, сейчас этот подарок в нашей семье напоминает ту бесконечно дорогую женщину, которая в моей жизни была главным учителем и очень близким мне и моей семье человеком.

А как я могу забыть такие минуты общения с Эрой Васильевной, когда практически она одна оказывалась рядом, чтобы утешить меня. Я вспоминаю осень 1986 года, когда скоростижно скончалась моя мама. И вот мы с семьей вернулись в город, домой, где холодно и пусто. И вдруг, не прошло и часа после нашего возвращения, звонок в дверь. Пришла Эра Васильевна со своим мужем Владимиром Леонтьевичем. Она обняла меня, поплакала вместе со мной, и от ее участия и доброты мне стало легче.

Эра Васильевна была удивительно многогранным человеком. В ней чувствовалась сила, энергия, надежность; она собирала вокруг себя людей, и люди стремились к ней, получая от нее не только научные идеи, дельные советы, но и душевную опору и понимание.

Спасибо ей за это, а судьбе за то, что такой человек был на земле и мне посчастливилось с ней встретиться.

Доцент, докторант М. Л. Кусова (г. Екатеринбург)

Эру Васильевну отличало умение организовать себя и подчинить себя этой организации, что проявлялось во всем: от научной работы до бытовых мелочей. В определенные дни она занималась в Белинке (библиотеке имени Белинского), причем это были специально отведенные утренние часы, в среду и субботу делала уборку в квартире, считая, что главное условие чистоты и уюта — поддержание порядка. Но она не была «запрограммированным» человеком. В Белинке Эра Васильевна не только знакомилась с новинками литературы, но и успевала вести борьбу с некоторыми аспирантами, не желающими правильно работать с литературой, вести записи на карточках, которые все подряд выписывали в «амбарную книгу». Ее идеальному порядку в доме не мешали знающий себе цену кот и уж тем более гости. Дом Эры Васильевны был широко открыт для всех. Она консультировала дома дипломников, аспирантов, соискателей — и в этом тоже проявлялось умение организовать себя и окружающих: на работе труднее сосредоточиться на проблеме.

*Доцент, докторант Т. Н. Сивкова
и И. П. Сивков (г. Екатеринбург)*

О ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

В те еще не столь далекие времена — застойные, по нынешнему выражению — времена нашей молодости, собирались мы у Кузнецовых довольно часто в неформальной обстановке по разным поводам. Юбилеи, именины, защиты диссертаций, благо, у Эры Васильевны не было недостатка в защитах... Иными словами, поводов для неформального общения было достаточно, было желание встречаться, а заодно и пооткровенничать между собой — на работе не до этого, да и обстановка не та.

На этих встречах, за веселым застольем, хотя и продолжались разговоры о работе, но оставалось время и для высказывания сокровенного, того, что в обычной обстановке не обнажается, а бережно хранится в душе щемящим чувством о далеком, навеки утраченном, но дорогом ушедшем времени.

И вот во время одной из в общем-то обычных дружеских встреч

Эра Васильевна рассказала о тех чувствах, которые она испытывала каждый раз, когда возвращалась в родное Полевское на летние студенческие каникулы.

И особо ее память запечатлела следующее. Она рассказала о том, какие чувства волновали ее, когда каждое лето по окончании сессии она ехала из Москвы домой. А когда выходила на своей тихой станции и шла пешком домой восемь километров, то предусмотрительно снимала туфли — туфли-то были всего одни. Уж лучше идти босиком. И эта ходьба босиком по покрытой толстым слоем мягкой пыли проселочной дороге приносила такое наслаждение и удовольствие для ног, которое не приносила ходьба по самым мягким коврам. Случалось, подвезет ее какой-нибудь мужик на попутной подводе до дому и все выспрашивает: где да чему учишься, кем будешь, когда выучишься. Поселок в те времена был небольшой и все знали друг друга.

А когда сворачивала с дороги к дому, то специально шла по мокрой от росы траве: приятно охладить разогревшиеся от ходьбы ноги, а заодно и помыть их. «С годами, — говорила Эра Васильевна, — эти возвращения домой мне становятся все дороже и дороже. И как вспомню об этом, снова вижу себя прежней...»

Мне, пережившему много раз подобное возвращение домой (вспоминает Иван Сивков), на глухую таежную пасеку, настолько были близки ее чувства, что она во мне находила понимающего слушателя и утешала себя: не одна я такая, кому нравится ходить босиком по пыли и отмывать пыль с ног росой. Живя в одном дворе с Эрой Васильевной (вспоминает Татьяна Сивкова), мы часто возвращались домой вместе. Дорогой мы говорили о семейных проблемах, о воспитании, о работе, о самом сокровенном, что не каждому доверишь. В то время мне предстояло ехать на работу в Югославию, в Приштинский университет. Напутствуя меня перед отъездом в далекие края, она наказывала: «Татьяна! Что бы там ни случилось, даже при самых соблазнительных предложениях, все равно возвращайся домой».

Профессор А. П. Чудинов (Екатеринбург)

МНЕ ПОВЕЗЛО НА УЧИТЕЛЕЙ...

Мне повезло на учителей: Л. Н. Мурзин, М. Н. Кожина, Е. Н. Полякова, Ф. Л. Скитова, К. А. Федорова, В. В. Бабайцева, А. Ф. Лосев, Л. Ю. Максимов, Д. Н. Шмелев... Э. В. Кузнецова занимает в этом ряду особое место.

Сначала было знакомство с ее докторской диссертацией, за текстом которой аспиранты занимали в «Ленинке» очередь. Потом за-

павшая в память фраза Д. Н. Шмелева: «Так Вы что, компонентный анализ не по Кузнецовой собираетесь делать? Ну попробуйте...» Эта скептическая интонация ярко отражала громадный авторитет Эры Васильевны среди советских лексикологов.

Но по-настоящему масштаб личности Э. В. Кузнецовой я оценил, став участником знаменитой глагольной группы, из которой вышли ведущие екатеринбургские лексикологи. Профессор Э. В. Кузнецова смогла создать удивительную научную атмосферу, в которой каждый занимался своей проблемой и в то же время чувствовал себя членом единого коллектива. Она щедро делилась своими идеями, не подавляя при этом, а стимулируя самостоятельность учеников.

Давно замечено: большой ученый в крупном провинциальном городе России или долгие десятилетия остается для окружающих «недосягаемой звездой», единственным и неповторимым, главой единственно признаваемого научного направления, или же становится генератором разнообразных идей и направлений, рядом с которым быстро растут кандидаты и доктора. Очевидно, что современная екатеринбургская лингвистика с двумя докторскими диссертационными советами, десятком докторов наук и множеством кандидатов (большинство из них прямые ученики Эры Васильевны или ученики ее учеников) — это лучший памятник создателю уральской лексико-семантической школы.

Эра Васильевна была прекрасным научным редактором: легко улавливала основную идею автора и почти незаметно для него помогала ее развить: подсказывала новое направление исследования, советовала прояснить какую-то мысль, подобрать более яркие иллюстрации, хотя вполне могла и съязвить. Не было в ней стремления к мелочной опеке и желания обязательно настоять на своем. Говорила один раз, видимо, считала, что умному достаточно, а на дурака не к чему тратить силы.

Мне не было дано до конца понять ее характер: обычно искренняя и даже прямолинейная, она вполне могла пойти и на компромисс, если дело не касалось высокой науки. Была мастером «филологической» беседы со всеми ее аллюзиями и подтекстами, но вполне могла выразиться достаточно резко и однозначно. Очень любила всех своих учеников, но именно им ничего не прощала. Имело множество друзей во всех концах Советского Союза, но успела обзавестись и искренними могущественными врагами. Была убежденным коммунистом, но высказывала иногда весьма «крамольные» мысли.

Все мы любили бывать в ее квартире. Приходили туда поодиночке и большими компаниями, с коротким деловым визитом и для большого застолья, в дни радости и печали. И всегда находили понимание, сочувствие, помощь.

Статья Р. Печуркиной об отце Э. В. Кузнецовой (опубликована в газете «Уральский рабочий», 1988, 1 мая)

УДЕРЖИСЬ В СЕДЛЕ

Рисуя для музея портрет Василия Николаевича Калугина, художник взял за основу тот самый снимок, который мы сегодня воспроизводим. Но фон изобразил иной, вместо старой бревенчатой стены, разбитого стекла над дверью — золотые горы среднеазиатских песков, несущийся вскачь эскадрон, летящее по ветру алое знамя.

Художник имеет право на домысел, воссоздавая высшую точку изображаемой им судьбы. Тем более что в судьбе Василия Калугина все это было — и жар пустынь, и свист сабель. Но жизнь сложнее и суровей, она испытывает не только вдохновением боя, но и прозой времени, и невесть откуда свалившейся бедой. И трудно сказать, в какой из этих моментов человек наиболее полно, точно и достоверно явит людям себя, самую свою сердцевину.

Письма — их чуть более десятка, — сохраненные дочерьми, вместили в себя год его жизни, от весны до весны. Самый трагичный для него, да и не только для него.

Было десятое мая. Вернувшись с работы, возился в огороде, готовил парник для рассады. За ним пришли, велели собираться. Он и не удивился даже. Хотя аресты в Полевском и не развернулись еще на полную мощь, но уже многие люди мыкались, сорванные с привычной работы, сбитые с толку непонятными вопросами, нелепыми намеками, таинственными угрозами. И вот пришло неотвратимое.

«Добрый день, милая Маша. Шлю привет тебе и ребятам. Крепко целую всех. Я жив и здоров, нахожусь все там же. Только сильная головная боль периода 27 года. Говорят, что скоро будет решение, но когда — неизвестно. И вообще это дело тяжелое — ожидание».

Идет лето тридцать шестого, девятнадцатого года Советской власти. И на тебе, эзопов язык старых подпольщиков! Ведь скорее всего не о боли физической ведется речь в письме.

Василия Калугина и еще четырех бывших красногвардейцев обвиняют в троцкизме, участии в контрреволюционном заговоре и прочих смертных грехах. Иван Хмелилин, Александр Тестов, Константин Косых, Павел Беспалов. Оглушенные непонятностью беды, они сейчас рады бы, наверное, вернуться в то невозвратное время, когда враг был вон за той балкой, в тех окопах, когда все виделось простым и понятным, и если жизнь человека зависела от многих обстоятельств, то уж судьба и свобода — только от него самого.

«Мамочка, тебе совершенно непонятно, почему я снова нахожусь в Свердловске. Это очень просто. Двадцать шестого по прибытии на вокзал были посажены в вагон и через час или два нас снова с Хмелининым вернули по неизвестным причинам и посадили в спецкорпус НКВД, где я пробыл до второго августа без вызова, и опять направили в тюрьму.

Когда отправят, неизвестно, но теперь условия получше, дают так называемый политпаек. Я не знаю, получила ли ты письмо из тюрьмы, где я извещал, что мне дали пять лет. Архангельск, Ухта Печерская, лагерь».

Они предстали перед особым совещанием: связист, горняк, кладовщик, снабженец, экономист. Образование у всех, как сказано в бумагах, низшее. А если сказать деликатнее — начальное.

Их академией стала гражданская война. И не мудрено было с таким багажом запутаться в сложностях идеологической борьбы. Вот за это-то в 27-м году кое-кому, в том числе и Калугину, досталось по «строгачу». А дальше жизнь развела земляков по разным городам. Занятые работой, семьей, текущими делами, виделись редко. И вдруг: фракционеры, заговорщики! Где им было понять, что дубиной обрушился на них тезис об усилении классовой борьбы, что грянули времена, когда инакомыслие, как и недомыслие, пусть и давнее, не просто наказуемо, но и подсудно, а в некоторых случаях и несовместимо с жизнью.

«Конечно, вины своей я никакой не чувствую. Все это построено на предположении. Но это цветочки, а ягодки будут впереди...

И все же я никогда не могу быть контрреволюционером, а только могу быть патриотом до конца».

В 1917 он вернулся домой с первой мировой войны. В прошлом — горняк, теперь бравый драгун, георгиевский кавалер. Место свое определил сразу: волостной красногвардейский штаб, инструктор по обучению отрядов, которые формировались и отправлялись на защиту республики. Из Полевского ушел с отрядом летом 1918 года и был в седле до конца гражданской войны. Зачем, куда, в какие режимы, рассыпавшиеся в прах под копытом его коня, стал бы он теперь поворачивать?

«Крепко целую тебя с ребятишками и желаю быть здоровыми. Это самое главное теперь, когда меня оторвали от родной семьи. Я без вины виноватый, но если этого требует революция, я готов хоть на какие трудности. Пусть знают молодые, что я плохого никогда не думал и если было что со мной, то это просто ошибки и более ничего». С Калугиным воевали особенно старательно. Он был председателем городской комиссии бывших партизан и красногвардейцев, считался среди них признанным лидером.

Как настойчиво заставляли его перед арестом признаться и ка-яться! По случаю убийства С. М. Кирова. По случаю очередного политзанятия или для очередного заседания. Когда решалась его партийная судьба — не выдержал, ушел, не дождавшись решения приговора, который был ему уже ясен.

«Таких, как Калугин, в районе много», — сокрушенно вздохнул тогда один из местных партийных руководителей. Это было сказано очень верно. А многое другое говорилось совсем неверно. Его уход с бюро расценили так: не дорожит партией, революцией. А он, придя домой, попросил младшую дочку: спой мою любимую. Девочка запела: «Под частым разрывом гремучих гранат отряд коммунаров сражался». Отец слушал и плакал.

«Орден Красного Знамени можешь отдать только в том случае, когда тебе выдадут выписку из постановления ЦИКа. Только тогда вручишь под расписку, и больше ни в коем случае не отдавай никому».

Грамоту о награждении, которая хранится в городском музее, подписал от имени Реввоенсовета республики М. В. Фрунзе. Шестнадцатый кавалерийский полк, которым командовал Калугин, ворвался тогда на станцию Ягман, что на подступах к Красноводску, атаковал находившийся там неприятельский эшелон, взял в плен около сорока человек.

Орден Красного Знамени был по тем временам наградой дорогой и редкой. Его обладателей так и звали — краснознаменцы. Летом 1924 года «Уральский рабочий» опубликовал приглашение, адресованное краснознаменцам, — принять участие в торжественном заседании, посвященном пятилетию освобождения Урала от Колчака. Все обладатели почетной награды названы в газете поименно. Всего их числилось в Екатеринбургском округе сорок семь человек. В середине списка — Василий Николаевич Калугин.

Боевые командиры второй бригады третьей Туркестанской кавалерийской дивизии написали ему такую характеристику: «Происходя сам из рядов пролетариата, он знал, что борется за общее дело, и отдавал все свои силы и знания на пользу революции».

На опыте войны с Германией и в гражданской войне он приобрел неопенимые познания и был на своем месте на должности командира полка.

Обладая всеми хорошими качествами, необходимыми комсоставу, добросовестным отношением к службе и подчиненным, он пользовался доверием и любовью со стороны красноармейцев, к тому спокойный характер, предприимчивость и решительность во время командования вверенным ему полком неоднократно наносили врагу на боевом фронте значительные удары, за что впоследствии был награжден орденом Красного Знамени и серебряным оружием».

Где доверие и любовь? Разве выручат теперь предприимчивость и решительность? Всадник, выбитый из седла. Что ждет его на неведомой дальней дороге?

«Ехали на морском пароходе по морю трое суток, на речном пассажирском пароходе 6 суток и на барже 15 суток. Всего пришлось испытать. 28 сентября прибыли на пункт — Станция Уса. Меня назначили в железнодорожный цех службы пути, первый околотов, грузчиком балласта».

Он из тех, кто работы никакой не боится. Чего же бояться после добровольной каторги на руднике или, по-местному, в горе. После гражданской войны руководил своим родным Зюзельским рудником, пока не сдали его в концессию англичанам. Был лесничим, строил школу, мостил шоссе. Он и эту, Северо-Печерскую ж. д., творил бы упорно, кидая балласт вагон за вагоном, не забывая слова из оставшейся дома памятки ударника про то, что «труд ныне превращен в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства». Да здоровье уже не прежнее.

...Лет двадцать с лишним назад, как раз посередине дистанции между теми днями и нынешними, мне довелось проехать по северной ветки, через Усу, через Сейду, где разбегаются пути к Воркуте и Лабитнангам. «Прямо дороженька: насыпи узкие, столбики, рельсы, мосты. А по бокам-то... «рванные ошметки колючей проволоки, остатки бараков и сторожевых вышек. В сорок первом году повезли здесь воркутинский уголек, и дорога, как и новая северная кочегарка выручила страну...

«День здесь очень короткий, заметно короче нашего. Одним словом, Заполярье. Зимой обещают холода до 50 градусов. Это для меня безусловно страшно. Остальное я ничего не считаю опасным.

Со мной здесь работает Косых Василий Егорович, кочегаром в бане, Тестов, Хмелинин, Неуймин, Чащин, другой Косых, Бессоновы два. Агня находится ниже на сто километров по реке Усе».

Агния Васильевна Птухина, по домашнему — тетка Агня, сестра Василия Николаевича, домохозяйка, многодетная мать. Когда ей довелось писать с Севера письмо брату, она продиктовала его грамотному человеку, а потом с трудом вывела начало своей фамилии. Вот такая политическая ссыльная.

«Затем, мамочка, мы ожидаем съезда Советов. Что будет от этого съезда, сказать трудно. но разговоров идет очень много».

Что дал съезд Советов? Как известно, сталинскую Конституцию.

«Почта идет здесь на собаках и оленях по дорогам севера, а летом только через Архангельск морем и рекой. Поэтому идет очень неаккуратно».

Письма из Усы опаздывали на несколько месяцев, а посылки, отправленные из Полевского, не ехали на собаках и оленях, а где-то копились в ожидании навигации. Потом вернулись все разом, не найдя адресата. Сахар пропах чесноком, а печенье — махоркой. По крохам собранные, от ребят оторванные, эти драгоценности были ни к чему не пригодны и никому не нужны.

«Прошу тебя, мамочка, не волнуйся. Я думаю, что проживу как-нибудь. До свидания, моя милая детка. Твой Вася».

Кого же называл он мамочкой, как единственную свою защиту, и деткой, как беззащитного ребенка?

В Полевском, вспоминая о времени революционного перелома, рассказывают такой случай. В белогвардейский штаб привели жену большевика. У нее уже было трое детей, ожидался четвертый. Однако приговор следственной комиссии прозвучал коротко и беспощадно: расстрел. И тогда старики-соседи пришли к карателям:

— Побойтесь бога! Ведь и цари беременных не стреляли.

Выручили Марию. Муж ее Иван Меньшенин с гражданской не вернулся — его партийный билет можно сейчас увидеть на музейном стенде. Годы спустя женился на Марии тот, кто вернулся, — Василий Калугин. Стал воспитывать детей — от Ивана оставшихся и своих. Дочерей назвал Рида и Эра. Необычные имена расшифровываются так: Революционная Идея Достигнет Апогея (Рида) и Эпоха Революционного Апогея (Эра). Когда в сорок семь лет ему пришлось подводить итог жизни, думал не о себе, а о них.

«Это мне все за то, что я один из первых уничтожил белогвардейцев и был патриот Советов. Наши враги пролезли во все поры советского аппарата и теперь начинают душить нас. И в этом, конечно, мы сами виноваты, что пропускали их в партию и смотрели на это сквозь пальцы».

Зачем писал он такие слова там, за колючей проволокой? Зачем рисковал? Видно, у цензуры глаз на все не хватало, но если бы пал на эти строки суровый карающий взгляд... Он торопился. Он хотел докричаться до потомков своих, успеть сказать им, что хоть оступался, ошибался, но идеалов не предал, что вопреки обстоятельствам удержался-таки в седле, куда подняла его революция. Хотел убедить их, чтобы не впали в безверие, предостеречь от беспринципности, бессловесности, равнодушия к судьбе страны. Тоже своего рода духовное завещание.

«Привет любимой снохе Марии Константиновне с детками Ридой и Эрой и привет Коле и Настеньке. Шлю я вам весточку, но не радостную. Вася помер 1-го мая сего года. Сперва у него было воспаление легких, потом скоротечная».

Тоненькая пачка исписанных карандашом листков — вот и все,

что осталось семье на память. А у других, у меня, например, нет и этого, чтобы понять, с чем ушел отец за последний порог. Спасибо Василию Николаевичу Калугину, что успел сказать о себе, а значит, и о других тоже.

Я видела в домашнем архиве Калугиных черновик письма, в котором Мария Константиновна просила восстановить мужа в рядах партии. Она долго подбирала доводы — один, другой. Потом зачеркнула все и написала просто: это важно для жизни наших детей.

Их выросло четверо. Николай Васильевич возглавлял отдел на заводе. Анастасия Васильевна была врачом. С Ридой Васильевной, по мужу Меньшениной, я познакомилась недавно. Узнала, что во время войны она пошла работать шофером, а потом много лет трудилась в горздравотделе.

А у Эры Васильевны Кузнецовой мне посчастливилось учиться. Тогда она еще была не маститым доктором филологических наук, а молодым преподавателем, строгим на лекциях, неутомимым в общественных делах. На субботниках запевала точно и чисто: «Под частым разрывом гремучих гранат». Мы подхватывали и не знали, что в общем хоре слышит она еще один, неведомый нам голос, — сочный баритон отца.

В Полевском до сих пор помнят, как в дни всенародных праздников выезжал на площадь верхом на коне красный командир Василий Калугин. Сухощавый, подтянутый, сапоги со шпорами, на груди боевой орден в алой розетке.

Ю. В. Казарин

ГАРМОНИЯ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО

Эра Васильевна Кузнецова, ученый, преподаватель и воспитатель, была удивительно своеобразной, красивой и мудрой женщиной. Ее всегда волновал так называемый «женский вопрос», она постоянно думала о том, какой должна быть современная женщина, о ее роли в семье и обществе. Взгляды Э. В. Кузнецовой на эту проблему были интересны и неординарны.

Ниже мы публикуем некоторые мысли Э. В. Кузнецовой о женщине, хранительнице семейного очага, общественном деятеле и ученом. Используются материалы интервью Э. В. Кузнецовой из газеты «Уральский университет», № 7 от 2 марта 1987 г.

— Сегодняшний день выдвигает перед женщиной требование организованности, умение ценить и планировать свое время, умение все успевать. Во все времена у женщины было очень много дел,

но сегодня, когда она делит с мужчиной многие социальные функции, раньше ей не свойственные, это особенно важно. Женщина должна быть и работником, и матерью, и женой, не утрачивая общей гармонии — гармонии внешней привлекательности и внутреннего богатства. Но это уже к вопросу о женственности.

Что такое женственность, в чем она проявляется — ответ здесь ясен. Его определяют специфические женские функции — матери, жены. Это заботливость, мягкость, терпение и, конечно, внешняя привлекательность. А главное обаяние женщины заключается в ее гармоничности, в сочетании в ней внутреннего и внешнего, с преобладанием внутреннего, так как форму определяет содержание.

— Я люблю умение трудиться, аккуратность и наличие хотя бы элементарной культуры (это из навыков, которые прививает семья), умение самостоятельно мыслить (это должна давать школа) и духовную нестандартность (это уже качество личности), когда человек умеет реагировать по-своему, пусть даже вопреки мнению большинства.

— Сочетание в женщине духовного и душевного богатства происходит так: духовное осуществляется через сознательное, творческое учение, настоящее, постоянное, планомерное чтение, а душевное — через общение с людьми, причем общение заинтересованное, когда из встречи с каждым человеком извлекаешь суть, копишь ее, а потом уже можешь использовать добытое, чтобы помочь, посоветовать, поддержать.

— Главный недостаток молодежи — неумение слушать. Плохо слушаем — плохо понимаем, даже и говорим от этого хуже.

— Современная мода для современных женщин — вопрос немаловажный. Я за то, чтобы люди одевались модно, но всегда нужно знать и соблюдать меру, нужно уметь видеть себя — что тебе подходит. Современная мода привлекает меня своей раскованностью, свободой, разнообразием, я вполне за нее. Но необходимы мера и гармония, так как женщина должна восприниматься как целое, а если в глаза бросается лишь какая-то яркая деталь, экстравагантная прическа или просто необычное сочетание цветов в одежде — это плохо. Истинная элегантность в простоте, но в простоте продуманной и гармоничной. И потом у женщины главное — глаза. И они должны оставаться самым главным, несмотря на тот или иной наряд.

— Я за гармонию внешнего и внутреннего. Не нужно искать женские образы в эмпиреях, а надо вглядываться в лица наших современниц, и мы увидим красоту.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ Э. В. КУЗНЕЦОВОЙ

7 февраля 1927 г.

Родилась в г. Полевском Свердловской области в семье служащего.

2 мая 1937 г.

Гибель отца Э. В. Кузнецовой Василия Николаевича Калугина в Вокутинской ссылке.

1944 г.

Окончила школу № 1 в г. Полевском с отличием.

1944 – 1949 гг.

Учеба на филологическом факультете МГУ.

1949 – 1952 гг.

Учеба в аспирантуре на кафедре русского языка МГУ.

1950 г.

Первое замужество.

1952 г.

Защита кандидатской диссертации на тему «Словарный состав говора Полевского района Свердловской области».

Март 1953 – май 1953 гг.

Работа старшим преподавателем кафедры русского Хабаровского педагогического института.

Декабрь 1953 г.

Рождение сына Ивана.

1953 – 1962 гг.

Работа ассистентом и старшим преподавателем кафедры русского языка Уральского университета.

Октябрь 1955 г.

Рождение дочери Веры.

Декабрь 1958 г.

Вступление в КПСС.

1962 г.

Второе замужество.

1962 г.

Переезд по семейным обстоятельствам в г. Донецк и работа старшим преподавателем русского языка Донецкого университета.

Ноябрь 1962 г.

Рождение дочери Ольги.

1963 г.

Выход статьи «К вопросу о категории залога в современном русском языке».

1965 г.

Утверждение в ученом звании доцента кафедры русского языка, а затем общего языкознания Донецкого университета.

1968 г.

Выход методического пособия по спецсеминару «Системные отношения в лексике» (Донецк).

1968 — 1974 гг.

Возвращение в Свердловск. Работа доцентом кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета.

1969 г.

Выход в журнале «Русский язык за рубежом» № 1 статьи «О критериях выделения основного значения слова».

1974 г.

Становится организатором и заведующей кафедрой современного русского языка (на общественных началах).

1975 г.

Выход в журнале «Вопросы языкознания» № 5 статьи «Части речи и ЛСГ слов».

15 мая 1974 г.

Защита докторской диссертации на тему «Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов: К вопросу о природе ЛСГ слов».

1976 г.

Кафедра современного русского языка приобретает статус уставной кафедры филологического факультета Уральского университета.

1977 г.

Утверждена в звании профессора.

1980 г.

Выход учебного пособия «Русская лексика как система».

1982 г.

Выход учебника «Лексикология русского языка». М., 1982 (2-е изд., испр. и доп. М., 1989).

1982 г.

Выход статьи «Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов» (Пермь).

1985 г.

Выход статьи «Семантическая модель предложения с предикатами типа «считать» и способы ее реализации» (Пермь).

1988 г.

Выход Учебного словаря-справочника «ЛСГ русских глаголов» (Свердловск).

28 апреля 1988 г.

Смерть после тяжелой и продолжительной болезни. Кремация произведена в г. Свердловске. Прах захоронен на кладбище г. Полевского.

1989 г.

Выход коллективной монографии «Лексико-семантические группы русских глаголов», научным редактором которой была Э. В. Кузнецова (Иркутск).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФ. Э. В. КУЗНЕЦОВОЙ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И СЕМАНТИКИ

К вопросу о категории залога в современном русском языке // Лингвистический сб. Свердловск, 1963. Вып. 1. — Подп.: Глазырина Э. В.

Понятийное содержание слова и многозначность // Тез. докл. на науч. дискус. по проблеме «Язык и мышление». М., 1965.

Внешние и внутренние факторы развития лексики // Основные проблемы эволюции языка: Материалы всесоюз. конф. по общему языкознанию, 9—16 сент. 1966 г. Самарканд, 1966. Ч. 1.

Структурные методы анализа языка на семантическом уровне // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. Новосибирск, 1967.

О морфологических особенностях спрягаемых форм страдательного залога // Русский язык в школе. 1966. № 5.

О культуре речи лектора-пропагандиста. Донецк, 1967.

Методика выделения основного значения слова // Тез. докл. науч. конф. Донецкого ун-та. Харьков, 1967.

Полисемия и ее отношение к слову и понятию // Язык и мышление. М., 1967.

Инварианты и варианты в лексике // Актуальные проблемы лексикологии: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1967. Вып. 1.

Уроки семантического анализа слова // Проблемы изучения семантики языка. Днепропетровск, 1968. Ч. 1.

О критериях выделения основного значения слова // Русский язык за рубежом. 1969. № 1.

Грамматические классы и лексико-семантические группы слов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1974. Вып. 3.

Слово как элемент грамматических и лексико-семантических исследований // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1974.

Части речи и лексико-семантические группы слов // Вопросы языкознания. 1975. № 5.

Основные направления и проблемы русской лексикологии // Русский язык за рубежом. 1976. № 5.

Функциональная эквивалентность слов как форма проявления вариантных отношений в лексике // Многозначность и синонимия грамматических форм и синтаксических конструкций: Материалы межвуз. науч. конф. Ростов н/Д, 1981.

О содержании слова-ономатемы // Тез. докл. Всесоюз. конф. «Задачи изучения русской лексики и фразеологии в высшей и средней школе». Орел, 1982.

О статусах слова // Исследования по семантике. Уфа, 1983.

О двух типах парадигм // Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. конф. каф. рус. яз. вузов Урала, 2–5 февр. 1988. г. Свердловск, 1987.

Глагол и его има: их противоположность и единство // Номинативные единицы языка и их функционирование. Кемерово, 1987.

Элементы языковой игры в драматургическом тексте (по материалам пьес Г. Бокарева) // Живая речь уральского города. Свердловск, 1988.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛСГ

Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантических групп слов // Межвузовская конференция по порождающим грамматикам: Тез. докл. Тарту, 1967.

Методика выделения дифференциальных признаков одной лексико-семантической группы // Материалы науч. конф. посвященной 50-летию Великого Октября. Донецк, 1968. (на укр. языке).

Лексико-семантическая группа слов и методы ее описания // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. Новосибирск, 1969. Вып. 2, ч. 1.

Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантической группы слов // Проблемы моделирования языка, Тарту, 1969. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 228.)

Лексико-семантическая группа слов и методы ее описания // Актуальные проблемы лексикологии: Докл. 2-й лексикол. конф. Новосибирск, 1969.

Категория типичных идентификаторов как основа для выделения лексико-семантических групп (на материале глаголов русского языка) // Актуальные проблемы лексикологии: Докл. лингвист. конф. Томск, 1971. ч. 2.

Категория типичных идентификаторов как основа для выделения лексико-семантических групп (на материале глаголов русского языка) // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. 3-й лингвист. конф., 3–7 мая 1971 г. Новосибирск, 1971. ч. 1–2.

Словарные идентификаторы как элементы метаязыковых описаний // Семантические проблемы языков науки, терминологии, информатики: Материалы симпоз. М., 1971. ч. 1.

О путях выделения компонентов значения слов при описании лексико-семантических групп // Актуальные вопросы лексикологии и лексикографии: Материалы 9-й зон. конф. каф. рус. яз. вузов Урала. Пермь, 1972.

Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // Вопросы металингвистики. М., 1973.

Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов: К вопросу о природе лексико-семантических групп слов. Свердловск, 1974. (Докт. дис. защищена 15. 05. 1974 г. в Институте рус. яз. АН СССР).

Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов: Автореф. дис... д-ра филол. наук. Свердловск, 1974.

Формально-семантический анализ вариантов значения глагола БРАТЬ // Исследования по семантике. Уфа, 1975. Вып. 1.

Базовые глаголы как репрезентанты лексико-семантических слов // Сб. докл. 2 Симп. «Сравнительный анализ стенографических систем». Варна, 1976.

О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов // НДВШ: Филологические науки. 1978. № 2.

О принципах и методах выделения объема семантических классов русских глаголов // Классы слов и их взаимодействие: Сб. науч. тр. Свердловск, 1979.

Библиография советской литературы по лексико-семантическим группам глаголов // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979. — Подп.: Кузнецова Э. В., Лазарева Э. А.

Глагольные семантические группы и их функционирование: Материалы конф. / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1981. Деп. в ИНИОН АН СССР 02. 04. 81, № 7332.

Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов // Русский язык за рубежом. 1982. № 4. Подп.: Боровикова Н. А., Кузнецова Э. В.

Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982.

Библиография советской литературы по лексико-семантическим группам глаголов (Словообразование) // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. Подп.: Денкс Е. Н., Кузнецова Э. В.

Семантические группы русских глаголов в практике преподавания русского языка (парадигматический аспект) // Вопросы методики преподавания русского языка иностранцам. Л., 1983. Вып. 3.

О двух типах глагольных значений: К вопросу о характере обобщенности семантики глаголов // Глагол в семантическом аспекте: Сб. Свердловск, 1983. Деп. в ИНИОН АН СССР 08. 12. 83, № 14615.

Глагольная антонимия как проявление системных отношений в лексике // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984. Подп.: Кузнецова Э. В., Кусова М. Л.

Семантические группы русских глаголов в практике преподавания русского языка студентам-филологам // Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов. М., 1984.

Библиография советской литературы по лексико-семантическим группам глаголов (многозначность глагольного слова) // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984. Подп.: Денкс Е. Н., Кузнецова Э. В.

Имя и глагол: диалектика их взаимоотношений // Семантические категории языка и методы их изучения. Уфа, 1985.

Два типа глагольных значений // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985.

Библиография советской литературы по лексико-семантическим группам глаголов (синонимия и антонимия, омонимия и конверсия) // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986. Подп.: Денкс Е. Н., Кузнецова Э. В.

Типы парадигм глаголов «приобщения объекта» // Парадигма в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987.

Лексико-семантические группы русских глаголов как объект системно-семасиологических исследований // Русское языкознание. Киев, 1987. Вып. 15.

Функциональная эквивалентность глаголов в ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск, 1989. Подп.: Кузнецова Э. В., Боровикова Н. А.

ВОПРОСЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И ГЛАГОЛЬНОЙ СИНТАГМАТИКИ

О лексической синонимии в контексте предложения // Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974.

Глаголы-предикаты, функционирующие во фразах однотипной семантики // Материалы по теоретическим проблемам синтаксиса, 2—5 марта 1975 г. Пермь, 1975. ч. 2.

Средства передачи информации о ситуации «приобщения объекта» во фразах, лишенных предикатов соответствующей семантики // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976.

О пересекающемся характере лексико-семантических групп слов // Семантика и структура предложения: Лексическая и синтаксическая семантика. Уфа, 1978.

О некоторых особенностях глагольного словоупотребления в текстах В. М. Шукшина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980. Вып. 9.

Предложения, передающие ситуацию неадресованной речевой информации в тексте // Исследования по семантике. Уфа. 1981. — Подп.: Бабенко Л. Г., Кузнецова Э. В.

Об изоморфизме внешней и внутренней валентности глаголов // Синтаксические отношения в предложении и тексте. Иваново, 1984. — Подп.: Кузнецова Э. В., Сивкова Т. Н.

Лексико-семантические группы русских глаголов и семантические модели предложений // Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии: Тез. докл. сообщ. 20-й зон. конф. каф. рус. яз. вузов Урала, 15—17 мая 1984 г. Свердловск, 1984.

Лексико-семантические связи однородных глагольных сказуемых // Исследования по семантике: Семантические аспекты синтаксиса: Межвуз.

сб. науч. тр. Уфа, 1985. — Подп.: Кузнецова Э. В., Нуждова В. М.

Семантическая модель предложения с предикатами типа «считать» и способы ее реализации // Деривация и история языка. Пермь, 1985.

Незамещенные синтаксические позиции в глагольных предложениях // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл: Тез. краев. науч. конф., 30 сент. — 2 окт. 1986. Красноярск, 1986.

Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложений // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986.

Незамещенные синтаксические позиции в глагольных предложениях // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986.

Глаголы со специализированными субъектными семами // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка. Курск, 1986. — Подп.: Кузнецова Э. В., Михайлова О. А.

Глаголы с включенными актантами // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987. — Подп.: Кузнецова Э. В., Михайлова О. А.

Особенности реализации модели предложений с глагольными предикатами типа «считать» // Классы слов в синтагматическом аспекте: Сб. науч. тр. Свердловск, 1988.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Словарный состав говора Полевского района Свердловской области: Дис.... канд. филол. наук. М., 1952. — Подп.: Глазырина Э. В.

Словарный состав говора Полевского района Свердловской области: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1952. — Подп.: Глазырина Э. В.

К вопросу о специфике словарного состава русских народных говоров. Свердловск, 1958. (Учен. зап. / Урал. гос. ун-т; Вып. 2: Языкознание). — Подп.: Глазырина Э. В.

О структуре словарной статьи в областном словаре. Свердловск, 1960. (Учен. зап. / Урал. гос. ун-т; Вып. 3: Языкознание). — Подп.: Глазырина Э. В.

Возвратные глаголы в русских говорах Среднего Урала // Лингвист. сб. Свердловск, 1963. Вып. 1. — Подп.: Глазырина Э. В.

Словарь русских говоров Среднего Урала / Автор-сост. разд. «Глагольная лексика» Э. В. Глазырина. Свердловск, 1964. Т. 1.

Словарь русских говоров Среднего Урала / Автор-сост. разд. «Глагольная лексика» Э. В. Глазырина. Свердловск, 1971. Т. 2.

Лексико-семантические типы русских глаголов как объект учебной лексикографии // 3-й междунар. конгресс преп. рус. яз. и лит., 23—28 авг. 1976 г.: Тез. докл. и сообщ. Варшава, 1976.

Об учебном словаре семантических групп русских глаголов // Научно-методические основы составления словарей русского языка для нерусских и проблемы обучения лексикологии: Тез. докл. М., 1976.

Опыт семантической классификации русских глаголов: Обзор / Руководитель работы Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1980.

Опыт семантической классификации русских глаголов: Обзор лексико-семантических групп глаголов русского языка / Сост. и руководитель работы Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1982. Деп. в ИНИОН АН СССР 16.02. 83, № 12305.

Опыт учебного идеографического словаря глаголов одной ЛСГ (глаголы приобщения объекта) // Лингвометодические основы преподавания русского языка как иностранного на старших курсах. Свердловск, 1983.

Лексико-семантические группы русских глаголов как объект системно-семасиологических исследований // Русское языкознание. Киев, 1987, № 5. С. 102.

Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник / Науч. руководитель Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1988.

К проблеме семантических базовых единиц в словаре семантических классов русских глаголов // Словарные категории. М., 1988.

СБОРНИКИ, МОНОГРАФИИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. В. КУЗНЕЦОВОЙ

Семантические классы русских глаголов: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Э. В. Кузнецова и др. Свердловск, 1982.

Лингвометодические основы преподавания русского языка как иностранного на старших курсах: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1983.

Проблемы глагольной семантики: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1984.

Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии: Тез. докл. и сообщ. 20 зон. конф. каф. рус. яз. вузов Урала, 15–17 мая 1984 г. / Отв. ред. Э. В. Кузнецова; Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1984.

Бабенко Л. Г. Обозначение эмоций в языке и речи (на материале глагольной лексики в художественном тексте): Учеб. пособие / Науч. ред. Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1986.

Лексическая и грамматическая семантика: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Э. В. Кузнецова и др. Новосибирск, 1986.

Классы глаголов в функциональном аспекте: Сб. науч. тр. / Редкол.: Э. В. Кузнецова и др. Свердловск, 1986.

Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке: Учеб. пособие / Науч. ред. Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1986.

Типы языковых парадигм // Тез. докл. и сообщ. зон. конф. каф. рус.

яз. вузов Урала 2–5 февр. 1988 г. / Редкол.: Э. В. Кузнецова и др. Свердловск, 1987.

Учебная лексикография и учебная грамматика // Тез. докл. и сообщ. науч. конф., 21–22 апреля 1987 г. / Редкол.: Э. В. Кузнецова и др. Свердловск, 1987.

Купина Н. А. Лирика раннего Маяковского: Лингвистический анализ: учеб. пособие по спецсеминару / Науч. ред. Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1988.

Исследования по семантике: межвуз. науч. сб. / Редкол.: Э. В. Кузнецова и др. Уфа, 1988.

Живая речь уральского города: Сб. науч. тр. / Редкол.: Э. В. Кузнецова и др. Свердловск, 1988.

Классы слов в семантическом аспекте: Сб. науч. тр. / Редкол.: Э. В. Кузнецова и др. Свердловск, 1988.

Введение // Лексико-семантические группы русских глаголов: Коллективная монография. Иркутск, 1989.

Заключение // Лексико-семантические группы русских глаголов: Коллективная монография. Иркутск, 1989.

Лексико-семантические группы русских глаголов: Коллективная монография / Под ред. Э. В. Кузнецовой. Иркутск, 1989.

Исследования по семантике: Межвуз. науч. сб. / Редкол.: Э. В. Кузнецова и др. Уфа, 1989.

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке: Монография / Науч. ред. Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1989.

УЧЕБНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Методические указания и материалы к спецсеминару «Системные отношения в лексике». Донецк, 1968.

Место лабораторных работ в системе практических занятий по лексикологии // Материала всесоз. совещ. по рус. яз. Уфа, 1979.

Русская лексика как система: Учеб. пособие. Свердловск, 1980.

Основные типы анализа: Программа и метод. указания к практ. занятиям по фонетике соврем. рус. яз. Свердловск, 1980.

Тезаурус по курсу «Современный русский язык» / Сост. разд. «Лексикология» Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1981.

Лексикология русского языка: Учеб. пособие. М., 1982.

Методические указания к спецсеминару «Актуальные проблемы изучения слова». Свердловск, 1982.

Язык в свете системного подхода: Учеб. пособие. Свердловск, 1983.

Лексикология: Метод. указания к контрольной работе № 3: Для студентов заочного отделения филологического факультета. Свердловск, 1983. — Подп.: Кузнецова Э. В., Вепрева И. Т.

Фонетика, орфоэпия, графика, орфография: Программа и метод. указания к контрольным работам № 1 и № 2 по соврем. рус. яз.: Для студентов 2-го курса филологического факультета заочного отделения. Свердловск, 1983. — Подп.: Кузнецова Э. В., Жданова О. П.

Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложения // Метод. указания к спецсеминарам каф. соврем. рус. яз. Свердловск, 1985.

Программа и методические указания к семинарским занятиям по лексикологии современного русского языка. Свердловск, 1987.

Лексикология русского языка: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.

ДИССЕРТАЦИИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ Э. В. КУЗНЕЦОВОЙ

Майданова Л. М. Номинативные варианты обозначения реалий в конкретной лексике русских говоров Среднего Урала. Новосибирск, 1974.

Вепрева И. Т. Формально-семантические связи приставочных глаголов, образованных от семантически тождественных корней. Томск, 1979.

Матвеева Т. В. Семантические основания экспрессивности глагола. Свердловск, 1980.

Бабенко Л. Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности: На материале художественной речи А. Платонова. Ростов н/Д., 1980.

Клеопатрова Л. Ф. Лексико-семантическая группа глаголов разъединения в современном русском языке. Воронеж, 1981.

Лазарева Э. А. Существительные со значением «орудие воздействия на объект» и их связи с глаголами. Свердловск, 1982.

Жданова О. П. Лексико-семантические особенности группы глаголов поведения. Воронеж, 1983.

Боровикова Н. А. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов. Свердловск, 1985.

Михайлова О. А. Глаголы со специализированными предметно-субъектными семами в современном русском языке. Свердловск, 1985.

Сивкова Т. Н. Внутренняя и внешняя валентность глагола КРЫТЬ и его приставочных производных. Свердловск. 1986.

Кусова М. Л. Отрицательная глагольная антонимия в функционально-семантическом аспекте. Свердловск. 1987.

Волчкова И. М. Функции возвратного местоимения СЕБЯ в приглагольной позиции. Свердловск, 1988.

Плотникова Е. И. Предложения с семантикой однонаправленного перемещения, удаления и достижения (парадигматическое описание). Свердловск, 1989.

Соболева Е. Г. Лексико-семантическая репрезентация семантической модели глагольных предложений со значением позволения. Свердловск, 1990.

Андреева Т. Я. Предложения с предикатом VзрI при незамещенной и нулевой позициях субъекта (вопросы семантики и статистики). Свердловск, 1990.

Ларионова А. Ю. Субъектно-объектная семантика отглагольных прилагательных на *-ный* и *-чий* в аспекте семантической соотносительности с базовыми глаголами. Свердловск, 1991.

Руженцева Н. Б. Смысл «созидания»: Словарное и текстовое представление. Свердловск, 1991.

Библиографический указатель подготовлен кафедрой современного русского языка УрГУ. Составитель: И. М. Волчкова.

Russian Verbal Lexis: Paradigmatic Intersection.
In Memory of Era Vasilyevna Kuznetsova.
Collective Monograph Edited by Babenko L.G.
Ekaterinburg, 1997. 518 pp.

The monograph is focused on topical problems of contemporary Russian linguistics undertaken in studies of Prof. Era Vasilyevna Kuznetsova. In particular, her scientific interests referred to questions of intersection of Lexical-and-Semantic, formal and grammatical, lexical and grammatical, and derivative classes of Russian verbs, which underlie the subjects of studies in this memoir. Special attention is paid to the abstract, socially generalized, and specific Russian verbs, as well as the verbs of complex action (with implicit and combined proposition), verbs with implicit frame of actants, verbal antonyms, and analytical verbs (verbal interjections). Separate researches are carried on usage of verbs and their syntax derivatives in specific fields of knowledge. The monograph has been written by colleagues and students of Era V. Kuznetsova, whose memoirs are collected in the biographical section of this work. It also contains curriculum vitae of the prominent linguist, and bibliographical index of her scientific works.

The collection is intended for researchers in the field of linguistics, lecturers of contemporary Russian language, and students of linguistics and literature.

ИБ № 925

Макет И. А. Боголюбова
Оформление обложки С. В. Гусева

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 0257 от 22.11.96.
Подписано в печать 20.01.97. Бумага писчая.
Гарнитура Peterburg + Courier. Печать офсетная. Формат 64x84/16.
Уч.-изд. л. 32,6. Тираж 500 экз.

Издательство Уральского университета.
620219 Екатеринбург, пр. Ленина, 13-б.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии УрО РАН.
Заказ

